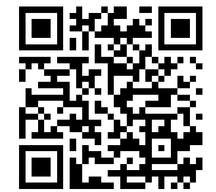
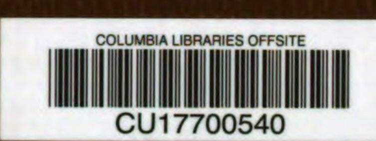
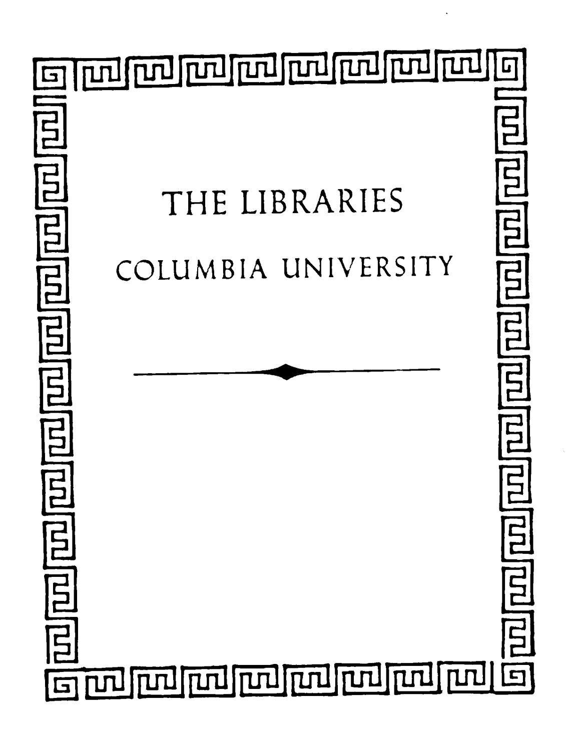

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

ХРИСТІАНСКОЕ

ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ II.

САНКПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1835.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Іюня 25 дня, 1854 года.

Ценсоръ ***Архимандритъ Кириллъ.***

ПОУЧЕНІЕ

Преосвященнѣйшаго Елпидифора, епископа вятскаго и слободскаго,

ПРИ СЛУЖЕНІИ ВЪ ОДНОМЪ ГОРОДСКОМЪ, ВЕСЬМА МАЛОМЪ И СКУДНОМЪ, ХРАМѢ ВО ИМЯ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА.

Блажени нищіи духомъ (Лук. 6, 20).

Мы вообще очень не любимъ нищеты и стараемся избѣгать ея, какъ великаго зла. Но есть, какъ слышали мы въ чтенномъ нынѣ Евангеліи, есть нищета, ублажаемая Евангеліемъ и доставляющая блаженство, которую посему мы должны любить и стяжевать. И въ празднуемомъ нынѣ святителѣ и чудотворцѣ Николаѣ, между различными, которыми онъ украшался, добродѣтелями, св. Церковь прославляетъ и нищету его: *стяжалъ еси,* поетъ ему Церковь, *смиреніемъ высокая и нищетою богатая.* Что же сказать о видимомъ убожествѣ храма сего и такой скудости во всѣхъ потребностяхъ и принадлежностяхъ его? Скорбѣть или радоваться объ этомъ?

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, основывая Церковь свою на землѣ, обѣщалъ ей въ достояніе не богатство и славу, а бѣдствія и уничиженіе; и всѣмъ послѣдователямъ своимъ завѣщалъ не обиліе благъ земныхъ и наслажденія, а различныя лишенія, скорби и напасти. Онъ самъ чрезъ крестъ восшелъ на небо: и для насъ всѣхъ не иной есть путь къ славѣ и блаженству

*

небесному, какъ такой же путь крестный. Крестомъ утвердилась на землѣ Церковь и распространилась во всѣ концы вселенной: по сему-то и нынѣ крестъ полагается всегда въ основаніе, и крестомъ вѣнчаются всѣ, вновь сооружаемые, храмы наши. Когда же таково основаніе и вѣнецъ всего христіанства, Вѣры и Церкви христіанской: то должно ли скорбѣть и болѣзновать, когда видимъ, что сей или другой какой-либо храмъ христіанскій находится въ такомъ убожествѣ и нищетѣ? Подъ нимъ, въ немъ и на немъ есть крестъ Христовъ: значитъ, онъ обладаетъ уже всѣмъ главнымъ своимъ сокровищемъ. И храмы первенствующихъ временъ христіанства не отличались обширностію, красотою и богатствомъ. Какая нибудь пещера или хижина свободная: въ ней и собирались вѣрующіе на молитву и славословіе Господа. Но слава тѣхъ малыхъ и убогихъ храмовъ сохранялась, сохраняется и будетъ сохраняться во всѣ вѣки и во всѣхъ концахъ міра. Что же составляло такую ихъ славу и величіе, при такомъ видимомъ ихъ убожествѣ и нищетѣ? Это—обиліе даровъ духовныхъ, величіе и красота различныхъ добродѣтелей въ тѣхъ лицахъ, кои служили и молились въ оныхъ храмахъ.

Да, братіе, главнѣйшее богатство и украшеніе каждаго христіанина должны составлять твердая и живая вѣра, искренняя и дѣятельная любовь къ Богу и ближнимъ, кротость, смиреніе, терпѣніе, послушаніе, воздержаніе, цѣломудріе, непамятозлобіе, благожелательность и благотворительность ко всѣмъ и другія христіанскія добродѣтели; а первѣйшимъ украшеніемъ и славою храмовъ должны быть сами предстоящіе и молящіеся въ нихъ,—ихъ усердіе и внимательность къ

молитвѣ, вѣрность и точность въ исполненіи всѣхъ правилъ и установленій церковныхъ, чистота сердца, благоговѣніе и умиленіе при совершаемыхъ священнодѣйствіяхъ. Если бы все это внутреннее, духовное богатство было въ насъ: то и въ убогомъ храмѣ можно было бы непостыдно и съ радостію возносить свои молитвы и моленія; и храмъ тотъ не уступилъ бы въ славѣ великолѣпнѣйшему храму Соломонову; Ангелы небесные витали бы въ немъ и надъ нимъ. Дай Богъ, чтобы все это было на самомъ дѣлѣ въ отношеніи къ сему, такъ не богатому по внѣшности, храму!

Но, братіе мои, и внѣшнее благоустройство и благолѣпіе храмовъ ничуть не несовмѣстно съ оною внутреннею ихъ славою и красотою. Напротивъ, когда въ христіанахъ много вѣры и любви, много усердія и благоговѣнія къ Богу: они не потерпятъ, чтобы домъ Божій былъ хуже ихъ собственныхъ жилищъ. Примѣръ этому — царь Давидъ: сей боголюбивый мужъ по сердцу Божію не хотѣлъ жить самъ въ кедровомъ домѣ, когда скинія Божія оставалась подъ кожаными покровами. Въ храмѣ убогомъ душа какъ-то смущается и сердце поникаетъ долу при видѣ скудости и бѣдности во всемъ: а въ храмѣ величественномъ и благолѣпномъ, напротивъ, душа невольно какбы разширяется и восторгается, и сердце стремится въ высоту —къ Богу.

Малы и бѣдны были храмы первыхъ вѣковъ христіанства: но этому причиною—тѣсныя обстоятельства того времени. Нынѣ, напротивъ, все способствуетъ, все побуждаетъ къ тому, чтобы храмы святые были наилучшими зданіями посредѣ жилищъ нашихъ. Недостаетъ развѣ къ этому одного нашего усердія. При-

помните евангельское сказаніе о женѣ вдовицѣ, ввергшей двѣ лепты свои въ церковную сокровищницу. Многіе и по многу влагали въ оную: но Господь особенно похвалилъ эту бѣдную вдовицу, положившую ничтожныя двѣ монеты. За что же это? За то, что она принесла въ жертву храма все, что сама имѣла. Глубоко да запечатлѣемъ это въ сердцахъ своихъ! По нашему, какъ можно отдать все на церковь? Съ чѣмъ же самому остаться, чѣмъ своимъ нуждамъ удовлетворять? Но не такъ разсуждала и поступила бѣдная вдовица; не такого сужденія и расчетливости требуетъ отъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Вдовица принесла ко храму все, что имѣла, не оставивъ для себя ничего: и Господь особенно похвалилъ такое ея самоотверженіе, такую полную жертву. Не научаетъ ли этимъ Господь и насъ жертвовать всѣмъ, ничего не жалѣть для благоустроенія и благоукрашенія храмовъ Его? Еслибъ мы и всѣ свои стяжанія принесли ко храму, когда потребовала бы этого особенная нужда храма, но такая нужда нынѣ и не представляется: то не бойтесь отъ сего потери или опасности какой-либо для себя въ потребностяхъ житейскихъ. *Рука дающаго*, по свидѣтельству слова Божія, никогда *не оскудѣетъ*. Что отъ чистаго и полнаго усердія принесешь Богу, за то получишь отъ Него сторицею. Онъ знаетъ и можетъ, чѣмъ и какъ вознаградить насъ за наши Ему жертвы.

Итакъ, братіе, будемъ всегда заботиться наипаче о благоукрашеніи собственныхъ храмовъ душъ нашихъ различными добродѣтелями христіанскими, и такимъ образомъ самими собою составлять богатство и украшеніе видимыхъ вещественныхъ храмовъ нашихъ. Но

не будемъ и сихъ самыхъ храмовъ оставлять въ пренебреженіи и забвеніи; напротивъ, всеусердно да печемся и о внѣшнемъ ихъ благоустройствѣ и благолѣпіи, чтобы они были достойными селеніями Вышняго и свидѣтельствовали о нашемъ живомъ и полномъ усердіи и благоговѣніи къ Богу. Аминь.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

НА ВОЛЫНИ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТЪ НАЧАЛА УНІИ ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ КЪ РОССІИ ВОЛЫНИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЫНѢШНЮЮ ВОЛЫНСКУЮ ЕПАРХІЮ (1590 — 1793).

I.

ВНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ концѣ XVI столѣтія на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III (1587—1632). Іезуиты, подъ покровительствомъ короля, всецѣло имъ преданнаго, начали дѣйствовать рѣшительнѣе. Первымъ дѣломъ ихъ было захватить въ свои руки воспитаніе юношества,— и это, какъ нельзя лучше, вело ихъ къ цѣли: обольщая родителей успѣхами дѣтей, іезуиты хитро увлекали сердца своихъ питомцевъ, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ увеличивалось число отступниковъ отъ древней вѣры предковъ ([370]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, ([371]) разными льстивыми обѣщаніями и коварными совѣтами іезуиты старались привлекать на свою сторону тѣхъ изъ православныхъ жителей Волыни, которые

([370]) Кіевл. 1841 г. «Луцкъ», стр. 53.

([371]) См. Волынск. Записки Руссова, прим. къ гл. XI Ист. Уніи Б. Каменскаго, стр. 13—26.

могли имѣть особенное вліяніе на народъ ([372]). Многіе отвергли предложенія хитрыхъ іезуитовъ, а нѣкоторые, по различнымъ побужденіямъ, склонились на ихъ сторону: въ числѣ послѣднихъ былъ луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, первый зачинщикъ уніи на Волыни ([373]). Убѣжденія іезуитовъ тѣмъ удобнѣе могли дѣйствовать на Кирилла, что различныя, даже уголовныя преступленія, явно ему приписываемыя, заставляли его опасаться за собственную безопасность и благоденствіе, а онъ былъ человѣкъ, въ которомъ любовь къ благамъ міра сего превышала всѣ другія чувства ([374]) Сперва митрополиту, а потомъ епископу владимірскому Мелетію Хребтовичу Богуринскому поручено было (патріархомъ Іеремією) соборно разсмотрѣть поступки Кирилла и произнести надъ нимъ судъ: происки и козни подсудимаго не допустили быть собору ([375]). Въ 1590 г. Мелетій скончался, а по смерти его владиміро-брестская епархія сдѣлалась «первымъ мѣстомъ отступничества отъ православія». Кириллъ, какъ человѣкъ неученый, потерявшій довѣренность въ народѣ, мало могъ надѣяться на себя въ дѣлѣ введенія уніи: и потому убѣдилъ митрополита (Михаила Рагозу)

([372]) Ист. Уніи Б. К. стр. 31—33.

([373]) О началѣ и введеніи уніи см. Густ. Лѣт. 369—373; у Георгія Конискаго; въ Ист. Малор. Марк. I, 78—83; въ Оп. К. С. 124—144; въ Ист. Р. Ц. IV, 93—102. Мы представимъ обстоятельства, сопровождавшія это событіе, какъ болѣе или менѣе извѣстныя, въ самыхъ краткихъ чертахъ.

([374]) См. Выписку Лосицкаго въ Оп. К. Соб., стр. 124.

([375]) Патріаршая грамота, уполномочивавшая митрополита созвать соборъ, отнята у посла патріаршаго слугами Кирилла на дорогѣ; грамота Мелетію тайно похищена у него самимъ Кирилломъ (Оп. К. С. стр. 125—126).

посвятить на праздную епископскую каѳедру владимірскую Ипатія Поцѣя, который извѣстенъ былъ своею образованностію и въ преданности котораго Риму Кириллъ не сомнѣвался. Пріобрѣвъ, такимъ образомъ, вѣрнаго союзника, Кириллъ смѣлѣе началъ дѣйствовать для собственнаго возвышенія и для папы,—и, прежде всего, старался сѣять между православными, особенно епископами, недовѣрчивость къ патріарху. Ипатій, съ перваго года вступленія своего на владимірскую каѳедру, началъ дѣйствовать для уніи: на брестскомъ соборѣ (1590 г.), вмѣстѣ съ Кирилломъ, предложилъ онъ православнымъ «яко мы Русь вѣры греческой и церкви наша многія пакости отъ Ляховъ поносятъ; нынѣ убо мы умыслихомъ просити короля и всего сената, дабы насъ оставили при вольностяхъ по правамъ нашимъ», и проч. ([376]). Эта хитрая выдумка доставила имъ подписи (на чистыхъ листахъ) всѣхъ православныхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, чѣмъ они коварно воспользовались впослѣдствіи. Послѣ этого собора Кириллъ и Ипатій согласились объѣздить не только волынскіе, но и всѣ польскіе и литовскіе города, и брали съ духовенства и русской шляхты подписки на принятіе уніи ([377]), сообразно постановленію флорентинскаго собора. Послѣ такихъ приготовленій Ипатій созвалъ новый соборъ въ Львовѣ (1593 г.) и предложилъ присутствовавшимъ на соборѣ о введеніи уніи; но предложеніе это не было принято. Потомъ въ Луцкѣ

([376]) Слова русск. хронографа въ Оп. К. Соб., стр. 129.
([377]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ и уніатскіе историки (см. въ Оп. К. С., стр. 129).

созвалъ онъ множество князей и дворянъ, и различными обольстительнными рѣчами старался преклонить ихъ къ уніи ([378]): и эта попытка оставалась, однакожъ, тщетною.

Вѣсть о дѣйствіяхъ Ипатія и Кирилла скоро дошла до патріарха: Іеремія прислалъ окружную грамоту, и грозилъ отлученіемъ отъ Церкви всякому, кто измѣнитъ православію. Но Сигизмундъ III, ревностно старавшійся покорить русскія церкви папѣ, далъ епископамъ привиллегію за себя и за своихъ преемниковъ, что «если бы патріархомъ и самимъ митрополитомъ по какой-нибудь причинѣ изречена была на нихъ клятва,—то она не дѣйствительна ([379])». Ободренные содѣйствіемъ короля, поборники уніи опять созвали соборъ въ Брестѣ, гдѣ, послѣ жаркихъ споровъ о преимуществахъ уніатскихъ пастырей, 1594 года Декабря 2 написано опредѣленіе о принятіи уніи. Ипатію и Кириллу поручено было представить опредѣленіе собора королю и папѣ.

Еще не успѣли посланные возвратиться изъ Рима, какъ негодованіе противъ уніи разлилось вездѣ, — и между духовными, и между свѣтскими: народъ проклиналъ отступниковъ; духовные и знаменитые люди свѣтскіе протестовали противъ уніи. Львовскій епископъ Гедеонъ (1596 г. Іюля 1) во Владимірѣ Волынскомъ, при собраніи многихъ знатныхъ людей, представилъ письменный протестъ съ жалобою, что посланные депутаты, безъ вѣдома и согласія прочихъ

([378]) Тамъ же, стр. 130.
([379]) Оп. К. Соб., стр. 130.

духовныхъ властей и народа, отступили отъ константинопольскаго престола, коварно подчинили многія паствы православныя папѣ и приняли все римское исповѣданіе, оставивъ только для виду греческіе обряды. Князь Острожскій также письменно (1596 г. Іюля 25) протестовалъ, что онъ не пріемлетъ уніи и отвергаетъ ее (380). Между тѣмъ, въ Римѣ Ипатій и Кириллъ приняли все, что «опредѣлено тридентскимъ соборомъ, сверхъ содержащагося въ никео-константинопольскомъ сνмволѣ», и оба дали присягу за себя и за прочихъ епископовъ. Климентъ VIII радовался и торжествовалъ, видя рускихъ епископовъ волынскихъ, повергающихся предъ нимъ на землю и лобызающихъ его ногу (381).

По возвращеніи изъ Рима, отступники увидѣли всеобщее волненіе и сильнѣйшее негодованіе противъ уніи. Поцѣй, по словамъ его жизнеописателя (382), «замѣтилъ даже въ митрополитѣ Рагозѣ немного бдительности и заботы объ уніи; а въ Константинѣ, князѣ Острожскомъ, и епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ увидѣлъ сильное упорство и заговоръ противъ уніи, въ народѣ же волненіе». Уніаты увидѣли необходимость объявить всенародно утвержденную уже папою унію; назначенъ былъ сеймъ въ Брестѣ, куда прибыли приверженцы уніи и многіе православные. Ревностнѣйшимъ противникомъ уніи явился здѣсь князь Константинъ Константиновичъ Острожскій; торжественно—предъ соборомъ защищалъ онъ (вмѣстѣ съ православнымъ духовен-

---

(380) Ист. Уніи, стр. 50 — 51; Ист. Р. Ц. IV, 101; Оп. К. Соб., стр. 140 — 141.

(381) Ист. Р. Ц. IV, стр. 99.

(382) Льва Кишки—въ Оп. Кіев. Соб., стр. 140; въ Ист. Р. Ц. IV, 101.

ствомъ) догматы православія противъ отступниковъ — митрополита Рагозы и епископовъ Поцѣя и Терлецкаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угожденіе Сигизмунду III, замыслили соединиться съ римскою церковію. Голосъ благочестиваго князя, изъ племени св. Владиміра, былъ опасенъ для Рагозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для Сигизмунда. Король приказалъ князю Острожскому выѣхать изъ Бреста: волынскій воевода повиновался, но остался непримиримымъ врагомъ уніи ([383]). Дѣла собора кончились тѣмъ, что 9 Октября въ прав. церкви св. Николая съ амвона прочтены были уніатами папская булла и актъ соединенія, подписанный митрополитомъ и другими. Православные, отринутые уніатами, открыли

([383]) Склоняя народъ къ принятію уніи, іезуиты и вообще ксёндзы польскіе старались увѣрить всѣхъ, будто римскій законъ былъ искони господствующимъ на Волыни и во всѣхъ западно-русскихъ земляхъ, и будто послѣдователи восточной Церкви въ Литвѣ были только «otszczepiency od wiary iednosci i posluszenstwa Sw. Kosciola Rzymskiego». Они не совѣстились утверждать, будто и всѣ князья Острожскіе были первоначально католики, будто и самъ гетманъ литовскій Константинъ Ивановичъ Острожскій родился въ римско-католическомъ вѣроисповѣданіи; даже имя ревностнѣйшаго поборника православія Константина—Василія Константиновича старались употребить для достиженія своей цѣли, распространяя въ народѣ пущенную іезуитомъ Поссевиномъ молву, будто этотъ князь убѣдительно упрашивалъ его—ходатайствовать у папы о соединеніи западно-русской церкви съ римскою и часто сносился объ этомъ съ Поцѣемъ!.. (См. Kor. Polsk. Нѣсецкаго, III, 516; Gen. Ostr. XX, 114 — 116; Facies Rerum Sarmaticarum Нарамовскаго, lib. I, cap. XV, pag. 287). Острожскій точно желалъ мира съ Римомъ, чтобы сколько нибудь облегчить участь православія; но онъ вовсе не желалъ той уніи, которую вводилъ Поцѣй. Послѣднее показываютъ письма его къ Поцѣю, писан. 1595 г. Март. 21 и 25, Іюня 16 окружное увѣщаніе (изд. въ Острогѣ 1595 г.), окружная грамота 1596 г. (см. Ист. Малор. Марк. III, 3).

новый соборъ, на которомъ опредѣлили: а) не слушать ни въ чемъ митрополита и прочихъ епископовъ отступниковъ, а считать ихъ лишенными власти; б) не предпринимать ничего въ отношеніи къ вѣрѣ безъ константинопольскаго патріарха.

Такъ началась унія, въ продолженіи почти двухъ столѣтій служившая источникомъ тяжкихъ бѣдствій и страданій не для одной Волыни!

Дѣйствуя именемъ короля и закона, поборники унія въ разныхъ областяхъ Волыни производили притѣсненія и насилія. Ипатій Поцѣй, съ вооруженными людьми, нападалъ на православныя церкви, собственноручно разрывалъ св. антиминсы, напрестольныя одежды, остригалъ священникамъ бороды и головы и запрещалъ имъ священнодѣйствовать ([384]). Маршалъ короннаго трибунала, староста галицкій, Іосифъ Потоцкій каждому изъ своихъ крестьянъ, отказывавшемуся отъ принятія уніи, приказалъ платить штрафъ—«100 гривенъ кромѣ великаго тѣлеснаго наказанія» ([385]). Подобныя гоненія и насилія заставили православныхъ Волыни, на основаніи многихъ привиллегій ([386]), прибѣгнуть къ правосудію и защитѣ польскихъ королей. Между тѣмъ, въ 1597 году отъ 4 Октября и 4 Апрѣля присланы

([384]) Эти дѣйствія Ипатія записаны въ городскихъ актахъ владимірскаго уѣзднаго суда 1593 г. Авг. 10; здѣсь же можно встрѣтить много подобныхъ памятниковъ насильнаго обращенія прав. церквей въ унію Ипатіемъ и подобными ему.

([385]) Въ архивѣ владимірской Васильевской церкви есть актъ, составленный 1700 г. Авг. 29. Въ немъ описаны всѣ ухищренія, насилія и денежные штрафы, наложенные Потоцкимъ на тѣхъ, кто отказывался отъ принятія уніи.

([386]) Эти привиллегіи перечисляются въ Ист. Уніи Б. К. стр. 60—65.

были грамоты Мелетія, патр. александрійскаго и константинопольскаго, къ князю Острожскому, коими дано право епископу Гедеону Балабану (нареченному тогда патріаршему экзарху прав. митрополіи кіевской) «на мѣсто митрополита и епископовъ, принявшихъ унію, поставить новыхъ и весь правосл. чинъ церковный устроить ([387])». Ни эти грамоты, ни права, данныя прежними королями, ни просьбы православныхъ Сигизмундомъ III не уважены: напротивъ, король употребилъ всѣ мѣры къ защитѣ отступниковъ; издалъ повелѣніе не впускать въ предѣлы его государства пословъ константинопольскаго патріарха и запретилъ строить православные храмы ([388]). Вскорѣ начались открытые грабежи и насилія: польскія войска, по повелѣнію короля и магнатовъ, принуждали народъ преклонять колѣна въ храмѣ и бить себя въ грудь по обычаю латинскому, читать символъ вѣры съ прибавленіемъ—*и Сына*, угрожая рубить саблями неповиновавшихся ([389]).

Усматривая въ князьяхъ Острожскихъ могущественное противодѣйствіе уніи и ясно сознавая силу вліянія ихъ на народъ, іезуиты употребляли всѣ усилія — обратить въ унію этихъ непоколебимыхъ поборниковъ православія. Второй сынъ Константина Константиновича Янушъ отправленъ былъ отцемъ ко двору нѣмецкаго императора Максимиліана II для изученія ратнаго искусства. Тамъ іезуиты опутали его своею сѣтью и

([387]) Оп. Кіев. Соб., стр. 144—145.

([388]) См. Грам. Сигизмунда отъ 22 Мая 1596 года въ Собр. Виленск. Грам. II, № 13.

([389]) Ист. Р. Ц. IV, 105; Ист. Малор. Марк. I, 84.

расположили къ римской вѣрѣ. Дѣйствуя потомъ чрезъ короля, осыпавшаго наградами и почестями Януша, и при посредствѣ молодой жены его, они довершили свое торжество: Янушъ сдѣлался папистомъ,—и столько же усерднымъ къ своему новому вѣроисповѣданію, сколько прежде преданъ былъ православію ([390]). Гораздо менѣе имѣли успѣха ученики Лойолы въ своемъ покушеніи — отвлечь отъ православія старшаго сына воеводы Константина, который увлекся-было льстивыми рѣчами іезуитовъ, но вскорѣ прогналъ ихъ отъ себя и сохранилъ въ чистотѣ вѣру отцевъ своихъ ([391]). Младшій сынъ Константина—Василія Александръ былъ отрадою престарѣлаго отца. Онъ не внималъ ни безотвязнымъ просьбамъ своей жены, дочери сендомирскаго воеводы, ни убѣжденіямъ ксензовъ: вмѣстѣ съ отцемъ твердо противоборствовалъ насильственной пропагандѣ, и умеръ 1603 г. ревностнымъ сыномъ православной Церкви ([392]).

Употребляя различныя средства къ обращенію въ унію князей Острожскихъ, — и какъ главныхъ поборниковъ православной Церкви, и какъ знатныхъ лицъ государственныхъ, іезуиты и, питомцы ихъ, уніаты старались въ тоже время истреблять и православное духовенство, много препятствовавшее успѣхамъ уніи. Между тѣмъ Ипатій, епископъ владимірскій, по привиллегіи короля и съ дозволенія папы, посвященъ на

([390]) Geneal. Ostrog. XX, 122. Kor. Pol. III, 517.

([391]) См. Kor. Pol. III, 314; Zbior. Krotki Herbow Polskich—Хмѣлевскаго, p. 21.

([392]) Онъ погребенъ въ Острогѣ, въ Богоявленской церкви, которой постоянно благотворилъ (см. Kor. Pol. III, 320—325).

мѣсто Рагозы (ум. 1599 или 1600 г.) въ санъ митрополита. Еще обширнѣе открылось ему теперь поприще для преслѣдованій и гоненій. Онъ исходатайствовалъ у короля указъ — «не возводить на духовныя начальства не учившихся въ школахъ; но православнымъ запретить обучаться въ польскихъ училищахъ». Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ сильно воспротивился указу короля, такъ что Поцѣй, не могши ничего сдѣлать самъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ папы Климента VIII, который и самъ писалъ объ этомъ Сигизмунду, и поручилъ еще ходатайствовать у него своему нунцію, рижскому епископу ([393]). Въ тоже время латынскіе монахи по всѣмъ волынскимъ провинціямъ начали заводить свои монастыри; а орденъ доминиканскихъ странниковъ, по буллѣ папы Климента VIII, открылъ въ Львовѣ, подъ именемъ «Іакинѳовой русской провинціи, главный капитулъ, которому подчинилъ 22 русскихъ и литовскихъ конвента», — въ томъ числѣ луцкій и владимірскій на Волыни ([394]).

Вскорѣ православная Церковь лишилась главнѣйшихъ и сильнѣйшихъ защитниковъ своихъ, славныхъ поборниковъ православія—львовскаго епископа Гедеона Балабана (ум. 1607) и князя Константина — Василія Острожскаго (ум. 1606), со смертію которыхъ упали три православныя училища на Волыни, воспитавшія многихъ защитниковъ Церкви ([395]). Отступничество

([393]) См. отвѣтъ папы Ипатію у Ходыкевича — Comment. de Reb. Gestis in Provincia Russiae Ordinis Praedicatorum, pag. 102.

([394]) «Dzieje Dobroczynnosci Krajowky i Zagraniczniy» (журналъ, издаваемый въ Вильнѣ) 1820 и 1821 г., стр. 821, 1014—1020.

([395]) Первое училище — острожское, заведенное помянутымъ княземъ около 1580 г.; второе—львовское, по благословенію патріарховъ—констан-

Януша Константиновича, по смерти доблестнаго отца, имѣло сильное вліяніе на многія дворянскія фамиліи Волыни и увлекло ихъ въ унію, или прямо въ латинство. Дѣйствуя въ духѣ новаго вѣроисповѣданія, Янушъ началъ строить костелы на земляхъ острожскихъ и изгонять русскихъ священниковъ изъ церквей, построенныхъ его благочестивыми предками. — Такъ, въ 1610 г. онъ отнялъ у православныхъ церковь св. Троицы, основанную его прадѣдомъ въ Меншричѣ (мѣстечко близъ самаго Острога), и, пристроивши къ ней «кляшторъ», отдалъ ксендзамъ францисканскаго ордена; выстроилъ въ Старо-Константиновѣ (уѣзд. гор. вол. губ.) костелъ для доминиканцевъ и назначилъ ксендзамъ мансіонаріямъ въ Тарновѣ 500 злотыхъ ([396]) ежегоднаго жалованья. Словомъ: Янушъ дѣйствовалъ въ духѣ нетерпимости къ вѣрѣ предковъ и щедро благотворилъ послѣдователямъ церкви, которой самъ недавно сдѣлался членомъ ([397]).

Въ 1612 г. скончался послѣдній православный епископъ на Волыни Михаилъ Копыстенскій, сотрудникъ Гедеона. Обольщаемые сеймовыми и королевскими обѣщаніями свободы вѣроисповѣданія и въ тоже время вездѣ стѣсняемые и преслѣдуемые уніатами, православные жители Волыни не знали уже, куда обратиться съ просьбою о посвященіи себѣ православ-

---

стантинопольскаго Іеремія II, антіохійскаго Іоакима и іерусалимскаго Софронія, основанное около 1586 г.; третье—стрятинское, основанное около 1596 г., по совѣту александрійскаго патріарха Мелетія. Два послѣднія училища основаны Гедеономъ Балабаномъ.

([396]) Польскій «zloty» равняется 15 к. сереб.

([397]) Kor. Pol. III, 537; Gen. Ostrog. XX, 129.

ныхъ архипастырей. Между тѣмъ, Ипатій ([398]) и другіе съ конвоемъ солдатъ разгоняли собиравшихся во мракѣ ночи на молитву и запечатывали храмы то сами по себѣ, то по именной волѣ короля ([399]).

Въ 1620 году патріархъ іерусалимскій Θеофанъ, будучи въ Кіевѣ, возстановилъ кіевскую митрополію и поставилъ епископовъ для епархій югозападной Россіи, въ томъ числѣ и на Волынь ([400]). Это благодѣтельное распоряженіе патріарха не вполнѣ достигло своей цѣли и послужило, по проискамъ уніатовъ, источникомъ новыхъ бѣдствій для православія. Вскорѣ по отъѣздѣ патріарха, уніатскіе епископы подали королю доносъ, будто бы Θеофанъ, бывшій въ Кіевѣ, патріархъ—самозванецъ, присланный отъ султана шпіономъ въ Малороссію; будто онъ всюду возмущаетъ народъ противъ польскаго правительства, что новопоставленные имъ епископы—его соумышленники, а слѣдовательно—измѣнники и враги отечества.—Тѣже клеветы взносили уніаты на всѣхъ, и обо всемъ народѣ Русскомъ разглашали, какъ объ отступномъ, вѣроломномъ, бунтующемъ ([401]). Преслѣдованія и гоненія возобновились съ большею силою ([402]). Сеймы или не слушали жалобъ на притѣсненія, или, если и опредѣляли удерживать фанатиковъ отъ неистовствъ, опредѣленія эти не были

([398]) Ипатій, и будучи митрополитомъ, управлялъ владимірскою епархіею, и постоянно жилъ во Владимірѣ, гдѣ и скончался 18 іюля 1613 г. (см. Оп. К. С. стр. 152—153).

([399]) См. Протестъ 9 Янв. 1601 г. о Влад. церк. въ Маякѣ 1844 г. Сентябрь.

([400]) Ист. Малор. Марк. I, 117; Оп. К. С. стр. 154—156; Ист. Ун. 74.

([401]) Оп. К. С. стр. 157; Ист. Ун. 75; Ист. Малор. Марк. 1, 92.

([402]) Ист. Малор. Марк. 1, 120—121; Ист. Малор. Б. К. I, 192, 205.

*

исполняемы; и жестокости уніатскихъ епископовъ надъ православными простирались уже до того, что сами латынцы, подносившіе освященныя сабли военачальникамъ «на поганство, на Русь, жебы ихъ выкоренять (403)»,—гнушаясь безчеловѣчными поступками уніатовъ, дѣлали имъ строгіе выговоры, увѣщавая просить у Всевышняго «духа кротости и любви къ ближнему (404)». Вотъ что говорили православные въ рѣчи своей на сеймѣ 1632 года: «се мы днесь уничижены паче всѣхъ живущихъ на земли; не имамы князя, ни вождя, ни пророка, ни жертвъ, ими же могли бы умилостивити благосердаго Бога... Но какая тому причина? Что терзаетъ утробы наши? То, что права наши нарушены и вольность попрана; священные храмы, издавна сооруженные, иные запустѣли, иные и донынѣ запечатаны, дабы возбранить намъ въ оные входъ для поклоненія единому въ Троицѣ Богу. Знаменитыя наши особы изгнаны изъ правительства за то только, что они Русскіе; и никто не защищаетъ насъ отъ сихъ и симъ подобныхъ безчисленныхъ обидъ и укоризнъ. Свидѣтели тому сея провинціи земли; ея горькими прошеніями и воплями наполнены сеймы (405)».... Дополненіе этой печальной картины находимъ въ описаніи тогдашняго состоянія самими польскими историками: «люди невинные, говорятъ они, изъ магистратовъ и цеховъ изгоняемы и въ подземныя ратушныя тюрьмы безвинно посаждаемы были; а если кто, по усердію своему, на церковь благочестивую (православ-

---

(403) Львовск. Лѣт. въ Истор. Сборн. III, 246; Ист. Р. Ц. IV, 3.

(404) Исторія Уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 75—84.

(405) Тамъ же, стр. 89—92.

ную) духовнымъ завѣщаніемъ что-нибудь опредѣлялъ, сіе принимать запрещаемо было; церкви каменныя строить на землѣ шляхецкой, по силѣ привиллегій королевскихъ, не допускаемо было; и прочія несносныя угнѣтенія и обиды разными способами наносимы были ([407])».

Владиславъ IV (1632—1648), преемникъ Сигизмунда III, былъ справедливѣе своего предшественника въ отношеніи къ православнымъ Русскимъ, своимъ подданнымъ. При вступленіи на престолъ онъ объявилъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія и подтвердилъ опредѣленіе короннаго сейма (1631 г.) — «хранить миръ и покой духовнымъ и мірянамъ обоихъ исповѣданій, наказывать и штрафовать дѣлающихъ насильное завладѣніе церковныхъ маетностей греческаго вѣроисповѣданія ([407])». Вскорѣ, на сеймѣ 1632 г. 1 Ноября, издалъ онъ статьи примиренія между благочестивыми и уніатами и далъ присягу выполнить эти статьи или условія на дѣлѣ ([408]). Въ слѣдствіе этого православные получили отъ Владислава дипломъ, коимъ, между прочимъ, подтверждено свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, позволеніе починять церкви и строить новыя, заводить при церквахъ и монастыряхъ братства, богадѣльни, школы, семинаріи и типографіи, и свободно исправлять общественныя должности; опредѣлено также—возвратить православнымъ епархіи, отнятыя уніатами; всѣ споры и распри о вѣрѣ прекра-

---

([406]) Ист. Ун. Б. К. стр. 93—94.

([407]) Ист. Ун. Б. Кан. стр. 87—88; Оп. К. С. стр. 165.

([408]) Ист. Ун. В. Кан. стр. 95—101. «Права и вольности исповѣдующихъ въ Польшѣ и Литвѣ вѣру греческую»—1767 г. въ Варшавѣ, стр. 53.

тить, и всѣ приговоры прежнихъ сеймовъ на диссидентовъ уничтожить, и всѣмъ жить въ покоѣ, безъ притѣсненія другъ друга; дозволено всякому отъ уніи переходить къ православію, и отъ православія въ унію ([409]). Всѣ эти постановленія утверждены были цѣлою «рѣчью посполитою» на коронаціонномъ сеймѣ (18 Февраля 1633 г.), гдѣ Владиславъ возобновилъ актъ, предоставлявшій свободу православію. Наконецъ, на варшавскомъ сеймѣ 1635 г. состоялась конституція, которою утверждались статьи примиренія и рѣчь посполитая опредѣлила защищать благочестивыхъ и уніатовъ ([410]). Всѣми этими привиллегіями православные много обязаны были ревностному хранителю православія, сперва архимандриту, а потомъ митрополиту кіевскому Петру Могилѣ, который всегда усердно ходатайствовалъ за православныхъ предъ королемъ и на сеймахъ ([411]). Привиллегіи Владислава многократно подтверждаемы были на сеймахъ и его преемниками ([412]).

Такъ прочно, повидимому, ограждаемо было состояніе православныхъ въ Польшѣ! Но, къ сожалѣнію, только на словахъ; на дѣлѣ происходило совсѣмъ другое. Польскіе магнаты, мало помышлявшіе о волѣ короля и въ другихъ случаяхъ, по наставленію латинскаго и уніатскаго духовенства, употребляли происки

([409]) Оп. К. С. стр. 169—170; Ист. Ун. Б. К. стр. 102—104.

([410]) Ист. Ун. Б. К. стр. 107; Оп. К. С.—177; Ист. Малор. Марк. I, 131.

([411]) Dzieje i Prawa Kosciola Polskiego—Островскаго, III, 466 ид.; Оп. К. С. стр. 166—180.

([412]) Ист. Ун. Б. К. стр. 95, 110, 130, 134 и др.

и насилія, чтобы остановить исполненіе королевскихъ и сеймовыхъ опредѣленій. Лучшіе монастыри, вотчины, принадлежавшія православнымъ, оставались за уніатами (413). Хитрые іезуиты не упускали, при этомъ случаѣ, обращать православныхъ въ унію или латинство, останавливаясь по преимуществу на лицахъ, владѣвшихъ богатыми помѣстьями и имѣвшихъ вліяніе на простой народъ, твердо преданный древней вѣрѣ. По смерти православныхъ князей Острожскихъ, единственною наслѣдницею все еще обширнаго имѣнія осталась Анна Алоизія, дочь Александра Константиновича, вдова знаменитаго гетмана Ходкевича. Эта княжна—добрая, но слабодушная—не могла, по смерти отца и дѣда, устоять противъ обаянія іезуитовъ, которые вскорѣ превратили ее въ безусловно-покорное орудіе своей воли. Исполняя желаніе іезуитовъ, Анна выстроила для нихъ въ Острогѣ коллегіумъ, предоставила имъ воспитаніе юношества и распространеніе латинской вѣры въ земляхъ острожскихъ. Щедро надѣляя богатыми вкладами костелы, устроенные изъ православныхъ церквей, она и сама заботилась объ обращеніи своихъ подданныхъ въ унію, и для лучшаго достиженія этой цѣли установила, чтобы въ день празднованія «Божіяго тѣла» (Boże ciało) всѣ крестьяне, даже изъ дальнихъ селъ и деревень, съѣзжались въ Острогъ, гдѣ, на разставленныхъ по улицамъ, богато украшенныхъ алтаряхъ, ксендзы читали имъ Евангеліе на языкѣ славянскомъ, родномъ и понятномъ

(413) Ист. Ук. стр. 111; см. также Привиллегію, подтвердившую Зборовскій Договоръ, стр. 112—117.

для нихъ [414]. Анна, притѣснявшая православныхъ обывателей Острога, была предметомъ ненависти для подданныхъ; и только латинское духовенство, въ особенности іезуиты, ею облагодѣтельствованные, до небесъ превозносили мнимую святость княжны Острожской [415]. Ненависть народа скоро обнаружилась въ дѣйствіяхъ, и Анна принесла жалобу на своихъ подданныхъ. Трибуналъ осудилъ многихъ острожскихъ мѣщанъ на мучительную казнь. Анна объявила виновнымъ пощаду и удовольствовалась тѣмъ, что, по тому же приговору трибунала, сорокъ православныхъ священниковъ были изгнаны изъ владѣній острожскихъ. Съ этого времени бѣдные жители, лишенные пастырей, должны были по неволѣ разставаться съ древнею вѣрою своихъ предковъ [416].

На защиту православія возсталъ храбрый гетманъ малороссійскихъ казаковъ Зиновій—Богданъ Михайловичъ Хмѣльницкій [417]. Частыми и сильными пораженіями Поляковъ Хмѣльницкій принудилъ короля Яна Казиміра просить мира. Условія мира, между прочимъ, были слѣдующія: 1) уничтожить на всегда въ землѣ

---

[414] См. Gen. Ostrog. XX, 143; Kor. Pol. III, 522.

[415] Уніаты—Стебельскій и Хмѣлевскій приписываютъ Аннѣ даже даръ духовнаго предвѣдѣнія (см. Geneal. Ostrog. XX, 137, 146).

[416] Ibidem, 139 — 142; Kor. Pol. III, 522 — 525. Смертію Анны (+1654 г.) пресѣкся родъ князей Острожскихъ, какъ-будто съ древнимъ православіемъ въ Острогѣ должно было угаснуть и славное поколѣніе доблестныхъ потомковъ Даніила галицкаго!... (См. Uwagi w Sprawie Ordinacly Ostrozskiey—1754 года; Geneal. Ostrog. XX, 159—164).

[417] Лѣт. о войнахъ Хмѣльницкаго: «початокъ и причина войны Хмѣльницкаго едино огня Ляховъ на православіе гоненіе». Объ участіи духовенства въ войнѣ—показанія современниковъ въ Памят. Кіевск. Коммис. т. I, ч. 3, стр. 60—63, 335—339.

Русской унію; 2) церквамъ православнымъ оставаться при своихъ древнихъ правахъ и имѣніяхъ; 3) іезуитскія училища, по всѣмъ городамъ и селеніямъ, упразднить и перенести въ другія мѣста. Король грамотою подтвердилъ статьи договора и, съ большею точностію опредѣляя владѣнія и права, принадлежавшія православію, ограничивалъ своеволіе папизма ([418]). Но всѣ эти договоры и постановленія оставались болѣе на словахъ: духовенство польское и магнаты, съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на привиллегіи, данныя православнымъ, не замедлили нанести новое оскорбленіе православію въ лицѣ его іерарха ([419]),—и вскорѣ опять начались жестокости Ляховъ на Волыни и во всей Малороссіи. Глубоко соболѣзнуя о крайнемъ угнѣтеніи народа Русскаго, Хмѣльницкій снова возобновилъ непріятельскія дѣйствія противъ Поляковъ. Грозно было шествіе этого «казацкаго Тамерлана ([420])»; но храбрый защитникъ св. вѣры и отчизны, Богданъ «свидѣтельствовался небомъ и землею и самимъ Богомъ всемогущимъ, что подъятое имъ оружіе и пролитая имъ многая кровь христіанская есть дѣло рукъ нѣкоторыхъ

([418]) Ист. Ун. 111—117; Ист. Малор. Марк. I, 244—249. Въ это время на Волыни россійскому духовенству возвращены королевскою привиллегіей церкви—въ Ковнѣ св. Николая, въ Ратнѣ св. Троицы, въ Бѣльзекѣ, въ Кременцѣ, въ Стояновѣ, во Владимірѣ — «наѣстности церкви св. Параскевіи» и въ другихъ мѣстахъ (см. Волын. Зап. Руссова, стр. 96 — 98; Ист. Ун. Б. К. 112—115).

([419]) Ист. Ун. стр. 116; Оп. К. С. стр. 182. Митрополитъ Силвестръ прибылъ въ Варшаву, чтобы занять мѣсто въ Сенатѣ. Ксендзы, члены сената, осыпали его оскорбленіями и кричали, что выйдутъ изъ собранія, коль скоро войдетъ туда врагъ папы (Ист. Р. Ц. IV, 120).

([420]) Такъ называли Хмѣльницкаго Поляки (см. Оп. К. С. стр. 185).

магнатовъ польскихъ, противящихся власти короля и слѣдующихъ тиранскимъ своимъ наклонностямъ и вымысламъ на пагубу народа Русскаго. Они-то, говорилъ онъ, жаждали крови человѣческой, они искали жертвы сей, законопреступной и варварской,—и пусть ею насытятся, а я умываю руки предъ народомъ и всѣмъ свѣтомъ, что ни мало не повиненъ есмь въ крови сей христіанской и единоплеменнической. Судъ Божій на мою душу призываю, что не желаю и не ищу мести, постыдной христіанству и человѣчеству ([421])».

Изувѣры и послѣ этого были слѣпы и глухи ко всему, что невольно побуждало ихъ быть умѣреннѣе въ своихъ жестокостяхъ надъ православными. Волынь, остававшаяся еще подъ властію Польши, страдала по прежнему. Напрасно царь Алексѣй Михайловичъ много разъ требовалъ прекратить гоненія, оскорблявшія и вѣру и человѣчество ([422]), напрасно также, при преемникахъ Царя Алексѣя Михайловича до Императрицѣ Екатерины II, Россія постоянно ходатайствовала, «чтобы, въ силу всѣхъ договоровъ, православнымъ церквамъ и народу не было чинимо никакого притѣсненія, разоренія и принужденія ни къ римскому закону, ни къ уніи ([423])»: Польша—или обѣщала все, но не думала объ исполненіи обѣщаннаго; или, отказываясь отъ своихъ обѣщаній, не стыдилась утверждать, «что вѣра греческая никогда въ Польшѣ гонима не была ([424])»; или, наконецъ, уклончиво отвѣчала на

([421]) Ист. Малор. Марк. I, 196—199,—Б. К. I, 243—245.

([422]) Ист. Ун. Б. К. стр. 118—128 и далѣе.

([423]) Ист. Ун. Б. К. стр. 137.

([424]) Тамъ же, стр. 120—121, — отвѣтъ польскихъ вельможъ русскимъ посламъ.

ходатайство Россіи: «не пристойно-де никому въ дѣла чужаго государства мѣшаться; довольно и того для старой русской вѣры, что король при коронаціи присягаетъ никому никакой тяжести для вѣры не чинить»; а православные жители русско-польскихъ областей — «иной себѣ защиты, кромѣ польскаго престола, искать не могутъ и не должны ([425])». Все, что оставалось еще православнаго на Волыни, терпѣло поруганія и наглыя оскорбленія. Перемышльскій уніатскій епископъ, получившій отъ короля позволеніе судить противящихся уніи, сдѣлалъ такой приговоръ: «дабы они (православные) впредь объ уніи упорства не чинили, казнить ихъ смертію ([426])». Поборникъ вѣры Мелхиседекъ Значко-Яворскій, за отклоненіе народа отъ уніи былъ схваченъ въ Радомыслѣ и посаженъ въ Дершанѣ въ тюрьму, по повелѣнію уніатскаго митрополита Фелиціана Володковича ([427]). Въ 1712 г. одинъ православный епископъ волынскій (Кириллъ Шумянскій) писалъ канцлеру, графу Головкину: «17 Октября 1711 года отъ польскаго короля изданы во все воеводство волынское универсалы, чтобы его (Кирилла) никто не признавалъ епископомъ и ни въ чемъ бы послушанія къ нему не имѣлъ ([428])». Въ 1717 г. сеймъ постановилъ уничтожать всѣ церкви (не латинскія) и полагать штрафъ на всѣхъ, не соглашавшихся на унію ([429]).

([425]) Тамъ же, стр. 144—145, 137.

([426]) Тамъ же, стр. 146—148, 193, 244.

([427]) Онъ спасся бѣгствомъ и былъ послѣ архим. чигиринскаго монаст. (Ист. М. Мар. II, 660).

([428]) Ист. Ун. Б. К. стр. 159—160; Ист. Малор. Марк. II, 656.

([429]) Оп. К. С., стр. 215.

Въ этихъ несчастныхъ обстоятельствахъ православные обратились съ жалобами къ Русскому Двору и просили защитить беззащитныхъ. Государь Императоръ Петръ Великій послалъ грамоту къ королю и рѣчи посполитой, въ которой, живо изобразивъ страданія православныхъ отъ уніатовъ, совѣтовалъ пресѣчь зло; въ противномъ случаѣ грозилъ «оказать месть свою надъ утѣснителями его единовѣрія (430)». Не смотря ни на что, уніаты продолжали свое дѣло. Въ 1733 г., по опредѣленію новаго сейма, диссиденты устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Все это дѣлалось въ слѣдствіе настояній папы и его епископовъ (431). Король повелѣвалъ: «не дѣлать не-уніатамъ никакихъ препятствій въ отправленіи вѣры, по даннымъ имъ на то правамъ»: но бискупы, «по тайной заповѣди папы», дѣйствовали иначе, и повелѣнія королей оставались безъ исполненія (432). Наконецъ, на Всероссійскій Престолъ вступила Екатерина II, которой суждено было положить конецъ страданіямъ православія въ Польшѣ. Въ 1772 г. Бѣлоруссія присоединена къ Россіи, и древнее православіе восторжествовало. Волынь оставалась еще подъ властію Польши; чаша страданій ея еще не исполнилась! Но въ 1793 году (Іюля 11) созванъ былъ чрезвычайный сеймъ въ Гроднѣ, и заключеннымъ здѣсь трактатомъ возстановлена въ Польшѣ тишина и спокойствіе и возвращена къ Россіи та область, которая составила въ послѣдствіи губерніи во-

---

(430) Ист. Ун. Б. К. стр. 203—208.

(431) Ист. Рус. Церкви V, 94 (Москва. 1848 г.).

(432) Ист. Ун. Б. К. стр. 320—332.

лынскую, минскую и подольскую ([423]). Съ присоединеніемъ Волыни (нынѣшней) къ Россіи кончились здѣсь и страданія православныхъ.

II.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ:

А. СОСТОЯНІЕ ІЕРАРХІИ И ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Извѣстно, что православные іерархи волынскіе, въ важнѣйшихъ дѣлахъ церковнаго управленія и благоустройства, ближайшимъ образомъ зависѣли отъ митрополита кіевскаго: теперь митрополитъ (Михаилъ Рагоза) былъ уже на сторонѣ папы, и православіе видѣло въ немъ не прежняго поборника и защитника своего, а явнаго противника. Ближайшими и главными правителями церквей волынскихъ оставались епархіальные архіереи; но еще въ самомъ началѣ этого періода Волынь лишилась многихъ пастырей, дерзнувшихъ предать Церковь православную властолюбивому Риму. Владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, луцкій — Кириллъ Терлецкій, холмскій — Діонисій Збируйскій, вмѣстѣ съ другими, измѣнивъ древнему православію, рѣшились подчинить папѣ и свои паствы. Православные предавали отступниковъ анаѳемѣ, осуждали на изверженіе изъ сана, требовали—отрѣшить ихъ отъ епархій, а на ихъ мѣста избрать православныхъ. Король не внималъ справедливымъ требованіямъ своихъ рускихъ подданныхъ,— и паствы оставались безъ пастырей въ то время, когда

([423]) Ист. Ун. стр. 403 — 404; Ист. Малор. Маркевича II, 673; Оп. К. С. 272—273; Ист. Р. Ц. ч. V, стр. 111.

послѣдніе совершенно необходимы были для защиты первыхъ «отъ жадныхъ волковъ запада, такъ нещадно расхищавшихъ словесное стадо Христово ([434])»!

Въ виду такихъ крайнихъ опасностей для православія отъ запада, православные тѣснѣе прежняго соединялись съ константинопольскимъ патріархомъ и вообще съ востокомъ. Патріархи восточные писали къ православному народу окружныя грамоты, стараясь укрѣпить любовь къ православію и поддержать ревность въ подвигахъ за св. вѣру предковъ: а твердость восточныхъ христіанъ, непреклонныхъ среди бѣдъ, служила прекрасныхъ примѣромъ подражанія, внушая благоговѣніе къ востоку и недовѣріе къ западу. Въ 1594 г. Мелетій Пига, патріархъ александрійскій, управлявшій въ это время и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, прислалъ нѣсколько окружныхъ увѣщательныхъ посланій къ православному народу, и особенно князю Константину Константиновичу Острожскому ([435]). Такія же грамоты «о исповѣданіи и сохраненіи истинной вѣры» присылалъ и патріархъ Тимоѳей ([436]). Въ 1599 г. (15 Окт.), узнавъ, что главнымъ поборникомъ уніи былъ владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй, Мелетій прислалъ къ нему увѣщательную грамоту, въ которой опровергалъ «римскіе толки» и умолялъ его отстать отъ нихъ и обратиться къ православной Церкви; но напрасно: отступникъ дерзко смѣялся надъ увѣщаніями патріарха и не хотѣлъ по-

([434]) Оп. К. С. стр. 144.

([445]) Памят. Кіевск. Ком. т. I, отд. I, стр. 22.

([436]) Такую же грамоту прислали и отцы Аѳонской горы, которыя всѣ, вмѣстѣ съ своею окружною грамотою, напечаталъ князь Острожскій, съ дозволенія патріарха Мелетія, 1598 г. (см. Оп. К. С. стр. 137).

нять ихъ ([437]). Но такихъ было не много: народъ съ благоговѣніемъ внималъ голосу святѣйшихъ наставниковъ православія, и грамоты ихъ всюду принимаемы были съ уваженіемъ и любовію. Въ тоже время приснопамятный поборникъ православія, князь Острожскій заботился поселять на Волыни православныхъ митрополитовъ и епископовъ другихъ странъ, которые поддерживали здѣсь порядокъ церковнаго устройства и благочинія въ тѣ смутныя времена, когда весь югъ Россіи оставался безъ верховнаго пастыря. Въ 1599 г. Константинъ водворилъ въ степаньской обители ([438]) митрополита Луку: онъ жилъ здѣсь около трехъ лѣтъ. Это былъ, безъ сомнѣнія, тотъ бѣлградскій митрополитъ, который вмѣстѣ съ княземъ защищалъ православныхъ на брестскомъ соборѣ ([439]). На мѣсто Луки въ 1603 г. поступилъ Іеремія, митрополитъ пелагонскій; въ 1606 г. видимъ здѣсь православнаго епископа, котораго имя неизвѣстно,—если это только не тотъ самый владыка мокачевскій, который находился въ

([437]) Получивши грамоту Мелетіеву, Ипатій долго молчалъ, и уже по вступленіи на митрополію въ 1601 г. отвѣчалъ съ насмѣшками и грубостями (см. Оп. К. С. стр. 147—148). Грамота м. Мелетія къ Ипатію въ польскомъ переводѣ и отвѣтъ послѣдняго на томъ же языкѣ издалъ Левъ Кишка (жизнеописатель Ипатія) въ концѣ «поученій и бесѣдъ Ипатіевыхъ», напечат. въ Супраслѣ 1714 г.

([438]) Степань—нынѣ волынской губ., ровинскаго уѣзда. Степаньская обитель св. арханг. Михаила дѣлается извѣстною съ 1572 г., какъ видно изъ писемъ Констант. Острожскаго, которыми онъ и его потомки жертвовали монастырю «десятину всякаго хлѣба; въ 1559 г.—село Мидско; въ 1603 г. землю, называемую Лобниковъ; въ 1621 г.—деревню Бѣлые Берега съ 6 подданными» (см. Кіевл. 1850 г. «о городѣ Степанѣ»,—стр. 45—50).

([439]) Оп. К. Соб. стр. 141.

степаньскомъ монастырѣ въ 1610 году ([440]). Около 1616 г. православнымъ іерархомъ волынскимъ видимъ Леонтія Карповича. Онъ былъ воспитанникъ острожскихъ школъ, строителъ и первый архимандритъ виленскаго Свято-Духова монастыря, съ 1616 г. епископъ владимірскій и брестскій ([441]). Этотъ доблестный пастырь церкви волынской, будучи самъ ревностнѣйшимъ и непоколебимымъ поборникомъ преслѣдуемаго православія, и въ сердца своихъ пасомымъ умѣлъ пролить отраду и мужество. Леонтій управлялъ владимірскою паствою около 4 лѣтъ и скончался 1620 г. ([442]). Въ томъ же году преемникомъ Леонтію поставленъ былъ Іезекіиль Куруевичъ; равнымъ образомъ, возстановлены были и другія православныя каѳедры епископскія на Волыни. Дѣло происходило такъ: іерусалимскій патріахъ Θеофанъ, возвращаясь изъ Москвы, посѣтилъ церкви югозападной Россіи, въ которыхъ замѣчалъ различныя неустройства и безпорядки отъ уніи ([443]). Онъ остановился въ Кіевѣ и здѣсь, по просьбѣ гетмана Сагайдачнаго, «такожъ изъ разныхъ странъ шляхетства, исповѣданія греческаго въ великомъ числѣ придерживавшагося ([444])»,—рукоположилъ православныхъ епископовъ на всѣ югозападныя епархіи, отнятыя уніатами, въ

([440]) Кіевл. 1850 г. стр. 48.

([441]) Ист. Р. Ц. IV, стр. 114; смотр. также грамоту короля Владислава въ Собр. Вилен. Грам. стр. 224.

([442]) Мелетій Смотрицкій говорилъ слово надъ гробомъ Леонтія, изд. въ Вильнѣ 1620 г. (о Леонтіѣ см. Маякъ 1843 г. кн. XXI, также Слов. Дух. Пис. М. Евгенія II, 7—8).

([443]) Θеофанъ имѣлъ отъ константиноп. патр. Тимоѳея грамоту съ правомъ исправлять въ Россіи іерархическія дѣла (Оп. К. С. стр. 154—185.

([444]) Люб. Мѣсяцесловъ 1775 г. (страницы въ этой книгѣ не означены).

томъ числѣ Исаію Копинскаго, игумена межигорскаго монастыря, въ Перемышль; Пансія Иполитовича, строителя мелецкаго монастыря, въ Холмъ; Исаакія Черничицкаго, игумена черичицкаго монастыря, въ Луцкъ ([445]). Вскорѣ, по проискамъ и клеветамъ уніатовъ, новопоставленные православные епископы принуждены были оставить свои каѳедры, и только съ великимъ трудомъ могли укрыться отъ преслѣдованій въ Малороссіи ([446]). Митрополитъ (Іовъ) въ слѣдующемъ году, для оправданія какъ себя, такъ и епископовъ своей области, отправилъ на сеймъ къ королю владимірскаго епископа Іезекіиля Куруевича. Король выслушалъ Іезекіиля, и приказалъ явиться къ себѣ и прочимъ православнымъ епископамъ. Но митрополитъ, опасаясь козней, за лучшее счелъ послать (1622 г. Окт. 6) къ королю письменное оправданіе—и себя и своихъ епископовъ ([447]). Сигизмундъ призналъ свое гоненіе, воз-

---

([445]) Ист. Ун. Б. К. стр. 74; Оп. К. С. стр. 154—156; Люб. Мѣсяцословъ С.П.Б. 1775 г.; Кіевл. 1850 г. стр. 49; Слов. Дух. Пис. I, 211. Іезекіиль Куруевичъ былъ послѣднимъ православнымъ епископомъ владимірскимъ. На луцкой каѳедрѣ преемниками Исаакія были: Аѳанасій Пузина около 1634 г. (см. Протестъ луцкаго братства о нападеніи на него «схоластиковъ іезуитской коллегіи» 1634 г. въ Памят. Кіев. Ком. I, отд. I, стр. 204). Преемникомъ Пузины видимъ около 1650 г. Діонисія Болобана (съ 1657 г. митрополитъ кіевскій). Послѣ Діонисія—Гедеонъ, князь Четвертинскій съ 1657—1685 годъ, въ которомъ посвященъ въ кіевскіе митрополиты. Луцкую епархію отнялъ у него Іосифъ Шумлянскій, еп. львовскій, для брата своего Аѳанасія, и заграбилъ все его имѣніе. Послѣ Гедеона, въ концѣ XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка былъ епископомъ луцкимъ Мелетій Жабокрицкій. Послѣдній православный епископъ луцкій и всей Волыни—Кириллъ Шумлянскій, посвященный въ 1711 г., въ томъ же году выгнанъ изъ Волыни уніатами, и умеръ епископомъ переяславскимъ.

([446]) Ист. Ун. Б. К. 74—75.

([447]) Оп. К. С. стр. 157.

двигнутое на епископовъ, посвященныхъ Ѳеофаномъ, несправедливымъ, напраснымъ ([448]); но уніаты, не смотря на то, продолжали разсѣевать свои клеветы и притѣснять православное духовенство, а вмѣстѣ и народъ ([449]). И потому православные епископы не могли жить въ своихъ епархіяхъ; — да и посѣщать ихъ могли не иначе, какъ тайнымъ только образомъ, и притомъ изрѣдка, для удовлетворенія крайнимъ нуждамъ своихъ злополучныхъ паствъ ([450]).

Православные на Волыни, употребляя всѣ возможныя средства къ защитѣ православія, составили въ 1621 г. соборъ или «совѣтованіе о благочестіи». Правилами собора «внушалось столько же ревности къ святому православію и твердости въ вѣрѣ отеческой, сколько святости и ума въ дѣлѣ съ врагами вѣры». Между мѣрами къ защитѣ православія соборъ полагалъ евангельскую бдительность пастырей, общую чистоту жизни, мученическое терпѣніе: «пусть помнятъ, говорилъ соборъ, что вѣра наша кровью утверждена и кровью отъ всѣхъ ересей защищалась». Въ тоже

([448]) Король посылалъ въ Грецію пословъ съ тѣмъ, чтобы узнать, точно ли Ѳеофанъ былъ патріархомъ іерусалимскимъ (котораго, какъ выше мы замѣтили, уніаты провозгласили самозванцемъ)? И въ слѣдствіе этого убѣдился въ несправедливости доноса уніатскихъ епископовъ. (Объ этомъ разсказываетъ Сильвестръ Коссовъ въ своей Апологіи Кіевской Академіи (см. Оп. К. С. стр. 159).

([449]) Различныя притѣсненія, какія терпѣли въ это время православные отъ уніатовъ, описаны въ книгѣ, содержащей привиллегіи польскаго правительства русской православной Церкви въ Литвѣ и на Волыни; книга эта подъ названіемъ «Синопсисъ» напечат. на пол. языкѣ въ Вильнѣ 1632 г. (см. Оп. К. С. стр. 159).

([450]) Люб. Мѣсяц. Спб. 1775 г.

время соборъ предписывалъ — учреждать братства на помощь пастырямъ Церкви: «пусть не будетъ стыда слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться»..., такъ разсуждали на соборѣ, — «не слѣдовать безбожному папскому правилу. Дворъ римскій осмѣлился установить такое правило, что хотя бы папа тму людей влекъ за собою во адъ, никто не долженъ ему сказать: стой! Что ты дѣлаешь? Если архіереи и другіе настоятели допустятъ дѣлать замѣчанія и будутъ исполнять все предписанное; то отцы въ сынахъ, а сыны въ отцахъ пребывать будутъ» ([451]).

Владиславъ IV, преемникъ Сигизмунда, въ 1623 г. на избирательномъ сеймѣ, по ходатайству православныхъ, особенно по неотступному требованію повѣреннаго митрополита Исаіи, архимандрита Петра Могилы, возвратилъ нѣкоторыя епархіи православнымъ епископамъ, въ томъ числѣ перемышльскую, львовскую и луцкую на Волыни ([452]). При этомъ опредѣлено было возвратить православнымъ архіерейскимъ каѳедрамъ принадлежавшіе имъ монастыри съ вотчинами; нѣкоторымъ каѳедрамъ назначено было королемъ годовое жалованье ([453]). Подобныя привиллегіи нѣсколько разъ подтверждаемы были какъ Владиславомъ, такъ и его

([451]) Дѣяніе сего собора см. въ I т. Памятн. Кіевск. Коммиссіи, отд. I, стр. 224—251.

([452]) О епархіяхъ—холмской и владимірской не упомянуто, вѣроятно, потому, что онѣ оставлены были въ вѣдомствѣ унитскомъ (см. Любоп. Мѣсяцосл. С.П.Б. 1775 г.; Ист. Ун. Б. К. 99—100).

([453]) «Перемышльскому архіерею, по силѣ статей, ежегодно отъ насъ по двѣ тысячи злотыхъ польскихъ (300 р. сереб.) пенсіи будетъ выдавано» (см. статьи примиренія между уніатами и не-уніатами — 1632 и 1633 г. въ Ист. Ун. Б. К. стр. 95—104).

преемниками (454). Въ 1686 г. одною изъ статей вѣчнаго мира Россіи съ Польшею постановлено было — навсегда оставить за православными епархіи — львовскую, луцкую, галицкую и перемышльскую на Волыни: однакожъ это не препятствовало уніатскимъ епископамъ распоряжаться по своему,—и они всегда умѣли вести дѣла такъ, что православные епископы, хотя имѣли свои каѳедры, но будучи лишаемы необходимыхъ средствъ къ содержанію, волею и неволею принуждены были оставлять епархіи, или передаваться даже на сторону уніатовъ (455). Къ началу XVIII столѣтія оставался только одинъ православный епископъ на Волыни, именно—Кириллъ Шумлянскій, посвященный въ 1711 г. на луцкую епархію. Но вскорѣ, не смотря на ходатайство о немъ Государя Императора Петра I, разнаго рода несправедливости и гоненія, которыя онъ долженъ былъ терпѣть отъ уніатовъ, заставили его удалиться изъ своей паствы: польскій король (1711 г. 17 Окт.) «во все воеводство волынское издалъ универсалы, дабы его (Кирилла) за епископа луцкаго никто не признавалъ и ни въ чемъ бы послушанія къ нему не имѣлъ. А хотя многіе духовные и мірскіе воеводства волынскаго обыватели на избра-

---

(454) Яномъ Казимиромъ 24 Нояб. 1663 г., Станиславомъ Понятовскимъ 4 Апр. 1766 г. (Ист. Ун. Б. К. стр. 95).

(455) Такъ епископы: перемышльскій—Иннокентій Виницкій, львовскій—Іосифъ Шумлянскій, луцкій — Мелетій Жабокрицкій, не получая отъ уніатовъ монастырей, церквей и вотчинъ, принадлежавшихъ ихъ каѳедрамъ, кромѣ того, подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ со стороны уніатовъ, принуждены были, наконецъ, и сами перейти на ихъ сторону (Любоп. Мѣсяцосл. Спб. 1775 г.).

ніе его во епископа подписались; но всѣ сіи подписи, по силѣ королевскаго универсала, теперь уничтожаются». Императоръ Петръ I требовалъ у короля возвращенія Кириллу епархіи со всѣми правами, принадлежащими епископу; но напрасно. Въ томъ же году луцкій епископъ принужденъ былъ уѣхать въ Кіевъ ([456]).

Послѣ Кирилла Шумлянскаго уже не видимъ православныхъ епископовъ на Волыни: уніаты успѣли завладѣть здѣсь всѣмъ. Львовскій епископъ Іосифъ съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, отбирали антиминсы кіевскіе и св. мνро, и раздавали свое; запрещали православнымъ въ молитвахъ поминать кіевскаго митрополита. Іосифъ старался даже сдѣлаться особымъ митрополитомъ галицкимъ и подчинить себѣ всѣ епархіи, находившіяся въ польскихъ владѣніяхъ ([457]). По смерти митрополита Іоасафа Кроковскаго (+1718), когда кіевская іерархія не имѣла своего пастыря около четырехъ лѣтъ, уніатскій митрополитъ Левъ Кишка успѣлъ во всѣхъ русскихъ провинціяхъ, остававшихся подъ властію польскихъ королей, соборомъ, созваннымъ въ Замостьѣ 1720 г., открыто утвердить унію, уничтожить навсегда всѣ православныя епископства, занять уніатскимъ духовенствомъ всѣ православные монастыри въ Польшѣ; —и все это успѣлъ уполномочить сеймовою конституціею ([458]). Луцкій уніатскій епископъ Стефанъ Рупі-

---

([456]) Съ 1715 г. онъ опредѣленъ былъ митрополитомъ коадьюторомъ въ Переяславль, гдѣ и умеръ (см. Ист. Ун. Б. К. 144, 160; Любоп. Мѣсяц. 1775; Опис. Кіев. Соб. 214).

([457]) Опис. Кіев. Соб. стр. 212.

([458]) Тамъ же, 216.

евскій ревностно содѣйствовалъ успѣшнѣйшему исполненію соборныхъ опредѣленій своего владыки: «жалобою своею весь городъ исполняютъ священники греческаго закона, писалъ къ нему (Рупіевскому) папскій нунцій, архіепископъ Сантини, — и плачутся какъ объ изгнаніи своемъ изъ епархій, такъ и о лишеніи имѣнія своего, по твоему, пречестнѣйшій владыко, повелѣнію», и убѣждалъ Рупіевскаго быть справедливѣе къ православнымъ, которые имѣютъ защитника «въ пресвѣтлѣйшемъ царѣ» (русскомъ). Тоже писалъ Рупіевскому и русскій министръ, князь Долгоруковъ, находившійся въ Варшавѣ (459). Чтобы эти предписанія могли имѣть больше силы и дѣйствія, Сантини обнародовалъ во всей Польшѣ и Литвѣ грамоту, въ которой грозилъ проклятіемъ «дѣлающимъ обиды православію» и налагалъ штрафъ на каждаго «нарушителя мира и тишины» (460).

Въ 1747 г. епископы папскіе исходатайствовали у короля универсалъ — не иначе поставлять православныхъ священниковъ, какъ по соизволенію самаго короля; а помѣщики давали одобрительныя грамоты только соглашавшимся на унію (461). Поэтому многіе православные священники принуждены были оставлять свои мѣста и удалялись въ епархіи—кіевскую и екатеринославскую (462). Наконецъ, уніаты задумали образовать въ Польшѣ отдѣльное, совершенно независимое

(459) Ист. Ун. Б. К. стр. 197, 198.

(460) Тамъ же, 199—204.

(461) Тамъ же, 135, 316.

(462) Ист. Р. Ц. V, 110; Указъ отъ 13 мая 1789 г.; Оп. Кіев. Соб. 236, 271.

управленіе православной Церкви. Поэтому въ Варшавѣ опредѣлено было—«для православныхъ, въ Польшѣ живущихъ, поставить епископа и викарія—неунитскихъ, которые бы ни въ чемъ не относились къ заграничной духовной власти ([463])». Подобнаго рода учрежденіе, конечно, весьма благопріятствовало уніатамъ, коихъ главною цѣлью было — истребленіе православія; но, въ этомъ случаѣ, имъ не суждено было воспользоваться плодами трудовъ своихъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ православнымъ Волыни. Прежде, чѣмъ успѣли уніаты привести къ концу свой планъ, половина Волыни ([464]) присоединена была къ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ церковное устройство и управленіе должны были здѣсь измѣниться.

Изъ того, что сказано было доселѣ о состояніи православной іерархіи, само собою очевидно уже, что средства содержанія православнаго духовенства были очень скудны и недостаточны. Все, принадлежавшее, по прежнимъ правамъ и привиллегіямъ, православнымъ пастырямъ волынскимъ, теперь принадлежало уже уніатамъ; единственнымъ, можно сказать, источникомъ содержанія православнаго духовенства были добровольныя пожертвованія нѣкоторыхъ благочестивыхъ князей и многихъ дворянъ, пребывшихъ вѣрными православію. Мало по малу, впрочемъ, изсякалъ и этотъ источникъ; многія княжескія и дворянскія фамиліи, какъ мы видѣли, постепенно переходили на сторону уніатовъ, и своимъ

([463]) Ист. Р. Ц. V, 110; Ист. Ун. Б. К. 400—403.

([464]) Та именно часть Волыни, которая въ послѣдствіи вошла въ составъ волынской губерніи (отч. подольской). Прочія области древней Волыни присоединены къ другимъ государствамъ.

примѣромъ, а иногда и властію, увлекали и склоняли на сторону уніи и простой народъ. Слѣдствіемъ этого было изгнаніе православныхъ священниковъ изъ ихъ приходовъ; послѣ чего они лишались уже всякихъ средствъ къ содержанію и принуждены были удаляться въ сосѣднія епархіи, гдѣ права уніи были слабѣе. Извѣстно, что послѣдній православный епископъ удалился изъ Волыни потому, что лишался всякихъ средствъ къ содержанію,—у него отнятъ былъ уніатами «весь хлѣбъ въ замкахъ (465)».

б) Состояніе богослуженія и ученія.

Въ началѣ уніи, доколѣ іезуиты не успѣли еще обольстить многихъ знатныхъ владѣльцевъ волынскихъ, послѣдніе ревностно заботились объ умноженіи и украшеніи священныхъ мѣстъ богослуженія. Въ этомъ отношеніи приснопамятны имена князей Острожскихъ, Четвертинскихъ, Радзивиловъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ и многихъ знаменитыхъ «пановъ», долго пребывшихъ вѣрными древнему православію (466).

Смерть многихъ поборниковъ православія, особенно князя Константина Острожскаго, а вслѣдъ за тѣмъ отпаденіе отъ православной вѣры многихъ обывателей волынскихъ, открыли іезуитамъ полную возможность

---

(465) См. жалобу еп. Кирилла, въ Ист. Ун. Б. Каменскаго, стр. 159.

(466) Въ предисловіи книги: «Бесѣды св. Іоанна Златоуста (Кіевъ. 1623 г.)» описана особенная ревность къ православію князя Стефана—Святополка Четвертинскаго, а также—его предковъ. Здѣсь же говорится о православномъ князѣ Михаилѣ Вишневецкомъ, «поборникѣ по Церкви восточной православной». О другихъ см. Кіевл. 1840 г. «Острожская старина»; Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 22: «гора почаевская (Почаевъ 1772 г.)».

причинять всякія насилія и жестокости православнымъ. Вскорѣ уніаты присвоили себѣ лучшіе монастыри и приходскія церкви; многія церкви запечатывали; священники православные не могли уже свободно совершать таинствъ и церковныхъ обрядовъ, — ихъ вездѣ ловили и мучили ([467]). Уже въ 1599 году, какъ мы видѣли, православные жаловались, что «церкви ихъ, монастыри, храмы, соборы, иные постыднымъ разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ, пролитіемъ крови, человѣкоубійствомъ и неслыханнымъ поруганіемъ не только надъ живыми, но и надъ мертвыми, завладѣны, разорены и опустошены ([467])». Въ 1620 г. волынскій депутатъ Древинскій, въ рѣчи своей предъ сеймомъ, перечисляя различныя насилія, претерпѣваемыя православными отъ уніатовъ, представляетъ, между прочимъ, и то, что «въ большихъ городахъ церкви запечатаны; имѣнія церковныя расхищены; въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, скотъ запираютъ; священники разогнаны; дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ вывозятся; народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, безъ пріобщенія св. таинъ умираетъ ([468])». Въ луцкой епархіи бискупъ Заленскій насильно обратилъ въ унію два монастыря (Зиминскій и Нискиничь) и всѣхъ монаховъ велѣлъ обрить по-римски; шляхтичь Дульскій и княжна Збаражская нѣсколько православныхъ церквей тойже епархіи отдали уніатскому епископу холмскому ([469]). Къ концу царство-

---

([467]) Ист. Ун. Б. К. 57—58.
([468]) Тамъ же, стр. 69—73.
([469]) Тамъ же, стр. 146—148, 193, 241—244.

ванія Сигизмунда III уже не было православныхъ церквей въ Луцкѣ (главномъ городѣ тогдашней Волыни); онѣ сперва обращены были въ питейные домы, а потомъ совершенно уничтожены, — благородные обыватели Волыни, еще свято соблюдавшіе чистоту древней вѣры, много должны были употребить усилій къ построенію храма, въ которомъ могло бы совершаться богослуженіе по обрядамъ «старожитныя, греческія религіи ([470])». Въ Холмѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ «публично ходить со св. тайнами къ больнымъ и умершихъ христіанъ тѣла погребать запрещаемо было». Въ Бѣльскѣ состоялось опредѣленіе, что «еслибы кто изъ мѣщанъ за крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ не пошелъ, таковой смертію казненъ будетъ ([471])».

Состояніе священныхъ мѣстъ богослуженія становилось бѣдственнѣе по мѣрѣ распространенія польскихъ кляшторовъ (монастырей) и костеловъ. Такъ, въ одномъ Луцкѣ явились уже кляшторы — бернардиновъ, тринитаріевъ, бонифратровъ, доминиканъ, кармелитовъ, бригидокъ и шаритокъ (сестеръ милосердія); въ другихъ мѣстахъ волынскаго воеводства основались кляшторы—францисканов, реформатовъ, капуциновъ, августиновъ, маріановъ, піаровъ и др. ([472]). Между тѣмъ короли польскіе предписывали — «не позволять православнымъ ни строить храмовъ, ни избирать осо-

---

([470]) Такъ разорены были церкви—св. Николая, ап. Іакова, Аѳанасіевская, архистр. Михаила, св. Онуфрія, Покрова пресвят. Богородицы, монастырь Пречистенскій; другія же оставлены были въ запустѣніи, какъ церковь св. Димитрія (см. Кіевл. 1841 г. «Луцкъ», стр. 53—54).

([471]) Ист. Ун. Б.—К. стр. 93—94.

([472]) Кіевл. 1841 г. «Луцкъ»; Волын. Зап. Руссова, стр. 76—78.

быхъ священниковъ ([473])». Ревностные исполнители воли короля дѣлали болѣе: не только не дозволяли устроять православныхъ храмовъ, но и тѣ, которые оставались еще православными, обращали въ уніатскіе. Иногда, впрочемъ, универсалы королевскіе не только разрѣшали строить православные храмы; но повелѣвали возвращать и нѣкоторые изъ храмовъ, отнятыхъ уніатами, и вообще имѣть православнымъ такое число храмовъ, какого требовало количество самихъ православныхъ ([474]). Въ исполненіи подобныхъ повелѣній короля прежняя ревность охладѣвала,—и на мѣсто ея являлась іезуитская хитрость; исполненіе королевскихъ указовъ отлагаемо было на послѣдующее время, до тѣхъ поръ, какъ іезуиты снова успѣвали расположить властителей въ свою пользу,—и прежніе указы, благопріятные для православія, отмѣняемы были новыми, дававшими полное право преслѣдовать православныхъ въ ихъ богослуженіи и обрядахъ ([475]). Въ этихъ тяжкихъ обстоятельствахъ православные тѣснѣе прежняго соединялись для защиты вѣры и Церкви, — слѣдствіемъ чего было умноженіе такъ называемыхъ братствъ, явившихся еще въ предъидущемъ періодѣ.

На Волыни особенно замѣчательно въ настоящемъ періодѣ, кромѣ острожскаго и львовскаго, извѣстныхъ еще прежде, луцкое братство св. Креста. Первымъ

([473]) Грам. Сигизмунда III, въ Собр. Вилен. Грам. II, № 13.

([474]) Объ этихъ грам. см. въ Журн. М. Н. П. 1834 г., Декабрь; въ Ист. Ун. Б. К. 95—101; въ Собр. Грам. и Акт. город. минск. губ. «права монаст. и церквей» № 106 (Минскъ, 1848 г.).

([475]) Лѣт. Соб. Югозап. Россіи—Величко I, 19—22, 40.

ктиторомъ его былъ (1617 г.) черничцкій игуменъ, іеромонахъ Герасимъ (Микуличь), въ схимѣ нареченный Григоріемъ. Въ 1618 г. (4 Марта) братство получило королевскую привиллегію на построеніе церкви, школы и больницы; а въ 1620 г. новоучрежденный братскій монастырь получилъ отъ патріарха Θеофана «благословительную грамоту—съ правомъ ставропигіи». Въ томъ же году учреждена была при немъ школа и больница, а потомъ (1635 г.) и типографія. Къ луцкому братству, кромѣ духовныхъ особъ, принадлежали очень многія лица изъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій, многіе запорожскіе казаки и другихъ званій люди, стремившіеся къ поддержанію отечественнаго православія на Волыни. При этомъ братствѣ, по примѣру другихъ, было и меньшее или младенческое, существовавшее «подъ титуломъ великомученика Георгія». Оно первоначально состояло изъ луцкихъ мѣщанъ; потомъ присоединились къ нему — Паисій Ипполитовичъ, епископъ холмскій, Петръ Могила, архимандритъ печерскій и другія духовныя лица (476). Училище при луцкомъ братствѣ, или «греко-латино-словенская школа», основано совѣтомъ и повелѣніемъ Кирилла, патріарха константинопольскаго и благословеніемъ митрополита Іова Борецкаго,... великимъ стараніемъ и накладомъ, и пилностію (усердіемъ) мѣщанъ луцкихъ русского народу святаго закону грецкаго, и милостынями всѣхъ православныхъ христіанъ, яко стану духовнаго, также особъ княжескихъ, панскихъ, шляхец-

---

(476) См. «о памятникахъ луцкаго Крестовоздвиженскаго братства» — въ Кіевл. 1840 г.; также въ Памят. Кіев. Коммис. I, отд. I, стр. 3, 9, 11, 28, 32 и д.

кихъ и всего посполитаго народу, дажъ и до убогихъ вдовицъ ([477])». Предметами ученія были здѣсь—живое знаніе греческаго и славянскаго языковъ, грамматика съ церковнымъ уставомъ, реторика, діалектика, поэзія и исторія. Въ 1634 г. училище это испытало жестокое нападеніе изувѣровъ: послѣ праздничной процессіи нѣсколько принципаловъ и схоластиковъ іезуитской коллегіи, собравъ шайку до 100 человѣкъ, вооруженные напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу; нещадно били и мучили игумена, монаховъ, учениковъ , старцевъ — «абы только былъ Русинъ». Не смотря на то, братство и училище существовали и послѣ того около 100 лѣтъ въ духѣ православія; потомъ подавлены были іезуитами ([478]). Типографія при луцкомъ братствѣ заведена была двумя иноками волынскаго Загоровскаго монастыря—іеромонахомъ Павломъ (Лютковичемъ) и іеродіакономъ Сильвестромъ, которые нѣсколько времени имѣли свою типографію въ м. Четвертнѣ , у князя Григорія Четвертинскаго ([479]).

([477]) Кіевл. 1841 г. стр. 60.

([478]) По изгнаніи православныхъ иноковъ, братскій Крестовоздвиженскій монастырь былъ отданъ уніатамъ; потомъ снова обращенъ былъ въ православную церковь, но послѣ сильнаго пожара совершенно оставленъ. Основанная при монастырѣ церковь Воздвиженская была построена по образцу «ставропигіальнаго храма цареградскаго», и въ 1620 г. отъ патріарха Кирилла была надѣлена правомъ ставропигіи (см. Памят. Кіев. Ком. 1845 г. т. I, отд. I; Кіевлянинъ 1841 г. «Луцкъ»). — Не столько замѣчательны братства, существовавшія въ другихъ мѣстахъ Волыни; такъ напр. братства при церквахъ м. Степани, именно: при Троицкой, Успенской, Преображенской и Николаевской. Изъ нихъ особенно замѣчательно братство Троицкой соборной церкви, при которой учреждена была школа и богадѣльня.

([479]) См. Временникъ 1849 г. «книжная старина южнорусская»; «Обозр, Славянорус. Библіогр.» Сахарева.

Кромѣ типографіи луцкаго братства, на Волыни производилось книгопечатаніе и въ другихъ мѣстахъ. Послѣ типографій—острожской и львовской, основанныхъ прежде, въ первые годы XVII столѣтія, по волѣ князя Константина Острожскаго, устроена типографія въ принадлежавшемъ князю дерманскомъ Троицкомъ монастырѣ, подъ ближайшимъ смотрѣніемъ «пресвитера Даміана ([480])». Около этого же времени видимъ типографію въ волынскомъ мѣстечкѣ Рохмановѣ, гдѣ въ 1619 г. напечаталъ свои проповѣди Кириллъ Транквилліонъ—Ставровецкій. Съ 1638 г. книгопечатаніе производилось въ г. Кременцѣ ([481]). Впрочемъ, всѣ эти типографіи прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ 1-й половинѣ XVII вѣка. Послѣ того на Волыни была только одна славяно-русская типографія — почаевская. Начало книгопечатанія положено въ Почаевѣ еще въ 1618 г. помѣщицею Анною Гойскою; но по смерти ея типографія пришла въ совершенный упадокъ и возобновлена уже въ 1730 г. ([482]).

Главною цѣлью учрежденія типографій было—умножать число богослужебныхъ книгъ, какъ пособій православію. При этомъ, просвѣщенные пастыри волынскіе, замѣчая многія погрѣшности въ различныхъ богослужебныхъ книгахъ, ревностно заботились объ ихъ исправленіи,—сличая текстъ каждой, назначаемой къ печатанію, книги съ древними славянскими списками и съ текстомъ греческимъ. Особенную ревность въ

([480]) См. въ Обозр. Славянорус. Библ. Сахарева.

([481]) Временникъ 1849 г. «книжная старина южнорус.», также Библіогр. Сахарева.

([482]) См. тамъ же.

этомъ дѣлѣ показалъ Гедеонъ, епископъ львовскій: его стараніемъ тщательно исправлены были и изданы въ (Стрятинѣ) служебникъ и требникъ ([483]). Слѣдуя примѣру досточтимаго пастыря, львовское братство, и послѣ Гедеона, не иначе издавало книги, какъ послѣ предварительнаго сличенія текста съ подлинникомъ и славянскими списками ([484]). Братство острожскихъ училищъ не отставало отъ другихъ въ ревности о чистотѣ богослужебныхъ книгъ. Изданный имъ въ 1612 г. часословъ повѣренъ съ греческимъ текстомъ и съ древними славянскими списками, и разности между тѣмъ и другими отмѣчены знаками ([485]).

Памятниками духовнаго просвѣщенія на Волыни, въ періодъ уніи, служатъ многіе переводы отеческихъ писаній, равно какъ и собственныя сочиненія просвѣщенныхъ пастырей и проповѣдниковъ церковныхъ. Одинъ изъ самыхъ достойныхъ представителей православнаго просвѣщенія на Волыни былъ, отчасти уже извѣстный намъ, владимірскій епископъ Леонтій Карповичъ. Православные пастыри, паны и шляхта, граждане и даже грамотные поселяне, по всему княжеству литовско-русскому, съ особеннымъ наслажденіемъ читали всегда слова Леонтія и называли его «подобнымъ Златоусту въ витійствѣ ([486])».

([483]) Ист. Русск. Церкви, IV, 130, 131; см. также предисловіе къ требнику, напечатанное въ Москвитянинѣ 1844 г. № 8.

([484]) Опис. книгъ гр. Толстаго, стран. 184, 185, 211, 224.

([485]) О служебныхъ книгахъ, изданныхъ острожскимъ братствомъ; Строева —Описан. книгъ Толстаго, стр. 232;—Описан. книгъ Царскаго, стр. 293; Дополненіе къ Опис. книгъ Царскаго, № 17; Обозр. славянорус. библіогр. Сахарева.

([486]) О Леонтіи—Маякъ 1843 г. кн. XXI и XXII; въ послѣдней напечатано «Казанье» Леонтія на Преображеніе Господне, гов. 1615 г. Кромѣ

Кромѣ Леонтія извѣстны, какъ проповѣдники и богословы: Лаврентій Зизаній, сперва воспитанникъ, а потомъ учитель львовскаго училища, въ послѣдствіи—«проповѣдникъ и протоіерей въ г. Корпѣ ([487])». Изъ сочиненій его извѣстенъ «большой катихизисъ», писанный имъ на литовскомъ нарѣчіи и напечатанный съ нѣкоторыми перемѣнами въ Москвѣ 1627 г. Имъ же составлена первая, извѣстная намъ, славянская грамматика, изданная 1596 г. въ Вильнѣ ([488]).—Кириллъ Транквилліонъ, учитель и іеромонахъ львовскаго братства, съ 1591 г. проповѣдникъ слова Божія, по благословенію экзарховъ востока и своего епископа Іереміи. Онъ написалъ «зерцало богословія» (изданное 1618 и 1679 г. въ Почаевѣ), «учительное Евангеліе» (изд. 1619 г. въ Рохмановѣ), т. е. поученія на дни воскресные и праздники всего года ([489]).—Іоанникій Галятовскій, настоятель волынскаго купятицкаго монастыря, извѣстенъ особенно своими сочиненіями противъ іезуитовъ и уніатовъ, издававшихъ въ половинѣ XVII столѣтія разныя сочиненія противъ восточной Церкви; извѣстенъ онъ также, какъ проповѣдникъ;

проповѣдей, извѣстны сочиненія Леонтія: «Обличеніе на Унію» (Слов. Дух. Пис. М. Евгенія, II, 7—8) и «Выкладъ на Отче нашъ»; 1-е издано въ Острогѣ 1597 г., а 2-е въ Вильнѣ 1620 г. (Истор. Русск. Ц. IV, 135).

([487]) Нынѣ—мѣстечко новградволынскаго уѣзда.

([488]) Слов. Дух. Пис. II, 1—4; также, Опис. кн. Толстаго, Строева, № 35, 36;—кн. Царскаго, № 77.—О его грамматикѣ, при которой помѣщены молитвы и краткій катихизисъ брата его Стефана Зизанія, см. въ Ист. Литер. Греча, стр. 51.

([489]) Въ санѣ архимандрита черниговскаго Кириллъ сочинилъ «перло многоцѣнное», изд. 1690 г. въ Могилевѣ (Слов. Дух. Пис. I, 335—336; Оп. кн. Толстаго, стр. 142—154; Ж. М. Н. П. 1844 г. Мартъ).

его «ключь разумѣнія» содержитъ поученія на всѣ великіе праздники ([490]). Переводами отеческихъ писаній извѣстенъ Даміанъ пресвитеръ, издавшій (въ Острогѣ 1607 г.) книгу — «лѣкарство на оспалый умыслъ». Книга эта состоитъ изъ двухъ словъ св. Іоанна Златоустаго—1) къ Ѳеодору падшему, 2) на слова: *обаче всуе мятется всякъ человѣкъ живый,* — изъ завѣщанія греческаго царя Василія сыну своему Льву Философу ([491]). Виталій, игуменъ дубенскаго монастыря, перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ книгу— «діоптра, альбо зерцало и выраженіе живота людскаго на семъ свѣтѣ ([492])».

III.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Очевиднымъ и лучшимъ свидѣтельствомъ преданности и любви православныхъ волынянъ къ древней вѣрѣ предковъ служатъ самыя обстоятельства, сопровождавшія введеніе уніи на Волыни. Со всѣми усиліями паписты старались здѣсь обращать православныхъ въ унію или латинство; однакожъ успѣхи ихъ въ этомъ дѣлѣ незавидны были на Волыни, — по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣмъ, что успѣли они сдѣлать для папы въ земляхъ литовскихъ и въ Бѣлорус-

---

([490]) Слов. Дух. Пис. I, 228—232; Строева Оп. кн. Толстаго, №№ 123, 135, 137, 142, 156, 173.

([491]) Ист. Слов. Дух. Пис. I, 110—111.

([492]) Книга эта издаваема была нѣсколько разъ; въ первый разъ напечатана въ Вильнѣ 1642 г. (тамъ же, стр. 76).

сіи ([493]). На Волыни, какъ и во всей Малороссіи, православные жестоко страдали; но терпѣніе ихъ не изнемогало и возвышалось надъ страданіемъ. Когда митрополитъ Петръ Могила возстановилъ кіевскую митрополію и нѣкоторыя епархіи на Волыни,—его привѣтствовали въ Кіевѣ слѣдующими словами: «если бы ты вздумалъ теперь отправиться до предѣловъ русскихъ (малороссійскихъ) и литовскихъ; съ какою радостію тебя встрѣтили бы тѣ, которыми наполнены были темницы, суды и подземелья за непорочную вѣру восточную, и проводили бы тебя до своего руководителя въ терпѣніи, предшественника въ благочестіи, подобнаго Златоусту въ витійствѣ, Леонтія Карповича, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ скончавшагося, — чтобы ты, наглядѣвшись на нетлѣнные его останки и на узы, претерпѣнныя за вѣру, могъ почувствовать, какое великое дѣло совершилъ ты для несчастнаго народа нашего! Тоже показали бы тебѣ и Перемышль, Луцкъ, Холмъ, Бельзъ и множество другихъ городовъ ([494])». Многіе отдавали жизнь злобѣ фанатиковъ, но не измѣняли православной вѣрѣ ([495]). Храбрый гетманъ Наливайко, пламенный защитникъ прародительской вѣры и мученикъ за нее, былъ уроженецъ волынскаго го-

---

([493]) Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ продолженіи сорока лѣтъ, изъ четырехъ милліоновъ жителей, половина православныхъ обращена къ уніи или латинству (см. Ист. Польск. Королев. Бандтке, т. I, стр. 272—274).

([494]) Mnemosyne slawy prac i trudow Piotra Mohily; Приб. къ Твор. св. Отц. ч. IV, стр. 44.

([495]) Это, по преимуществу, надобно сказать о среднемъ и низшемъ сословіи народа. Отсюда произошло названіе—«холопская вѣра», которое на языкѣ уніатовъ означало православное восточное вѣроисповѣданіе (см. Истор. Малорос. Маркевича, I, 119).

рода Острога. Іезуитъ Янчинскій вотъ что говоритъ о ревности отца и братьевъ Наливайки къ вѣрѣ православной: «отецъ его имѣлъ трехъ сыновей, отличавшихся своимъ наслѣдственнымъ нечестіемъ (приверженностію къ православію). Старшій былъ соборнымъ протопопомъ въ острожскомъ замкѣ, и притомъ самый закоснѣлый схизматикъ; предъ смертію своею онъ запретилъ хоронить себя при церкви, представляя тому такую причину: знаю, говорилъ онъ, что въ Острогѣ водворится латинская вѣра; почему похороните меня въ полѣ, чтобы и кости мои не сблизились съ латинскою церковію. Меньшій братъ Наливайки не уступалъ старшему въ нечестіи (496)».

Гоненія на православіе возбудили ревность къ иночеству. Православные дворяне строили монастыри, какъ надежнѣйшія твердыни для православія, какъ мѣста духовной тишины для страдальцевъ времени (497). Въ самыхъ монастыряхъ угнѣтаемые ненавистію и бѣдностію православные искали утѣшеній небесныхъ и цвѣли благочестіемъ. Митрополитъ Петръ Могила, представляя сравнительную картину монастырей и церквей, отнятыхъ уніатами и оставшихся у православныхъ, говорилъ уніату Кассіану Саковичу, архимандриту дубенскаго монастыря: «посмотри на свою братію—уніатовъ, что они дѣлаютъ съ монастырями и

(496) См. въ Кіевлян. 1840 г. «Острожская старина».

(497) Въ Ист. Росс. Іерар. хронологич. списокъ монастырей; Ис. Унія, 147—148; Молодикъ 1844 г. стр. 223; Кіевл. 1841 г. стр. 117; Предисловіе къ Бесѣдамъ св. Златоуста на 14 Посл. ап. Павла, Кіевъ. 1623 г. Здѣсь описана особенная ревность къ православной Церкви князей Четвертинскихъ и Вишневецкихъ.

церквами, которыя надѣлены были имѣніями?... Не говорю о другихъ меньшихъ монастыряхъ, которые вашею уніею до основанія ниспровергнуты. Пойди только на Волынь: посмотри, что дѣлается въ древнемъ монастырѣ жидичинскомъ, и скажи намъ, сколько тамъ монаховъ и какой чинъ содержится? Посмотри на древній монастырь дорогобужскій. Не найдешь ли тамъ только архимандрита съ послушникомъ? Посмотри и на мірскія церкви: до чего доведены со времени управленія вашихъ уніатовъ?... Но, съ другой стороны, посмотри безпристрастно на наши православные убогіе монастыри, угнѣтаемые различными бѣдствіями: посмотри на монастырь тригорскій (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Житомира) общежительный, и тамъ увидишь, по крайней мѣрѣ, восемьдесятъ иноковъ, въ великомъ смиреніи проходящихъ тѣсный путь евангельскій. Посмотри на монастырь креховскій (подъ Львовомъ): тамъ — нѣсколько десятковъ иноковъ безъ всякаго имѣнія благочестиво проводятъ жизнь. Взгляни еще на братства—виленское, кіевское, луцкое и многія другія въ королевствѣ польскомъ и княжествѣ литовскомъ: какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И—согласись, что, какъ было во времена Апостоловъ среди бѣдствій, нуждъ и всякихъ утѣсненій, — такъ и у насъ, православныхъ Русскихъ, по слову Божію, сила Божія въ немощахъ совершается ([498])».—Ѳеофанъ, патріархъ іерусалимскій, въ грамотѣ своей на сооруженіе въ Луцкѣ Крестовоздвиженской церкви писалъ, что находящіеся въ епар-

([498]) Приб. къ Твор. св. Отц. ч. IV—«Петръ Могила, М. Кіевскій»—стр. 51—56.

хіи луцкой братія рачительны и заботливы о милостыни». Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и грамота Кирилла, патріарха константинопольскаго ([499]).

Высокимъ образцомъ подвижнической жизни служилъ блаженный Іовъ, по прозванію Железо. Сдѣлавшись извѣстнымъ по строгости жизни еще въ молодыхъ лѣтахъ, онъ вызванъ былъ княземъ Острожскимъ изъ угорскаго — червонноръускаго монастыря въ дубенскій монастырь Честнаго Креста, и двадцать лѣтъ управлялъ братіею послѣдняго. Вельможи и народъ питали къ нему особенное уваженіе и приходили слушать его наставленія. Убѣгая отъ почестей, тайно удалился онъ въ почаевскую гору; здѣсь также избрали его въ игумена, и онъ, видимо преуспѣвъ въ духовной жизни, переселился въ блаженную вѣчность въ 1651 году Октября 18, по истеченіи столѣтней, многотрудной жизни своей. Мощи преподобнаго торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ и теперь открыто почиваютъ въ почаевской Успенской лаврѣ ([500]).

Нетлѣніемъ мощей прославлены также нѣкоторые, положившіе животъ свой за православіе. «Къ числу нетлѣнно почивающихъ святыхъ, писалъ Георгій Конисскій въ утѣшеніе православію, надобно отнесть преподобномученика нашей церкви Аѳанасія Филипповича, убіеннаго (около 1648 г.) папистами за вѣру въ брестскомъ православномъ монастырѣ загородномъ,

---

([499]) Памятн. Кіевск. Коммисс. т. I, отд. I, стр. 12, 19.

([500]) См. Житіе препод. отца нашего Іова Железа, списанное ученикомъ его іеромонахомъ Досиѳеемъ, напечат. въ Почаевѣ, безъ означенія года; также Маякъ 1843 г. т. XXIII; Ист. Іерарх. V, 359.

уже больше полутора ста лѣтъ Божіею силою цѣло и невредимо почивающаго ([501])». Точно также пострадалъ св. преподобномученикъ Макарій, архимандритъ овручскаго монастыря ([502]).

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ —

СО ВРЕМЕНИ ПРИСОЕДИНЕНІЯ ВОЛЫНИ КЪ РОССІИ ДО НАСТОЯЩИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Съ 1793 года начался новый періодъ состоянія православной Церкви на Волыни,—когда, освободясь отъ чуждой власти, она возвратилась подъ родной кровъ православныхъ Русскихъ Государей. Св. вѣра, проповѣданная равноапостольнымъ Владиміромъ, и основанная имъ православная Церковь, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ гонимая и тѣснимая западомъ, наконецъ восторжествовала. Съ присоединеніемъ Волыни къ Россіи, жителямъ, вмѣстѣ съ правами гражданства, возвращена свобода исповѣданія; вскорѣ затѣмъ, православная Церковь волынская, получивъ самостоятельное управленіе въ лицѣ своего архипастыря, сравнена въ правахъ съ прочими епархіями, находящимися въ Россійской Имперіи.

Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, какъ мы видѣли, унія распространилась по всѣмъ областямъ волынскимъ, и большая часть жителей волею и неволею принадлежала уже къ уніи. Когда Волынь присоеди-

---

([501]) Ист. Уніи Б. К. стр. 314—315.

([502]) Ист. Іерарх. V, 359; см. также Житіе св. Макарія, описанное преосв. Гедеономъ, архіеп. полтавскимъ. Спб. 1848 г.

нена была къ Россіи, Императрица Екатерина II предоставила ([503]) уніатамъ и римскимъ католикамъ «пользоваться свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, при всѣхъ правахъ, принадлежащихъ къ свободному отправленію ихъ богослуженія и церковнаго порядка ([504])». Не смотря на это, весьма многіе уніаты, или правильнѣе—казавшіеся уніатами только по крайней необходимости ([505]), — объявили желаніе присоединиться къ православной Церкви. Въ слѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію 16 Мая 1794 г., Святѣйшій Сvнодъ сдѣлалъ распоряженіе, по которому минскому архіепископу, управлявшему и волынскими церквами ([506]), присланы были изъ сосѣднихъ епархій духовнаго званія люди, способные къ наученію и обращенію уніатовъ; для православныхъ и возвращенныхъ отъ уніи церквей прислано около 2500 антиминсовъ и довольный запасъ св. мvра; на церковныя ризницы Императрица пожаловала свой гардеробъ, — и вскорѣ указомъ (1795 г. 12 Апр.) Св. Сvноду объявила, что уже болѣе милліона жителей

([503]) Гродненскимъ трактатомъ, заключеннымъ 11 Іюля 1793 г. съ польскимъ сеймомъ.

([504]) Опис. Кіевософ. Соб. 274.

([505]) Когда церкви православныя были обращаемы въ уніатскія, — изъ нихъ уніаты выбрасывали иконостасы; прихожане этихъ церквей, обращенные также въ унію, но въ душѣ всегда преданные вѣрѣ православной, сохранили эти иконостасы, и теперь, когда снова возвращена свобода вѣроисповѣданія, они ставили ихъ на прежнія мѣста и съ благоговѣніемъ молились за своихъ избавителей (см. Кіевлянинъ. 1840 г. «Волынь»).

([506]) По указу св. Сvнода отъ 13 Апр. 1794 г., минскій архіепископъ именовался еще изяславскимъ и браславскимъ отъ городовъ—Изяслава или Заславля (нын. уѣзд. гор. волын. губ.) и Брацлава (причисленнаго къ подольской губерніи).

новопріобрѣтенныхъ отъ Польши областей присоединено къ православію; а по указу Св. Сνнода (отъ 4 Іюня) число возвращенныхъ церквей простиралось до двухъ тысячъ съ половиною ([507]).

Въ 1795 г. открыта каѳедра въ Житомирѣ для викарія минскаго; архіерей именовался житомирскимъ, а минскому архіепископу повелѣно именоваться минскимъ и волынскимъ. Для помѣщенія преосвященнаго Варлаама, епископа житомирскаго, викарія минскаго, указомъ Св. Сνнода (отъ 24 Мая того же года) назначенъ острожскій Преображенскій монастырь; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было учредить особую консисторію съ подвѣдомствомъ уѣздовъ — житомирскаго, острожскаго и др. ([508]).

Государь Императоръ Павелъ I-й, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, обратилъ попечительное вниманіе и на обращенныхъ отъ уніи къ православію подданныхъ своихъ въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши областяхъ. Узнавши, что духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православной греко-россійской Церкви и всячески стараются по прежнему обращать православныхъ въ унію, повелѣлъ, «чтобы пребывающіе въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ разныхъ наименованій и чиновъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско-католическое

([507]) Эти числа, впрочемъ, простираются на три новоучрежденныя тогда губерніи: минскую, изъяславскую (нын. волынскую) и брацлавскую (нын. подольскую). См. Оп. К. С. 273.

([508]) Ист. Р. Іер. I, 27; Оп. Кіев. Соб. 275 — 277. Уніатская консисторія находилась въ г. Луцкѣ, при епископѣ Стефанѣ Левинскомъ.

исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свободою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно совѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно всякаго рода подданныхъ, одну съ нами православную вѣру исповѣдающихъ; но даже не стѣсняли бы свободы и тѣмъ, кои сами пожелаютъ присоединиться къ православной Церкви; не дѣлали бы отнюдь и самомалѣйшаго помѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на олтаряхъ сей Церкви, и не оскорбляли ничѣмъ священныхъ и церковныхъ ея служителей, подъ опасеніемъ наказанія по всей строгости законовъ (509)». Вскорѣ потомъ, когда доведено было до свѣдѣнія правительства, что многихъ удерживаетъ въ уніи особенная привязанность и довѣріе къ прежнимъ своимъ священникамъ, скорая перемѣна нѣкоторыхъ уніатскихъ обрядовъ, крестныхъ ходовъ и т. п.,—Св. Сѵнодъ, чтобы отвратить эти препятствія и затрудненія, указомъ отъ 24 Сентября 1797 г. преосвященному Варлааму, епископу житомирскому, предписалъ— «дозволить нѣкоторые обряды и крестные ходы, гдѣ они бывали, и даже допускать въ оные уніатскихъ священниковъ вмѣстѣ съ православными, удаляться распрей о вѣрѣ и соблюдать христіанскую любовь (510)».

Поборники папизма все еще не теряли надежды покорить папѣ жителей Волыни; и страсть западнаго духовенства къ обращенію иновѣрцевъ и распространенію своей власти на чужія паствы скоро обнару-

---

(509) См. Манифестъ, изданный на русскомъ и польскомъ языкахъ 18 Марта 1797 г. (Оп. К. С. 280).

(510) Опис. Кіев. Соб. 282.

жилась въ обыкновенныхъ своихъ дѣйствіяхъ. Преосвященный Варлаамъ въ 1798 и 1799 г. доносилъ Св. Сvноду, что «уніатскіе епископы, священники и помѣщики убѣжденіемъ и разнаго рода насиліями не только препятствуютъ народу обращаться къ православію, но и обращенныхъ соблазняютъ и совращаютъ; особенно священники, оставшіеся въ прежнихъ своихъ приходахъ среди православнаго народа, совершаютъ свое богослуженіе въ костелахъ, въ часовняхъ и въ помѣщичьихъ домахъ съ подвижными антиминсами, продолжаютъ исправлять и приходскія требы, строятъ новыя церкви, изгоняютъ православныхъ священниковъ, отнимаютъ у нихъ церковныя земли и угодья, ругаются надъ православною Церковію и ея таинствами; а помѣщики обращаютъ нѣкоторые приходы прямо въ латинство, не смотря на буллу папы Венедикта XIV, запрещающую обращать уніатовъ въ римскую вѣру». Св. Сvнодъ, по сношеніи съ Правительствующимъ Сенатомъ, принялъ надлежащія мѣры къ прекращенію такого самоуправства римскихъ католиковъ и уніатовъ. Государь Императоръ издалъ строгое повелѣніе—«судить духовныхъ, которые дерзнутъ совращать изъ господствующаго исповѣданія въ римско-католическое»; и поелику подобнымъ бсзпорядкамъ много содѣйствовала верховная власть западной іерархіи, то указомъ (17 Марта 1799 г.) подтверждено римско-католическому митрополиту управлять своими церквами въ Россіи безъ всякаго сообщенія съ заграничнымъ начальствомъ ([511]). Такимъ образомъ, мало по малу

([511]) Опис. Кіев. Соб. 283—284.

прекращены были безпорядки, происходившіе отъ вмѣшательства въ дѣла Церкви православной римскаго и уніатскаго духовенства.

Наконецъ, указомъ св. Сѵнода отъ 16 Октября 1799 г. учреждена волынская епархія самостоятельная, и житомирскому епископу, именовавшемуся викаріемъ, повелѣно быть мѣстнымъ третьяго класса и именоваться волынскимъ-житомирскимъ ([512]). Въ томъ же году учреждена, для воспитанія духовнаго юношества, семинарія волынская - житомирская, и отдѣлено было на содержаніе ея отъ минской семинаріи 1000 р.; но въ 1800 г. положена особенная сумма по 3000 р. въ годъ ([513]). Семинарія помѣщена въ томъ же острожскомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ епархіальный архіерей и гдѣ помѣщалась также консисторія. Въ 1821 году зданіе острожскаго монастыря истреблено было пожаромъ; вскорѣ послѣ этого консисторія и семинарія переведены въ м. Аннополь, гдѣ жилъ нѣкоторое время и епархіальный архіерей. Въ 1831 году, послѣ возвращенія древне-православной обители почаевской отъ уніатовъ, владѣвшихъ ею болѣе столѣтія, обитель эта сдѣлалась мѣстопребываніемъ епархіальныхъ архіереевъ и консисторіи до 1840 года,

---

([512]) Первымъ мѣстнымъ епископомъ волынскимъ былъ Варлаамъ (1799—1805 г.); вторымъ—Даніилъ (—1813 г.); третьимъ—Стефанъ (—1829 г.); четвертымъ—Амвросій (—1832 г.); пятымъ—Иннокентій (—1840 г.); шестымъ—преосвященный Никаноръ (нынѣ митрополитъ новгородскій, с. петербургскій, эстляндскій и финляндскій) (—1848 г.); седьмымъ — преосвященный Арсеній (съ 1849 г. и до нынѣ). Ист. Р. Іерар. I, 27—28; Оп. Кіев. Соб. 284.

([513]) Ист. Рос. Іерар. I, 454.

когда послѣдовалъ указъ (отъ 22 Октября) Св. Сѵнода о перемѣщеніи епархіальнаго архіерея съ консисторіею въ губернскій городъ Житомиръ. Семинарія оставалась въ Аннополѣ до 1836 года, въ которомъ переведена въ г. Кременецъ, гдѣ находится и донынѣ.

Еще въ 1833 году, въ слѣдствіе представленія. Св. Сѵнода, Государь Императоръ въ 14 день м. Октября изволилъ повелѣть: «почаевской обители именоваться лаврою и занимать четвертое мѣсто въ числѣ лавръ, существующихъ въ Россійской Имперіи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященный Иннокентій, бывшій тогда епископъ волынскій, пожалованъ въ архіепископа и священно-архимандрита почаевской лавры ([514]). Во время управленія волынскою епархіею преосвященнаго Иннокентія, число членовъ православной Церкви увеличилось на Волыни чрезъ возсоединеніе уніатовъ, нѣкогда отторгнутыхъ отъ православія насиліемъ, а теперь съ радостію и любовію возвратившихся въ нѣдра единой истинной Церкви Христовой.

Въ 1841 году учреждено волынское викаріатство ([515]). Преосвященному викарію волынскому усвоено наиме-

---

([514]) По штату въ почаевской Успенской лаврѣ положено быть: намѣстнику 1-му, эконому—1-му, казначею—1-му, ризничему—1-му, іеромонахамъ—20-ти, іеродіаконамъ—10-ти, монахамъ — 10-ти, послушникамъ—до 45-ти.

([515]) Еще прежде (съ 1834 г.) викаріемъ волынскимъ считался нѣкоторое время епископъ варшавскій (Антоній, бывшій потомъ митрополитъ новгородскій и с. петербургскій): но собственно волынское викаріатство учреждено въ 1841 г. Первымъ викаріемъ волынскимъ былъ (1841 — 1844 г.) преосвященный Анатолій (нынѣ архіепископъ могилевскій и мстиславскій). Въ 1845 г. хиротонисанъ во епископа острожскаго, викарія волынскаго, дерманскаго первокласнаго монастыря настоятель, архимандритъ Іерооей.

нованіе епископа острожскаго; для помѣщенія какъ самаго преосвященнаго, такъ и его свиты назначена почаевская лавра. Здѣсь жилъ преосвященный викарій до 1843 года, — когда преосвященному Никанору, бывшему тогда архіепископу волынскому-житомирскому, именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно быть «членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ, священно-архимандритомъ почаевскія лавры и управляющимъ волынскою епархіею (516)». Съ этого времени преосвященные архіепископы варшавскіе, управляющіе волынскою епархіею, имѣютъ своимъ мѣстопребываніемъ г. Варшаву; а преосвященные викаріи волынскіе живутъ въ губернскомъ городѣ Житомирѣ, гдѣ находится и духовная консисторія (517).

Вотъ краткій очеркъ состоянія православной Церкви волынской въ послѣднемъ періодѣ! — Волынь, долго томившаяся подъ бременемъ чуждой власти, наконецъ соединилась съ роднымъ своимъ отечествомъ,—и нашла въ русскомъ государствѣ надежнѣйшія опоры для своего благоденствія. Подъ верховною властію русскихъ Самодержцевъ, быстро возстановленъ былъ на Волыни порядокъ церковнаго благоустройства и благочинія, совершенно ниспровергнутыхъ уніей. Право-

---

(516) См. Указъ св. Сѵнода поч. лаврѣ отъ 27 Янв. 1843 г.

(517) Въ волынской епархіи—около 1800 церквей; 9-ть монастырей, изъ коихъ 7 мужеск., а 2 женскихъ; 1-на семинарія, 4 уѣздныхъ и 5-ть приходскихъ духовныхъ училищъ (см. Извлеч. изъ Отчета Оберъ-Прокурора св. Сѵнода за 1838 годъ).

славная вѣра, святотатственно похищенная у древле православныхъ жителей Волыни, возвращена имъ, какъ священнѣйшее наслѣдіе предковъ, и, сдѣлавшись господствующею на Волыни, вмѣстѣ съ собою повсюду водворила правду, миръ и любовь — залогъ всѣхъ благъ, необходимыхъ для истиннаго счастія народовъ!

ВОЗРАСТЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НРАВСТВЕННОСТИ.

Жизнь человѣка, раздѣляясь на извѣстные возрасты, какбы на нѣкоторые періоды, сообразно съ постепеннымъ возрастаніемъ и упадкомъ его силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, должна быть всецѣло посвящена добродѣтели. Дитя, только что вышедшее изъ пеленъ, хотя не можетъ само понимать , что такое добродѣтель и нравственная жизнь, но уже начинаетъ ее худо или хорошо подъ руководствомъ своихъ родителей и воспитателей. Въ первыхъ улыбкахъ его, обращенныхъ къ матери, въ первыхъ словахъ, которыя оно произноситъ , въ первыхъ сознательныхъ движеніяхъ его уже просвѣчиваетъ доброе или худое направленіе, сообщенное его душѣ.—Какъ образуются первыя наклонности въ дѣтяхъ, не трудно понять. На нихъ все имѣетъ вліяніе. Нѣжный взоръ матери, ласки отца, образъ жизни и дѣйствій нянекъ и приставниковъ, лица, окружающія ихъ, тысяча предметовъ, которые попадаются имъ предъ

глаза, производя на душу ихъ извѣстное впечатлѣніе, оставляютъ въ ней слѣдъ хорошій или дурной. Можно сказать, что дитя почти въ одно время начинаетъ жизнь тѣлесную и нравственную и что сѣмена добродѣтели или порока бываютъ посѣяны въ его душѣ прежде, нежели оно будетъ въ состояніи ясно различать добродѣтель отъ порока. Если такъ рано человѣкъ начинаетъ жить духовною жизнію: то какія важныя обязанности лежатъ на родителяхъ и приставникахъ малютки, которые руководствуютъ его жизнію, и сколько вреда можетъ причинить ему одна, для нихъ едва замѣтная или же безъ вниманія допущенная неосторожность! Дитя воспріимчиво ко всему доброму: довольно одного взгляда, выражающаго упрекъ, чтобы заставить его заплакать и раскаяться въ своемъ проступкѣ; достаточно одного ласковаго слова, чтобы возбудить, ободрить и укрѣпить его къ совершенію добраго дѣла, иногда труднаго даже для возрастныхъ. Когда отецъ или мать ласковымъ словомъ, легкою похвалою или только взоромъ одобрятъ дитя за то, что оно хорошо стояло во время богослуженія: для малютки достаточно, чтобы не отстать отъ своей матери или отъ своихъ старшихъ братьевъ ни въ ранній часъ утра, ни въ поздній часъ вечера, если только въ храмѣ совершается богослуженіе. Дитя не все понимаетъ, что ему говорятъ: но оно пойметъ, когда будетъ въ состояніи понимать,—пойметъ и то, что слышало въ дѣтствѣ, но не понимало, и то, что видѣло, но равно не понимало,—пойметъ худое и хорошее, доброе и злое, и это не останется безъ вліянія на него. Кто не слыхалъ, какъ люди пожилые съ удовольствіемъ вспоминаютъ о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда примѣръ отца и матери возбуждалъ ихъ къ

добрымъ дѣламъ? Кто не знаетъ примѣровъ того, какъ воспоминаніе объ этихъ золотыхъ дняхъ удерживало отъ паденія людей, колебавшихся между требованіями долга и увлеченіями порока? Самый злой человѣкъ, давно отвыкшій произносить имя Божіе, въ минуту душевной туги обращая взоръ къ небу, молится тою молитвою, которой въ дѣтствѣ научила его любовь отца и матери,—и сердце его обновляется воспоминаніемъ о благочестивыхъ расположеніяхъ дѣтства! Дитя не понимаетъ многаго: но если оно не понимаетъ словъ, то понимаетъ примѣръ. Съ удовольствіемъ припоминаю совѣтъ одного уважаемаго отца семейства, данный по поводу вопроса: какъ учить дѣтей благочестію, когда они еще не понимаютъ словъ наставленія? «Молишься ли ты дома, или идешь къ обѣднѣ въ церковь, поставь и дитя съ собою на молитву; если оно не умѣетъ сдѣлать поклона, положи на немъ его же рукой крестное знаменіе и наклони его голову: такой урокъ молитвы и понятнѣе и памятнѣе всякаго словеснаго наставленія. Пусть дитя подастъ милостыню, если у твоего порога будетъ нищій; пусть оно снесетъ подаяніе больному, который самъ не могъ къ тебѣ придти». Дитя не понимаетъ многаго: а сколько людей винятъ своихъ родителей и воспитателей за то, что они не предостерегли ихъ отъ паденій въ первые годы дѣтства, дали развиться въ нихъ наклонностямъ, которыя отняли у нихъ душевный покой и разрушили ихъ счастіе? Сколько отцевъ винятъ самихъ себя въ несчастіи своихъ дѣтей и почитаютъ дурную жизнь ихъ справедливымъ наказаніемъ для себя за то, что не смотрѣли за ними въ дѣтствѣ, были снисходительны

къ ихъ вольностямъ и равнодушны къ ихъ слабостямъ?— Дитя любопытно и, какъ еще не осмотрѣвшееся въ мірѣ дѣйствительномъ, расположено вѣрить всему таинственному и чудесному: неблагоразуміе приставниковъ и воспитательницъ, питая дѣтское любопытство, населяетъ иногда дѣйствительный міръ призраками и окружаетъ дитя мечтами своего воображенія: что за пріобрѣтеніе для малютки? Но сколько радостей, сколько чистыхъ удовольствій на цѣлую жизнь пріобрѣтаютъ тѣ дѣти, которымъ въ дѣтствѣ, вмѣсто пустыхъ разсказовъ о тѣняхъ и привидѣніяхъ, внѣдряютъ въ мысль христіанское ученіе объ ангелѣ-хранителѣ, наблюдающемъ за нами на каждомъ шагу, помогающемъ намъ въ совершеніи добрыхъ дѣлъ и отвращающемъ насъ отъ зла, или скорбящемъ, когда зло допущено. Надобно сказать и то, что дитя, не зная еще темной стороны жизни, не извѣдавъ ея нуждъ, скорбей и лишеній, все представляетъ въ лучшемъ видѣ противъ дѣйствительности: и на эту сторону дѣтства можно дѣйствовать съ пользою, чтобы образовать въ дитяти открытый и довѣрчивый характеръ. Наконецъ, дитя стыдливо,—прекрасное свойство невинности, за которое нельзя достойно возблагодарить Провидѣніе, потому что стыдливость предохраняетъ человѣка отъ множества искушеній и грѣховъ и предотвращаетъ тысячи паденій.

Много и другихъ прекрасныхъ свойствъ, принадлежащихъ, по преимуществу, дѣтскому возрасту, изъ которыхъ при благоразумномъ воспитаніи можно образовать высокій нравственный характеръ. Конечно, какъ мы всегда обязаны быть добрыми, такъ добрыми сдѣ-

латься никогда не поздно и никакой возрастъ не помѣшаетъ этому: но также никакой возрастъ не благопріятствуетъ столько утвержденію въ человѣкѣ истинныхъ понятій и правилъ добродѣтели, какъ возрастъ дѣтскій. Отцы и матери! На васъ лежитъ первая забота о сохраненіи невинности дѣтей, образованіи ихъ сердца и ума добрымъ примѣромъ, благими внушеніями. Съ васъ взыщетъ Господь грѣхи ихъ, если они произошли отъ вашего нерадѣнія; на васъ упадетъ стыдъ ихъ пороковъ и старость ваша не будетъ успокоена дѣтьми ненаказанными. *Ласкай чадо и устрашитъ тя, играй съ нимъ и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболиши о немъ и напослѣдокъ стиснеши зубы твоя. Не даждь ему власти въ юности и не презри невѣденія его* (Сир. 30, 9—11). На непорочность дѣтей Спаситель міра указалъ, какъ на образецъ, къ которому должны всѣ приближаться, чтобы удостоиться царствія небеснаго: *аще не обратитеся и не будете, яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное* (Матѳ. 18, 3). Но съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ изрекъ угрозу тяжкимъ наказаніемъ тому, кто соблазнитъ дитя къ паденію или будетъ служить орудіемъ его паденія: *глаголю вамъ: иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ мя, уне ему есть, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Матѳ. 18, 6).

Переходя изъ дѣтскаго возраста въ юношескій, человѣкъ имѣетъ уже достаточный запасъ понятій о худомъ и хорошемъ, довольно склонностей худыхъ и хорошихъ. Счастливъ юноша, который перешелъ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій съ неиспорченнымъ сердцемъ, съ душею, не растлѣнною порокомъ! Но

посмотримъ на юношескій возрастъ независимо отъ пріобрѣтенныхъ въ дѣтствѣ наклонностей, худыхъ или хорошихъ. Что представляетъ онъ въ отношеніи къ нравственности?

Возрастъ юношескій есть возрастъ, полный силъ и здоровья, цвѣтущій надеждами и красотою. Въ эти лѣта раскрывается сознаніе, разсудокъ крѣпнетъ, воображеніе переходитъ изъ міра воображаемаго въ дѣйствительный; душа, какъ цвѣтокъ, раскрывается изъ своей почки. Богатая силами молодость не знаетъ имъ мѣры; спѣшитъ жить, потому что силы ея кипятъ и и просятъ дѣятельности, ищутъ простору. Ничто не удерживаетъ ихъ порыва. Юная жизнь, какъ весенній потокъ, выступаетъ изъ береговъ и разливается во всѣ стороны. Какъ человѣкъ, увидѣвшій въ своей власти богатства, о которыхъ онъ прежде не зналъ, спѣшитъ воспользоваться всѣмъ вдругъ: такъ и душа, увидавши себя госпожею собственныхъ силъ, которыя были до сего времени какъ будто закрыты отъ ней, старается всѣ ихъ привесть въ движеніе. Все ли онъ можетъ сдѣлать, что хочетъ,—хорошо ли, полезно ли это для него будетъ,—юноша часто не знаетъ, потому что не знаетъ, что онъ въ состояніи сдѣлать своими силами; не знаетъ этого ранняго истощенія силъ, которыя заставили бы его быть расчетливымъ и разборчивымъ въ трудахъ. Для него все ново; ему хочется все узнать, извѣдать, осмотрѣть. Многое онъ видалъ въ дѣтствѣ: но теперь смотритъ на все за-ново, и предметы имѣютъ для него двойную занимательность — новизны и дѣтскихъ воспоминаній. Неразумный юноша! Придетъ время и, можетъ быть, очень скоро, когда это обиліе

силъ, которымъ ты не зналъ мѣры, эта крѣпость здоровья, которую ты считалъ несокрушимою, истощатся незамѣтно для тебя самаго. Надежды твои разсѣются, какъ облака, гонимыя вѣтромъ, и мечты, въ которыхъ ты жилъ, исчезнутъ, какъ паръ послѣ солнечнаго восхода. Трудись, но соразмѣряй силы съ трудомъ. Кто не посѣялъ въ юности, тотъ ничего не пожнетъ въ старости. Но сберегай силы и для лѣтъ мужества и старости, чтобы не пропали даромъ сокровища твоихъ трудовъ.

Юность есть время воспитанія, обогащенія ума познаніями, воли правилами, и образованія вкуса къ прекрасному. Въ неустроенный еще міръ понятій, собранныхъ во время дѣтства, вносится мысль, порядокъ, и этимъ собственно полагается основаніе для всей послѣдующей жизни человѣка. Смотря по тому, какое направленіе получили его понятія въ юности, они даютъ такое же направленіе цѣлой его жизни. Кто слышалъ въ юности и запечатлѣлъ въ сердцѣ здравое ученіе, проникнутое благоговѣніемъ къ вѣрѣ и святынѣ, преданностію власти, уваженіемъ къ старшимъ, — кто навыкъ уважать истинныя достоинства человѣка, а не преходящія и ложныя,—кто внималъ благимъ совѣтамъ и не слушалъ льстивыхъ внушеній порока, — кто подъ надзоромъ своихъ руководителей научился находить и цѣнить подлинное достоинство вещей, а не внѣшній блескъ, искать красоты, питающей и возвышающей душу, а не льстящей тщеславію и чувственности: тотъ имѣетъ прочное основаніе для счастливой будущности. Но кто имѣлъ несчастіе слышать противныя внушенія въ духѣ равнодушія къ святынѣ,

вольности въ мысляхъ и необузданной свободы въ дѣйствіяхъ, — кого учили пренебрегать стыдомъ или поставлять ложный стыдъ выше справедливости,—кто обогатилъ свой умъ познаніями, но не получилъ понятія о высшей цѣли, къ которой они должны быть направлены,—кто навыкъ измѣрять счастіе жизни мѣрою чувственнаго наслажденія, а еще болѣе—кто наученъ дурнымъ склонностямъ и примѣромъ или внушеніемъ введенъ въ тайны порока: тому трудно будетъ дать новое направленіе своимъ мыслямъ, усвоить новыя правила, преодолѣть и оставить дурныя склонности, однимъ словомъ — преобразовать свою жизнь, хотя бы въ послѣдствіи онъ и увидѣлъ, что идетъ не прямымъ путемъ.

Съ этой стороны для образованія юноши имѣютъ чрезвычайную важность выборъ для него наставниковъ и руководителей, а равно и общество его сверстниковъ.

Опытный и благонамѣренный наставникъ, особенно когда предметъ его наставленій имѣетъ ближайшее отношеніе къ нравственной жизни,—великое сокровище для юноши. Прежде, нежели человѣкъ придетъ въ состояніе самъ обсуживать свои мысли и опредѣлять ихъ значеніе, онъ навыкаетъ этому отъ другихъ, и ближайшимъ образомъ, конечно, отъ своихъ наставниковъ. Усвояя ихъ понятія, мысли, наставленія, онъ усвояетъ ихъ съ опредѣленнымъ выраженіемъ, характеромъ, взглядомъ на жизнь. Всякій, кто сколько-нибудь наблюдалъ надъ своими мыслями и дѣлалъ пріемы самостоятельной оцѣнки вещей, знаетъ, что можно судить о вещахъ не только различно, но и совершен-

но противоположно съ другими; знаетъ, что, видя иной предметъ постоянно, мы можемъ не понимать его или понимать превратно. Доколѣ молодый человѣкъ не достигъ до собственнаго сужденія, въ его умѣ отпечатлѣвается образъ мыслей его наставника, и чѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется руководитель, тѣмъ вліяніе его сильнѣе на жизнь юноши.

Подобное же надобно сказать объ обществѣ сверстниковъ юноши. — И въ этомъ маломъ обществѣ, какъ въ большомъ, есть неравенство дарованій, успѣховъ, различіе склонностей и навыковъ къ хорошему и худому. Мысли ихъ обобщаются въ товарищескихъ разговорахъ, въ выраженіяхъ удовольствія и неудовольствія однихъ къ поступкамъ другихъ и множествомъ другихъ путей, которые ускользаютъ отъ самаго тщательнаго надзора воспитателей. Этотъ обмѣнъ понятій между воспитанниками, усвоеніе одними отъ другихъ ихъ мыслей, а иногда и склонностей, начинается съ первыхъ лѣтъ ихъ товарищеской жизни и продолжается во весь періодъ воспитанія. Плоды добрыхъ внушеній, эти цвѣтки, всѣянные материнскою рукою въ душу дитяти, блекнутъ и осыпаются иногда съ первымъ дуновеніемъ тлетворныхъ внушеній худаго товарищества. Вообще справедливость требуетъ сказать, что наставническія внушенія совершаютъ половину дѣла воспитанія, а другую—товарищество. Иногда самыя добрыя внушенія наставника не принимаются и не приносятъ никакой пользы отъ того, что въ товарищескомъ обществѣ воспитанниковъ они найдены незанимательными, устарѣлыми или въ какомъ-либо

другомъ отношеніи несогласными съ ихъ образомъ мыслей.

Въ юношескомъ возрастѣ дается направленіе способностямъ и природнымъ расположеніямъ человѣка, выясняется родъ занятій, къ которымъ онъ наиболѣе склоненъ, и полагается основаніе для того, что называется призваніемъ и характеромъ человѣка. Одинъ юноша по своей природѣ воспріимчивъ ко всему, быстръ въ понятіяхъ, движеніяхъ и дѣйствіяхъ,—способенъ увлекаться скоро и скоро охладѣвать къ предмету своихъ увлеченій; другой медлителенъ въ соображеніи и дѣйствіяхъ, но за то добытое трудомъ прочно усвояетъ, надежно хранитъ и вѣрно воспроизводитъ. Великая трудность воспитанія — разпознать душевныя расположенія юноши, ограничить силу однихъ, дать просторъ другимъ и всѣмъ указать и сообщить должное направленіе. Отъ недостатка вниманія къ сему можетъ произойти то, что юноша, много обѣщавшій въ будущемъ и радовавшій своихъ родителей понятливостію, переимчивостію, нѣжностію чувства и подобными качествами, съ наступленіемъ зрѣлыхъ лѣтъ дѣлается ни къ чему неспособнымъ по легкомыслію и непостоянству, обманываетъ возбужденныя надежды воспитателей и обращается для родителей въ предметъ скорби и слезъ. Но можетъ случиться несчастіе и другаго рода. Какъ успѣхи юношей радуютъ родителей, такъ тупость печалитъ ихъ. Отъ этого иногда происходитъ, что въ семейномъ кругу одинъ сынъ пользуется особенною любовію всѣхъ, а другой встрѣчаетъ только холодную ласку и даже пренебреженіе. Съ первыхъ лѣтъ юности онъ какбы отчуждается отъ роднаго круга

и дѣлается склоннымъ къ уединенію, мрачнымъ, задумчивымъ.—Тоже самое бываетъ и въ мѣстахъ общественнаго образованія дѣтей. А между тѣмъ эта непонятливость, по большей части, есть слѣдствіе не слабоумія, а неискуснаго воспитанія, не умѣвшаго разгадать склонностей юноши или же его слабой восприимчивости, которая однако при благоразумномъ воспитаніи не воспрепятствуетъ основательному развитію ума и образованію чувства и вкуса.

Но вотъ періодъ воспитанія оканчивается; юноша вступаетъ въ жизнь дѣйствительную и узнаетъ ея скорби и радости. Настаетъ время пользоваться тѣмъ запасомъ, который онъ собиралъ въ годы молодости, прилагать къ дѣлу правила жизни, въ которыхъ онъ воспитанъ. Кто измлада усвоилъ правила благочестія, тотъ пожнетъ благіе плоды добраго сѣянія; а человѣкъ, не получившій благонадежнаго воспитанія въ юности, на всю жизнь можетъ остаться неустроеннымъ въ своихъ путяхъ. Но Господь, ищущій спасенія грѣшниковъ, всѣ обстоятельства жизни направляетъ къ возбужденію человѣка отъ сна грѣховнаго и обращенію его на путь добродѣтели. И горе тому, кто упорно остается въ слѣпотѣ, не хочетъ видѣть десницы Вышняго, управляющей нашею жизнію! Радости и печали жизни, успѣхи и невзгоды, лишенія и пріобрѣтенія, удавшіяся и обманутыя надежды, исполненные и разрушенные планы, такъ называемыя случайности въ теченіи нашихъ собственныхъ дѣлъ и общественныхъ отношеній, продолжительныя или тяжкія болѣзни и неожиданное выздоровленіе, множество

явленій и событій вокругъ насъ, которыхъ мы не умѣемъ ни понять, ни изъяснить изъ естественнаго хода вещей, — все это суть гласы Божіи, которыми Сердцевѣдецъ научаетъ насъ познать путь истины и обратиться къ Нему.

Въ естественномъ порядкѣ вещей мужескій возрастъ есть предпочтительно время жизни семейной и общественной. Супружеская жизнь, связи родства, служебныя отношенія въ одно и тоже время доставляютъ человѣку множество самыхъ чистыхъ радостей, охраняютъ и укрѣпляютъ чистоту нравственности и открываютъ поприще для дѣлъ благочестія. Добрая и богобоязненная жена приноситъ съ собою въ семейство миръ, довольство и согласіе,—неоцѣненныя сокровища: *жену доблю кто обрящетъ, дражайши есть каменія многоцѣннаго таковая. Дѣлаетъ бо мужу своему благая во все житіе* (Притч. 31, 11, 12). *Аще на языцѣ ея милость и кротость, нѣсть мужъ ея точенъ сыномъ человѣческимъ* (Сир. 36, 25). Посему-то Премудрый научаетъ смотрѣть на благонравную жену, какъ на даръ Божій (17), ниспосылаемый человѣку за его добрую жизнь или благословенія его родителей. Вѣра одного изъ супруговъ укрѣпляетъ и утверждаетъ вѣру другаго. Они съ тайнымъ стыдомъ чувствуютъ свои сокровенные пороки и стараются изгладить ихъ. Самыя скорби и печали, съ которыми неразрывно соединена супружеская жизнь, услаждаются и съ избыткомъ вознаграждаются взаимною любовію супруговъ, нѣжною предупредительностію и заботливостію ихъ другъ о другѣ: а заботы и лишенія дѣлаются упраж-

неніемъ въ вѣрѣ и благочестіи. Но если Богъ благословилъ супружескую чету счастіемъ имѣть дѣтей: то радость о ихъ рожденіи, успѣхи ихъ воспитанія, любовь и привязанность ихъ, надежда имѣть въ нихъ опору, защиту и утѣшеніе старости, сохранить въ нихъ свое имя, память семейства, рода, предковъ—заставляютъ съ пріятностію переносить болѣзни ихъ дѣтства и труды ихъ воспитанія. *Жена, егда раждаетъ, скорбь имать: но егда родитъ, не помнитъ скорби за радость: яко родися человѣкъ въ міръ* (Іоан. 16, 21). При этомъ отцы и матери семейства, насаждая въ юныхъ сердцахъ страхъ Божій, соблюдаютъ и самихъ себя отъ всякой безразсудности, наблюдаютъ за каждымъ своимъ словомъ, движеніемъ, дѣйствіемъ, чтобы не заронить тли въ юное сердце. Доброе семейство есть жилище мира, согласія, счастія, есть училище благочестія не только для дѣтей, но и для самыхъ родителей.

Съ продолженіемъ времени, по мѣрѣ удаленія отъ лѣтъ юношескаго возраста, силы человѣка мало по малу ослабѣваютъ, воспріимчивость ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ притупляется, бодрость и живость духа уступаютъ мѣсто спокойной разсудительности, поспѣшность и увлеченіе юныхъ лѣтъ замѣняются образомъ дѣйствій расчитаннымъ, обдуманнымъ, хладнокровнымъ. Будущее уже не рисуется для него радужными цвѣтами; мечты несбыточныя и планы невѣрные не тѣснятся въ его мысляхъ, какъ прежде. Нѣтъ юношескаго нетерпѣнія въ достиженіи предположенныхъ цѣлей. Жизнь переливается, какъ потокъ въ долинѣ, спокойной, ровной, тихой струей. Прекрасное время

для преуспѣянія въ добродѣтели! Вѣра въ Промыслъ, нравственное уваженіе къ своему званію, посильный и добросовѣстный трудъ, довольство своимъ состояніемъ составляютъ въ одно и тоже время основаніе человѣческаго счастія и украшеніе по преимуществу зрѣлаго возраста жизни !

Между тѣмъ время идетъ и незамѣтно приближаетъ человѣка къ старости.

Въ старческомъ возрастѣ чувства слабѣютъ, память часто измѣняетъ, душа сосредоточивается и, такъ сказать, заключается въ себѣ самой; умъ не колеблется сомнѣніями; страсти утихаютъ, привязанности принимаютъ ровный и тихій характеръ. Упадокъ или ослабленіе тѣлесныхъ силъ сближаетъ старца съ мыслію о скоромъ разрушеніи его земной храмины и обращаетъ его взоръ къ небесному жилищу. Жизнь, благочестиво прожитая, наполняетъ его душу чувствомъ благодарности къ Богу за всѣ Его милости; жизнь небезукоризненная располагаетъ къ чувству раскаянія во грѣхахъ. Взоръ на пройденный путь жизни и всегда, а тѣмъ болѣе на концѣ сего пути глубоко поучителенъ въ нравственномъ отношеніи. «Сколько сверстниковъ моего дѣтства окончили жизнь, не вышедши изъ лѣтъ дѣтства? Сколько юношей, собиравшихся жить, составлявшихъ радость семействъ, надежду родителей, можетъ быть, опору сиротства и нищеты, поражены въ юности рукою смерти? Въ дни народныхъ бѣдствій, когда брань или язва похищали одну жертву за другою, Господь сохранилъ мою жизнь. Ангелъ смерти не одинъ разъ миновалъ ложе, на которомъ я былъ распростертъ въ

болѣзни, и поражалъ тѣхъ, кои менѣе меня ожидали его грознаго пришествія. Дѣти оплакивали своихъ отцовъ,— и вотъ они плачутъ уже о потерѣ своихъ сыновъ и дочерей: а меня Господь хранитъ, поставляя свидѣтелемъ Его неисповѣдимыхъ судебъ». Такія и подобныя мысли наполняютъ, конечно, душу старца, внимательнаго къ своей жизни! А онѣ не могутъ остаться безплодными для души.

Старческій возрастъ есть возрастъ разума и совѣта. *Коль есть красенъ сѣдинамъ судъ и старѣйшимъ разумѣти совѣтъ! Коль красна старымъ премудрость и славнымъ разумѣніе и совѣтъ* (Сир. 25, 6. 7)! Великія дѣла совершаются не одною силою и предпріимчивостію, но всего чаще мудрымъ совѣтомъ. Благосостояніе семействъ зиждется и упрочивается преимущественно не богатствомъ,—какъ скоро оно можетъ пройти, если его владѣтели не управляются благоразуміемъ!— но совѣтомъ и разумѣніемъ старцевъ. Совѣты ихъ—совѣты опыта: въ устахъ ихъ живая исторія цѣлыхъ поколѣній, живое преданіе старины, родной для всѣхъ и поучительной. И сколько добра могутъ принести юному поколѣнію совѣты старца, утвержденнаго въ добрѣ!

Но если старецъ сохранилъ еще и тѣлесныя силы и посвящаетъ семейству или обществу остатокъ жизни своей, то труды его тѣмъ почтеннѣе. Въ народныхъ сказаніяхъ есть притча о старцѣ, который садилъ дерева и утѣшался мыслію, что тѣнь этихъ деревъ доставитъ прохладу его внукамъ и что юное поколѣніе съ благодарностію вспомнитъ любящаго дѣда. Вотъ прекрасное изображеніе старческихъ трудовъ и на-

дежлъ! Для старцевъ ничего не остается въ жизни, кромѣ внутренняго удовольствія отъ своихъ дѣлъ, трудовъ и благодѣяній, и — надежды, что потомство помянетъ ихъ добромъ. И труды ихъ тѣмъ почтеннѣе и любезнѣе, чѣмъ они безкорыстнѣе.

ПОУЧЕНІЕ

Преосвященнѣйшаго Елпидифора, епископа вятскаго и слободскаго,

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Ангели, успеніе Пречистыя видѣвше, удивишася, како Дѣва восходитъ отъ земли на небо (Пѣсн. церк.).

Такъ воспѣваетъ нынѣ св. Церковь, празднственно воспоминая день преставленія пренепорочныя и пречистыя Дѣвы Маріи. Многими дивными явленіями и чудесами сопровождалось преставленіе Богоматери. Ко дню сего преставленія Апостолы, находившіеся въ разныхъ странахъ, восхищенные облаками, вдругъ собраны и поставлены были въ Іерусалимѣ. Въ день успенія Ея явился въ срѣтеніе души Ея самъ Господь въ сонмѣ Ангеловъ и святыхъ. Въ день погребенія свѣтлооблачный кругъ осѣнялъ пречистое тѣло Ея, несомое Апостолами для преданія землѣ. На третій день по смерти, когда для одного изъ Апостоловъ открытъ былъ гробъ Ея, гробъ сей оказался празденъ, а пречистое тѣло Ея, также какъ и душа, преселилось отъ земли на небо. Все это, и особенно преестественное возшествіе на небо пресвятой Дѣвы не душею только, но и купно съ тѣломъ, чудно и дивно было для самыхъ Ангеловъ. Но теперь, конечно, тайна

сего восхожденія очень хорошо понята небожителями и служитъ уже для нихъ предметомъ не удивленія только, но паче благоговѣнія и прославленія.

Для насъ, братіе, явленіе смерти, ежедневно представляющееся взорамъ нашимъ, заключаетъ въ себѣ много дивнаго и таинственнаго. Но какъ мы смотримъ и какъ должны смотрѣть на это явленіе? Зрѣлище смерти кажется намъ самымъ простымъ и обыкновеннымъ явленіемъ и не обращаетъ на себя особеннаго нашего вниманія, изключая развѣ тѣ случаи, когда умершій или умирающій находился въ какихъ-либо особенно близкихъ къ намъ отношеніяхъ. И тогда мы только пожалѣемъ, поскорбимъ и иногда даже прольемъ нѣсколько слезъ объ умершемъ; а чтобъ вообще помышлять о смерти, что такое и откуда она, и особенно что послѣ нея, это какъ будто вовсе не наше дѣло, не составляетъ нашего долга и не нужно намъ. Рѣдко, рѣдко, и то случайно, мысли наши срѣтаются съ этимъ общимъ и неизбѣжнымъ для всѣхъ насъ жребіемъ: напротивъ еще мы стараемся нарочито отвращать ихъ отъ сего, какъ говорятъ, непріятнаго предмета. Но, братіе мои, послѣ Бога и неба ни къ чему на землѣ такъ часто и охотно не должны мы смертные приникать самою внимательною мыслію, какъ къ смерти, ни на что такъ пристально не устремлять взоровъ ума своего, какъ на *послѣдняя своя*, чѣмъ заключается все земное наше поприще. Наше равнодушіе и невнимательность въ семъ отношеніи сколько непохвальны и неизвинительны, столько же опасны и пагубны для насъ.

Мы холодны и безъ всякихъ особенныхъ ощущеній остаемся, когда видимъ или слышимъ другихъ уми-

рающихъ; а о своей смерти не хотимъ и думать, — какъ будто бы это была вещь, не стоющая никакого нашего вниманія, и какъ будто бы намъ не умирать. Но послушаемъ, какъ смотрятъ на смерть тѣ, кто глубже понимаетъ предметы и внимательнѣе къ самому себѣ. «Плачу и рыдаю, говоритъ одинъ изъ таковыхъ созерцателей смерти, и мы это слышимъ всегда во храмѣ, когда воздаемъ послѣднее цѣлованіе отходящимъ отъ насъ на онъ полъ бытія братіямъ нашимъ,—плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу по образу Божію созданную нашу красоту безобразну, безславну, не имущую вида. О чудесе! Что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію, како сопрягохомся смерти»? Видите, братіе, святый прозорливецъ въ смерти видитъ великое, чудное таинство, а не простое только явленіе. По духу вѣка сего, мы такъ пытливы во всемъ, хотимъ проникнуть во всѣ тайны видимой, окружающей насъ, природы: прилично ли же намъ такъ мало помышлять объ этомъ великомъ таинствѣ, которое собственно насъ самихъ касается, которымъ кончается вся наша земная жизнь и дѣятельность, всѣ земные труды и пріобрѣтенія, испытанія и изслѣдованія вещей, опыты и знанія, которымъ запечатлѣваются для насъ всѣ прочія земныя тайны и отверзаются двери къ тайнамъ небеснымъ?

Человѣкъ сотворенъ, какъ вѣнецъ и краса всей видимой природы. Тѣло наше, по устройству своему, есть образецъ совершенства во всемъ, что есть на землѣ; оно соединено съ безсмертною и богоподобною душею; душа одарена многоразличными и высокими силами и способностями: и что же? Приходитъ смерть,— и вся красота наша исчезаетъ, обезображивается и

дѣлается добычею тлѣнія! Ужели это такъ изначала? Ужели человѣкъ отъ всемогущаго Творца получилъ бытіе для смерти и тлѣнія? Нѣтъ, отвѣчаетъ слово Божіе, *Богъ смерти не сотвори*, но *созда Богъ человѣка въ неистлѣніе* (Прем. 1, 13. 2, 23). Откуда же смерть? Отъ грѣха: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть; оброцы бо грѣха смерть* (Рим. 5, 12. 6, 23). Ахъ, грѣхи, грѣхи! Вотъ къ какому концу они насъ приводятъ; а мы ихъ такъ любимъ! Не должно ли же намъ, если не всегда, то какъ можно чаще обращаться мыслями къ смерти, чтобы возгнушаться грѣхомъ?

Живемъ мы, живемъ, а наконецъ умремъ непремѣнно. Ежедневно умираютъ и дряхлые старцы, и немоществующіе младенцы, и цвѣтущіе крѣпостію силъ и здоровья юноши и мужи: когда же до насъ дойдетъ чреда сія? Не знаемъ. Можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней и даже чрезъ нѣсколько часовъ! Нѣтъ ничего ближе къ намъ, какъ смерть. Какъ же намъ по этому уже одному не помышлять о смерти, когда она какбы объ руку всегда идетъ съ нами? Для чего, скажутъ иные, преждевременно возмущать себя такою мрачною и прискорбною мыслію? А я скажу, что не только мысль о смерти, но и самая смерть, явившаяся уже къ намъ и за нами, ни мало бы не страшила и не смущала насъ, если бы мы всегда помышляли о ней и яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ смотрѣли на нее. А то мы никогда не думаемъ о ней, не познаемъ, что такое она сама въ себѣ, чѣмъ служитъ и что приноситъ намъ, и не ожидаемъ ея; посему, когда она вдругъ какъ незнакомка предстанетъ взорамъ нашимъ, и мы взглянемъ на одну переднюю

ея сторону, которая всегда представляется темною, то и приходимъ въ смущеніе, поражаемся ужасомъ, которыхъ ничто разсѣять не можетъ. Напротивъ тѣ, кои всегда какбы предъ лицемъ смерти предстоятъ, не только не страшатся, но и желаютъ ея, радостно встрѣчаютъ ее, и между тѣмъ мирно и бодрственно проходятъ все теченіе жизни своей. *Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. 7, 24)? *Желаніе имамъ разрѣшитися и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23): такъ чувствуетъ, такъ изъ глубины души взываетъ съ Апостоломъ всякая душа христіанская, во свѣтѣ чистой и живой вѣры всегда зрящая предъ собою образъ смерти.

Настоящая жизнь наша есть поприще, которое мы проходимъ различными путями. Пути сіи, сколь ни различны по своему протяженію и положенію, всѣ сходятся въ одномъ мѣстѣ, приводятъ насъ къ одному концу—ко гробу. Идемъ мы сими путями, или лучше, бѣжимъ спѣшно, другъ друга толкаемъ, препираемся, хотимъ и стараемся одинъ предъ другимъ выиграть мѣсто и время, и положеніе на пути, стать выше, захватить больше; наконецъ приходимъ къ послѣднему предѣлу своей жизни: и чтоже? Положатъ насъ во гробъ, опустятъ въ землю, куда ничего не возмемъ съ собою, гдѣ не отличить большаго и малаго, сильнаго и слабаго, богатаго и бѣднаго, многопросвѣщеннаго и малосвѣдущаго. Чтожъ это за область, гдѣ всѣ, живущіе на землѣ всѣхъ временъ и мѣстъ, наконецъ срѣтаются и сходятся во одномъ общемъ удѣлѣ? Что это за бездна, которая всѣхъ живущихъ на землѣ одного за другимъ поглощаетъ, никого не возвращая и никогда не насыщаяся? Не стоитъ ли, братіе, эта та-

таинственная, общая для всѣхъ насъ участь всего нашего вниманія, чтобы мы почаще и поближе приникали мыслями своими ко гробу, познавали, что это за доля наша такая, и научились, какъ жить и умирать безопаснѣе?

Смертію и гробомъ видимо кончается бытіе наше на землѣ: ужели же вмѣстѣ съ симъ совершенный конецъ и всему, что составляетъ существо наше и что мы дѣлаемъ на землѣ? Но для чего у насъ такія силы духа, для дѣйствія и полнаго развитія коихъ тѣсенъ міръ, кратка самая продолжительная жизнь на землѣ? Для чего въ насъ ни чѣмъ земнымъ неудовлеряемыя желанія и стремленія сердца? Для чего одни изъ насъ всю жизнь свою проводятъ въ трудахъ и подвигахъ на пользу ближнихъ и во славу Божію, соблюдая себя отъ прелести и нечистоты грѣховной, и при этомъ терпятъ много скорбей и лишеній, тогда какъ другіе, въ забвеніи Бога, предаются различнымъ порокамъ и при этомъ полною чашею пьютъ радости и наслажденія жизни? Ужели все это для одной только смерти, для ничтожества? Ужели мы не болѣе значимъ, какъ мыльные пузыри, пускаемые дѣтьми для забавы, которые на нѣсколько мгновеній бросаютъ отъ себя радужные цвѣты, а потомъ исчезаютъ, ничего послѣ себя не оставляя? Нѣтъ, братіе—христіане! Орлу даны такія великія крылья не для того, чтобы ходить только по землѣ, но чтобы парить въ высотахъ поднебесныхъ. И человѣкъ всеблагимъ, премудрымъ и всемогущимъ Творцемъ сотворенъ съ такими безграничными силами, желаніями и стремленіями не для земли только и земнаго бытія. *Живъ Богъ*: *жива* вѣчно и *душа* наша, какъ дыханіе Присносущаго, какъ искра

отъ немерцающаго свѣта божественнаго. Смерть — не совершенный конецъ всего бытія нашего; за гробомъ только начинается новая для насъ жизнь, жизнь нескончаемая, гдѣ *тлѣнное* наше *облечется въ нетлѣніе и смертное въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 54); гдѣ разрѣшится все темное и таинственное, все странное и ужасное, что представляетъ намъ и заключаетъ въ себѣ настоящая наша жизнь и смерть. Не должны ли же мы къ этой вѣчной жизни, какъ къ послѣдней цѣли своей, паче всего обращать взоры ума и сердца своего во всю настоящую привременную жизнь свою? А устремляясь туда мыслями, можемъ ли не останавливаться ими прежде на томъ, чрезъ что лежитъ путь къ небу и вѣчности,—на гробѣ и смерти?

Когда кому-либо изъ насъ предлежитъ путь въ иную страну, далекую и неизвѣстную: то сколько у насъ при этомъ заботъ и приготовленій! Читаемъ книги, распрашиваемъ другихъ, дабы узнать, что тамъ есть, что дѣлаютъ и что для насъ нужно, дабы безъ стыда и опасности туда явиться. А дверями гроба мы переходимъ въ иную страну, очень дальную и намъ незнакомую: и мы вовсе не помышляемъ объ этомъ переходѣ, ни мало не готовимся къ нему! Что не такъ важно для насъ, тѣмъ много озабочиваемся; а съ чѣмъ соединена вѣчная участь наша, о томъ и думать не хотимъ! Благоразумно ли это и сообразно ли съ нашимъ достоинствомъ и пользою? Скажете: откуда знать, что будетъ по смерти и что тамъ нужно? Никто оттуда не возвращается и не сказываетъ. Не говорите этого. О странѣ и жизни загробной сказано все, что нужно и полезно намъ знать; сказано самимъ верховнѣйшимъ Владыкою той страны и жизни, самимъ

Господомъ Богомъ чрезъ богопросвѣщенныхъ мужей. *И аще свидѣтельство человѣческое пріемлемъ, свидѣтельство Божіе болѣе есть* (1 Іоан. 5, 9); и *блажени не видѣвшіи, но вѣровавше* (Іоан. 20, 29). А слово Божіе ясно свидѣтельствуетъ, что *пріидетъ часъ, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ, и изыдутъ сотворшіи благая въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 28. 29). Что посѣетъ человѣкъ на землѣ, то пожнетъ на небѣ. Чего же мы желаемъ себѣ, и какая участь ожидаетъ насъ по смерти — блаженная жизнь или мучительная смерть вѣчная? Ужели это не заслуживаетъ нашего вниманія и попеченія?

Надобно, надобно, братіе, всегда помышлять объ этомъ и быть готовыми къ смерти, дабы непостыдно явиться въ иную жизнь, когда воззовутъ насъ туда: воззовутъ же непремѣнно, а когда—не знаемъ. И еслибъ мы всегда памятовали и помышляли о смерти: то такъ не боялись бы ея и не жили бы такъ погибельно для себя, какъ обыкновенно живемъ,—въ безпечности, въ забвеніи Бога, въ нерадѣніи о душѣ своей, въ однѣхъ суетахъ и заботахъ житейскихъ. *Во всѣхъ словесѣхъ твоихъ поминай послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. 7, 39): вотъ спасительнѣйшій совѣтъ премудраго Сираха; да внимаемъ и послѣдуемъ ему всегда. Аминь.

О СУДЬБѢ

ДЕСЯТИ КОЛѢНЪ ИЗРАИЛЬСКАГО НАРОДА

ПОСЛѢ РАЗСѢЯНІЯ ИХЪ ЗА ЕВФРАТОМЪ.

Свящ. исторія говоритъ, что при Ровоамѣ, сынѣ Соломоновомъ, царство Еврейское раздѣлилось на два царства—Іудейское и Израильское. Первое составляли колѣно Іудино и Веніаминово, послѣднее—прочія десять колѣнъ народа Божія. Вслѣдъ за этимъ раздѣленіемъ въ царствѣ Израильскомъ воцарилось нечестіе и идолопоклонство. Ни увѣщанія, ни угрозы, возвѣщаемыя Богомъ чрезъ пророковъ, не могли вразумить сыновъ Израиля и обратить ихъ на путь правый. И вотъ разгнѣванный Іегова подъемлетъ на нечестивыхъ и непокорныхъ карающую свою десницу, изгоняетъ ихъ изъ земли отцевъ ихъ и предаетъ въ руки тѣхъ народовъ, богамъ которыхъ они служили, забывъ благодѣявшаго имъ Господа. Сперва два колѣна Рувимово и Гадово и половина колѣна Манассіева, поселившіяся въ странѣ за - Іорданской и впавшія въ идолопоклонство, плѣнены были ассирійскимъ царемъ Ѳеглаѳфелласаромъ (1 Парал. 5, 26). Но это не вразумило прочихъ Израильтянъ. Спустя 19 лѣтъ послѣ плѣненія

колѣнъ за-Іорданскихъ, Салманассаръ, царь ассирійскій, взялъ Самарію, вывелъ съ собою остальныя колѣна и разсѣялъ ихъ по всему обширному своему царству (4 Цар. 17, 6), а въ Самарію переселилъ четыре языческихъ народа (ст. 24). Съ тѣхъ поръ судьба десяти колѣнъ Израильскаго народа остается для исторіи темною и загадочною. Извѣстно, что, спустя около 140 лѣтъ послѣ разрушенія Самаріи, и царство Іудейское подверглось той же участи,—и два остальныя колѣна отведены были въ плѣнъ вавилонскій. Но чрезъ 70 лѣтъ плѣненіе это кончилось; Іудеи возвратились въ отечественную землю и испытывали различную участь, которую ясно изображаетъ священ. исторія. Между тѣмъ о судьбѣ десяти колѣнъ—о томъ, что случилось съ ними послѣ разсѣянія ихъ за Евфратомъ, возвратились ли они изъ этого разсѣянія, или нѣтъ, что испытывали въ своемъ состояніи и существуютъ ли гдѣ-нибудь доселѣ ихъ потомки, — обо всемъ этомъ въ свящ. исторіи не находимъ ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, и вопросъ о судьбѣ десяти колѣнъ Израильскихъ составляетъ трудную задачу для историковъ и изслѣдователей.

Нѣкоторые, основываясь преимущественно на показаніи свящ. книгъ, пророческихъ и историческихъ, а отчасти на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, усиливаются доказать, что десять колѣнъ возвратились изъ своего разсѣянія или вмѣстѣ съ двумя другими колѣнами — Іудовымъ и Веніаминовымъ, или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе времени до перваго христіанскаго вѣка, и потому судьба первыхъ одинакова съ судьбою послѣд-

нихъ ([1]). Другіе, опираясь отчасти на томъ же самомъ основаніи, а преимущественно—на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ преданіемъ, нѣкоторыми древними писателями, позднѣйшими и новѣйшими изслѣдованіями и открытіями, утверждаютъ, напротивъ, что десять колѣнъ никогда не возвращались въ отечественную землю. Но между послѣдними писателями — опять разногласія. Одни думаютъ, что Израильтяне тотчасъ послѣ своего плѣненія приняли нравы и суевѣрія тѣхъ народовъ, среди которыхъ поселились, и такъ смѣшались съ ними, что потеряли свое имя, свой языкъ и даже память о своемъ происхожденіи, и въ исторіи не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ([2]). Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что Израильтяне существовали и доселѣ существуютъ съ своими отличительными свойствами, и потому старались находить и находятъ потерянныя колѣна, хотя касательно мѣстопребыванія ихъ также разногласятъ ([3]). Какое же изъ всѣхъ этихъ мнѣній есть мнѣніе истинное? Можно ли согласиться—I) съ тѣми, которые говорятъ, что десять колѣнъ Израильскихъ

([1]) Мысль эту поддерживаютъ—*Калметъ* (Dissertatio de reditu decem tribuum—in Prolegomen. et Dissertat. t. I, p. 390 et sqq. ed. Benedict.), *Давидъ Михаелисъ* (Observatio de exilio decem tribuum, in Comment. t. I, p. 31 et sequ. Bremae 1763), *Георгій Рафелій* (Annotatio in Ieremiam, cap. XXX,—in Annot. in Sacr. Script. T. I, p. 66—67. Lugduni Batavorum 1756) и мног. друг. Всѣ они въ подкрѣпленіе своей мысли приводятъ одни и тѣже основанія; и мы, въ послѣдствіи приводя эти основанія, не считаемъ нужнымъ каждый разъ указывать на сочиненія, изъ которыхъ будемъ заимствовать ихъ.

([2]) Такъ думаетъ *Придо*—L'Histoire des Juifs et des Peuples Voisins. T. I, liv. I, p. 68. Paris 1742. Впрочемъ онъ не представляетъ никакихъ основаній для подтвержденія своей мысли.

([3]) Всѣ эти мнѣнія подробно изложены будутъ ниже.

возвратились изъ своего разсѣянія вмѣстѣ съ колѣнами Іудовымъ и Веніаминовымъ, или—II) съ тѣми, которые утверждають, что десять колѣнъ не возвращались въ отечественную землю, и отъискивають ихъ въ разныхъ странахъ міра подъ тѣми или другими названіями?

I.

Держащіеся мысли, что десять колѣнъ возвратились изъ своего разсѣянія, прежде всего и по преимуществу ссылаются на пророчества, въ которыхъ будто бы ясно предвозвѣщено это возвращеніе и которыя, слѣд., непремѣнно должны были исполниться. Дѣйствительно, есть много и довольно ясныхъ пророчествъ о томъ, что разгнѣванный Іегова помилуетъ нѣкогда согрѣшившихъ сыновъ Израиля, соберетъ ихъ изъ всѣхъ странъ, гдѣ они были разсѣяны, и введетъ ихъ въ землю отцевъ ихъ; что послѣ этого вражда или ревность, существовавшая между Ефремомъ и Іудою [4], прекратится; они тѣсно соединятся между собою, составятъ одинъ народъ, одно царство, подъ управленіемъ одного царя изъ дома Давидова [5]. Но

---

(4) Въ св. Писаніи царство Израильское весьма часто называется *Ефремомъ*—отъ перваго царя Іеровоама, происходившаго изъ колѣна Ефремова (Іез. 37, 19; Ос. 4, 17; 5, 3 и мн. друг.); называется также *Іосифомъ*, такъ какъ Ефремъ былъ сынъ Іосифа (Іез. 37, 19; Пс. 77, 67 и др.), и *Самаріею*—отъ столицы Самаріи (Іез. 16, 53. 55 и др.). Напротивъ царство Іудейское называется то *Іудою* (Ос. 5, 5; 6, 4 и др.), то *Іаковомъ* (Ос. 10, 11; 12, 2), то *Іерусалимомъ* или *Сіономъ* (Ис. 51, 9. 17; Іер. 30, 17).

(5) См. Ис. 11, 12. 13. 16; 27, 12. 13; 43, 5 и 6; 49, 3. 6. 7; Іер. 3, 12; 30, 3. 9. 11; 31, 10—20; 50, 4. 19. 20; Іез. 16, 53—56; 37, 15—28; Ос. 1, 11; Зах. 10, 6. 10 и мн. друг.

касательно всѣхъ этихъ пророчествъ нужно замѣтить— 1) что ихъ можно понимать въ смыслѣ не буквальномъ. Извѣстно, что пророки, касаясь будущей судьбы народа Израильскаго и его царства, весьма часто изображаютъ при этомъ судьбу новаго, духовнаго Израиля и царства благодатнаго или Церкви Христовой, такъ что въ этомъ случаѣ судьба царства Еврейскаго служитъ только слабою тѣнью судьбы царства благодатнаго, и потому пророчества имѣютъ иногда значеніе отчасти буквальное, а преимущественно переносное, иногда даже одно послѣднее, и внѣшнія обстоятельства Іудейскаго народа служатъ для пророковъ только поводомъ къ пророчествамъ, а сами не входятъ въ эти пророчества. Посему и пророчествамъ, говорящимъ, по видимому, о возвращеніи десяти колѣнъ, можно дать тотъ смыслъ, что Израильтяне, не смотря на свое изгнаніе изъ отечества и разсѣяніе междуязычниками, не отвержены Богомъ навсегда, а обратятся къ истинному Мессіи и войдутъ въ Его благодатное царство, которое было обѣщано отцамъ ихъ и которое будетъ единое, и нераздѣльное и всеобщее подъ управленіемъ единой вѣчной Главы. Что такъ именно можно понимать всѣ указываемыя пророчества, это показываетъ самое содержаніе ихъ и связь рѣчи: въ нихъ говорится, напримѣръ, о единомъ Царѣ изъ дома Давидова, что, по свидѣтельству исторіи, не исполнилось надъ Израильтянами послѣ возвращенія ихъ изъ плѣна,—о Царѣ и Пастырѣ вѣчномъ, о новомъ вѣчномъ завѣтѣ, о томъ, что Израильтяне не будутъ уже болѣе согрѣшать и оскверняться нечестіями (Іез. 37, 25—27 и др.),—все такія мысли, которыхъ никакъ нельзя понимать буквально

и прилагать къ царству Израильскому ([6]). Если же— 2) всѣмъ этимъ пророчествамъ и давать смыслъ буквальный: то — а) нѣтъ необходимости понимать ихъ со всею строгостію. Пророки говорятъ только, что плѣненіе Израильтянъ вообще не есть всегдашнее, что они будутъ имѣть возможность, если захотятъ, возвратиться въ отечественную землю; но не говорятъ, будто всѣ они непремѣнно *должны* возвратиться. О плѣненныхъ Навуходоносоромъ прямо и ясно сказано, что послѣ 70 лѣтъ плѣненіе ихъ кончится и они возвратятся въ отечественную землю (Іер. 29, 10); между тѣмъ извѣстно, что по истеченіи означеннаго времени не всѣ Іудеи возвратились изъ плѣна ([7]). А касательно судьбы десяти колѣнъ такихъ ясныхъ и прямыхъ пророчествъ нѣтъ ([8]). б) Кромѣ того, про—

([6]) Не въ буквальномъ смыслѣ всѣ указанныя пророчества понимаютъ— *блаж. Іеронимъ* (Commentar. in Prophet., in Patrolog. Curs. Compl. Tt. XXIV et XXV, Hieronymi IV, V et VI, Paris 1845), *блаж. Θеодоритъ* и нѣкоторые другіе древніе Отцы и учители Церкви (См. Curs. Compl. S. Scriptur. Tt. XVIII et XIX).

([7]) Мы увидимъ это въ послѣдствіи.

([8]) Нѣкоторые, впрочемъ, думаютъ находить ясное пророчество о времени окончанія плѣна десяти колѣнъ въ символическомъ дѣйствіи, какое Богъ повелѣлъ пророку Іезекіилю употребить для означенія *неправдъ дома Израилева и Іудина*,—именно, Онъ повелѣваетъ пророку лежать на лѣвомъ боку 390 дней для означенія неправдъ дома Израилева, и 40 дней на правомъ—для означенія неправдъ дома Іудова, считая дни за годы (Іез. 4, 5 и 6). Здѣсь подъ именемъ *неправдъ* разумѣютъ наказаніе за беззаконія, и наказаніе именно посредствомъ плѣна. За начало 390—лѣтняго періода принимаютъ взятіе Самаріи Салманассаромъ, а за окончаніе его—побѣду Александра великаго надъ Даріемъ, когда будто бы всѣмъ Израильтянамъ дано позволеніе возвратиться въ отечественную землю

рочества эти, быть можетъ, относятся къ тѣмъ только Израильтянамъ, которые смѣшались съ колѣнами Іудовымъ и Веніаминовымъ и испытывали одинаковую съ ними участь (2 Парал. 11, 16; 15, 9; 21, 6; 34, 9; 35, 18). Наконецъ 3) пророчествамъ, говорящимъ, повидимому, о возвращеніи десяти колѣнъ (9), можно противопоставить пророчества, говорящія о совершенномъ ихъ отверженіи и окончательномъ уничтоженіи ихъ царства (Ос. 1, 4—9; 9, 1; Ис. 7, 8).

Въ историческихъ книгахъ св. Писанія ясно нигдѣ не говорится о судьбѣ десяти колѣнъ Израильскаго народа, хотя поддерживающіе мысль о возвращеніи Израильтянъ изъ плѣна и стараются находить въ этихъ книгахъ опору для своихъ мыслей.

Ездра, упомянувши объ указѣ Кира, которымъ позволено Іудеямъ возвратиться въ свое отечество, гово-

---

(Calmet—Dissertatio de reditu decem tribuum). Но кромѣ того, что толкованіе это не оправдывается исторіей, какъ увидимъ послѣ, — большая часть толкователей подъ именемъ неправдъ разумѣютъ именно беззаконія Израильтянъ, и потому 390-лѣтній періодъ неправдъ дома Израилева начинаютъ грѣхомъ Іеровоама и оканчиваютъ плѣненіемъ вавилонскимъ (См. Начерт. Церковно-Библ. Истор. стр. 359, Спб. 1827).

(9) Нѣкоторые толкователи и преимущественно новѣйшіе изслѣдователи судьбы десяти колѣнъ, понимая эти пророчества въ смыслѣ буквальномъ и строгомъ, относятъ исполненіе ихъ еще къ будущему. Но для такого толкованія нѣтъ основаній; да и нельзя указать времени, къ которому можно было бы отнести исполненіе ихъ. Іудейскіе раввины думаютъ, что пророчества эти должны исполниться во время пришествія Мессіи, когда Іудеи соберутся къ нему изъ всѣхъ странъ и десять колѣнъ предстанутъ предъ него первые (См. Biblioth. Rabbinic. - Bartoloccii, t. I, p. 46. Romæ 1675). А нѣкоторые христіане, держащіеся хиліазма, относятъ исполненіе ихъ къ славному царствованію Христа Спасителя на землѣ. Толкованія, очевидно, произвольныя, не имѣющія основанія.

ритъ: *и восташа князи отечествъ Іудиныхъ и Веніаминихъ, и священницы и левиты, и вси, имже воздвиже Богъ духъ ихъ, да взыдутъ къ созиданію церкви Господни, яже во Іерусалимѣ* (1 Ездр. 1, 5). Здѣсь ясно упоминается только о колѣнахъ Іудиномъ и Веніаминовомъ, о священникахъ и левитахъ. За тѣмъ Ездра дѣлаетъ перечисленіе возвратившихся изъ плѣна по фамиліямъ и мѣстамъ жительства, занимаемымъ Евреями какъ въ отечественной землѣ до плѣненія, такъ и въ странѣ плѣна (— 2, 2—59). Но ясно говорится, что это были плѣненные Навуходоносоромъ (— 2, 1), и изъ названія фамилій и мѣстъ не видно, чтобы въ числѣ возвратившихся были изъ десяти колѣнъ ([10]). Далѣе Ездра описываетъ построеніе храма и другія обстоятельства, случившіяся въ это время; но при всякомъ случаѣ упоминаетъ только о двухъ колѣнахъ — Іудиномъ и Веніаминовомъ, о священни-

---

([10]) Нѣкоторые, впрочемъ, въ числѣ мѣстъ или городовъ, по которымъ дѣлается перечисленіе возвратившихся изъ плѣна, находятъ и такіе, которые занимаемы были десятью колѣнами какъ до плѣна, такъ и въ плѣну (1 Ездр. 2, 7. 29. 30). Но — а) ни откуда не видно, чтобы эти мѣста занимаемы были десятью колѣнами. Плѣненные Израильтяне поселены были *во Алланѣ, Іоворѣ, Аранѣ, на рѣкѣ Гозанѣ и въ предѣлѣхъ Мидскихъ* (1 Парал. 5, 26; 4 Цар. 17, 6); но объ этихъ мѣстахъ Ездра не упоминаетъ. Притомъ Израильтяне разсѣяны были по всему Ассирійскому царству (Тов. 1, 11—16; Есѳир. 3, 8 и друг.). б) Если сравнить 2 гл. 1 Ездры съ книгами Царствъ и Паралипоменонъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ описываются жилища десяти колѣнъ до ихъ плѣна (4 Царст. 15, 29 и др.; 1 Парал. 5 и др.); то нельзя найти сходныхъ названій. в) Если же и допустить, что указываемыя мѣста занимаемы были Израильтянами; то, быть можетъ, Израильтяне эти были изъ числа тѣхъ, которые, послѣ разрушенія Самаріи, остались въ своей землѣ и отведены были въ плѣнъ вмѣстѣ съ Іудеями.

никахъ и левитахъ (1 Ездр. 4, 1). Говорится, правда, что послѣ построенія храма *принесоша* (сынове Израилевы) *на обновленіе дому Божія... козловъ отъ козъ за грѣхи всего Израиля дванадесять, по числу колѣнъ Израилевыхъ* (1 Ездр. 6, 17). Но жертва эта была принесена за грѣхи всего Израиля, т. е. и за грѣхи тѣхъ, которые оставались еще въ плѣну: это была жертва умилостивительная. Такимъ образомъ можно думать, что при первомъ возвращеніи или переселеніи Іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго десять колѣнъ не возвращались. Впрочемъ, на основаніи словъ: *и вси* (восташа), *имже воздвиже Богъ духъ ихъ*, можно предполагать, что къ двумъ колѣнамъ присоединились нѣкоторые благочестивые мужи и изъ десяти колѣнъ; но распространять это на всѣхъ, очевидно, нельзя. Извѣстно, что послѣ перваго возвращенія въ землѣ плѣненія осталось очень много Израильтянъ и, всего вѣроятнѣе, значительнѣйшая часть изъ нихъ принадлежала къ десяти колѣнамъ. Іосифъ Флавій говоритъ, что «въ Вавилонѣ остались многіе Іудеи, не желая оставить своихъ владѣній [11]». Но кромѣ этого побужденія, Израильтяне десяти колѣнъ имѣли еще и другія. Они — а) плѣнены были гораздо раньше, чѣмъ два колѣна; слѣдовательно гораздо большее число ихъ могло пріобрѣсти себѣ владѣнія; они могли привыкнуть и даже сродниться съ мѣстомъ своего плѣненія и его жителями. б) Прежнія жилища ихъ за-

---

([11]) Joseph. Flav. Antiquit. lib. XI, cap. 1, § 3. Можно присовокупить, что нѣкоторые изъ Іудеевъ остались въ землѣ плѣненія для того, чтобы быть ходатаями за своихъ соотечественниковъ предъ царями, каковы, напримѣръ, Даніилъ, Ездра, Неемія и друг.

няты были языческими народами, и потому не представлялись удобными для поселенія; въ удѣлахъ Іудеи они не могли поселяться, потому что каждый долженъ былъ занимать прежнее свое жилище. Наконецъ —в) хотя Киръ, овладѣвшій Мидіею, Ассиріею и Вавилономъ, въ которыхъ разсѣяны были плѣнники Израилевы, могъ дать и дѣйствительно далъ позволеніе всѣмъ Евреямъ возвратиться въ отечественную землю; но, быть можетъ, позволеніе это прямо касалось только Іудеевъ, жившихъ въ Вавилонѣ, гдѣ данъ указъ и гдѣ тотчасъ можно было воспользоваться имъ; а на Израильтянъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, оно или не простиралось, или, покрайней мѣрѣ, они не могли вдругъ воспользоваться имъ ([12]). Изъ всѣхъ этихъ соображеній вытекаетъ, по крайней мѣрѣ, то, что десять колѣнъ, при первомъ возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна, могли не возвратиться. И дѣйствительно, пророкъ Захарія, жившій въ это время, еще пророчествовалъ о возвращеніи десяти колѣнъ (—10, 10).

Но вотъ чрезъ нѣсколько десятковъ (ок. 79) лѣтъ послѣ перваго возвращенія Іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, персидскій царь Артарксерксъ, благодѣтель Евреевъ, даетъ священнику Ездрѣ указъ, которымъ

([12]) Думаютъ, что Богъ подвинулъ сердце Кира отпустить изъ плѣна только два колѣна изъ особеннаго благоволенія къ нимъ и по особеннымъ цѣлямъ. Къ этому, довольно основательному (какъ увидимъ послѣ), мнѣнію, можно присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе: Іудеи, показавши Киру пророчество Исаіи о немъ, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій (Antiquit. lib. XI, cap. 1, §§ 1 и 2), вѣроятно, просили его отпустить ихъ въ отечество, и, ничего нѣтъ удивительнаго, если просили только о двухъ колѣнахъ или о тѣхъ, которые находились въ Вавилонѣ; а о прочихъ колѣнахъ, по причинѣ существовавшей вражды, не просили.

позволяетъ оставшимся плѣнникамъ іудейскимъ, кому только угодно, возвратиться въ свое отечество. Вслѣдствіе этого позволенія Ездра собралъ около 2000 желавшихъ возвратиться. Здѣсь онъ не дѣлаетъ замѣчанія, какъ дѣлалъ прежде, чтобы собранные имъ принадлежали къ колѣну Іудову или Веніаминову, а говоритъ только: *и взыдоша отъ сыновъ Израилевыхъ, и отъ священниковъ, и отъ левитовъ, и пѣвцы, и придверницы и Наѳинимы во Іерусалимъ въ лѣто седьмое Артарксеркса* (1 Ездр. 7, 7). За то при другомъ случаѣ упоминаетъ только о колѣнахъ Іудиномъ и Веніаминовомъ. Такъ, когда узнано было, что Израильтяне, вопреки закону, вступили въ бракъ съ иноплеменницами, и вслѣдствіе этого дано было повелѣніе *всѣмъ сыномъ переселенія, да соберутся во Іерусалимъ*,—при этомъ случаѣ Ездра замѣчаетъ: *и собрашася вси мужіе Іудины и Веніамини во Іерусалимъ* (1 Ездр. 10, 9). Отсюда видно, что Ездра къ двумъ только колѣнамъ относитъ всѣхъ, возвратившихся доселѣ изъ плѣна. Впрочемъ, такъ какъ Ездра чрезъ пословъ собиралъ отвсюду разсѣянныхъ Израильтянъ (1 Ездр. 8, 15. 19): то можно думать, что въ этотъ разъ къ двумъ колѣнамъ присоединилось большее число изъ десяти колѣнъ, чѣмъ при первомъ возвращеніи; но нѣтъ основанія распространять это на всѣхъ. Напротивъ, Іосифъ Флавій, дополняя или поясняя повѣствованіе Ездры, говоритъ: «Ездра, прочитавъ указъ Артаксеркса Іудеямъ, находившимся въ Вавилонѣ, подлинникъ этого указа удержалъ при себѣ, а копію съ него отправилъ въ Мидію ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ. Они, тронувшись благочестіемъ царя и благосклонностію его къ Ездрѣ, очень обрадовались, а многіе изъ нихъ со

всѣмъ своимъ имуществомъ отправились въ Вавилонъ, чтобы оттуда итти во Іерусалимъ; *но все тѣло Израильскаго народа осталось на мѣстѣ* ([13])». И дѣйствительно, основываясь на томъ, что Ездра вездѣ упоминаетъ только о двухъ колѣнахъ—Іудиномъ и Веніаминовомъ, о священникахъ и левитахъ, совершенно умалчивая о десяти колѣнахъ, — нельзя не признать свидѣтельства Флавіева справедливымъ ([14]).

Послѣ переселенія Евреевъ изъ Вавилона подъ предводительствомъ Ездры, свящ. исторія не представляетъ

([13]) . . . . ὁ δὲ πᾶς λαὸς τῶν Ἰσραηλιτῶν κατὰ χώραν ἔμεινε. Antiquit. lib. XI, cap. 5, § 2. Что здѣсь разумѣются Израильтяне десяти колѣнъ, а не вообще, это видно изъ послѣдующей рѣчи Флавія.

([14]) Думаютъ, что Ездра въ своихъ книгахъ говоритъ о тѣхъ, которые имѣли участвовать или участвовали въ возобновленіи и построеніи Іерусалима и храма (1 Ездр. 1, 5); а это дѣло, говорятъ, относилось преимущественно къ двумъ колѣнамъ, въ землѣ которыхъ находился Іерусалимъ, былъ столицею ихъ царства, и потому, естественно, возбуждалъ въ нихъ ревность къ возобновленію его и особенно храма. Прочія же колѣна едва ли принимали участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ потому, что жилища ихъ удалены были отъ Іерусалима, такъ и по недостатку усердія: они заботились только о томъ, какъ бы имъ возвратиться въ отечественную землю. Потому-то они и не были спутниками Ездры, а, вслѣдствіе даннаго позволенія, занимали прежнія свои жилища сами по себѣ; потому-то Ездра и не упоминаетъ объ нихъ, хотя и они возвратились вмѣстѣ съ двумя колѣнами (*David Michaelis* — de exilio decem tribuum). Но — а) Ездра, какъ видно изъ его книги, имѣлъ въ виду сдѣлать счисленіе всѣхъ возвратившихся изъ плѣна; б) быть не можетъ, чтобы онъ не упомянулъ о десяти колѣнахъ, еслибы они возвратились, такъ какъ онъ описывалъ исторію всего народа Еврейскаго, и в) главное, такъ какъ Ездра не говоритъ ясно о десяти колѣнахъ, то можно бы понимать его и такъ, какъ хотятъ понимать,—но въ такомъ только случаѣ, если бы изъ другихъ источниковъ достовѣрно было извѣстно, что десять колѣнъ возвратились изъ своего разсѣянія, между тѣмъ исторія говоритъ противное.

намъ болѣе переселеній. Правда, спустя 13 лѣтъ послѣ этого приходилъ въ Іерусалимъ Неемія для возстановленія и укрѣпленія его стѣнъ; но одинъ ли онъ приходилъ, или съ плѣнными соотечественниками своими, изъ свящ. книгъ ясно не видно. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что со временъ Ездры и Нееміи до перваго христіанскаго вѣка Іудеи разсѣяны были во множествѣ по всему востоку и, вѣроятно, значительнѣйшую часть ихъ составляли десять колѣнъ. Такъ, Іосифъ Флавій говоритъ, что когда Александръ великій прибылъ во Іерусалимъ и показалъ расположенность къ Іудеямъ, они просили его, чтобы дозволилъ и ихъ братіямъ, живущимъ въ Вавилонѣ и Мидіи, такъ же, какъ и имъ, пользоваться отечественными законами (15). Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ говорится, что на праздникѣ пятидесятницы *бяху во Іерусалимѣ живущіи Іудеи, мужіе благоговѣйніи отъ всего языка, иже подъ небесѣмъ... Парѳяне, и Мидяне, и Еламите, и живущіи въ Месопотаміи* (Дѣян. 2, 5. 9—11). Филонъ, іудейскій писатель (1-го в.), свидѣтельствуетъ, что въ его время Іудеи разсѣяны были по всему міру и преимущественно по Азіи (16). Іосифъ Флавій передаетъ рѣчь царя Агриппы, въ которой этотъ царь убѣждаетъ Іудеевъ не возставать противъ Римлянъ и въ которой, между другими убѣжденіями, представивъ то, что имъ не отъ кого ожидать помощи, Агриппа продолжаетъ: «быть можетъ, кто-нибудь изъ васъ простираетъ надежды свои за Евфратъ и ду-

---

(15) *Joseph. Flavii*—Antiquit. lib. XI, cap. 8, § 5.
(16) De legat. ad Caium.

маетъ, что соотечественники его доставятъ ему помощь изъ Адіабены. Но изъ-за такой ничтожной причины они не захотятъ вмѣшиваться въ войну; а еслибы, по неблагоразумію, и рѣшились на это, то Парѳяне не допустятъ ихъ (17)». Теперь спрашивается: какіе же это были Іудеи, разсѣянные по всему востоку? Св. Григорій богословъ, предложивъ себѣ этотъ вопросъ, или частнѣе тотъ, «какія и какого плѣненія были Іудеи, собравшіеся на праздникъ пятидесятницы въ такомъ количествѣ и изъ такихъ странъ»,—отвѣчаетъ:... «остается разумѣть плѣненіе, бывшее при Антіохѣ... Если же кто не соглашается на такое толкованіе, какъ на неестественное (потому что плѣненіе сіе не древне и Іудеи разсѣяны въ ономъ не во многихъ странахъ вселенной), но ищетъ толкованія болѣе вѣроятнаго, то, можетъ быть, лучше принять слѣдующее: поелику народъ іудейскій многократно и многими былъ переселяемъ; то иныя племена возвратились въ отечество, а другія остались въ плѣненіи, и, вѣроятно, нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, разсѣянныхъ по многимъ народамъ, пришли тогда въ Іерусалимъ и были участниками чуда (18)». Дѣйствительно, послѣ плѣненія вавилонскаго сосѣдніе народы дѣлали частыя нападенія на Іудею и выводили съ собою плѣнниковъ; но эти переселенія были не очень значитель-

---

(17) De Bello Judaic. lib. II, cap. 16, § 4. Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ можно присовокупить еще слѣдующее замѣчаніе: іудейскіе писатели говорятъ, что въ Вавилонѣ находился такъ называемый князь плѣненія, который управлялъ всѣми Израильтянами, разсѣянными по востоку (См. Dictionaire Biblique... par Calmet, art. *Chef captivité*).

(18) Слово 41 на св. Пятидес., въ Твор. Св. Отц. IV, стр. 22.

ны, и притомъ большею частію или въ Египетъ, или въ Сирію ([19]); а переселеній въ Пареію, Мидію и другія дальнѣйшія страны исторія не представляетъ. Поэтому къ предположенію св. Григорія богослова, вполнѣ справедливому по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ, можно присоединить еще и то, что большая часть этихъ разсѣянныхъ Іудеевъ состояла изъ оставшихся отъ плѣна вавилонскаго и преимущественно изъ десяти колѣнъ.

Предположеніе это подтверждается и прямыми свидѣтельствами. Іосифъ Флавій, сказавши, что хотя къ Іудеямъ, возвращавшимся изъ плѣна подъ предводительствомъ Ездры, присоединились нѣкоторые изъ Израильтянъ, но все тѣло осталось на мѣстѣ, продолжаетъ: «почему только два колѣна въ Азіи и Европѣ повинуются римскому владычеству; остальныя же десять колѣнъ въ безчисленномъ множествѣ даже до настоящаго дня живутъ за Евфратомъ ([20])». Не вѣрить свидѣтельству Флавія нѣтъ никакихъ основаній. Безъ сомнѣнія, Флавій передаетъ всеобщее преданіе, существовавшее между его соотечественниками. И еслибы преданіе это было невѣрно,—онъ, какъ мужъ ученѣйшій, не выдалъ бы его за несомнѣнную истину. Извѣстно также, что въ синагогѣ іудейской еще до Р. Х. употреблялась особая молитва, въ которой Іудеи, между прочимъ, просили Бога о возвращеніи своихъ братьевъ, разсѣянныхъ между язычниками и

([19]) Начертаніе Церковно-Биб. Ист. стр. 117 и слѣд. Спб. 1827.
([20]) Antiquit. lib. XI, cap. 5, § 2.

послѣ окончанія плѣненія вавилонскаго, и въ особенности о возвращеніи десяти колѣнъ ([21]).

Преданіе это въ ясномъ и опредѣленномъ видѣ сохранялось еще до конца четвертаго или начала пятаго вѣка по Р. Хр.; его передаетъ намъ блаженный Іеронимъ (ум. 420 г.). Изъясняя 6-й стихъ 1-й главы пророка Осіи, гдѣ говорится объ отверженіи Израильтянъ, блаженный Іеронимъ замѣчаетъ: «(десять колѣнъ) еще до нынѣ подвластны царямъ персидскимъ, и плѣненіе ихъ никогда не разрѣшалось ([22])»; а изъясняя пророка Іезекіиля, говоритъ, что еще въ его время «десять колѣнъ жили плѣнниками въ горахъ и городахъ мидійскихъ, куда они были переселены ([23])». Извѣстно, что блажен. Іеронимъ долго жилъ и путешествовалъ по востоку и, намѣреваясь изъяснить свящ. книги, какъ можно, вѣрнѣе, съ особенною заботливостію собиралъ отвсюду, какъ отъ христіанъ, такъ и отъ Іудеевъ, разныя свѣдѣнія, способствующія къ надлежащему выполненію этого дѣла. Слѣдовательно и о существованіи десяти колѣнъ онъ могъ узнать изъ всеобщаго преданія, сохранявшагося тогда какъ у Іудеевъ, такъ и у христіанъ. Извѣстно также, что блажен. Іеронимъ былъ мужъ ученѣйшій, и потому свидѣтельство его заслуживаетъ полнаго довѣрія.

([21]) См. De l'harmonie entre l'eglise et la synagogue, par *Drach*, tom. I, pag. 10. Paris 1844.

([22]) Commentar. in Osee, lib. 1, cap. 1, vers. 6, in Patrolog. Curs. Compl. T. XXV, *Hieronymi* VI, pag 826, Paris 1845.

([23]) Commentar. in Ezech. lib. VII, cap. 23, vers. 1 et sequ., in Patrolog. Curs. Compl. T. XXV, Hieronymi VI, p. 216, Paris, 1845; conf. Comment. in Ezech. lib. XI, cap. 37, ibidem.

Всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ противопоставляютъ— а) то, что для перевода священныхъ книгъ на греческій языкъ употреблено было по шести человѣкъ изъ каждаго колѣна; а переводъ этотъ сдѣланъ за 250 лѣтъ до Рожд. Христова; слѣдовательно въ это время всѣ колѣна существовали въ Палестинѣ; б) то, что во времена Маккавеевъ и во время земной жизни Спасителя вся іудейская область заселена была какъ Іудеями, такъ и Израильтянами, какъ то: вся Галилея, Финикія, горы Галаадитскія,—вообще страны, занимаемыя прежде десятью колѣнами (1 Макк. 5, 9. 15. 23. 25. 26. 45; Матѳ. 4, 23. 24 и друг.); в) въ Евангеліи Матѳея прямо говорится о колѣнахъ Завулоновомъ и Нефѳалимовомъ (гл. 7, ст. 13. 15), а въ Евангеліи Луки упоминается объ Аннѣ пророчицѣ, происходившей отъ колѣна Ассирова (2, 36); и — г) ап. Павелъ, защищаясь предъ Агриппой, говоритъ, что онъ стоитъ предъ судомъ за надежду на обѣщаніе, данное отъ Бога отцамъ, котораго (обѣщанія) событіе надѣются увидѣть всѣ двѣнадцать колѣнъ, непрестанно служа Богу день и ночь (Дѣян. 26, 6. 7). Такимъ образомъ, говорятъ, въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ существовали всѣ двѣнадцать колѣнъ, и слѣдовательно Израильтяне, по немногу переселяясь въ свое отечество въ разныя времена, до перваго вѣка христіанскаго почти всѣ возвратились изъ своего разсѣянія. Но—а) касательно первой мысли можно замѣтить, что здѣсь важно событіе вообще, а не соприкасающіяся къ нему частности, т. е. важно собственно то, что св. Писаніе переведено было на греческій языкъ 72-мя старцами іудейскими; но чтобы переводчики избраны были по шести человѣкъ именно изъ каждаго колѣна, — это

могло и не быть. Извѣстно, что событіе это передаетъ языческій писатель Аристей, а за нимъ Іосифъ Флавій ([24]). Но язычникамъ царство іудейское съ давнихъ временъ извѣстно было подъ именемъ царства двѣнадцати колѣнъ или народовъ ([25]); потому Аристей могъ заключить, что переводчики были избираемы по колѣнамъ. Чтоже касается Іосифа Флавія, то мы уже видѣли, что онъ не допускалъ возвращенія десяти колѣнъ. Далѣе — б) откуда извѣстно, что во времена Маккавеевъ и во время земной жизни Спасителя вся Палестина заселена была не только Іудеями, но и Израильтянами? Извѣстно, что большая часть Апостоловъ Христовыхъ происходила изъ Галилеи; но къ какому кто изъ нихъ принадлежалъ колѣну, неизвѣстно. Страны, занимаемыя прежде десятью колѣнами, въ это время могли быть заняты двумя. Если-же—в) въ Евангеліи упоминается о земляхъ Завулоновой и Нефѳалимовой, то это еще не значитъ, будто онѣ заселены были цѣлыми колѣнами Завулоновымъ и Нефѳалимовымъ. Евангелистъ Матѳей, изображая начало проповѣди Христа Спасителя, послѣдовавшее въ странахъ—Завулоновой, Нефѳалимовой и Галилеѣ, указываетъ въ этомъ исполненіе пророчества Исаіи (9, 1), во время котораго страны эти занимаемы были тѣми же самыми колѣнами и находились въ жалкомъ состояніи. Во время земной жизни Спасителя земли эти могли удерживать древнія свои названія и жители ихъ могли находиться въ такомъ же жалкомъ состояніи,

---

([24]) Vid. Aristææ Histor. et Josephi Flavii Antiquit. lib. XII, cap. 2.
([25]) Vid. Justin. Histor. ex Trogo Pomp. lib. XXXVI, cap. 2.

какъ и во время Исаіи ([26]); но могли быть заняты и не тѣми же самыми колѣнами, или, по крайней мѣрѣ, не цѣлыми. Наконецъ—г) свидѣтельство св. ап. Павла показываетъ только, что въ его время двѣнадцать колѣнъ существовали; но они могли существовать и въ разсѣяніи. Мы видимъ, что апостолы Петръ и Іаковъ писали свои посланія также къ двѣнадцати колѣнамъ Израилевымъ, но къ колѣнамъ разсѣяннымъ (1 Петр. I, 1; Іак. I, 1). Вообще же должно замѣтить, что Израильтяне могли быть и дѣйствительно были въ Палестинѣ послѣ плѣна вавилонскаго, если и не допускать мысли о возвращеніи десяти колѣнъ. Извѣстно, что когда Іеровоамъ ввелъ идолопоклонство въ царствѣ Израильскомъ, — многіе, не желая измѣнить вѣрѣ отцевъ своихъ, добровольно перешли въ царство Іудейское, а другіе насильно изгнаны были Іеровоамомъ (2 Парал. 11, 13—16; 15, 9). Эти переселенцы навсегда присоединились къ двумъ колѣнамъ, составили вмѣстѣ съ ними одинъ народъ и испытывали одну съ ними судьбу. Извѣстно также, что не всѣ Израильтяне выведены были въ плѣнъ, а многіе изъ нихъ остались въ своемъ отечествѣ ([27]). Изъ оставшихся одни пере-

---

([26]) Какъ во время Исаіи, такъ и во время земной жизни Спасителя, страны эти были пограничныя, и потому жители ихъ терпѣли много бѣдствій отъ частыхъ нападеній сосѣднихъ народовъ и скорѣе теряли чистоту вѣры и нравственности отъ сношеній съ языческими народами.

([27]) Сколько Израильтянъ выведено было въ плѣнъ и сколько осталось въ отечествѣ, съ точностію опредѣлить нельзя. Думаютъ, что плѣнниками сдѣлались только богатые и знатные, какъ представители народные, и слѣд. число ихъ было довольно незначительное. Но если взять во вниманіе частію то, что всѣ Израильтяне богаты были особенно скотоводствомъ,

шли для жительства во Іерусалимъ, и такимъ образомъ соединились съ двумя колѣнами (2 Парал. 11, 13—16; 34, 9; 35, 17 и 18), а другіе остались въ прежнихъ своихъ жилищахъ (4 Царств. 23, 22; 2 Парал. 34, 6; 30, 5 — 11), и изъ сихъ послѣднихъ нѣкоторые, смѣшавшись съ языческими народами, переселенными Салманассаромъ въ Самарію (4 Цар. 17, 24), получили названіе Самарянъ; а другіе удерживали прежнія свои названія по колѣнамъ. Кромѣ того, можно думать, что и изъ плѣненныхъ Израильтянъ нѣкоторые, а, можетъ быть, даже и многіе, приверженные къ своему отечеству и жившіе недалеко отъ него, возвратились изъ своего плѣна или вмѣстѣ съ двумя другими колѣнами—Іудинымъ и Веніаминовымъ, или въ послѣдующее время, если обстоятельства благопріятствовали ихъ возвращенію; и мысли этой совершенно отвергать нельзя ([28]). Такимъ образомъ для объясненія того, почему между двумя колѣнами встрѣчаются нѣкоторыя и изъ десяти колѣнъ, нѣтъ нужды и основанія утверждать, что десять колѣнъ Израильскаго народа возвратились изъ своего разсѣянія: это

что̀ и благопріятствовало побѣдителямъ, а частію то, что въ землю Израильтянъ переселены были языческіе народы, и значитъ, она была почти совершенно опустошена: то можно думать, что число избѣжавшихъ плѣна было довольно незначительное.

([28]) Изслѣдователи судьбы десяти колѣнъ Израильскаго народа обыкновенно впадаютъ въ крайности. Какъ доказывающіе возвращеніе десяти колѣнъ, такъ и держащіеся мысли противной, разумѣютъ цѣлыя колѣна или всѣхъ плѣненныхъ. Но лучше, кажется, такъ думать, что изъ двухъ колѣнъ остались въ землѣ плѣненія очень немногіе, а значительнѣйшая часть ихъ возвратилась въ отечество; напротивъ, изъ десяти колѣнъ значительнѣйшая часть осталась за Евфратомъ, а возвратились немногіе.

не подтверждается священною исторіею и противно преданію, яснымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, которыя говорятъ не только то, что до перваго и даже до начала пятаго христіанскаго вѣка Израильтяне не возвращались изъ своего разсѣянія, но—что они не потерялись до этого времени среди народовъ, между которыми были разсѣяны (29), существовали за Евфратомъ, слѣдовательно въ странѣ своего плѣненія (30). Впрочемъ изъ всего доселѣ сказаннаго ясно не видно еще, въ какой именно странѣ существовали десять колѣнъ, всѣ ли они здѣсь находились и въ какомъ состояніи? Это увидимъ изъ послѣдующаго.

II.

Послѣ блаженнаго Іеронима, или послѣ начала пятаго вѣка, не встрѣчаемъ уже ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о судьбѣ десяти колѣнъ Израильскаго народа. Правда, вопросъ этотъ не только не былъ оставляемъ безъ вниманія, напротивъ болѣе и болѣе занималъ умы многихъ изслѣдователей, особенно въ среднія и новѣйшія времена; но сочиненія ихъ содержатъ или свѣдѣнія неясныя и неопредѣленныя, или сказанія, часто баснословныя и невѣроятныя, или однѣ мнѣнія, догадки и предположенія.

Причиною особеннаго вниманія къ изслѣдованію вопроса о судьбѣ десяти колѣнъ Израильскаго народа, было съ давняго времени образовавшееся мнѣніе, буд-

(29) Говоримъ это противъ мнѣнія *Придо*. См. примѣч. 4.

(30) Мысль эта направляется противъ мнѣнія, которое сейчас будетъ показано.

то десять колѣнъ оставили страны халдейскія и удалились въ какую-то, никому неизвѣстную и недоступную, страну, гдѣ они живутъ, наслаждаясь всѣми благами міра и ожидая своего возвращенія въ отечественную землю. Мнѣніе это, первоначально образовавшееся вѣроятно, на основаніи одного неяснаго мѣста третьей книги Ездры, — книги неканонической (3 Ездр. 13, 40—47), въ послѣдующія времена Іудейскіе раввины стали видоизмѣнять различнымъ образомъ, и произвели множество сказаній о десяти колѣнахъ, о странѣ, занимаемой ими, образѣ ихъ жизни и под. Раввины помѣщаютъ эту, никому неизвѣстную и недоступную, страну Арсареѳъ, какъ называется она въ означенномъ мѣстѣ неканонической книги Ездры, за какою-то рѣкою Саббатикою, которая въ продолженіи шести дней окружена бываетъ огнемъ и извергаетъ камни, а въ день субботній течетъ тихо и спокойно; и потому десять колѣнъ никакъ не могутъ возвратиться въ свое отечество до опредѣленнаго времени. Рѣка эта находится ниже рѣки Гангеса, которая, по мнѣнію раввиновъ, есть не что иное, какъ рѣка Гозанъ, гдѣ поселена была часть плѣненныхъ Израильтянъ (1 Парал. 5, 26; снес. 4 Царст. 17, 6). Страна, находящаяся за рѣкою Саббатикою, изобилуетъ всѣми драгоцѣнными произведеніями природы; и потому десять колѣнъ, подъ управленіемъ собственныхъ царей, наслаждаются всѣми благами, живутъ мирно и въ благоденствіи. Вообще, по сказаніямъ іудейскихъ раввиновъ среднихъ вѣковъ, десять колѣнъ, оставшись за Евфратомъ, въ послѣдствіи времени образовали въ разныхъ странахъ

отдѣльныя могущественныя царства и господствовали надъ сосѣдними народами ([31]).

Сказанія эти, когда сдѣлались извѣстными христіанскимъ ученымъ, произвели вообще любопытство касательно судьбы десяти колѣнъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали къ себѣ недовѣріе. И вотъ, когда европейскіе путешественники, миссіонеры и другіе ученые, стали посѣщать разныя страны земнаго шара, они, между прочимъ, собственнымъ наблюденіемъ хотѣли повѣрить раввинскія сказанія, стараясь, гдѣ бы то ни было отыскать Израильтянъ, судьба которыхъ представлялась такъ странною и загадочною; но нигдѣ не находили ни рѣки Саббатики, ни страны Арсареѳъ, ни самыхъ Израильтянъ въ такомъ видѣ, какъ описывали ихъ іудейскіе раввины. Почему многіе съ жаромъ возстали противъ всѣхъ этихъ сказаній, признали ихъ баснею и чистымъ вымысломъ ([32]). Если же,

---

([31]) Сказанія эти можно находить почти у всякаго писателя, касавшагося судьбы десяти колѣнъ, какъ то: у *Калмета* (Dissertatio de regionibus, in quas Jsraëlitae dispersi sunt), *Баснажа* (L'histoire et la religion des Juifs. Rotterdam. 1707) и друг. Но по преимуществу, въ подробности и съ оцѣнкою ихъ вѣрности, они собраны *Бартолокціемъ* въ его Bibliotheca Rabbinica, t. I, pag 42 — 47, 100 — 125. Romae, 1675. Мы не считаемъ нужнымъ здѣсь излагать ихъ подробно, потому что они не что иное, какъ сказки. Впрочемъ, въ послѣдствіи, гдѣ нужно будетъ, коснемся и ихъ.

([32]) Раввины вымыслили рѣку Саббатику, исказивъ слѣдующее повѣствованіе Іосифа Флавія: «Титъ кесарь, говоритъ онъ, проходя сирійскіе города, встрѣтилъ на пути рѣку, достойную замѣчанія и имѣющую удивительное свойство. Она, когда течетъ, бываетъ полна водами и несется быстро въ продолженіе шести дней, а послѣ того лишается источниковъ, и въ седьмой день ложе ея представляется сухимъ; за тѣмъ послѣ седьмаго дня, какбы не претерпѣвши никакого измѣненія, опять бываетъ

думали они, нужно искать гдѣ-нибудь остатка десяти колѣнъ: то, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ странахъ, гдѣ Израильтяне первоначально были поселены, потому что если они существовали въ странѣ плѣненія въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Іосифъ Флавій ([33]), и потомъ въ четвертомъ и въ началѣ пятаго, какъ свидѣтельствуетъ блаж. Іеронимъ ([34]): то они могли остаться тамъ и навсегда. Для сей цѣли прежде всего старались точно опредѣлить мѣстоположеніе тѣхъ странъ, гдѣ Израильтяне первоначально были поселены, т. е. *Аллана*, *Іввора*, *Арана*, *рѣки Гозана* и *городовъ Мидійскихъ* ([35]). Не смотря на нѣкоторыя разногласія касательно значенія этихъ названій и точнаго положенія мѣстъ, означаемыхъ

подобна себѣ, и такой порядокъ соблюдается всегда: отъ чего и называется Саббатикою, отъ седьмаго священнаго дня у Іудеевъ, называющихъ ее такимъ именемъ» (De Bello Judaic. lib. VII, cap. 5). Подобнымъ же образомъ іудейскіе раввины исказили многіе историческіе факты и приложили ихъ къ исторіи десяти колѣнъ, хотя они не имѣютъ никакого отношенія къ ней. Всѣ эти искаженія можно видѣть apud Bartoloccium, in Biblioth. Rabbinic. t. I, pag 42—47, ed. citat.

([33]) См. выше, примѣч. 21 и текстъ, къ нему относящійся.

([34]) Выше примѣч. 23 и 24 и тексты.

([35]) 1 Парал. 5, 26; снес. 4 Царст. 17, 6. Хотя колѣна за-Іорданскія отведены были въ плѣнъ почти 90 годами раньше плѣненія остальныхъ колѣнъ; однакожъ всѣ они поселены были въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Различіе въ названіяхъ странъ, упоминаемыхъ въ 1 Парал. и 4 Царст., существуетъ только въ нашемъ славянскомъ переводѣ; а въ еврейскомъ подлинникѣ его нѣтъ, кромѣ только того, что въ 1 Парал. есть имя *Аранъ*, между тѣмъ какъ въ 4 Царств. оно не находится. Но думаютъ, что слово Аранъ (отъ Еврейск. *hara* — гора) значитъ: *гористое мѣсто*, и прибавлено для означенія свойства или всѣхъ вообще странъ, гдѣ поселены были 10 колѣнъ, или собственно Мидіи, которая въ древности называлась *Араномъ*. (См. Dictionaire Biblique... par Calmet, art. Gozan, et Phaleg et Chanaan-Bocharti, lib. III, cap. 14).

ими (36), почти всѣ изслѣдователи сходятся въ томъ что первоначальныхъ жилищъ десяти колѣнъ нужно искать въ древней Ассиріи, а по преимуществу въ Мидіи вдоль береговъ Каспійскаго моря до Кавказскихъ горъ (37). Здѣсь же, говорятъ, по свидѣтельству Птоломея, при устьѣ Аракса находился городъ Арзаратъ (38), о которомъ упоминаетъ писатель 3-й книги Ездры. Дѣйствительно, во всѣхъ этихъ странахъ, преимущественно въ Мидіи и вообще по берегамъ Каспійскаго моря всегда было и теперь есть значительное число Евреевъ. Почему нѣкоторые, принимая за несомнѣнное, что десять колѣнъ остались навсегда въ странахъ халдейскихъ, т. е. въ Мидіи, Персіи, вообще на берегахъ Евфрата, при описаніи исторіи Іудеевъ, раздѣляютъ ихъ на восточныхъ и западныхъ, и разу-

---

(36) Касательно значенія названій разногласятъ въ томъ, понимать ли подъ ними страны, или города, или рѣки. Касательно же точнаго мѣстоположенія этихъ странъ разногласія неизбѣжны, потому что время измѣнило названія мѣстъ, а сохранившіяся въ историческихъ памятникахъ названія сходныя не всегда указываютъ на одно и тоже мѣсто или страну. Вслѣдствіе чего каждый полагалъ ихъ тамъ, гдѣ ему хотѣлось, т. е. кто гдѣ, по своимъ соображеніямъ, находилъ Израильтянъ, тамъ и полагалъ первоначальныя ихъ жилища, между тѣмъ какъ слѣдовало бы наоборотъ. Можно замѣтить, что нѣтъ нужды отыскивать точное мѣстоположеніе этихъ странъ, потому что Израильтяне разсѣяны были по всему Ассирійскому царству, древнія границы котораго опредѣлить трудно. Такъ, Товитъ, происходившій отъ колѣна Неффалимова, жилъ въ Ниневіи; можетъ быть, тамъ жило и цѣлое колѣно Неффалимово (Тов. 1, 11, 16). Во времена Есѳири Израильтяне разсѣяны были по всему Персидскому царству. (Есѳир. 3, 8).

(37) Vid. Dissertatio de regionibus, in quas Jsraëlitæ dispersi sunt — *Calmetii*, in Proleg. et Dissert. in S. Scrip. edit. Benedict.

(38) Ptolom. Hist. lib. 1, cap. 3.

мѣя подъ первыми по преимуществу Израильтянъ десяти колѣнъ, слѣдятъ за исторіею ихъ изъ вѣка въ вѣкъ,—сначала отдѣльно, затѣмъ, послѣ разсѣянія Іудеевъ іерусалимскихъ, въ смѣшеніи съ сими послѣдними,—и въ новѣйшія времена находятъ ихъ тамъ въ очень незначительномъ количествѣ, въ нищетѣ и презрѣніи (39).

Но такое представленіе судьбы десяти колѣнъ Израильскаго народа многимъ не понравилось. Съ одной стороны, не только не было основаній считать всѣхъ этихъ Евреевъ потомками десяти колѣнъ; напротивъ, все говорило,—и преданіе, и другія обстоятельства,—что это Іудеи новѣйшіе, іерусалимскіе. Даже тѣ изъ нихъ, предки которыхъ жили въ означенныхъ странахъ за-долго до Р. Х., говорили, что они происходятъ отъ колѣна Іудина или Веніаминова; а другіе сознавались, что они не знаютъ, къ какому принадлежатъ колѣну (40). Съ другой стороны, хотя въ раввинскихъ сказаніяхъ находится много баснословнаго и невѣроятнаго, думали однакожъ, что въ основаніи ихъ лежитъ какая-нибудь историческая истина, и именно та, что десять колѣнъ не остались навсегда въ странахъ халдейскихъ, а когда-нибудь, въ позднѣйшія ли времена, или даже до Р. Х., оставили ихъ. Думали даже, что, быть можетъ, сказанія раввинскія содержатъ въ себѣ и настоящую истину, т. е., можетъ

---

(39) Такъ представляютъ исторію десяти колѣнъ — *Баснажъ* (L'Histoire et la Religion des Juifs, t. V, liv. 6 et 7. Rotterdam. 1707); *Капфигъ* (Исторія Іудеевъ, пер. съ франц. Спб. 1845) и друг.

(40) Vid. *David. Michael.* de exilio decem tribuum, t. I, pag 47. Bremae 1763.

быть, Израильтяне дѣйствительно образовали нѣкогда отдѣльныя царства или народы, но, съ теченіемъ времени мало по малу теряя свои свойства, свою вѣру, языкъ и проч., превратились въ народы съ другими именами, свойствами и вѣрованіями, или отъ различныхъ причинъ пали, не оставивъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ. Вслѣдствіе такихъ мыслей изслѣдователи, посѣщая разные народы, всматривались въ черты ихъ лица, наблюдали надъ ихъ образомъ жизни, языкомъ, нравами, церковными обрядами, вникали въ ихъ народныя преданія и вѣрованія, слѣдили за ихъ исторіею. Другіе искали самихъ Израильтянъ съ ихъ первоначальными, народными свойствами; и потому, встрѣчая гдѣ-нибудь колоніи Евреевъ, распрашивали о ихъ происхожденіи, о времени прибытія ихъ въ извѣстную страну и о другихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ бы можно было вывести догадку, не потомки ли это десяти колѣнъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ наблюденій и изысканій было то, что не осталось ни одной почти страны, ни одного мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы не помѣщали десяти колѣнъ,—не было почти ни одного древняго народа, сколько-нибудь замѣчательнаго въ исторіи, которому бы не усвояли происхожденія отъ Израильтянъ.

Такъ, думали, что изъ Мидіи, или изъ странъ, въ которыхъ Израильтяне поселены были первоначально, они перешли въ Татарію и вообще въ сѣверныя страны Азіи, и здѣсь образовали разные народы, какъ-то: Готѳовъ, Гунновъ, Татаръ и друг. Мысль эту поддерживали весьма многіе писатели и основывали ее частію на этимологическомъ значеніи названій этихъ на-

родовъ (41), частію на сходствѣ именъ городовъ, языка (42), а преимущественно на сходствѣ нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ обитавшихъ здѣсь народовъ, и особенно Татаръ, съ городами, языкомъ, обычаями и обрядами Іудеевъ (43). Но, очевидно, всѣ такія основанія недостаточны для того, чтобы народы эти считать потомками десяти колѣнъ: потому что толкованія именъ совершенно произвольныя (44); касательно же сходства нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ съ іудейскими нужно замѣтить, что они могли быть позаим-

---

(41) Ортелій, знаменитый географъ XVI вѣка, говоритъ, что десять колѣнъ заняли мѣста Скиѳовъ, принявъ новое имя Готѳовъ, чтобы выразить этимъ свою ревность о славѣ Божіей. Тотъ же писатель помѣщаетъ въ Татаріи царство Асареѳъ, о которомъ говоритъ писатель 3-й книги Ездры (13, 45); въ Татаріи же онъ помѣщаетъ Еѳѳалитовъ или Неѳѳалитовъ, о которыхъ упоминаютъ греческіе писатели (Procop. Caesar. de Bello Persico, lib. I, cap. 3. Parisiis. 1662) и которыхъ онъ считаетъ потомками колѣна Неѳѳалимова. Дановъ или Даковъ, сѣверныхъ Татаръ, считаетъ потомками колѣна Данова. Самое имя Татаръ онъ производитъ отъ еврейскаго—*totar*, что̀, по его мнѣнію, значитъ священникъ (Abrahami Ortelii—Thesaurus Geographicus, Tartaria seu Tabula 62. Hanoviae 1611).

(42) Гиль Флетчеръ, посолъ Елисаветы англійской къ Ѳеодору Іоанновичу, независимую Татарію почитаетъ главнымъ мѣстопребываніемъ десяти колѣнъ. Мысль свою онъ доказываетъ состояніемъ этой страны, именами ея городовъ, языкомъ, который, по его мнѣнію, состоитъ изъ еврейскихъ и халдейскихъ словъ. Онъ думаетъ, что главный городъ Татаріи—*Самарканда* могъ быть названъ Израильтянами отъ Самаріи (См. Христіанск. Изысканія въ Азіи доктора Буханана, стр. 257—258. Спб. 1815).

(43) У Татаръ были, наприм., обрѣзаніе, право ужичества; воздерживались они отъ яствъ, запрещенныхъ Моусеемъ и т. п. (Vid. Itinerar. ex Europa Lutetiam 1698; de exilio decem tribuum — D. *Michaëlis*, и друг.).

(44) Напримѣръ: въ еврейскомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова *totar*, которое значило бы — священникъ.

ствованы или отъ магометанъ (45), или отъ Іудеевъ новѣйшихъ, т. е. разсѣявшихся послѣ разрушенія Іерусалима Римлянами, или, можетъ быть, и отъ Израильтянъ, которые могли разсѣяться по этимъ странамъ. Потому другіе, допуская, что Израильтяне могли переселиться и дѣйствительно переселились въ Татарію, думали однакожъ, что здѣсь они не остались навсегда, или, по крайней мѣрѣ, не всѣ, а разсѣялись по другимъ странамъ. Гдѣ же именно?

Изъ Татаріи удобный переходъ въ Китай, Индію и даже въ Америку (46). Дѣйствительно, въ этихъ зем-

---

(45) У магометанъ есть много обычаевъ и обрядовъ, сходныхъ съ іудейскими. А путешественники большею частію наблюдали надъ Татарами уже тогда, когда эти приняли магометанство. Впрочемъ и до этого времени они могли позаимствовать многое отъ магометанъ; потому что магометанство почти съ первыхъ дней своего появленія распространилось по многимъ странамъ Азіи.

(46) Подъ Татаріею въ древности разумѣли все пространство средней Азіи вдоль отъ нынѣшней Большой Бухаріи до Охотскаго моря или даже до самой Камчатки; потому переходъ изъ Татаріи въ Китай, Индію и Америку, дѣйствительно, удобенъ. Думаютъ, впрочемъ, что изъ Татаріи Израильтяне вмѣстѣ съ Монголами разсѣялись по Россіи, Польшѣ и Литвѣ: отъ того-то и такъ много Евреевъ въ этихъ странахъ. Но мысль эта, очевидно, несправедливая: всѣ наши Евреи — Евреи новѣйшіе, іерусалимскіе. Правда, *караиты* наши считаютъ себя потомками десяти колѣнъ; но секту эту считаютъ позднѣйшаго происхожденія, образовавшеюся въ одно время съ сектою талмудистовъ (См. Dictionaire Biblique, Chronologique, par *Calmet*, art. *Caraites*). Замѣчательны, впрочемъ, два обстоятельства касательно караитовъ: 1) наши караиты возводятъ свое происхожденіе ко временамъ плѣна вавилонскаго и говорятъ, что когда соотечественники ихъ въ плѣну вавилонскомъ стали предаваться идолопоклонству и искажать св. Писаніе, они, караиты, отдѣлились отъ нихъ, и постоянно читали одно св. Писаніе, отъ чего и получили свое имя. Тоже самое говорятъ и караиты, живущіе теперь въ Месопотаміи отъ временъ древнѣйшихъ (см. Annales de Philosophie Chrétienne, № 14. Paris.

ляхъ и находили десять колѣнъ Израильскаго народа.

Что касается до *Китая*, то всеобщее и древнее восточное предапіе говорило, что тамъ есть много Евреевъ и что они пришли туда около временъ (Іисуса Навина по особенному устроенію Промысла (47). Но когда путешественники и миссіонеры посѣтили Китай, они нашли тамъ одну небольшую колонію Евреевъ. По распросамъ оказалось, что эти Евреи называютъ себя не Іудеями, а *сынами Израиля* (Бени-Израель), что нѣкоторые изъ нихъ не умѣютъ читать по-еврейски, сохраняютъ у себя Пятокнижіе отъ временъ древнихъ, въ свиткахъ и безъ гласныхъ точекъ, и ничего не знаютъ объ Іисусѣ Христѣ (48). Отсюда многіе и заключили, что предки этихъ Евреевъ пришли въ Китай задолго до Рождества Христова и принадлежатъ къ де-

---

1831). 2) Преимущественнымъ жилищемъ нашихъ караитовъ былъ *Крымъ*, откуда они разсѣялись по другимъ странамъ Россіи, и имъ особенно покровительствовали Татары (см. Критико-Историческая Повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси, *Дениса Зурбицкаго*, стр. 153, въ примѣчаніи. Москва. 1845). Не говоритъ ли это сколько-нибудь въ пользу той мысли, что караиты наши вышли изъ Татаріи вмѣстѣ съ Монголами, что можно считать ихъ потомками десяти колѣнъ и что слѣд. въ Татаріи были Израильтяне?..

(47) Вотъ это преданіе: «когда по смерти Іисуса Навина въ Израильскомъ народѣ появилось идолопоклонство и произошли различные безпорядки, многіе благочестивые мужи просили Бога удалить ихъ изъ среды нечестивыхъ. Господь внялъ ихъ молитвамъ и, посредствомъ чуда, проложилъ для нихъ великій и пространный путь, которымъ они прибыли до предѣловъ востока—въ Китай, гдѣ и поселились» (См. Biblioth. Orient., Herbelot., art., Jahoud.).

(48) См. Journal des Savants. An. 1707, 7 Mai; также: Lettres édifiantes, t. XXIV: *Memoires sur les Juifs de la Chine.*

сяти колѣнамъ ([49]). Но — а) этимъ Евреямъ извѣстны были Ездра и Іисусъ, сынъ Сираховъ, жившіе уже послѣ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, и—б) темное преданіе ихъ говорило, что они прибыли въ Китай въ первый вѣкъ нашей эры ([50]). И потому другіе причисляли ихъ къ Евреямъ новѣйшимъ—іерусалимскимъ, или, по крайней мѣрѣ, не къ десяти колѣнамъ ([51]).

Оставшись, такимъ образомъ, въ недоумѣніи касательно происхожденія китайскихъ Евреевъ отъ десяти колѣнъ, изслѣдователи съ особенною ревностію начали отыскивать ихъ въ Индіи, когда страна эта, сдѣлавшись доступною для европейцевъ, сдѣлалась вмѣстѣ предметомъ любопытства и поприщемъ ученыхъ изслѣдованій. Индія привлекала къ себѣ вниманіе изслѣ-

---

([49]) *Манассія Бенъ-Израель*, въ полномъ убѣжденіи, что въ Китаѣ есть значительное количество Израильтянъ, прилагалъ къ нимъ слѣдующія слова пророка Исаіи: *се сіи издалеча пріидутъ, сіи отъ сѣвера, и отъ моря, иніи же отъ земли Персскія* (Ис. 49, 12), — *отъ земли Персскія* — съ еврейскаго — *sinim*, что̀, по толкованію этого раввина, значитъ — *изъ Китая*: толкованіе невѣрное (L'Histoire des Juifs, par *Basnage*, t. 4, c. 3, l. 6).

([50]) См. выше примѣч. 48.

([51]) Вотъ что говоритъ о китайскихъ Евреяхъ одинъ нѣмецкій ученый: «въ послѣдній вѣкъ въ Китаѣ открыли остатки колоніи іудейской, поселеніе которой въ этой странѣ относится къ 73 году по Р. Хр., а, можетъ быть, и нѣсколькими вѣками позже. Семьсотъ фамилій Іуды, Веніамина и Левія, вышедши изъ Іерусалима, во время разрушенія его Титомъ, отправились сухимъ путемъ въ Китай и получили позволеніе основать или умножить колонію. Въ продолженіе 1700 лѣтъ преслѣдованія, убійства, отступленія отъ вѣры, оставили небольшое число ихъ; они находятся теперь только въ Кай-Фон-Фу, въ 160 миляхъ отъ Пекина, въ числѣ 600 душъ» (*Eichhorn* — Einleitung ins Alt. Testam., Theil. I, S. 26. Leip. 1787).

дователей судьбы десяти колѣнъ по многимъ причинамъ, именно: а) раввины баснословную рѣку Саббатику, за которою будтобы живутъ десять колѣнъ, полагали за рѣкою Гангесомъ въ Индіи ([52]); б) всеобщее преданіе говорило, что ап. Ѳома проповѣдывалъ Евангеліе въ Индіи, куда, вѣроятно, привлеченъ былъ погибшими овцами дома Израилева; наконецъ в) въ амстердамской синагогѣ нашли длинное посланіе, писанное Іудеями кохинскими. Въ этомъ посланіи, между прочимъ, говорилось, что Евреи эти въ продолженіе тысячи лѣтъ имѣли 72 царя, но отъ внутреннихъ раздоровъ царство ихъ пало ([53]). Все это, повидимому, указывало на существованіе десяти колѣнъ въ Индіи. Дѣйствительно, путешественники и миссіонеры находили здѣсь много Евреевъ, разсѣянныхъ по разнымъ странамъ Индіи. Но Евреи индійскіе говорили тоже, что и китайскіе, и такимъ образомъ ожиданія изслѣдователей не были удовлетворены ([54]).

Во время этихъ безполезныхъ исканій десяти колѣнъ въ Индіи, нѣсколько писателей почти вдругъ объявили, что они нашли Израильтянъ въ Америкѣ. Наблюдая надъ обычаями и нравами американцевъ, вникая въ ихъ вѣрованія и народныя преданія, нашли, что имъ извѣстна первобытная исторія міра и человѣчества, какъ описывается она въ Библіи, извѣстны нѣкоторыя чудеса и событія библейскія; ведутъ они лунный счетъ, подобно Евреямъ, оплакиваютъ

([52]) См. выше, примѣч. 31.

([53]) L'Histoire et la Religion der Juifs, par *Basnage*, t. 5, liv. 7, c. 33.

([54]) См. Lettres edifiantes sur l'Inde. t. XX, sect. IV.

умершихъ по обычаю Евреевъ, воздерживаются отъ яствъ, запрещенныхъ закономъ Моѵсеевымъ, поставляютъ жертвенники изъ 12 камней, приносятъ въ жертву начатки плодовъ, закалаютъ агнца и кровію его помазываютъ двери домовъ; есть у нѣкоторыхъ изъ нихъ обрѣзаніе, законъ ужичества и вообще много обычаевъ и обрядовъ, совершенно сходныхъ съ іудейскими. Кромѣ того, преданіе американцевъ говоритъ, что они, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ не туземные жители, а переселенцы. Изъ всего этого наблюдатели единодушно заключили, что Израильтяне непремѣнно перешли въ Америку какимъ бы то ни было образомъ или изъ Татаріи и Китая, или изъ Индіи чрезъ Аміановъ или Берингов ъ проливъ, и мысль эта принята была многими за несомнѣнную (55). Но нѣкоторые съ жаромъ возстали противъ такой мысли, какъ неосновательной и странной, утверждая,—а) что всѣ эти извѣстія объ американцахъ или совсѣмъ невѣрны, или преувеличены; б) если же и вѣрны, если, дѣйствительно, нѣкоторые обычаи и преданія аме-

---

(55) Мысль эту поддерживали весьма многіе писатели, особенно французскіе и англійскіе, наблюдавшіе надъ американцами. Имена всѣхъ этихъ писателей, равно какъ и основанія, приводимыя ими въ подтвержденіе своей мысли, можно видѣть у *Гроція* (De Orig. Gent. Americ.), *Гуэція* (Demonstr. Evang. propos. IV, cap. XI, Lips. 1703), *Баснажа* (L'Histoire et la Religiou des Juifs, t. IV, liv 6), *Калмета* (Dissertatio de regionibus, in quas Jsraëlitæ dispersi sunt) и др. Манассія Бенъ-Израель, убѣжденный, что Израильтяне перешли въ Америку, написалъ сочиненіе: «Надежда Израиля», въ которомъ доказываетъ, что Азія и Америка соединены были материкомъ дотолѣ, пока Израильтяне не прошли въ послѣднюю; а какъ только они прошли и заняли мѣста, Богъ раздѣлилъ эти земли проливомъ для того, чтобы они не возвращались оттуда до опредѣленнаго времени.

риканцевъ сходны съ іудейскими: то они, въ большей или меньшей мѣрѣ, общи всѣмъ народамъ, произшедшимъ отъ одной четы и разсѣявшимся по лицу земли; а такихъ обычаевъ и преданій, которыя собственно принадлежатъ Евреямъ, по которымъ этотъ народъ всегда и вездѣ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ,—у дикихъ и грубыхъ американцевъ вовсе нѣтъ; в) да и невѣроятно, чтобы Израильтяне, народъ не предпріимчивый и привязанный къ мѣсту своего жительства, проникнулъ въ такую отдаленную страну, какова Америка ([56]). Эти возраженія начали подрывать твердость мысли о переселеніи Израильтянъ въ Америку и заставили изслѣдователей еще искать потерянныхъ колѣнъ.

Между іудейскими раввинами среднихъ вѣковъ (1283 г.) ходило посланіе какого-то Еврея (Елдада) изъ колѣна Данова, въ которомъ (посланіи) извѣщалось, что десять колѣнъ существуютъ въ Аравіи и Еѳіопіи, въ славѣ и могуществѣ подъ управленіемъ собственныхъ царей. Носилась также молва, что въ 1524 году къ папѣ Клименту VII приходилъ какой-то Еврей изъ колѣна Рувимова. Онъ будто бы посланъ былъ отъ царей израильскихъ, живущихъ въ Аравіи и Еѳіопіи, къ царю португальскому, не желаетъ ли послѣдній помочь первымъ въ войнѣ ихъ съ однимъ сосѣднимъ царемъ ([57]). Хотя сказанія эти признаны были чистымъ вымысломъ; однакожъ въ нѣкоторыхъ они про-

---

([56]) Такъ разсуждаютъ: *Баснажъ*, *Калметъ* и другіе (тамъ же).

([57]) Vid. Biblioth. Rabbinic. *Bartolcocii*. t. I, p. 42, et sequ. edit. citat.

извели любопытство и заставили догадываться, не переселились ли Израильтяне въ Африку. Догадкѣ этой благопріятствовало—а) то, что изъ Ассиріи очень близокъ и удобенъ переходъ чрезъ Аравію въ Африку; б) то, что, какъ повѣствуетъ книга Дѣяній Апостольскихъ (8, 26 — 40), евнухъ Кандакіи царицы, крещенный ап. Филиппомъ, читалъ пророка Исаію, слѣдовательно былъ прозелитъ, обращенный, вѣроятно, Евреями этой страны ([58]); а особенно — в) то, что одинъ французскій путешественникъ слышалъ отъ двухъ посланниковъ царя еѳіопскаго при монгольскомъ дворѣ, что въ странѣ ихъ есть воинственные и довольно могущественные Іудеи, имѣющіе свое царство въ неприступныхъ горахъ ([59]). Дѣйствительно, путешественники нашли въ Абиссиніи ([60]) колонію Евреевъ, которые поселились въ этой странѣ отъ временъ древ-

---

([58]) Изъ какой страны былъ этотъ евнухъ, или что̀ была за царица *Кандакія*, думаютъ неодинаково. Писатель книги Дѣяній Апостольскихъ называетъ евнуха *туриномъ*, а Кандакію — царицею *туринскою*, т. е. царицею народовъ *черныхъ*; а это названіе прилагалось и къ Арабамъ, и къ Еѳіоплянамъ. Потому одни думаютъ, что этотъ туринъ былъ евнухъ царицы Счастливой Аравіи и, вѣроятно, той страны, откуда царица савская приходила посѣщать Соломона. Другіе Кандакію считаютъ царицею еѳіопскою, какъ потому, что, по свидѣтельству древнихъ писателей (Плинія, Страбона, Птоломея, Евсевія и друг.), у Еѳіоплянъ было обыкновеніе управляться царицами, которыя назывались *Кандакіями*, такъ и потому, что въ хроникѣ абиссинской находятъ описаніе обстоятельствъ встрѣчи евнуха съ апост. Филиппомъ еще подробнѣе, чѣмъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (см. Annales de Philosophie Chrétienne, t. VI (1-e serie), p. 204, № 34, 1835).

([59]) *Bernier* — Voyage de Cachemire, t. IV, p. 218.

([60]) Абиссинія лежитъ въ Африкѣ на берегу Персидскаго залива, выше Нубіи.

нихъ и до позднѣйшаго времени сохранили свой языкъ, свою вѣру и свои національныя постановленія. Они заняли мѣсто на берегу одной рѣки, куда трудно достигнуть по причинѣ высокихъ и крутыхъ горъ, и въ теченіе долгаго времени господствовали надъ сосѣдними областями; но теперь они находятся подъ властію абиссинскаго царя. Евреи эти доказываютъ, что они вошли въ Абиссинію во времена *Менилека*. Тѣ, которые вѣрятъ преданію и хроникѣ абиссинскимъ, по которымъ этотъ Менилекъ есть сынъ царицы савской ([61]), возводятъ начало Евреевъ въ Абиссиніи ко временамъ Соломона. Но другіе думаютъ, что они пришли сюда во время разрушенія Іудеи Навуходоносоромъ. Сами эти Евреи не знаютъ, къ какому кто изъ нихъ принадлежитъ колѣну. Если справедливо, что языкъ ихъ имѣетъ сходство съ языкомъ Пятокнижія самаритянскаго: то эти Евреи древнѣе плѣненія вавилонскаго,

---

([61]) Преданіе и лѣтописи абиссинскія разсказываютъ, что царица савская, т. е. абиссинская была язычница, когда отправилась во Іерусалимъ; но во Іерусалимѣ обратилась къ іудейству и имѣла отъ Соломона сына, которому дала имя *Менилека* и который былъ первымъ царемъ абиссинскимъ; а до этого времени абиссинцы управлялись царицами. Потому-то цари абиссинскіе обыкновенно возводятъ свое начало къ Менилеку или, какъ еще называютъ его, *Бенъ-Гакиму* (сыну мудраго, т. е. Соломона), и эмблема этихъ царей: левъ, идущій въ поле съ разинутой пастью и имѣющій надпись: «левъ отъ корня Соломонова и отъ колѣна Іудова восторжествовалъ» (См. Nouv. Hist. d'Abyssinie et d'Ethiopie, par *Ludolf*, p. 94, Paris. 1684, et Annales de Philosophie Chrétienne, № 34, p. 263. Paris. 1833). Но нѣкоторые считаютъ преданіе это ложнымъ, выродившимся изъ того, что слава Соломонова наполняла Азію и Африку, и потому цари считали для себя честію возводить родъ свой къ Соломону, и страну царицы савской полагаютъ въ Счастливой Аравіи (См. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1835 годъ).

и слѣдовательно не потомки десяти колѣнъ, плѣненныхъ Салманассаромъ ([62]).

Изъ Ееіопіи или изъ Аравіи переселяли еще десять колѣнъ на островъ Мадагаскаръ : потому что жители этого острова считали себя потомками Авраама, обрѣзывались, сохраняли много другихъ обрядовъ и обычаевъ іудейскихъ, и отвергали магометанство ([63]). Но въ послѣдствіи нашли, что это Арабы, переселившіеся на островъ Мадагаскаръ еще до появленія Магомета ([64]).

Въ то время, когда путешественники искали десяти колѣнъ въ Африкѣ, ученые калькутскаго общества ([65]) нашли ихъ въ жителяхъ Афганистана или Кабулистана ([66]). Вотъ что говоритъ одинъ изъ членовъ этого общества: «я читалъ въ книгѣ Ездры, что десять колѣнъ, блуждая нѣсколько времени, пришли наконецъ въ страну, называемую *Арсаревъ*, гдѣ, вѣроятно, они и поселились. Но лучшіе персидскіе историки говорятъ, что Афганы происходятъ отъ Евреевъ. Преданіе Афгановъ говоритъ тоже ; и хотя они стараются скрывать свое происхожденіе, послѣ того какъ приняли магометанство, увѣряютъ однакожъ , что семей-

---

([62]) О Евреяхъ абиссинскихъ говорятъ многіе путешественники. Извѣстія ихъ подробно изложены въ Annales de Philosophie Chrétienne, t. VI (1-e serie), № 54, p. 263, et suiv. Paris. 1833.

([63]) Histoire de Madagascar, par le *Sieur de Flacourt*, chap. 9, p. 233. Paris. 1718.

([64]) Vid. de exilio decem tribuum, *D. Michaëlis*.

([65]) Общество это учреждено англійскимъ правительствомъ въ 1784 году, съ цѣлію изслѣдовать древности индійскія и способствовать распространенію христіанства въ Индіи.

([66]) Страна эта находится въ Персіи на границахъ Индіи.

ства ихъ расположены по именамъ колѣнъ Израилевыхъ. Языкъ ихъ очень схожъ съ халдейскимъ, и значительное владѣніе, принадлежащее Афганамъ, называется *Гесарегъ* или *Гесаретъ*, созвучное слову *Арсареѳъ* (67)». Тоже подтвердили и другіе ученые, посѣтившіе Афгановъ и составившіе исторію Афганистана, которая не оставляла сомнѣнія, что Афганы — потерянныя колѣна израильскія (68). Но чрезъ нѣсколько времени заключеніе это стали оспаривать. Одинъ англійскій ученый, посѣтивши Афгановъ, объявилъ: «мои сомнѣнія касательно еврейскаго происхожденія Афгановъ основываются на слѣдующемъ: 1) они не имѣютъ физіономіи еврейской; 2) преданіе о происхожденіи ихъ отъ народа Божія не есть главное; наконецъ 3) языкъ ихъ не имѣетъ сходства съ еврейскимъ. *Or*—свѣтъ есть единственное еврейское слово, которое находится въ языкѣ Афгановъ. Составъ грамматики ихъ существенно различается отъ грамматики еврейской (69)». Кромѣ того, въ константинопольской библютекѣ нашли одно историческое сочиненіе безъименнаго автора, написанное въ 1731 году на турецкомъ языкѣ. Въ этомъ сочиненіи говорится, что Афганы—хазарское племя, что они жили на берегахъ Каспійскаго моря, но за постоянныя опустошенія и разграбленія персидскихъ провин-

---

(67) *William Jones* et *Henrick Vansitart*. См. Recherches Asiatiques, t. II, p. 123. Paris. 1803.

(68) *Hamilton* — Historical account of the origin, progress and final dissolution of the gouvernment of the Rohillah Afghans. London. 1797, и *Torster* — History of the Rohillah Afghans. London. 1789.

(69) *Wolf* — Researches, p. 238—239.

цій переселены въ отдаленныя страны ([70]). Такимъ образомъ, только-что отысканныя потерянныя колѣна израильскія опять были потеряны.

Въ началѣ XIX вѣка англійскій ученый *Бухананъ*, членъ калькутскаго общества, рѣшился посѣтить всѣхъ индійскихъ Евреевъ и изъ преданія ли, или изъ письменныхъ памятниковъ узнать что-нибудь опредѣленнѣе о ихъ судьбѣ ([71]). Въ слѣдствіе своихъ наблюденій и изслѣдованій Бухананъ раздѣляетъ индійскихъ Евреевъ на *бѣлыхъ* или *іерусалимскихъ* и *черныхъ* или *древнихъ*. Бѣлые Евреи прямо и ясно говорятъ, что они пришли въ Индію со множествомъ женъ, дѣтей, священниковъ и левитовъ тотчасъ послѣ разрушенія втораго храма іерусалимскаго; но они застали здѣсь своихъ соплеменниковъ, издревле поселившихся въ Индіи и называющихся *сынами Израиля* (Бени-Израель). «Дабы увѣриться въ томъ, говоритъ Бухананъ, что предки черныхъ Евреевъ прибыли въ Индію за нѣсколько вѣковъ прежде бѣлыхъ, стоитъ только взглянуть на ихъ индійское сложеніе и несходство съ Евреями европейскими. Это доказываетъ, что они отдѣлились отъ рода своего гораздо прежде, нежели Евреи на западѣ, и что они брали себѣ женъ не изъ рода израильскаго. Я слышалъ, продолжаетъ Бухананъ, что поколѣ-

---

([70]) См. Recherches Asiatiques, t. II, p. 26. Paris. 1803.

([71]) Этотъ ученый Бухананъ путешествовалъ по Индіи около 4-хъ лѣтъ, посѣщалъ христіанъ, Евреевъ, Армянъ и другихъ народовъ, здѣсь живущихъ, и въ 1812 году изложилъ свои наблюденія въ сочиненіи, которое переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Христіанскія Изысканія въ Азіи, Буханана,» напечатано въ Спб. 1815 г. Свидѣтельства Буханана мы будемъ приводить по переводу.

нія, перешедшія на ту сторону Инда, такъ сравнялись съ природными жителями съ своихъ обычаяхъ и нравахъ тѣхъ странъ, гдѣ они поселились, что путешественникъ иногда даже узнать ихъ не можетъ. Во внутреннихъ городахъ Малабара не всегда можно различить Еврея отъ Индійца. И потому я узналъ, какъ легко можно ошибиться, различая еврейскія поколѣнія отъ Афгановъ и другихъ народовъ сѣверной Индіи. Бѣлые Евреи почитаютъ черныхъ ниже себя и даже нечистыми; а это показываетъ, что они не отъ одного поколѣнія».

«Черные Евреи сообщили мнѣ, говоритъ Бухананъ, весьма важныя свѣдѣнія о братіяхъ своихъ, древнихъ восточныхъ Израильтянахъ. Я распрашивалъ ихъ о десяти колѣнахъ. Всѣ они согласно думаютъ, что многочисленный израильскій народъ живетъ въ Халдеи и въ странахъ соприкосновенныхъ съ нею; но нѣкоторыя семейства пошли въ отдаленныя страны, какъ-то: Кохинъ, Ражапуръ въ восточной Индіи и далѣе къ востоку. Они назвали много небольшихъ селеній, находящихся въ сѣверной Индіи, Татаріи, Китаѣ, и записали таковыхъ мѣстъ 65-ть. И когда я сказалъ имъ, что нѣкоторые думаютъ, будто Израильтяне вышли изъ предѣловъ Халдеи, то они спросили меня: куда-же, полагаютъ, вышли? Мы совсѣмъ не слыхали, чтобы когда-нибудь выходили они куда въ значительномъ количествѣ».

«Легко можетъ быть доказано, замѣчаетъ Бухананъ, что большая часть десяти колѣнъ и до нынѣ еще остается въ тѣхъ странахъ, куда они первоначально были отведены въ плѣненіе. Если мы вѣрно можемъ узнать, гдѣ они были въ первый и потомъ

въ пятый христіанскій вѣкъ: то несомнѣнно можемъ итти за ними по слѣдамъ ихъ до нашего времени. И это несомнѣнно. Слыхалиль мы когда-нибудь, чтобы Израильтяне, подобно Готѳамъ и Гуннамъ, выходили куда-нибудь изъ халдейскаго государства ополченными силами? Безъ сомнѣнія, магометанская вѣра значительно уменьшила число Израильтянъ. Хотя въ областяхъ Кашемира и Афганистана многіе изъ Евреевъ согласились лучше пожертвовать всѣмъ, нежели перемѣнить вѣру отцевъ, и остались Евреями до нынѣ; но съ теченіемъ времени большая часть и изъ нихъ покорилась силѣ господствующей вѣры. Это доказываютъ черты ихъ лицъ, языкъ, имена, обряды, обычаи, ихъ исторія, всѣ обстоятельства».

«Разсматривая такимъ образомъ Евреевъ, заключаетъ ученый изслѣдователь, обитающихъ нынѣ въ областяхъ древней Халдеи и областяхъ, сопредѣльныхъ съ нею,— Евреевъ какъ тѣхъ, которые теперь еще исповѣдуютъ свою вѣру, такъ и тѣхъ, которые приняли магометанство и христіанство, мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ полагать, что большая часть десяти колѣнъ Израильскаго народа и теперь живетъ въ тѣхъ странахъ, куда они первоначально отведены были въ плѣненіе (72)».

Когда эти свѣдѣнія, сообщаемыя Израильтянами о самихъ себѣ и передаваемыя ученымъ наблюдателемъ, сдѣлались извѣстными свѣту, — они пробудили въ изслѣдователяхъ надежду—отыскать наконецъ погибшія колѣна израильскія, особенно потому, что примиряли

(72) *Бухананъ*—Христ. Изыск. въ Азіи, стр. 225—258. Спб. 1815.

между собою различныя мнѣнія объ этихъ колѣнахъ, составленныя доселѣ учеными, и объясняли многое. Предполагавшіе, что Израильтяне оставили страны халдейскія, обыкновенно думали, что это случилось еще до Р. Х. Между тѣмъ блаженный Іеронимъ говорилъ, что они еще въ его время были плѣнниками въ горахъ и городахъ мидійскихъ (73). И Іосифъ Флавій хотя не опредѣлялъ мѣста жительства десяти колѣнъ, а говорилъ только, что они во множествѣ живутъ за Евфратомъ (74); можно было однакожъ думать, что онъ разумѣетъ страну плѣненія, потому что царь Агриппа въ рѣчи къ Іудеямъ, передаваемой Флавіемъ же, жилищемъ Израильтянъ полагалъ Адіабену или древнюю Ассирію (75). Далѣе: изслѣдователи судьбы десяти колѣнъ большею частію предполагали, что Израильтяне вышли всѣ вмѣстѣ, заняли какую-нибудь страну и составили одинъ отдѣльный народъ. Но въ такомъ видѣ нигдѣ не находили ихъ, и оттого приходили къ страннымъ заключеніямъ и догадкамъ. Все это раздѣляло изслѣдователей и не представляло конца ихъ разногласіямъ. Свѣдѣнія, сообщенныя Бухананомъ, объясняли трудности и примиряли разногласія. По этимъ свѣдѣніямъ, большая часть десяти колѣнъ осталась въ странахъ, куда они первоначально были отведены въ плѣненіе; но нѣкоторыя, можетъ быть, даже многія семейства или цѣлыя колѣна, пошли въ другія страны — Индію, Татарію, Китай и далѣе къ

---

(73) См. выше примѣч. 23 и текстъ, къ нему относящійся.

(74) Выше примѣч. 21 и текстъ.

(75) Выше примѣч. 18 и текстъ.

востоку, — и это случилось еще за долго до Р. Х., какъ доказываютъ не только черные или древніе индійскіе Евреи, но и бѣлые или іерусалимскіе. Такія свѣдѣнія о десяти колѣнахъ не противорѣчили свидѣтельствамъ Флавія и блаж. Іеронима, которые, вѣроятно, разумѣли только большую часть десяти колѣнъ, и оправдывали извѣстія, по которымъ находили Израильтянъ въ разныхъ странахъ земнаго шара. Теперь оставалось только болѣе точными, вѣрными и обширнѣйшими изслѣдованіями оправдать и подтвердить краткія свѣдѣнія о десяти колѣнахъ, сообщенныя Бухананомъ, и повѣрить поспѣшныя, иногда даже неосновательныя заключенія, выведенныя другими предшествовавшими изслѣдователями. Дѣйствительно, ученые постарались сдѣлать это.

Прежде всего старались оправдать извѣстія Buхanановы тѣ, которые съ жаромъ и негодованіемъ возставали противъ раввинскихъ басней и вообще противъ мнѣнія о переселеніи Израильтянъ въ отдаленныя страны и твердо держались той мысли, что десять колѣнъ навсегда остались въ землѣ плѣненія. Дѣйствительно, новѣйшіе путешественники находили Евреевъ, блуждающихъ по Арменіи, Азіатской Турціи и Персіи, и составляющихъ остатокъ вавилонскихъ плѣнниковъ. Но остатокъ этотъ состоялъ изъ очень незначительнаго количества; притомъ съ рѣшительностію нельзя было сказать, потомки ли они десяти колѣнъ, или двухъ ([76]). Наконецъ, одинъ англійскій ученый *Грантъ* объявилъ, что онъ нашелъ потерянныя колѣна въ жи-

([76]) См. Researches — *sir Robert*. London. 1815.

теляхъ *Кюрдистана* ([77]) и собственно въ такъ называемыхъ имъ кюрдистанскихъ *несторіанахъ* ([78]). Такъ какъ, съ одной стороны, Грантъ рѣшился признать потомками десяти колѣнъ народъ подъ другимъ именемъ и съ иною вѣрою, а съ другой, — такъ какъ существовало столько мнѣній и теорій касательно судьбы народа Божія, что каждое новое изслѣдованіе возбуждало къ себѣ предубѣжденіе и недовѣрчивость: то ученый изслѣдователь употребляетъ всѣ возможныя доказательства справедливости своего заключенія. Доказательства эти можно раздѣлить на два рода: одни говорятъ только то, что несторіане еврейскаго происхожденія; а другія, прямо и непрямо,—что они именно потомки десяти колѣнъ.

Что кюрдистанскіе несторіане еврейскаго происхожденія, это доказывается —

1) *всеобщимъ преданіемъ*, которое усвояютъ себѣ всѣ кюрдистанскіе несторіане — ученые и неученые, старцы и юноши, но которое не могло быть навязано имъ сосѣдними народами, по причинѣ совершенной ихъ отдѣльности и разобщенности съ этими народами, и кро-

---

([77]) Кюрдистанъ находится въ Азіатской Турціи на границахъ Персіи.

([78]) Этотъ англійскій ученый медикъ Грантъ путешествовалъ по Кюрдистану, внимательно изслѣдывая и изучая жителей этой страны, около четырехъ лѣтъ (съ 1836 по 1840), и плодомъ его путешествій и наблюденій было сочиненіе: «Несторіане или Потерянныя Колѣна,» напечатанное въ 1841 году въ Лондонѣ и въ томъ же году переведенное на французскій языкъ подъ заглавіемъ: *Nestoriens ou Tribus Perdues*. Сочиненіе это раздѣляется на двѣ части: въ 1-й описываются путешествіе и наблюденія Гранта, а во 2-й излагаются доказательства, что несторіане кюрдистанскіе—потомки десяти колѣнъ. Каждое доказательство, или нѣсколько сродныхъ между собою составляютъ особую главу.

мѣ того подтверждается живущими среди несторіанъ Евреями;

2) *непримиримою ненавистію,* существующею между несторіанами и живущими среди ихъ Евреями,—ненавистію, простирающеюся до того, что они не могутъ смотрѣть другъ на друга; а это бываетъ и нынѣ между Евреями и христіанами изъ Евреевъ (гл. XI);

3) *языкомъ*: языкъ этотъ происходитъ отъ сирійскаго и, по мнѣнію Гранта, на немъ говорили Израильтяне еще до своего плѣненія (гл. XIV) (79);

4) *физіономіею*, по которой трудно различить несторіанина отъ Еврея, такъ что путешественники, самые опытные въ различеніи физіономій, часто ошибаются;

5) *именами*, которыя всѣ библейскія, какъ-то: Аврамъ, Самсонъ, Товія и проч.;

6) сохраненіемъ домашнихъ и общественныхъ обычаевъ, нѣкоторыхъ обрядовъ и постановленій іудейскихъ, каковы: жертва мира, обѣты, приношеніе Богу начатка плодовъ, строгое соблюденіе дня субботняго, особенное уваженіе къ святилищу храма, городъ убѣжища, формы поздравленій, гостепріимство, расположенность къ бѣднымъ, костюмы, украшенія, супружество, занятія и проч., что все, по наблюденію Гран-

(79) Грантъ принимаетъ за несомнѣнное, что до плѣненія вавилонскаго между Израильтянами господствовалъ языкъ сирійскій, а послѣ плѣненія языкъ этотъ, смѣшавшись съ халдейскимъ, нѣсколько измѣнился и относился къ древне-сирійскому точно такъ же, какъ ново-греческій къ древне-греческому. Этотъ ново-сирійскій языкъ, по мнѣнію Гранта, во время земной жизни Спасителя, былъ общеупотребительнымъ разговорнымъ языкомъ, а греческій — книжнымъ. Причиною общеупотребительности сирійскаго языка между Израильтянами Грантъ полагаетъ частыя сношенія ихъ съ Сирійцами.

та, тоже самое, что и у древнихъ Израильтянъ (гл. XV—XVIII).

Что кюрдистанскіе несторіане, будучи еврейскаго происхожденія, потомки именно десяти колѣнъ, это доказывается —

1) несовсѣмъ яснымъ преданіемъ. Несторіане кюрдистанскіе считаютъ себя потомками десяти колѣнъ, хотя не могутъ опредѣлить, кто изъ нихъ къ какому принадлежитъ колѣну, точно такъ же, какъ и никто изъ нынѣшнихъ Евреевъ не знаетъ этого. Впрочемъ, семейство патріарха несторіанскаго производитъ себя отъ колѣна Нефѳалимова;

2) названіемъ *сыновъ Израиля* (Бени-Израель). Это названіе несторіане весьма часто прилагаютъ къ себѣ, такъ что если спросить ихъ: кто вы,—они отвѣчаютъ: мы *Бени-Израель*. Но такое названіе можетъ быть признакомъ Евреевъ десяти колѣнъ; потому что послѣ плѣна вавилонскаго Евреи усвоили себѣ названіе Іудеевъ (гл. XV);

3) свидѣтельствомъ Евреевъ, живущихъ между несторіанами. Евреи эти раздѣляются на древнихъ и новыхъ: первые причисляютъ себя къ потомкамъ десяти колѣнъ; послѣдніе не усвояютъ себѣ этого. Но тѣ и другіе согласно причисляютъ несторіанъ къ разряду первыхъ.

4) Существуетъ еще между кюрдистанскими несторіанами довольно ясное преданіе, что предки ихъ пришли въ занимаемую ими теперь страну изъ Палестины, и притомъ въ очень давнее время, хотя съ точностію не могутъ опредѣлить, въ какое именно время, до Рождества ли Христова, или послѣ, и при какихъ обстоятельствахъ. Но по соображеніямъ выходитъ, что они

приняли христіанскую вѣру въ первый вѣкъ нашей эры, и даже отъ самихъ Апостоловъ, такъ какъ у кюрдистанскихъ несторіанъ есть преданіе, что наставниками ихъ въ вѣрѣ были Апостолы, и сохраняется между ними много другихъ преданій объ Апостолахъ, проповѣдывавшихъ Евангеліе на востокѣ, какъ то: о св. Ѳомѣ, Аггеѣ, Ѳаддеѣ и проч. Есть у нихъ даже преданіе, что волхвы, приходившіе поклониться новорожденному Младенцу, приходили именно изъ Орміага, мидійскаго города (80). Слѣд., въ первый вѣкъ нашей эры несторіане жили уже въ Кюрдистанѣ. Но до этого времени одни только Израильтяне переселены были изъ Палестины въ древнюю Ассирію или нынѣшній Кюрдистанъ (гл. XIX).

Наконецъ 5) Грантъ обширно разсуждаетъ о мѣстѣ, гдѣ поселены были десять колѣнъ Израильскаго народа, и, на основаніи показаній древнихъ и новѣйшихъ историковъ, географовъ и путешественниковъ, и на основаніи собственныхъ соображеній, доказываетъ, что мѣста, гдѣ поселены были десять колѣнъ, находились въ древней Ассиріи или на границахъ ея, а древняя Ассирія есть нынѣшній Кюрдистанъ, и отсюда выводитъ заключеніе, что кюрдистанскіе несторіане потомки десяти колѣнъ (гл. XII).

Если все, сообщаемое Грантомъ о кюрдистанскихъ несторіанахъ, вполнѣ справедливо; если онъ не прив-

(80) Несторіане кюрдистанскіе говорятъ еще, что волхвы взяли съ собою только золото, дабы представить его Мессіи, какъ царю земному. Но несторіане, зная, что Мессія долженъ быть вмѣстѣ и лице божественное, заставили ихъ взять ладанъ и смирну для кажденія предъ Нимъ во время поклоненія Ему.

носитъ въ свои наблюденія чего-нибудь отъ себя: то съ заключеніемъ его касательно Израильскаго происхожденія жителей Кюрдистана можно согласиться. Напрасно только ученый наблюдатель, торжествуя при своихъ открытіяхъ, не уважилъ и открытій ученаго Буханана, когда всѣ десять колѣнъ Израильскаго народа заключилъ въ одномъ Кюрдистанѣ и только отчасти въ Мидіи, рѣшительно не допуская, чтобы, до Р. Х. и притомъ за-долго, нѣкоторыя семейства Израильтянъ могли удалиться въ другія земли, какъ-то: Индію, Татарію, Китай и далѣе. Оправдать извѣстія Бухановы постарались другіе ученые мужи.

Что касается до Индіи, то теперь, послѣ открытій Бухановыхъ, послѣ того, какъ несомнѣнно доказано, что св. ап. Ѳома проповѣдывалъ Евангеліе въ Индіи и оставилъ тамъ Евангеліе отъ Матѳея на еврейскомъ языкѣ ([81]), и послѣ другихъ открытій, сдѣланныхъ въ самыхъ индійскихъ письменныхъ памятникахъ ([82]),—теперь уже почти никто не сомнѣвается,

---

([81]) О томъ, что ап. Ѳома проповѣдывалъ Евангеліе въ Индіи, говоритъ всеобщее восточное преданіе и многіе письменные памятники (см. *Assemani*— Biblioth. Orient. t. IV). См. новѣйшее сочиненіе: Essai sur l'origine et la decadence de la religion chrétienne dans l'Inde, par le capitaine *Wilford*. Paris. 1847.

([82]) Ученые соглашаются, что если въ какой-нибудь странѣ существуютъ древніе письменные памятники, написанные до Р. Хр., и если въ этихъ памятникахъ обнаруживается вліяніе на нихъ іудейства, то это можетъ служить доказательствомъ существованія Израильтянъ въ этой странѣ. По отношенію къ Индіи признакъ этотъ не можетъ быть вполнѣ приложенъ, потому что нельзя съ точностію опредѣлить, что въ древнихъ индійскихъ письменныхъ памятникахъ позаимствовано отъ іудейства и что отъ христіанства, но что вліяніе того и другаго на эти памятники было, и даже

что Израильтяне проникли въ Индію за долго до Р. Х., даже, вѣроятно, вскорѣ послѣ своего плѣненія. Потомками ихъ можно считать такъ называемыхъ Евреевъ черныхъ, потому что — а) они называютъ себя *сынами Израиля* (Бени-Израель) ([83]), — б) вовсе не имѣютъ пророческихъ книгъ ([84]), а владѣютъ почти однимъ только Пятокнижіемъ, писаннымъ на кожанныхъ свиткахъ ([85]), и — в), какъ говорятъ бѣлые Евреи, преданіе и самый цвѣтъ лица ихъ,—прибыли въ Индію за долго до Р. Х., а изслѣдователи соглашаются признать потомками десяти колѣнъ тѣхъ Евреевъ, предки которыхъ прибыли въ извѣстную страну востока во времена до-христіанскія ([86]).

замѣтное, это въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію (См. Prodrome d'Ethnographie, ou Essai sur l'origine des principaux peuples anciens, par *M. Maupied*. Paris, 1842; Légende de Krichna et preuves que quelques circonstances de sa vie ont empruntées aux évangiles, par *l'abbé Bertrand*. Paris. 1847, и друг.).

([83]) Этимъ доказательствомъ пользуется, какъ мы видѣли, и Грантъ.

([84]) Свящ. книги Евреевъ, появившіяся послѣ плѣненія Израильтянъ, какова большая часть книгъ пророческихъ, не могли быть имъ извѣстны, если только они разсѣялись по другимъ странамъ вскорѣ послѣ своего плѣненія и не имѣли сношеній съ Іудеями.

([85]) Свитокъ Пятокнижія Евреевъ индійскихъ сшитъ изъ нѣсколькихъ кожъ и имѣетъ около 48 футовъ длины; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ уже протерся, и диры зачинены вставками изъ пергамена. Одни Евреи думаютъ, что этотъ свитокъ дошелъ къ нимъ первоначально изъ Сенны, что въ Аравіи; а другіе говорятъ, что онъ принесенъ изъ Кашемира (въ сѣверной Индіи). О древности этого свитка, кромѣ самой его формы, говоритъ письмо, не похожее на то, какое вошло въ употребленіе между Евреями послѣ плѣна вавилонскаго (Бухананъ — Христ. Изыск. въ Азіи, стр. 237. Спб. 1815)

([86]) Это на томъ основаніи, что Израильтяне, предполагается, не воз-

Если Израильтяне проникли въ Индію, то естественно думать, что они проникли и въ Китай. И черные индійскіе Евреи прямо говорятъ, что нѣкоторыя семейства десяти колѣнъ пошли въ сѣверную Индію, Китай и далѣе ([87]). Но такъ какъ многіе возстали противъ этой мысли, то ученые изслѣдовали это дѣло точнѣе. Мы уже видѣли, что миссіонеры, нашедши въ Китаѣ колонію Евреевъ, по устнымъ распросамъ, отнесли ихъ къ потомкамъ десяти колѣнъ, прибывшихъ въ эту страну за долго до Р. Х.; но другіе не согласились съ такимъ заключеніемъ. Посему изслѣдователи попытались отыскать какіе-нибудь письменные памятники, изъ которыхъ можно было бы узнать происхожденіе и древность этой колоніи. Долго старанія ихъ оставались тщетными, потому что Евреи китайскіе запрещали входъ въ свою синагогу и вообще скрывали всѣ свои древности. Когда, наконецъ, удалось нѣкоторымъ войти въ синагогу, — нашли тамъ нѣсколько надписей. Одна изъ нихъ, сдѣланная китайскимъ мандариномъ въ 1515 году, подтверждала преданіе Евреевъ, что они пришли въ Китай въ царствованіе императора (Han-mingti, изъ династіи Han), который взошелъ на престолъ въ 56, а умеръ въ 78 году по Р. Х. Въ надписи этой Евреи названы *монахами* или *духовными лицами* (seng). Посему стали догадываться: источникомъ преданія китайскихъ Евреевъ о времени прибытія ихъ въ Китай не служитъ ли сказанная надпись,—а мандаринъ, сдѣлавшій эту надпись,

---

вращались изъ плѣна и разсѣялись по разнымъ странамъ; а Іудеи возвратились изъ своего плѣна.

([87]) Христ. Изыск. въ Азіи — *Буханана*. стр. 232. Спб. 1815.

не смѣшалъ ли Евреевъ съ послѣдователями Будды, которые, дѣйствительно, въ это время приходили въ Китай и ввели здѣсь свою вѣру (88)? Но такая догадка оказывалась несовсѣмъ основательною, частію потому, что надпись могла быть сдѣлана на основаніи преданія самихъ Евреевъ, а не наоборотъ; частію же потому, что, какъ доказано, Китайцы подъ *монахами* (seng) разумѣли собственно христіанъ, а не послѣдователей всѣхъ другихъ вѣръ (89); а христіанъ язычники обыкновенно смѣшивали съ Іудеями. Въ той же синагогѣ нашли другую надпись, сдѣланную однимъ ученымъ Евреемъ. Надпись эта говоритъ, что «Авраамъ жилъ спустя 146 лѣтъ, а Моѵсей спустя 613 отъ начала одной китайской династіи (Tcheou), упразднившейся за 249 лѣтъ до Р. Х.» Еврей, говорятъ, сдѣлавшій надпись, долженствовалъ жить во времена этой династіи, потому что въ послѣдующее время нельзя было такъ вѣрно и точно приспособить годы Авраама и Моѵсея къ годамъ упомянутой династіи. Слѣд., заключаютъ, нельзя сомнѣваться, что за три вѣка до Р. Х. Евреи въ Китаѣ уже существовали (90). Но такое заключеніе оказывалось не совсѣмъ твердымъ, частію потому, что и въ послѣдующее время ученый Еврей, хорошо знавшій еврейскую и китайскую хро-

---

(88) См. Lettres edifiantes, tom XXIV: *memoire sur les Juifs de la Chine*; срав. Annales de Philosophie Chrétienne, tom. XIV, № 81, p. 213 et suiv. Paris. 1837: *Essai sur l'epoque de l'entrée de Juifs en Chine*, par *l'abbé Sionnet*.

(89) *De Guignes*, dans Memoire de l'Academie des Inscriptions, t. 30, p. 802 et suiv.

(90) См. выше, примѣч. 88.

нологію, очень легко могъ приспособить годы Авраама и Моvсея къ годамъ упомянутой династіи; а частію потому, что нѣкоторые начали оспаривать самое существованіе этой династіи ([91]).

Не узнавъ, такимъ образомъ, ничего опредѣленнаго и рѣшительнаго отъ самихъ китайскихъ Евреевъ объ ихъ происхожденіи, изслѣдователи обратились къ другимъ источникамъ — къ китайскимъ письменнымъ памятникамъ, которые, какъ извѣстно, очень древни и многочисленны. Разбирая эти памятники, ученые нашли въ нихъ много библейскаго, т. е. много преданій, истинъ нравственныхъ, историческихъ событій и даже выраженій совершенно библейскихъ, каковы: свѣдѣнія о сотвореніи человѣка, о земномъ раѣ, древѣ познанія добра и зла, потопѣ, радугѣ, жертвоприношеніи Ноя, семилѣтнемъ голодѣ египетскомъ, о посѣщеніи Соломона царицею савской, — чистое ученіе о Богѣ, ясное и возвышенное понятіе о Мессіи, имя *Іеговы* и многія друг. ([92]). Этого мало: извѣстно, что Китайцы считаютъ себя древнѣе всѣхъ народовъ и свою хронологію и рядъ царей своихъ возводятъ ко временамъ до-потопнымъ. Историки, по обыкновенію, раздѣляли исторію Китайцевъ, какъ и всякаго другаго народа, на чисто-баснословную, полу-историческую и чисто-исто-

---

([91]) На какомъ основаніи отвергаютъ существованіе этой династіи, увидимъ ниже.

([92]) Всѣ, занимавшіеся изслѣдованіемъ древнихъ китайскихъ памятниковъ, находили въ нихъ слѣды истинъ библейскихъ. Извлеченіе всѣхъ ихъ можно видѣть у *Сіоннета*: Essai sur les Juifs de la Chine et sur l'influence qu' ils ont eu sur la litterature de ce vaste empire avant l'ére chretienne. Paris. 1837. Подробнѣе о нѣкоторыхъ изъ этихъ мыслей и преданій мы будемъ говорить ниже.

рическую или достовѣрную. Но при этомъ все оставался нерѣшеннымъ вопросъ: отъ чего одни Китайцы такъ далеко возводятъ свою исторію? По точнѣйшимъ изслѣдованіямъ считаютъ вѣроятнымъ, что баснословная исторія китайскихъ царей есть не что иное, какъ исторія ветхозавѣтныхъ патріарховъ или списокъ книги Бытія ([93]). Теперь спрашивается: какъ объяснить все это? Какимъ образомъ библейскія истины, мысли, выраженія и лица перешли въ китайскія книги? Для объясненія этого явленія ученые прибѣгали и прибѣгаютъ къ различнымъ предположеніямъ и догадкамъ.

Первые миссіонеры китайскіе—іезуиты думали, что въ Китаѣ съ давнихъ временъ существовало христіанство, которое имѣло вліяніе на китайскую письменность; и потому письменные китайскіе памятники, присвояющіе себѣ глубокую древность, считали за произведенія позднѣйшія. Но древность книгъ китайскихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ теперь не подлежитъ сомнѣнію ([94]). Другіе приходили къ тому предположе-

---

([93]) Предположеніе это теперь почти господствующее. Съ особенною силою и ясностію подтверждаетъ его *Параеей*—Essai sur l'origine unique des chiffres et des lettres de tous les peuples. Paris. 1826.

([94]) Древнія книги китайскія отъ книгъ позднѣйшаго происхожденія различаютъ какъ по самому содержанію тѣхъ и другихъ (въ древнихъ находятъ ученіе вѣры и нравственности чище), такъ и по формѣ письма: древнія книги писаны такими іероглифами, какіе встрѣчаются на древнихъ памятникахъ Ниневіи, Вавилона и отчасти Египта (см. ниже примѣч. 103). Нѣкоторые (не упоминаемъ именъ) думаютъ, что всѣ эти истины и преданія библейскія, находимыя будто бы въ китайскихъ книгахъ, выдуманы самими іезуитами для своихъ цѣлей, а въ книгахъ китайскихъ ихъ не было и нѣтъ. Но мысль эта несправедлива. Теперь ученые внимательно и глубоко стали изучать древніе китайскіе памятники, и находятъ въ нихъ тоже, что находили и прежде, только яснѣе и отчетливѣе.

нію, что всѣ библейскія преданія, сохранившіяся въ китайскихъ книгахъ, перешли въ Китай точно такъ же, какъ распространились они и между всѣми другими народами земнаго шара, именно: во времена патріархальныя откровенныя истины вѣры и нѣкоторыя событія были общи для всѣхъ потомковъ Адама; но когда люди разсѣялись по лицу земли, — они унесли съ собою эти преданія; потому-то у всѣхъ почти народовъ можно находить библейскія истины. Если же въ Китаѣ онѣ сохранились въ большемъ количествѣ и въ яснѣйшемъ видѣ, чѣмъ у другихъ народовъ; то это зависѣло, можетъ быть, отъ того, что преданія эти рано заключены были въ письмена и такимъ образомъ предохранены отъ поврежденія (95). Но это объясненіе, болѣе или менѣе приложимое къ другимъ народамъ, вполнѣ не можетъ быть приложено къ китайскимъ письменнымъ памятникамъ, потому что — а) въ книгахъ китайскихъ встрѣчаются свѣдѣнія о такихъ событіяхъ библейскихъ, которыя происходили въ еврейскомъ народѣ спустя долго послѣ временъ патріархальныхъ (96); б) изложеніе этихъ библейскихъ истинъ и преданій почти совершенно библейское же, съ немногими только измѣненіями (97); особенно же — в)

---

(95) *Stolberg*—Betrachtungen und Beherzigungen der heiligen Schrift. Hambourg. 1819.

(96) Каковы, напримѣръ, путешествіе царицы савской, чудо, совершенное для Езекіи и друг.

(97) Для примѣра представимъ изложеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ истинъ. Вотъ какъ говоритъ одинъ писатель китайскій (Hoai-nantse, жившій за 2 вѣка до Р. Хр.) о земномъ раѣ: «среди горы (какой-то таинственной, по понятію Китайцевъ) есть садъ, гдѣ вѣетъ тихій зефиръ и постоянно колеб-

объясненіе это не можетъ быть приложено къ имени— *Іегова*, встрѣчающемуся въ сочиненіи одного китайскаго философа ([98]). Посему нѣкоторые предполагаютъ, что или китайскіе писатели пользовались священными книгами еврейскими сами непосредственно, или библейскія преданія были переданы имъ устно Евреями. Первый случай самъ по себѣ представляетъ ту трудность, какимъ образомъ Китаецъ могъ читать Библію еврейскую? Почему лучше допустить или послѣдній случай, или тотъ и другой вмѣстѣ; но во всякомъ случаѣ нужно допустить, что китайскіе писатели имѣли сношеніе съ Евреями, и притомъ за долго до Р. Х.; такъ какъ библейскія истины, мысли и выраженія

летъ листья красивыхъ деревъ. Садъ этотъ насажденъ предъ затворенными дверьми неба; воды, орошающія его, составляютъ обильный источникъ, который называется источникомъ безсмертія; пьющіе изъ него не умираютъ. Источникъ этотъ раздѣляется на четыре рѣки, окружающія садъ, и проч. (Memoires concernant les Chinois, t. 1, p. 106 — 107). О чудѣ Іисуса Навина разсказывается, что одинъ вождь (разумѣется, китайскій), не имѣя возможности довершить побѣду надъ врагами, потому что наступала ночь, поднялъ свой мечь, посмотрѣлъ на солнце, и солнце возвратилось на три ступени (*Gaubil* — Histoire de l'astronomie chinoise, pag. 126, et Chronologie chinoise, p. 132). Не смѣшеніе ли это чудесъ Іисуса Навина и Езекіи?!

([98]) Этотъ философъ есть *Lao-tseu*, жившій въ 6 вѣкѣ до Р. Хр. Вотъ какъ передаетъ онъ имя — Іегова: «то, чего вы ищете и не находите, называется *J*; то, что вы слушаете, но не понимаете, называется *HI* (или одна буква *H*); то, чего ищетъ рука ваша, но не можетъ коснуться, называется WEI (или W),—это три, которыхъ нельзя понять и которые, будучи соединены, составляютъ одно. Первое не свѣтлѣе, и послѣднее не темнѣе: это форма безъ формы, образъ безъ образа,—существо неопредѣлимое. Восходя, вы не найдете его начала, нисходя, не найдете конца». Комментаторы китайскіе говорятъ, что эти буквы нужно читать вмѣстѣ (JHW) и

встрѣчаются у писателей древнѣйшихъ ([99]). Какимъ же образомъ эти писатели познакомились съ Евреями? Они могли познакомиться двоякимъ образомъ: или первые могли путешествовать въ Палестину, или въ Ассирію и Вавилонъ, когда Израильтяне находились въ плѣну,—или послѣдніе проникли въ Китай, и здѣсь имѣли значительное вліяніе на китайскую письменность. Первая мысль можетъ быть допущена по отношенію только къ одному китайскому философу (Lao-tseu), жившему въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х., у котораго и встрѣчается имя — Іегова, и который, дѣйствительно, путешествовалъ далеко на западъ. Но думаютъ, что имя—Іегова находится въ сочиненіяхъ его, написанныхъ до путешествія. Притомъ, что заставило его предпринимать столь далекое путешествіе? Догадываются, что это внушили ему китайскіе Евреи ([100]). Слѣдовательно въ VI вѣкѣ до Р. Х. Евреи въ Китаѣ

на языкѣ китайскомъ не имѣютъ никакого смысла, и, безъ сомнѣнія, онѣ выражаютъ не что другое, какъ еврейское — *Jehova* (См. Memoire sur la vie et les opinions de Lao-tseu, par Abel-Remusat, p. 24 — 25. Paris. 1823).

([99]) Время жизни китайскихъ писателей, у которыхъ встрѣчаются библейскія истины, полагается не раньше 6-го вѣка до Р. Хр. Замѣчаютъ, что въ это только время начала образовываться китайская письменность (См. Discours sur les rapports entre la science et la religion révélée, par Wiseman, Introd. p. XXII, Paris. 1843).

([100]) Объ этомъ философѣ разсказываютъ много чудеснаго; говорятъ, что мать носила его во утробѣ 80 лѣтъ, и потому онъ явился на свѣтъ съ бѣлыми волосами, отъ чего и получилъ имя — *Lao-tseu — дитя-старикъ*. Въ сочиненіяхъ его замѣтенъ духъ Платона, Пиѳагора и другихъ греческихъ философовъ; слѣдов. или онъ учился у этихъ философовъ, или они у него; вѣроятнѣе первое (*Abel-Remusat* — Memoires sur Lao-tseu. Paris. 1823).

уже существовали. Но Евреи эти могли быть только изъ десяти колѣнъ Израильскаго народа, потому что въ это время они отведены были въ плѣнъ и разсѣяны по обширной имперіи Ассирійской; между тѣмъ какъ плѣненіе двухъ колѣнъ народа Іудейскаго случилось нѣсколько позже. Они-то, или нѣкоторыя семейства ихъ, проникли въ Китай, познакомили Китайцевъ съ своими свящ. книгами и, такимъ образомъ, имѣли обширное вліяніе на китайскую письменность ([101]).

Но при такомъ предположеніи представляется труднымъ для объясненія то, какимъ образомъ нѣсколько семействъ израильскихъ, быть можетъ, бѣдныхъ и неученыхъ, такъ быстро и такъ сильно подѣйствовали на китайскихъ писателей? Этого мало: по китайскимъ лѣтописямъ выходитъ, что Израильтяне проникли въ Китай въ самое время своего плѣненія, или, яснѣе сказать, въ этихъ лѣтописяхъ ученые находятъ обстоятельную исторію переселенія десяти колѣнъ, и именно въ Китай ([102]). Потому въ настоящее время составлено еще одно предположеніе, хотя новое, не общеизвѣстное и не общепринятое, но разливающее большой свѣтъ не только на исторію Китая, но и на всю древность. Сущность этого предположенія состоитъ въ томъ, что древніе китайскіе письменные памятники и въ особенности китайскія лѣтописи суть лѣтописи не

([101]) Мыслей этихъ держатся—*Сіоннетъ* (Essai sur les Juifs de la Chine) *Ремюзатъ* (Memoires sur Lao-tseu) и друг.

([102]) Изслѣдователи съ давнихъ временъ находили это извѣстіе въ китайскихъ книгахъ и, не умѣя объяснить его, прилагали къ другимъ какимъ-нибудь народамъ, а не къ десяти колѣнамъ; но новѣйшіе ученые объяснили его до очевидности (См. Annales de Philosophie Chrétienne, t. XIII (III-e serie), p. 380 et suiv. Paris. 1846).

китайскія, а ассирійскія, или лучше, всемірныя,—что исторія китайскихъ династій и царей до династіи (Tsin), начавшейся за 245 лѣтъ до Р. Х. и давшей свое имя Китаю, есть исторія династій и царей ассирійскихъ, и исторія письменности китайской есть исторія письменности ассирійской или всемірной. Объяснимъ нѣсколько эту теорію. И священная исторія, и, по слѣдамъ ея, исторія гражданская царство ассирійское полагаютъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ царствъ, явившихся послѣ разсѣянія потомковъ Ноевыхъ. Предполагается, что это царство имѣло лѣтописи своихъ династій и царей и другіе письменные памятники, которые, между прочимъ, касались событій, происходившихъ въ сосѣднихъ царствахъ. Теперь допускаютъ, что въ какое-нибудь время колоніи Ассиріанъ вышли изъ своей земли въ Китай, вынесли съ собою древніе письменные памятники, основали здѣсь новую (ассирійскую) династію и положили начало Китайской имперіи. Потомки этихъ ассирійскихъ колоній, т. е. новѣйшіе Китайцы, и европейскіе ученые, читая древніе письменные памятники китайскіе (преимущественно лѣтописи) думаютъ видѣть въ нихъ исторію Китая,—исторію китайскихъ династій и царей, китайской письменности и проч.; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они видятъ исторію царства ассирійскаго,— исторію династій и царей ассирійскихъ, ассирійской письменности и проч.,—точно такъ, какъ еслибы, напримѣръ, Европа была разорена и перешла въ Америку, унесши съ собою всю свою письменность,—нѣкогда въ послѣдней нашли бы исторію Европы и, по невѣдѣнію, считали

бы ее исторіею Америки (103). Не касаясь многочисленныхъ подробностей, которыя возводятъ предположеніе это на степень очевидности, мы здѣсь коснемся только того, какимъ образомъ оно объясняетъ трудности, встрѣчающіяся при одномъ предположеніи, что Израильтяне вскорѣ послѣ своего плѣненія проникли въ Китай и имѣли обширное вліяніе на его письменность.

---

(103) Предположеніе это составилъ новѣйшій французскій ученый оріенталистъ *Паравей* и обнародовалъ его въ сочиненіи: Essai sur l'origine unique des chiffres et des lettres de tous les peuples. Paris. 1826. Вотъ какъ дошелъ онъ до этого предположенія. Когда ученые стали открывать гіероглифическія надписи на древнихъ памятникахъ Египта, Ниневіи и Вавилона, онъ, какъ знатокъ китайской литературы, замѣтилъ, что гіероглифы эти очень похожи на древнія буквы китайскія. Когда стали объяснять эти гіероглифическія надписи, онъ такія же объясненія ихъ находилъ въ китайскихъ книгахъ. Кромѣ того, Китай съ давнихъ временъ представлялся для ученыхъ какою-то темною и неразрѣшимою загадкой. Древнія лѣтописи китайскія возводили рядъ царей до глубокой древности; между тѣмъ нѣкоторые историки китайскіе въ позднѣйшія времена его бытія видѣли здѣсь однѣ дикія орды. Слѣдя далѣе за исторіею Ассиріи, какъ излагаютъ ее древніе писатели и подтверждаютъ новѣйшія открытія, онъ тоже самое нашелъ и въ китайскихъ лѣтописяхъ. Отсюда естественно заключеніе, что эти лѣтописи когда-нибудь и какимъ-нибудь образомъ перешли въ Китай. Когда именно случилось это, съ точностію пока еще опредѣлить нельзя, потому что теперь разработываются только матеріалы для подтвержденія этой теоріи. На основаніи того, что уже сдѣлано для этой цѣли, можно сказать только, что это случилось не раньше *эры Набонассаровой* (за 747 л. до Р. Хр.), потому что послѣ этого времени видятъ еще въ китайскихъ лѣтописяхъ исторію ассирійскаго царства и даже персидскаго, основаннаго на развалинахъ вавилонскаго и ассирійскаго,—и не позже втораго вѣка до Р. Хр.,—потому что за 245 лѣтъ до Р. Хр. въ Китаѣ утвердилась уже ассирійская династія *Tsin*, давшая свое имя Китаю, и съ этого-то времени начинается собственно исторія Китайской имперіи. Въ этотъ-то промежутокъ времени и, вѣроятно, во времена сильныхъ потрясеній ассирійскаго царства Набополассаромъ и сыномъ его Навуходоносоромъ, или послѣ Киромъ, или Александромъ Македонскимъ,—

Извѣстно, что плодоносныя равнины Тигра и Евфрата составляли колыбель человѣчества. Здѣсь обитали наши праотцы и ветхозавѣтные патріархи; здѣсь получали они божественныя откровенія вѣры и передавали ихъ своимъ дѣтямъ, внукамъ, правнукамъ и т. далѣе. Здѣсь, вскорѣ послѣ потопа, образовались первыя государства (вавилонское и ассирійское), которыя сами вскорѣ достигли цвѣтущаго состоянія въ политическомъ отношеніи и дали начало другимъ царствамъ и народамъ. Легко вѣрится, что здѣсь съ давнихъ временъ и прежде всего явились письмена, въ которыя заключены были нѣкоторыя преданія о первобытномъ мірѣ, и что эти письменные памятники глубокой древности здѣсь и сохранялись ([104]). Можно уже принять за несомнѣнное, что во времена цвѣтущаго своего состоянія Ассирія имѣла своихъ лѣтописцевъ, которые не только записывали все современное, но, быть можетъ, вели хронологію и исторію временъ предшествовавшихъ и касались событій сосѣднихъ царствъ; имѣла также своихъ философовъ и поэтовъ, ко-

---

колоніи Ассиріанъ и другихъ народовъ, жившихъ между ними (Евреевъ, Персовъ), удалились въ Китай и вынесли съ собою древніе ассирійскіе письменные памятники. Многочисленныя замѣчанія и открытія, подтверждающія это предположеніе, кромѣ указаннаго сочиненія, можно видѣть еще во французскомъ журналѣ: Annales de Philosophie Chrétienne, t. XII (1-er serie), p. 253 et suiv.; t. XII (III-e serie), p. 184; t. XIII (III-e serie), p. 380, и др.

([104]) Изобрѣтеніе письменъ возводятъ въ самыя отдаленныя времена, какъ то: къ *Ною* (см. въ Журн. Мин. Народ. Просв. за 1843 г.: Мысль *Зейфата* о синайтическомъ алфавитѣ), и даже къ *Адаму* (см. въ Annales de Philosophie Chrétienne, Paris. 1830, № 5: origine de l'ecriture, rapportée à Adam).

торые на письмѣ излагали свои мысли и чувствованія, носившія на себѣ печать древнихъ вѣрованій и историческихъ преданій ([105]). Еще позже, когда стало процвѣтать и клониться къ упадку царство еврейское, Ассирія и Вавилонъ ([106]) имѣли постоянныя сношенія съ симъ послѣднимъ, и наконецъ совершенно покорили себѣ. Можно думать, что въ это время Евреи познакомили Халдеевъ съ своею исторіей и преданіями, и если Халдеи имѣли своихъ писателей, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться,—то все это заключено было въ письмена. Слѣдовательно въ ассирійскихъ письменныхъ памятникахъ должны были находиться библейскія истины, преданія, многія лица и событія изъ временъ первобытнаго міра и изъ исторіи еврейскаго народа. Но такъ какъ эти письменные ассирійскіе памятники существуютъ теперь въ Китаѣ, то въ нихъ и находятъ все то, что и слѣдовало находить. Вотъ гдѣ самое простое разрѣшеніе недоумѣній относительно китайской письменности! Вотъ гдѣ разрѣшеніе и того недоумѣнія ученыхъ, почему отъ Ассиріи и Вавилона, этихъ древнѣйшихъ и нѣкогда образованныхъ государствъ, не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ, а остались однѣ гіероглифическія надписи на кирпичахъ, и почему, напротивъ, такъ богатъ ими Китай ([107])!

([105]) Можно думать, что у Евреевъ, особенно у Персовъ при царяхъ были писцы, которые записывали не только событія, но и слова своихъ царей, и, вѣроятно, обычай этотъ существовалъ отъ временъ древнѣйшихъ.

([106]) Ассирія и Вавилонъ въ исторіи тѣсно соединены между собою. Потому, говоря объ Ассиріи, мы имѣемъ въ виду и Вавилонъ.

([107]) Всѣ соглашаются, что въ Ассиріи должны были существовать древніе письменные памятники. А почему ихъ нѣтъ, это объясняютъ обыкно-

Очевидно, что при такомъ предположеніи нѣтъ нужды допускать существованіе Евреевъ въ Китаѣ за шесть или за семь вѣковъ до Рожд. Христова, а особенно приписывать имъ вліяніе на китайскую литературу. Но, на основаніи того же предположенія, и нельзя рѣшительно отвергать этого. Если съ письменными ассирійскими памятниками отправились въ Китай колоніи Ассиріянъ, Персовъ и другихъ народовъ, жившихъ въ древней Ассиріи; и если это случилось въ то время, когда Израильтяне находились въ плѣну ([108]): то почему же не допустить, что и они, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя семейства ихъ, отправились вмѣстѣ съ этими колоніями? Держащіеся изложенной нами теоріи почти не сомнѣваются въ этомъ ([109]). Но вотъ еще явленіе и соображеніе, подтверждающія мысль о переселеніи Израильтянъ въ Китай до Р. Христова.

Китайскія лѣтописи разсказываютъ, что одинъ императоръ китайскій (Ming-ti) въ 65 году нашей эры отправилъ пословъ на западъ (въ Sy-yu) искать *Святаго*, который долженствовалъ явиться въ это время

венно тѣмъ, что они могли быть или затеряны, или истреблены временемъ или людьми, нарочно или ненамѣренно (см. Histoire universelle depuis le commencement du monde jusqu' à present, traduite de l'anglais d'une societé de gens de lettres, tom 3, p. 158. Amsterdam. 1767). Конечно, могло случиться и такъ. Но почему же не допустить и изложеннаго нами предположенія, когда оно объясняетъ такъ много непонятнаго и уничтожаетъ только гордость Китайцевъ, хвастающихся своею древностію, что, быть можетъ, зависитъ отъ собственнаго ихъ невѣдѣнія?

([108]) См. выше примѣч. 103.

([109]) *Paravey* — Dissertation sur Tsin, въ Annales de Philosophie Chrétienne, tom XII (1-e serie), p. 245. Paris. 1835.

и въ этой странѣ. Послы, встрѣтивъ на пути проповѣдниковъ индійскаго божества (*Фо* или *Фое*) и думая, что это божество есть *Святый*, котораго они ищутъ, возвратились назадъ вмѣстѣ съ проповѣдниками. По изслѣдованіи ученія ихъ, оказалось, что проповѣдуемое ими божество не есть искомый Святый, и проповѣдники признаны обманщиками. Императоръ не отправлялъ болѣе посольства искать Святаго и довольствовался тѣмъ, что подданнымъ своимъ совѣтовалъ заниматься изученіемъ древнихъ свящ.книгъ китайскихъ и держаться заключающагося въ нихъ ученія. Но одинъ князь китайскій объявилъ себя послѣдователемъ индійскаго божества, а за нимъ и многіе другіе, и съ этого времени въ Китаѣ начало распространяться поклоненіе индійскому божеству ([110]). Событіе это не подлежитъ сомнѣнію. Теперь спрашивается: что побудило императора отправлять посольство для отысканія Святаго? Тѣже лѣтописи разсказываютъ, что императоръ, по случаю видѣннаго имъ сна, вспомнилъ слова, часто повторяемыя Конфуціемъ, т. е., что на западѣ найдутъ Святаго. Если допустить и справедливость этого разсказа; то изъ него видно, что въ Китаѣ съ давнихъ временъ было ясное ожиданіе какого-то Святаго, который долженъ былъ явиться въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время; а этому научить могли только Евреи. Но естественнѣе думать, что эти же Евреи, видя исполненіе пророчествъ

([110]) Annales de la Chine, par *Mailla*, t. 3, p. 357 et suiv.; срав. Essai sur l'epoque de l'entrée de Juifs en Chine, par *l'abbé Sionne*; Geschichte der Religion Jesu Christi von *Grafen zu Stolberg*, Th. I, Beylage V: *Spuren früher Ueberlieferung bey den Volkern*, Seit. 395. Wien. 1817.

о времени пришествія Мессіи, прямо внушили императору мысль—развѣдать чрезъ пословъ, не пришелъ ли Мессія? Они же, быть можетъ, и наставили императора, что проповѣдуемое ему индійское божество не есть искомый Святый. Потому не невѣроятнымъ кажется замѣчаніе одного миссіонера, что «многіе изъ Евреевъ китайскихъ употреблены были въ первыя должности воинскія; нѣкоторые сдѣланы управителями областей, министрами государства, другіе наставниками юношества ([111])». Въ такомъ случаѣ они могли имѣть значительное вліяніе на Китайцевъ.

Но допустимъ, что Евреи найденной колоніи китайской, равно какъ и бѣлые Евреи индійскіе, принадлежатъ къ Евреямъ новѣйшимъ—іерусалимскимъ и что они прибыли въ эти страны вскорѣ послѣ разрушенія Іерусалима Римлянами, какъ говоритъ собственное ихъ преданіе, подтверждаемое письменными свидѣтельствами. Что же заставило ихъ пуститься въ такія отдаленныя земли? Вѣроятно, они слышали, что здѣсь съ давнихъ временъ живутъ ихъ соплеменники, живутъ счастливо и пользуются уваженіемъ, у которыхъ слѣдовательно они могутъ найти себѣ прибѣжище. Иначе могли ли они надѣяться, что будутъ приняты благосклонно здѣшними жителями, а не будутъ, напротивъ, истреблены,—и потому могли ли рѣшиться на такой дальній путь? И дѣйствительно, бѣлые индій-

---

([111]) *Gaubil* — Chronologie Chinoise, p. 267. Кто знаетъ исторію Даніила, Ананіи, Азаріи, Мисаила, Мардохея, Есѳири, Нееміи, Ездры и другихъ знаменитыхъ плѣнниковъ іудейскихъ, тотъ не будетъ сомнѣваться въ возможности этого событія.

скіе Евреи прямо говорятъ, что они застали здѣсь своихъ соплеменниковъ, живущихъ отъ временъ древнихъ и называющихся *сынами Израиля* (Бени-Израель) ([112]). Китайскіе Евреи не говорятъ этого; но за нихъ говоритъ всеобщее восточное преданіе ([113]), говорятъ всѣ обстоятельства, представленныя нами.

Послѣ сего не можетъ казаться странною догадка, что Израильтяне въ небольшомъ количествѣ перешли въ Америку. Нѣкоторые и изъ самихъ противниковъ этой догадки не отвергали ее совершенно, а вооружались собственно противъ той мысли, будто Америку населили Израильтяне ([114]). Другіе если и отвергали ее совершенно, то отвергали или потому, что представляли Америку отдѣленною отъ Азіи широкимъ моремъ, а вслѣдствіе этого никому неизвѣстною и недоступною до позднѣйшихъ временъ,—или потому, что не хотѣли выпустить ни одного Израильтянина изъ странъ халдейскихъ, считая Евреевъ вовсе неспособными къ переселеніямъ. Но всѣ эти препятствія теперь отстранены. Изслѣдованія показали, что Америка отдѣлена отъ Азіи не очень широкимъ проливомъ и проливъ этотъ образовался, быть можетъ, въ недавнее время, а до этого обѣ эти части свѣта соединены были материкомъ, и жители ихъ съ давнихъ временъ имѣли между собою сношенія ([115]).

([112]) Христ. Изыск. въ Азіи—*Буханана*, стр. 228. Спб. 1815.

([113]) Biblioth. Orient. *Herbelot*, art. *Jahoud*.

([114]) *Calmet*—Dictionaire Biblique, Chronologique... art. *Transmigration en Amerique*.

([115]) См. Описаніе земли Камчатки *Степана Крашенинникова*, т. I, ч. I, стр. 121 и слѣд. Спб. 1786; Recherches sur les navigations des Chinois du côté de l'Amerique, par *Guignes*, dans les Memoires de

Этого мало: многоразличныя наблюденія знаменитыхъ новѣйшихъ изслѣдователей надъ жителями Америки доказываютъ, что это переселенцы преимущественно Азіи и частію Африки и что переселенія эти, какъ догадываются, происходили во время плѣненія и разсѣянія Израильтянъ ([116]). Если же согласимся, что Израильтяне разсѣялись въ Индіи, Татаріи и Китаѣ: то почему не предположить, что изъ этихъ странъ они пробрались и въ Америку, одни ли, или вмѣстѣ съ другими народами? Для большей вѣроятности этой догадки новѣйшимъ изслѣдователямъ нужно было еще засвидѣтельствовать справедливость показаній предшественниковъ своихъ, дѣйствительно ли у американцевъ, или, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохраняются преданія и истины библейскія. Сдѣлано и это: удивительныя открытія, произведенныя учеными новѣйшихъ временъ, показываютъ, что у многихъ американцевъ сохраняются преданія о потопѣ, столпотвореніи, смѣшеніи языковъ, о приношеніи Исаака въ жертву и многихъ другихъ событіяхъ библейскихъ ([117]); особенно ясно и живо преданіе о *Примирителѣ, Святомъ, Праведномъ,* ожидаемомъ этими на-

---

l'Academie des Inscriptions, t. XXV; Reponses critiques par *Bullet*, t. I, p. 93—98. Paris. 1826; *Paravey* — dans les Annal. de Philos. Chrét. № 50, III-e serie.

([116]) Всѣ эти наблюденія представлены *Виземаномъ* — Discours sur les rapports entre la science et la religiou révélée, p. 84—90. Paris. 1843.

([117]) Объ этихъ преданіяхъ говорятъ многіе новѣйшіе изслѣдователи — Гумбольдтъ, Кювье, Бальби и друг. Собраніе ихъ можно видѣть у *Виземана* — Discours sur ler rapports entre la science et la religion, p. 89—90. Paris. 1843.

родами ([118]). Правда, все это можно объяснять изъ первоначальнаго преданія, распространившагося вслѣдствіе разсѣянія людей , и потому само по себѣ прямо еще ничего не говоритъ въ подкрѣпленіе догадки о переселеніи Израильтянъ въ Америку; но если къ этому присоединить то явленіе, что между Кордилльерскими горами существуетъ небольшое общество людей, по физіономіи не американскаго происхожденія, которые соблюдаютъ много обычаевъ и обрядовъ, весьма сходныхъ съ іудейскими ([119]): то догадка эта становится очень вѣроятною, и ее принимаютъ многіе ([120]). Для совершеннаго оправданія этой догадки слѣдовало бы найти самихъ Израильтянъ съ ихъ отличительными свойствами, или, по крайней мѣрѣ, такой народъ, который бы имѣлъ ясные признаки израильскаго происхожденія, каковы: ясное преданіе, вѣра, языкъ и т. под. Но можно ли требовать такихъ признаковъ? Если Израильтяне, разсѣявшіеся по Азіи и имѣющіе постоянныя сношенія съ своими единоплеменниками, такъ сравнялись въ нравахъ и обычаяхъ съ природными жителями, что трудно узнать ихъ ([121]): то что сказать объ Израильтянахъ Америки, если только допустить переселеніе ихъ туда въ отдаленныя времена?..

([118]) См. Redemption du genre humain , annoncée par les traditions et les croyances religieuses, помѣщен. въ XIII томѣ Demonst. Evangel. Paris. 1843; Biblioth. univers. t. XX , art. Religion. Geneve 1822, и друг.

([119]) Allgemeine Zeitung des Judenthums, 3 Jahrgang, Seit. 186 и слѣд.

([120]) Тамъ же, 1 Jarhrgang, Seit. 207 и слѣд.

([121]) Христ. Изыск. въ Азіи—*Буханана*, стр. 231, Спб. 1815.

На основаніи всего, доселѣ изложеннаго, вотъ что можно сказать о судьбѣ десяти колѣнъ израильскаго народа послѣ разсѣянія ихъ за Евфратомъ: отведенные въ плѣнъ, они разсѣяны были по разнымъ мѣстамъ обширнаго тогда ассирійскаго царства и здѣсь, безъ сомнѣнія, претерпѣвали тоже, что обыкновенно претерпѣвали плѣнники временъ древнихъ, варварскихъ. При возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, они не возвращались, и, быть можетъ, только нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ двумъ колѣнамъ; значительнѣйшая же часть ихъ осталась въ странѣ разсѣянія. Въ послѣдствіи отъ различныхъ обстоятельствъ десять колѣнъ испытывали различную участь въ своемъ состояніи гражданскомъ, церковномъ и нравственномъ. Многіе изъ нихъ пережили всѣ перевороты, колебавшіе, потрясавшіе и, наконецъ, совершенно разрушившіе Ассирійскую имперію, и остаются тамъ доселѣ, — одни въ христіанствѣ, другіе — въ іудействѣ, третьи, быть можетъ, въ магометанствѣ и даже язычествѣ, смѣшанномъ съ іудействомъ ([122]). Другіе,

---

([122]) Упомянутый нами выше докторъ Грантъ нашелъ еще въ Кюрдистанѣ такъ называемыхъ *Изидисовъ* (Yezidis), живущихъ въ двухъ деревняхъ, недалеко отъ развалинъ Нинeвіи. Вѣра этихъ Изидисовъ состоитъ изъ смѣси саббеизма, манихейства, іудейства и христіанства. Они дѣлаютъ знаки креста, снимаютъ башмаки и цѣлуютъ порогъ дверей, когда входятъ въ церковь христіанскую, пріобщаются даже тѣла и крови Христовой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ покланяются огню, повергаются на землю предъ восходящимъ солнцемъ, цѣлуютъ отражающіеся лучи его. Соблюдаютъ они также обрѣзаніе, іудейскую пасху 14-го Низана, жертвоприношенія и воздерживаются отъ всего запрещеннаго Моѵсеевымъ закономъ. Эти Изидисы называются еще поклонниками діавола, потому что говорятъ о немъ съ великимъ уваженіемъ. Грантъ думаетъ, что это остатокъ десяти колѣнъ (Nestoriens ou Tribus Perdues. Paris. 1841.—Appendix).

увлекаемые обстоятельствами и, можетъ быть, выгодами, разсѣялись по другимъ странамъ міра, и, смотря по свойствамъ народовъ, среди которыхъ поселялись, испытывали различную судьбу: то пользовались уваженіемъ, преимуществами и выгодами, то подвергались преслѣдованіямъ и угнѣтеніямъ, и многіе изъ нихъ, быть можетъ, не оставили по себѣ и потомковъ. Но въ замѣнъ этого они во многихъ странахъ оставили глубокіе и ясные слѣды своего пребыванія. Испытывая сами болѣе или менѣе замѣтное вліяніе чуждой для нихъ вѣры, иноземныхъ нравовъ и обычаевъ, Израильтяне производили тоже вліяніе и на другіе народы, сообщая имъ свои вѣрованія, обряды и обычаи. Но нигдѣ и никогда не составляли они отдѣльнаго народа, который управлялся бы своими царями, своими законами и постановленіями. Такъ, за нѣсколько вѣковъ съ десятью колѣнами случилось тоже, что въ послѣдствіи случилось съ двумя, лишившимися своего отечества и разсѣявшимися по всему міру.

Пророкъ, законодатель и вождь еврейскаго народа Моvсей, изведши его изъ рабства египетскаго и поставивши на предѣлахъ обѣтованной земли, которую этотъ народъ долженъ былъ получить во владѣніе, какъ наслѣдіе своихъ отцевъ, — Моvсей, въ пророческомъ духѣ своемъ, такъ вѣщалъ своему народу: *аще слухомъ послушаете гласа Господа Бога вашего, хранити и творити вся заповѣди его, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, и дастъ тя Господь Богъ твой выше всѣхъ языкъ земли: и пріидутъ на тя вся благословенія Бо-*

жія... И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, хранити и творити вся заповѣди его, елики азъ заповѣдаю тебѣ днесь, и пріидутъ на тя вся клятвы сія..., — отведетъ тя Господь и князи твоя, яже поставиши себѣ, въ языкъ, егоже не вѣси ты и отцы твои..., — и разсѣетъ тя Господь Богъ твой во вся языки отъ края земли даже до края ея (Втор. 28, 2. 15. 36. 64). И вся послѣдующая исторія еврейскаго народа есть совершенное оправданіе этихъ пророческихъ словъ. Сохраняетъ ли онъ заповѣди и повелѣнія Господни, — онъ благоденствуетъ, побѣждаетъ враговъ своихъ и торжествуетъ надъ ними. Совращается ли Израиль съ истиннаго пути, предается разврату и служенію богамъ чуждымъ,—Господь посылаетъ на него иноплеменниковъ, которые порабощаютъ и угнѣтаютъ его. Съ этой точки нужно смотрѣть и на судьбу десяти колѣнъ израильскихъ, т. е. какъ на наказаніе за нечестіе: *и сіе бысть*, говоритъ слово Божіе, изображая исторію ихъ плѣненія, *яко согрѣшиша сынове Израилевы Господу Богу своему, изведшему ихъ изъ земли Египетскія,—и оставиша заповѣди Господа Бога своего, — и продашася, еже творити лукавое предъ очима Господнима, еже прогнѣвати его. И разгнѣвася Господь на Израиля зѣло, и отрину ихъ отъ лица своего, и не остася, токмо едино колѣно Іудино* (4 Царст. 17, 7. 16. 18). Исторія десяти колѣнъ, какъ отдѣльнаго царства, есть рядъ преступленій, вполнѣ достойныхъ такого тяжкаго наказанія. Первый шагъ ихъ, т. е. отдѣленіе отъ колѣна Іудина и рода Давидова есть уже преступленіе, и преступленіе тяжкое. Знали Израильтяне, что отъ колѣна Іудина изъ дома Давидова долженъ произойти

обѣтованный Мессія—чаяніе и утѣха Израилева, что потому-то Богъ особенно благоволилъ къ роду Давидову и сосредоточилъ на немъ всѣ свои благословенія и благодатныя обѣтованія. Не смотря на это, десять колѣнъ самовольно отложились отъ рода Давидова, а вмѣстѣ какбы и отъ благодатныхъ обѣтованій Божіихъ. За тѣмъ Израильтяне удаляются отъ новосозданнаго храма Божія, который Іегова благоволилъ избрать единственнымъ мѣстомъ особеннаго своего присутствія, принимать въ немъ одномъ жертвы и молитвы и являть свои милости,—удаляются отъ истиннаго богослуженія, въ немъ совершающагося, и предаются тяжкому идолопоклонству всякаго рода,—пороку, столь противному заповѣдямъ истиннаго Бога Израилева. Ни увѣщанія, ни угрозы, ни чудеса посланниковъ Божіихъ — ничто не дѣйствуетъ на непокорныхъ; всѣ, отъ царя до послѣдняго подданнаго, предаются грѣху Іеровоамову. Но сего мало: отдѣлившись отъ рода Давидова и презрѣвши вѣру отцевъ своихъ, Израильтяне, въ сношеніи съ врагами народа Божія, рѣшаются истребить родъ Давидовъ,—тотъ родъ, отъ котораго долженствовалъ произойти обѣтованный Мессія, и тѣмъ какбы хотятъ воспрепятствовать исполненію предвѣчныхъ судебъ Божіихъ о спасеніи человѣческаго рода ([123]). Такъ, Израильтяне, можно сказать,

([123]) Израильскій царь Факей и сирійскій Раасонъ положили совѣтъ, овладѣвши Іудеею, свергнуть съ престола іудейскаго царя Ахаза и возвести на этотъ престолъ новую династію Тавеилеву, что, по тогдашнимъ обычаямъ, означало вмѣстѣ — умертвить Ахаза и истребить весь, дотолѣ царствовавшій въ Іудеи, родъ, т. е. родъ Давидовъ (Ис. 7, 1—6). Извѣстно, что по этому-то случаю изречено было пророчество, которое вполнѣ обнадеживало родъ Давидовъ въ его безопасности отъ всякихъ

въ намѣреніи совершили то ужасное преступленіе, какое спустя нѣсколько вѣковъ совершили два колѣна во Іерусалимѣ надъ Мессіей... Потому-то Пророкъ Божій, въ то самое время, какъ Израильтяне составили такой страшный совѣтъ и замыслили такое тяжкое преступленіе, отъ лица небеснаго Судіи изрекъ имъ приговоръ: *не пребудетъ совѣтъ сей, ниже сбудется,*— *но еще шестьдесятъ и пять лѣтъ, оскудѣетъ царство Ефремово отъ людей* (Ис. 7, 8). И вотъ, дѣйствительно, по прошествіи опредѣленнаго времени, царство Израильское рушилось, десять колѣнъ отведены въ плѣненіе, разсѣяны между народами, не возвращались изъ своего разсѣянія, и царство Ефремово оскудѣло отъ людей. Между тѣмъ колѣно Іудино хотя также отведено было въ плѣнъ, но послѣ плѣна царство его опять было возстановлено; и только тогда, когда оно на дѣлѣ совершило такое преступленіе, какое десять колѣнъ совершили въ намѣреніи, царство его оскудѣло отъ людей.

враговъ: *се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына, и наречеши имя ему Еммануилъ* (Ис. 7, 14).

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДРЕВНИХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ НОВГОРОДѢ,

ПОСТРОЕННЫХЪ ДО ПРИСОЕДИНЕНІЯ ЕГО КЪ МОСКОВСКОЙ ДЕРЖАВѢ ВЪ 1478 ГОДУ.

I. ВРЕМЯ ПОСТРОЕНІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ НОВГОРОДѢ.

Первое построеніе церквей въ Новгородѣ, по ясному свидѣтельству лѣтописей, относится ко времени святаго и равноапостольнаго князя Владиміра (988), просвѣтившаго всю Русскую землю св. крещеніемъ. По возвращеніи изъ Корсуня и по крещеніи кіевлянъ, онъ не медля началъ распространять просвѣщеніе святою вѣрою и въ прочихъ своихъ областяхъ. «И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди па крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ», пишетъ объ немъ Несторъ (1). Въ Густинской Лѣтописи приводится свидѣтельство (2), что Владиміръ, посылая сыновей своихъ въ удѣлы, послалъ съ ними священ-

(1) Въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. I, стр. 51.

(2) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, стр. 259. Сначала Владиміръ I отдалъ Новгородъ Вышеславу; а по смерти Вышеслава Новгородъ отданъ Ярославу I.

никовъ и приказалъ сыновьямъ, чтобы каждый изъ нихъ въ своей области заботился о построеніи храмовъ и просвѣщеніи язычниковъ вѣрою. А въ Степенной Книгѣ именно упоминается ([1]), что онъ «въ Новгородѣ вся идолы сокруши и требища раззори, и многіе люди крести, и церкви воздвиже, и пресвитеры постави по градовомъ и по селомъ новгородскаго предѣла». Какія же церкви построены были въ Новгородѣ при св. равноапостольномъ Владимірѣ и при сынѣ его Ярославѣ мудромъ?

Первою изъ всѣхъ новгородскихъ церквей почитается каѳедральная новгородскихъ архіереевъ во имя святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. Она сооружена первымъ новгородскимъ епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, хиротонисованнымъ въ 988 году и присланнымъ отъ Владиміра I-го въ Новгородъ ([2]). По прибытіи своемъ въ новую страну, епископъ въ 989 году построилъ каменную церковь Іоакима и Анны ([3]). Въ ней-то, до построенія каменнаго Софійскаго храма, совершалась служба; въ ней же погребенъ и самъ строитель въ 1030 году. Если же въ церкви Богоотецъ Іоакима и Анны совершалась служба въ то время, когда строился соборъ: то она находилась, вѣроятно,

---

([1]) Степ. Книг. ч. I, гл. 43, стр. 145; ср. Никон. Лѣт. и Густ. Лѣт. въ Полн. Собр. Р. Лѣт. т. II, стр. 258. А въ другихъ лѣтописяхъ (Новг. III Лѣт. стр. 208; Псков. I Лѣт. стр. 175 и Ист. Разгов. о Древн. В. Новг. 1808 г. стр. 23—33) тоже самое приписывается не самому Владиміру, а посланнымъ отъ него—дядѣ его Добрынѣ и епископу Іоакиму Корсунянину.

([2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. V подъ 6499 годомъ, который, впрочемъ, указанъ невѣрно.

([3]) Новг. III Лѣт. подъ 6497 годомъ.

подлѣ нынѣшняго собора (1), но не на томъ мѣстѣ и не въ томъ видѣ, въ какомъ теперь находится придѣльная Іоакимовская церковь, устроенная, можетъ быть, вмѣстѣ съ соборомъ.

Въ одинъ годъ съ построеніемъ каменной церкви Богоотецъ Іоакима и Анны устроена тѣмъ же епископомъ Іоакимомъ Софійская соборная деревянная (дубовая) церковь о 13 верхахъ, которые знаменовали Спасителя съ 12-ю Апостолами (2). — Она построена на Епископской улицѣ надъ рѣкою Волховомъ, гдѣ послѣ былъ Борисо-Глѣбскій храмъ, что *въ Каменномъ городѣ* или *въ околоткѣ*. Церковь Софійская стояла 60 лѣтъ, до 4 марта 1045 года, и въ этомъ году сгорѣла (3). Въ настоящее время мѣсто сей церкви находится за присутственными мѣстами, у кремлевской восточной стѣны (4), близъ обыденной церкви Андрея Стратилата.

Третья церковь новгородская во времена равноапостольнаго Владиміра построена каменная на мѣстѣ стоявшаго идола Перуна, который новгородцы чтили, бывши въ язычествѣ. Мѣсто сіе находится на возвышенномъ холмѣ, на берегу озера Ильменя, при истокѣ изъ него рѣки Волхова. Перынская церковь построена

---

(1) По преданію и по записямъ позднѣйшимъ, церковь Іоакима и Анны была за соборомъ на востокъ.

(2) Оп. Кіево-Соф. Собора, 1825 года, стр. 42.

(3) Новг. II и III Лѣт. стр. 121 и 208. Лѣтописецъ прибавляетъ, что деревянная церковь Софійская *была честно устроена и украшена*; но въ чемъ состояло сіе украшеніе, неизвѣстно.

(4) Стѣны этой въ то время не было; и потому церковь стояла надъ рѣкою Волховомъ, у прежняго волховскаго моста.

послѣ того, какъ сокрушенъ и низверженъ былъ славянскій идолъ въ Ильмень и въ Волховъ ([1]). Въ лѣтописяхъ хотя и не упоминается о построеніи Перынской церкви; но въ этомъ увѣряютъ насъ, съ одной стороны, общее древнее преданіе объ этой церкви и древнее обыкновеніе созидать храмы на мѣстахъ разрушенныхъ идоловъ ([2]), а съ другой — самое молчаніе лѣтописей о времени построенія такой церкви, которая восходитъ за ихъ предѣлы. Перынская церковь построена вскорѣ по пришествіи епископа Іоакима въ Новгородъ ([3]); при ней, вѣроятно, имѣли пребываніе первые новгородскіе проповѣдники слова Божія; и она была долгое время монастырскою, а съ 1764 года обращена была въ приходскую. Наконецъ, въ 1828 году она приписана къ Юрьеву монастырю, коего иждивеніемъ и возобновлена. Въ настоящее время вокругъ церкви устроенъ принадлежащій къ Юрьеву монастырю скитъ.

Четвертую церковь ко временамъ Владиміра І-го слѣдуетъ отнести Благовѣщенскую на Городищѣ ([4]),

---

([1]) О низверженіи идола Перуна въ Полн. Собр. Р. Л. т. II, стр. 258; Новг. III Лѣт. стр. 207; Псков. I Лѣт. стр. 175; Степ. К. I, гл. 43, стр. 145. Ист. разг. о Древн. В. Новг. 1808 г. стр. 23—33.

([2]) Какъ напр. въ Кіевѣ на мѣстѣ Перуна построена церковь св. Василія (П. С. Р. Л. т. I, стр. 51), а въ Ростовѣ на мѣстѣ Волоса или Велеса церковь Богоявленія Господня (Ист. Росс. Іерар. ч. V, стр. 718).

([3]) Пришествіе Іоакима въ Новгородъ было въ 988 году, а построеніе Перынской церкви, по недавней надписи на церковномъ столбѣ, отнесено къ 995 году, но на какомъ основаніи, неизвѣстно.

([4]) Городище, т. е. Рюриково находится отъ Новгорода къ югу въ двухъ верстахъ на холмѣ или на горѣ, на коей построенъ храмъ и подъ которою показываютъ каменные подвалы временъ князя Рюрика.

гдѣ жили князья новгородскіе, какъ со временъ Рюрика до Ярослава I, такъ и послѣ временъ Ярославовыхъ.—Въ лѣтописяхъ о построеніи каменной Благовѣщенской церкви на Городищѣ упоминается уже при князѣ Мстиславѣ Владиміровичѣ подъ 1103 годомъ (¹); но эта церковь, какъ надобно полагать, была не первоначальною. Нельзя думать, чтобы въ продолженіе 115 лѣтъ, протекшихъ отъ принятія Владиміромъ I христіанской вѣры до построенія храма Мстиславомъ, сыномъ Владиміра Мономаха (988—1103 г.), не было никакой церкви въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались и жили великіе князья и княгини.

При сынѣ равноапостольнаго Владиміра Ярославѣ I вѣра Христова въ Новгородѣ началась распространяться болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ симъ и церкви созидались въ большемъ количествѣ (²). Въ его долговременное управленіе Новгородомъ (989—1054 г.) однѣ изъ церквей были только основаны, а другія и окончательно устроены. Извѣстно, что Ярославъ мудрый съ 989 до 1015 года былъ новгородскимъ княземъ удѣльнымъ, а по смерти отца до самой своей кончины въ 1054 году оставался самодержавнымъ великимъ княземъ кіевскимъ. Въ періодъ удѣльнаго княженія Ярославъ старался о распространеніи вѣры и благочестія между подданными новгородцами при помощи отца своего Владиміра I; а въ періодъ самодержавнаго управленія употреблялъ подобное стараніе при помощи су-

---

(¹) Новг. I, II и III Лѣт. подъ 6611 годомъ, а въ Соф. I Лѣт. подъ 6607 (1099) годомъ.

(²) Полн. Собр. Р. Лѣт. т. I подъ 6545 г. стр. 65 и 66.

пруги своей, святой благовѣрной княгини Анны, и сыновей своихъ св. Владиміра и Изяслава, преемственно управлявшихъ Новгородомъ. Такъ, напр., при стараніяхъ супруги его и сына Владиміра, въ продолженіе семи лѣтъ (1045 — 1052), устроенъ величественный каменный Софійскій соборъ, остающійся церковнымъ памятникомъ временъ Ярославовыхъ донынѣ (¹).—Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, прямо къ югу, великимъ княземъ Ярославомъ I (Георгіемъ) основанъ въ 1030 году Юрьевъ монастырь (²), который съ 1092 года былъ возобновленъ и распространенъ сначала Мстиславомъ (Георгіемъ) Владиміровичемъ, а потомъ 1119 года сыномъ его Всеволодомъ (Гавріиломъ) Мстиславичемъ. Отъ временъ Мстислава и Всеволода доселѣ остается въ цѣлости соборная монастырская церковь св. великомученика Георгія (³).

Въ продолженіи всего XI вѣка,—и то уже въ концѣ онаго,—записано въ лѣтописяхъ о построеніи въ 1092 году двухъ только церквей и на одной Софійской сто-

---

(¹) О построеніи новг. Софійскаго собора и объ освященіи его 14 Сент. 1052 года въ Лаврен. спискѣ Нестора подъ 6553 г., также въ Новг. I, II и III Лѣт. и въ Соф. I Лѣт. подъ тѣмъ же годомъ. Въ послѣдней, т. е. Софійской Лѣтописи на стр. 136 сказано, что «священа святая Софія въ Новгородѣ повелѣніемъ великаго князя Ярослава».

(²) Татищева Росс. Ист. кн. II, стр. 222 и 461. Свидѣтельство сіе можетъ быть принято, потому что въ 1119 году говорится не объ основаніи монастыря, а о построеніи каменной церкви вмѣсто деревянной бывшимъ уже тутъ игуменомъ Кирьякомъ. Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6627 годомъ.

(³) Ист. Росс. Іерар. ч. VI, стр. 735.

ронѣ (1): — Вознесенской на Прусской улицѣ (2) и Петропавловской монастырской на Синичей горѣ (3).— Если же и внѣ города были строены церкви, то тѣмъ болѣе должны быть основаны церкви близъ кремля и на другихъ нарочитыхъ мѣстахъ. Даже и въ лѣтописяхъ XII вѣка до 1134 года, кромѣ монастырскихъ Антоніевой (1117) и Юрьевской (1119), на Торговой и Софійской сторонахъ, упоминается о сооруженіи седьми только церквей (4), а именно: Благовѣщенской на Городищѣ (1103), Николаевской Дворищской (1113), Өеодора Тирона между улицами Щерковою и Розважскою (1115) (5), Предтеченской на Петрятинѣ дворѣ (1118—1127 (6), Өеодора Стратилата (ок. 1118) (7), Успен-

(1) Въ рукоп. Лѣт. Николо-Двор. собор. въ 4-ку на л. 36: «въ лѣто 6600 (1092) заложиша въ в. Новѣгородѣ двѣ церкви каменныхъ: Вознесеніе на Прусской улицы, другую церковь св. апостолъ Петра и Павла на Синичьи горы, за землянымъ большимъ валомъ, и монастырь дѣвичь устроиша». Лѣтопись сія писана хотя въ царствованіе импер. Екатерины II, но составлена по древнимъ лѣтописямъ, которыхъ теперь, можетъ быть, уже нѣтъ.

(2) Ист. Разгов. о Древн. В. Новг. стр. 33, и 82, откуда видно, что Вознесенская каменная церковь, основанная въ 1092 году, была и въ 1615 году.

(3) Новг. Лѣт. по соф. списку подъ 6600 г.; Ист. Росс. Іерар. ч. V, стр. 537. Петропавловская церковь доселѣ остается въ цѣлости и въ числѣ кладбищенскихъ приписана къ Воскресенской церкви на Мячинѣ.

(4) См. въ Новг. Лѣтописяхъ подъ означенными годами построенія церквей и въ Новгород. рук. Лѣт.

(5) О церкви Өеодора Тирона на Соф. сторонѣ въ Новг. III Лѣт. подъ 6623 г. прибавлено къ Новг. II Лѣт., что церковь основана въ земляномъ валу.

(6) По печатн. Лѣт. (Новг. I и IV Лѣт.) 1127 г., а по рукоп. Лѣт. 1118 г. Ист. Разг. о Др. В. Новг. стр. 33.

(7) По Новг. рук. Лѣт.

ской на Козьей Бородкѣ ([1])—и Георгіевской въ Торгу (1133). Между прочимъ, подъ тѣмъ же 1134 годомъ, до котораго показано на Торговой сторонѣ существовавшими только четыре церкви ([2]), въ древней лѣтописи записано ([3]): «въ лѣто 6642 (1134) по горѣ Търговыи Полъ, отъ ручья Плѣтницьнаго до конца хълма, якоже и преже бяше погорѣлъ; а церквіи цьстяныхъ 10 сгорѣ, Августа въ 4-й». Какія именно были эти 10 церквей, сгорѣвшія въ 1134 году, лѣтопись не объясняетъ. Что касается до мѣста, гдѣ находились сгорѣвшія церкви, то оно въ лѣтописи опредѣляется пространствомъ между Плотинскимъ ручьемъ и холмомъ. Но Плотинскій ручей есть не иное что, какъ нынѣшній Өедоровскій ручей, протекающій чрезъ Плотинскій конецъ и получившій отъ него названіе, но измѣнившійся въ наименованіи со времени устройства церкви Өеодора Стратилата (1360) у онаго ручья. А холмомъ, какъ извѣстно, издревле называлось то высокое мѣсто въ Славнѣ, гдѣ нынѣ находится Ильинская церковь, также называвшаяся поставленною на холмѣ. Если же и на этомъ пространствѣ, которое занимается нынѣ на Торговой сторонѣ отъ Өеодоровскаго ручья до Славна, было въ 1134 году 10 церк-

---

(1) О совершеніи Богородицкой (Успенской) церкви на Торговищи подъ 1144 г. сказано, но о времени основанія оной умолчано (Новг. I и IV Лѣт. подъ 6652 г.).

(2) А изъ прочихъ показанныхъ церквей три не относятся къ Торговой сторонѣ.

(3) Новг. I Лѣт. подъ 6642 г.; а въ прочихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ этого сказанія нѣтъ. Что касается до прежнихъ пожаровъ Торговой стороны (пола), то онъ горѣлъ въ 1097, 1098 и 1113 годахъ.

вей: то сіе указаніе лѣтописи ведетъ къ тому заключенію, что въ XI и особенно въ началѣ XII вѣка было много церквей, о коихъ въ лѣтописяхъ не упоминается.

Имѣя все сіе въ виду, надлежитъ отнести къ XI вѣку изъ нынѣ существующихъ, кромѣ каѳедральнаго Софійскаго собора, на Софійской сторонѣ монастыри: Юрьевъ, Духовъ (1), Петропавловскій на Синичей горѣ, Звѣринъ (2) и Воскресенскій на Мячинѣ (3), и церкви: архангела Михаила (4), Ѳеодора Тирона и Ѳеодора Стратилата и священномученика Власія (5); — на Торговой сторонѣ церкви: Преображенія Господня на Ильинѣ улицѣ (6), архангела Михаила (7), пророка

---

(1) Объ основаніи Юрьева монастыря уже сказано, а Духовъ въ 1162 году упоминается уже устроеннымъ монастыремъ. Въ 1357 году построена въ немъ каменная церковь. Новг. I Лѣт. подъ 6865 годомъ.

(2) О построеніи Петропавловскаго монастыря извѣстно; а въ Звѣринѣ монастырѣ Богородицкая церковь въ 1148 году упоминается уже зажженною и огорѣвшею отъ грома. Новг. I и II Лѣт. подъ 6656 годомъ.

(3) Въ Новг. I-й Лѣт. подъ 6703 (1195) год. сказано объ основаніи каменной Воскресенской церкви въ монастырѣ, но объ основаніи самаго монастыря неизвѣстно. Между тѣмъ въ Лѣтописи за 1136 годъ (Новг. I Лѣт. стр. 7) показано, что въ монастырѣ Воскресенскомъ сгорѣла церковь.

(4) Объ основаніи Михайловской церкви въ 1092 год. въ Новг. Лѣтописцѣ стр. 99.

(5) Объ основаніи церквей Ѳеодора Тирона и Ѳеодора Стратилата сказано прежде; а о Васильевской церкви извѣстно, что она вновь построена въ 1184 году. Новг. I Лѣт. подъ 6692 год.

(6) Спасская церковь на Ильинѣ улицѣ становится извѣстною съ 1169 года, по случаю чудотворной иконы Знаменія пресвятыя Богородицы.

(7) Въ 1152 г. упоминается уже о сгорѣвшей церкви Св. Михаила среди Торгу. Новгор. I. Лѣтоп.

Иліи ([1]), апостола Филиппа ([2]), священномученика Климента ([3]) и Димитрія Селунскаго ([4]). За симъ изъ построенныхъ въ XI также вѣкѣ многія церкви упразднены въ глубокой древности, а другія оставались до прошлаго столѣтія, какъ то: монастыри женскіе—Сокольницкій ([5]) и Варваринскій ([6]), и до текущаго столѣтія церкви: Вознесенская ([7]), апостола Іакова ([8]), священномученика Ипатія ([9]), апостола Андрея Первозваннаго ([10]) и евангелиста Луки ([11]).

([1]) О построеніи каменной Ильинской церкви въ 1198 г. въ Новгор. I Лѣт. подъ 6706 годомъ.

([2]) О построеніи каменной Филипповской церкви въ 1384 г. по Новгор. I Лѣт., а о прежней церкви неизвѣстно, хотя существованіе ея было издавна.

([3]) Каменная Климентовская церковь построена въ 1153 г. Новг. I и III Лѣт. подъ 6661 годомъ.

([4]) О церкви Димтріевской извѣстно, что она 1257 г. сгорѣла. Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6769 г.

([5]) О Сокольницкомъ женскомъ монастырѣ, находившемся на Торговой сторонѣ въ Ист. Росс. Іерарх. ч. V, стр. 172, гдѣ основаніе монастыря отнесено къ началу XII вѣка.

([6]) Варваринскій монастырь на Софійской сторонѣ, на Новинкѣ, извѣстенъ съ XII вѣка по лѣтописямъ. О построеніи въ немъ каменной церкви въ Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6726 (1218) годомъ, а о заключеніи въ немъ на время супруги князя Святослава въ Новг. I Лѣт. подъ 6646 (1138) г.

([7]) Вознесенская церковь находилась на Софійской сторонѣ, въ Прусской улицѣ. Истор. Разг. о Древн. В. Новг. стр. 82.

([8]) Церковь Іакова брата Божія, разрушившаяся въ 1846 г., была соборною и находилась на Софійской сторонѣ, на Добрынѣ улицѣ близъ Николо-Качановской церкви, въ одной сажени отъ часовни прав. Іуліаніи, матери Св. Николы Качанова.

([9]) Церковь Ипатіевская была на Торговой сторонѣ на Рогатицѣ, за Знаменскимъ соборомъ,—въ недавнее время за ветхостію разобрана. О построеніи ея въ Новг. I и IV Лѣт. подъ 1183 годомъ.

([10]) Церковь Андрея Первозваннаго на Торговой сторонѣ, въ Плотенскомъ концѣ, на Щитной улицѣ, въ недавнее время разобрана.

([11]) Церковь Лукинская на Торговой сторонѣ, на Лубяницѣ, въ недавнее время разобрана.

II. ОСНОВАТЕЛИ ДРЕВНИХЪ НОВГОРОДСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Основателями древнихъ церквей, особенно при распространеніи христіанской вѣры, въ Россіи были благовѣрные великіе князья и вѣрные сотрудники имъ въ дѣлахъ вѣры преосвященные архипастыри. Тѣ и другіе какбы за правило себѣ поставляли воздвигать храмы въ честь тѣхъ святыхъ, которыхъ имена они на себѣ носили. По сей причинѣ, о данныхъ при крещеніи великимъ князьямъ христіанскихъ именахъ, но забытыхъ съ теченіемъ времени, заключаютъ по наименованіямъ сооруженныхъ ими церквей (¹) : потому что у лѣтописцевъ имена ихъ большею частію записаны славянскія (языческія), какъ общеупотребительныя и называемыя *княжими* (²). Примѣры построенныхъ князьями церквей находятся какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ.

Такъ, по примѣру равноапостольнаго родителя своею, благовѣрнаго князя Владиміра, нареченнаго во святомъ крещеніи Василіемъ, построившаго первый храмъ въ Кіевѣ во имя святаго Василія великаго, сынъ его, достопамятный для Новгорода, великій князь Ярославъ I, нареченный Георгіемъ, не только сооружалъ святые храмы въ честь великомученика Георгія (³), но и въ 1030 году, побѣдивъ Чудь, основалъ

(¹) Ист. Гос. Росс. Т. II, стр. 443, прим. 256.

(²) О обрядѣ постриженія у древнихъ Славянъ въ Москвитянинѣ за 1855 г. № 3, стр. 46 и 47.

(³) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, подъ 1137 годомъ стр. 65; а объ основаніи новгородскаго Юрьева монастыря 1030 г. также Ярославомъ I — у Татищева Росс. Ист. кн. I, стр. 222 и 461.

тамъ городъ Юрьевъ ([1]). Подобное было и въ Новгородѣ. Посланный сюда отъ Владиміра первый новгородскій епископъ Іоакимъ Корсунянинъ, по обращеніи новгородцевъ въ христіанскую вѣру, соорудилъ здѣсь первую церковь въ честь святыхъ Богоотецъ Іоакима и Анны. Въ подражаніе Ярославу I и епископу Іоакиму, преемники ихъ преимущественно устрояли храмы во имя святыхъ, которыхъ имена на себѣ носили; а другіе во имя святыхъ, которыхъ имена носили на себѣ родители или дѣти строителей.

Великій князь Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, нареченный въ крещеніи Георгіемъ, основалъ 1119 года въ честь своего Ангела Георгіевскую каменную соборную церковь въ Юрьевѣ монастырѣ ([2]) въ то время, когда сынъ его, св. князь Всеволодъ (Гавріилъ) управлялъ Новгородомъ и помогалъ отцу своему въ построеніи новгородскихъ храмовъ ([3]). И самъ Всеволодъ, въ память сына своего Іоанна, построилъ въ Новгородѣ цер-

---

([1]) У Нестора сказано подъ 6538 годомъ: «семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чудь, и побѣди я и постави градъ Юрьевъ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I, стр. 64. Подобнымъ образомъ Ярославъ по имени супруги своей Ингигерды — Ирины основалъ женскій монастырь св. Ирины (1037), сынъ его Изяславъ—Димитрій—монастырь Дмитріевскій (1062), Всеволодъ—Андрей—монастырь Андреевскій (1068), Владиміръ—Θеодоръ Мономахъ—монастырь Θеодоровскій (1125), великій князь московскій Даніилъ Александровичъ—монастырь Даниловъ (XIII в.).

([2]) Новг. I, III, и IV Лѣт. подъ 6627 годомъ.

([3]) Отъ того и грамота Юрьеву монастырю начинается такъ: «се азъ Мстиславъ, Володимірь сынъ, дьржа Русьску землю въ свое княженіе, повелѣлъ есмь сыну своему Всеволоду отдати буицѣ св. Георгіеви» и проч. Приб. къ Акт. Ист. Т. I, № 2.

ковь Предтеченскую *на Петрятинѣ дворѣ* ([1]), извѣстную послѣ подъ названіемъ Предтеченской церкви на Опокахъ ([2]). Посему можно съ достовѣрностію заключать, что въ XI вѣкѣ новгородскими князьями построены церкви: св. пророка Иліи въ память князя Иліи Ярославича, святаго великомученика Димитрія тезоименитымъ ему Изяславовъ Ярославичемъ, св. апостола Андрея Первозваннаго въ память Всеволода Ярославича, св. архангела Михаила Святополкомъ — Михаиломъ Изяславичемъ, а св. апостола и евангелиста Луки вторымъ новгородскимъ епископомъ Лукою. Послѣ XI вѣка, въ 1184 году св. Іоанномъ архіепископомъ, во имя его Ангела, основана каменная церковь св. Іоанна Предтечи на Торговищи, находившаяся отъ Николо-Дворищскаго собора на востокъ ([3]). Въ 1445 году св. Евѳиміемъ вяжицкимъ, въ память его Ангела, устроена у себя *на сѣняхъ* каменная теплая церковь пр. Евѳимія великаго ([4]). Примѣру князей и архипастырей касательно построеніи церквей подражали также новгородскіе посадники и другіе именитые граждане ([5]).

([1]) Въ Новг. I Лѣт. подъ 6635 г. сказано: «заложи церковь каменну святаго Іоанна Всеволодъ въ Новѣгородѣ на Петрятинѣ (посадника Петряты) дворѣ *въ имя сына своего*. Ср. Новг. IV Лѣт. стр. 3; Жалованная Грамота князя Всеволода Предтеченской церкви, напеч. въ дополн. къ Акт. Ист. Т. I, № 3.

([2]) Ружная Предтеченская церковь стала быть называема на Опокахъ съ 1453 года, когда на мѣстѣ прежней св. Евѳиміемъ вяжицкимъ построена нынѣшняя церковь. Новг. III. Лѣт. подъ 6961 годомъ.

([3]) Новг. I Лѣт. подъ 6692 г. Мѣсто упраздненной церкви занимается нынѣ частію церковнымъ домомъ священнослужителей Дворищскаго собора.

([4]) Новг. III Лѣт. подъ 6953 годомъ.

([5]) Напр. въ Новг. I, II и III Лѣт. подъ 1176 годомъ значится: «въ лѣто 6684 постави церковь нову Михаль Степаницъ святаго Михаила». А

Много было въ Новгородѣ церквей и такъ называемыхъ *обѣтныхъ или обыденныхъ,* построенныхъ по обѣщанію всего города въ отвращеніе смертоносной язвы, глада, труса и болѣзни. Изъ числа ихъ, по порядку времени, укажемъ на обѣтную церковь святыхъ Аѳанасія и Кирилла александрійскихъ, построенную въ 1390 году за Софійскимъ соборомъ архіепископомъ Іоанномъ III въ прекращеніе мора (1). Другая обѣтная церковь св. Анастасіи построена въ 1417 году по случаю моровой язвы, извѣстной подъ именемъ *анастасіинскаго мора,* и вмѣстѣ съ нею построены обѣтныя церкви св. пророка Иліи въ концѣ Прусской улицы и св. Аѳанасія, изъ коихъ первая построена новгородцами изъ остаточныхъ матеріаловъ отъ Анастасіинской церкви, а вторая новоторжцами (2). Послѣ этого, въ томъ же столѣтіи, 1424 года построена обыденная церковь Происхожденія Честныхъ Древъ за Софійскимъ соборомъ по случаю также моровой язвы (3). Въ 1467 году поставлена обѣтная церковь св. Симеона Богопріимца *въ Звѣринцахъ* или Звѣринѣ монастырѣ (4)

подъ 1224 годомъ: «създа Борисовичь *Сменъ* церковь каменну святого Павла и св. *Смена Богопріимца*».

(1) Въ Новг. I, II и IV Лѣт. подъ 6898 годомъ обѣтная церковь св. Аѳанасія, а въ Новг. III Лѣт. таже церковь во имя двухъ святителей Аѳанасія и Кирилла.

(2) Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6925 годомъ.

(3) Новг. III Лѣт. подъ 6932 годомъ. Какъ моровая язва, такъ и голодъ служили поводомъ къ поставленію скудельницъ, изъ коихъ напр. три поставлены въ одинъ 1230 годъ по случаю голода (Новг. I Лѣт. стр. 45—47), для погребенія умершихъ.

(4) Звѣринцами названо мѣсто потому, что здѣсь князья новгородскіе потѣшались нѣкогда охотою и травлею звѣриною и содержали самый звѣринецъ; отъ этого и самый монастырь, построенный тутъ, названъ Звѣринымъ.

по случаю моровой язвы *отъ железы* (1). Всѣ сіи и подобныя имъ церкви (2) назывались обѣтными потому, что строены по обѣту всего города, а обыденными потому, что строились въ одинъ день. Въ 1421 году упоминаются двѣ церкви—Богоявленская и Спасская, построенными не цѣлымъ городомъ, а двумя братьями, впрочемъ, *по великомъ чудеси, что Богъ избавилъ в. Новгородъ отъ великаго труса и потопа, и каменной тучи* (3).

Особенными поводами къ построенію обѣтныхъ церквей служили у новгородцевъ нападенія враговъ и побѣды надъ врагами, особенныя какія либо событія, которыхъ память хотѣли увѣковѣчить построеніемъ храмовъ въ честь праздника или угодника Божія, день коего ознаменованъ событіемъ. Такъ, напр., о церкви св. Воскресенія на кремлевскихъ западныхъ воротахъ, построенной въ 1296 году при архіепископѣ Климентѣ, извѣстно, что она сооружена по случаю одержанной побѣды надъ Шведами (4). И самая добыча, пріобрѣтенная новгородцами на войнѣ, была употребляема на украшеніе храмовъ; какъ, напр., *орѣховскимъ серебромъ* была поновлена въ 1350 году ка-

---

(1) Новг. II и IV Лѣт. подъ 6975 годомъ.

(2) Подобнымъ образомъ устроены церкви обѣтныя: евангелиста Луки на Лубяницѣ, Похвалы пресвятыя Богородицы *завѣтная отъ мору* въ 1508 г. на площади у Софійскаго собора (Полн. Собр. Р. Л. Т. IV, стр. 295), Покровская также въ Кремлѣ за олтаремъ Входоіерусалимской соборной церкви въ 1527 году (Новг. III. Лѣт.), евангелиста Марка въ 1533 году, Кирилла бѣлоезерскаго и мученика Христофора на Семенъ день въ 1553 г. (Новг. III Лѣт. подъ означ. годомъ).

(3) Новг. III Лѣт. стр. 237 подъ 6929 годомъ.

(4) Новг. I, II и III Лѣт. подъ 6804 годомъ; ср. Акты Истор. Т. IV, № 231.

менная кремлевская церковь Бориса и Глѣба, построенная на мѣстѣ перваго деревяннаго Софійскаго собора ([1]). Къ числу подобныхъ обѣтныхъ церквей относится и нынѣшняя небольшая каменная кремлевская церковь Андрея Стратилата, построенная, по новгородскому лѣтописцу ([2]), княземъ Андреемъ. Теперь, если подъ этимъ княземъ разумѣть князя Андрея Александровича, княжившаго въ Новгородѣ до 1304 года: то церковь Андрея Стратилата, соименнаго князю, должно относить къ началу XIV вѣка и причислить къ обѣтнымъ церквамъ въ память одержанной имъ 1301 года побѣды ([3]).

Поводомъ къ построенію церквей въ Новгородѣ служили также особенныя чудеса и знаменія отъ иконъ и т. п. Примѣромъ служитъ небольшая церковь св. исповѣдниковъ Гурія, Самона и Авива, примыкающая къ югозападному углу Софійскаго собора: она построена въ 1411 году по случаю знаменія отъ иконы исповѣдниковъ Христовыхъ ([4]). *По чудеси* устроены были церкви: въ 1199 году Рождество-Богородицкая въ Михалицкомъ монастырѣ ([5]), въ 1455 году деревянная церковь Алексія человѣка Божія за большимъ валомъ

([1]) Новгор. III. Лѣт. подъ 6858 годомъ.

([2]) Въ рукописн. Лѣтоп. Николо-Дворищскаго собора, л. 7.

([3]) Новг. I Лѣтоп. стр. 64—66. Кромѣ того можно думать, что и Кирилловъ монастырь близъ Новгорода *на Нилезенѣ* основанъ или устроенъ въ память избавленія Новгорода отъ Татаръ. Новг. I Лѣт. подъ 6746 и 6704 годами.

([4]) Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6919 годомъ.

([5]) Новг. I и III Лѣт. подъ 6707 годомъ.

въ Людинѣ концѣ на Алексѣевской улицѣ ([1]). Нѣкоторые храмы въ Новгородѣ построены были въ честь новопрославленныхъ святыхъ Россійской Церкви и новоявленныхъ чудотворныхъ иконъ, каковы, напр., храмы Николо-Дворищскій (1113) и Знаменскій (1354), монастыри — Бѣло-Николаевскій (1134) и Николо-Липенскій (1292) ([2]).

III. МАТЕРІАЛЫ, ИЗЪ КОТОРЫХЪ СТРОЕНЫ ДРЕВНІЯ ЦЕРКВИ.

При первоначальномъ распространеніи христіанской вѣры въ Новгородѣ церкви въ немъ были деревянныя, такъ что въ продолженіи X и XI вѣковъ, кромѣ втораго Софійскаго собора и нѣкоторыхъ другихъ ([3]), всѣ прочія строены или рублены были изъ дерева *въ клѣтки и въ лапу*. Въ XII-же вѣкѣ, по сказанію лѣтописей, много сооружено было церквей каменныхъ не только въ самомъ Новгородѣ, но и въ его окрестностяхъ.

Зодчими при построеніи каменныхъ зданій во всей Россіи были тогда Греки; впрочемъ съ XII вѣка, когда каменныя церкви начали воздвигаться въ большемъ количествѣ, появляются въ Новгородѣ мастера русскіе. Изъ числа таковыхъ мастеровъ первый упоминается въ 1119 году *Петръ*, трудившійся надъ по-

---

([1]) Новг. писм. Лѣт. Николо-Двор. Собора, л. 19; Новг. III Лѣт. подъ 6963 г., гдѣ подъ чертою церковь названа церковію Іоанна Милостиваго. Теперь на мѣстѣ церкви стоитъ деревянная Алексѣевская часовня.

([2]) Всѣ сіи четыре храма съ древнѣйшими храмовыми иконами остаются донынѣ въ цѣлости.

([3]) Таковы, напр., Рождество-Богородицкая Перынская, Петропавловская на Синичей горѣ и другія, о коихъ упомянуто прежде.

строеніемъ величественной церкви св. побѣдоносца Георгія въ Юрьевѣ монастырѣ, сохранившейся до нынѣ ([1]).

При сооруженіи первоначальныхъ каменныхъ церквей въ Новгородѣ, въ кладку обыкновенно употреблялся простой и частію обтесанный камень—плитнякъ и булыжникъ, а по мѣстамъ и кирпичь ([2]): тотъ и другой извнутри заливали известью, растворенною съ щебнемъ изъ обломковъ и битаго тогоже самаго камня. Эта кладка извѣстна подъ именемъ *полубутовой*, т. е. начиненной между рядами камней растворомъ известковымъ, въ который валили всякой камень. Но чтобы стѣны, утвержденныя на мелкихъ фундаментахъ, во время кладки не разваливались, онѣ строились въ такъ называемую *коробку*, т. е. обстанавливались досками дотолѣ, пока не могли засохнуть и окрѣпнуть. Известію обмазывали храмы не только внутри, но и извнѣ ([3]). Связи употреблялись не желѣзныя, а дере-

---

([1]) Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6627 годомъ. Мастера Петра относимъ къ числу русскихъ зодчихъ, обучавшихся у Грековъ, потому, что о немъ не сказано въ лѣтописи, что онъ Грекъ или Гречинъ, хотя храмъ Юрьевскій построенъ во вкусѣ византійскомъ.

([2]) Что въ X и XI вѣкахъ былъ употребляемъ камень и частію кирпичь для постройки церковныхъ зданій, это доказываютъ оставшіеся отъ тѣхъ вѣковъ новг. храмы.

([3]) Въ Новг. I Лѣт.: «въ лѣто 6659 (1151) архіепископъ Нифонтъ поби святую Софію свинцемъ, всю прямь, известію маза всю около». А въ Новг. IV Лѣт.: «въ лѣто 6664 (1156) Нифонтъ притворы исписа, кивотъ створи и всю извну около известію омаза и свинцемъ поби». Подобное было въ 1439 году при св. Евѳиміи Вяжицкомъ. Новг. I Лѣт. подъ 6944 г. Обмазка известію въ лѣтописяхъ новг. выражается также словомъ: *обложи* (Новг. I Лѣт. стр. 5), и, какъ видно, производилась не вдругъ послѣ построенія храмовъ.

вянныя бревенчатыя (1). Крѣпости же выкладенныхъ стѣнъ помогали, съ одной стороны, толщина ихъ, простирающаяся до двухъ аршинъ (2), а съ другой—известь, приготовляемая съ удивительною клейкостію и плотностію. Кирпичь для церковныхъ зданій XI, XII и XIII вѣковъ употреблялся въ маломъ количествѣ, и большею частію для внѣшнихъ украшеній стѣнъ и внутреннихъ сводовъ. И кирпичь этотъ, извѣстный подъ именемъ «плинѳъ», былъ неравный, большей и меньшей величины какъ въ длину, такъ и въ ширину, смотря по нуждамъ зданій. Съ XIV и XV вѣка церкви начали строить изъ тесанаго уже камня съ прокладкою для уравненія тонкими кирпичными плитами, по приличію, извнѣ и извнутри. А преимущественная постройка стѣнъ церковныхъ изъ кирпича началась неранѣе XVI вѣка: потому что и въ Москвѣ уже при Іоаннѣ Васильевичѣ III вызванный изъ Италіи Фіоравенти научилъ обжигать кирпичи, приготовлять лучшую известь, класть внутри стѣнъ ровный камень и связывать ихъ желѣзомъ (3).

---

(1) Въ лѣтописяхъ хотя и не упоминается о деревянныхъ связяхъ; но онѣ доселѣ остаются замѣтными въ древнихъ церквахъ, и были большею частію дубовыя.

(2) Въ большихъ храмахъ капитальныя стѣны въ два аршина толщины, а въ меньшихъ менѣе двухъ аршинъ.

(3) Памятники Моск. Древности Снегирева. М. 1842—1845 г. стр. 17. О полахъ церковныхъ должно замѣтить, что они при деревянныхъ церквахъ были деревянные и большею частію бревенчатые—обтесанные, а при каменныхъ—изъ плитняка, булыжника и кирпича.

IV. ВНѢШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО ДРЕВНИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗДАНІЙ.

Съ первыхъ временъ христіанства, и особенно съ IV вѣка, церкви строились или *кораблеподобныя* (1), или *круглыя* (2), или *осмиугольныя* (3), или *крестообразныя* (4), или *четвероугольныя* (5), раздѣляемыя на три, четыре, на пять частей и болѣе. Этого образца держались въ Греціи и потомъ въ Россіи, принявшей вѣру Христову со всѣми обрядами и постановленіями отъ Грековъ. А посему нѣтъ сомнѣнія, что первоначальныя въ Новгородѣ церкви строены по образцу константинопольскихъ церквей; но фасады или виды и основныя расположенія древнихъ деревянныхъ церквей неизвѣстны.

Каменныя древнія церкви въ Новгородѣ обыкновенно строили равностороннія, квадратныя и столпообразныя (6) съ разными карнизами подъ кровлею на

---

(1) Въ Постан. Апост. кн. II, гл. 57: «первѣе убо да будетъ домъ продолговатый, къ востоку обращенный, подобный кораблю».

(2) По свид. Евсевія въ Жизни Конст. в. Кн. III, гл. 37.

(3) Евсев. Ист. Церков. кн. III, гл. 50.

(4) Евагр. Ист. кн. I, гл. 14.

(5) По свид. Антонина мученика; у Валерія въ замѣч. на Евсев. о Жизни Констан. вел. кн. III, гл. 20.

(6) Въ Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. VI изъ отрывковъ Русс. Лѣтоп. (7022—7027), по случаю освященія бывшей въ Хутынскомъ монастырѣ церкви св. Григорія великія Арменія въ 1536 году 6 Августа, сказано: «и прежде того была церковь того же святаго каменная, не высокая, круглая, яко столбъ, противу сѣверныхъ дверей, и не велика толко сажени единыя и съ олтаремъ». А эта прежняя церковь построена при св. Евфиміи въ

верху стѣнъ, или съ нѣсколькими угловатыми возвышеніями, по которымъ тѣ церкви назывались шатровыми ([1]). На нихъ по большей части устрояли по одному куполу; а въ Юрьевѣ и Антоніевѣ монастыряхъ ([2]) устроено по три неравныхъ, и на не многихъ по пяти, исключая Софійскаго собора, гдѣ шесть главъ ([3]). Крыты были гонтомъ изъ дерева или въ чешую и свинцомъ, о которомъ часто упоминается при возобновленіяхъ Софійскаго собора ([4]), но съ XV вѣка сви-

---

1445 г. (Новг. III Лѣт. подъ 6953 г.). Круглыя церкви считались уже старинными въ концѣ XV вѣка: «и заложили круглу церковь (деревянную) по старинѣ о 20 стѣнахъ», сказано въ Лѣтоп. (Ист. Кар. т. VI, примѣч. 629).

([1]) Въ XVII вѣкѣ было уже запрещено строить шатровыя церкви, о чемъ напоминалось весьма часто въ храмозданныхъ грамотахъ того времени.

([2]) О построеніи церквей въ монастыряхъ—въ Юрьевѣ Георгіевской и въ Антоніевомъ Рождество-Богородицкой въ 1119 г. въ Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6627 г. Главы на новг. церквахъ большею частію имѣютъ видъ луковицы, начиная съ Софійскаго шестиглаваго собора, а по мѣстамъ видъ опрокинутой чашки и даже видъ шлема.

([3]) Пять главъ надъ соборомъ въ надлежащемъ порядкѣ, а шестая глава на югозападномъ углу его. Вообще о двухъ верхахъ церкви строились въ ознаменованіе двухъ естествъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, о трехъ — Троицы, о пяти — Іисуса Христа и четырехъ Евангелистовъ, или пяти язвъ Христовыхъ, о семи верхахъ—въ знаменіе семи таинствъ, семи даровъ Духа Св. и семи вселенскихъ Соборовъ, о девяти верхахъ—девяти чиновъ ангельскихъ, о 13-ти—Іисуса Христа и 12-ти Апостоловъ. О позолоченной главѣ Соф. собора въ первый разъ упоминается въ 1408 году (Новг. III Лѣт. стр. 235).

([4]) Въ Новг. I Лѣт. подъ 6659 (1151) г. сказано, что архіепископъ Нифонтъ поби св. Софію свиньцемъ; подъ 6769 (1261) г.—что арх. Далматъ поби св. Софью всю свинцемъ; подъ 6841 (1333) г. — что арх. Василій св. Софѣю сторону свинцемъ поби; подъ 6849 (1341) г. — что тотъ же святитель покры св. Софію свинцемъ; подъ 6916 (1408) г.—что архіеп. Іоаннъ III поби св. Софію свинцемъ, а маковицу большую злато-

нецъ по мѣстамъ началъ замѣняться на кровляхъ нѣмецкимъ желѣзомъ ([1]). Кресты на храмахъ были деревянные, обитые разнаго рода жестью, и желѣзные съ полумѣсяцомъ подъ ними или съ сидящимъ поверхъ креста металлическимъ голубемъ ([2]). Первый сvмволъ, подъ крестами большею частію четвероконечными, обыкновенно изъясняется побѣдою креста надъ луною, или памятникомъ сверженія ига Монголо-Татарскаго, кромѣ изъясненій Максима Грека, видѣвшаго въ этомъ сvмволѣ образъ высоты крестнаго восхожденія Христа ([3]). Второй сvмволъ выражаетъ собою пріосѣненіе Духа Святаго въ видѣ голубя надъ св. храмами и надъ всѣми молящимися въ храмахъ.

Что касается до соборныхъ церквей — градскихъ и монастырскихъ; то онѣ какъ въ Новгородѣ, такъ во Владимірѣ, Ростовѣ и Москвѣ, устроялись квадратными и болѣе величественными, нежели приходскія и другія

верхую устрои». Свинцовыми листами покрывали и другіе храмы (Новг. I Лѣт. подъ 6853 и III Лѣт. подъ 6886 г.). Издавна извѣстенъ также на кровляхъ тесъ палатками, какъ видно изъ описи церквей Хутынскаго монастыря за 1642 годъ.

([1]) Голубь посеребрянный на крестахъ у средней главы Соф. собора и и въ церкви св. Климента доселѣ остается въ цѣлости. Съ подобнымъ голубемъ на крестѣ построенъ владимірскій Димитріевскій соборъ.

([2]) Объ употребленіи нѣмецкаго желѣза у Карамз. т. VI, примѣч. 103.

([3]) Максима Грека Сказаніе о полумѣсяцѣ подъ крестомъ въ Ж. М. Н. П. 1839 г. № 1. Другіе полулуніе подъ крестомъ объясняютъ тѣмъ, что будто безъ этого сvмвола Татары, во время владычества надъ Россіею, не позволяли строить церквей и совершать богослуженія. Между тѣмъ извѣстно, что изображеніе креста надъ полулуніемъ употреблялось и до нашествія Монголовъ на Русь. Памят. Моск. Древ. Снегирева, стр. 109.; Опис. Владиміро-Димитріевскаго собора Строгонова.

обыкновенныя церкви. Вообще же церкви были малы и тѣсны, а внутри темны; потому что освѣщались узкими, продолговатыми окнами изъ слюды съ желѣзными рѣшетками. Печей въ церквахъ для отопленія ихъ до XV вѣка не было, а съ XV вѣка являются, кромѣ холодныхъ, церкви теплыя (1). Внутренность церквей располагалась такъ: святый алтарь раздѣлялся капитальными стѣнами на три части, въ коихъ помѣщались престолъ, жертвенникъ (2), выкладенные изъ кирпича, и діаконикъ. Отъ этихъ трехъ частей были три алтарныя полукружія, изъ коихъ среднее всегда возвышалось надъ прочими предолтаріями въ видѣ полубашенки; но всѣ они вверху сводимы были куполами, кои знаменовали небо. Горнее мѣсто возвышалось отъ помоста на полъ-аршина съ каменными, а иногда деревянными сѣдалищами по обѣимъ его сторонамъ. Среди самой церкви на четырехъ столбахъ, сведенныхъ болѣе или менѣе низкими арками, поддерживался главный куполъ; отъ чего внутреннее пространство было крестообразнымъ (3). Два западные

---

(1) О теплыхъ церквахъ въ первый разъ упоминается въ XV вѣкѣ. По сказанію Новг. III Лѣт., архіепископъ Евѳимій въ 1439 году построилъ въ Вяжицкомъ монастырѣ церковь каменную, съ трапезою теплою, Іоанна Богослова, а въ 1445 году построилъ каменную теплую церковь пр. Евѳимія великаго у себя на сѣняхъ.

(2) По тѣснотѣ, жертвенникъ устроялся при окнѣ, изъ капитальной стѣны, покрываемой доскою.

(3) Впрочемъ въ Соѳ. соборѣ прежде было семь среди собора столбовъ, но три изъ нихъ круглые выбраны въ 1688 г. Объ этомъ въ Новг. III Лѣт. подъ 7192 г. сказано: «соборная церковь Премудрости Божія поисправлена, мостъ поднятъ, три столпа круглые, свѣтлости ради, и окна

столба вверху соединялись съ западною стѣною сводами, надъ коими устроялись хоры или, какъ тогда называли, *полати*. На этихъ хорахъ съ давнихъ также временъ устроялось по одному или по два и даже по три придѣла ([1]). Входъ на полати въ болѣе знаменитыхъ церквахъ, какъ-то въ Софійскомъ и Николаевскомъ Дворищскомъ соборахъ, былъ устроенъ съ южной стороны, а въ Юрьевѣ и въ Антоніевомъ монастыряхъ съ сѣверной стороны, и выкладывался въ кругломъ пустомъ столбѣ круглою лѣстницею, съ возвышающимся поверхъ всего куполомъ. Въ самыхъ куполахъ устроялись ризницы даже съ тайниками для храненія церковной утвари отъ вражескихъ нападеній ([2]),—или храмы, изъ коихъ одинъ во имя Онуфрія

выбраны и грани высѣчены, и пространство веліе учинено». Теперь въ соборѣ 10 четыреграннихъ столбовъ, изъ коихъ 4 посреди собора, а 6 подъ сводами, и послѣдніе въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть названы столбами.

([1]) Въ 1134 году упоминается устроенныхъ на *полатяхъ* въ Предтеченской церкви придѣлъ св. Захаріи (Приб. къ Акт. Ист. т. I, № 3). Изъ древнихъ церквей остаются хоры съ придѣльными храмами—въ церквахъ Ѳеодора Стратилата у Ѳеодоровскаго ручья, въ Предтеченской на Опокахъ, въ Дмитріевской на Славнѣ, въ Успенской на Волотовѣ и другихъ церквахъ. А о Борисоглѣбской церкви въ Плотникахъ сказано подъ 7048 г. (Полн. Собр. Р. Л. т. VI): «въ 1536 г. обложена каменная церковь Бориса и Глѣба, тутъ же на полатѣхъ чудотворецъ Никола, а въ другомъ крилѣ святый Владиміръ, въ Плотинскомъ концѣ». Эти придѣлы съ хорами остаются донынѣ, а въ Николо-Дворищскомъ соборѣ и въ другихъ церквахъ и самый ходъ на полати съ бывшими придѣлами закладенъ. Ср. Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. III, стр. 72, гдѣ придѣльный храмъ на хорахъ названъ *божницею*.

([2]) Ризницы въ куполахъ Софійскаго собора и Георгіевскаго храма въ Юрьовѣ монастырѣ, а въ первомъ есть и два тайника. Издревле на хо-

великаго и Петра Аѳонскаго остался въ Антоніевомъ монастырѣ (¹). Въ меньшихъ церквахъ восходъ на полати былъ прямо въ западныхъ стѣнахъ (²). Внизу у стѣнъ устроялись впадины или ниши для сѣдалищъ во время чтенія каѳизмъ (³), а вверху по сводамъ — *голосники*, состоявшіе изъ вдѣланныхъ глиняныхъ кувшиновъ для лучшаго эха при чтеніи и пѣніи (⁴). Къ западной стѣнѣ присоединялась паперть уступомъ предъ возвышеніемъ самаго храма. Эти-то паперти, въ ближайшія къ намъ времена, при многихъ церквахъ распространены; и устроены въ нихъ зимніе придѣлы. Впрочемъ многія древнія церкви, при всѣхъ перестройкахъ и возобновленіяхъ, сохранили древній видъ свой. Этому содѣйствовало обыкновеніе нашихъ предковъ

рахъ помѣщалась церковная и княжеская кузнь (казна). Воскр. Лѣт. т. II, стр. 96. Съ куполами для ризницъ устроялись церкви и въ XVI вѣкѣ, какъ, напр., соборная Преображенская церковь въ Хутынскомъ монастырѣ (1515). Нов. III Лѣт. стр. 247.

(¹) По преданію, въ срединѣ столба, гдѣ устроенъ храмъ, жилъ и спасался основатель монастыря пр. Антоній Римлянинъ. Не этотъ ли храмъ названъ *божницею Антоновою* въ 1125 г.? Новг. I Лѣт. стр. 5.

(²) Эти всходы остались во всѣхъ, указанныхъ нами, съ полатями церквахъ.

(³) Таковыя сѣдалища остались, напр., въ Мѵроносицкой церкви на Ярославли Дворищѣ и въ Успенской церкви упраздненнаго Волотова монастыря.

(⁴) Голосники сіи или слухи остались, напр., въ церквахъ Спасъ—Нередицкой, Михаило-Архангельской въ Сковородскомъ монастырѣ, Богородице-Рождественской въ Антоніевомъ монастырѣ, въ Петропавловской на Синич. горѣ, Мѵроносицкой, Варлааміевской на Хутынѣ, частію въ Соф. соборѣ и другихъ церквахъ. О глубокой древности голосниковъ въ Пам. Моск. Древ. Снегирева, стр. 34.

строить церкви *на старой основѣ* ([1]), часто замѣчаемое лѣтописцами, и стараніе подражать во всемъ своимъ предкамъ.

Изъ позднѣйшихъ пристроекъ къ древнѣйшимъ церквамъ большею частію встрѣчаются придѣлы, которыхъ прежде или совсѣмъ не было, или, покрайней мѣрѣ, не столько, сколько явилось ихъ послѣ. Впрочемъ о новгородскомъ Софійскомъ соборѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ когда-либо безъ придѣловъ: потому что одинъ изъ нихъ во имя Богоотецъ Іоакима и Анны построенъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ самымъ соборомъ ([2]). Другіе придѣлы устроялись нѣсколько послѣ притворовъ ([3]),

---

([1]) Изъ поставленныхъ *на старой основѣ* церквей упоминается по Новг. Лѣтописямъ въ 1448 году Никольская въ Вяжицкомъ монастырѣ, въ 1458 году Успенская въ Торгу, въ 1442 году Борисоглѣбская въ Околоткѣ, а въ 1536 году каменноградская Похвалы Богородицы *на старомъ мѣстѣ церковномъ*, равно и церковь Бориса и Глѣба въ Плотинскомъ концѣ (Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. VI, стр. 300) и другія.

([2]) Т. е. послѣ 58-ми лѣтняго существованія въ отдѣльности церкви подъ симъ наименованіемъ.

([3]) О придѣлѣ Рождества пресвятыя Богородицы можно думать, что онъ устроенъ между 1178 и 1180 годами; потому что въ лѣтописяхъ о погребеніи одного Мстислава Ростиславича въ 1178 году сказано: «въ лѣто 6686, индикта 10 Апрѣля въ 20, преставися князь Мстиславъ, сынъ Ростиславль, а вънукъ Гюргевъ, и положиша и въ святѣи Софіи въ притворѣ»; а о другомъ Мстиславѣ Ростиславичѣ святомъ въ 1180 году сказано: «въ лѣто 6688 переставися князь Мьстиславъ Новѣгородѣ Ростиславиць, вънукъ Мьстиславль, мѣсяца Іюня въ 14, и положиша и въ святѣи Софіи у святыя Богородиця (Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. III, стр. 17). — Придѣлъ Іоанна Предтечи устроенъ послѣ смерти святителей Іоанна и Григорія; потому что о нихъ сказано—въ лѣтописяхъ подъ 1186 и 1193 годами—только то, что они положены въ притворѣ у святой Софіи (Нов. 1. Лѣт. стр. 19 и 21). О возобновленіи придѣльной Предтеченской церкви въ 1548 г. въ Новг. II Лѣт. стр. 149 и 152.

бывшихъ едвали не при первоначальномъ устройствѣ собора (1). Въ XII же вѣкѣ являются притворы или трапезы и въ другихъ церквахъ (2). Величина церквей не только съ пристройками, но и безъ пристроекъ была не одинаковая. Софійскій соборъ отъ горняго мѣста до западныхъ или корсунскихъ дверей 46 аршинъ (3), а со стѣнами $49^1/_2$ аршинъ; — отъ южныхъ до сѣверныхъ вратъ 52 аршина (4), а съ стѣнами $55^1/_2$ аршинъ; — высота его съ куполомъ $70^1/_2$ аршинъ (5). Слѣд. новгородскій Софійскій соборъ со стѣнами въ сравненіи съ константинопольскимъ и кіевскимъ Софійскими соборами въ длину менѣе перваго на $72^1/_2$ аршина, менѣе втораго на 2 аршина; въ ширину мемѣе перваго на $52^1/_2$ аршина, а менѣе втораго съ его

---

(1) О притворахъ упоминается не только во 2-й половинѣ XII вѣка, какъ видѣли въ предъидущемъ замѣчаніи, но и въ 1-й его половинѣ, по случаю росписанія всѣхъ притворовъ въ 1144 и 1156 год. архіеп. Нифонтомъ (Новг. I, III и IV Лѣт. подъ 6652 и 6664 год.). И самая Мартиріевская паперть называлась притворомъ до арх. Мартирія, какъ видно изъ Сказанія о погребеніи князей Мстиславовъ и самаго Мартирія, положеннаго *въ притворѣ святой Софіи* (Новг. I Лѣт. стр. 25).

(2) Въ Новг. I, II и III Лѣт. подъ 1127 год. сказано: «томъ же лѣтѣ (6633) обложи трапезницу каменну Антонъ игуменъ Новѣгородѣ».

(3) Изъ 46 аршинъ въ алтарѣ отъ горняго мѣста до царскихъ вратъ 12 аршинъ.

(4) А безъ притворовъ между стѣнъ отъ придѣла Богоотецъ Іоакима и Анны до Богословскаго придѣла ширина собора $26^1/_2$ аршинъ.

(5) Высота сія значится въ рук. Опис. Новг. Соф. Собора, приписываемомъ м. Евгенію. А въ Новг. III Лѣт. подъ 6583 год. сказано: «отъ Спасова образа ото лбу до мѣсту церковнаго 15 саж. (45 арш. мѣрныхъ) доколѣ не подымутъ мостъ». Здѣсь же сказано и о величинѣ главы, вѣроятно большой: «а внутри главы кругомъ, гдѣ окна, 12 саженъ».

галлереями и простѣнками на 21 аршинъ; въ вышину ниже перваго на $21^1/_2$ аршинъ, а выше втораго, въ нынѣшнемъ его видѣ, на $4^1/_2$ аршина (1). Другія церкви въ Новгородѣ, оставшіяся отъ XI и XII вѣковъ, гораздо меньшаго размѣра въ сравненіи съ Софійскимъ соборомъ (2). Но какъ длина и особенно ширина церквей зависѣла отъ пристроенныхъ притворовъ и папертей, такъ и высота ихъ увеличивалась отъ подцерковьевъ, кои впрочемъ издавна устроялись въ монастыряхъ для усыпальницъ, трапезъ, кладовыхъ и разныхъ келлій (3), а въ городскихъ церквахъ на Торгу для лавокъ и складки товаровъ (4). Кромѣ того, из-

(1) Свѣдѣнія о величинѣ сравниваемыхъ константинопольскаго и Кіево-Соф. соборовъ взяты изъ Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 27 и 42.

(2) Такъ, напр., Георгіевская соборная церковь въ Юрьевѣ монастырѣ, по древнему ея устройству, въ длину имѣетъ 27 аршинъ, въ ширину $25^1/_2$ арш., въ вышину съ пола до карниза $28^1/_2$ арш., а съ главою надъ большимъ куполомъ и съ крестомъ 54 арш.; Богородице—Рождественская въ Антоніевѣ монастырѣ въ длину 24 арш., въ ширину 15 арш., а въ вышину 30 арш.; Николо-Дворищская церковь со стѣнами въ длину $28^1/_2$ арш., въ ширину 18 арш., а въ вышину 45 аршинъ. Изъ меньшихъ церквей: Богородице—Рождественская въ Перынѣ въ длину и ширину почти по 12 арш., а въ вышину $13^1/_2$ арш.; Петропавловская на Синичей горѣ въ длину 21 арш., въ ширину 7 арш.; Михайловская церковь на Прусской улицѣ безъ стѣнъ въ длину $13^1/_2$ арш., а въ ширину 7 арш. и $13^1/_2$ вершковъ. Толщина стѣнъ у сихъ церквей—большихъ около двухъ арш., а меньшихъ около полутора аршина.

(3) Церкви сіи остались въ монастыряхъ: Антоніевскомъ, Хутынскомъ, Вяжицкомъ, Отенскомъ, и въ упраздненныхъ: Бѣло-Николаевскомъ и Воскресенскомъ на Мячинѣ, а въ Колмовскомъ упраздненномъ монастырѣ трапеза и жилье монастырское было вверху надъ храмомъ придѣльнымъ.

(4) Таковы, напр., церкви: Предтеченская на Опокахъ, Знаменскій и Дворищскій соборы; а въ соборѣ Софійскомъ внизу была издавна усыпальница, безъ сводовъ, для князей и архіереевъ съ надгробницами, кои въ 1836 г. всѣ почти разломаны.

давна встрѣчаются церкви двуэтажныя, т. е. съ престолами вверху и внизу; каковы, напр., церкви—Духовская въ Духовѣ монастырѣ, Никольская въ Вяжицкомъ монастырѣ, Петропавловская въ Панской улицѣ, Филиповская на Торговой сторонѣ и всѣ церкви, имѣвшія придѣлы на хорахъ.—А изъ церквей, поставленныхъ на воротахъ, первою упоминается въ 1186 году каменная Спасская въ Юрьевѣ монастырѣ (1), а вторая въ 1180 году Богоявленская въ Благовѣщенскомъ монастырѣ (2).

Къ украшеніямъ древнихъ церковныхъ зданій въ Новгородѣ, кромѣ впадинъ, поясовъ, полуколоннъ и пилястръ относится мозаика и стѣнная иконопись по сырому грунту или al-fresco (3). Впрочемъ мозаика находится только въ главномъ алтарѣ Софійскаго собора, вокругъ горняго мѣста, по обѣимъ его сторонамъ. Когда украшенъ ею соборный алтарь, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, она далеко уступаетъ мозаикѣ Кіево-Софійскаго собора и едва ли можетъ быть признана современною новгородскому Софійскому собору (1045—1052). По виду она подобна разноцвѣтному стеклу, т. е. состоитъ изъ стекловидныхъ плиточекъ желтаго,

---

(1) Новг. I. и III Лѣт. подъ 6674 и 6681 годомъ.

(2) Новг. I и II Лѣт. подъ 6688 год. Подобныя церкви надъ воротами строились и въ другихъ монастыряхъ, равно и надъ градскими воротами.

(3) Иконопись стѣнная al-fresco отличается отъ иконописи al-secco тѣмъ, что первая производилась по сырому известковому грунту, а послѣдняя, новѣйшая, по сухому. Кромѣ того, въ древности знали средства, при коихъ краски отъ извести не пропадали въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

зеленаго и кофейнаго цвѣту; фигуры на ней въ родѣ оконъ съ полукружіями и крестами.—Что касается до стѣнной иконописи, то она въ древнихъ новгородскихъ церквахъ находилась не только извнутри, но и извнѣ. Она была въ константинопольскомъ и Кіево-Софійскомъ соборахъ; она же перенесена и въ Новгородъ *иконными писцами изъ Царьграда*, начавшими росписаніе собора при Ярославѣ I (1). Послѣ первоначальнаго росписанія собора, въ XII и слѣдушихъ вѣкахъ до конца прошлаго столѣтія, онъ былъ росписываемъ и возобновляемъ внутри и совнѣ. Поэтому нельзя опредѣлить съ точностію время оставшейся стѣнной иконописа въ Софійскомъ соборѣ. Осталось ясное извѣстіе внутри его только объ изображеніи Спасителя въ главѣ съ сжатою десницею (2), а внѣ—объ иконописаніи надъ корсунскими вратами (3). Подобное росписаніе стѣнъ церковныхъ внутри и по мѣстамъ извнѣ было и

(1) Новг. III Лѣт. подъ 6353 годомъ. И послѣ временъ Ярослава I въ Новгородѣ встрѣчаются иконописцы изъ Греціи. Напр., подъ 6704 (1196) годомъ въ Новг. I Лѣт. значится: «томъ же лѣтѣ исписья церковь на воротѣхъ архіепископъ Мартурій святыя Богородиця, а писецъ *Грьцинъ* Петровиць». Даже и въ 1338 году, по повелѣнію арх. Василія, Входоіерусалимская церковь росписана была *Грекомъ* Исаіею съ *другы* (Новг. I. Лѣт. подъ 6846 год.); а въ 1378 году Спасская церковь на Ильинѣ улицѣ подписана также *Грекомъ* Ѳеофаномъ (Новг. III Лѣт. стр. 231).

(2) Изображеніе сіе относится къ 1052 году, когда устроенъ и освященъ Софійскій соборъ (Новг. III Лѣт. подъ 6653 годомъ).

(3) Иконописаніе надъ Корсунскими вратами состоитъ изъ изображеній пресвятыя Троицы, Софіи новгородской и Нерукотвореннаго Спаса, написанныхъ вмѣсто прежняго одного пояснаго образа Вседержителя. Настоящее иконописаніе произведено въ 1528 году при архіепископѣ Макаріи I.—Полн. Собр. Р. Лѣт. т. VI, въ отрывкахъ Русск. Лѣт., стр. 285.

въ другихъ церквахъ при самомъ ихъ сооруженіи, напр., въ Антоніевѣ монастырѣ 1125 года (1), въ церквахъ Преображенія Господня на Городищѣ и въ Старорусскомъ монастырѣ 1199 года (2). Впрочемъ до настоящаго времени стѣнная иконопись внутри храмовъ отъ древнихъ временъ осталась только въ упраздненныхъ монастыряхъ: Спасъ-Нередицкомъ (1198), Липенскомъ (1292), Волотовѣ (1352) и Ковалевѣ (1353) (3), а со внѣшнихъ сторонъ у церквей остались нѣкоторыя изображенія, бывшія надъ входомъ въ оныя и надъ алтарями. Изъ нихъ болѣе замѣчательныя: чудотворная икона Спасителя (1116) (4) въ нишѣ,

(1) Новг. I и II Лѣт. подъ 6633 годомъ.

(2) Новг. I и II Лѣт. подъ 6707 годомъ.

(3) Въ Новг. I Лѣт. подъ означенными годами устройства монастырей; въ частности, о росписаніи монастырской церкви на Волотовѣ въ Новг. I. Лѣт. подъ 6871 (1363) год.—А объ остаткахъ стѣнной иконописи въ Ковалевѣ сохранилась древняя надпись надъ входомъ въ церковь внутри ея: «Въ лѣто ѕ҃. ѡ҃. п҃. и҃. (1380) потьписанъ бысть храмъ Господа Бога Спаса нашего Іисуса Христа, а при князи великомъ Дмитрѣ Ивановичѣ и при преосвященномъ архіепископѣ новгородскомъ Алексѣи, а повелѣньемъ раба Божья Офонасія Степановича и подружи его Маріи, а съвръшися мѣсяца Августа». Указанная нами древняя стѣнная иконопись отличается отъ нынѣшней какъ своимъ греческимъ пошибомъ, такъ и надписями по сторонамъ святыхъ, состоящими изъ отвѣсно-поставленныхъ одна подъ другою буквъ, съ примѣсью греческихъ, особенно въ Спасъ-Нередицкой церкви.

(4) Къ 1116 году относятъ написаніе иконы Спасителя потому, что въ этотъ годъ вел. кн. Мстиславомъ Владиміровичемъ построенъ Каменный городъ или Кремль въ большемъ и лучшемъ видѣ (Новг. I, II, III и IV Лѣт. подъ 6624 год.); слѣдов. и съ грановитою полатою, гдѣ написана икона, сдѣлавшаяся уже извѣстною чрезъ 53 года (1169).

при входѣ въ грановитую полату, гдѣ теперь устроена (1825) церковь во имя молившагося предъ нею (1169) (1) святителя Іоанна, другая чудотворная икона Спасителя надъ бывшими кремлевскими Спасскими вратами (1426), чудотворная икона св. Николая надъ бывшими Владимірскими вратами (134), икона Происхожденія Честныхъ Древъ надъ Волховскими или Водяными вратами (1424) (2) и чудотворная икона Спасителя, писанная на алебастрѣ и находившаяся надъ градскими вратами въ Павловской улицѣ, а съ 1828 года перенесенная въ Ильинскую церковь (3).

Кромѣ изображеній, стѣны храмовъ были украшаемы высѣченными каменными крестами разной величины. Таковыхъ крестовъ весьма много на церковныхъ стѣнахъ древнихъ храмовъ: они вкладывались на поклоненіе и въ поминовеніе душъ въ стѣны церквей, при первоначальномъ ихъ сооруженіи или послѣ, по особенному усердію къ нимъ. Хотя лѣтописцы и не упоминаютъ объ этихъ крестахъ; впрочемъ о древности ихъ можно судить частію по древности храмовъ, при коихъ въ стѣнахъ они находятся, а частію и по лѣтописнымъ на нихъ надписямъ. Изъ числа послѣднихъ одинъ XIII в. (1244) находится въ Никольской крем-

---

(1) Объ этомъ событіи въ Новг. I, II, III, и IV Лѣт. подъ 6677 годомъ.

(2) Время написанія иконъ указано по времени устроенія церквей надъ кремлевскими воротами, при коихъ остались иконы настѣнныя.

(3) Запись о чудесахъ, бывшихъ отъ иконы Спасителя въ Ильинской церкви, находится напечатанною на особомъ листѣ при оной церкви. Чудеса сіи были свидѣтельствуемы при митрополитѣ Кипріанѣ въ 1634 году софійскимъ ключаремъ и троими поповскими старостами.

левской часовнѣ, гдѣ была надъ вратами церковь во имя равноапостольнаго Владиміра, а другой въ западной стѣнѣ Софійскаго собора принадлежитъ къ XIV вѣку, когда управлялъ новгородскою епархіею архіепископъ Алексѣй (1359—1387 [1]).

V. Древнія колокольни или звонницы въ Новгородѣ.

Построеніе первыхъ новгородскихъ колоколенъ должно относить къ построенію первыхъ церквей въ Новгородѣ. Что дѣйствительно въ XI вѣкѣ были колокольни, это видно изъ повѣствованія о приходѣ въ Новгородъ литовскаго князя Всеслава Брячиславича, снявшаго съ Софійской колокольни колокола въ 1066 году ([2]), и изъ Житія препод. Антонія Римлянина, приплывшаго въ 1106 году во время утрени къ Новгороду и слышавшаго въ немъ великій звонъ ([3]). Послѣднее свидѣтельство показываетъ, что въ началѣ

([1]) Къ крестамъ XIV вѣка (Новг. III Лѣт. подъ 6886 годомъ — о поставленіи каменной церкви Спаса) долженъ быть причисленъ и каменный крестъ съ греческими и русскими надписями въ западной стѣнѣ Спасскаго придѣла Рождество-Богородицкой церкви, оставшейся отъ Михалицкаго монастыря, что на Молотковѣ, хотя года въ надписяхъ и не показано. Чтобы имѣть понятіе о надписяхъ на каменныхъ крестахъ новгородскихъ, для примѣра укажемъ на надпись на крестѣ въ Никольской часовнѣ: Гди спси и помилꙋи раба своего Сьмеона грѣшнаго чьрньца Оркажа монастыря. Аминь. Поставилъ сты крьстъ си влто ѕ. ѱ. и. в. г. мца августа въ еі д. на памать стыѧ Бца Успеніе Влдча.

([2]) Новг. I Лѣт. подъ 6574 годомъ. Нападеніе Всеслава на Новгородъ было чрезъ 14 лѣтъ послѣ построенія Софійскаго собора (1052).

([3]) Чети-Минеи и Прол. подъ 3 числомъ Августа.

XII вѣка колоколенъ въ Новгородѣ было не мало, подобно какъ и въ другихъ великихъ городахъ того времени. Но какія по виду колокольни были въ Новгородѣ до XV вѣка, неизвѣстно. Извѣстно только то, что онѣ въ связи съ церквами не были строены до конца XVII вѣка, исключая только того случая, когда церковь служила вмѣстѣ и колокольнею, имѣя на верху своемъ колокола (1). Въ 1439 году св. Евѳимій, архіепископъ новгородскій, при Софійскомъ соборѣ построилъ вмѣсто прежней, разрушившейся отъ наводненія, стѣнообразную колокольню, съ пятью на прямой линіи для колоколовъ окнами и водруженнымъ посреди ея на главѣ крестомъ. Колокольня сія существуетъ донынѣ; и она, какъ *поставленная на старомъ мѣстѣ* (2), должна имѣть сходство съ тою, которая была до XV вѣка. Высота колокольни 30 аршинъ, столько же и длина ея, а широта 9 аршинъ. На ней помѣщается 18 колоколовъ, изъ коихъ 5 большихъ и 13 малыхъ. Подобныя нынѣшней соборной колокольнѣ по виду, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, остались въ Новгородѣ старинныя колокольни при церквахъ—Покровской въ Кремлѣ и Воскресенской на Мячинѣ. Подобныя также древнія колокольни въ недавнее время разобраны при церкви ап. Андрея Первозваннаго на Щитной улицѣ и при Михаиловской церкви на Прус-

---

(1) Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. VI, въ отрывк. Русс. Лѣт., на стр. 296 подъ 1535 годомъ сказано, по случаю построенія въ Хутынскомъ монастырѣ новой церкви съ колоколами надъ нею: «а преже сего была церковь круглая..., на нейже колоколы на версѣ бывали и прежнихъ лѣтъ».

(2) Новг. I Лѣт. подъ 6947 годомъ.

ской улицѣ. Послѣ колоколенъ или, вѣрнѣе звонницъ продолговатыхъ и стѣнообразныхъ, съ XVI и особенно съ XVII вѣка начали строить колокольни шатровыя осмиугольныя съ каменнымъ или деревяннымъ на верху широкимъ шпилемъ; таковы, напр., при Знаменскомъ и Николо-Дворищскомъ соборахъ и при другихъ нѣкоторыхъ церквахъ (1), а прочія колокольни разныхъ видовъ и пристроены въ новѣйшее время.

Въ новгородскихъ лѣтописяхъ издавна упоминается о главномъ вѣчевомъ колоколѣ, висѣвшемъ на башнѣ Ярославля Дворища и отвезенномъ въ 1478 году въ Москву (2), равно также и о другихъ вѣчевыхъ колоколахъ, особенно у св. Софіи (3), а о церковныхъ колоколахъ съ XIV (4) и особенно съ XVI вѣка (5). Многіе древніе колокола, подобно древнимъ иконамъ и западнымъ вратамъ Софійскаго собора, именовались

---

(1) Такъ въ Описи подгороднаго Лятскаго монастыря за 1604 значится: «да на монастырѣ колокольня стоитъ на осми столпахъ, верхъ шатровой».

(2) Истор. Госуд. Росс. Карамз. т. VI, стр. 120—123. О поставленіи вѣча Мстиславомъ на Ярославли дворѣ въ 1215 году—Новг. I Лѣт. стр. 33; но вѣче было и прежде сего—стр. 32.

(3) Новг. I Лѣт. подъ 6798 и 6896 г.; II Лѣт. 6926 г.; Карамз. т. V, стр. 206 и слѣд.

(4) Въ Новг. I Лѣт. подъ 6850 и 6896 г. сказано: «того же лѣта владыка Василій повелѣ съліяти колоколъ великъ къ святѣй Софіи, и приведе мастеры съ Москвы, человѣка добра, именемъ Бориса».

(5) Въ Лѣт. XVI вѣка, между прочимъ, упоминается о колоколахъ Макарьевскомъ и Пименовскомъ, какъ болѣе извѣстныхъ по ихъ величинѣ. Изъ нихъ первый вылитъ въ день рожденія Іоанна VI, а второй Іоанномъ IV взятъ въ Москву. Новг. III Лѣт. стр. 248 и 254.

Корсунскими (¹), вѣроятно, потому, что литы не Русскими, а Греками или Нѣмцами, — также и потому, что привезены были въ Новгородъ отъ ганзейскихъ союзниковъ и отличались особеннымъ звукомъ. Но остались ли эти колокола до нашихъ временъ, неизвѣстно. Впрочемъ, судя по звуку, по цвѣту, по виду и по составнымъ металламъ, изъ которыхъ лились древніе колокола, можно относить нѣкоторые изъ оставшихся колоколовъ къ числу такъ называемыхъ Корсунскихъ, хотя надписей на нихъ и не имѣется (²). По русскимъ надписямъ извѣстны колокола XVI вѣка: въ Хутынскомъ монастырѣ 1533, 1595 и 1597 годовъ (³), въ упраздненномъ Колмовскомъ монастырѣ два колокола временъ Іоанна IV до принятія имъ царскаго титула,

---

(¹) Въ Новг. III Лѣт. подъ 6970 (1462) г. о знаменіяхъ предъ взятіемъ вел. Новгорода, между прочимъ, сказано: «у святаго Спаса на Хутыни въ монастырѣ *Карсунскіе* колокола сами о себѣ зазвониша».

(²) Впрочемъ въ Деревяницкомъ монастырѣ одинъ древній колоколъ около пяти пудовъ остался съ латинскою надписью: ULIBECR... ME FECIT ANTONIUS. А въ Антоніевомъ монастырѣ одинъ небольшой колоколъ, хотя безъ надписи, но признается за колоколъ преп. Антонія Римлянина. Ист. Росс. Іерар. ч. III, стр. 128, гдѣ колоколъ сей показанъ литымъ въ 1084 году, неизвѣстно, на какомъ основаніи. Въ числѣ колоколовъ есть колокола съ латинскими надписями, но не совсѣмъ древніе, а только XVII вѣка. Напр. въ Спасской Вожеозерской церкви кирилловскаго уѣзда колоколъ съ надписью: SOLI DEO GLORIA ASSUERUS COSTER ME FECIT AMSTEREDAMI. 1632; а въ Воскресенской церкви на Мячинѣ два колокола съ надписью: M CORDT KLEJMAN ME FECIT. На послѣднихъ двухъ колоколахъ есть и русская надпись о построеніи ихъ въ 1647 году, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ.

(³) Три колокола XVI вѣка довольно значительной величины остались въ цѣлости, не смотря на тó, что въ Хутынѣ шведскій полководецъ Делагарди въ 1611 году имѣлъ главную квартиру.

въ Спасъ-Нередицкой церкви и въ Михайловской церкви на Торговой сторонѣ по одному временъ царя Θеодора Іоанновича,—въ Софійскомъ соборѣ два небольшіе колокола 1566 года ([1]). Мастерами древнихъ русскихъ колоколовъ были большею частію изъ Пскова, а иногда изъ Москвы ([2]), и свои новгородскіе.

Что касается до боевыхъ часовъ на колокольняхъ и на башняхъ, то объ нихъ упоминается не прежде, какъ съ XV вѣка. Св. Евθимій, архіепископъ новгородскій, по сказанію лѣтописи ([3]), *въ 1436 году надъ полатою у себе часы звонящи устрои*, т. е., на той башнѣ, которая доселѣ остается въ цѣлости съ попорченными часами ([4]). Да и едвали можно полагать,

---

([1]) Другіе большіе колокола на Софійской колокольнѣ, хотя перелиты изъ древнихъ, но относятся къ XVII вѣку: изъ нихъ большой 1666 года, второй, равно и вседневный 1677 года.

([2]) Новг. I Лѣт. подъ 6850 годомъ. Но встрѣчаются мастера и новгородскіе, изъ коихъ одинъ Тимоθей въ 1597 году лилъ колоколъ въ монастырь Спасо-Нередицкій.

([3]) Новг. I Лѣт. подъ 6944 годомъ; ср. Новг. III Лѣт. подъ 6944 и 7181 годами. Кромѣ звонницъ и полатъ съ часами, новгородскіе святители устрояли такъ называемыя крестильницы, духовницы, сторожницы и теремцы для разныхъ духовныхъ потребъ. Напр., въ 1409 году, по сказанію лѣтописи «постави владыка Иванъ теремецъ каменъ, идѣже воду свящають на коййдо мѣсяцъ»; а въ 1443 году «архіепископъ Евθимій постави духовницю камену и сторожню камену» (Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. IV, стр. 112 и 122; т. III, стр. 114). Впрочемъ сторожи при новгород. церквахъ были еще въ 1134 году (Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 3). О часовняхъ, бывшихъ въ Новгородѣ до покоренія его подъ Московскую Державу, свѣдѣній не осталось; а объ оградахъ церковныхъ упоминается въ Юрьевѣ монастырѣ 1333 года (Новг. I Лѣт. стр. 76) и вокругъ Софійскаго собора въ 1336 году (Новг. I Лѣт. стр. 77).

([4]) Объ употребленіи часовъ по церквамъ свидѣтельствуетъ, напр., Опись за 1604 годъ Лятскаго монастыря, гдѣ сказано, что «въ подцерковьи сто-

чтобы боевые часы въ Новгородѣ были ранѣе XV вѣка; потому что и въ Москвѣ первые часы на великокняжескомъ дворѣ, устроенные Лазаремъ Сербинымъ, явились въ 1404 году и возбуждали въ современникахъ необыкновенное удивленіе [1].

VI. Различіе древнихъ новгородскихъ церквей по ихъ родамъ.

Общее дѣленіе великаго Новгорода съ древнѣйшихъ временъ было на двѣ стороны: на Торговую и Софійскую, изъ коихъ въ первой два конца: *Славенскій* 1-й или великій и *Плотенскій* или Плотничій, а во второй —три конца: *Неревскій*, *Загородскій и Людинъ* или Гончарскій, также и Славенскій 2-й [2]. А предмѣстья Новгорода вообще назывались *Запольемъ*. Но въ церковномъ отношеніи Новгородъ, кромѣ общаго дѣленія, имѣлъ дѣленіе свое, частное. Именно, церкви въ Нов-

---

ятъ часы боевые желѣзные, разсыпаны и переломаны». Равно и въ Описи Хутынскаго монастыря за 1642 годъ показано: «на колокольницѣ часы боевые желѣзные съ перечасьемъ.

(1) Памятники Моск. Древн. Снегирева стр. XXI.

(2) Ист. Разг. о Древн. вел. Новгорода, стр. 17; о Мѣстоположеніи древняго Новгорода *Красова* 1851 г. стр. 21—29, 166 и 167; Великоновгород. святит. каѳедра въ историч. значеніи Томилина 1851 г. стр. 7, примѣч. 14. Согласно раздѣленію Новгорода на пять концевъ, онъ управляемъ былъ пятиконецкими старостами, часто встрѣчающимися въ актахъ. Что касается до другихъ, указанныхъ гг. Красовымъ и Томилинымъ, такъ называемыхъ новыхъ концевъ, то ихъ нельзя назвать особенными отъ пяти концевъ, частію потому, что они встрѣчаются только подъ другимъ именемъ отъ новой мѣстности, а частію потому, что нѣкоторые изъ нихъ не соотвѣтствуютъ принятому понятію новгородскихъ концевъ.

городѣ издавна были монастырскія, соборныя, улицкія или посадскія, церкви архіерейскаго дома и, въ частности, сѣннія (крестовыя), также принадлежавшія къ Софійскому собору или его придѣльныя, — къ Каменному городу или каменноградскія (кремлевскія [1]).

Монастырскихъ церквей или монастырей было много какъ въ самомъ Новгородѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Но различія въ нихъ по классамъ или степенямъ не было. Не было въ первыхъ вѣкахъ по просвѣщеніи Новгорода и архимандритовъ въ монастыряхъ, кромѣ одного или двухъ ([2]). Въ прочихъ монастыряхъ были игумены и строители или строительницы. Между тѣмъ, всѣ монастыри издавна были обезпечиваемы въ содержаніи различными вкладами, вотчинами, землями и угодьями, какъ свидѣтельствуютъ, напр., грамоты Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю (1128—1132), препод. Антонія Римлянина Антоніеву монастырю (1106—1147), Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю (1146 — 1155) и преп. Варлаама Хутынскаго—монастырю Хутынскому (1192—1243) ([3]). Но были ли до XV вѣка пустыни или

([1]) Въ Новгородѣ и его предмѣстіяхъ, за исключеніемъ загородныхъ монастырей, въ концѣ XV вѣка было 89 церквей, а всѣхъ 161, по записи современниковъ у Востокова въ Опис. Рум. Музея, стр. 41 и 42.

([2]) По свидѣт. Ист. Росс. Іерар. (ч. VI, стр. 805), архимандрія въ Юрьевѣ монастырѣ учреждена 1299 года. А изъ уставной грамоты князя Всеволода Предтеченской церкви на Опокахъ видно, что въ 1134 году, настоятель Юрьева монастыря былъ уже архимандритомъ, вѣроятно, послѣ грамоты Мстислава Юрьеву монастырю (Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 3 и 2).

([3]) Изъ грамотъ—князя Мстислава и пр. Варлаама доселѣ хранятся въ пергаменныхъ подлинникахъ, а князя Изяслава и преп. Антонія извѣстны только по спискамъ и печатнымъ изданіямъ.

малые монастыри приписными къ другимъ большимъ монастырямъ, неизвѣстно. Что касается до нѣкоторыхъ льготъ, то ими пользовались монастыри издавна не только отъ князей, но и отъ архіепископовъ, какъ видно изъ трехъ оставшихся грамотъ, данныхъ Спасскому монастырю на *Верендѣ* отъ святителей—Евѳимія, Іоны и Ѳеофила (1430—1480 [1]). Наименованіе церквей соборными не принадлежитъ къ первымъ временамъ просвѣщенія вѣрою Новгорода ([2]). Древнее слово: *сборный или сборъ*, прилагаемое издавна къ первому Воскресенію великаго поста и къ нѣкоторымъ днямъ святыхъ ([3]), употреблено о новгородской Предтеченской церкви на Опокахъ, при построеніи ея въ первой половинѣ XII вѣка, около 1134 года ([4]), а о Софійской церкви, по лѣтописямъ, въ первый разъ въ 1238 году, хотя она была соборною при первоначальномъ ея построеніи. Именно, лѣтописецъ, описывая нападенія на Русь и раззоренія ея отъ Татаръ, бывшихъ за сто верстъ отъ Новгорода, продолжаетъ ([5]):

([1]) Грамоты писаны были на пергаменѣ, но остались теперь въ спискахъ. О Верендовскомъ монастырѣ въ Ист. Росс. Іерар. ч. III, стр. 519.

([2]) Несторъ по Лавр. списку, въ Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. I, стр. 22 и 23.

([3]) Новг. I Лѣт. стр. 15, 22—*на сборъ святыя Евѳиміи*,—46—*по чистѣй недѣли на сборъ*, 52—*на сборъ чистой недѣли*.

([4]) Прибавл. къ Акт. Истор. т. I, № 3. Въ Уставной Грамотѣ отъ св. князя Всеволода: «устроилъ есми попы и дьяконы въ сборной великой церкви».

([5]) Новг. I Лѣт. стр. 52 и 225 въ Полн. Собр. Русс. Лѣт. т. III. Въ числѣ особенныхъ заступниковъ и молитвенниковъ о избавленіи Новгорода упоминается св. Кириллъ александрійскій потому, что отступленіе Татаръ отъ предѣловъ Новгорода произошло 9 Іюня, когда празднуется память сего святителя.

«Новгородъ же заступи Богъ, *и святая великая и сборная апостольская церковь святая Софья*, и святый Кирилъ (александрійскій), и святыхъ правовѣрныхъ архіепископъ молитва, и благовѣрныхъ князін, и преподобныхъ черноризецъ и ерейскаго сбора». А въ XV вѣкѣ, какъ до присоединенія, такъ и во время самаго присоединенія Новгорода къ Московской Державѣ, было въ немъ семь соборовъ. Первое видно изъ крестнаго хода, совершеннаго съ 1417 году вокругъ всего Новгорода архіепископомъ Симеономъ *со всею седмію съборовъ*, во время такъ называемаго *анастасіинскаго мора* (1). А второе видно изъ новгородскаго посольства, отправленнаго къ Іоанну III въ 1477 году, когда прибывшій архіепископъ Өеофилъ къ великому князю, находившемуся въ Сытинѣ, 23 Ноября началъ просительную рѣчь такъ: «Государь князь великій! Я богомолецъ твой, *архимандриты*, игумены и священники *всѣхъ семи соборовъ* бьютъ тебѣ челомъ (2)». Вскорѣ послѣ того, болѣе ясное понятіе о семи соборахъ новгородскихъ изложено въ грамотѣ архіепископа Геннадія 1485 года касательно освобожденія шести соборныхъ поповъ отъ служенія чередной седмицы въ Софійскомъ соборѣ, съ платою за сіе гривны софійско-

---

(1) Новг. I. Лѣт. стр. 107.

(2) Истор. Госуд. Росс. Каразм. том. VI, стр. 108 по 2-му изд. — Въ рѣчи Өеофила слово: *архимандриты*, написано, вѣроятно, позднѣйшими переписчиками лѣтописей; потому что при покореніи Новгорода Іоанномъ III архимандритами былъ управляемъ одинъ только Юрьевскій монастырь, какъ было уже замѣчено.

му попу (1). Въ этой грамотѣ, кромѣ протопопа святой Софіи, перечисляются: «седмисоборный попъ Иванъ, служитель святаго Ивана Предтечи, и всѣ старосты соборскіе: староста попъ Ѳедоръ борисоглѣбскій и весь соборъ св. Ивана Предтечи, староста попъ Оксентій, служитель святыя Богородицы, и весь соборъ Богородицкой, староста попъ Иванъ дмитревскій и весь соборъ Яковлевскій, староста попъ Яковъ четыредесяцкой и весь соборъ Четыредесяцкой, староста попъ Иванъ, служитель святыя Богородицы, и весь соборъ Архангельскій, староста попъ Григорій всесвяцкой (2) и весь соборъ Власьевской — *вся шесть соборовъ* (3)»; а прочіе священники названы тутъ *улицкими попами*. Грамота сія писана хотя и послѣ присоединенія Новгорода къ Московской Державѣ (1472 — 1478); но въ ней указывается, что тѣже самые соборы были и прежде сего, именно: при архіепископахъ — Евѳиміи Вятицкомъ (1430—1458), Іонѣ Отенскомъ (1458—1471) и Ѳеофилѣ (1471—1480) (4). Такимъ образомъ видно,

(1) Грамота сія, пергаменная, дана 1 Ноября 6994 (1485) года, съ свинцевою печатью на черномъ шелку. Недавній списокъ ея найденъ между бумагами новг. соф. библіотеки.

(2) О поставленіи церкви св. Отецъ, нынѣ уже не существующей, упоминается въ Новг. II Лѣт. подъ 6698 (1190) годомъ.

(3) Т. е. кромѣ Софійскаго собора, о служеніи въ которомъ по очереди идетъ рѣчь въ грамотѣ.

(4) Истор. Росс. Іерарх. часть I, стр. 182 и 183 по 2 изд. — «И тѣ старосты—вся шесть соборовъ, пишется между прочимъ въ грамотѣ, били челомъ и сказывали прежнимъ архіепископомъ: Евѳимію, и Іонѣ, и Ѳеофилу. И господинъ преосвященный владыка Геннадій, по ихъ челобитью, пожаловалъ старосту седьми-соборскаго и всѣхъ старостъ соборскихъ и

что въ началѣ XV вѣка, было въ немъ, кромѣ Софійскаго каѳедральнаго, шесть соборовъ (1): 1) Предтеченскій на Опокахъ, нынѣ Предтеченская ружная церковь, 2) Успенскій Богородицкій (2), нынѣ приходская Успенская церковь на Торговой сторонѣ, 3) соборъ Яковлевскій, упраздненный и разобранный въ 1846 году, 4) соборъ Четыредесяцкій, т. е. сорока мучениковъ, находившійся на Яневѣ улицѣ Софійской стороны (3), 5) соборъ Архангельскій, обращенный въ приходскую церковь Михаила архангела на Торговой сторонѣ, и 6) соборъ Власьевской, обращенный въ приходскую церковь священномученика Власія на Софійской сторонѣ. Изъ этого открывается, что каѳедральный соборъ Софійскій, какъ находящійся въ кремлѣ, завѣдывалъ преимущественно (4) кремлевскими или каменноградскими церквами; — три собора на Со-

---

всѣ шесть соборовъ по тому, какъ пожаловали ихъ прежніе архіепископы: Евѳимій, и Іона, и Ѳеофилъ».

(1) Семь соборовъ было въ Новгородѣ, вѣроятно, по примѣру седми вселенскихъ Соборовъ.

(2) Подъ Богородицкою церковію разумѣемъ не Знаменскую, а Успенскую церковь потому, что Знаменская (нынѣ соборная) нигдѣ не называется Богородицкою, *а Знаменіемъ Пресвятыя Богородицы* (Новг. III. Лѣт. подъ 6862г.), и потому, что Знаменская, какъ и Николо-Дворищская, тогда не была соборною церковію, а Успенская была какъ въ XV, такъ и въ слѣдующихъ двухъ столѣтіяхъ.

(3) Въ 1615 году Четыредесяцкая церковь была каменною. — Истор. Разгов. о Древн. Вел. Новгорода, стр. 82.

(4) Но нѣкоторыя права власти Софійскаго собора простирались на церкви не только одного Новгорода, но и на церкви всей новгородской области съ ея пятинами и погостами, какъ видно изъ жаловалныхъ грамотъ сему собору.

фійской сторонѣ: Яковлевскій, Четыредесяцкій и Власіевскій завѣдывали церквами по всей Софійской сторонѣ;—три также собора на Торговой сторонѣ: Предтеченскій, Успенскій и Михаило-Архангельскій, завѣдывали церквами по всей Торговой сторонѣ. При Софійскомъ соборѣ старшій изъ священнослужителей назывался *протопопомъ въ дому святѣй Софьи* (1), а при прочихъ соборахъ старшіе священники именовались *старостами*, соотвѣтствующими нынѣшнимъ благочиннымъ; находящіеся въ зависимости отъ нихъ священники — *улицкими попами*, по причинѣ раздѣленія вѣдомства старостъ по улицамъ (2). Въ XVI и XVII вѣкахъ соборы новгородскіе хотя нѣсколько измѣнились, но числомъ ихъ также было семь: Софійскій, Похвальскій среди кремлевской площади, Знаменскій, Успенскій, Предтеченскій, Николо-Дворищскій и Яковлевскій, изъ коихъ къ Софійскому собору принадлежали церкви во всѣхъ его предѣлахъ, къ Похвальскому каменноградскія приходскія, а къ прочимъ пяти

---

(1) По лѣтописямъ, имя протоіерея святой Софіи, равно и протодіакона, встрѣчается въ первый разъ въ 1368 году (Новг. I Лѣт. подъ 6875 год.), хотя имя старѣйшины надъ духовнымъ причтомъ, соотвѣтствующее названію протопопа, употреблено было еще Несторомъ въ повѣств. о Борисѣ и Глѣбѣ.—Ср. Лѣтоп. у Карамз. т. IV, примѣч. 139, и т. V, пр. 57; Грамота арх. Геннадія 1485 года.

(2) Замѣчательно при семъ то, что при нѣкоторыхъ церквахъ не соборныхъ упоминаются въ грамотѣ старосты, какъ напр. староста борисоглѣбскій, староста дмитріевскій, староста попъ святыя Богородицы, вѣроятно Знаменія Божія Матери, староста всесвятскій. Но сіе названіе дано священникамъ, кажется, потому, что церкви, при коихъ они служили, напр., Борисоглѣбская (кремлевская), Дмитріевская въ Кожевникахъ, разобранная въ 1847 году, Знаменская (нынѣ соборная) и Всесвятская или были прежде соборными, или пользовались правами соборныхъ церквей, или же зависѣло это отъ старшинства самихъ священниковъ.

посадскія церкви на Софійской и Торговой сторонахъ ([1]). Изъ числа соборныхъ и посадскихъ церквей были съ давнихъ временъ также ружныя. До присоединенія Новгорода къ Московской Державѣ, въ немъ, кромѣ ружныхъ монастырей, были ружными: Софійскій соборъ ([2]), Предтеченская соборная церковь на Опокахъ ([3]) и другія соборныя и посадскія церкви ([4]); также дворцовыми княжескими: Благовѣщенская на Городищѣ, Николаевская на Ярославлѣ Дворищѣ ([5]) и Предтеченская на Петрятинѣ дворѣ ([6]).

([1]) Это видно изъ рукоп. Устава нов. Софійскаго собора, списаннаго въ первой половинѣ XVII вѣка, но по составу своему принадлежащаго къ XVI вѣку.

([2]) Жалованная Грамота, названная Уставомъ и данная въ 1737 году Софійскому собору новгородскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ, напечатана въ Русск. Достопамят. ч. I. М. 1815 год. стр. 82—85.—Старинная руга собору подтверждена и грамотою Іоанна III въ 1504 году, писанною на пергаменѣ, но въ подлинникѣ сожженною Шведами въ 1611 году. Списокъ съ грамоты найденъ въ консист. архивѣ старыхъ дѣлъ, а о сожженіи подлинной упоминается въ грамотахъ XVII вѣка.

([3]) Жалов. Грамота новг. князя Всеволода, данная въ началѣ XII в. Предтеченской церкви, напечатана въ Русск. Достопамят. М. ч. I. 1815 г. стр. 76—81 и въ Приб. къ Акт. Ист. т. I, № 3.

([4]) Къ этимъ церквамъ принадлежатъ соборы Знаменскій и Николо-Дворищскій, также церкви Успенская на Козьей Бородкѣ и Борисоглѣбская въ Плотникахъ и другія, хотя жалованныхъ грамотъ на ругу имъ не дошло до насъ.

([5]) Въ лѣтописяхъ осталось даже извѣстіе объ особенныхъ правахъ священниковъ николо-дворищенскихъ. Именно въ Новг. I Лѣт. подъ 1136 год. записано, что «оженися Святославъ Ольговичь Новѣгородѣ, и вѣньцися *своими т. е. придворными попы у святаго Николы*, а Нифонтъ (епископъ) его не вѣньця».

([6]) Объ особенныхъ привилегіяхъ Предтеченской церкви въ указанной нами Грамотѣ св. князя Всеволода. Что касается до Покровской кремлевской церкви, то она не можетъ быть названа княжескою, потому что подлѣ нея жили не князья новгородскіе, а дьяки, какъ и писалась она—у дьячаго двора. Ист. Разгов. о Древн. В. Новг. стр. 84.

Кромѣ улицкихъ или посадскихъ церквей, извѣстныхъ по лѣтописямъ въ большемъ множествѣ, издавна упоминаются и въ новгородскомъ кремлѣ церкви, принадлежавшія къ архіерейскому дому, къ Софійскому собору или его придѣльныя и каменноградскія.

Къ архіерейскому дому принадлежали какъ сѣннія церкви, такъ и тѣ, кои построены были на его дворѣ. Сѣннія церкви, извѣстныя нынѣ подъ именемъ крестовыхъ, устроялись, вѣроятно, современи первыхъ новгородскихъ святителей и находились подъ особеннымъ ихъ завѣдываніемъ. Изъ числа бывшихъ сѣнныхъ церквей до 1478 года, по лѣтописямъ, извѣстны: Срѣтенская деревянная, построенная въ 1191 году св. архіепископомъ Григоріемъ ([1]), Христорождественская каменная въ 1362—архіепископомъ Алексіемъ ([2]), св. Петра митрополита каменная (надъ вратами), построенная въ 1415 и перестроенная въ 1437 году святителемъ Евѳиміемъ ([3]), св. Іоанна Златоуста каменная (на воротахъ), построенная въ 1435 году св. Евѳиміемъ ([4]), преп. Евѳимія великаго, построенная на сѣняхъ въ 1445 году также св. Евѳиміемъ ([5]), преп. Сергія Радонежскаго, устроенная св. Іоною Отенскимъ (1463) ([6]) и наконецъ св. Никиты новгородскаго, упраздненная въ 1808 году, но когда была построена, неизвѣстно.

([1]) Новг. I Лѣт. подъ 6699 годомъ.

([2]) Новг. I Лѣт. подъ 6870 годомъ.

([3]) Новг. I и III Лѣт. подъ 6945 годомъ.

([4]) Новг. I, II и III Лѣт. подъ 6943 годомъ.

([5]) Новг. III Лѣт. подъ 6953 годомъ. Древній храмовой образъ хранится въ Никольской кремл. часовнѣ.

([6]) Новг. II Лѣт. подъ 6971 годомъ; Мѣс. Мин. Ноября 5-го дня, въ службѣ св. Іоны, сѣдаленъ по 3-й пѣсни. Церковь Сергіевская на сѣняхъ остается въ цѣлости вмѣстѣ съ храмовою иконою XV вѣка.

Къ Софійскому собору принадлежали построенныя до 1478 года церкви: Входоіерусалимская (1336 [1]), Воскресенія Христова надъ воротами (1296 [2]), св. Владиміра равноапостольнаго также надъ воротами (1311 [3]), св. Аѳанасія и Кирилла александрійскихъ (1390 [4]), Происхожденія честныхъ Древъ честнаго и животворящаго Креста (1424) и построенная на мѣстѣ ея каменная Маріи Египетской (1462), святыя преподобномученицы Анастасіи деревянная (1417 [5]) и потомъ каменная (1440), святаго Спаса Всемилостиваго (1424 [6]), церковь св. Николая, построенная св. Евѳиміемъ въ 1442 году ([7]). О времени построенія церквей, принадлежавшихъ также къ собору,—св. архидіакона Стефана и св. Стефана Сурожскаго свѣдѣній не имѣется. А прочія придѣльныя, церкви нынѣ существующія и упраздненныя, упоминаются въ грамотѣ Іоанна III за 1504 годъ ([8]). Здѣсь перечисляются придѣлы: «Володимерскій, Аѳанасьевскій, Спасскій, Настасьинскій, Воскресенскій, Златоустовскій, Богоявленскій, Исповѣдническій, Ни-

---

([1]) Новг. I. Лѣт. подъ 6844 годомъ.

([2]) О поставленіи Воскресенской церкви на воротахъ въ Новг. I и III Лѣт. подъ 6804 год.

([3]) Въ Новг. I II и IV Лѣт. 6619 год. Древняя храмовая икона св. благовѣрнаго князя Владиміра въ Никольской соборной часовнѣ, гдѣ была Владимірская церковь.

([4]) Церковь святителей александрійскихъ была обыденная деревянная, по сказанію софійскаго лѣтописца, въ 1415 году построена каменною, а въ 1812 г. за ветхостію разобрана.

([5]) Новг. I. Лѣт. стр. 107.

([6]) О построеніи церкви Всемилостиваго Спаса за св. Софіею святителемъ Евѳиміемъ въ Новг. I, II и III Лѣт. подъ 6932 годомъ.

([7]) Новг. I Лѣт. подъ 6930 годомъ.

([8]) Списокъ съ грамоты, въ консист. архивѣ старыхъ дѣлъ.

кольскій, Петровскій, Ивановскій въ темницѣ, Стефановскій , Боголюбскій, Якимовскій, Іерусалимскій, Рождественскій, Михаилова чуда, что на полатѣхъ у Ерусалима святаго». Но изъ этихъ 17 придѣловъ Софійскаго собора нѣкоторые уже упомянуты подъ годами ихъ построенія.

Къ числу каменноградскихъ церквей, построенныхъ до 1478 года, принадлежали: Борисоглѣбская, построенная на мѣстѣ перваго деревяннаго Софійскаго собора (1167 [1]), Положенія честнаго Пояса пресвятыя Богородицы надъ вратами (1195 [2]), св. Θеодора Тирона надъ градскими вратами отъ Неревскаго конца или къ сѣверо-западу отъ Софійскаго собора (1233 [3]), св. Іоанна Златоустаго (1350—1373 [4]), Покровская (1305 [5]), Преображенія надъ Спасскими воротами (1426 [6]).

---

(1) Новг. II и III Лѣт. подъ 6497 годомъ; ср. Полн. Собр. Р. Л. Соф. I Лѣт. подъ 6557 год. — Построеніе Борисоглѣбской церкви показано въ Новг. I и III Лѣт. подъ 6675 годомъ.—Ее можно считать даже соборною. (Новг. I. Лѣт. стр. 67). Храмовая икона ея, писанная будто бы архіеп. Василіемъ, хранится въ нынѣшней Покровской церкви.

(2) Новг. I Лѣт. подъ 6703 годомъ.

(3) Новг. I Лѣт. подъ 6741 годомъ.

(4) Новг. III Лѣт. подъ 6858—и 6883 год. Церковь Златустовская находилась подлѣ нынѣшней Покровской церкви; — храмовая икона ея XVI вѣка взята въ церковь св. Климента, гдѣ находится и доселѣ, какъ видно изъ надписи на ней.

(5) Новг. III Лѣт. подъ 6813 годомъ; ср. Новг. I Лѣт. подъ 6897 годомъ.

(6) Новг. III Лѣт. подъ 6934 годомъ.

СЛОВО,

произнесенное высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, въ Севастополѣ, въ лагерной, что на сѣверномъ укрѣпленіи, церкви, Іюня 25-го 1855 года.

По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими скорбями, не болѣзновалъ вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостью и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами—и радостнаго, и печальнаго.

Посему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я,—при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ, — немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго стран-

ствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города, и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для васъ уже прошла, что всѣ беззащитныя въ вашемъ городѣ мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противъ враговъ.

Какъ потомъ дорога была намъ каждая вѣсть о васъ! Съ какимъ усердіемъ принимали мы, съ какимъ нетерпѣніемъ слушали всякаго, кто появлялся изъ вашего города! Сколько разъ, съ своей стороны, мы покушались оставить свое мѣстопребываніе и всѣ дѣла, и, такъ сказать, бѣжать къ вамъ, чтобъ собственными глазами видѣть ваше многотрудное положеніе и раздѣлить съ вами наши чувства и ваши опасности!

Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязать васъ руками нашими. Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали бы братски обнять всѣхъ васъ и облобызать каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ, которое ап. Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи, возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своимъ о Христѣ.

Да, возлюбленные, безпримѣрнымъ мужествомъ противъ враговъ и долготерпѣніемъ вашимъ, вы давно вышли и вознеслись изъ ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ; видимо приблизились къ знаменитому сонму древнихъ поборниковъ земли Русской; содѣлались не только любезными, но и священными для всѣхъ сыновъ отечества: вы—слава Россіи, утѣшеніе ея Мо-

нарха, радость св. Церкви, предметъ удивленія для самыхъ враговъ и всего свѣта!

Какъ же намъ послѣ сего не радоваться о васъ духомъ? Какъ не благодарить за васъ Бога? Какъ не желать вмѣстить всѣхъ васъ въ сердцѣ своемъ?

Посѣщая въ прошедшемъ году, предъ наступавшею бурею, городъ вашъ и полагая — предъ лицемъ и въ виду враговъ—основаніе вашего храма св. Владиміра, я позволилъ сказать себѣ тогда, что скорѣе не останется камня на камнѣ въ горахъ здѣшнихъ, нежели уступится врагамъ нашимъ эта колыбель русскаго православія. Благодаря вашему безпримѣрному самоотверженію, слабыя слова мои исполнились, какъ нѣкое пророчество. Уже лице многихъ горъ и холмовъ окрестныхъ измѣнилось совершенно, а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже цѣлая Галлія и Британнія и весь мусульманскій Востокъ облеклись чернымъ покровомъ печали о падшихъ здѣсь сынахъ своихъ, а вы одни и тѣже — тверды и неизмѣнны! Уже врагу ожесточенному не разъ оскудѣвали и люди, и оружіе, а вы одни и тѣже—тверды и неизмѣнны!

Можно ли во всемъ этомъ, при всемъ вашемъ мужествѣ, не примѣтить съ благоговѣніемъ и знаменія надъ вами силы Божіей и благословенія свыше? Кто, какъ не Онъ, поразилъ неожиданною слѣпотою надменную гордыню враговъ нашихъ, да не познаютъ, въ самомъ началѣ вторженія, и вашей неготовности къ брани и слабости вашихъ силъ и стѣнъ? Кто, какъ не Онъ, умудрилъ юныхъ защитниковъ вашихъ въ немногіе дни воздвигнуть и совершить въ защиту града вашего то, на что въ другое время потребовались бы цѣлые

годы? Кто, какъ не Онъ, послалъ въ союзники вамъ эту ужасную бурю, которая разразилась надъ врагами губительнѣе всякой битвы? Кто, наконецъ, какъ не Онъ, отнялъ силу у большей части разженныхъ стрѣлъ вражіихъ и заставилъ ихъ праздно и безвредно для васъ падать на землю? Не Онъ же ли подалъ и вамъ тотъ духъ мужества и долготерпѣнія, коему удивляются теперь всѣ и вездѣ? Падемъ же, братія мои, предъ симъ престоломъ благодати и скажемъ словами Царя-Пророка: *не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему даждь славу* (Пс. 63, 9), ибо безъ Твоей всесильной помощи какъ возмогли бы мы совершить то, что совершено доселѣ во славу пресвятаго имени Твоего и ко благу Россіи?

Стойте жъ, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высотѣ, на которую возвелъ и поставилъ васъ самъ Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служеніе ваше Церкви и отечеству! Довершайте то, что начато вами такъ достославно и продолжено доселѣ такъ безпримѣрно! Помните, что за вами — Россія, предъ вами — потомство, надъ вами — Богъ и Его всесвятый промыслъ! Не забывайте, что вами сдѣлано уже гораздо болѣе того, что остается сдѣлать. Еще одно, другое поприще времени и терпѣнія; еще одна, другая побѣда;—и врагъ со стыдомъ долженъ будетъ возвратиться вспять. О, какъ тогда воскликнетъ и восплещетъ отъ радости вся Россія! Какъ отрадно будетъ тогда во всю жизнь на сердцѣ у каждаго изъ васъ! Тогда во всей силѣ сбудется и надъ вами слово Спасителя: *жена, егда раждаетъ, скорбь иматъ, яко пріиде годъ ея: егдаже родитъ от-*

роча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ (Іоан. 16, 21).

О, великъ будетъ этотъ, имѣющій родиться, среди настоящихъ трудовъ и скорбей вашихъ, человѣкъ въ міръ! И на челѣ его будетъ написано: святая и православная Россія не боится на землѣ никого, кромѣ Бога, единаго Бога!—Аминь.

СЛОВО,

произнесенное высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, въ одесской Успенской единовѣрческой церкви, по возвращеніи изъ Севастополя, Іюля 17-го 1855 года.

Послѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами! Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ многострадальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и несгарающую; слышали громы, не уступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, синайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ,—ибо эти громы, не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!... Это не городъ, а пространная пещь вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте дванадесять нынѣшнихъ поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга простертыхъ отъ одного до другаго края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли, въ поприще шириною, содѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и нощь извергаетъ изъ себя огнь, жупелъ и смерть. И подъ этимъ огнедышущимъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!... И такое мученическое положеніе сего го-

рода продолжается не дни и недѣли, а уже едва не цѣлый годъ!—Подлинно, если есть *скорбь велія,* о коей можно сказать, *яковаже не была отъ начала міра доселѣ* (Матѳ. 24, 21): то это скорбь и тѣснота севастопольскія! О, если бы и въ семъ случаѣ сбылись оныя утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны* (Матѳ. 24, 22)!

И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствѣ святой земли Русской? Кто бы и гдѣ бы вы ни были, души чистыя и избранныя, спѣшите на помощь отечеству: се ваше время и вашъ часъ!... Не медлите вознесть молитвы ваши ко престолу благодати, да пошлется скорѣе на землю Ангелъ мира, имѣющій заключить *студенецъ бездны* (Апок. 19, 1), изъ коего столько времени исходитъ вражда и пагуба!...

По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся притомъ столь долгое время, естественно, братія мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія; предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что́ же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе — безъ конца, мужество — безъ всѣхъ предѣловъ и условій, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Да, братія мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, не уступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ земли Русской, — такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними*.... (Сир. 46, 4). Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и

духовнымъ, то есть, вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ отечеству, такую преданность въ волю Божію, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за Вѣру и Отечество.

Трогательнѣе всего было для насъ посѣщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежатъ многочисленные сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ бóльшею частію цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!... Но какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражается не скорбь и ропотъ, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ, кажется, говоритъ вамъ: я исполнилъ свой долгъ! Отечество должно быть довольно мною!—Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ,—что кровь ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ унижена,—что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству,—что Благочестивѣйшій Государь готовитъ имъ награды и успокоеніе,—что Св. Церковь молится за нихъ — живыхъ и умершихъ и благословляетъ ихъ труды и подвиги: — о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности Царю и отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единаго, который пожалѣлъ бы о своей

рукѣ или ногѣ, коихъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ! И отъ врачующихъ не разъ имѣлъ утѣшеніе слышать я, что, не смотря на ихъ внушенія воставшимъ отъ недуга — идти еще на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоравливающіе просили, какъ милости, немедленно возвратить ихъ подъ стѣны Севастополя для его защиты.

Не удивитесь посему, братія мои, если мы отъ лица защитниковъ Севастополя предложимъ вамъ одно прошеніе — о томъ, что когда вы услышите о геройской кончинѣ кого-либо изъ нихъ, то пожелайте молитвенно вѣчнаго покоя и милосердія Божія почившему; но не смущайтесь духомъ и не приходите отъ того въ горесть и уныніе: иначе вы возмутите симъ душу почившаго героя, который давно возложилъ земную жизнь свою, какъ жертву, на алтарь отечества. Не тревожьтесь въ подобномъ случаѣ и за судьбу самой брани и отечества: будьте увѣрены, что вмѣсто единаго героя явится на его мѣсто нѣсколько подобныхъ, кои были не такъ извѣстны по тому только, что почившій долженъ былъ стоять выше ихъ.

Чего же, спросите наконецъ, ожидать намъ въ будущемъ? Скоро ли конецъ брани? Есть ли надежда на успѣхъ? Не слѣдуетъ ли готовиться къ новымъ лишешеніямъ и жертвамъ?

Будущее, братія мои, какъ всегда, такъ и нынѣ въ рукахъ Божіихъ: но по тому самому, что оно не въ рукахъ человѣческихъ, а въ десницѣ Господней, мы можемъ имѣть добрую надежду на успѣхъ. Ибо Господь всемогущъ и праведенъ, а наше дѣ-

ло правое, и мы не желаемъ зла самымъ врагамъ нашимъ.

Впрочемъ о томъ, что будетъ, мы можемъ гадать и судить уже по тому, что было и есть. Какихъ врагами нашими не употреблено противу насъ усилій и средствъ? И много ли успѣли они въ своихъ замыслахъ, въ продолженіе столь долгаго времени?—Одинъ городъ, на краю отдаленнаго отъ сердца Имперіи полуострова, стоитъ доселѣ, какъ скала, о которую сокрушаются всѣ силы и всѣ надежды вражіи. Великъ ли бы былъ ущербъ отечеству, если бы и не устояла какимъ-либо образомъ сія твердыня? Ибо вмѣсто единой ихъ можетъ быть воздвигнуто десять. Но и сего нѣтъ, и, дастъ Господь, не будетъ, какъ показало недавнее отчаянное нападеніе на насъ враговъ. Къ чему готовились едва не цѣлый годъ, то въ нѣсколько часовъ обратилось къ пагубѣ и стыду враговъ нашихъ.

Возблагодаримъ же Господа за то, что Онъ, хотя по недовѣдомымъ судьбамъ своимъ допустилъ возстать на насъ сей неправедной и жестокой брани, но въ то же время видимо облекъ воинство наше силою свыше и препислалъ ему духа мужества и долготерпѣнія, коимъ невольно удивляются самые враги; возблагодаримъ, говорю, за все сіе Господа и усугубимъ молитвы наши къ престолу благодати Его, да не будемъ и впредь оставлены благословеніемъ и помощію небесною. А чтобы молитвы наши были благопріятны Господу, то присовокупимъ къ нимъ наше покаяніе и смиреніе; ибо не напрасно сказано: *близь Господь сокрушенныхъ сердцемъ и смиренныя духомъ спасетъ* (Пс. 33, 19). Аминь.

СЛОВО,

КЪ ЯРОСЛАВСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ОПОЛЧЕНІЮ,

произнесенное высокопреосвященнымъ Ниломъ, архіепископомъ ярославскимъ, при торжественномъ освященіи воинскаго знамени, совершившемся на площади противъ каѳедральнаго собора 17-го Іюля 1855 года.

Христоименитые воины!

Подъ священнымъ знаменіемъ креста Господня, сіяющаго на воинскихъ хоругвяхъ и на челѣхъ вашихъ, напечатлѣннаго на сердцахъ вашихъ, призваны вы отъ мирныхъ занятій къ оружію, изъ нѣдра семействъ своихъ на поле брани. Самое знаменіе сіе уже являетъ, что предлежащій вамъ подвигъ есть подвигъ вѣры и христіанскаго долга. А кому изъ истинныхъ христіанъ не вожделѣненъ онъ?

Для васъ же, ополчившихся по гласу Благовѣрнаго Царя нашего, подвигъ сей долженъ имѣть сугубую цѣну; долженъ воскрилять духъ вашъ пламенною ревностію и тѣмъ непоколебимымъ упованіемъ, которое утверждается въ Богѣ, споборникѣ и заступникѣ правыхъ. Ибо вамъ, равно какъ и всему христолюбивому воинству Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, предлежитъ честь воинствовать за древнее православіе, угнетѣнное на востокѣ Агарянами,—воинствовать за святую землю Русскую, въ которую разновѣр-

ные, но равно не богобоязненные враги внесли огнь и мечь,—воинствовать за благоденствіе, миръ и покой всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ соединены вы узами вѣры и родства, дружбы и житейскихъ соотношеній. Такіе подвиги, бывъ превыше всякой земной награды, ведутъ совершителей своихъ во храмъ безсмертныя славы,—дѣлаютъ ихъ наслѣдниками обѣтованій жизни временныя и вѣчныя.

О, сколь блаженъ ты, доблестный ратоборецъ! Исполнивъ долгъ званія своего, ты паче другихъ въ правѣ сказать о себѣ съ Апостоломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо уготовляется мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ* (2 Тим. 4, 7).

При таковыхъ почестяхъ вышняго званія, въ залогъ и во свидѣтельство ихъ, на васъ ратоборцевъ обращено Монаршее благосердое вниманіе, все отеческое о васъ попеченіе, Его Высочайшія милости и щедроты. Святая Церковь сопутствуетъ вамъ своими благословеніями, ограждаетъ молитвами, ходатайствуетъ о васъ предъ престоломъ Божія милосердія священнодѣйствіемъ и жертвоприношеніями. Содруги и соотчичи ваши, ближніе и дальніе смотрятъ на васъ, яко на необоримую стѣну, какъ на ангеловъ хранителей, поставленныхъ съ пламеннымъ мечемъ блюсти святыню земли Русскія, да никакоже коснется ей рука скверныхъ. И позднѣйшіе изъ потомковъ, орошая благодарными слезами могилу героевъ, подвизавшихся за Вѣру, Царя и Отечество, скажутъ о нихъ: *и тіи бѣша отъ мужей, ихъже рукою яви Господь спасеніе свое.*

Свѣтозарную будущность да не омрачаетъ въ настоящемъ мысль о силѣ и множествѣ враговъ нашихъ,

или говоря словами Пророка: *да не убоится, ниже да изнеможетъ душа наша отъ дву древу главень дымящихся сихъ* (Ис. 7, 4). Ибо враги наши суть паче враги самаго Бога. Кому не извѣстно, что они воюютъ подъ постыднымъ знаменемъ Магомета,—стараются оковать новыми цѣпями, отягчить новымъ ярмомъ братій нашихъ по Вѣрѣ, и покровительствуютъ тому злочестивому царству, которое искони упивалось и упивается *кровію святыхъ и кровію свидѣтелей Іисусовыхъ* (Апок. 17, 6). Когда же люди сіи толико дерзновенны, когда, *уповая на неправду* (Іер. 29, 31), нагло попираютъ уставы и Божіи, и человѣческіе: то не бояться ихъ должно, а жалѣть о нихъ, яко о погибающихъ, ратовать противъ нихъ, какъ противъ явныхъ враговъ Божіихъ. Богъ милосердія и щедротъ во гнѣвѣ своемъ есть огнь пожирающій, отмщеній Господь. Опыты праведнаго Его суда сколько многочисленны, столько и страшны. Ниневія, презорливая столица Ассиріи, безмѣрная въ величіи и гордынѣ своей (Наум. 3, 9), — Ниневія, вѣщавшая о себѣ: *азъ есмь и нѣсть по мнѣ еще* (Соф. 2, 15), гдѣ теперь обрѣтается? Нѣтъ ея! Она стерта съ лица земли суднымъ приговоромъ Господа: *положу Ниневію въ изчезновеніе безводно, яко пустыню: и пожаруютъ посреди ея стада, и звѣріе возвыютъ въ разсѣлинахъ ея: всякъ мимоходяй сквозѣ ея позвиждетъ и воздвижетъ руцѣ свои* (Соф. 2, 13—15). Вавилонъ великій, слава царей, гордость Халдеевъ, млатъ и яремъ народовъ—палъ, сокрушился и исчезъ, *якоже Богъ святый совѣща о немъ* (Ис. 14, 27). Тиръ и Сидонъ, собравшіе въ стѣнахъ своихъ богатство вселенныя и пороки ея, давно разсыпаны, давно обратились, по глаголу Господню, *въ камень гладокъ, въ*

мѣсто сушенія мрежей (Iез. 26, 14). Іудея и всѣ грады богоотступнаго народа не уничижены ли, не попрана ли въ персть слава ихъ, не сдѣлались ли они въ притчу и гаданіе для всѣхъ? Подобной участи надлежитъ ожидать и всѣмъ тѣмъ, которые возстаютъ и собираются на Господа и на Христа Его. Живущій *на небесѣхъ посмѣется имъ, и Господь поругается имъ. Онъ возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ, и яростію своею смятетъ я* (Пс. 2, 4—5). И мы не погрѣшимъ противу истины, ежели, какъ на изображеніе судьбы ихъ, укажемъ на знаменательныя слова божественнаго тайнозрителя: *и видѣхъ изъ устъ змія, и изъ устъ звѣря, и изъ устъ лживаго пророка, духи три нечистыя, яко жабы исходящія, иже исходятъ къ царемъ всея вселенныя собрати я на брань: и изыде гласъ великій отъ храма небесе, отъ престола, глаголя: бысть:—и бысть градъ великій въ три части,— и грады языческіи падоша, и Вавилонъ великій помяновенъ бысть предъ Богомъ, дати ему чашу вина ярости гнѣва своего* (Апок. 16).

Тайна грядущихъ судебъ уясняется событіями временъ мимошедшихъ. Столпъ злобы богопротивныя не разъ воздвигаемъ былъ противу православія нашего, не разъ дышущіе прещеніемъ сыны и дщери духовнаго Вавилона, обращая алчные взоры на отечество наше, вопіяли: *истощайте, истощайте до основаній его* (Пс. 136, 7). Но Господу поспѣшествующу, Россія одолѣвала всѣ шатанія языковъ; или паче, бывъ испытана въ горнилѣ бѣдствій, являлась въ новомъ блескѣ славы и могущества, вѣры и благочестія. Враги же наши облекались студомъ, падали въ ровъ, который изрывали намъ. Не изринута ли въ бездну ничто-

жества кровожадная Орда? Не испыталиль на себѣ грознаго прещенія ругатели святынь нашихъ? Не устилалиль трупами своими землю Русскую свирѣпѣвшіе на ней бурею злочестія?

Такъ, милостивно призиралъ Господь на отцы наши *въ лѣта, въ няже видѣша злая.* Призритъ Онъ и на насъ въ настоящую годину испытанія. И Ангелу мира нашего Великому Самодержцу Александру Второму даруетъ на сокрушеніе враговъ силы, какъ даровалъ Александру Первому. И уже *видѣна быша намъ шествія Бога нашего,* споборающаго намъ. Видимъ перстъ Его въ многократномъ супостатовъ отраженіи, видимъ въ буряхъ Чернаго моря, сокрушившихъ корабли ихъ; видимъ въ губительныхъ болѣзняхъ, обращающихъ воинскіе станы ихъ въ юдоли смерти. *Аще же о перстѣ Божіи* совершаются таковыя знаменія, *убо постиже* на насъ *царствіе Божіе* (Лук. 11, 20): Господь съ нами есть и день спасенія нашего не далече.

Итакъ, правовѣрные ратоборцы, ничтоже сумняся, спѣшите исполнить настоящее ваше призваніе. Помните, что земля Русская всегда была врагамъ своимъ страшна: ибо всегда возлагала упованіе свое на Бога, всегда руководилась вѣрою и правдою, чистою совѣстію и единодушнымъ послушаніемъ. Сохраните и вы священное сіе наслѣдіе предковъ, и Господь сокрушитъ враговъ предъ лицемъ вашимъ. Полтава и берега Непрядвы, поле Бородинское и градъ крове—Севастополь да представятъ вамъ примѣры для подражанія. Подвизавшіеся тамъ герои *въ родѣхъ прославлени быша, похвалу ихъ исповѣсть церковь, и память* ихъ *въ благословеніихъ* (Сир. 44). Сіе же благословеніе Вышняго и на васъ, ополчающихся *за души наша и*

законы наша (1 Мак. 3, 21), призываетъ днесь вся правовѣрная Россія. Призываемъ и мы со всѣми здѣсь предстоящими, молимся и непрестанно будемъ молиться, да крѣпкій во бранѣхъ Господь возвеселитъ о милости Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего Александра Николаевича, явитъ въ немъ непобѣдимую свою силу, славою и честію вѣнчаетъ Его и христолюбивое воинство Его.

Хоругвь же сія, пріуготованная на дѣло брани и днесь небеснымъ благословеніемъ священная, молитвами святыхъ ярославскихъ Чудотворцевъ укрѣплена и Ангелъ ополченіемъ ограждена сущи, да будетъ выну для васъ ратоборцевъ, исходящихъ подъ ея осѣненіемъ, въ знаменіе веселія и крѣпости, въ знаменіе побѣды и мужества на супостатовъ. Аминь.

БЕЗЪ ДОБРОДѢТЕЛИ НѢТЪ СЧАСТІЯ.

(1 Тим. 4, 8).

Человѣкъ предназначенъ Творцемъ своимъ для жизни общественной. Посмотрите на этого владыку земли вскорѣ послѣ его рожденія: онъ нуждается во всемъ болѣе, чѣмъ самое слабѣйшее изъ животныхъ, ему подчиненныхъ; нѣтъ на землѣ существа, подверженнаго большимъ опасностямъ, менѣе способнаго удовлетворять собственнымъ нуждамъ. Ни одна тварь не требуетъ столькихъ заботъ и столь долговременной помощи. Господу угодно было, чтобы въ самой этой продолжительной зависимости человѣка отъ ближнихъ образовались первыя стремленія людей къ обществу и первыя связи его.—Посмотрите на человѣка, когда онъ пришелъ въ возрастъ и сдѣлался, повидимому, независимымъ: онъ слабъ еще, когда остается одинъ. Но соединяясь съ подобными себѣ, онъ становится сильнымъ: общество соединяетъ, приводитъ въ порядокъ и направляетъ къ одной общей цѣли совокупныя силы и способности многихъ. Въ обществѣ опытъ и дарованія всѣхъ служатъ къ пользѣ каждаго. Общество покорило, удобрило и обработало землю; оно

смирило стихіи; открыло тайны природы; въ немъ науки, искусства, торговля и промышленность произвели свои чудеса.—Потому-то въ общественномъ состояніи открываются сила и успѣхи человѣчества; потому-то мы видимъ, какъ люди съ первыхъ временъ соединялись между собою сначала по племенамъ, потомъ по народамъ, и строили обширные города — средоточіе единства, взаимныхъ пособій и общественной дѣятельности. И не одно лишь желаніе пользы заставляло людей образовать общества; ихъ побуждало къ тому и взаимное влеченіе, столь глубоко насажденное въ ихъ природѣ и соединяющее ихъ между собою самыми сильными и нѣжными чувствами. Родство, дружба, отечество, — не приводятъ ли въ трепетъ эти трогательныя слова сердце каждаго? Кто безъ умиленія можетъ вспоминать о мѣстѣ своей родины, объ отцовскомъ домѣ, о братьяхъ и сестрахъ, съ которыми проводили мы время у домашняго очага, о священныхъ чувствахъ любви, которыми съ дѣтства окружена наша жизнь? Не они ли доставляютъ намъ живѣйшія и чистѣйшія наслажденія? Не они ли составляютъ на землѣ лучшій источникъ нашего счастія?

Что нужно, однакожъ, для того, чтобы это изображеніе не было обманчивою мечтою? Что нужно, чтобы человѣческія общества достигали цѣли своей и чтобы человѣкъ дѣйствительно находилъ въ общественномъ быту свою пользу, силу и особенно свое счастіе?—Для этого нужна прежде всего добрая нравственность. Въ ней должны быть основаніе и связь всякаго общественнаго устройства, если хотятъ, чтобы оно было прочно и благодѣтельно. Порядокъ и правда должны царствовать между членами общества, что-

бы поддерживалась жизнь его. Искренность, прямодушіе, честность, самоотверженіе должны управлять ихъ взаимными отношеніями. Надобно, чтобы права каждаго были уважаемы; надобно, чтобы предъ добродѣтелью умолкли алчныя или честолюбивыя страсти и чтобы всякій платилъ обществу законную дань трудовъ, услугъ и великодушной преданности. Не исполняя этого долга, чуждаясь нравственности, которая предписываетъ его, не говорите объ общественномъ счастіи: тогда оно невозможно. Общества могутъ процвѣтать только при доброй нравственности. Когда нравственность упадаетъ, они страдаютъ; когда она оставляетъ ихъ, они гибнутъ.

Весь порядокъ жизни общественной, внѣшнія отношенія народа къ другимъ народамъ и внутренняя связь, какую должны соблюдать между собою члены общества, опредѣляются законами государственными, гражданскими, судебными. Чѣмъ эти законы мудрѣе и справедливѣе, то есть, чѣмъ они сообразнѣе съ закономъ нравственнымъ, тѣмъ народъ сильнѣе и счастливѣе внутри, тѣмъ болѣе уважаютъ его сами иноземцы. Это сознавали и чувствовали во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Отсюда—та дань признательности, какая всегда была воздаваема великимъ законодателямъ, умѣвшимъ своими благодѣтельными законами создать величіе народовъ. Но если ни одинъ народъ не можетъ существовать безъ порядка и законовъ, и если счастіе народа зависитъ прежде всего отъ нравственности этихъ законовъ: то еще болѣе оно зависитъ отъ нравственности самаго народа. Ибо добродѣтели народа могутъ, въ случаѣ нужды, замѣнить и исправить то, что есть худаго въ законахъ; между

тѣмъ какъ при безнравственности народа самые лучшіе законы останутся безполезными и самое совершенное законодательство не спасетъ его отъ униженія и несчастій.—Что значатъ, въ самомъ дѣлѣ, лучшіе законы, когда они не въ состояніи обуздать сердце и личныя наклонности человѣка, если нравственность не научитъ каждаго изъ насъ управлять ими? Что значатъ самые лучшіе законы, когда въ совѣсти нѣтъ должнаго уваженія къ нимъ, когда блюстители ихъ жестоки или слабы, когда противленіе господствуетъ въ тѣхъ, которые должны подчиняться имъ? Будетъ ли страна спокойною, будетъ ли единство между гражданами, когда общее благо и любовь ко всѣмъ не возмутъ перевѣса надъ самолюбіемъ и частными выгодами? И что будутъ тогда та безопасность и то благоденствіе, которыя должны давать цѣну жизни общественной и составлять ея счастіе?

Многіе указываютъ обыкновенно на успѣхи просвѣщенія и думаютъ найти въ нихъ достаточную опору для общественнаго порядка и общественной жизни. Но не надобно обманываться. Если мы должны признать эти успѣхи и часто даже удивляться имъ, то мы должны еще болѣе страшиться ихъ, когда нравственность имъ не сопутствуетъ. — Съ народами бываетъ тоже, что и съ отдѣльными людьми: ихъ счастіе не всегда возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличиваются ихъ сокровища. Часто, на высшей степени богатства, человѣкъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о болѣе скромномъ и невинномъ жилищѣ, гдѣ протекли первые дни его. Онъ сознается съ тайною горестью, что всѣ сокровища, накопленныя имъ, и вся роскошь, окружающая его, не въ состояніи замѣнить для него

ни потерянныхъ добродѣтелей, ни живыхъ и чистыхъ удовольствій, которыя онѣ влекутъ за собою. Тоже должно сказать по отношенію къ цѣлому народу. Случается, что въ періодъ его меньшаго развитія у него бываетъ больше нравственной силы и истиннаго счастія, чѣмъ сколько бываетъ тогда, когда онъ достигнетъ высшихъ степеней мнимаго просвѣщенія и образованности. Умножая чрезъ мѣру способы къ наслажденіямъ, это ложное просвѣщеніе, ограничивающееся только внѣшностію, возбуждаетъ и поддерживаетъ въ насъ всѣ страсти, которыя стремятся къ нимъ. Оно открываетъ всѣ пути жадности, честолюбію, чувственности; измышляетъ множество нуждъ, которыя непрестанно побуждаютъ человѣка жертвовать имъ своими обязанностями. И если нравственныя начала не противодѣйствуютъ этому напору искушеній и не даютъ правильнаго и благодѣтельнаго направленія этому мірскому просвѣщенію,—то народъ мало по малу будетъ терять свое достоинство, спокойствіе, счастіе и можетъ потерять свое политическое бытіе. Доказательствомъ тому служитъ исторія міра. Посмотрите на древнія государства Греціи, посмотрите на колоссъ имперіи Римской, на имперію Византійскую или на цвѣтущіе нѣкогда города Италіи. Не среди ли своихъ искусствъ, своихъ наукъ, своей торговли и своихъ сокровищъ эти народы, подобно многимъ другимъ, приготовили себѣ паденіе и вырыли себѣ могилу? Не собственное ли просвѣщеніе, ложно направленное, убило ихъ? Не это ли именно просвѣщеніе, лишенное съ теченіемъ времени всякаго нравственнаго противовѣса, открыло свободный путь всѣмъ страстямъ, всѣмъ неумѣреннымъ наслажденіямъ, изнѣженности, испорченности нравовъ,

въ слѣдъ затѣмъ—честолюбію, соперничесмву, проискамъ, жестокости однихъ, униженію и продажности другихъ, пока, наконецъ, общественное тѣло, разслабленное и совершенно растерзанное, не должно было лишиться вмѣстѣ и своей независимости, и своей жизни?

Такъ, одинъ взглядъ на жизнь народовъ, на ихъ нужды и опасности, ясно показываетъ намъ, что добродѣтель всегда и вездѣ была и будетъ необходимымъ условіемъ ихъ жизни и счастія. *Правда возвышаетъ языкъ*, написано въ книгѣ Притчей (14, 34), *умаляютъ же племена грѣси*. Вотъ почему, при одинаковыхъ другихъ обстоятельствахъ, народъ самый добродѣтельный всегда будетъ самымъ счастливымъ. Страна можетъ еще обойтись безъ богатства и славы; но ей нельзя обойтись безъ благочестія. Она можетъ обойтись безъ великихъ дарованій и людей геніальныхъ; но нельзя ей обойтись безъ людей добродѣтельныхъ. Нельзя обойтись ей безъ уваженія къ законамъ, безъ правды и добрыхъ нравовъ, безъ честности и трудолюбія, безъ согласія и преданности Вѣрѣ, Престолу и отечеству. Однимъ словомъ нельзя обойтись ей безъ добродѣтели!

Добрая нравственность, необходимая въ государствѣ, не менѣе необходима и въ семействѣ. Довольно здѣсь одного доказательства: это зрѣлище, представляемое однимъ изъ тѣхъ семействъ, на которыя можно указать, какъ на образецъ семейной жизни. Благочестивые и почтенные родители, вѣрные супруги, добродѣтельныя и послушныя дѣти, миръ и согласіе между всѣми, любовь и взаимная помощь, безкорыстіе и безпредѣльная преданность, попеченія, уваженіе, любезная предупредительность,—какое сочетаніе, какая пре-

красная картина! И какъ такимъ людямъ не быть счастливыми?—Да, опи дѣйствительно счастливы, въ такой, по крайней мѣрѣ, степени, въ какой это возможно на землѣ. Они счастливы другъ другомъ, счастливы даже среди испытаній, потому что испытанія лишь соединяютъ ихъ еще болѣе, и тогда они находятъ другъ въ другѣ ту помощь, тѣ совѣты и тѣ трогательныя утѣшенія, которыхъ ничто въ мірѣ не можетъ ни даровать намъ, ни замѣнить для насъ. Они счастливы, потому что у нихъ всѣ движенія сердца оживотворены и оплодотворены чувствомъ долга. Что бываетъ, напротивъ, въ тѣхъ семействахъ, гдѣ нѣтъ этого послѣдняго чувства, гдѣ нѣтъ уваженія къ долгу, нѣтъ доброй нравственности? Увы, не видимъ ли мы часто, какъ счастіе бѣжитъ отъ нихъ по мѣрѣ того, какъ добродѣтель оставляетъ ихъ? Не видимъ ли, какъ несчастіе посѣщаетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ порокъ проникаетъ къ нимъ?—Безъ сомнѣнія, мы должны допускать здѣсь участіе Промысла, по своей волѣ управляющаго событіями нашей жизни. Есть бѣдствія, которыя Онъ посылаетъ для спасительныхъ цѣлей; есть скорби, которыхъ непосредственная причина не заключается въ проступкахъ человѣка. Но независимо отъ этихъ небесныхъ посѣщеній, сколько золъ, сколько скорбей бываютъ горькимъ плодомъ пороковъ и развратной жизни одного изъ членовъ семейства?— *Мухи умершіи*, говоритъ Екклесіастъ *сгноятъ елеа сладость* (10, 1). Достаточно также умереть одной добродѣтели, чтобы испортить всю жизнь. Довольно порочнаго члена, чтобы разстроить счастіе семейства.— Спросите опытъ, и вы услышите, что онъ отвѣтитъ вамъ.

Отъ чего это семейство представляетъ слѣды глубокихъ страданій? Можетъ быть, угрожаетъ ему бѣдность? Нѣтъ, честное довольство есть вѣрный удѣлъ его.—Можетъ быть, болѣзнь постигла кого-либо изъ его членовъ? И этого нѣтъ, здоровье царствуетъ во всемъ домѣ.—Но глава семейства — тотъ, кто долженъ быть первымъ его благодѣтелемъ и другомъ, сдѣлался его мучителемъ и притѣснителемъ. Это человѣкъ жестокій, взыскательный, надменный, ревнивый и раздражительный до крайности ; онъ внушаетъ только страхъ и, будучи несчастенъ самъ, дѣлаетъ несчастными жену и дѣтей своихъ. Отъ чего эта скромная семья, которой Промыслъ даровалъ все нужное для счастія въ ея смиренной долѣ, постоянно подвержена тяжкимъ страданіямъ и лишеніямъ? Отъ того, что глава ея, который своими трудами долженъ доставлять ей пропитаніе, не исполняетъ своего долга, тратя въ удовольствіяхъ или даже въ грубыхъ наслажденіяхъ время и деньги. Отъ чего этотъ честный художникъ не можетъ удовлетворить нуждамъ своихъ домашнихъ, не смотря на свое личное самоотверженіе и постоянныя занятія? Отъ того, что жена его, которая должна бы помогать ему, дѣйствуетъ совершенно напротивъ: нѣтъ у ней ни въ чемъ порядка и бережливости ; она предана праздности и суетности. Отъ чего эта жена скорбитъ въ тайнѣ и проливаетъ столько горькихъ слезъ? Отъ того, что мужъ ея, которому она дала клятву въ вѣрности, нарушилъ обѣтъ свой и увлекся преступными обольщеніями чуждой привязанности. Отъ чего этотъ отецъ и эта мать поражены скорбію и ничѣмъ не могутъ утѣшиться ? Быть можетъ, они лишились сына, на котораго полагали свои надежды? Нѣтъ, они не ли-

шились его, онъ живъ еще. Но они оплакиваютъ его живаго, потому что онъ пренебрегъ ихъ совѣтами, предался порокамъ, и постыдныя безразсудныя страсти разрушили его здоровье. Отъ чего эти братья и сестры, отъ чего эти близкіе родственники живутъ между собою въ такомъ жалкомъ раздѣленіи? Одна кровь течетъ въ ихъ жилахъ; столько священныхъ узъ должны бы соединять ихъ: отъ чего же они ссорятся и враждуютъ другъ противъ друга?—Отъ того, что зависть и алчность проникла въ ихъ сердца; они спорятъ между собою изъ-за какихъ-нибудь лоскутьевъ оставшагося наслѣдства, и раздоръ возникаетъ тамъ, гдѣ голосъ природы и священное чувство чести и долга должны бы внушать только безкорыстіе и любовь.

Вотъ случаи, въ дѣйствительности которыхъ никто, конечно, не усумнится,—случаи, со всею ясностію показывающіе, до какой степени нужна добродѣтель для мира семействъ, и съ какою поразительною истиною можно сказать по отношенію къ нимъ тоже, что сказали мы относительно народовъ: нѣтъ счастія безъ доброй нравственности!

Это изреченіе, истинное по отношенію къ обществамъ, столько же истинно и по отношенію къ частнымъ людямъ. И прежде всего, чтобы намъ не уклоняться отъ приведенныхъ примѣровъ, мы можемъ спросить: не справедливо ли вообще, что порочные члены семейства, подвергая страданію другихъ, должны страдать и сами отъ сознанія своей виновности? Если одна изъ самыхъ сладостныхъ радостей жизни состоитъ въ любви къ намъ и уваженіи родственниковъ: то лишиться этого уваженія и любви не есть ли уже наказаніе для порочнаго человѣка? Не тяжело ли ему слышать заслужен-

ные упреки, видѣть постоянно зло и слезы, имъ причиненныя? Становясь за тѣмъ на высшую точку зрѣнія и не защищая мысли, будто въ этомъ еще мірѣ порокъ всегда долженъ получать наказаніе, а добродѣтель — награду, мы можемъ спросить: не справедливо ли однакожъ, что еще въ настоящей жизни часто праведники наслаждаются довольствомъ и счастіемъ, а нечестивые весьма часто наказываются своими собственными страстями? Древніе украшали свои жертвы цвѣтами. Страсти дѣлаютъ тоже. Онѣ обольщаютъ насъ своими обѣщаніями, плѣняютъ обманчивыми удовольствіями, и въ тоже время скрываютъ отъ жертвы своей злополучный конецъ, къ которому ведутъ ее; онѣ прикрываютъ цвѣтами глубокую бездну, которую роютъ подъ нами. Но вотъ настаетъ минута, когда обманъ прекращается и является пагубная дѣйствительность. — Настаетъ минута, когда праздный и невоздержный долженъ заплатить за праздность бѣдностію, за невоздержаніе болѣзнію, когда человѣкъ, живущій обманомъ и неправдою, долженъ, наконецъ, увидѣть, что замыслы его открыты, намѣренія его не исполнились, и его имя, покрытое безславіемъ, подверглось общему презрѣнію. Настаетъ минута, когда легкомысленная и вѣтренная дочь, отвергшая совѣты своей матери и преданная всему, что льститъ *видѣнію очей ея,* падетъ внезапно на пути порока и низвергнется въ бездну, изъ которой никогда уже не востанетъ. Настаетъ минута, когда несчастный, увлеченный недостойными друзьями въ преступныя связи, находитъ, наконецъ, наказаніе за свое распутство. Настанетъ минута, когда онъ, очнувшись какбы отъ усыпленія, пресыщенный удовольствіями и питая отвращеніе къ нимъ, узнаетъ, нако-

нецъ, что счастіе его рушилось, что надежда ему измѣнила, что слава его помрачилась и что отъ драгоцѣннѣйшей и прекраснѣйшей жизни, дарованной ему Богомъ, остается лишь одинъ послѣдній путь стыда и горести, который ведетъ его къ могилѣ.

И если бы порокъ не сопровождался подобными слѣдствіями, если бы грѣшникъ могъ избѣгать ихъ: то могъ ли бы онъ избѣжать своей совѣсти? Эта совѣсть не будетъ ли мстить ему за оскорбленіе нравственности и не воспрепятствуетъ ли виновному достигнуть истиннаго счастія? Пусть человѣкъ будетъ окруженъ благами жизни, пусть онъ пользуется здѣсь незаслуженною честію, славится своимъ умомъ, дарованіями, богатствомъ: толпа, ослѣпленная видимымъ блескомъ, можетъ, конечно, назвать его счастливымъ. Но если онъ совершилъ какое-нибудь тайное преступленіе, если онъ обидѣлъ сироту, соблазнилъ невинность, оскорбилъ честь добродѣтельнаго семейства, вонзилъ убійственный кинжалъ въ сердце, обманутое имъ: ахъ, знайте твердо, что это человѣкъ несчастный и напрасно онъ хочетъ быть счастливымъ! *Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (Ис. 49, 22). Напрасно старается грѣшникъ разсѣять скорбь свою и обмануть себя: совѣсть сильнѣе его. Она омрачаетъ свѣтлыя радости его жизни, возмущаетъ его спокойствіе и среди всѣхъ наслажденій даетъ ему чувствовать тяжесть угрызеній своихъ. Если онъ избѣгаетъ укоровъ ея въ разсѣяніи, обществѣ, она находитъ его въ уединеніи. Совѣсть напоминаетъ человѣку его прежнія преступленія, и они являются ему въ грозныхъ образахъ во время ночнаго бодрствованія, въ припадочномъ бреду болѣзни и особенно при наступленіи смерти. Наконецъ,

приходитъ и страшная смерть; немедленно возметъ она нарушителя нравственнаго закона, представитъ его на судъ праведнаго Судіи, и грѣшникъ услышитъ надъ собою послѣдній приговоръ.

Ахъ, еслибы этотъ несчастный могъ открыть вамъ сердце свое въ послѣднюю минуту жизни, — онъ сказалъ бы вамъ: «собственныя преступленія приготовили мнѣ мученіе, страсти мои обманули меня и неправды, къ которымъ онѣ привели меня, сдѣлали жизнь мою несчастною»!

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНІЯ МИТРОПОЛИТА ИЛАРІОНА ДО МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА.

III.

ДУХОВНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ, УЧЕНІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

Древняя наша лѣтопись не упоминаетъ нигдѣ объ училищахъ въ Россіи при дѣтяхъ и внукахъ вел. князя Ярослава; но, вѣроятно, училища продолжали существовать у насъ въ томъ видѣ, какъ они заведены равноапостольнымъ Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ. Если нельзя съ достовѣрностію принять, то нельзя и отвергать рѣшительно свидѣтельства сводной лѣтописи Татищева, что вел. кн. Всеволодъ († 1093) давалъ подаянія на *училища*, что дочь его, извѣстная Янка основала училище при кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣльямъ, и что нѣкто Василій, котораго разсказъ объ ослѣпленіи Василька вошелъ въ составъ лѣтописи Несторовой, былъ въ 1096 году во Владимірѣ Волынскомъ «смотрѣнія ради *училищь* и поставленія учителей (196)». Да и самъ преп. Несторъ

---

(196) Ист. Росс. II, 138. 144. 181. Нельзя, говоримъ, принять за достовѣрныя, но нельзя и отвергать этихъ извѣстій: потому что они не подтверждаются и не отвергаются ни одною изъ извѣстныхъ намъ древнихъ

замѣтилъ: «какъ случается, что одинъ взоретъ землю, другой посѣетъ, а третіи пожинаютъ и вкушаютъ нескудную пищу, — такъ и Владиміръ взоралъ и умягчилъ землю Русскую, просвѣтивъ ее крещеніемъ, Ярославъ посѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, а *мы* пожинаемъ, пріемля ученіе книжное ([197])». Знакъ, что къ концу XI и въ началѣ XII вѣка, когда писалъ Несторъ, просвѣщеніе было у насъ обильнѣе, нежели во дни св. Владиміа и Ярослава. Доказательствами этой мысли служатъ: 1) сочиненія русскихъ писателей, жившихъ во второй половинѣ XI и въ первой XII вѣка и, вѣроятно, получившихъ образованіе въ отечественныхъ школахъ; 2) сочиненія нѣкоторыхъ Грековъ, занимавшихъ тогда нашу первосвятительскую каѳедру, и 3) многія произведенія письменности иноземной, существовавшія тогда у насъ въ славянскихъ переводахъ.

I.

Во главѣ всѣхъ тогдашнихъ писателей нашихъ, собственно русскихъ, стоитъ митрополитъ Иларіонъ какъ по времени, такъ и по внутреннему достоинству сво-

---

лѣтописей и никакимъ другимъ свидѣтельствомъ. Есть, правда, у Татищева сказанія, хотя и не встрѣчающіяся въ другихъ извѣстныхъ нынѣ спискахъ лѣтописей, но оказавшіяся справедливыми (*Бутков.* Сбор. Лѣт. Нестор. 224). Но есть и такія, которыя оказываются ложными (см., напримѣръ, выше примѣч. 33). Слѣдовательно касательно Татищева можно принять такое правило: извѣстій, исключительно принадлежащихъ его лѣтописи, не должно ни принимать за достовѣрныя, ни отвергать дотолѣ, пока они не будутъ подтверждены или опровергнуты другими сторонними свидѣтельствами.

([197]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 65.

ихъ писаній. Доныне сделались известными только три его сочиненія: одно написано имъ еще прежде поставленія его въ санъ митрополита, другое—при самомъ поставленіи, третье—въ сане митрополита. Первое представляетъ собою образецъ ораторскаго краснорѣчія, второе — образецъ краткаго догматическаго изложенія вѣры, третье — образецъ простаго общедоступнаго пастырскаго поученія ([198]).

Нельзя не удивляться зрѣлости ума, глубинѣ чувства, обилію богословскихъ свѣдѣній и тому ораторскому одушевленію и искуству, какими запечатлѣно слово Иларіона, написанное имъ еще въ санѣ пресвитера. Оно состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по-видимому, разнородны между собою, но имѣютъ тѣсную, внутреннюю связь и составляютъ одно художественное цѣлое. Въ первой части витія показываетъ превосходство закона Евангельскаго, т. е. вѣры Христовой предъ закономъ Моvсеевымъ и распространеніе ея между всѣми народами, и въ особенности въ землѣ Русской; во второй — восхваляетъ равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго землю Русскую этою спасительною вѣрою, столько превосходящею законъ Моvсеевъ; въ третьей—обращается съ молитвою къ Богу отъ лица всей новопросвѣщенной земли Русской, — такъ что первая часть служитъ самою твердою основою для второй, а вторая естественно приводитъ къ третьей и заключается ею ([199]).

([198]) Сочиненія м. Иларіона напечатаны въ Приб. къ Твор. Св. Отц. II, 223—229, и въ Чт. Моск. Ист. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. 21—41.

([199]) Всѣ эти три части означены въ самомъ заглавіи слова: «о Законѣ, Моvсеомъ даннѣмъ, и о Благодати и Истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшимъ, и

«*Благословенъ Господь Богъ Израилевъ*, Богъ христіанскій, — такъ начинается первая часть, — *яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ* (Лук. 1, 68), — не презрѣлъ твари своей до конца и не попустилъ ей быть одержимою мракомъ идолопоклонства и бѣсовскимъ служеніемъ, но оправдалъ сперва племя Авраамово чрезъ скрижали и законъ, а послѣ чрезъ Сына своего спасъ всѣ народы Евангеліемъ и крещеніемъ, вводя ихъ въ обновленіе пакибытія, въ жизнь вѣчную. Итакъ восхвалимъ и прославимъ Его, непрестанно хвалимаго отъ Ангеловъ; поклонимся Ему, которому непрестанно кланяются Херувимы и Серафимы: ибо Онъ призрѣлъ на людей своихъ, — *и не ходатай, ниже Ангелъ, но самъ спасъ насъ* (Ис. 63, 9), пришедъ на землю не привидѣніемъ, но истинно, пострадавъ за насъ плотію, до гроба, и воскресивъ насъ съ Собою. Облекшись плотію, пришелъ Онъ къ живущимъ на землѣ человѣкамъ; а бывъ распятъ и положенъ во гробѣ, сошелъ къ находящимся во адѣ, дабы тѣ и другіе, живые и мертвые, познали посѣщеніе и пришествіе къ нимъ Божества, и уразумѣли, что Богъ имѣетъ власть и силу надъ живыми и мертвыми. Ибо кто такъ великъ, какъ Богъ нашъ? Онъ единъ творитъ чудеса. Онъ положилъ законъ для приготовленія людей къ принятію истины и благодати, чтобы человѣческое естество, при руководствѣ закона, уклоняясь отъ идольскаго многобожія, пріучилось вѣровать въ

како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки простреся, и до нашего языка Русскаго; и Похвала кагану нашему Владиміру, отъ негоже крещени быхомъ, и Молитва къ Богу отъ всея земля наша».

единаго Бога, чтобы человѣчество, какъ сосудъ оскверненный, бывъ омыто закономъ и обрѣзаніемъ, какъ водою, могло принять млеко благодати и крещенія. Законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Ибо законъ приводилъ подзаконныхъ къ благодатному крещенію; крещеніе же препровождаетъ сыновъ своихъ въ вѣчную жизнь. Моѵсей и Пророки проповѣдали о пришествіи Христовомъ, а Христосъ и Его Апостолы — о воскресеніи и будущемъ вѣкѣ».

Послѣ этой общей мысли о законѣ и благодати, составляющей какбы вступленіе къ первой части, витія подробно разсматриваетъ ихъ взаимное отношеніе подъ сѵмволическими образами сперва Агари и Сарры, потомъ Манассіи и Ефрема, и раскрываетъ преимущественно двѣ истины: во-первыхъ—ту, что законъ данъ былъ только на время, служилъ только приготовленіемъ къ благодати, сѣнію грядущихъ благъ и долженъ былъ прейти, когда возсіяла благодать и начала приводить людей къ вѣчной жизни; а во-вторыхъ—ту, что законъ данъ былъ однимъ іудеямъ и не простирался на другіе народы, тогда какъ благодать и вѣра христіанская дарована для всѣхъ людей, распространилась на множество языковъ, наполнила всю землю, покрыла ее, какъ вода морская, и спасаетъ всѣхъ.

При созерцаніи такого превосходства благодати предъ закономъ витія снова возносится къ самому виновнику благодати Господу Іисусу и восклицаетъ: «итакъ, кто не прославитъ, кто не восхвалитъ Его, кто не поклонится величію славы Его? Кто не удивится неизмѣримому человѣколюбію Его? Рожденный прежде вѣковъ отъ

Отца, единый сопрестольный Отцу, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, сошелъ на землю; не отлучаясь отъ Отца, посѣтилъ людей своихъ, воплотился отъ чистой, безмужной и непорочной Дѣвы, вошелъ (въ утробу Ея), какъ самъ вѣдаетъ, принялъ плоть и исшелъ, какъ вошелъ, единъ сый отъ Троицы — въ двухъ естествахъ: божескомъ и человѣческомъ,—совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) божескія и человѣческія: какъ человѣкъ возрасталъ въ утробѣ матерней, а какъ Богъ исшелъ, не нарушивъ дѣвства; какъ человѣкъ питался матернимъ млекомъ, и какъ Богъ повелѣлъ Ангеламъ съ пастырями воспѣвать: *слава въ вышнихъ Богу*; какъ человѣкъ повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ человѣкъ возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу, поклонились Ему *рукотворенная Египетская* (Ис. 19, 1); какъ человѣкъ пришелъ креститься, но какъ Бога, убоявшись, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись, вошелъ въ воду, и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца: *сей есть Сынъ мой возлюбленный;* какъ человѣкъ постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ побѣдилъ искусителя; какъ человѣкъ вошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ всѣлъ на осля, но какъ Богу, Ему взывали

:

благословенъ грядый во имя Господне; какъ человѣкъ былъ распятъ, и какъ Богъ по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ; какъ человѣкъ вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; Іудеи старались утаить Его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу, но какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. По-истинѣ, *кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?* Той есть *Богъ, творяй чудеса*. Крестомъ и страданіями на лобномъ мѣстѣ Онъ *содѣлалъ спасеніе посредѣ земли* (Пс. 73, 12), вкусивъ оцта и желчи, чтобы горькимъ вкушеніемъ уничтожить преступленіе и грѣхи, порожденные сладкимъ Адамовымъ вкушеніемъ отъ древа».

«Но,—продолжаетъ ораторъ,—сотворившіе съ Нимъ сіе сами преткнулись, какбы о камень, и сокрушились»,—и показываетъ, почему и какъ Іудеи не приняли Спасителя и сами за то были отвергнуты, и законъ, какъ вечерняя заря, погасъ; почему и какъ благодать распространилась между новыми народами и достигла народа русскаго. Остановившись особенно на последнемъ событіи, русскій пресвитеръ говоритъ: «вотъ уже и мы со всѣми христіанами славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ; Христосъ прославляется, а Іудеи проклинаются, язычники приведены, а Іудеи отринуты... Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія (Еф. 2, 12), но уповаемъ на жизнь вѣчную. Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы; не закалаемъ

другъ друга бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ, и погибаемъ; но вкушаемъ пречистую кровь Христову, и спасаемся. Всѣ народы помиловалъ благій Богъ, и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ—и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее: но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу... Такъ, вѣруя въ Него и содержа преданіе святыхъ Отецъ седми Соборовъ, молимъ Бога, да поспѣшитъ намъ еще и еще, и направитъ насъ на путь заповѣдей своихъ», и проч.

Если хороша первая часть разсматриваемаго нами слова: то еще лучше, вдохновеннѣе и краснорѣчивѣе вторая. Здѣсь прежде всего ораторъ призываетъ соотечественниковъ восхвалить своего Равноапостола и начертываетъ картину, какъ онъ насадилъ св. вѣру въ землѣ Русской: «славитъ похвалами Римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова; Индія — Ѳому; Египетъ — Марка; каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владиміра... Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ: пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все ви-

димое и невидимое. А особенно,—онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ Греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и покланяются Ему,—какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія,—какъ церкви тамъ полны людей,—какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ невѣрія и, вошедши въ святую купѣль, возродился отъ Духа и воды. Во Христа крестившись, въ Христа облекся, и вышелъ изъ купѣли убѣленный; сталъ сыномъ нетлѣнія, сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды — Василій, по которому и написанъ въ книгѣ живота, въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ. Впрочемъ на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, и не въ этомъ только явилъ свою любовь къ Богу, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя святыя Троицы и всѣ были христіанами: малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И не одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію: крестились, — если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему; поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ, вся земля наша въ одно время стала славить

Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда мракъ идольскій началъ отъ насъ удаляться, и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце Евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются; идолы низвергаются, и явились иконы Святыхъ; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ— епископы, пресвитеры и діаконы стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласилъ всѣ города; ѳиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа».

За тѣмъ начинается самая похвала: «тебя же какъ восхвалимъ, досточтимый и славный отецъ нашъ, премужественный между владыками земными, Василій? Какъ можемъ надивиться твоей доблести, крѣпости и силѣ? Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ?... Не видѣлъ ты Христа и не ходилъ по Немъ: какъ же сталъ ты ученикомъ Его? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали: а ты, не видѣвъ, увѣровалъ... Знавшіе законъ и Пророковъ распяли Христа, а ты, не читавъ ни закона, ни Пророковъ, Распятому поклонился. Какъ разверзлось сердце твое? Какъ вошелъ въ тебя страхъ Божій? Не видѣлъ ты Апостола, который бы, пришедъ въ землю твою, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, преклонилъ твое сердце къ смиренію. Не видѣлъ, какъ

изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ прелагался огонь въ холодъ, воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все это совершилось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого притекъ ко Христу; руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, ты постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земнаго, и что послалъ Онъ въ міръ для спасенія людей своего возлюбленнаго Сына. И съ сими помыслами вступилъ ты въ святую купѣль».

Послѣ этого проповѣдникъ прославляетъ щедроты и милостыни Владиміра и доказываетъ на основаніи слова Божія, что за свои милостыни и за свой великій подвигъ обращенія безчисленныхъ грѣшниковъ отъ идолопоклонства и насажденія благовѣрія во всей странѣ своей онъ, безъ сомнѣнія, подобно Константину великому, удостоится славы на небесахъ: «подражатель великаго Константина, равный ему умомъ, равный любовію ко Христу и почитаніемъ служителей Его! Тотъ, со святыми Отцами никейскаго Собора, положилъ законъ людямъ; а ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа. Тотъ покорилъ Богу царство Еллинское и Римское; а ты, блаженный, тоже сдѣлалъ въ Россіи: ибо какъ у тѣхъ, такъ и у насъ уже Христосъ именуется Царемъ. Тотъ съ матерію своею Еленою утвердилъ вѣру, когда принесъ крестъ изъ Іерусалима и разослалъ ча-

сти его по всему міру своему; а ты утвердилъ вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова, и поставивъ его на землѣ своей. И, какъ подобнаго Константину, Богъ содѣлалъ тебя участникомъ единой съ нимъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе, которое имѣлъ ты въ этой жизни».

Какъ на свидѣтелей благовѣрія равноапостольнаго князя, витія указываетъ на Десятинный храмъ, созданный Владиміромъ, гдѣ покоилось и честное тѣло его, и на сына его Ярослава — продолжителя его благочестивыхъ дѣлъ, и при этомъ въ порывѣ ораторскаго воодушевленія восклицаетъ: «встань отъ гроба твоего, *честная главо*, встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! Ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, Жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на возлюбленнаго своего, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей, — и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ покланяются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на

городъ, освящаемый и блистающій иконами Святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благаго Бога, строящаго все сіе».

Наконецъ, Иларіонъ обращается ко Владиміру, какъ уже прославленному на небесахъ, съ хвалебными восклицаніями: *радуйся*, и съ молитвою, чтобы онъ, получивъ за свои добрыя дѣла въ царствѣ небесномъ возмездіе, помолился Господу о землѣ своей и о людяхъ, надъ которыми благовѣрно владычествовалъ, и въ особенности о сынѣ своемъ каганѣ Георгіѣ (Ярославѣ).

Послѣ этой краткой молитвы къ равноапостольному Владиміру слѣдуетъ обширная молитва къ Богу, составляющая третью часть и какбы общее заключеніе всего слова. Въ ней служитель Церкви отъ лица всей земли Русской взываетъ: «Ты же, Владыко, Царю и Боже нашъ, высокій и славный! Человѣколюбецъ, воздающій по трудамъ славу и честь и творящій причастниками твоего царства. Помяни, какъ благій, и насъ убогихъ твоихъ; *яко имя Тебѣ человѣколюбецъ*. Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ по великой твоей милости. *Мы бо людіе твои, и овцы пажити твоея;* мы стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ; не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угодить господину своему.... Каемся о злыхъ дѣлахъ своихъ; просимъ, да послешь страхъ твой въ сердца наши, молимъ, да помилуешь насъ на страшномъ судѣ... Ты

Богъ нашъ, и мы люди твои, твоя честь, твое достояніе. Не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ богу чуждому, не послѣдуемъ какому-либо пророку, не держимся ученія еретическаго; но призываемъ Тебя, Бога истиннаго.... Доколѣ стоитъ міръ сей, пе наводи на пасъ напасти и искушенія, и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ твой градомъ плѣненнымъ, и стадо твое — пришельцами въ землѣ не своей; да не скажутъ вопреки намъ народы: *гдѣ есть Богъ ихъ?* Не попускай на насъ скорби, глада, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ вѣрѣ. Не много накажи, но много помилуй; не сильно порази, но милостиво исцѣли; не надолго оскорби, но вскорѣ утѣшь... Продли милость твою на людяхъ твоихъ; враговъ прогони; миръ утверди; народы укроти; голодъ вознагради изобиліемъ. Государей нашихъ сдѣлай грозными народамъ; болярь умудри; города распространи; Церковь твою возрасти; достояніе твое соблюди; мужей, женъ и дѣтей спаси; находящихся въ рабствѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путешествіи, въ плаваніи, въ темницахъ, въ алчбѣ, жаждѣ и наготѣ, всѣхъ помилуй, всѣхъ утѣшь, всѣхъ обрадуй, подавая имъ радость тѣлесную и душевную», и проч. Въ доказательство того, какъ высоко цѣнили предки наши эту молитву, довольно припомнить, что она принята была въ церковное употребленіе, и еще въ XVI вѣкѣ возглашалась при общественныхъ службахъ ([200]).

Когда написано Иларіономъ разобранное нами слово, мы уже сказали. Въ словѣ упоминаются двѣ церк-

---

([200]) Акт. Археогр. Эксп. I, стр. 258.

ви, созданныя въ Кіевѣ Ярославомъ: Софійская и потомъ Благовѣщенская; слѣдовательно оно написано гораздо послѣ 1037 года, когда Софійская церковь была только что заложена. Упоминается также въ живыхъ супруга в. к. Ярослава Ирина, скончавшаяся въ 1050 г.; слѣдовательно слово написано прежде, нежели Иларіонъ избранъ былъ въ санъ митрополита. Было ли оно произнесено во храмѣ? Кажется, было,— судя по одному обращенію витіи къ слушателямъ въ концѣ приступа: «излагать въ семъ писаніи проповѣдь Пророковъ о Христѣ и ученіе Апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо что писано въ другихъ книгахъ и *вамъ* уже извѣстно, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія». Въ какомъ же храмѣ и когда слово произнесено? Всего вѣроятнѣе—въ Десятинномъ храмѣ, гдѣ покоилось самое тѣло Владиміра и въ день памяти равноапостольнаго князя. Нѣтъ сомнѣнія, что благочестивый Ярославъ ежегодно совершалъ, вмѣстѣ со всѣми кіевлянами, память по отцѣ своемъ въ день его кончины (15 Іюля), у его гроба. Если когда, то особенно въ этотъ торжественный день, въ присутствіи самаго князя съ семействомъ и при многочисленномъ стеченіи народа, прилично было возгласить похвальное слово просвѣтителю Россіи. Если гдѣ, то особенно у гроба его естественно было воскликнуть: «встань отъ гроба твоего, честная главо! Встань, отряси сонъ... встань, посмотри на сына твоего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на возлюбленнаго своего»!.. Во всякомъ другомъ храмѣ такое обращеніе къ св. князю было бы не столько умѣстно.

Второе сочиненіе Иларіона, составленное имъ во время рукоположенія его въ санъ митрополита, такъ кратко и вмѣстѣ такъ драгоцѣнно, особенно при совершенной скудости у насъ другихъ подобнаго рода древнихъ памятниковъ, что по всей справедливости можетъ быть помѣщено сполна на страницахъ нашей церковной исторіи. Вотъ какъ исповѣдалъ вѣру свою первый изъ русскихъ, удостоившійся первосвятительства въ отечественной Церкви:

«Вѣрую въ единаго Бога, славимаго въ Троицѣ, Отца нерожденнаго, безначальнаго, безконечнаго, Сына рожденнаго, но также безначальнаго и безконечнаго, Духа Святаго, исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ являющагося, но также собезначальнаго и равнаго Отцу и Сыну; въ Троицу единосущную, но Лицами раздѣляющуюся, Троицу въ именованіяхъ, но единаго Бога. Не сливаю раздѣленія, и не раздѣляю единства. Соединяются (Лица) безъ смѣшенія, и раздѣляются нераздѣльно. (Одно Лице) именуется Отцемъ, потому что раждаетъ; (другое) Сыномъ, потому что раждается; (третье) Духомъ Святымъ, потому что исходитъ, но не отходитъ (отъ Отца). Отецъ не бываетъ Сыномъ, ни Сынъ Отцемъ, ни Духъ Святый Сыномъ; но у каждаго свое безъ смѣшенія, кромѣ божества. Ибо въ Троицѣ едино божество, едино господство, едино царство. Общее Трисвятое возглашается Херувимами, общее воздается поклоненіе отъ Ангеловъ и человѣковъ, едина слава и благодареніе — отъ всего міра. Того единаго Бога знаю, и тому вѣрую, въ Его имя и крестился я: во имя Отца и Сына и Святаго Духа; такъ я принялъ отъ писаній св. Отецъ, такъ научился».

«Такъ вѣрую и исповѣдую, что Сынъ, по благоволенію Отца, изволеніемъ Святаго Духа, сошелъ на землю для спасенія рода человѣческаго, но небесъ и Отца не оставилъ; осѣненіемъ Святаго Духа вселился въ утробу Дѣвы Маріи и зачатъ, какъ Самъ единъ знаетъ, родился безъ сѣмени мужескаго, сохранивъ Матерь дѣвою, какъ и прилично Богу,—и въ рожденіи своемъ, и прежде рожденія, и послѣ рожденія, но не отложивъ сыновства. На небеси Онъ безъ матери, а на землѣ безъ отца. Воздоенъ и воспитанъ Онъ, какъ человѣкъ, и былъ истиннымъ человѣкомъ, не въ привидѣніи, но истинно въ нашей плоти; совершенный Богъ, и совершенный человѣкъ, въ двухъ естествахъ и хотѣніяхъ воли. Что былъ, того не отложилъ, и что не былъ, то пріялъ. Пострадалъ за меня плотію, какъ человѣкъ, но по божеству пребылъ безстрастнымъ, какъ Богъ. Умеръ безсмертный, чтобы оживить меня мертваго; сошелъ во адъ, чтобы возставить и обожить праотца моего Адама и связать діавола. Возсталъ, какъ Богъ; тридневно воскресъ изъ мертвыхъ, какъ побѣдитель, Христосъ Царь мой, и, послѣ многократныхъ явленій ученикамъ своимъ, восшелъ на небеса къ Отцу, отъ котораго не отлучался, — и сѣлъ одесную Его. Ожидаю, что и опять Онъ придетъ съ небеси, но не тайно, какъ прежде, а въ славѣ Отчей, съ небесными воинствами. Мертвые, по гласу Архангела, взыдутъ Ему во срѣтеніе, и Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздастъ каждому по дѣламъ».

«Вѣрую въ семь Соборовъ правовѣрныхъ святыхъ Отецъ; и кого они отвергли, того и я отвергаю; кого они прокляли, того и я проклинаю, — и что предали они въ своихъ писаніяхъ, то пріемлю. Святую пре-

славную Дѣву Марію именую Богородицею, чту Ее и съ вѣрою покланяюсь Ей. И на святой иконѣ Ея зрю Господа младенцемъ на лонѣ Ея, и веселюсь. Вижу Его распятаго, и радуюсь. Взираю на воскресшаго и на небеса восходящаго,—и воздѣваю руки и покланяюсь Ему. Также, и взирая на святыхъ Его Угодниковъ, славлю Спасшаго ихъ. Мощи ихъ съ любовію и вѣрою цѣлую. Чудеса ихъ проповѣдую, и исцѣленія отъ нихъ пріемлю. Къ соборной и апостольской Церкви притекаю; съ вѣрою въ нее вхожу, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожу».

«Такъ вѣрую, и не постыжуся; исповѣдую предъ народами, и за исповѣданіе готовъ и душу свою положить. Слава Богу, строящему о мнѣ выше силъ моихъ, за все. Молите о мнѣ, честные учители и владыки Русской земли. Аминь».

Въ послѣднемъ своемъ словѣ или поученіи Иларіонъ, уже какъ архипастырь, обращается ко всѣмъ православнымъ христіанамъ и прямо, безъ всякаго вступленія, выражаетъ предметъ своей бесѣды: «позаботимся, говоритъ онъ, братія и сестры, о вѣчной, свѣтлой жизни, которую Господь, по своей милости, намъ даромъ даетъ; а отъ удовольствій сей жизни, временной и грѣховной, будемъ удаляться, какъ отъ ядовитыхъ устъ змія, и не будемъ прикасаться къ нимъ». Для возбужденія къ этому своихъ слушателей, онъ указываетъ имъ на гласъ Господа, призывающаго насъ въ свое небесное царство, на кратковременность нашей земной жизни, на неизвѣстность нашей смерти, на вѣчныя муки грѣшниковъ и нескончаемость блаженства праведниковъ по смерти. Образъ рѣчи, подобно содержанію, отличается ясностію, простотою, общедоступно-

стію. Проповѣдникъ, чтобы глубже оставить впечатлѣніе въ сердцахъ своихъ слушателей, нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ своей краткой бесѣды повторяетъ: «подвигнемся, братіе, употребимъ усилія въ этомъ маломъ и краткомъ вѣкѣ!.. Подвигнемся, други мои, къ достиженію жизни нескончаемой...Потрудимся на этомъ свѣтѣ»! Простота и безъискуственность слова, обращеніе его ко всѣмъ православнымъ христіанамъ и надписаніе его по нѣкоторымъ спискамъ: «Слово св. Иларіона митрополита кіевскаго ([201])», убѣждаютъ въ томъ, что оно дѣйствительно составлено Иларіономъ уже въ санѣ первосвятителя русской Церкви.

Три уцѣлѣвшія сочиненія Иларіона невольно приводятъ къ мысли, что онъ писалъ гораздо больше. Невозможно допустить, чтобы человѣкъ, мало упражнявшійся въ сочиненіяхъ, могъ вдругъ написать такое художественное слово, какъ слово Иларіона въ похвалу св. Владиміра, и выражаться съ такою богословскою точностію, какою отличается его исповѣданіе вѣры. Можетъ быть, со временемъ кому-либо посчастливится открыть еще нѣкоторыя творенія нашего, чисто-русскаго, знаменитѣйшаго писателя XI вѣка.

Имя другаго нашего писателя того времени есть достолюбезное имя преп. Ѳеодосія, игумена кіево-печерскаго (1062—1074). Сочиненія великаго подвижника, которыя донынѣ остаются извѣстными, большею частію, только по имени, и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ от-

---

([201]) Приб. къ Твор. Св. Отц. II, 293. А въ другихъ спискахъ оно озаглавливается: «Поученіе святаго Иларіона о пользѣ душевной ко всѣмъ православнымъ христіанамъ» (тамъ же 219).

рывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса: къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно кіево-печеркимъ инокамъ; къ третьему—два посланія къ вел. кн. Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу. Послѣ первоначальнаго обученія, которое, какъ мы знаемъ, преп. Ѳеодосій получилъ въ Курскѣ, въ одной изъ тамошнихъ школъ, онъ впослѣдствіи самъ восполнилъ свое образованіе, по обычаю тѣхъ временъ, чрезъ чтеніе св. Писанія, чрезъ чтеніе церковно-богослужебныхъ книгъ, житій Святыхъ и твореній св. Отцевъ. Изъ отеческихъ твореній, кажется, всего болѣе на него имѣли вліяніе писанія преп. Ѳеодора Студита, котораго уставъ онъ ввелъ въ своей обители: по крайней мѣрѣ, поученія Ѳеодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ рѣчи, и по всему очень похожи на такія же поученія преп. Ѳеодора Студита. Замѣчательно также, что преп. Ѳеодосій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ тексты изъ книгъ св. Писанія, особенно пророческихъ, не съ буквальною точностію, а большею частію въ видѣ распространенномъ: знакъ, что св. Отецъ или писалъ эти тексты прямо изъ своей памяти, не справляясь всякій разъ съ Библіею, или пользовался свящ. текстомъ вмѣстѣ съ толкованіями на него, которыя дѣйствительно тогда уже существовали въ славянскомъ переводѣ. Всѣ сочиненія Ѳеодосія болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искуства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко наставительный и не рѣдко

умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и нечуждый вліянія языка народнаго. Чтобы ближе познакомиться съ сочиненіями великаго игумена печерскаго, мы сдѣлаемъ полный обзоръ ихъ, показывая составъ и содержаніе каждаго, а гдѣ нужно — подлинность и разныя обстоятельства сочиненія.

Первое поученіе Өеодосія къ народу, сохранившееся въ полномъ составѣ, называется: «Поученіе блаженнаго Өеодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ (202)». Оно написано, вѣроятно, по случаю нашествія Половцевъ на землю Русскую въ 1067 г., когда три князя наши Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли отъ нихъ пораженіе на рѣкѣ Алтѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевѣ произошелъ мятежъ: потому что подъ этимъ самымъ годомъ и преп. лѣтописецъ, сказавъ о побѣдѣ поганыхъ надъ нашими князьями, по допущенію Божію, приводитъ, въ видѣ размышленія, большой отрывокъ изъ настоящаго слова Өеодосія, хотя и не называетъ его по имени (203). Въ словѣ можно разли-

---

(202) Извѣстно намъ только по одному списку XV вѣка въ Торжествен. Рум. Муз. № 435, л. 340—344, гдѣ оно помѣщено подъ 3-мъ числомъ Мая, когда празднуется Церковію успеніе преп. Өеодосія печерскаго. Другіе списки этого самаго поученія съ именемъ Өеодосія печерскаго встрѣчалъ въ древлеписьменныхъ славянскихъ Прологахъ митрополитъ Евгеній (Слов. Дух. Пис. II, 284, изд. 2).

(203) Что Несторъ пользовался, при составленіи лѣтописи, сочиненіями другихъ и даже заимствовалъ изъ нихъ цѣлые отрывки, — это не подлежитъ сомнѣнію. Что онъ могъ воспользоваться, описывая бѣдственное нашествіе Половцевъ на землю Русскую въ 1067 г., отрывкомъ изъ поученія, ска-

чать двѣ главныя части. Въ первой проповѣдникъ говоритъ вообще, что причиною казней Божіихъ, каковы: нашествіе иноплеменниковъ, бездождіе, голодъ, суть наши грѣхи, подтверждаетъ это словами Писанія, обличаетъ вообще въ нечестіи своихъ соотечественниковъ и убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по христіански, а не по язычески. «Богъ наводитъ какую-либо казнь или иноплеменниковъ, по гнѣву своему, за то, что мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ по наущенію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла, но добра; а діаволъ радуется всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ намъ, хочетъ убійства, кровопролитія, воздвигая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Потому, если какая-либо страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ чрезъ Пророка: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и плачи* (Іоил. 2, 12). Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ: то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра—жизнь вѣчную. Но мы

заннаго по сему самому случаю достоуважаемымъ игуменомъ печерскимъ,—это очень естественно. И если поученіе существовало въ спискахъ съ именемъ Θеодосія и было общеизвѣстно, то лѣтописцу и не нужно было упоминать этого имени. Предполагать же, будто кто-либо впослѣдствіи выписалъ изъ лѣтописи Несторовой размышленіе о казняхъ Божіихъ, придѣлалъ къ нему другую, значительнѣйшую половину поученія, и приписалъ, все поученіе преп. Θеодосію печерскому, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія.

постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, во всемъ прогнѣвляя Бога, совершая то предъ очами Его. И исполнятся на насъ слова Его, сказанныя чрезъ Пророковъ... (Амос. 4, 7—9; Притч. 1, 28 и друг.). Посему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ: то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ вся благая, *и одождитъ намъ дождь ранній и поздній, и наполнятся гумна наши пшеницы* (Іоил. 2, 23—25)... Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите судъ, избавьте обидимаго и пріидите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовію къ Господу, постомъ, и рыданіемъ, и слезами омывая грѣхи своя, не словомъ называясь христіанами, а живя язычески». Во второй части поученія проповѣдникъ обличаетъ своихъ слушателей въ нѣкоторыхъ частныхъ заблужденіяхъ и порокахъ, господствовавшихъ въ его время и преподаетъ частныя наставленія. Прежде всего указываетъ на остатки язычества: «напримѣръ, не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или свинью, или лысаго коня,— то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такого суевѣрія держатся по наущенію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ* (мздоимствомъ?), *приклады* (ростомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, *зубами* (дракою?), скоморошествомъ, гуслями,

сопелями и другими играми, и непотребными дѣлами»... Потомъ—укоряетъ за непристойное стояніе въ церкви и учитъ достойно молиться Богу: «и вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, — какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Припадаетъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!.. Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ къ другу и, молясь воистину, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею*. Если руки твои не совершали никакого грабежа, — хорошо говоришь: *воздѣяніе руку моею*. Потому осматривай руки твои и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства. Если же ты грабилъ, или бралъ лихву и корчемный прикупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ-либо, что запретило святое Писаніе: то не говори, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла»... Далѣе—преподаетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ: «вѣдайте и то, возлюбленныя чада, что св. Отцы наши уставили постные дни по наученію Господню и по заповѣди св. Апостолъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ и снесено съ неба въ священныхъ книгахъ,—и все это творили съ любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приносится Богу, — живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и со врагами»... Наконецъ — съ особен-

ною силою возстаетъ противъ пьянства: «о горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя Ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія... И посылаетъ діаволъ бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. Отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отъучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питія: ибо иное пьянство злое, а иное—питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію»... Въ заключеніе всего проповѣдникъ убѣждаетъ: «слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его и поживемъ въ законѣ Его всѣ дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, Емуже слава со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ, и присно».

Другое поученіе Θеодосія, обращенное къ народу, имѣетъ заглавіе: «*Слово писано святымъ Θеодосіемъ мнихомъ*», и сохранилось не вполнѣ, какъ можно видѣть изъ начала его и конца ([204]). Названіе Θеодосія свя-

---

([204]) Помѣщено въ рукописи Импер. Публ. Библ., поступившей изъ Древлехр. Погодина, подъ названіемъ: «Матица Златая», № 1024, л. 220 об. Слово начинается: «и се *вѣдуще*, братія»... А въ концѣ слова нѣтъ обычнаго заключительнаго оборота или славословія.

тымъ, древность слога и самое содержаніе поученія, соотвѣтственное потребностямъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, удостовѣряютъ, что это слово принадлежитъ не другому Θеодосію, какъ печерскому. Здѣсь преподобный преподаетъ своимъ слушателямъ самыя простыя наставленія, говоря: «знайте, братіе, что за трапезою уставлено произносить двѣ молитвы, одну въ началѣ, а другую въ концѣ обѣда. Уставлено также благословлять кутью въ честь и похвалу Святымъ, а не во оставленіе грѣховъ: потому что никакимъ приношеніемъ не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Еще уставлено благословлять кутью за упокой усопшихъ, но обѣдъ или ужинъ за упокой благословлять не установлено; приставлять къ кутьѣ воду или класть на кутью яйца не повелѣно. Въ олтарь не должно вносить никакой пищи и питія, кромѣ просфоры, ладона и свѣчи,—что относится къ службѣ. Во время пира тропарей за чашами не пѣть, развѣ только три: одинъ во славу Христа Бога въ началѣ обѣда, другой во славу пресв. Дѣвы Маріи въ концѣ обѣда, третій за здравіе Государя, — а болѣе не позволяемъ». Послѣ этого Θеодосій снова вооружается противъ господствовавшаго тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. Отецъ, запрещающія пьянство, указываетъ на то унизительное положеніе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ и отгоняя отъ себя Ангела хранителя и, между прочимъ, замѣчаетъ: «бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву,—и прогонитъ бѣса, а къ пьяному

хотя бы сошлися iереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, — то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства ([205]).

Изъ поученій преп. Θеодосія братіи четыре сохранились только въ отрывкахъ и приводятся преп. Несторомъ—одно въ его лѣтописи и три въ составленномъ имъ житіи преп. Θеодосія.

Въ лѣтописи помѣщенъ отрывокъ, довольно значительный, слова преп. Θеодосія братіи предъ началомъ великаго поста: «бѣсы, говоритъ преподобный, всѣваютъ черноризцамъ лукавыя похотѣнія, внушая имъ помыслы и чрезъ то препятствуютъ ихъ молитвамъ. Такіе помыслы нужно прогонять крестнымъ знаменіемъ, говоря: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно воздерживаться отъ многой пищи: потому что, при многоядѣніи и неумѣренномъ питьѣ, возрастаютъ помыслы лукавые, и когда возрастутъ помыслы,—совершается грѣхъ. Посему противьтесь дѣйствію бѣсовъ и ихъ лукавству, блюдитесь лѣности и многаго сна, будьте бодры къ пѣнію церковному, къ храненію отеческихъ преданій и чтенію книгъ. Всего же болѣе нужно чер-

---

([205]) Вслѣдъ за этимъ словомъ г. проф. Шевыревъ въ своей Исторіи Русск. Слов. приводитъ еще другое слово о пьянствѣ изъ тогоже рукописнаго Сборника, замѣчая, что и послѣднее сочиненіе, можетъ быть, также принадлежитъ Θеодосію (ч. II, стр. 46). Но такъ какъ въ рукописи оно не усвояется преп. Θеодосію; такъ какъ это слово, не смотря на свое названіе, есть собственно посланіе духовнаго отца къ духовному сыну (нач. «благословеніе отца духовнаго въ сынови. Вѣси, сыну».... И далѣе: «написахъ ти, чадо мое любимое, о зломъ піанствѣ,—не вмялъ еси»): то мы и не рѣшаемся отнести означенное слово къ словамъ или поученіямъ преп. Θеодосія печерскаго.

норизцамъ имѣть въ устахъ Псалтырь Давидову и ею прогонять уныніе, наводимое бѣсами. Младшіе должны оказывать старшимъ покорность и послушаніе, а старшіе имѣть къ младшимъ любовь, служить для нихъ примѣромъ въ воздержаніи, бдѣніи, смиреніи, наставлять ихъ и утѣшать, и такимъ образомъ проводить постъ... Сорокъ дней поста Богъ далъ намъ на очищеніе души: это десятина, удѣляемая Богу изъ году. Дней въ году 365; изъ нихъ мы приносимъ Богу десятину, совершая сорокодневный постъ, въ который душа, очистившись, свѣтло празднуетъ воскресеніе Христово, веселясь о Господѣ: ибо постъ очищаетъ умъ человѣка. Постъ установленъ отъ начала: еще Адаму заповѣдано было не вкушать отъ одного древа. Моvсей, постившись сорокъ дней, сподобился принять законъ на горѣ Синайской и видѣлъ славу Божію. Постившіеся Ниневитяне избавились гнѣва Божія. Даніилъ, постившись, удостоился великаго видѣнія. Илія, постившись, взятъ былъ какбы на небо. Три отрока, постившись, угасили силу огненную. Постился и Господь 40 дней, показавъ намъ продолженіе постнаго времени. Постомъ Апостолы искоренили бѣсовское ученіе. Постомъ прославились Отцы наши, какъ свѣтила въ мірѣ, сіяющія и по смерти, показавъ великіе труды и воздержаніе, именно: Антоній великій, Евѳимій, Савва и прочіе Отцы, которымъ и мы поревнуемъ, братіе (206)».

---

(206) П. Собр. Р. Лѣт. I, 79. При внимательномъ чтеніи этого мѣста можно замѣтить, что лѣтописецъ приводитъ здѣсь не одинъ, а три отрывка изъ поученія Ѳеодосіева предъ началомъ великаго поста.

Отрывки изъ поученій Өеодосія, помѣщенные въ житіи его, не такъ обширны, особенно два первые. Изъ поученія о смиреніи сохранены только слѣдующія слова: «когда идете,—имѣйте руки свои сложенными на персяхъ, и никто да не превосходитъ васъ въ смиреніи вашемъ; но кланяйтесь другъ другу, какъ прилично инокамъ. Не ходите изъ келліи въ келлію, но каждый въ своей келліи молитесь Богу ([207])». Изъ поученія о нестяжательности—слѣдующія: «неприлично намъ, братіе, инокамъ, отрекшимся всего мірскаго, вновь собирать имѣніе въ своей келліи. Какъ мы можемъ приносить чистую молитву Богу, держа сокровище въ своей келліи? Вы слышали, что сказалъ Господь: *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матө. 6, 21), и богачу: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20)? Посему будемъ довольны, братіе, установленною одеждой и пищею, предлагаемою на трапезѣ отъ келаря, а въ келліи не станемъ держать ничего такого. Тогда только мы можемъ съ полнымъ усердіемъ и всею мыслію возносить чистую молитву къ Богу([208])». Наконецъ, изъ слова о подвигахъ монашескихъ вообще въ житіи Өеодосія читаемъ слѣдующій отрывокъ: «молю васъ, братіе, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ, попечемся о спасеніи душъ нашихъ и возвратимся отъ злобъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, каковы: любодѣянія, татьбы, клеветы, празднословіе, ссоры, пьянство, объядѣніе, братонена-

(207) Патер. Печер. рукоп. Новгор. Соф. Биб. № 502, л. 37 об.

(208) Тамъ же, л. 44.

видѣніе. Отъ всего этого уклонимся, братіе, всѣмъ этимъ возгнушаемся и не оскверним҃ъ душъ нашихъ, но пойдемъ путемъ Господнимъ, ведущимъ въ животъ, и взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, постомъ и бдѣніемъ, покорностію и послушаніемъ, да такимъ образомъ обрящемъ милость отъ Него. Еще же возненавидимъ міръ сей, помня всегда слова Господа: *иже любитъ отца, или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37), и другія: *обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю* (— 39). Посему и мы, братіе, отвергшись міра, отвергнемся и того, что въ немъ, возненавидимъ всякую неправду, совершаемую въ мірѣ и не возвратимся къ своимъ первымъ грѣхамъ: *никтоже*, сказалъ Господь, *возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Какъ избѣжимъ мы безконечной муки, оканчивая время своей жизни въ лѣности и не имѣя покаянія? Слѣдуетъ намъ, братіе, нарекшимся иноками, во всѣ дни каяться о грѣхахъ своихъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ царству; покаяніе есть ключъ царствія небеснаго; покаяніе есть путь, вводящій въ животъ. Этого пути, братіе, да держимся, утвердимъ на немъ стопы свои; къ нему не приближается лукавый змій. Шествіе по сему пути нынѣ прискорбно, но конецъ его радостенъ. Будемъ же, братіе, подвизаться прежде суднаго дня, да получимъ вѣчныя блага и избѣгнемъ всего, что ожидаетъ нерадивыхъ и живущихъ безъ покаянія ([209])». Впрочемъ этотъ послѣдній отрывокъ,

---

([209]) Тамъ же, л. 32.

при всей краткости своей, представляетъ нѣчто цѣлое: въ немъ недостаетъ, можетъ быть, только нѣсколькихъ заключительныхъ словъ, обычныхъ въ нашихъ древнихъ поученіяхъ.

Другія пять поученій преп. Θеодосія, обращенныхъ къ братіи, сохранились въ полномъ своемъ составѣ и сдѣлались извѣстными недавно по одной рукописи XV вѣка (210). Подлинность этихъ поученій не можетъ подлежать сомнѣнію: всѣ они названы словами *святаго* Θеодосія; а другаго святаго Θеодосія — проповѣдника мы не знаемъ до XV вѣка ни въ русской, ни въ греческой Церкви, кромѣ Θеодосія печерскаго. По слогу и тону своему эти поученія совершенно согласны съ тѣми, какія усвояетъ Θеодосію печерскому нашъ древнѣйшій лѣтописецъ. И въ самомъ содержаніи этихъ поученій встрѣчаются такія черты, которыя прямо указываютъ на преп. Θеодосія печерскаго. Здѣсь, напримѣръ, проповѣдникъ, наставляя братію, ссылается на преп. Θеодора Студита и на его уставъ: «якоже ны богоносный Θеодоръ учитъ», или: «якоже въ уставѣ пишетъ»,—а извѣстно, что преп. Θеодосій первый принялъ для своей обители уставъ студійскій и всѣми мѣрами старался утвердить его между братіею. Здѣсь проповѣдникъ внушаетъ инокамъ, чтобы они не переходили изъ келліи въ келлію, при встрѣчѣ смиренно кланялись другъ другу, согласны были удѣлять часть изъ монастырскаго имущества для вспомоществованія бѣднымъ, и со слезами умоляетъ своихъ слушателей: всему этому дѣйствительно училъ преп. Θеодосій печер-

---

(210) Сбор. Рум. Муз. № 406. См. *Востоков*. Опис. Муз. стр. 615.

скій свою братію, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, и училъ со слезами ([211]). Здѣсь, наконецъ, проповѣдникъ говоритъ братіи, что ихъ созвала въ обитель благодать Св. Духа и молитва *святыя Богородицы*, и что Богъ подастъ имъ все молитвами *святыя Богородицы*: такія слова представляются, какъ нельзя болѣе, естественными въ устахъ преп. Ѳеодосія печерскаго, когда мы знаемъ, что печерская обитель съ самаго начала посвящена была пресв. Богородицѣ, что и первый храмъ, находившійся въ пещерѣ, и второй, воздвигнутый надъ пещерою, и третій — болѣе обширный, деревянный, и четвертый — великолѣпный, каменный, — всѣ устроены были въ честь пресв. Богородицы, и что печеряне всегда почитали Ее своею первою и высшею покровительницею и благодѣтельницею.

Въ первомъ изъ этихъ пяти поученій преп. Ѳеодосій возбуждаетъ въ своихъ инокахъ любовь къ Богу и ближнимъ ([212]). Для сего прежде всего напоминаетъ имъ ихъ обѣтъ возненавидѣть все и послѣдовать Христу: «что внесли мы, любимицы мои, въ міръ сей, или что можемъ изъ него вынести? Не оставили ли мы міра и всего, что въ мірѣ, по заповѣди Христа: *иже не возненавидитъ всего и не послѣдуетъ ми, нѣсть ми*

([211]) *Несторъ* въ Житіи преп. Ѳеодосія.

([212]) Въ Сборн. Рум. Муз. (см. примѣч. 210) поученіе это озаглавлено такъ: «Въ среду 3-й недѣли поста Слово св. Ѳеодосіа на часѣхъ о терпѣніи и о любви». Здѣсь несовсѣмъ точно показано содержаніе слова и произвольно назначено время для его произнесенія: извѣстно, что преп. Ѳеодосій предъ наступленіемъ великаго поста удалялся изъ обители и проводилъ весь постъ въ пещерѣ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 79), слѣдоват. не могъ произносить къ братіи поученій въ теченіи всего поста. Это самое

ученикъ (Лук. 14, 25) ([213]), и еще: *иже аще мя любитъ, слово мое сохранитъ* (Іоан. 14, 23), *и иже душу свою погубитъ мене ради, обрящетъ ю* (Матѳ. 10, 39)? Но любовь къ Богу совершается не на словахъ, а въ дѣйствительныхъ дѣлахъ. Господь сказалъ: *иже пребудетъ въ заповѣдѣхъ моихъ, азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21),—*заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ возлюбихъ вы; о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 34. 35)»... Далѣе указываетъ преподобный на ту высочайшую любовь, какую явилъ намъ Господь въ дѣлѣ нашего искупленія: «сколько любви Его излилось на насъ недостойныхъ! *Якоже возлюби мя Отецъ,* сказалъ Онъ, *и азъ возлюбихъ вы; больше сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя,—вы же друзи мои есте* (Іоан. 15, 9. 13. 14). Каковы же должны быть мы, слыша все это? Не горитъ ли въ насъ сердце? Не возбуждаетъ ли насъ совѣсть? Что добраго мы сотворили Ему, почему Онъ избралъ и извелъ насъ отъ маловременнаго житія сего? Не всѣ ли мы уклонились и не хотѣли работать Ему? Не всѣ ли ходили въ слѣдъ похотей своихъ? И Онъ не презрѣлъ насъ, находившихся въ такомъ нечестіи, не возгнушался естества нашего, но, воспріявъ зракъ раба, уподобился намъ, чтобы мы спаслися»... Въ заключеніе Ѳеодосій говоритъ: «итакъ, братія моя, содержа между собою ис-

---

должно замѣтить и касательно четырехъ послѣдующихъ словъ, помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ.

([213]) Этотъ, какъ и послѣдующіе тексты приведены авторомъ не точно: мы оставляемъ ихъ, какъ приведены.

тинную любовь, воспріимемъ чистый законъ благаго Бога нашего и соблюдемъ Его святыя заповѣди, подвизаясь въ бдѣніи и молитвахъ и непрестанно молясь за весь міръ, да получимъ чрезъ то, царство небесное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ»...

Второе поученіе преп. Θеодосія ([214]) показываетъ, что нѣкоторые изъ братіи роптали на него за то, что онъ часто удалялъ изъ обители слабыхъ и нерадивыхъ, впрочемъ до полученія ими дара иночества, а другіе за то, что принималъ въ обитель странниковъ и бѣдныхъ на ея содержаніе. Сказавъ противъ первыхъ, что онъ, по долгу своему, не смотря на ихъ ропотъ, не можетъ молчать и поблажать ихъ слабости, преподобный обращается преимущественно къ послѣднимъ и говоритъ: «прилично было бы намъ отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ, а не оставаться въ праздности, не переходить изъ келліи въ келлію. Вы слышали слова Павла: *якоже нигдѣ туне хлѣба ядохъ, но нощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ, и руцѣ мои послужиша мнѣ и инѣмъ* (2 Сол. 3, 8). А мы ничего такого не совершили. И если бы не постигла насъ благодать Божія и не кормила насъ чрезъ боголюбивыхъ людей: что сдѣлали бы мы, смотря на свои труды? Скажемъ ли, что за наше пѣніе, за нашъ постъ и бдѣніе все то приносятъ намъ? А мы ни за кого изъ приносящихъ не помолимся.... Неприлично намъ, возлюбленные, удерживать только для себя посылаемое намъ отъ Бога чрезъ боголюбивыхъ людей на пользу душев-

([214]) Въ Сборникѣ оно озаглавлено: «Въ Четвертокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія Слово о трьпѣніи и о любви и о постѣ».

ную и тѣлесную, но должно подавать и инымъ требующимъ: *лучше даяти*, сказано, *неже взимати* (Дѣян. 20, 35). *Блаженъ*, сказано также, *разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. 40, 2), и еще: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. 5, 7). Да не уподобимся онымъ ропотливымъ, которые чрева ради пали въ пустынѣ»... Изобразивъ за тѣмъ, какъ Іудеи, изведенные Богомъ изъ земли Египетской, не смотря на всѣ Его благодѣянія, роптали на Него, и прилагая этотъ примѣръ къ своимъ слушателямъ, Ѳеодосій восклицаетъ: «какъ же мнѣ не стенать и не тужить, любимицы мои, когда я слышу тоже самое и между вами? Или, скажу словами Пророка: *кто дастъ главѣ моей каменіе и очесемъ моимъ источники слезъ, да плачуся день и ночь о дщери людей моихъ* (Іер. 9, 1)? Мы удалились въ пустыню и чаемъ Бога, спасающаго насъ: и не извелъ ли Онъ насъ также изъ Египта, т. е. отъ міра въ пустыню сію безводную, не рукою Моѵсеевою, но благодатію своею? Что же мы вознерадѣли, братія мои и отцы? Что принесли вы отъ имѣній своихъ въ это мѣсто? Или чтó я требовалъ отъ васъ, принимая васъ въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, которое подаетъ намъ, бѣднымъ, все *по молитвамъ св. Богородицы*? Молюся вамъ отъ всей души моей, любимицы мои, да не пребываемъ въ двоедушіи и да не прогнѣваемъ благаго Владыки, подобно онымъ непокоривымъ (Іудеямъ), но воздадимъ хвалу благому Владыкѣ за то, что Онъ столько печется о насъ и подаетъ намъ все въ изобиліи, не помня немощей нашихъ»...

Третье поученіе преп. Θеодосія ([215]) состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ указываетъ на примѣры злостраданія и терпѣнія, какъ-то: на Іова, на самаго Христа Спасителя, на Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ и преподобныхъ Отцевъ. Во второй призываетъ къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ иноческихъ свою братію. Особенно трогательны въ послѣдней части слѣдующія слова великаго игумена: «молю васъ, любимицы мои, отрясемъ уныніе наше; вспомнимъ первый нашъ входъ, каковы были мы, когда пришли къ дверямъ монастырскимъ. Не всѣ ли мы обѣщались терпѣть и поношенія, и укоренія, и униженія, и изгнанія? Вспомнимъ, что, стоя предъ святыми дверьми, мы давали отвѣтъ о своемъ обѣщаніи, какбы на страшномъ судѣ, не предъ видимыми только свидѣтелями, но и предъ невидимыми, что мы призывали во свидѣтеля самаго Владыку и Бога, говоря: се Христосъ здѣ невидимо стоитъ; блюди кому обѣщаеши; никтоже бо тебе на се не нудитъ. А нынѣ мы всѣ тѣ обѣщанія вмѣнили ни во что. Намъ надлежитъ имѣть покорность и терпѣніе..., и того не имѣемъ. Читаемъ житія Святыхъ и затыкаемъ свои уши, чтобы не слышать о ихъ мужествѣ... Когда начнется рать и затрубятъ трубы воинскія, никто изъ воиновъ не можетъ спать: воину ли Христову прилично лѣниться? Тѣ оставляютъ своихъ женъ, чадъ, имѣніе, жертвуютъ самою жизнію изъ-за славы временной и преходящей: а мы, если стерпимъ,

---

([215]) Въ Сборникѣ озаглавлено: Въ Четвертокъ 3-й недѣли поста на часѣхъ св. Θеодосія Поученіе о тръпѣніи и милостыни».

борясь съ супостатами нашими, и одолѣемъ ихъ, мы удостоимся вѣчной славы и чести неизреченной».

Въ четвертомъ своемъ поученіи ([216]), послѣ предварительнаго приглашенія иноковъ вообще къ подвижничеству, преп. Ѳеодосій преподаетъ имъ нѣкоторыя частныя наставленія касательно хожденія въ церковь, и именно, ссылаясь на богоноснаго Ѳеодора Студита и его уставъ, заповѣдуетъ: а) при первомъ ударѣ въ било вставать на молитву, а при второмъ спѣшить въ церковь; б) вошедши въ церковь, инокъ долженъ благоговѣйно положить три земные поклона и за тѣмъ со страхомъ и въ безмолвіи стать при стѣнѣ, не опираясь однакожъ на нее или на какой-либо столпъ церковный; в) подходя къ другимъ инокамъ, долженъ со смиреніемъ и сложенными руками поклониться имъ до земли; г) во время кажденія кадильнаго долженъ особенно быть благоговѣйнымъ, чтобы удостоиться благодати Св. Духа чрезъ это кажденіе; д) при пѣніи псалмовъ не прилично инокамъ перегонять другъ друга и производить безпорядокъ, но надобно смотрѣть на старѣйшаго (доместика) и начинать пѣніе по его указанію; е) точно также, когда иноки предъ началомъ, или окончаніемъ пѣнія раскланиваются между собою, надобно смотрѣть имъ на старѣйшаго и слѣдовать его примѣру; ж) вообще иноки должны стоять въ церкви съ величайшимъ благоговѣніемъ, удостоившись вмѣстѣ съ Ангелами служить невидимому Богу, который вѣдаетъ самыя сердца наши. Въ заключеніе, призывая своихъ слушателей нелѣностно посѣщать всѣ церковныя

([216]) Въ Сборникѣ его заглавіе: Въ Пятокъ 3-й недѣли св. Ѳеодосія Поученіе о трьпѣніи и о смиреніи».

службы, преподобный говоритъ: «да не лѣнимся, любимицы мои, братія, и отцы, и чада духовныя, избранныя! *Со слезами* говорю любви вашей сіи горькія слова: потому что вамъ говорю, а самъ не исполняю, и нынѣ на мнѣ сбылось сказанное Богомъ чрезъ Пророка: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими; ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергль еси словеса моя вспять* (Пс. 49, 16. 17). Но нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да некто умретъ въ моемъ молчаніи лютымъ грѣхомъ,— о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ».

Въ послѣднемъ своемъ поученіи ([217]) преподобный Ѳеодосій сначала напоминаетъ братіи о своемъ крайне-отвѣтственномъ долгѣ поучать ихъ: «слышимъ Господа, говорящаго чрезъ Пророка къ нашему учительству: *сыне человѣчь, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ моихъ и воспретиши имъ отъ мене, внегда глаголати ми беззаконнику: смертію умреши, и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже остатися беззаконнику, и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу* (Іез. 3, 17. 18)»... Потомъ обличаетъ иноковъ въ ихъ нерадѣніи и лѣности: «какъ же мнѣ послѣ сего не говорить вамъ и какъ не обличать каждаго изъ васъ порознь? Созвала насъ благодать Св. Духа и *молитва св. Богородицы* въ сію обитель, — въ единодушіе, въ единоуміе и въ едину волю... А мы хочемъ имѣть многія воли. Когда время службы позоветъ насъ въ церковь:

([217]) Оно озаглавливается: «Въ Пятокъ 3-й недѣли поста св. Ѳеодосія о хожденіи къ церкви и о молитвѣ».

тогда діаволъ омрачаетъ сердца наши лѣностію, и мы не идемъ не только въ церковь, но и за трапезу. О павечернѣ нечего и говорить: сколько разъ я возглашалъ о томъ,—и нѣтъ ни одного, кто бы послушался! Какъ же мнѣ молчать и не стенать? Если бы возможно было, я говорилъ бы каждый день, со слезами умоляя васъ и припадая къ колѣнамъ вашимъ, чтобы ни одинъ изъ васъ не пропускалъ молитвеннаго времени... Сколько лѣтъ прошло, и я не вижу ни одного, кто бы пришелъ ко мнѣ и спросилъ: какъ мнѣ спастись»... Наконецъ, преподобный убѣждаетъ иноковъ исправиться: «не въ укоръ это я *написалъ* вамъ, но убѣждаю васъ оставить такое нерадѣніе и умоляю васъ, чада моя любимыя, и братія, и отцы, воспрянемъ отъ сна лѣности, да не опечалимъ Св. Духа. Пріидите, поклонимся и припадемъ Ему; восплачемъ предъ Господомъ, сотворшимъ насъ... Будемъ плакать здѣсь, да получимъ царство небесное и въ немъ обрѣтемъ себѣ утѣшеніе! Скорби настоящей жизни, и воздыханія, и труды суть ничто сравнительно съ будущею славою».

Поучая народъ и братію, преп. Ѳеодосій поучалъ не рѣдко самихъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ вел. князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за похищеніе имъ кіевскаго престола у брата своего Изяслава ([218]). Къ со-

---

([218]) «Непресташе обличая его, овогда, *епистолія* пиша, посылаше къ нему... Сице же и послѣ въписа къ нему *епистолію велику зѣло*, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего въпіетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина»... и проч. (Жит. пр. Ѳеодосія).

жалѣнію, всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ вел. кн. Изяславу.

Одно изъ нихъ начинается словами: «что възмыслилъ еси, боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижна и худа, о таковѣй вещи»,—и имѣетъ предметомъ рѣшеніе двухъ вопросовъ. Князь спрашивалъ: «можно ли въ день воскресный, *еже есть недѣля,* закалать вола, или овна, или птицу, или что другое, и ѣсть ихъ мясо»? Ѳеодосій предварительно замѣчаетъ, что воскресенье не есть собственно недѣля, но первый день недѣли, въ который воскресъ Христосъ, точно такъ, какъ понедѣльникъ есть второй день недѣли, вторникъ—третій, среда—четвертый, четвергъ—пятый, пятница — шестой, суббота — седьмый. За тѣмъ отвѣчаетъ князю: «Іудеямъ, когда Богъ извелъ ихъ изъ Египта, данъ былъ законъ хранить субботу, такъ чтобы ничего не дѣлать, не возгнѣтать огня, не закалать ничего въ пищу, а все нужное приготовлять въ пятокъ вечеромъ, — и это Іудеи соблюдаютъ донынѣ. Но съ того времени, какъ Богъ нашъ снисшелъ на землю, все іудейское умолкло; мы не чада Авраама, а чада Христа Бога нашего чрезъ св. крещеніе; мы свободны отъ исполненія закона обрядоваго. Слѣд. тотъ, кто сказалъ тебѣ, будто въ воскресенье не должно закалать, ни ѣсть закланнаго, сказалъ не отъ свящ. Писанія, а отъ своего сердца. Намъ это не возбранено и не грѣшно. Если мы примемъ такой обычай, т. е. чтобы закалать еще въ субботу, а въ воскресенье только ѣсть закланное: тогда мы, очевидно, будемъ подражать Іудеямъ». Князь спрашивалъ еще: «хорошо ли, если кто отречется ѣсть мясо въ среду и пятокъ»? «Весьма хорошо и полезно, отвѣчаетъ Ѳеодосій,—и не

я это завѣщаваю, но божественные Апостолы, которые узаконили поститься въ среду, когда Іудеи сотворили совѣтъ на Христа, и въ пятокъ, когда они распяли Господа. Притомъ, если ты самъ, по какой-либо причинѣ, отрекся вкушать мясо въ означенные дни: то и исполни обѣщаніе, хотя христіанину не должно самому себя связывать, если не будетъ связанъ отъ отца своего духовнаго. Впрочемъ мы имѣемъ и другое преданіе отъ св. Апостолъ и св. Отцевъ, чтобы праздники Господскіе, Богородичны и 12 Апостоловъ праздновать свѣтло: въ эти праздники, когда они случатся въ среду или пятокъ, я разрѣшаю тебя вкушать мясо, если только ты самъ себя связалъ; а если ты связанъ отцемъ духовнымъ, то отъ него прими и разрѣшеніе (219)». Характеръ вопросовъ, рѣшаемыхъ въ этомъ посланіи, указываетъ на самыя первыя времена нашей Церкви; а надписаніе посланія, въ обоихъ его извѣстныхъ спискахъ, именемъ преп. Θеодосія печерскаго, не позволяетъ сомнѣваться, что ему оно и принадлежитъ (220).

Другое посланіе Θеодосіево къ вел. князю Изяславу гораздо важнѣе, и разсуждаетъ о вѣрѣ варяжской или латинской. Оно сохранилось въ многочисленныхъ спис-

(219) Вопросъ: должно ли соблюдать постъ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится какой-либо Господскій или Богородичный праздникъ, былъ уже возбужденъ въ греческой Церкви еще въ XI вѣкѣ, хотя усилился уже въ XII (*Руднев.* о Ерес. и Раскол. въ Русск. Церкв. М. 1838, 51—55).

(220) Одинъ списокъ, которымъ мы пользовались, помѣщенъ въ Сборникѣ XV или начала XVI в. Новгор. Соф. Библ. № 522, л. 100; другой находится въ Сборникѣ Паисіевскомъ Кирилло-Бѣлоозер. монастыря, писан. на хлопчатой бумагѣ древнимъ уставомъ, № 410 (*Шевырев.* Поѣздка въ Кирилло-бѣлооз. монаст. II, 32. 38).

кахъ, которые впрочемъ можно раздѣлить на три фамиліи, и вездѣ усвояется преп. Ѳеодосію печерскому ([221]). Потому, хотя не льзя ручаться, что оно дошло до насъ во всей своей первобытной цѣлости,—такъ какъ между фамиліями есть разности,—частію въ порядкѣ размѣщенія, частію въ количествѣ частей; но нѣтъ основанія сомнѣваться въ его подлинности ([222]). Въ этомъ посланіи преп. Ѳеодосій изчисляетъ князю разныя отступленія латинянъ отъ православной вѣры и ихъ недобрые обычаи, и за тѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Къ числу отступленій отъ вѣры и

([221]) Списки первой фамиліи находятся въ тѣхъ же двухъ Сборникахъ, вслѣдъ за посланіемъ Ѳеодосія, нами разсмотрѣннымъ (см. предыдущее примѣч.), и начинаются словами; «азъ Ѳеодосъ, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Св. Духа»... Списки второй фамиліи— въ Корнч. Рум. Муз. XVI в. № 233, л. 377 (*Востоков*. Описан. 308), также въ Сборн. Царскаго № 393, л. 513 об. (*Строев*. Опис. 461) и начинаются: «Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимірова, игумена печерскаго Ѳеодосіа о Латинѣ»... Списки третьей фамиліи—во всѣхъ Патерикахъ Кассіановской редакціи 1462 года (напримѣръ, Импер. Публ. Библ. № 271; Новгор. Соф. Библ. № 502 и др.), такъ же въ Сборникахъ (см. Описан. Рукоп. *Толстова*, отд. III, № 70, стр. 599 и 600) и начинаются словами: «Въспросъ благовѣрнаго князя Изяслава о Латынѣхъ. Пріиде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володиміровъ къ святому отцу нашему Ѳеодосію»... Судя по началу, первая фамилія представляется наиболѣе близкою къ подлиннику, а въ двухъ остальныхъ фамиліяхъ начало видимо измѣнено стороннею рукою. При сравненіи этихъ двухъ послѣднихъ фамилій третья кажется только распространеніемъ второй.

([222]) Посланіе находится не только въ Патерикахъ Кассіановской редакціи,—что заставляло нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его подлинности, — но и въ Кормчихъ и другихъ Сборникахъ (см. предыд. примѣч.). А рѣзкій тонъ посланія, какъ увидимъ, совершенно согласный съ духомъ того времени, не только не можетъ служить признакомъ неподлинности посланія, напротивъ скорѣе ручается за его подлинность.

недобрыхъ обычаевъ относятся слѣдующія: а) латиняне въ Савеліеву ересь впали (разумѣется въ томъ смыслѣ, что сливаютъ двѣ божескія Vпостаси—Отца и Сына въ одну, когда говорятъ, будто Духъ Святый исходитъ отъ Обоихъ Ихъ вмѣстѣ, какъ отъ одного начала); б) совершаютъ божественную службу на опрѣснокахъ, а не на квасномъ хлѣбѣ; в) прощаютъ грѣхи за дары, т. е. употребляютъ индулгенціи; г) не помазываютъ крещаемыхъ масломъ и мvромъ, какъ мы, но кладутъ имъ соль въ уста; д) называютъ ихъ не именами Святыхъ, а какъ захотятъ родители; е) постятся въ субботу; ж) ѣдятъ мяса до вторника первой седмицы великаго поста; з) употребляютъ въ пищу дикихъ коней, удавленину, медвѣжину, бобровину и под.; и) кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а головою на востокъ; і) женятся на сестрахъ, священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связяхъ; к) епископы носятъ перстни, ходятъ на войну, и проч. и проч. Надобно замѣтить, что между обвиненіями на латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а о́тнюдь не ко всей римской церкви. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Ѳеодосій судилъ о заблужденіяхъ латинянъ только по слухамъ, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на латинянъ въ Греціи и вообще на востокѣ ([223]).

([223]) См., напримѣръ, Сvмволъ Вѣры, преподанный Греками в. кн. Владиміру по крещеніи его (П. Собр. Р. Лѣт. I, 48—50); Посланіе констант. патріарха Михаила Керулларія къ Петру, антіох. патріарху, особенно п. XII и XIII (*Coteler*. Eccl. Graecae Monum. II, 135 — 145; снес. 581 —

А можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій внесены въ посланіе Ѳеодосія уже впослѣдствіи стороннею рукою: такъ какъ, встрѣчаясь въ спискахъ одной фамиліи, не встрѣчаются въ спискахъ другой. Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ вѣрѣ латинской и ея послѣдователямъ, преп. Ѳеодосій заповѣдуетъ: а) надобно всѣми мѣрами блюстися ея, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинянъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацынской (магометанской) нельзя; б) не должно хвалить чужой вѣры, потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси; в) еслибы кому пришлось и умереть за православную вѣру,—долженъ умереть, не отрицаясь отъ того, по примѣру Святыхъ; г) съ послѣдователями варяжской вѣры не должно имѣтъ общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ,—впрочемъ когда они попросятъ пищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности—и въ своихъ, которые потомъ вымыть и освятить молитвою. Кромѣ этихъ общихъ наставленій, преп. Ѳеодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: «ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію,—будетъ ли то еретикъ или латынянинъ,—всякаго помилуй и избавь отъ

---

584); Обличенія противъ латинянъ, особенно 25, 43, 55, 57, 59 (*Coteler.* ibid III, 495—509).

бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и не православныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, — и ты избавишь овча изъ устъ львовыхъ... Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что сказано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе?* И не сказалъ ли апостолъ Павелъ: *аще и ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8)»?.. Мы нѣсколько смягчили рѣзкій тонъ посланія, который показался бы не совсѣмъ приличнымъ въ наше время, но былъ весьма приличенъ и естественъ во дни преп. Ѳеодосія, когда латиняне только что отдѣлились отъ православной Церкви восточной и, по своимъ проискамъ къ совращенію православныхъ и крайней испорченности нравовъ, были нестерпимы какъ для Грековъ, такъ, вслѣдъ за ними, и для Русскихъ ([224]).

Молитвы преп. Ѳеодосія извѣстны намъ двоякаго рода: устныя, которыя сохранилъ въ житіи его преп. Несторъ ([225]), и которыя, какъ не написанныя самимъ

([224]) Кромѣ означенныхъ (въ предыд. примѣч.) сочиненій припомнимъ также отзывъ митрополита нашего Іоанна II (1080 — 1088), который подобно Ѳеодосію печерскому, запрещалъ православнымъ вступать въ браки съ латинами (Русск. Достоп. I, 94).

([225]) Напримѣръ, молитва преп. Ѳеодосія о стадѣ своемъ, т. е. объ инокахъ, и молитва, какую произнесъ онъ предъ своею кончиною (Патер. рукоп. Новг. Соф. Библ. № 502, л. 51, 59; Патер. печатн. л. 39, 44 об. Кіев. 1791).

Ѳеодосіемъ, не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ обозрѣніи, а во вторыхъ — письменныя. Къ послѣднимъ принадлежатъ: молитва преп. Ѳеодосія за всѣхъ христіанъ и молитва его, написанная по просьбѣ варяжскаго князя Шимона или Симона.

Первая молитва сохранилась въ харатейной Псалтири 1296 года подъ заглавіемъ: «Молитва святаго Ѳеодосія печерскаго за вся христіаны (226)». Если еще въ XIII вѣкѣ она усвоялась св. Ѳеодосію: то сомнѣваться въ подлинности ея было бы съ нашей стороны крайнею недовѣрчивостію. Правда, въ молитвѣ упоминается, вслѣдъ за другими Святыми и преп. Антоніемъ печерскимъ, Ѳеодосій; но кто знаетъ, какъ неразсудительно иногда наши древніе переписчики дѣлали подобнаго рода вставки (227), тотъ не соблазнится и этою вставкою. Молитва состоитъ въ слѣдующемъ: «Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, вразуми; язычниковъ, Господи, обрати ко Христу, да будутъ нашими братіями; находящихся въ темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ избави, Господи, отъ всякой печали; пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ, и въ пещерахъ, и въ пустыни братіямъ нашимъ подаждь,

---

(226) Свѣдѣнія объ этой Псалтири и самая молитва недавно напечатаны въ статьѣ г. Буслаева: «Палеогр. и филолог. матеріалы для исторіи письм. Славян.», стр. 23—29. (См. Сборн. «Матеріал. для Ист. Письм.» М. 1855).

(227) Указываемъ на примѣры, представленные г. Кубаревымъ и очень близкіе къ настоящему случаю, какъ въ печерскихъ Патерикахъ, гдѣ говорится собственно объ одномъ Антоніѣ, переписчики вовсе не кстати присовокупили и имя Ѳеодосія (Патер. Печер. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 9 отд. I, стр. 15).

Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего, и градъ сей, и всѣхъ, живущихъ въ немъ. Помилуй милостію Твоею и мене, раба Твоего грѣшнаго: если я и многогрѣшенъ, но по правой вѣрѣ я рабъ Твой. Спаси, Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями и діаконами и всѣми православными христіанами. Помилуй, Господи, находящихся въ бѣдности и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость, ради молитвъ пресв. Богородицы (здѣсь поименованы и преп. Антоній и Ѳеодосій)... Упокой, Господи, души рабовъ твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ, и епископовъ, и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти. И упокой, Господи, души рабовъ твоихъ, всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, умершихъ во градахъ, и въ селахъ, и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ,—упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего: ибо Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно». Молитва, очевидно, вполнѣ достойная великаго игумена кіево-печерскаго.

Что касается до молитвы, составленной имъ по просьбѣ Симона Варяга: то св. Симонъ, епископъ владимірскій, расказываетъ самый случай къ ея написанію. Однажды Симонъ Варягъ, любимый Ѳеодосіемъ и много жертвовавшій на его обитель, пришелъ къ нему и, послѣ обычной бесѣды, сказалъ: «прошу у тебя, отче, одного дара». «О чадо, сказалъ Ѳеодосій, чего проситъ твое величество отъ нашего смиренія»? «Я прошу у тебя, продолжалъ Симонъ, дара великаго и

превышающаго мои силы». Θеодосій отвѣчалъ: «тебѣ извѣстно, чадо, наше убожество; часто и хлѣба у насъ недостаетъ для дневной пищи, а имѣю ли что другое, не знаю». «Если ты захочешь, сказалъ Симонъ, то можешь дать мнѣ по благодати, данной тебѣ отъ Бога!... Я прошу у тебя, дай мнѣ слово, что благословитъ меня душа твоя, какъ въ жизни, такъ и по смерти... Помолись о мнѣ, о сынѣ моемъ Георгіѣ и о всемъ моемъ родѣ, какъ молишься ты о своихъ черноризцахъ». Θеодосій обѣщался и присовокупилъ: «я молюсь не о черноризцахъ только, но и о всѣхъ любящихъ мѣсто сіе святое». Тогда Симонъ, поклонившись преподобному до земли, неотступно просилъ подтвердить свое обѣщаніе писаніемъ, — и Θеодосій написалъ разрѣшительную молитву, которая начиналась словами: «во имя Отца и Сына и св. Духа», и донынѣ, замѣчаетъ св. Симонъ владимірскій (т. е. въ XIII вѣкѣ) влагается въ руки всякому умирающему ([228]). Въ этой молитвѣ,—не извѣстно, была ли она та самая, которая донынѣ употребляется въ нашей Церкви, или другая, — преподобный помѣстилъ и слѣдующія слова: «помяни меня, Господи, когда пріидешь Ты въ царствіи Твоемъ, чтобы воздать каждому по дѣломъ его. Тогда, Владыко, сподоби и рабовъ Твоихъ Симона и Георгія стать одесную Тебя въ славѣ Твоей, и слышать

([228]) Разрѣшительная молитва надъ умершимъ читалась въ Церкви издревле (*Діонис. Ареопаг.* о Церковной Іерархіи, гл. VII, отд. III, п. 4, и *Пахимер.* Толкованіе на означенную главу). Гоаръ представляетъ даже образецъ этой молитвы, употреблявшейся въ Греціи, нѣсколько несходной съ тою, какая употребляется у насъ (Euchㅤolog. Graec. p. 544, Venet. 1730). Но со времени преп. Θеодосія разрѣшительная молитва, по прочтеніи надъ умершимъ, начала влагаться въ его руки.

благій Твой гласъ: *пріидите, благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 34) ([229])».

Изъ сдѣланнаго нами обзора сочиненій преп. Ѳеодосія оказывается, что они, кромѣ внутренняго своего достоинства, имѣютъ еще значеніе историческое. Поученія Ѳеодосія къ народу указываютъ на нѣкоторые недостатки и пороки, господствовавшіе въ народѣ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ кіево-печерской обители, не извѣстныя изъ писаній преп. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству. Наконецъ, посланія къ в. кн. Изяславу ясно обнаруживаютъ тѣ религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей. Вообще видно, что сочиненія преп. Ѳеодосія писаны не на какія-либо отвлеченныя и произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и потому, отображая въ себѣ умъ и сердце самаго писателя, не мало обрисовываютъ и его время.

Вслѣдъ за митрополитомъ Иларіономъ и преп. Ѳеодосіемъ печерскимъ, которые были учителями вѣры и благочестія, явились въ нашей Церкви два другіе писателя съ направленіемъ преимущественно историческимъ: это были—черноризецъ Іаковъ и преп. Несторъ.

Черноризцу Іакову, сколько доселѣ извѣстно, ясно усвояются два сочиненія: Похвала в. кн. Владиміру и Посланіе къ в. кн. Димитрію: въ томъ и другомъ со-

---

([229]) Симонъ въ Сказаніи о печерской церкви.

чиненіи Іаковъ самъ называетъ себя по имени ([230]). Но въ началѣ похвалы онъ свидѣтельствуетъ, что еще прежде написалъ два другія сочиненія: Краткое Житіе св. Владиміра съ того времени, какъ онъ возжелалъ св. крещенія, и Сказаніе о св. страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ ([231]). Разсматривая похвалу в. кн. Владиміру, видимъ, что она составлена не на основаніи лѣтописи Несторовой, а только по слухамъ или устнымъ преданіямъ, что она даже несогласна съ лѣтописью въ хронологіи и нѣкоторыхъ подробностяхъ: знакъ, что Іаковъ написалъ эту похвалу, когда лѣтопись, которою онъ могъ бы повѣрить слышанное имъ отъ другихъ, еще не существовала, и жилъ, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XI вѣка ([232]). Если такъ: то составленныя

([230]) Похвала напечатана въ Хр. Чт. 1849, II, 317 — 329. А посланіе къ в. кн. Димитрію извѣстно только по рукописямъ Румянц. Муз. №№ 233. 234 (*Востоков.* Опис. Муз. 304. 309).

([231]) Вотъ слова Іакова: «такожъ и азъ худый мнихъ Іаковъ, слыша отъ многихъ о благосл. князѣ Володимірѣ..., и мало собравъ отъ многія добродѣтели его, *написахъ*, и о сыну его, реку же св. и славную муч. Бориса и Глѣба». Здѣсь слово *написахъ*, безъ сомнѣнія,—указываетъ не на самую похвалу, въ началѣ которой оно стоитъ и которую Іаковъ собирался только писать, а на другое прежде написанное сочиненіе о св. Владимірѣ: иначе въ этой же похвалѣ надлежало бы искать и *написанія* о св. Борисѣ и Глѣбѣ, къ которымъ равно относится означенное слово, — чего однакожъ вовсе нѣтъ,—и Іакову въ такомъ случаѣ приличнѣе было бы выразиться: *написахъ о Володимірѣ и о бабѣ его Ольгѣ*, потому что въ похвалѣ дѣйствительно содержится сказаніе и о св. Ольгѣ. Что именно написалъ Іаковъ о Владимірѣ прежде похвалы ему и св. Ольгѣ? *Написахъ*, — отвѣчаетъ онъ далѣе, *како просвѣти благодать Божія сердце князю рускому Володимеру, и возлюби и человѣколюбивый Богъ и вжада св. крещенія.*

([232]) Соображенія объ этомъ смотри въ Хр. Чт. 1849, II, 302 — 308; также въ статьѣ г. Погодина: «Іаковъ Мнихъ» (Изв. Импер. Акад. Наукъ

имъ еще прежде похвалы сказанія о св. Владимірѣ и св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ должны быть весьма древни. Перебирая разныя житія св. Владиміра, встрѣчаемъ между ними одно, которое начинается словами: «сице убо бысть *малымъ прежде сихъ* лѣтъ сущу самодержцю всея Рускыя земля Володиміру»... Равнымъ образомъ, и между сказаніями о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ находится одно, которое на первыхъ строкахъ повторяетъ тѣже многозначительныя слова ([233]). Эти-то два сказанія о св. Владимірѣ и св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, какъ древнѣйшія изъ всѣхъ, донынѣ извѣстныхъ, и написанныя спустя не много лѣтъ по смерти Владиміра, всего естественнѣе могутъ быть приписаны черноризцу Іакову,—тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ они слѣдуютъ непосредственно за похвалою и составляютъ съ нею какбы одно цѣлое ([234]),—тѣмъ болѣе, скажемъ еще, что въ сказаніи о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ авторъ обѣщается написать и о св. Владимірѣ ([235]), а житіе Владиміра начинается именно съ того времени, какъ Владиміръ отправилъ пословъ для испытанія вѣръ и возжелалъ св. крещенія. Правда, оба эти сказанія содержатъ въ себѣ весьма много сходнаго съ лѣтописью Нестора, но, по всѣмъ соображеніямъ, не сказанія заимствованы изъ лѣтописи, а лѣтопись воспользовалась ими. Правда и то, что, по нѣкоторымъ спи-

---

по отд. Русск. языка и слов. т. I, стр. 326—334) и въ нашей статьѣ: «Еще объ Іаковѣ Мнихѣ» (тамъ же т. II, 145—157).

([233]) Оба напечатаны въ Хр. Чт. 1849, II, 329—386.

([234]) Какъ, напримѣръ, въ рукописи, съ которой напеч. въ Хр. Чтеніи.

([235]) «Прочая же того (Владиміра) добродѣтели *индѣ скажемъ*; нынѣ же нѣсть время»,—замѣчаетъ Іаковъ на первыхъ страницахъ этого сказанія.

скамъ, въ сказаніяхъ встрѣчаются мѣста, заставляющія относить ихъ почти къ половинѣ XII вѣка; но эти мѣста можно считать позднѣйшими вставками и искаженіями: потому что въ другихъ спискахъ они или вовсе не встрѣчаются, или читаются иначе (236). Кто же былъ черноризецъ Іаковъ, писавшій въ XI вѣкѣ, спустя не много лѣтъ послѣ св. Владиміра? Изъ отечественныхъ иноковъ, жившихъ въ XI столѣтіи, лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ Іаковѣ, котораго предлагалъ преп. Ѳеодосій печерскій, въ послѣднія минуты своей жизни (въ 1074), собравшейся къ нему братіи, вмѣсто себя, во игумена, и который, слѣдовательно, отличался и высокимъ благочестіемъ и достаточнымъ образованіемъ: такъ какъ первая обязанность игумена, по студійскому уставу, была поучать братію. Печеряне не согласились принять Іакова на томъ единственно основаніи, что онъ не между ними былъ постриженъ, а пришелъ съ Алты, т. е., вѣроятно, изъ какого-либо переяславскаго монастыря (237). Этотъ-то Іаковъ и могъ написать всѣ три, разсматриваемыя нами, историческія сочиненія, равно какъ онъ же могъ быть и тѣмъ черноризцемъ Іаковомъ, къ которому написано извѣстное церковное правило однимъ изъ тогдашнихъ нашихъ митрополитовъ—Іоанномъ II (1080—1089). Судя по важности этого черноризца Іакова и по тому, что онъ былъ современникомъ в. кн. Изяславу, который назывался Димитріемъ, можно согласиться, что

---

(236) См. статьи, означенныя въ примѣч. 232, и еще статью г. *Срезневскаго*: «Древнія Жизнеописанія Русскихъ Князей X—XI вѣка», въ Извѣст. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. языка и слов. II, 113—130.

(237) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 80.

не другому Іакову принадлежитъ и посланіе «нѣкоего отца къ духовному сыну» — в. кн. Димитрію, отличающееся глубокою древностію слога ([238]). Изъ трехъ историческихъ сочиненій черноризца Іакова прежде другихъ написано сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, потомъ житіе св. Владиміра и, наконецъ, похвала ему: потому что въ сказаніи авторъ только даетъ обѣщаніе написать житіе св. Владиміра, а въ похвалѣ упоминаетъ уже о сказаніи и житіи, какъ имъ уже написанныхъ. Прежде или послѣ историческихъ сочиненій написано Іаковомъ посланіе къ в. кн. Димитрію, — неизвѣстно; но надобно допустить, что оно явилось отнюдь не позже 1060 г., когда Изяславу (род. 1025) было 35 лѣтъ: потому что въ посланіи есть намекъ, что в. князь былъ еще юношею и не достигъ мужества ([239]).

Сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ служило однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній для нашихъ предковъ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные его списки, доселѣ сохранившіеся. Но эти же списки показываютъ, что оно, подобно многимъ другимъ, наиболѣе употреблявшимся, памятникамъ нашей древней письменности, подверглось отъ переписчиковъ не малымъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Списки сказанія, сколько они намъ из-

---

([238]) Русск. Достопам. I, 86; *Востоков.* Опис. Рум. Муз. стр. 304; *Неволин.* о Митрополитѣ Іоаннѣ II въ Извѣст. Импер. Ак. Наукъ по отд. Русск. языка и слов. II, 101.

([239]) «Мужества бо недошедъ, ни разума еще имѣя, что съблазнихомся, абы не попустилъ нынѣ юностiи грабити съ собою»?.. Впрочемъ надобно замѣтить, что современникъ черноризца Іакова, преп. Несторъ продолжаетъ называть преп. Θеодосія въ житіи его *отрокомъ*, когда ему было уже 23 года и болѣе.

19

вѣстны, можно раздѣлить на три фамиліи: въ однихъ содержится собственно сказаніе о мученической кончинѣ св. братьевъ, заключающееся извѣстіемъ о погребеніи св. Глѣба вмѣстѣ съ Борисомъ въ Вышгородѣ и общею имъ похвалою (240); въ другихъ непосредственно за такимъ же сказаніемъ слѣдуетъ еще разсказъ о первыхъ трехъ чудесахъ св. мучениковъ, повѣствующій вмѣстѣ объ открытіи ихъ мощей, объ установленіи въ честь ихъ праздника 24 Іюля при в. кн. Ярославѣ, и оканчивающійся извѣстіемъ о смерти Ярослава (241); въ третьихъ этотъ разсказъ о чудесахъ, слѣдующій за сказаніемъ, продолжается далѣе и повѣствуетъ о перенесеніи мощей св. мучениковъ въ 1072 г. и о послѣдующихъ за тѣмъ чудесахъ (242), или даже о второмъ перенесеніи св. мощей, бывшемъ 1115 г., при в. кн. Владимірѣ Мономахѣ (243). Между списками самаго сказанія, если разсматривать его въ отдѣльности отъ разсказа о чудесахъ, кромѣ многихъ неважныхъ разностей, встрѣчается разность замѣчательная: въ однихъ есть вставка, видимо заимствованная изъ лѣтописи, о томъ, какъ Ярославъ предъ походомъ противъ Святополка избилъ новгородцевъ и помирился съ ними, и какъ потомъ Святополкъ съ Болеславомъ польскимъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ, хотя ни то, ни

---

(240) Таковы списки — въ Торжествен. Рук. Муз. № 535, л. 400 и № 436, л. 275; въ Сборн. моей библ. № 2, статья 6 и № 39, стат. 4, стр. 15. Четыре такихъ же списка въ библ. Моск. Сѵнодальной и Троицко-Сергіев. лавры (Записк. отд. Русск. и Слав. Археолог. т. I, перечень засѣд. стр. 27).

(241) Таковъ списокъ въ Сборн. моей библ. № 2, стат. 5.

(242) Таковы: списокъ Софійскій (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, стр. 162) и напечат. въ Хр. Чтеніи. 1849, II, стр. 359.

другое не согласно съ связью рѣчи; въ другихъ списках этой вставки нѣтъ и повѣствованіе идетъ самымъ естественнымъ порядкомъ ([245]). Изъ всѣхъ трехъ фамилій сказанія о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ намъ кажется вторая наиболѣе близкою къ подлиннику: а) въ спискахъ этой фамиліи нѣтъ помянутой вставки изъ временника Нестора, хотя впрочемъ она не встрѣчается и въ нѣкоторыхъ спискахъ первой и даже третьей фамиліи; б) невѣроятнымъ представляется, чтобы первый жизнеописатель св. мучениковъ, жившій во второй половинѣ XI вѣка, заключилъ свое сказаніе объ нихъ извѣстіемъ только о погребеніи ихъ и общею похвалою, не упомянувъ объ открытіи мощей ихъ, о причтеніи ихъ къ лику Святыхъ, объ установленіи въ честь имъ праздника, бывшемъ въ 1020 году; в) разсказъ о первыхъ трехъ чудесахъ св. мучениковъ, гдѣ повѣствуется объ открытіи мощей ихъ и установленіи имъ праздника, существовалъ въ письмени еще прежде Нестора, и Несторъ, какъ справедливо догадываются, имъ пользовался въ своемъ сочиненіи о тѣхъ-же мученикахъ ([246]); г) напротивъ разсказъ о послѣдующихъ чудесахъ съ 1072 г., содержащійся въ спискахъ третьей фамиліи, не только не существовалъ въ письмени до Нестора, но у самаго Нестора и заимствованъ: ибо Несторъ о

([243]) Таковы списки: Сvнод. (Извѣст. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, стр. 162—164), Румянц. (*Восток.* Оп. Муз. 202—203), помѣщ. въ Новг. Макар. Четія-Мин. за Іюль и въ Степ. Книгѣ 184—214.

([244]) Наприм., въ спискахъ Сvнод. (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2 отд. II, 124. 127) и напеч. въ Хр. Чтеніи.

([245]) Въ спискахъ: Соѳ. (Изв. Импер. Ак. Наукъ 124), и помѣщ. въ Сбор. моей библ. № 2, ст. 3 и ст. 6, № 39, ст. 4 и ст. 15.

([246]) Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2 отд. II, 219—222.

первомъ чудѣ, именно объ исцѣленіи нѣмаго и хромаго, совершившемся послѣ 1072 г., говоритъ, какъ современникъ и, вѣроятно, очевидецъ; о второмъ, объ исцѣленіи нѣкоей жены изъ Дорогобужа, слышалъ непосредственно отъ этой самой жены; о третьемъ, объ исцѣленіи слѣпаго, слышалъ отъ другаго своего современника ([247]); слѣд. въ разсказъ не-Несторовъ извѣстія объ этихъ чудесахъ, которыя первый записалъ Несторъ, вѣроятно, внесены изъ его сочиненія.

Сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ состоитъ изъ пяти частей: а) изъ краткаго приступа, гдѣ, послѣ общаго изреченія Пророка: *родъ правыхъ благословится и сѣмя ихъ во благословеніи будетъ* (Пс. 3, 3), сочинитель замѣчаетъ: «такъ случилось и за немного лѣтъ прежде насъ во дни Владиміра, просвѣтившаго землю Русскую св. крещеніемъ», и говоритъ о двѣнадцати сынахъ равноапостольнаго князя, о раздѣленіи между ними удѣловъ и о томъ, что при этомъ Святополка посадилъ отецъ въ Пинскѣ, Бориса въ Ростовѣ, а Глѣба въ Муромѣ; б) изъ повѣсти объ убіеніи Святополкомъ св. Бориса, почти совершенно сходной съ лѣтописью; в) изъ повѣсти объ убіеніи Святополкомъ Глѣба, такъ же сходной съ лѣтописью; г) изъ повѣсти объ отысканіи тѣла Глѣбова и погребеніи его вмѣстѣ съ Борисомъ въ Вышгородѣ, по приказанію в. кн. Ярослава, уже послѣ того, какъ онъ, двукратно побѣдивъ Святополка на берегахъ Днѣпра и на Алтѣ, занялъ пре-

([247]) Описаніе перваго чуда онъ начинаетъ словами: «что бо сего чудесе дивнѣе, еже *нынѣ* есть, исповѣмь». Описаніе втораго заключаетъ: «се же все исповѣда ми сама (жена), сѣдящи, яже бѣ съ нею». Предъ описаніемъ третьяго выражается: «и се паки инъ повѣдаше ми глаголя».

столъ кіевскій; д) наконецъ, изъ похвалы св. страстотерпцамъ, составляющей заключеніе сказанія. Въ разсказѣ о первыхъ чудесахъ св. мучениковъ можно различать три части: а) общее вступленіе, довольно продолжительное, гдѣ говорится, что мы не въ состояніи ни постигнуть, ни повѣдать всѣхъ чудесъ, какія совершаютъ мученики силою Божіею, и тѣхъ благодѣяній, какія они являютъ намъ своимъ предстательствомъ предъ Богомъ; б) самая повѣсть о чудесахъ Бориса и Глѣба и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ открытію мощей ихъ и установленію въ честь имъ праздника при митрополитѣ Іоаннѣ и в. кн. Ярославѣ; в) краткое заключеніе, упоминающее о кончинѣ в. кн. Ярослава. Вообще и сказаніе о св. мученикахъ, и разсказъ о чудесахъ ихъ составлены довольно искусною рукою, изложены довольно ясно, послѣдовательно и занимательно, проникнуты любовію къ св. мученикамъ и по мѣстамъ одушевленіемъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ или представляетъ мучениковъ говорящими, или изливаетъ предъ ними свои чувства. Вотъ, на-примѣръ, какъ сѣтовалъ св. Борисъ, получивъ вѣсть о смерти отца своего и о замыслахъ Святополка: «Увы мнѣ, свѣтъ очей моихъ, сіяніе зари лица моего, бразда юности моея, наставленіе неразумія моего! Увы мнѣ, отче мой, господине мой! И къ кому прибѣгну, на кого воззрю, или гдѣ насыщуся такого благаго ученія, какъ прежде отъ разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Какъ зашелъ ты, свѣте мой, когда я не былъ тамъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, могъ я погребсти честное тѣло твое и предать его гробу своими руками? Но я не сподобился нести мужественнаго тѣла твоего, не сподобился цѣловать добролѣпныхъ сѣдинъ твоихъ. О

блаженниче мой, помяни мя въ покоѣ твоемъ! Сердце мое горитъ и душа смущается и, не знаю, къ кому обратиться и предъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Но думаю, что онъ печется о мірскомъ и суетномъ и помышляетъ о убійствѣ моемъ... Чтожъ скажу или что сотворю? Пойду къ брату моему и скажу ему: ты будь мнѣ отцемъ, ты мнѣ братъ старѣйшій,—что повелишь мнѣ, господине мой»? Или вотъ слова св. Глѣба предъ тѣмъ, какъ убійцы устремились на него и когда онъ прощался съ жизнію: «спасися, милый отче мой и господине Василіе! Спасися, мати и госпожа моя! Спасися, брате Борисе, старѣйшино юности моея! Спасися, брате—споспѣшителю Ярославле! Спасися и ты, брате мой и враже Святополче! Спаситесь и вы, братія моя и дружина, спаситесь всѣ! Уже я не увижу васъ въ житіи семъ: потому что меня разлучаютъ съ вами насильно... Василіе, Василіе, отче мой! Приклони ухо твое и услышь гласъ мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, какъ безъ вины закалаютъ меня. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши, небо, и внуши, земле! И ты, брате мой Борисе, услышь гласъ мой! Отца моего, Василія, позвалъ я,—и онъ не послушалъ меня; уже ли и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и язву души моея; посмотри на потоки слезъ моихъ и какъ никто не внемлетъ мнѣ: помяни же хоть ты меня и помолись о мнѣ общему Владыкѣ, имѣя дерзновеніе и предстоя у престола Его»... Или вотъ отрывки изъ похвалы св. мученикамъ, заключающей сказаніе: «Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать, не доумѣваю. Назову ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи

скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе всякаго, и смиреніемъ стяжали небесныя жилища. Поистинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ и вашею помощію хвалятся. Вы—имъ и намъ оружіе, вы земли Россійской забрало и утвержденіе и мечь обоюду острый, которымъ побѣждаемъ языческую дерзость и попираемъ діавола. Поистинѣ могу сказать: вы небесные человѣки и земные ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей... О, блаженные гробы, пріявшіе честные тѣла ваши, какъ сокровище многоцѣнное! О, блаженная церковь, въ которой поставлены св. раки ваши, угодники Христовы! Блаженъ, поистинѣ, и высокъ болѣе всѣхъ городовъ русскихъ Вышгородъ, имѣющій у себя такое сокровище, которое дороже всего міра! Справедливо онъ названъ Вышгородомъ, какъ высшій всѣхъ городовъ, имѣя въ себѣ врачевство безмездное, которое даровано Богомъ не одному нашему языку, но и всей землѣ: потому что отъ всѣхъ странъ приходятъ туда и туне пріемлютъ тамъ исцѣленіе... О блаженныя страстотерпцы Христовы! Незабывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы по плоти, посѣщайте его и въ молитвахъ всегда молитеся о насъ: вамъ дана благодать молиться за насъ... Гладъ и озлобленіе отгоните отъ насъ, отъ всякаго браннаго меча и междоусобія брани избавьте насъ и заступите насъ отъ всякаго грѣхопаденія, уповающихъ на васъ»...

Житіе св. Владиміра и похвала ему черноризца Іакова, встрѣчающіяся по рукописямъ большею частію

вмѣстѣ ([248]), хотя сохранились въ меньшемъ количествѣ списковъ, нежели сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, но также не во всей первобытной цѣлости, а со вставками, сокращеніями и измѣненіями. Житія мы знаемъ два вида, изъ которыхъ одинъ отличается отъ другаго началомъ, заключеніемъ и вставкою, гдѣ Кіевъ называется вторымъ Іерусалимомъ, а Владиміръ вторымъ Моѵсеемъ, и не точно говорится о 33 лѣтахъ жизни Владиміра послѣ крещенія ([249]). Похвалы извѣстно три вида: обширный ([250]); средній, въ которомъ недостаетъ значительнаго отрывка о крещеніи св. Ольги, о ея кончинѣ, объ открытіи мощей ея ([251]); и краткій, въ которомъ нѣтъ цѣлой первой половины и въ остальной сдѣланы пропуски ([252]). Трудно рѣшить, какой изъ этихъ видовъ житія и похвалы ближе къ подлиннику, пока не сдѣлаются извѣстными болѣе списковъ того и другой. Оба сочиненія не велики, особенно первое.

Житіе св. Владиміра начинается словами: «такъ было за немного лѣтъ прежде насъ во дни самодержца Русской земли Владиміра, внука Ольгина, правнука Рюрикова; ходили послы его къ Болгарамъ и къ Нѣмцамъ

([248]) Такъ въ Сборн. *Сахарова,* откуда напечатаны они въ Хр. Чт. (1849, II, 302 — 336); въ Сбор. *Болотов.*, по которому показаны къ нимъ въ Хр. Чт. варіанты (стр. 367—369), и въ Новг. Макар. Четь-Мин. подъ 15 чис. Іюля.

([249]) Таковы списки житія, означенные въ предыд. примѣчаніи. А списокъ, отличный отъ нихъ, въ Торжествен. Рум. Муз. № 436, л. 264 (*Восток.* Опис. 697).

([250]) Таковы списки Сахарова и Новг. Соф. за Іюль (см. примѣч. 248).

([251]) Таковъ списокъ Болотов. (см. тамъ же).

([252]) Таковъ списокъ въ Торжеств. Рум. Муз. № 434, л. 486 (*Восток.* Опис. 677).

и въ Царьградъ»... и проч. За тѣмъ въ порядкѣ и почти совершенно сходно съ лѣтописью повѣствуется о совѣщаніяхъ Владиміра касательно перемѣны вѣры, о походѣ его на Корсунь, о крещеніи и бракосочетаніи его въ Корсунѣ, о крещеніи кіевлянъ, о сооруженіи имъ Десятинной церкви, упоминается о его добрыхъ дѣлахъ и о кончинѣ. Далѣе дѣлается замѣчаніе, что Владиміръ былъ вторымъ Константиномъ для земли Русской, что хотя онъ въ язычествѣ предавался разнымъ грѣхамъ, но по крещеніи очистилъ ихъ покаяніемъ и милостынями, что онъ сотворилъ величайшее добро для земли Русской, крестивъ ее, и что потому мы должны молиться Богу о прославленіи его. Все это заключается молитвою самаго писателя: «о святые цари Константине и Владиміре! Помогайте на сопротивныхъ сродникамъ вашимъ, избавляйте отъ всякой бѣды людей Греческихъ и Русскихъ, и о мнѣ грѣшномъ молитесь Богу, какъ имѣющіе дерзновеніе предъ Нимъ, да спасусь вашими молитвами. Молюсь и преклоняю васъ на милость писаніемъ сей малой грамоты, которую, похваляя васъ, написалъ я недостойнымъ умомъ, и худымъ, и невѣжественнымъ моимъ смысломъ. Вы же, Святые, молясь о насъ, о людяхъ своихъ, пріимите въ сомолитвенники къ Богу чадъ вашихъ Бориса и Глѣба, да всѣ вмѣстѣ возможете умолить Господа, съ помощію силы честнаго креста и съ молитвами пресв. Богородицы, Госпожи нашей, и со всѣми Святыми»... Эта молитва, очевидно, принадлежитъ не переписчику, а сочинителю, который выражается, что онъ написалъ грамоту своимъ недостойнымъ умомъ и худымъ смысломъ, и указываетъ на свое писаніе, какъ бы на нѣкую умилостивительную жертву. А призывая

здѣсь въ сомолитвенники Владиміру за себя св. Бориса и Глѣба, не руководствовался ли авторъ тою мыслію, что онъ и въ честь ихъ составилъ подобное же описаніе?

Похвала св. Владиміру и вмѣстѣ св. Ольгѣ черноризца Іакова не имѣетъ того единства въ составѣ своемъ и той послѣдовательности, какими отличаются два другія сочиненія, усвояемыя тому же писателю. Здѣсь событія излагаются безъ хронологическаго порядка, часто повторяются, и тамъ, гдѣ, по-видимому, надлежало бы ожидать окончанія рѣчи, она начинается снова. Это зависѣло или отъ самаго свойства похвалы, въ которой авторъ не имѣлъ нужды держаться историческаго порядка, какому слѣдовалъ въ житіи св. Владиміра, а только предавался свободному изліянію мыслей и чувствъ,—или, быть можетъ, отъ того, что похвала подверглась большему искаженію отъ переписчиковъ, нежели другія сочиненія Іакова. Составъ похвалы, въ ея обширномъ видѣ, слѣдующій: за приступомъ, въ которомъ авторъ говоритъ, что онъ, по примѣру другихъ, писавшихъ житія и мученія Святыхъ, написалъ о св. Владимірѣ, крестившемъ землю Русскую, и о дѣтяхъ его, св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ,— слѣдуетъ похвала св. Владиміру собственно за подвигъ его крещенія и просвѣщенія земли Русской; потомъ похвала св. Ольгѣ за такой же подвигъ; далѣе новая похвала Владиміру, или изображеніе разныхъ его добрыхъ дѣлъ, побѣдъ и смерти; наконецъ, нѣкоторыя краткія замѣтки о частныхъ случаяхъ его жизни и кончины. Можетъ быть, къ похвалѣ, если судить по заглавію ея въ рукописяхъ («Память и Похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Русскую отъ конца и

до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга прежде Володимера») принадлежали первоначально только двѣ первыя части, слѣдующія за приступомъ, а двѣ послѣднія прибавлены послѣ кѣмъ-либо изъ переписчиковъ,—тѣмъ болѣе, что онѣ, особенно послѣдняя, не имѣютъ характера похвалы и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются въ видѣ отдѣльнаго житія св. Владиміра (253). Но утверждать это съ рѣшительностію—не можемъ. Чтобы нѣсколько ознакомиться съ сочиненіемъ, представимъ отрывки собственно изъ двухъ первыхъ частей. Въ похвалѣ св. Владиміру Іаковъ, между прочимъ, говоритъ: «о блаженный и треблаженный княже Владиміре, благовѣрне, и Христолюбиве, и страннолюбче! Мзда твоя весьма многа на небесахъ... Самъ Господь сказалъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснамъ* (Матѳ. 5, 19). А ты, о блаженный княже, былъ апостолъ изъ князей, приведши къ Богу всю землю Русскую св. крещеніемъ и научивъ людей своихъ кланяться Богу, славить и пѣть Отца и Сына и Св. Духа. И всѣ люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Володиміре! Возрадовались тогда ангельскіе чины, а нынѣ радуются вѣрніи и воспѣваютъ, и восхваляютъ. Какъ отроки еврейскіе, встрѣтивъ съ вѣтвями Христа, вопіяли: *осанна* Христу Богу, побѣдителю смерти: такъ и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа съ Отцемъ и св. Духомъ, приблизившись къ Богу св. крещеніемъ, отвергшись діавола и служенія ему... и поютъ во всѣ дни живота и на всякій часъ пѣснь чудную, хвалу архангельскую: сла-

(253) Именно въ Торжеств. Рум. Муз. № 434, л. 486.

ва въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»... Обращаясь за тѣмъ къ св. Ольгѣ, сочинитель восклицаетъ: «о, какъ похвалю блаженную княгиню Ольгу, братіе,—не знаю. Тѣломъ будучи жена, имѣя мудрость мужескую, просвѣщенная Духомъ Святымъ, уразумѣвъ Бога истиннаго, Творца неба и земли, пошла она въ землю Греческую, въ Царьградъ, гдѣ цари христіане и христіанство утвердилось, и, пришедши, просила себѣ крещенія, а пріявъ св. крещеніе, возвратилась въ землю Русскую, въ домъ свой, къ людямъ своимъ, съ радостію великою, освященная Духомъ Святымъ, неся съ собою знаменіе честнаго креста. И потомъ требища бѣсовскія сокрушила и начала жить о Христѣ Іисусѣ, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, пошла во слѣдъ Господа Бога, освятившись всѣми добрыми дѣлами, украсившись милостынею, нагихъ одѣвая, жаждущихъ напояя, странниковъ упокоевая, нищихъ, вдовицъ и сиротъ— всѣхъ милуя, всѣмъ подавая потребное съ тихостію и любовію сердца, и моля Бога день и ночь о спасеніи своемъ. И такъ поживши и достойно прославивъ Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и св. Духа, почила въ благой вѣрѣ, скончала житіе свое съ миромъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ»...

Посланіе черноризца Іакова къ вел. кн. Димитрію (Изяславу) — все содержанія нравственнаго. Сначала Іаковъ, какъ духовный отецъ, извѣщаетъ князя, что получилъ его посланіе весьма смиренное, похваляетъ его раскаяніе, говоря, что всѣ Ангелы радуются на небеси о покаяніи одного человѣка, самъ Господь хочетъ обращенія, а не смерти грѣшника, что Онъ и на землю сходилъ не для праведниковъ, а для грѣшни-

ковъ, что жертва Богу духъ сокрушенъ,—и разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ его грѣховъ, заповѣдуя ему молиться Богу отъ сердца. Не довольствуясь преподаніемъ одного разрѣшенія отъ грѣховъ, Іаковъ преподаетъ далѣе князю наставленія, чтобы исправить его на будущее время: «что же, ужели мы сдѣлаемся слабѣе, когда прежнее миновало (прощено)? Нѣтъ,—но будь всегда бодрымъ стражемъ тѣлу твоему. Блюдись запоііства, потому что оно удаляетъ отъ насъ Св. Духа;—гордости, потому что гордымъ Богъ противится;—беззаконнаго смѣшенія, потому что *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть; а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18)»... Противъ послѣдняго порока писатель вооружается съ особенною силою, говоритъ о томъ вредѣ, какой могутъ причинять человѣку жены—любодѣйцы, указываетъ на примѣры паденія отъ нихъ мужей достойныхъ,—на Самсона, Давида, Соломона и другихъ, и убѣждаетъ юнаго князя бороться съ плотскою похотію, побѣждать ее страхомъ Божіимъ, довольствоваться своею законною женою и жить въ чистотѣ, какъ бы въ святой церкви. Послѣ этого слѣдуютъ другія наставленія: Іаковъ заповѣдуетъ князю быть благоразумнымъ, чтобы отъ одного грѣха не происходило многихъ, не мстить врагамъ, быть терпѣливымъ и великодушнымъ, по примѣру Господа, столько потерпѣвшаго за насъ, любить ближнихъ,—потому что не какими-либо чудесами, а только взаимною любовію другъ къ другу, какъ сказалъ Господь, мы можемъ доказать, что мы Его ученики. «Впрочемъ,—продолжаетъ Іаковъ,—если ты хочешь и чудеса творить по примѣру Апостоловъ, и это возможно. Они врачевали хромыхъ, исцѣляли

сухоруких: а ты храмлющія въ вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игрища обрати къ церкви, руки, изсохшія отъ скупости, сдѣлай простертыми на подаяніе нищимъ. Можешь, если хочешь, быть подражателемъ и Святыхъ. Нынѣ нѣтъ уже такихъ гоненій, но время для стяжанія такихъ же вѣнцовъ не прошло: потому что не прекратилась брань діавола. Не преслѣдуютъ насъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; нѣтъ мучителей, но есть діаволъ». Преподавъ еще нѣсколько уроковъ, упомянувъ о скоротечности жизни и неизвѣстности послѣдняго часа, о страшномъ судѣ, объ огнѣ геенскомъ, черноризецъ, наконецъ, заключаетъ: «все это, не лаская тебѣ, написалъ я, и не по желанію показать, что я знаю или что я самъ творю доброе; но, Богъ свидѣтель, написалъ отъ любви и отъ печали о душѣ твоей, чтобы ты преуспѣвалъ въ добрѣ. А ума моего слабость самъ знаешь; разумъ мой несовершенъ и исполненъ всякаго невѣдѣнія, — этого скрыть нельзя. Св. Павелъ сказалъ Коринѳянамъ: *аще изумѣхомся, то Богови; аще ли умудрихомся, то вамъ* (2 Кор. 5, 13). Не уничижаю силы Божіей всемощной; не отметаю дара, туне мнѣ даннаго. Отъ скверныхъ дѣлъ и непотребнаго сердца, отъ нечистой души, грубаго ума и нестройной мысли, отъ безстуднаго языка и нищихъ устъ—вотъ слово богатое и умноженное силою и разумомъ св. Троицы: ни на небеси горѣ, ни на земли долу нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать Господа, повиноваться десницѣ Его, творить волю Его, соблюдать заповѣди Его. Одно *имя великое* не введетъ въ царство небесное, и слово, не сопутствуемое дѣлами, не въ пользу слышащимъ, а сопутствуемое дѣлами становится достойнымъ вѣры».

Преп. Несторъ былъ современникомъ черноризцу Іакову и самому преп. Θеодосію печерскому, только гораздо моложе ихъ, если уже признаемъ Іакова за того самаго, котораго Θеодосій хотѣлъ оставить послѣ себя игуменомъ печерской братіи: потому что Несторъ, какъ самъ говоритъ, поступилъ въ печерскую обитель еще при Θеодосіѣ, незадолго предъ его кончиною (1074), будучи 17-ти лѣтъ отъ роду ([254]). По смерти Θеодосія онъ былъ постриженъ игуменомъ Стефаномъ и возведенъ въ діаконскій санъ ([255]). За тѣмъ Несторъ упоминаетъ о себѣ въ 1091 году, когда онъ открывалъ мощи св. Θеодосія, въ 1096 г., когда половцы сдѣлали опустошеніе въ печерской обители, въ 1106 г., по случаю кончины старца Яна, отъ котораго слышалъ многое,—что записалъ въ своей лѣтописи ([256]). Кончина Нестора послѣдовало около 1114 года ([257]). Мощи его доселѣ почиваютъ въ кіево-печерской лаврѣ. Несторъ былъ человѣкъ дарованій необыкновенныхъ и обладалъ разнообразными свѣдѣніями, богословскими и историческими, которыя пріобрѣлъ чрезъ чтеніе книгъ и собесѣдованіе съ людьми бывалыми и опытными. Подобно Іакову черноризцу, первый письменный трудъ свой онъ посвятилъ изображенію житія и чудесъ св. муч. Бориса и Глѣба, новоявленныхъ чудотворцевъ, которыхъ такъ чтила тогда вся Россія. Потомъ начер-

---

([254]) П. Соб. Р. Лѣт. I.

([255]) *Нестор.* въ концѣ Житія Преп. Θеодосія.

([256]) П. Соб. Р. Лѣт. I.

([257]) Болѣе подробныя свѣд. о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, см. у *Погодина* въ I. т. его Изслѣд. и Лекц.; *Бутков.* Обор. Лѣт. Русс., и *Кубарев.* въ Русс. Истор. Сборн. IV, кн. 4.

талъ житіе другаго, не менѣе близкаго его сердцу и чтимаго въ Россіи чудотворца—преп. Ѳеодосія печерскаго. Наконецъ положилъ начало русской лѣтописи.

Сочиненіе Нестора о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ (258) состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій: изъ повѣсти собственно о житіи и убіеніи св. страстотерпцевъ, и изъ разсказа о ихъ чудесахъ. Повѣсть начинается обширнымъ приступомъ, въ которомъ авторъ прежде всего молитъ Бога даровать ему разумъ къ исповѣданію житія и чудесъ св.муч. Бориса и Глѣба, потомъ говоритъ о сотвореніи человѣка, о его паденіи и распространеніи на землѣ идолопоклонства, объ искупленіи человѣка Сыномъ Божіимъ и распространеніи между людьми Евангелія, наконецъ о распространеніи Евангелія въ землѣ Русской чрезъ в. кн. Владиміра, имѣвшаго у себя многихъ сыновъ и въ числѣ ихъ Бориса и Глѣба. За приступомъ слѣдуетъ сказаніе о житіи св. муч. Бориса и Глѣба, о ихъ свойствахъ и взаимной любви, о любви къ нимъ отца Владиміра и ненависти брата Святополка; далѣе—о убіеніи Святополкомъ Бориса и погребеніи его въ Вышгородѣ, и за тѣмъ—о убіеніи Глѣба и погребеніи его вмѣстѣ съ Борисомъ. Въ заключеніе Несторъ говоритъ: «се же списахъ азъ грѣшный о житіи и о погубленіи св. блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба; *но аще Богу велящу*, то и *чудесъ его* мало нѣчто *исповѣмы* на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу»...,—и такимъ образомъ даетъ обѣщаніе написать современемъ и другое

(258) Извѣстно намъ по двумъ спискамъ, находящ. въ Сборникахъ: Москов. сvнодал. типограф. XIV вѣка, и Румянц. Муз. № 152, л. 110. Оно надписывается: «чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпицу Бориса и Глѣба».

сочиненіе о св. мученикахъ, именно о чудесахъ ихъ. Если сравнить повѣсть Нестора о житіи и убіеніи св. мучениковъ съ такою же повѣстію черноризца Іакова: то надобно сознаться, что Несторъ едва ли пользовался послѣднею: есть только немногія, едва замѣтныя, черты сходства между обѣими повѣстями при изображеніи кончины св. Бориса и св. Глѣба. Въ этой повѣсти, написанной, вѣроятно, въ молодыхъ лѣтахъ, когда Несторъ еще недовольно былъ богатъ историческими свѣдѣніями, онъ сообщаетъ извѣстія, не только не согласныя съ сказаніемъ Іакова, но и съ своею лѣтописію, составленною впослѣдствіи, напримѣръ, — будто в. к. Владиміръ принялъ крещеніе въ 982 г. (250), будто онъ далъ Борису въ удѣлъ область владимірскую, а не Ростовъ, будто Глѣбъ, не имѣвшій у себя никакого удѣла, во время смерти отца находился въ Кіевѣ и бѣжалъ изъ него отъ Святополка въ полуночныя страны и проч. По внутренней своей обработкѣ, повѣсть Нестора о св. мученикахъ, можетъ быть, какъ первый его опытъ, ниже послѣдующихъ его сочиненій и уступаетъ даже сказанію черноризца Іакова: не здѣсь ли причина, почему сочиненіе послѣдняго было болѣе распространено между нашими предками, нежели сочиненіе перваго? Обращаясь къ разсказу Нестора о чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба, мы должны согласиться, что здѣсь замѣтно самое ощутительное вліяніе сочиненій черноризца Іакова. Въ этомъ разсказѣ преп. лѣтописецъ сначала благодаритъ Бога за то, что Онъ извелъ насъ изъ тьмы въ свѣтъ и даровалъ намъ

---

(250) Такъ въ обоихъ спискахъ, которыми мы пользовались.

мощи св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, совершающихъ многоразличныя чудеса для всѣхъ притекающихъ; потомъ повѣствуетъ о первыхъ чудесахъ ихъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ открытію мощей ихъ во дни в. кн. Ярослава; далѣе—о перенесеніи мощей ихъ въ 1072 г. при в. кн. Изяславѣ и о трехъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, чудесахъ; наконецъ преподаетъ наставленіе о повиновеніи старшимъ по примѣру св. страстотерпцевъ, излагая похвалу имъ, и проситъ всѣхъ своихъ читателей молиться за него Богу. Въ повѣствованіи о первыхъ чудесахъ св. мучениковъ Несторъ видимо пользовался разсказомъ Іакова о тѣхъ же чудесахъ: потому что передаетъ все почти тѣми же словами и оборотами рѣчи съ самыми незначительными измѣненіями, а въ одномъ мѣстѣ выразился, что новооткрытыя мощи св. мучениковъ первоначально поставлены были въ *прежереченную* клѣтку, тогда какъ прежде объ этой клѣткѣ ничего не сказалъ. Не прямо ли это указываетъ на источникъ—на разсказъ Іакова, гдѣ точно стоитъ такой оборотъ о клѣткѣ, но гдѣ о ней и прежде упомянуто? Въ своей похвалѣ страстотерпцамъ Несторъ пользовался такою же похвалою Іакова, заключающею его сказаніе: потому что очевидно сходство и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ. Надобно прибавить, что и самъ Несторъ, кажется, не отрицаетъ, что онъ пользовался письменными источниками при составленіи своихъ повѣстей о св. мученикахъ, когда говоритъ въ концѣ: «се азъ, Несторъ грѣшный, о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ св. блаженную страстотерпцю сею *опаснѣ вѣдущихъ исписая*, другая самъ свѣды, отъ многихъ мало вписахъ». Возможно еще одно предположеніе, что и Несторъ, и чернори-

зецъ Іаковъ при составленіи своихъ повѣстей имѣли одни и тѣже писменные источники, до насъ недошедшіе. Къ лучшимъ мѣстамъ въ сочиненіи преп. Нестора о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ можно отнести слѣдующія — о началѣ христіанства въ Россіи и о характерѣ св. братьевъ: «между тѣмъ, какъ повсюду умножались христіане и требища идольскія были упраздняемы, страна русская оставалась въ прежней прелести идольской: потому что она не слышала ни отъ кого слова о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; не приходили къ нимъ (русскимъ) Апостолы и никто не проповѣдалъ имъ слова Божія... Но когда соблаговолилъ небесный Владыка, то въ послѣдніе дни помиловалъ ихъ и не далъ имъ до конца погибнуть въ прелести идольской. Былъ въ то время обладателемъ всей земли русской князь Владиміръ, мужъ правдивый, милостивый къ нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, но по вѣрѣ язычникъ... Этому Владиміру было явленіе отъ Бога, что Онъ будетъ христіаниномъ,—что и исполнилось. И наречено было ему имя Василій. Потомъ онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ вельможамъ и всѣмъ людямъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чудѣ, исполненномъ благодати: какъ вчера онъ (Владиміръ) заповѣдалъ приносить требы идоламъ, а нынѣ повелѣваетъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа; вчера не вѣдалъ, кто есть Іисусъ Христосъ, а нынѣ проповѣдникомъ Его явился; вчера назывался язычникъ Владиміръ, а нынѣ зовется—христіанинъ Василій! Онъ явился на Руси вторымъ Константиномъ. Но вотъ еще что чудно: когда дана была заповѣдь креститься,—всѣ пошли къ крещенію и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостію текли на

крещеніе. Радовался и князь Владиміръ, видя ихъ теплую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа... Много было сыновъ у Владиміра, но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ. Благовѣрный князь отпустилъ всѣхъ своихъ сыновъ, каждаго въ его удѣлъ; но св. Бориса и Глѣба удержалъ при себѣ: потому что они были еще юны, особенно Глѣбъ. Блаженный Борисъ, будучи уже въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ: онъ былъ наученъ грамотѣ. Читалъ житія и мученія Святыхъ, и, молясь со слезами, говорилъ: Владыко мой, Іисусе Христе! Сподоби меня, какъ одного изъ сихъ Святыхъ, и даруй мнѣ по стопамъ ихъ ходить; Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя суетою міра сего; но просвѣти сердце мое на уразумѣніе Твоихъ заповѣдей и даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты отъ вѣка угодникамъ Твоимъ... Когда онъ молился такимъ образомъ непрестанно: св. Глѣбъ слушалъ его, сидя, и не отлучался отъ блаж. Бориса, но съ нимъ пребывалъ день и ночь, слушая его. Былъ же Глѣбъ, какъ я прежде сказалъ, юнъ тѣломъ, но старъ умомъ; много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію».

Житіе преп. Θеодосія, написанное Несторомъ (260), далеко превосходитъ первое его сочиненіе и по своему объему, и, главное, по внутреннему достоинству. Все показываетъ, что онъ писалъ это житіе съ особенною любовію къ угоднику Божію, какъ самъ сознается въ

(260) Извѣстно по весьма многимъ спискамъ, встрѣчающимся въ рукоп. печер. Патерикахъ.

началѣ и концѣ сочиненія, что онъ былъ одушевленъ избраннымъ предметомъ, старался собрать о немъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, изложить ихъ въ порядкѣ и съ поучительною занимательностію, и что слово писателя лилось прямо изъ сердца и отъ полноты убѣжденія. Прекрасно самое начало жизнеописанія: «благодарю Тебя, Господи Владыко мой, Іисусе Христе,—говоритъ Несторъ,—за то, что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, быть провозвѣстникомъ св. Твоихъ угодниковъ. Ибо послѣ того, какъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, вотъ я понудилъ себя и на другое исповѣданіе, превышающее мои силы, котораго я, грубый и неразумный, не былъ достоинъ, тѣмъ болѣе, что я не наученъ никакой мудрости. Но вспомнилъ я, Господи, слово Твое: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Матѳ. 17, 20). Вспомнилъ я это, грѣшный Несторъ, въ умѣ своемъ и, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все отъ Тебя возможно, положилъ начало слову житія преп. отца нашего Ѳеодосія, бывшаго игумена монастыря печерскаго». За тѣмъ Несторъ обращается къ братіи, объясняетъ имъ побужденія къ написанію сего житія и проситъ ихъ вниманія и вмѣстѣ снисхожденія къ его слову: «когда я вспоминалъ, братіе, о житіи Преподобнаго и видѣлъ, что оно не описано никѣмъ, печаль одержала меня всякій день, и я молился Богу, да сподобитъ меня написать по порядку о житіи угодника своего, отца нашего Ѳеодосія, чтобы и имѣющіе быть послѣ насъ черноризцы, читая жизнеописаніе его и видя такого доблестнаго мужа, восхва-

лили Бога, прославили угодника Его и укрѣплялись на дальнѣйшіе подвиги, тѣмъ болѣе, что такой мужъ, такой угодникъ Божій явился въ землѣ нашей... Послушайте, братіе, со всякимъ прилежаніемъ: потому что слово исполнено пользы для всѣхъ слушающихъ. Но молю васъ, возлюбленные, не зазрите моей грубости: только одержимый любовію къ Преподобному, я осмѣлился написать о немъ, а съ другой стороны—опасаясь, чтобы не сказано было мнѣ: *лукавый рабе и лѣнивый..., подобаше тебѣ вдати сребро мое торжникомъ: и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Матѳ. 25, 27). Потому и нынѣ, братіе, не должно таить чудесъ Божіихъ, особенно же когда Господь сказалъ ученикамъ своимъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ: и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Матѳ. 10, 27). Я хочу написать на успѣхъ и въ назиданіе слушающимъ, да, прославляя за сіе Бога, пріимете отъ Него мздовоздаяніе». Наконецъ, приступая къ жизнеописанію, Несторъ взываетъ къ Богу: «Владыко мой, Господи вседержителю, благихъ подателъ, Отче Господа нашего Іисуса Христа. Пріиди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на уразумѣніе заповѣдей Твоихъ и отверзи уста моя на исповѣданіе чудесъ Твоихъ и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое святое, яко Ты еси помощникъ всѣхъ уповающихъ на Тя, во вѣки аминь». Въ самомъ жизнеописаніи преп. Несторъ слѣдитъ съ величайшимъ вниманіемъ за ходомъ жизни великаго угодника: говоритъ о его родителяхъ и рожденіи, о его крещеніи, воспитаніи и первыхъ проявленіяхъ, первыхъ опытахъ его благочестія еще въ дому родительскомъ; за тѣмъ по-

вѣствуетъ, какъ онъ прибылъ въ Кіевъ и принятъ былъ преп. Антоніемъ, какъ подвизался въ пещерѣ и превосходилъ всѣхъ иноческими добродѣтелями еще до своего игуменства: далѣе съ особенною подробностію изображаетъ его труды, подвиги и чудеса во время игуменства; наконецъ описываетъ трогательную кончину старца и нѣкоторыя чудеса, совершенныя имъ по смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнеописатель сообщаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія о многихъ другихъ лицахъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ преп. Ѳеодосіемъ и подвизавшихся въ кіево-печерской обители, излагаетъ первоначальную исторію этой обители, говоритъ даже о двухъ преемникахъ Ѳеодосія на игуменствѣ—Стефанѣ и Никонѣ (1078—1088) и заключаетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: «такимъ образомъ все, что слышалъ я съ испытаніемъ о блаженномъ и великомъ отцѣ нашемъ Ѳеодосіѣ отъ старѣйшихъ меня отцевъ, бывшихъ въ его время, все то и написалъ я, грѣшный Несторъ, меньшій изъ всѣхъ въ монастырѣ преп. отца нашего Ѳеодосія... Многократно слыша, братіе, о добромъ и чистомъ житіи богоноснаго отца нашего, я весьма радовался и благодарилъ его, что онъ столько потрудился и такъ пожилъ въ наши, последніе дни. Но видя, что оно ни кѣмъ не было описано, глубоко я скорбѣлъ душею, а будучи одержимъ любовію къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, я покусился отъ грубости сердца моего написать о немъ, что слышалъ, хотя немногое изъ многаго, на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу»... Должно замѣтить, что это сочиненіе Нестора, драгоцѣнное для Церкви,—потому что впродолженіе вѣковъ служило и служитъ весьма назидательнымъ

чтеніемъ не только для иноковъ, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ, — драгоцѣнно и для науки, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ нашей исторіи..

Третье и самое важное сочиненіе преп. Нестора, навсегда обезсмертившее его имя, есть его русская лѣтопись, доведенная имъ до 1110 года. Но эта лѣтопись изображаетъ преимущественно гражданскія событія нашего отечества, а не церковныя, которыхъ касается только изрѣдка и какбы мимоходомъ, кромѣ двухъ или трехъ главнѣйшихъ; потому и не должна быть нарочито разсматриваема въ церковной Исторіи ([261]). Скажемъ только, что описывая и гражданскія событія, нашъ первый лѣтописецъ смотритъ на нихъ, какъ сынъ православной Церкви, во всемъ видитъ слѣды Промысла Божія, управляющаго міромъ, по мѣстамъ позволяетъ себѣ благочестивыя размышленія, дѣлаетъ назидательныя замѣчанія, преподаетъ уроки своимъ читателямъ. Отъ чего лѣтопись его, столько любимая нашими предками, была однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ средствъ къ нравственному воспитанію народа.

Драгоцѣнны были для сердца русскаго и глубоко назидательны писанія черноризца Іакова и преп. Нестора, изображавшія событія отечества и отечественной Церкви. Но неменѣе назидательное и драгоцѣнное для русскихъ сочиненіе оставилъ игуменъ Даніилъ, описавшій въ началѣ XII вѣка свое путешествіе по св. мѣстамъ Палестины. Книга его подъ заглавіемъ: *Паломникъ* или *Странникъ*, сохранившаяся въ безчислен-

---

([261]) Подробныя изслѣдованія о Нест. лѣтоп. указаны нами въ примѣчаніи 257.

номъ множествѣ списковъ, была, очевидно, однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній русскаго народа ([262]). Кто былъ игуменъ Даніилъ, съ подробностію неизвѣстно. Несомнѣнно только, что онъ былъ русскій: потому что самъ называетъ себя игуменомъ русской земли, упоминаетъ о многихъ русскихъ, новгородцахъ и кіевлянахъ, прилучившихся вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимѣ, и свидѣтельствуетъ, что онъ молился тамъ о землѣ русской, о русскихъ князьяхъ и іерархахъ. Не безъ основанія догадка, что Даніилъ или родился, или имѣлъ обитель свою въ окрестностяхъ Чернигова: потому что, описывая Іорданъ, сравниваетъ его съ рѣкою Сновою, протекающею не подалеку отъ Чернигова. Когда Даніилъ совершилъ свое благочестивое странствованіе? Надобно допустить, что онъ отправился изъ Россіи не послѣ 1113 года и находился въ Палестинѣ не послѣ 1115 года: такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ путешествовалъ въ княженіе в. князя кіевскаго Святополка Изяславича, уже скончавшагося въ 1113 году, а въ Іерусалимѣ былъ при королѣ латинскомъ Балдуинѣ, когда послѣдній предпринималъ походъ свой противъ Дамаска, случившійся въ 1114 и 1115 годахъ.

Свое путешествіе въ Іерусалимъ, равно какъ описаніе этого путешествія, игуменъ Даніилъ совершилъ единственно по чувству благочестія и изъ желанія нравственной пользы себѣ и другимъ. «Я, — говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего сочиненія,—недостойный игуменъ Русской земли — Даніилъ, худшій изъ всѣхъ

([262]) Издана *Сахаровымъ* въ 1 ч. Сборника, подъ заглавіемъ: «Путешествія Русскихъ Людей по Св. Землѣ» Спб. 1839. Въ предисловіи къ изданію, между прочимъ, перечисляются и многочисленные списки *Паломника*.

иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, не совершившій никакого добраго дѣла, будучи нудимъ мыслію своею, съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть св. градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную. И, благодатію Божіею, достигалъ я св. мѣстъ съ миромъ и своими очами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами своими Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ Онъ многія чудеса. Все то видѣлъ я своими грѣшными очами, и все показалъ мнѣ Господь видѣть впродолженіе многихъ дней, что желалъ я видѣть. Братіе, и отцы и господа мнихи! Простите мнѣ и не зазрите худоумію моему за то, что я, по грубости моей, написалъ о св. градѣ Іерусалимѣ и о св. землѣ той и о своемъ путешествіи... Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто бы я сотворилъ что доброе на пути семъ,—да не будетъ: я не сотворилъ на пути никакого добра. Но изъ любви къ св. мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ моими грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ мнѣ Господь, недостойному, видѣть... Написалъ я это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслію, и чрезъ то удостоился получить мзду, равную съ ходившими къ св. мѣстамъ. Ибо многіе добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣстъ и бóльшую мзду пріимутъ отъ Бога. А многіе, доходивъ до св. мѣстъ и увидѣвъ св. градъ Іерусалимъ, вознесшися умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворили, погубляютъ мзду труда своего, каковъ—первый я. Многіе же, достигнувъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ, не видѣвъ многаго, — тогда какъ путь сей нельзя со-

вершить скоро и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста». Къ этому присовокупляетъ Даніилъ, что самъ онъ пребылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ, имѣя мѣстопребываніе въ метохіѣ св. Саввы (нынѣ Архангельскій монастырь), и нашелъ тамъ себѣ вожатая—старца святаго и весьма книжнаго, который хорошо показалъ ему всѣ св. мѣста въ Іерусалимѣ и во всей землѣ той, и поводилъ до моря Тиверіадскаго, и до Ѳавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Іордана.

Переходя за тѣмъ къ описанію своего путешествія, Даніилъ сначала изображаетъ путь отъ Царьграда до Іерусалима, перечисляя встрѣчающіеся на пути острова, города, церкви и другія достопримѣчательности; потомъ описываетъ самый Іерусалимъ и всѣ св. мѣста въ немъ; далѣе говоритъ о своихъ путешествіяхъ изъ Іерусалима къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ, въ Галилею, къ горѣ Ѳаворской и пр.; наконецъ повѣствуетъ о схожденіи св. свѣта съ небеси къ гробу Господню въ великую субботу и о томъ, какъ онъ—Даніилъ поставилъ на гробѣ Господнемъ кандило или лампаду отъ всей Русской земли. Всѣ сказанія благочестиваго игумена кратки и безъискуственны, показываютъ душу простую, вѣрующую, проникнутую смиреніемъ и любовію къ Богу и Его святымъ. Для примѣра приведемъ два, три отрывка. Вотъ какъ описываетъ Даніилъ приближеніе путниковъ къ Іерусалиму и входъ въ него: «св. градъ Іерусалимъ находится въ долинѣ; вокругъ него высокія каменныя горы, такъ что нужно приблизиться къ городу, чтобы его увидѣть. Прежде всего видѣнъ домъ Давидовъ, потомъ чрезъ нѣсколько шаговъ впередъ можно видѣть Елеонскую гору и церковь — Святая Святыхъ, наконецъ

открывается и весь городъ. Есть тамъ близъ пути ровная гора, на разстояніи одной версты отъ Іерусалима, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней и издали поклоняются храму св. Воскресенія. Тогда великая бываетъ радость всякому Христіанину, узрѣвшему св. градъ. Никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и св. мѣста, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе къ св. граду Іерусалиму съ радостію великою. Есть тутъ церковь св. первомученика Стефана близъ пути на лѣвой старонѣ, гдѣ побіенъ былъ камнями св. Стефанъ и гдѣ находится гробъ его. Тутъ-же—плоская каменная гора, разсѣвшаяся во время распятія Христова и называемая—адъ. Потомъ всѣ люди съ великою радостію входятъ въ Іерусалимъ воротами, находящимися близъ дома Давидова: ворота тѣ зовутся Веніаминовыми. По вступленіи въ Іерусалимъ, открывается путь чрезъ весь городъ, на право къ Святая Святыхъ, а на лѣво къ святому Воскресенію, гдѣ находится гробъ Господень». Описывая Іорданъ, нашъ путешественникъ замѣчаетъ: «сподобилъ меня Богъ трижды быть на Іорданѣ. Былъ я тамъ и въ самый праздникъ водокрещенія со всею дружиною моею и видѣлъ благодать Божію, сходившую на воды Іорданскія. Тогда приходятъ къ рѣкѣ безчисленное множество народа со свѣчами, и всю ночь бываетъ пѣніе изрядное при гореніи безчисленнаго множества свѣчь. Въ полночь совершается освященіе воды: тогда Духъ Святый сходитъ на воды Іорданскія. Люди достойные ясно видятъ это схожденіе Св. Духа, а всѣ не видятъ, но только всякъ тогда ощущаетъ въ сердцѣ радость и веселіе. Когда погрузятъ честный крестъ

и запоютъ: «во Іорданѣ крещающуся ти, Господи», тогда всѣ присутствующіе бросаются въ воды Іордана». Или послушаемъ, какъ повѣствуетъ Даніилъ о поставленіи имъ лампады на гробѣ Господнемъ отъ лица Русской земли: «Въ великую пятницу, въ первомъ часу дня, пошелъ я, худый и недостойный, къ князю Балдуину и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовію и сказалъ: «чего хочешь, игумене русскій»? Онъ зналъ меня хорошо и очень любилъ: потому что онъ былъ человѣкъ добрый и смиренный и ни мало не гордился. Я отвѣчалъ ему: «Княже мой и господине! молю тебя ради Бога и ради князей русскихъ, — я хотѣлъ бы поставить лампаду свою на св. гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли, и за всѣхъ князей нашихъ, и за всѣхъ христіанъ Русской земли». Князь съ радостію повелѣлъ мнѣ поставить лампаду и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иконому храма св. Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принести кадило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостію, купилъ большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ примѣси воды, и уже вечеромъ принесъ къ гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ двери къ гробу Господню, велѣлъ разуться и босаго ввелъ меня одного ко гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою моими грѣшными руками въ ногахъ; а въ головахъ стояла лампада греческая, а на персяхъ гроба стояла отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ поставилъ я грѣшный русскую лампаду. Благодатію же Божіею всѣ тѣ три лампады зажглись сами собою, а

фряжскія лампады, висѣвшія въ верху, не возгорѣлись ни одна. Поставивъ лампаду мою на святомъ гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, я поклонился честному гробу тому и, облобызавъ съ любовію и со слезами св. мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Іисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостію»...

Нельзя, наконецъ, не остановиться на послѣсловіи, которымъ оканчиваетъ Даніилъ свою книгу: такъ оно простосердечно и трогательно: «я ходилъ туда (въ Іерусалимъ)—говоритъ онъ,—въ княженіе русскаго вел. князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго. Богъ—свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣстахъ я не забылъ князей русскихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благаго Бога за то, что Онъ сподобилъ меня, худаго, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на ектеніи. Эти имена: Михаилъ—Святополкъ, Василій — Владиміръ, Давидъ Всеславичъ, Михаилъ — Олегъ, Панкратій — Ярославъ Святославичъ, Андрей — Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій. Только я припомнилъ именъ и все то вписалъ у гроба Господня, кромѣ вообще князей и бояръ русскихъ. Во всѣхъ св. мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ св. гроба, и отъ всѣхъ св. мѣстъ, и да пріиметъ таковый мзду отъ Бога наровнѣ съ ходившими

до св. града Іерусалима и видѣвшими св. мѣста сіи: блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную: по истинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но, Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, не зазрите моему худоумію и моей грубости, и да не будетъ въ похуленіи писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради св. мѣстъ. Читайте его съ любовію, да пріимете мзду отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами».

Послѣ игумена Даніила можно было бы упомянуть еще объ одномъ русскомъ писателѣ первой половины XII вѣка, іеродіаконѣ и доместикѣ Антоніева новгородскаго монастыря, Кирикѣ, который въ 1134 г., будучи 26 лѣтъ, написалъ небольшое сочиненіе касательно хронологіи и пасхаліи. Но такъ какъ другое, болѣе важное и значительное произведеніе его несомнѣнно относится ко второй половинѣ XII вѣка: то объ этомъ писателѣ сказано будетъ впослѣдствіи.

Кромѣ сочиненій, принадлежащихъ извѣстнымъ нашимъ писателямъ разсматриваемаго нами періода, сохранились еще нѣкоторыя сочиненія русскихъ писателей того времени, неизвѣстныхъ по имени. Таково описаніе жизни и чудесъ св. Николая, мvрликійскаго чудотворца, начинающееся словами: «во дни прежняя благоволи Богъ взыскати писанья отъ Пророкъ», и раздѣленное на 40 главъ. Въ главѣ 33-й авторъ описываетъ одно чудо св. Николая, совершившееся въ Царьградѣ при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ (1043—1059), когда самъ авторъ находился въ Царьградѣ; въ главѣ 34-й разсказываетъ о другомъ чудѣ тогоже Угодника, бывшемъ при императорѣ Константинѣ — или Мономахѣ

(1042—1055), или Дукѣ (1059—1067) ([263]); наконецъ въ 40-й главѣ повѣствуетъ о событіи кіевскомъ, — о спасеніи св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Днѣпръ,—которое случилось къ концу XI вѣка ([264]). Таково же слово на перенесеніе честныхъ мощей св. Николая изъ Мүръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, начинающееся словами: «присно убо должны есмы, братіе, праздникы Божія, творяще, дръжати!» Здѣсь сочинитель прямо говоритъ, что это чудесное перенесеніе послѣдовало «въ нынѣшняя времена, въ *нашу* память, въ *наши* дни — лѣта въ тысящное лѣто и 95-е отъ воплощенія самаго Бога, при цари Гречестѣмъ и самодръжци Констянтина града Алексѣи Комнинѣ и патріарсѣ его Николѣ, а въ лѣто рускыхъ *нашихъ* князей, христолюбиваго и великаго князя *нашего* Всеволода въ Кіевѣ и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ». Потомъ излагаетъ самую исторію перенесенія мощей св. Николая, подробно исчисляетъ совершенныя имъ при перенесеніи чудеса, повѣствуетъ о новой церкви, въ честь его устроенной, куда поставлены были его св. мощи, и о новомъ въ честь его празднествѣ ([265]).

([263]) Болѣе подробныя соображенія объ этомъ Житіи см. въ статьѣ: «Нѣкоторые Памятники Славян. Письм. до—Монг. Періода», помѣщ. въ Москвитян. 1845, ч. VI, № 12, стр. 140.

([264]) Въ Сказаніи о чудѣ св. Николая надъ новгор. княземъ Мстиславомъ въ 1113 г. замѣчено, что чудо, совершенное тѣмъ же Святителемъ въ Кіевѣ надъ утопшимъ младенцемъ, случилось въ тѣ самые дни, когда было перенесеніе мощей Угодника изъ Мүръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, и что кіевское чудо предшествовало новгородскому (Рук. Сборн. моей библ. № 14, стат. 13).

([265]) Это слово находится въ Сборн. моей библ. № 1, ст. 17; № 3, ст. 7, и въ Торжеств. Рум. Муз. № 435, л. 344, № 436, л. 217 Между списками есть разности.

Это русское сочиненіе несомнѣнно относится къ концу XI или къ самому началу XII столѣтія. Таково, наконецъ, Житіе преп. Антонія кіевопечерскаго, составленное неизвѣстнымъ въ XI вѣкѣ и существовавшее еще въ XIII столѣтіи, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее: въ немъ заключались, кромѣ драгоцѣнныхъ сказаній о самомъ Антоніѣ, и «вся житія» другихъ печерскихъ подвижниковъ, «аще и вкратцѣ речена»([266]). Потеря для нашей церковной исторіи невознаградимая!

II.

Между тѣмъ, какъ Русскіе, едва ознакомившіеся съ св. вѣрою и просвѣщеніемъ изъ Греціи, испытывали себя почти во всѣхъ родахъ духовной словесности,— бывшіе у насъ въ то время первосвятители-Греки составляли писанія преимущественно въ двухъ родахъ: полемическомъ и каноническомъ. Первый родъ сочиненій былъ тогда господствующимъ на всемъ востокѣ по обстоятельствамъ времени: блюстители православія чувствовали нужду обличать заблужденія Латынянъ, окончательно отторгшихся въ половинѣ XI вѣка отъ вселенской Церкви и употреблявшихъ всѣ средства къ совращенію православныхъ. Послѣдній родъ сочиненій казался необходимымъ собственно по обстоятельствамъ юной русской Церкви, въ которой еще многое надле-

---

([266]) Какъ свидѣтельствуютъ Симонъ и Поликарпъ, писатели XIII вѣка, въ своихъ сказаніяхъ о кіево-печерскихъ инокахъ. (*Кубарев.* о Патерик. Печер. стр. 14 — 15, въ Чт. Моск. Ист. Общ. 1847, № 9, отд. I). Въ XI вѣкѣ читалъ это житіе преп. Ѳеодоръ печерскій, умершій въ 1093 г. (см. рукоп. житіе преп. Ѳеодора и Василія въ Посл. Поликарпа).

жало благоустроять и вообще открывалось много новыхъ случаевъ къ частнѣйшему примѣненію общихъ законовъ церковныхъ. Къ писателямъ того и другаго рода принадлежали наши тогдашніе митрополиты: Георгій (ок. 1065 — 1079), Іоаннъ II (1080 — 1088) и Никифоръ (1104—1121).

Митрополитъ Георгій оставилъ послѣ себя какое-то писаніе каноническое, которое еще существовало въ XII вѣкѣ (267); но это писаніе до насъ не дошло. Другое сочиненіе его противъ Латынянъ до настоящаго времени скрывалось въ неизвѣстности, но недавно найдено нами въ рукописномъ Сборникѣ конца XV или начала XVI вѣка, подъ заглавіемъ: «Георгія, митрополита кіевскаго, стязанье съ Латиною; винъ числомъ 70 (268)». Георгіемъ у насъ назывался одинъ только митрополитъ,—современникъ преп. Θеодосія печерскаго. И въ самомъ содержаніи означеннаго сочиненія не только нѣтъ ничего противнаго тому времени, напротивъ, что весьма замѣчательно,—нѣкоторыя обвиненія противъ Латынянъ выражены почти тѣми же самыми словами, какими и въ подобномъ сочиненіи преп. Θеодосія (269). Не упоминаемъ уже о древности языка.

---

(267) Тогда два раза сослался на это сочиненіе извѣстный Кирикъ въ своихъ вопросахъ новгор. епископу Нифонту (см. вопрос. по рук. и снес. Пам. Росс. Словес. XII вѣка, стр. 193).

(268) Сборн. новг. Соф. библ. № 522, л. 102—106. Число винъ показано 70 вмѣсто 27: это, конечно, описка.

(269) Читаемъ напримѣръ — а) *у Θеодосія*: «иконъ не цѣлують, ни св. мощей, и крестъ цѣлують, лежаще, написавше на земли, а вставше попирають ногами»; а) *у Георгія*: «иже св. иконъ воображенья на помостѣхъ церковныхъ написають, не да я почтатъ, но попирають ногами»; б) *у Θеодосія*: «имени не нарицають Святаго, но како прозовутъ родиели, въ то имя и крестятъ»; б) *у Георгія*: «не нарицають имени въ

Предположить, чтобы кто-либо у насъ въ XV или въ XVI вѣкѣ вздумалъ сдѣлать подлогъ этого сочиненія и приписать его митрополиту Георгію, нѣтъ никакого основанія: если и появлялись у насъ тогда подложныя сочиненія, то обыкновенно подъ именами знаменитѣйшихъ Отцевъ и Учителей Церкви,—Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и под., а не такихъ безвѣстныхъ архипастырей, каковъ Георгій, ничѣмъ не отмѣченный въ лѣтописи. Не надписано ли надъ сочиненіемъ, по ошибкѣ, имя Георгія митрополита вмѣсто имени митрополита Никифора, — такъ какъ это сочиненіе имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ посланіемъ послѣдняго къ вел. кн. Владиміру Мономаху ([270])? Но съ другой стороны, сочиненіе, усвояемое Георгію, имѣетъ и отличія отъ посланія Никифорова: въ первомъ дѣлаются обращенія прямо къ Латинамъ; въ послѣднемъ къ вел. кн. Владиміру Мономаху; въ первомъ изложено 27 обвиненій противъ Латинянъ, въ послѣднемъ только 20; въ первомъ эти обвиненія расположены совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели въ послѣднемъ. Естественно могло быть, что митрополитъ Никифоръ, когда вел. князь спросилъ его о вѣрѣ латинской, вос-

---

крещенья епископи и попове ихъ по имени Святаго или Святыя, но иниже нати наречеть, въ тоже имя и крестятъ»; в) *у Θеодосія*: «ядятъ съ псы..., ядятъ жълвы, и дикія кони, и ослы, и удавленину, и мертвьчину, и медвѣдину, и бобровину»; в) *у Георгія*: «ядятъ и жълвь нечистую..., ядятъ медвѣдину и ослы, и попове ихъ ядятъ въ говенье бобровину..., ядятъ съ псы въ одиномъ сосудѣ, сами ядше, а избытокъ поставляютъ псомъ»; г) *у Θеодосія*: «попове ихъ не женятся законьною женою, но съ рабами дѣтей добываюче, а служать невъзбраньно»; г) *у Георгія*: «попове ихъ наложници имутъ..., и дѣти добывають, и служать невъзбраньно».

([270]) Напечатано въ Памяти. Росс. Слов. XII в. стр. 157—163.

пользовался въ своемъ отвѣтѣ сочиненіемъ своего предшественника, выбравъ оттуда то, что казалось болѣе важнымъ и справедливымъ, и присовокупивъ въ началѣ и концѣ приличныя обращенія къ князю (271). Особеннымъ поводомъ къ написанію сочиненія противъ Латинянъ могъ послужить для митрополита Георгія извѣстный въ нашей исторіи случай, когда папа Григорій VII покушался обратить къ своему исповѣданію нашего вел. кн. Изяслава и даже прислалъ къ нему (въ 1075 г.) свое посланіе (272).

«Стязанье съ Латиною» митрополита Георгія начинается словами: «когда великій Константинъ принялъ отъ Христа царство, и вѣра христіанская съ того времени начала болѣе расти и распространяться всюду, и царство ветхаго Рима преложилось въ Константинъградъ: тогда послѣдовали седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ. На эти седмь Соборовъ папы стараго Рима или приходили сами, или присылали своихъ епископовъ, — и св. Церкви имѣли между собою единство и общеніе, тоже мыслили, тоже проповѣдывали. Потомъ старымъ Римомъ и всею тою землею овладѣли Нѣмцы и, спустя немного времени, старые мужи правовѣрные, которые хранили законъ Христовъ и правила св. Апостоловъ и св. Отцевъ, скончались. По смерти ихъ, люди молодые и неутвержденные увлеклись прелестію нѣмецкою и впали въ вины различныя и многія, запрещенныя и осужденныя божественнымъ закономъ, и когда, несмотря на совѣты многихъ другихъ церк-

(271) Въ посланіи м. Никифора нѣтъ, между прочимъ, тѣхъ пунктовъ, которые представлены нами въ примѣч. 269 изъ посланія Георгія.

(272) Hist. Russ. Monum. 1, № 1.

вей, не захотѣли оставить творимаго ими зла, — то и отвержены были отъ насъ. Евангеліе ихъ, какъ доброе и поклоняемое, почитается въ великой церкви, но почитается на обличеніе имъ и на судъ: потому что не живутъ, какъ оно велитъ». Вслѣдъ за этимъ исчисляются самыя заблужденія латинскія, между которыми, какъ мы уже замѣтили о такомъ же сочиненіи преп. Ѳеодосія печерскаго и должны замѣтить о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ того времени,—есть заблужденія важныя и неважныя, есть такія, которыя дѣйствительно принадлежали всей церкви римской, и такія, которыя могли относиться только къ частнымъ лицамъ или были разглашаемы противъ Латинянъ несовсѣмъ вѣрно. Остановимся на нѣкоторыхъ обвиненіяхъ болѣе важныхъ: «Латиняне,—говоритъ нашъ архипастырь — служатъ на опрѣснокахъ и ѣдятъ ихъ: это по жидовски; Христосъ же не предалъ того и совершилъ св. тайны не на опрѣснокахъ, а на хлѣбѣ совершенномъ и кисломъ... На св. литургіи не совершаютъ ни великаго, ни малаго выхода, и службу творятъ не въ олтарѣ, а во всей церкви, три, четыре и пять разъ въ одинъ день въ той же церкви. Въ св. правилѣ: «вѣрую во единаго Бога»... сдѣлали злое и неразумное приложеніе. Св. Отцы написали: «и въ Духа святаго, Господа, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго»,—а они (Латыняне) отъ себя приложили: «иже отъ Отца и *отъ Сына*». Это есть великое зловѣріе и ведетъ къ Савелліевой ереси. Чрезъ такое приложеніе они низвращаютъ вѣру св. Отцевъ перваго и втораго вселенскихъ Соборовъ и слова Спасителя, который сказалъ: *егда пріидетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ* (Іоан.

15, 26). Не сказалъ Христосъ: иже отъ *насъ* исходитъ, — значитъ это приложеніе есть зловѣріе и великая ересь. Измѣнили слова св. апостола Павла: *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Кор. 5, 6); а они говорятъ: малъ квасъ все смѣшеніе *тлитъ*... Возбраняютъ жениться дьякамъ, которые желаютъ ставиться въ попы, и не поставляютъ въ попы женатыхъ, вопреки правиламъ св. Соборовъ... Позволяютъ одному мужу жениться на двухъ родныхъ сестрахъ: такъ какъ, по смерти первой жены, онъ можетъ поять ея родную сестру. Позволяютъ епископамъ носить на рукѣ перстень, епископамъ и попамъ ходить на войну и обагрять руки свои кровію, держать наложницъ... Постятся въ субботы... Ѣдятъ удавленину и мертвечину... Чернецамъ епископы позволяютъ ѣсть свиное сало и иныя мяса... Не принимаютъ святыхъ и великихъ Отцевъ нашихъ и Учителей (это обвиненіе могло относиться развѣ только къ нѣкоторымъ Латинянамъ), какъ то: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, и ученія ихъ не имѣютъ, по высотѣ и строгости добродѣтельнаго житія ихъ. Въ св. крещеніи крестятъ въ едино погруженіе, говоря: во имя Отца и Сына и Св. Духа (и это обвиненіе могло касаться только частныхъ лицъ)... Крещаемымъ сыплятъ соль въ уста, и называютъ ихъ не по имени Святаго или Святой, но какъ назоветъ мать. Не хотятъ поклоняться св. мощамъ, а нѣкоторые изъ нихъ не чтутъ и св. иконъ... Изображаютъ иконы на мраморѣ и на помостахъ церковныхъ не за тѣмъ, чтобы чтить ихъ, а попираютъ ихъ ногами не только простые люди, но и священники и чернецы»... Въ заключеніе митрополитъ Георгій сильно вооружается противъ несправедливаго

упрека, какой дѣлали Латиняне нашимъ инокамъ за то, что они ѣдятъ яйца и молоко, и показываетъ, что вкушеніе той и другой пищи не противно обѣтамъ иночества, между тѣмъ какъ римскіе монахи ѣдятъ свиное сало, вопреки правиламъ древней Церкви, и чрезъ то утучняютъ свое тѣло и возбуждаютъ въ себѣ страсти.

Отъ митрополита Іоанна II, котораго современный лѣтописецъ называетъ съ одной стороны добрымъ и кроткимъ, а съ другой—хитрымъ въ книгахъ и ученьи (273), дошли до насъ два посланія: одно къ папѣ римскому, другое къ черноризцу Іакову.

Первое посланіе, сохранившееся не только во многихъ славянскихъ спискахъ, но и въ греческихъ и даже въ латинскомъ переводѣ, несомнѣнно принадлежитъ Іоанну II: потому что въ греческихъ спискахъ оно надписывается: «отъ Іоанна, митрополита русскаго, къ *Клименту*, папѣ римскому». А изъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ, носившихъ имя Іоанна, только двое — Іоаннъ II (1080—1088) и Іоаннъ III (1089) имѣли себѣ современникомъ папу, или точнѣе, антипапу Климента, который, по настоянію нѣмецкаго короля Генриха IV, противодѣйствовавшаго Григорію VII Гильдебранду, избранъ былъ въ папы на сеймѣ въ Бриксенѣ (25 іюля 1080 г.) изъ архіепископовъ равенскихъ, подъ именемъ Климента III, и умеръ въ 1110 г., послѣ многолѣтняго сопротивленія законнымъ папамъ. Но митрополитъ Іоаннъ III, который, по лѣтописи, былъ «некниженъ и умомъ простъ и просторекъ», не могъ писать къ папѣ Клименту III. Слѣдовательно остается приписать

---

(273) П. Соб. Русск. Лѣт. I, 83.

посланіе ученому и кроткому митрополиту Іоанну II ([274]). Случай къ написанію посланія подалъ самъ Климентъ III: противоборствуя законнымъ папамъ, не признаваемый въ Римѣ, онъ хотѣлъ сблизиться съ восточными іерархами, хвалилъ православную вѣру, желалъ соединенія церквей, и прислалъ съ такими извѣстіями къ нашему митрополиту своего епископа. Отсюда объясняется, почему нашъ первосвятитель, вопреки духу того времени, обращается въ посланіи къ римскому первосвященнику съ отверстою любовію, говоритъ съ кротостію, называетъ его законнымъ пастыремъ, нимало однакожъ не колеблясь обличать самыя заблужденія Латынянъ. Достойно также замѣчанія, что, при изложеніи этихъ заблужденій, Іоаннъ II не разъ выражается: «якоже слышахомъ», или: «аще тако суть, аще воистину творимая вами, якоже слышахомъ», и тѣмъ показываетъ, что у насъ тогда, какъ и на всемъ востокѣ, судили о заблужденіяхъ латинскихъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно.

Обстоятельства всего дѣла довольно объясняются въ началѣ посланія: «Я узналъ,—пишетъ нашъ первосвятитель къ римскому, — твою любовь о Господѣ, воистину человѣкъ Божій и достойный каѳолическаго сѣдалища и призванія: потому что, и находясь далеко

([274]) Подробнѣе см. у г. *Неволина:* «о митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ архіепископу римскому Клименту о опрѣснокахъ» (Извѣс. Импер. Ак. Наук. по 2 отд. II, 96), и г. *Григоровича:* «Посланіе м. Іоанна II», при чемъ напечатанъ и греческій текстъ посланія, и славянскій (Учен. Зап. Втор. Отд. Импер. Ак. Наук., отд. III, стр. 1—20). Это посланіе напечатано также въ Памятн. Рос. Слов. XII в. стр. 205.

отъ нашей худости и смиренія, ты досягаешь даже до насъ крилами своей любви, и привѣтствуешь насъ законно и любезно, и молишься о насъ въ духѣ, и догматы нашей непорочной и православной вѣры пріемлешь и почитаешь, какъ возвѣстилъ и подлинно изъяснилъ намъ всечестный и добродѣтельный епископъ твоего священства. Если же это такъ и такой данъ намъ отъ Бога архіерей, а не подобный тѣмъ, которые немного прежде сего архіерействовали противно истинѣ и извратили благочестіе (разумѣются, вѣроятно, предшественники Климента III, папы Левъ IX и Григорій VII): то и я, худшій изъ всѣхъ, привѣтствую твою священную главу и мысленно лобызаю ее и всегда желаю, да хранитъ тебя всегда свыше всесильная десница и да даруетъ всеблагій и милосердый Господь совершиться возсоединенію между нами и вами. Не знаю, какъ возникли соблазны и преграды на божественномъ пути, и крайне удивляюсь, какъ и почему даже до нынѣ не послѣдовало исправленія. Не знаю, какой лукавый демонъ, какой завистливый врагъ истины и противникъ благочестія произвелъ все это и расторгъ нашу братскую любовь и единодушіе всего христіанскаго общества. Не вообще я это говорю: ибо мы знаемъ васъ, благодатію Божіею, и во многомъ совершенно принимаемъ, какъ христіанъ; но знаемъ также, что вы не во всемъ съ нами согласны и въ нѣкоторыхъ вещахъ отъ насъ отдѣлились. Вотъ смотрите,—я покажу вамъ»... Въ слѣдующемъ за тѣмъ разсужденіи нашего митрополита объ отступленіяхъ Латинянъ различаются три части: въ первой онъ говоритъ, что всѣми христіанами признаются седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ, какъ основанія православ-

ной вѣры, и раскрываетъ, что на каждомъ изъ этихъ соборовъ присутствовали и римскіе первосвященники,— или сами лично, или чрезъ своихъ пословъ. Во второй исчисляетъ шесть, болѣе извѣстныхъ, заблужденій Латинянъ, именно: касательно поста въ субботу, несоблюденія поста въ первую недѣлю великаго поста, запрещенія священникамъ жениться, запрещенія священникамъ совершать таинство мvропомазанія, употребленія опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи и прибавленія къ сvмволу: «и отъ Сына». Въ третьей, наконецъ, части по порядку показываетъ, что каждое изъ означенныхъ шести заблужденій латинскихъ несогласно съ правилами вселенскихъ Соборовъ. Всѣ доказательства митрополита основательны и справедливы. Заключеніе посланія не менѣе достопримѣчательно, какъ и вступленіе. «Итакъ прошу тебя, — говоритъ Іоаннъ II, — и умоляю и припадаю къ священнымъ стопамъ твоимъ, чтобы вы отстали отъ всѣхъ этихъ заблужденій, особенно же отъ употребленія опрѣсноковъ и приложенія къ сvмволу: потому что первое опасно по отношенію къ таинству св. причащенія, а послѣднее—по отношенію къ православной вѣрѣ. Хотѣлъ я написать къ тебѣ еще объ удавленныхъ и нечистыхъ животныхъ, и о монахахъ, вкушающихъ мяса; но дастъ Богъ, что все это и многое, тому подобное, вы исправите впослѣдствіи. Ты же прости мнѣ ради Господа, написавшему сіе отъ великой любви. И если истинно, какъ мы слышали, совершаемое вами: то испытайте писанія и вы увидите, что всѣ такія вещи требуютъ исправленія. Еще молю любовь твою о Господѣ прежде всего, если пожелаешь, написать къ святѣйшему нашему патріарху Константинополя и къ на-

ходящимся тамъ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ слово жизни, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтила, и могутъ благодатію Божіею все таковое изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою и исправить; а потомъ, если будетъ тебѣ благоугодно, написать и худшему изъ всѣхъ— мнѣ. Привѣтствую любовь твою о Господѣ я, Іоаннъ, недостойный митрополитъ русскій, и весь подвластный тебѣ клиръ и народъ. Привѣтствуютъ васъ также вмѣстѣ съ нами и всѣ наши святые и боголюбезнѣйшіе епископы, и игумены, а съ ними и весь священный клиръ и народъ».

Другое посланіе Іоанна II извѣстно только по рукописямъ славянскимъ подъ заглавіемъ: «Іоанна, митрополита русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ, Іакову черноризцу (275)». Слогъ этого посланія крайне невразумителенъ и далеко отстоитъ отъ слога современныхъ писателей, собственно русскихъ: Иларіона, Өеодосія и Нестора. Невразумительность могла зависѣть отъ двухъ причинъ: или отъ того, что Іоаннъ, не довольно знакомый съ славянскимъ языкомъ, написалъ прямо по-славянски; или отъ того,—если онъ написалъ посланіе по-гречески,—что переводчикъ недостаточно понималъ языкъ греческій или славянскій. Содержаніе посланія весьма разнообразно и не отличается порядкомъ: отвѣчая на письменные вопросы черноризца Іакова, митрополитъ, очевидно, излагалъ

(275) Напечат. въ Росс. Достопам. I, 83 — 103. Но мы пользовались также списками этого посланія, помѣщен. въ рукоп. Кормчихъ Румянц. Муз. № 231, л. 309; № 235, л. 259; № 238, л. 385. Списки довольно поясняютъ одинъ другой.

свои отвѣты такъ, какъ слѣдовали одинъ за другимъ вопросы. Посланіе раздѣлено на главы, по однимъ спискамъ на 27, по другимъ на 26 и менѣе; но это раздѣленіе—совершенно неправильное и, безъ сомнѣнія, сдѣлано не самимъ сочинителемъ, а кѣмъ либо впослѣдствіи: въ нѣкоторыхъ главахъ соединено по нѣскольку разнородныхъ отвѣтовъ, напримѣръ, въ первой—до шести; въ другихъ содержится только часть отвѣта, т. е. одинъ отвѣтъ раздѣленъ между двумя главами, напримѣръ, между 7 и 8, 14 и 15, 21 и 22. Всѣхъ частныхъ отвѣтовъ или правилъ въ посланіи 35; но ихъ можно подвести подъ пять, болѣе общихъ, отдѣловъ. Въ однихъ правилахъ митрополитъ касается нашей іерархіи и вообще духовенства, бѣлаго и монашествующаго, ихъ правъ, обязанностей и образа жизни (прав. 8. 10. 14. 16. 18. 25. 26. 27. 32. 33. 34. 35). Въ другихъ—храмовъ, иконъ и вообще церковной святыни (прав. 9 и 11); въ третьихъ—мірянъ, ихъ поведенія и недостатковъ (пр. 6. 7. 15. 30. 31); въ четвертыхъ—дѣлъ брачныхъ (—12. 17. 21. 23. 24), семейныхъ (—1. 2. 20), домашнихъ (—3); въ пятыхъ—отношенія къ Латинянамъ (—4. 5. 13), Евреямъ и язычникамъ (19. 22. 28. 29). Не станемъ излагать здѣсь содержаніе этихъ правилъ: потому что почти всѣ они будутъ приведены по частямъ въ разныхъ мѣстахъ нашей исторіи.

Митрополиту Никифору усвояются по рукописямъ—три посланія противъ Латинянъ: одно къ вел. князю Владиміру Мономаху ([276]), другое къ неизвѣстному княз-

---

([276]) Напеч. въ Памятн. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 153.

зю ([277]), третье—къ князю муромскому Ярославу Святославичу (1096—1129) ([278]),—и два сочиненія о постѣ церковномъ: изложенное въ видѣ посланія къ тому же вел. князю Мономаху ([279]), и написанное въ формѣ поученія ко всему духовенству и народу ([280]).

Посланіе къ вел. кн. Владиміру Мономаху о Латинахъ написано по запросу князя. «Ты спрашивалъ насъ, благородный княже, — пишетъ митрополитъ, — за что отлучены Латиняне отъ святой, соборной и православной Церкви: и вотъ я, какъ обѣщался благородству твоему, повѣдаю тебѣ вины ихъ». За тѣмъ святитель повторяетъ то самое, что мы читали въ началѣ посланія митроп. Георгія противъ Латинянъ, и излагаетъ вины или заблужденія Латинянъ (числомъ 20), воспользовавшись, по всей вѣроятности, какъ нами уже замѣчено, сочиненіемъ этого своего предшественника: потому что говоритъ почти вездѣ тѣми же словами, только по мѣстамъ короче и въ другомъ порядкѣ. По исчисленіи винъ, Никифоръ снова обращается къ вел. князю,—чего нѣтъ въ посланіи Георгія: «ты же, кня-

---

([277]) Извѣстно намъ по Корич. Рум. Муз. № 233, л. 371 — 375, подъ заглавіемъ: «Слово Святаго Никифора, Митрополита всея Руськыя Земля».

([278]) Помѣщ. въ Макар. Чети-Мин. подъ 31 числ. Августа (Чт. Моск. Истор. Общ. 1847, № 4, отд. IV, стр. 71). Снес. *Строев*. Указаніе Матер. Отеч. Истор. въ Ж. М. Н. П., 1834, № 2. стр. 134. Мы пользовались спискомъ, заимствованнымъ изъ Макар. Чети-Мин. Моск. Успенскаго Собора, гдѣ посланіе это озаглавлено такъ: «Посланіе отъ Никифора, митрополита всея Руськыя земля, написаніе на Латыну, ко Ярославу, князю мурьскому, Святославичу — сына Ярославля, о ересѣхъ».

([279]) Напеч. въ Русск. Достоп. I, 59—75.

([280]) Находится въ рук. Чиновникѣ или Уставѣ новг. Соф. библ. XVII вѣка, безъ № (Евг. Слов. Дух. Пис. II, 96, изд. 2). Этотъ Уставъ мы имѣли подъ руками.

же мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читають и сыны твои. Князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами подпорами для св. Церкви въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ. Одинъ Богъ царствуетъ на небесахъ, а вамъ, съ помощію Его, опредѣлено царствовать здѣсь — на земли въ роды и роды. И такъ какъ вы избраны отъ Бога и возлюблены Имъ, и сами возлюбили Его: то разумѣйте и испытывайте слова Его, чтобы, и по отшествіи изъ сего тлѣннаго міра, соцарствовать вамъ съ Нимъ на небесахъ, какъ вѣруемъ и надѣемся, молитвами св. Богородицы и всѣхъ Святыхъ».

Другое посланіе митрополита Никифора о Латинахъ къ неизвѣстному князю начинается словами: «такъ какъ въ судахъ у тебя (т. е. въ твоемъ владѣніи), чадо блаженное и сынъ свѣта, есть земля Лядская (Польская), и живущіе на ней служатъ на оплаткахъ и приняли латинское ученіе: то я извѣщаю тебя, по какой причинѣ отступили они отъ святой, соборной, апостольской Церкви». Изъ этихъ словъ можно догадываться, что посланіе написано, вѣроятно, къ князю волынскому: потому что у него только во владѣніи была земля Лядская, — находились червенскіе города, взятые нѣкогда у Польши, и были живущіе, которые служили на оплаткахъ, — многіе Поляки, выведенные вел. кн. Ярославомъ изъ Польши и разселенные по рѣкѣ Роси ([281]). Видно также, что митрополитъ по-

(281) *Карамз.* Ист. Госуд. Росс. I, 203; II, 25, изд. 2.

двигся написать это посланіе единственно по сознанію своего пастырскаго долга, заботясь предохранить своихъ духовныхъ чадъ отъ вліяній Латинства. Настоящее посланіе Никифора совершенно отлично отъ подобнаго посланія его къ Владиміру Мономаху: потому что, хотя излагаетъ нѣкоторые и тѣже предметы, но вмѣстѣ излагаетъ нѣкоторые другіе и раскрываетъ первые въ иномъ видѣ, въ иномъ порядкѣ. Въ составѣ посланія, послѣ небольшаго вступленія, изъ котораго мы привели только начало, можно различать двѣ главныя части. Въ первой кратко исчисляются одно за другимъ разныя отступленія Латинянъ, каковы: прибавленіе къ символу—*и отъ Сына*, совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ, обычай епископовъ ходить на войну, постъ въ субботу, безженство священниковъ и под. Въ числѣ этихъ отступленій упоминаются нѣкоторыя новыя, какія не упоминались въ прежнихъ нашихъ подобнаго рода сочиненіяхъ. Напримѣръ говорится: «а вотъ иное зло: если случится въ субботу, или въ среду, или въ пятницу Рождество Христово, или Богоявленіе, или другой господскій праздникъ,—они (Латиняне) поста не разрѣшаютъ, но какъ будто бы сѣтуютъ, когда съ ними находится Женихъ». Или: «они говорятъ, что не должно инымъ языкомъ хвалить Бога, а только тремя: еврейскимъ, еллинскимъ и римскимъ. Въ этомъ они заблуждаютъ: Христосъ умеръ за всѣхъ, и Пророки научаютъ всѣхъ. Давидъ говоритъ: *вси языцы восплещите руками* (Пс. 46, 2); *вси языцы пріидутъ и поклонятся предъ тобою, Господи* (85, 9); *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* (108, 6). Значитъ, всякимъ языкомъ должно хвалить Господа; ни одного народа Господь не отстраняетъ отъ прослав-

ленія Его и отъ пѣнія Ему». Первая часть оканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «вотъ почему не пріемлетъ ихъ (Латинянъ) св. соборная Церковь въ единеніе и общеніе, но, какъ членъ гнилой и неизцѣльный, отрѣзала отъ себя и отвергла. Намъ же, православнымъ христіанамъ, не должно съ ними ни ѣсть, ни пить, ни привѣтствовать ихъ. А если случится по нуждѣ православнымъ ѣсть съ ними: надобно поставить имъ трапезу особо и подавать пищу въ ихъ сосудахъ. Они хотя исповѣдуютъ Христа, но не хорошо поступаютъ. А Христосъ сказалъ: *не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21)»... Всю вторую часть митрополитъ исключительно посвящаетъ одному предмету — ученію объ евхаристіи, и раскрываетъ, что Латиняне уклонились отъ истины, совершая это таинство на опрѣснокахъ и на одномъ винѣ безъ примѣси воды. Неправость перваго нововведенія онъ доказываетъ тѣмъ, что — а) употребленіе опрѣсноковъ заповѣдано было въ ветхомъ завѣтѣ во дни пасхи, а не заповѣдано въ новомъ законѣ, евангельскомъ; б) Христосъ, по свидѣтельству Евангелистовъ, при установленіи таинства евхаристіи благословилъ, преломилъ и преподалъ ученикамъ своимъ *хлѣбъ* — ἄρτος, говоря: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое* (Лук. 14, 22), — слѣд. хлѣбъ квасный, а не опрѣснокъ; в) всѣ мы, по выраженію св. Павла, *едино тѣло есмы мнози, яко отъ единаго хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17), — отъ хлѣба, — артоса, т. е. квасиаго, а не отъ опрѣсноковъ; г) Господь преподаетъ намъ въ евхаристіи, безъ сомнѣнія, живое тѣло свое: *азъ есмь*, сказалъ Онъ, *хлѣбъ*

животный (Іоан. 6, 35), — такимъ и представляется хлѣбъ квасный, поднявшійся, созрѣвшій, какбы оживленный, а опрѣснокъ есть что-то мертвое, бездушное, сухое; д) Господь установилъ таинство евхаристіи въ 13-й день марта, когда Іудеи еще не могли употреблять опрѣсноковъ: ибо, по закону, пасха іудейская начиналась съ вечера 14 марта, а праздникъ опрѣсночный, когда надлежало употреблять опрѣсноки, начинался уже съ 15 марта,—слѣд. Господь установилъ таинство евхаристіи на хлѣбѣ квасномъ, а не на опрѣснокахъ; е) три тысячи христіанъ, обратившіеся послѣ первой проповѣди апостола Петра, *бяху*, по свидѣтельству ев. Луки, *терпяще во ученіи апостолъ и во общеніи и преломленіи хлѣба* (Дѣян. 2, 42), — хлѣба или артоса, слѣд. кваснаго, а не опрѣсночнаго... и проч. Противъ обычая Латинянъ совершать евхаристію на одномъ винѣ безъ воды нашъ митрополитъ замѣчаетъ: а) изъ ребра Спасителя на крестѣ истекла вмѣстѣ кровь и вода, «службу тайную намъ являя»; б) Іаковъ, братъ Господень, потомъ св. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, передавшіе намъ божественную службу въ письмени, заповѣдали совершать ее на винѣ, смѣшанномъ съ водою; в) соборъ карѳагенскій постановилъ: «въ святилище да не приносится ничего, кромѣ тѣла и крови Господни, якоже и самъ Господь предалъ, т. е. кромѣ хлѣба и вина, водою раствореннаго» (прав. 46). Надобно сказать, что первая часть разсмотрѣннаго нами сочиненія имѣетъ большое сходство съ другимъ сочиненіемъ неизвѣстнаго, издревле встрѣчающимся въ нашихъ Кормчихъ подъ заглавіемъ: «о Фрязѣхъ и о

прочихъ Латинахъ» ([282]): одно изъ нихъ, очевидно, составлено на основаніи другаго, хотя какое именно, сказать не можемъ ([283]).

Посланіе митрополита Никифора къ Ярославу Святославичу, князю муромскому, почти буквально сходно съ посланіемъ того же автора къ неизвѣстному князю, только-что нами разобраннымъ, за исключеніемъ весьма немногихъ и небольшихъ разностей. Первая разность встрѣчается въ приступѣ, въ которомъ странно соединены два приступа: одинъ—изъ посланія м. Никифора къ вел. кн. Владиміру Мономаху, другой—изъ посланія его же къ неизвѣстному князю. Представимъ сполна этотъ сложный приступъ съ обозначеніемъ, что откуда заимствовано: «вопрошалъ еси былъ насъ, градный княже, како отвержени быша Латына отъ святыа, сборныа, правовѣрныа, апостольскыа Церкви, отступиша: и се, якоже обѣщався благородству твоему, повѣда(ю) ти о нихъ» (— это изъ посланія къ Владиміру Мономаху). «Понеже, чадо блажене и сыну свѣта, земля Ляскаа въ сусѣдахъ у тебе есть, живущіи же на ней суть оплатки служащеи, латинское пріали ученіе: добрѣ рѣкохъ» (— это изъ посланія къ неизвѣстному князю, но только не могло имѣть пря-

---

([282]) Оно встрѣчается еще въ Коричей XIII в. и, какъ догадываются, есть переводъ съ греческаго (*Розенкампф*. о Корич. Книгѣ, примѣч. стр. 250; *Калайдов*. Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 155); потомъ—въ Коричихъ XV—XVI в. (Рум. Муз. №№ 232, 233 и др.) и помѣщено въ печатной Коричей—гл. 47.

([283]) Замѣчательно, что въ одной и той же Коричей Рум. Муз. № 233 помѣщены обѣ эти статьи, не смотря на ихъ сходство: сперва «о Фрязѣхъ» (л. 248), а далѣе «Слово св. Никифора, Митрополита всея Руския Земля» (л. 371).

маго приложенія къ князю муромскому, у котораго ни во владѣніяхъ, ни въ сосѣдствѣ не было никакой Ляшской, т. е. Польской земли и пріявшихъ латинское ученіе). «Изначала бо преже вѣкъ ветхый Римъ съ Костянтиномъ градомъ единомудрьствовше и пять патріаршествъ, иже дръжаша весь міръ въ вѣрѣ» (—изъ того же посланія съ самою небольшою перемѣною). «Понеже великій Костянтинъ пріимъ царство и крестіе и почарости, и приложися римьское царство ветхаго Рима въ Костянтинъ градъ» (—изъ посланія къ Владиміру Мономаху). «На седми святыхъ всеа вселенскыа соборехъ вкупѣ бяху, якоже папа римскый, и патріархъ Костянтина града, и патріархъ александрьскій, и патріархъ іерусалимьскій, и ученіа и преданіа святыхъ Апостолъ сохраняху вкупѣ лѣта многа» (—изъ посланія къ неизвѣстному князю). «Да 7 сборъ бысть; на 7-мь зборы папежеве (папежеве) стараго Рима, еже бы то чину, любо самъ идяше, любо своа епископы приставляше: и единьство и совокупленіе имѣаху святыа Церкви, тоже глаголющи и тоже мыслящe. Потомъ же пріяша стараго Рима Нѣмци и покорени быша Римляне, иже Латина наричутся, отъ Уандилъ, иже и нарицаются Нѣмци, и устремишася на ины обычаи паче церковныхъ, яже суть се» (— изъ посланія къ Владиміру Мономаху и нѣсколько словъ изъ посланія къ неизвѣстному князю). Потомъ во всей первой части посланія, гдѣ кратко изчисляются заблужденія Латинянъ, находится только одна существенная разность. Въ посланіи къ неизвѣстному князю говорится: «ти (Латыняне) отъ среды первой недѣли (до) пасхи *Евангеліа не чтутъ*»; а въ посланіи къ князю муромскому Ярославу, вмѣсто этого, читается: «ти отъ

среды первой недѣли до пасхи *аллилуіа не поютъ»*. Наконецъ во второй части посланія къ князю муромскому стоятъ нѣсколько строкъ, которыхъ нѣтъ въ посланіи къ неизвѣстному князю и въ которыхъ собственно оканчивается обличеніе Латинянъ за ихъ обычай совершать евхаристію на опрѣснокахъ и начинается обличеніе ихъ обычая совершать тоже таинство на одномъ винѣ безъ воды; но эти строки, безъ всякаго сомнѣнія, только пропущены по оплошности писца въ извѣстномъ намъ спискѣ посланія Никифора къ неизвѣстному князю,—въ чемъ легко убѣдиться изъ чтенія посланія. Какъ же объяснить такое сходство посланій митрополита Никифора къ различнымъ князьямъ, хотя объ одномъ и томъ же предметѣ? Оно очень естественно. Написавъ посланіе къ одному князю о заблужденіяхъ Латынянъ, митрополитъ могъ тоже самое посланіе съ нѣкоторыми перемѣнами отправить, когда находилъ нужнымъ, и къ другому, и къ третьему, и ко многимъ князьямъ русскимъ.

Лучшее сочиненіе митрополита Никифора и вообще одно изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности есть посланіе его къ вел. кн. Владиміру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ. Тутъ видѣнъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновеніемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь съ его высокими качествами человѣка — христіанина. Посланіе написано по случаю великаго поста, когда,— замѣчаетъ митрополитъ,—уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить нѣчто полезное и князьямъ. Почему первое слово въ посланіи, какъ и естественно было, — слово о постѣ: «благословенъ Богъ, — начи-

наетъ святитель,—и благословенно св. имя славы Его, благословенный и прославленный мой княже! По многой благодати своей и человѣколюбію Онъ сподобилъ насъ достигнуть настоящихъ, пречистыхъ дней св. поста, которые узаконилъ, какъ строитель нашего спасенія, для очищенія нашихъ душъ, когда постился и Самъ, въ показаніе своего вочеловѣченія, сорокъ дней, не потому, чтобы имѣлъ нужду въ постѣ, но чтобы явить намъ образъ поста. Если бы первый Адамъ, праотецъ нашъ, постился отъ древа разумнаго и сохранилъ заповѣдь Владыки: тогда вторый Адамъ, Христосъ Богъ нашъ, не требовалъ бы поста Но вслѣдствіе преступленія перваго Адама, не соблюдшаго поста, постился Онъ, да разрушитъ преслушаніе. Принесемъ же благодареніе и поклоненіе Владыкѣ, постившемуся и узаконившему для насъ постъ, и даровавшему намъ быліе душевнаго здравія! Двойственно наше бытіе: разумное и неразумное, духовное и тѣлесное. Разумное и духовное есть нѣчто божественное и чудное, и подобно безплотному естеству, а неразумное страстно и сластолюбиво. Оттого въ насъ постоянная брань: плоть противится духу и духъ плоти. И по истинѣ, нуженъ намъ постъ: онъ укрощаетъ тѣлесныя страсти, обуздываетъ противныя стремленія и покаряетъ плоть духу... Отъ этого же перваго блага происходятъ въ насъ всѣ прочія. Видишь ли, княже мой, благовѣрный и кроткій, какъ постъ есть основаніе добродѣтели? Потому-то онъ, какъ солнце, сіяетъ во всемъ мірѣ: всѣ языки совершаютъ постъ ради преступленія праотца, — одни въ то время, другіе въ другое, — одни болѣе, другіе менѣе. Но силы поста, какъ неразумные, не разумѣваютъ, и суетенъ ихъ постъ

и непотребенъ; только люди Христовы, языкъ святый, царское священіе, вѣдаютъ силу поста и, живя въ правовѣріи, благословляютъ Бога, вразумившаго ихъ, да не смятутся и не будутъ поглощены отъ древняго врага, не хотящаго нашего спасенія. И многое еще имѣлъ бы я сказать въ похвалу поста, если бы писалъ къ кому-либо другому. А такъ какъ слово мое къ тебѣ, доблестная глава наша и всей земли христолюбивой,—къ тебѣ, котораго Богъ издалеча проразумѣлъ и предопредѣлилъ, котораго отъ утробы матерней освятилъ и помазалъ, смѣсивъ отъ царской и княжеской крови, котораго благочестіе воспитало, и постъ воздоилъ, и св. купель Христова измлада очистила: то излишне бесѣдовать къ тебѣ о постѣ, а еще болѣе о непитіи вина или пива во время поста. Кто не знаетъ, что ты соблюдаешь все это? Знаютъ даже крайніе невѣжды и безчувственные, и всѣ видятъ и чудятся: вмѣсто же поученія о постѣ, чтобы исполнить уставъ церковный, мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное и скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаютъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло, смотря по тому, какъ пользуются они источникомъ, правильно или неправильно».

Послѣ такого вступленія въ посланіе, заимствованнаго отъ обстоятельствъ времени и свойствъ лица, къ которому посланіе писано, митрополитъ довольно подробно разсматриваетъ избранный предметъ съ двухъ сторонъ: то излагаетъ общія мысли, откуда и какъ происходятъ добро и зло, совершаемыя въ людяхъ; то прилагаетъ эти общія мысли къ вел. князю, испытываетъ его дѣла и преподаетъ ему приличныя наставленія.

«Вѣдай, благовѣрный княже — говоритъ святитель (постараемся представить мысли его съ возможною краткостію),—что душа наша создана дуновеніемъ Божіимъ и по образу Божію. Въ ней три части или силы: разумъ (словесное), чувство (яростное) и воля (желанное). Разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самаго Бога. И вотъ Авраамъ, незнакомый съ звѣздословіемъ, позналъ чрезъ разсматриваніе неба Творца и вѣровалъ въ Него; Енохъ угодилъ Богу и *преложися*; Моѵсей видѣлъ *задняя Божія* и чрезъ то возшелъ къ уразумѣнію Зиждителя. Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница—ангелъ, нынѣ діаволъ, но, низвративъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ Богу, палъ съ чиномъ своимъ; разумны и Еллины, но, не соблюдши разума, дошли до идолопоклонства. Вторая сила—чувство выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни ко врагамъ Божіимъ; при неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистію и под. И вотъ Каинъ злоупотребилъ чувствомъ и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моѵсей, Финеесъ и Илія ревновали по Богѣ, когда первый убилъ Египтянина, вторый—иноплеменницу, согрѣшившую съ Израильтяниномъ, третій — жрецовъ Вааловыхъ. Убиваютъ и разбойники, но убиваютъ по злобѣ и своекорыстію. Третья сила—воля: при добромъ употребленіи ея, человѣкъ постоянно имѣетъ желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него, наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога, — отъ сего веселія произрастаетъ

сѣмя жизни, бываютъ чудотворенія, пророчества, и человѣкъ мало по малу приближается къ Богу и еще на землѣ становится живымъ образомъ и подобіемъ Его».

«Ты узналъ теперь, человѣколюбивый и кроткій князь, три силы души. Узнай же и слугъ ея, чрезъ которыхъ она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ, а самъ ты господинъ и князь: такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе. Зрѣніе чувственное вѣрно: что видимъ мы при здравомъ умѣ, то видимъ вѣрно; но слухъ иногда передаетъ истину, а иногда ложь. Потому, что́ сами видимъ, тому можно вѣрить; а что слышимъ отъ другихъ, то надобно принимать съ великимъ испытаніемъ и судомъ, и тогда давать отвѣтъ. Объ обоняніи, которое должно отвращаться благоуханія, что сказать такому князю, который больше спитъ на землѣ, мало сидитъ дома, чуждается свѣтлыхъ одеждъ и, ходя по лѣсамъ, носитъ убогую одежду, и только по нуждѣ облачается въ княжескую ризу во градѣ—ради власти? Также—о вкусѣ, услаждающемся пищею и питіемъ? Мы знаемъ, что для другихъ ты приготовляешь свѣтлые обѣды по-княжески, а самъ служишь, и когда гости пресыщаются за столомъ, ты ограничиваешься малымъ вкушеніемъ и малою водою. Что касается до осязанія, которое обыкновенно простирается на имѣнія: я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ утвердился въ тебѣ разумъ, ты

постоянно благотворишь всѣмъ, не собираешь сокровищъ, ни злата, ни сребра, а раздаешь все обѣими руками, и между тѣмъ сокровищница твоя, по благодати Божіей, не оскудѣваетъ и не истощается»...

«За чѣмъ же я простеръ слово свое и такъ долго говорилъ? Да разумѣешь, княже мой, что я болю о тебѣ. И какъ тѣлесные врачи, если любятъ больнаго, бодрствуютъ надъ нимъ и стараются найти первую причину недуга: такъ и я поступилъ, искалъ первой причины и, разсмотрѣвъ тебя по душевнымъ силамъ, нашелъ ее. По разуму я нашелъ тебя благовѣрнымъ, благодатію Божіею, и неуклоняющимся отъ правой вѣры. По чувству — ревнующимъ о Богѣ до сего дня, — и молю Бога, да соблюдетъ тебя таковымъ навсегда, если не допустишь войти волку въ стадо Христово и не дашь насадить тернія въ виноградѣ Божіемъ (разумѣются, вѣроятно, покушенія Латынянъ), но сохранишь древнее преданіе своихъ отцевъ... По волѣ нельзя счесть за малое то, что уже совершилъ ты въ твоемъ возрастѣ. Испытавъ тебя по пяти чувствамъ, я обрѣтаю тебя по зрѣнію непреткновеннымъ, также по третьему чувству—обонянію, по четвертому и пятому. О второмъ же чувствѣ, т. е. слухѣ, не знаю, княже мой, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что такъ какъ самъ ты не можешь все видѣть своими очами, то служащіе тебѣ орудіями иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей и чрезъ отверстый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого донесъ и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ

Бога... Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо, опечаленный тобою, и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто написалъ тебѣ въ напоминаніе; ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи! Я осмѣлился написать тебѣ потому, что уставъ церковный и правило требуютъ въ настоящее время говорить нѣчто полезное и князьямъ. Знаемъ, что мы сами грѣшники и немощны, а думаемъ врачевать другихъ; но слово Божіе, сущее въ насъ, здраво и цѣло. Оно-то учитъ, и учимымъ должно искушать его и принимать отъ него исцѣленіе»...

Посланіе оканчивается краткимъ заключеніемъ: «наконецъ скажу тебѣ еще одно, христолюбивый княже мой,—помни третій псаломъ перваго часа, именно сотый, и со вниманіемъ пой его: *милость и судъ воспою тебѣ, Господи,* и проч. Въ немъ вѣрное изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ: онъ просвѣтитъ еще болѣе умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги твои отъ поползновенія и сподобитъ тебя достигнуть праздника Воскресенія Господня въ радости тѣлесной, въ здравіи и веселіи духовномъ. И возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, и на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ. А потомъ отъ царства дольняго вознесешься въ горнее, гдѣ—истинная пасха и истинный праздникъ».

«Поученіе митрополита русскаго Никифора въ недѣлю сыропустную, въ церкви, ко игуменомъ, и ко всему іерейскому и діяконскому чину, и къ мірскимъ лю-

демъ», прежде всего замѣчательно по своему началу, которое показываетъ, что митрополитъ—Грекъ, по незнанію русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ и, вѣроятно, въ переводѣ поручалъ произносить другимъ. Вотъ это начало: «много поученій, о любимицы мои и возлюбленныя чада о Христѣ, мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, разумѣю души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуетъ божественный Павелъ и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе». Въ самомъ поученіи первосвятитель внушаетъ своимъ слушателямъ встрѣтить и провождать наступающіе дни поста съ духовною радостію и веселіемъ, а печалиться только о грѣхахъ; показываетъ необходимость поста и покаянія *для* очищенія грѣховъ, излагаетъ условія и свойства истиннаго поста и покаянія и возбуждаетъ всѣхъ къ подвигамъ: «пріимемъ наступающіе дни съ радостію и вмѣстѣ съ Пророкомъ возопіемъ: *пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу спасителю нашему, предваримъ лице его во исповѣданіи* (Пс. 94, 1. 2)... Никто да не будетъ лишенъ добраго пѣнія, никто да не будетъ дряхлъ, но всѣ будемъ тихи и свѣтлы: о грѣхахъ только будь печаленъ. Пусть никто не думаетъ безъ сокрушенія очистить свои грѣхи и безъ поста омыть свои скверны. Очистилъ тебя Христосъ крещеніемъ и омылъ твои скверны: а ты опять

осквернился грѣхами? Прослезись же, восплачи горько, воздохни; потерпи на землѣ всякое страданіе, бдѣніе, неядение; покажи крѣпкую молитву и милостыню къ нищимъ; отпусти должникамъ долги; а если это невозможно,—то отпусти, по крайней мѣрѣ, большой ростъ, который, подобно змію, снѣдаетъ убогихъ. Если же ты постишься и между тѣмъ съ брата берешь ростъ: нѣтъ тебѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо, — не мясо овцы или другихъ животныхъ, но плоть брата твоего, закалая его злымъ ножемъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Смирись предъ лицемъ Бога, смирившагося ради тебя даже до зрака рабія. Прости обиды всѣмъ, оскорбившимъ тебя, да простятся и тебѣ грѣхи твои и да будетъ чиста твоя молитва... Потрудимся, да прославимся, да увѣнчаемся; дѣла приносятъ вѣнцы, какъ и Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19). Потерпимъ и сохранимъ налагаемыя на насъ отъ духовныхъ отцевъ епитиміи... Не устыдимся объявить грѣхи наши, чтобы не остаться намъ неизцѣленными, чтобы, вмѣсто срама временнаго, не подвергнуться вѣчному осужденію и посрамленію предъ избранными Ангелами Божіими и всѣми людьми... Умолимъ Судію, прежде нежели Онъ осудитъ насъ... Отложимъ дѣла тьмы и облечемся во оружіе свѣта, отгоняя всякую злобу отъ душъ нашихъ и насаждая въ нихъ всякую добродѣтель».... Вслѣдъ за этимъ проповѣдникъ, прерывая общія наставленія, обращается къ частному пороку, тогда господствовавшему,—къ пьянству, и продолжаетъ: «не могу здѣсь оставить безъ зазрѣнія нѣкоторыхъ, которые, не внимая божественному ученію христопроповѣдни-

ка—Апостола, дерзаютъ утверждать, будто не творятъ никакого зла чрезъ свое пьянство... Послушайте Апостола, называющаго пьянство матерью всякой злобы, всякой нечистоты и блуда: а ты говоришь, якобы нимало не согрѣшаешь, предаваясь пьянству? Пьянство есть вольный бѣсъ, пьянство есть дщерь діавола, пьянство есть смерть уму... Все это сказалъ я не для того, чтобы посрамить своихъ,—да не будетъ! — я ихъ отъ души люблю; но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство». Въ заключеніе слова святитель восклицаетъ: «се нынѣ, возлюбленные, время благопріятное! се нынѣ день спасенія! Пришла весна душъ нашихъ! Нынѣ бѣсы боятся; нынѣ князь міра сего, видя насъ, гнѣвается и скрежещетъ зубами; нынѣ ангельскія силы радуются, нынѣ Апостолы и всѣ лики праведниковъ веселятся; скажу болѣе, — и самъ Богъ радуется о нашемъ покаяніи, не хотя нашей смерти, но ожидая обращенія. Посему умоляю васъ, станемъ единодушно всѣ на брань противъ врага, силою Св. Духа, и облечемся *во вся оружія Божія*, какъ наставляетъ божественный Павелъ... (Еф. 6, 10 — 17). Если облечемся въ эти оружія и ополчимся противъ врага: то посѣчемъ его мечемъ духовнымъ и, одержавъ побѣду, получимъ чистый покой, достигнемъ свѣтлаго дня истинной пасхи, неосужденно причастимся честнаго тѣла и крови Господней въ настоящей жизни, а въ будущей насладимся вѣчныхъ благъ и созерцанія святой и богоначальной Троицы, въ трехъ Лицахъ воспѣваемой и во единомъ Божествѣ поклоняемой, которой подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

III.

Доселѣ мы разсматривали сочиненія, появившіяся собственно въ русской Церкви, написанныя русскими пастырями и другими духовными лицами въ продолженіе второй половины XI и первой XII столѣтія. Но наибольшая часть словесныхъ произведеній, существовавшихъ у насъ въ то время и служившихъ богатою пищею какъ для умственнаго, такъ и для нравственнаго образованія народа, были произведенія иноземныя, переведенныя на языкъ славянскій, или отчасти и оригинальныя славянскія, только принесенныя къ намъ отъ соплеменниковъ южныхъ. Разумѣемъ книги св. Писанія, ветхаго и новаго Завѣта, житія Святыхъ, творенія св. Отцевъ и Учителей Церкви и другихъ церковныхъ писателей. Объ однихъ изъ этихъ произведеній сохранились только краткія свидѣтельства; другія дошли до насъ въ живыхъ памятникахъ письменности того времени; третьи, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ спискахъ.

Преп. Несторъ, разсуждая о пользѣ чтенія книгъ, между прочимъ, пишетъ: «аще поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтеть, то бѣсѣдуетъ съ Богомъ или съ святыми мужи; почитая *пророческыя* бесѣды, и *еуангельская* ученія и *апостолская*, *житья святыхъ отець*, въспріемлеть душа велику пользу ([284])». Этимъ предполагается, что у насъ существовали тогда на родномъ языкѣ какъ книги св. Писанія, ветхаго и новаго Завѣта, такъ и житія Святыхъ. И дѣйствительно, многочисленные тексты, при-

([284]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 66

водимые почти изъ всѣхъ книгъ библейскихъ самимъ Несторомъ и другими тогдашними нашими писателями,— митрополитомъ Иларіономъ, преп. Ѳеодосіемъ, черноризцемъ Іаковомъ и игуменомъ Даніиломъ, достаточно ручаются за справедливость перваго предположенія. Припомнимъ также разсказъ черноризца Поликарпа о преп. Никитѣ — затворникѣ, подвизавшемся въ кіево-печерскомъ монастырѣ прежде 1096 года и подвергшемся тяжкому искушенію: «не можаше никтоже стязатися съ нимъ книгами ветхаго завѣта; весь бо изустъ умѣаше: Бытіе, Исходъ, Левгиты, Числа, Судіи, Царства и вся Пророчества по чину, и вся книги жидовьскія свѣдаше добрѣ; Евангелія же и Апостола, яже въ благодати преданныя намъ святыя книги на утвержденіе наше и исправленіе, сихъ николиже въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати ([285])». Равнымъ образомъ о житіяхъ Святыхъ ясно упоминаетъ преп. Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій, когда, обличая братію, говоритъ: «*житія бо Святыхъ* почитающе и отъ тѣхъ затыкающе уши своя, яко не слышати мужества ихъ». А преп. Несторъ въ сказаніи о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ показываетъ свое знакомство съ житіями Плакиды и Романа—Сладкопѣвца; въ житіи преп. Ѳеодосія ссылается на Патерикъ скитскій и дѣлаетъ намеки на житія великихъ подвижниковъ древней Церкви: Антонія, Ѳеодосія, Саввы и Евѳимія; наконецъ въ лѣтописи приводитъ слово въ слово мѣста изъ славянскаго житія св. Меѳодія моравскаго, которое составлено было однимъ изъ ближайшихъ его

([285]) Рукоп. Патер. новг. Софійс. библ. № 502, л. 103.

учениковъ ([286]). Что касается до писаній отеческихъ, то на существованіе ихъ у насъ въ славянскомъ переводѣ указываетъ свидѣтельство Нестора о преп. Ѳеодосіѣ печерскомъ, какъ онъ, если самъ не поучалъ братіи въ церкви, повелѣвалъ великому Никону, или Стефану—доместику, «отъ книгъ почитающе, поученіе творити братіи» ([287]). Эти поученія, записанныя въ книгахъ и торжественно читавшіяся въ церкви для наставленія иноковъ, были, безъ сомнѣнія, достоуважаемыя поученія древнихъ Отцевъ и учителей Церкви, а не какихъ-либо писателей малоизвѣстныхъ, и преимущественно аскетическія. Въ числѣ ихъ, всего вѣроятнѣе, находились огласительныя поученія къ монахамъ преп. Ѳеодора Студита, которыя, какъ мы замѣтили прежде, имѣли такое осязательное вліяніе на подобныя поученія преп. Ѳеодосія печерскаго. Самъ преп. Несторъ ссылается на одно изъ отеческихъ твореній, усвояемое св. Меѳодію, епископу патарскому, жившему въ III вѣкѣ ([288]). А черноризецъ Іаковъ упоминаетъ о книгахъ св. Іоанна Дамаскина, *рекомыхъ увѣріе*, т. е. о православной вѣрѣ, и приводитъ изъ нихъ свидѣтельство, которое дѣйствительно въ нихъ находится ([289]). Извѣстно, что эти книги, подъ именемъ—*Небеса*, переведены на славянскій языкъ еще въ X вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ ([290]).

([286]) О свят. Кириллѣ и Меѳодіѣ — въ Москвитян. 1843, III, стр. 432, примѣч. 34.

([287]) Рукоп. Патер. новг. Соф. библ. № 502, л. 35.

([288]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 107.

([289]) Упоминаетъ именно въ предисловіи къ сказанію о чудесахъ св. мучен. Бориса и Глѣба и приводитъ свидѣтельство изъ Богосл. Дамаскина, кн. IV, гл. 15.

([290]) *Калайдов*. объ Іоан., Экз. Болгарск. стр. 17.

Въ числѣ памятниковъ нашей церковной письменности, сохранившихся отъ XI и первой половины XII вѣка, находятся:

1. Книги свящ. Писанія. И именно: а) Евангеліе, писанное въ 1056 и 57 годахъ для новгородскаго посадника Остромира дьякомъ Григоріемъ ([291]); б) Евангеліе, писанное Алексою, сыномъ священника Лазаря, для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, слѣд. между 1095 и 1125 г., когда Мстиславъ княжилъ въ Новгородѣ ([292]), и в) Евангеліе, писанное неизвѣстнымъ въ 1144 году въ Галиціи ([293]). Первыя два Евангелія расположены по праздникамъ и днямъ недѣли, послѣднее—по порядку Евангелистовъ и представляетъ собою полное четвероевангеліе.

2. Толкованія на св. Писаніе. Таковы: а) толкованіе св. Аѳанасія александрійскаго на Псалтирь, или Толковая Псалтирь, извѣстная въ двухъ спискахъ, неполномъ XI вѣка, и полномъ XI—XII вѣка ([294]), и б) толкованіе на Евангеліе—св. Григорія, папы римскаго, въ спискѣ XI вѣка ([295]).

3. Поученія церковныя. Сюда относятся: а) 13-ть словъ св. Григорія Богослова, писанныхъ въ XI сто-

---

([291]) Хранится въ Импер. спб. публ. библ. и издано въ свѣтъ Востоковымъ. Спб. 1843.

([292]) Въ Москов. Арханг. Соборѣ (*Калайд*. Іоан. Экз. Болгар. 28—30. 107. 108. 214; *Шевырев*. Истор. Русск. Слов. II, 146).

([293]) Въ Москов. Сvнод. библ. (*Калайд*. и *Шевыр*. тамъ же).

([294]) Нынѣ въ Импер. публ. библ. изъ книгохр. Погодина. (*Кеппен*. Список. Русск. Памятн. 22—24; *Калайд*. Іоан. Экз. Болг. 97; *Восток*. Опис. Рум. Муз. 469).

([295]) Въ Импер. публ. библ. изъ книгохр. *Погодина* (Изслѣд. о Русск. Ист. III, 347).

лѣтіи и, какъ догадываются, въ Россіи ([296]); б) Сборникъ словъ: св. Златоуста — числомъ 18, св. Василія Великаго—одно, св. Епифанія кипрскаго—одно и Фотія, цареградскаго патріарха, одно, въ спискѣ XI вѣка ([297]); в) выборъ словъ на недѣльные дни года, преимущественно изъ толкованій св. Златоуста на Евангелія (37 словъ), а частію изъ писемъ св. Исидора Пелусіота (5 словъ), сдѣланный или, быть можетъ, только переведенный съ греческаго болгарскимъ епископомъ Константиномъ (ок. 898 г.) и дополненный его собственными вступленіями и заключеніями, однимъ цѣлымъ словомъ и предисловіями, въ спискѣ XI вѣка ([298]); г) книга подъ названіемъ: *Златоструй*, содержащая въ себѣ 136 избранныхъ словъ св. Златоуста съ нѣкоторыми прибавленіями, переведенная болгарскимъ царемъ Симеономъ (888 — 927), въ спискѣ XII вѣка ([299]); д) четыре слова св. Климента, епископа словенскаго или величскаго (умер. 916 г.), въ спискахъ XII вѣка ([300]).

([296]) Въ Импер. публ. библ. (*Кеппен*. Библіогр. Листк. 1825. № 7, 86—91).

([297]) Экземпляръ этого Сборника отысканъ въ Супрасльскомъ монастырѣ (*Кеппен*. Библ. Лист. 191—199), а другой будто бы находится въ Лицейской библ., въ Люблинѣ (*Шафарик*. Разцв. Слов. письм., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1848, № 7, отд. III, стр. 57). Супрасльская рукопись издана *Миклошичемъ* подъ названіемъ: Monumenta linguae Paleoslovenicae e codice Suprasliensi. Vindobon. 1851.

([298]) Въ Москов. Синод. библ. (*Шафарик*. тамъ же стр. 50).

([299]) *Шафар*. тамъ же стр. 54; *Восток*. Граммат. при Остром. Еванг. стр. 8. 9. 24.

([300]) Одно въ Сборн. Москов. Успен. собора, а три въ Сбор. Троицк. Лавры (*Ундольск*. въ Чтен. Москов. Ист. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. X—XI).

4. Сочиненія, касающіяся догматовъ вѣры, нравственности и богослуженія. Таковы: а) Точное Изложеніе Православной Вѣры или Богословіе св. Іоанна Дамаскина, переведенное Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, въ спискѣ XI — XII вѣка ([301]); б) Пандекты Антіоха, игумена обители св. Саввы (нач. VII в.), или собраніе текстовъ св. Писанія о разныхъ предметахъ догматическаго и преимущественно нравственнаго ученія, расположенныхъ въ 130 отдѣленіяхъ, въ спискѣ XI вѣка ([302]); в) Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника—сочиненіе нравственно-аскетическое, въ спискѣ XII вѣка ([303]); г) краткое изъясненіе церковныхъ дѣйствій и вещей—св. Германа, константинопольскаго патріарха, въ спискѣ XI вѣка ([304]).

5. Сборники. Разумѣемъ — а) Сборникъ, переведенный съ греческаго для болгарскаго царя Сvмеона (889—927) и потомъ переписанный въ Россіи дьякомъ Іоанномъ для вел. князя Святослава въ 1073 г. и извѣстный подъ именемъ Святославова: въ немъ содержатся многочисленныя статьи преимущественно догматическаго, отчасти нравственнаго, историческаго, даже философическаго и риторическаго содержанія, заимствованныя изъ писаній св. отцевъ: Василія Великаго, Аѳанасія Великаго, Григорія Нисскаго, Іустина философа, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла александрійскаго, Ѳеодорита, Максима Исповѣдника,

---

([301]) *Калайд.* объ Іоан. Экз. стр. 26.

([302]) *Калайдов.* тамъ же 95—96.

([303]) *Восток.* Опис. Рум. Муз. 253—255.

([304]) *Пр. Филар.* о Кирил. и Меѳод., въ Чт. Моск. Истор. Общ. 1846, № 4, отд. I, стр. 27.

Августина, Іоанна Дамаскина и другихъ учителей Церкви (305); б) Сборникъ, написанный для того же великаго князя Святослава въ 1076 г. какимъ-то Іоанномъ, можетъ быть, тѣмъ же дьякомъ Іоанномъ, отличный отъ Сборника 1073 г., но также содержащій въ себѣ разныя статьи изъ писаній св. Отцевъ Церкви: къ сожалѣнію, Сборникъ этотъ въ подробности еще никѣмъ не описанъ (306).

6. Житія Святыхъ. Въ спискахъ XI вѣка сохранились: а) житіе апостола Кодрата — небольшой отрывокъ; б) житіе св. Ѳеклы (307) и в) житія Святыхъ, которыхъ память чтится съ 4 по 31 число марта (308); а въ спискѣ XII вѣка: г) житіе св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, написанное однимъ изъ его учениковъ (309).

Изъ памятниковъ письменности, какія существовали тогда въ Россіи, но до насъ дошли въ позднѣйшихъ копіяхъ, укажемъ для примѣра: а) на слово св. Меѳодія, епископа патарскаго, о послѣднихъ временахъ, которымъ пользовался еще преп. Несторъ (310); б) на житіе св. Константина или Кирилла философа, напи-

---

(305) *Калайд.* Іоан. Экз. 102 — 104, 213; *Восток.* Опис. Рум. Муз. 499 — 506; *Шевырев.* Поѣздк. въ Кирилло-бѣлоз. Монастырь, II, 30 — 32.

(306) *Кеппен.* Спис. Русскихъ Памятн. стр. 29.

(307) *Кеппен.* тамъ же стр. 24; *Погодин.* Изслѣд. о Русск. Ист. III, 346.

(308) Помѣщены въ Сбор. Супрасльской библ., изд. *Миклошичемъ* (смот. примѣч. 297).

(309) Въ Сборн. Москов. Успен. собора (*Ундольск.* въ Чт. Моск. Истор. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. XI).

(310) Поздній списокъ этого сочиненія нашелъ въ Моск. Сvнод. библ. Карамзинъ (Истор. Госуд. Росс. II, примѣч. 64).

санное, какъ полагаютъ, Климентомъ, епископомъ болгарскимъ, и упоминаемое съ похвалою въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г. ([311]); б) на пять книгъ Моусеевыхъ, писанныхъ въ Новгородѣ въ 1136 г. и сохранившихся въ спискѣ XV вѣка ([312]); — и в) на догматическое посланіе св. Льва, папы римскаго, къ цареградскому патріарху Флавіану противъ ереси Евтихіевой, переведенное съ греческаго, по порученію извѣстнаго князя—инока Николы Святоши (1106—1142), не задолго предъ его кончиною, какимъ-то черноризцемъ Θеодосіемъ, который прибавилъ отъ себя къ посланію предисловіе и послѣсловіе ([313]).

Вообще надобно замѣтить, что книжное образованіе и письменность были у насъ тогда довольно распространены, особенно въ кіево-печерской обители. Несторъ свидѣтельствуетъ, что въ келліи преп. Θеодосія день и ночь писалъ книги одинъ черноризецъ, по имени Иларіонъ, очень искусный въ этомъ дѣлѣ ([314]), что самъ Θеодосій часто прялъ нити, нужныя для переплета книгъ, а великій Никонъ въ тоже время занимался переплетомъ ихъ ([315]). Пресвитеръ Даміанъ

([311]) *Шафар*. Разц. Слав. письмен. въ Чтен. М. Ист. Общ. стр. 44. Впослѣдствіи Шафарикъ это самое житіе, по спискамъ XV — XVII в. издалъ въ Сборникѣ, подъ заглавіемъ: Památky drŕwniho pisemstwi Jiho-Slowanuv, Praha 1851. См. также *Бодянскаго*: о времени происх. Слав. письменъ, примѣч. 29, 31 и особенно 42.

([312]) *Калайд*. Іоан. Экз. стр. 97.

([313]) *Бодянск*. Славяно-Русс. сочин. въ пергам. Сборникѣ Царскаго, Чт. М. Ист. Общ. 1848, № 7, отд. II. стр. XV—XXII и дал.

([314]) «Иларіонъ... бѣаше книгамъ хитръ писати, и сій по вся дни и нощи писаше книги въ келіи блаженнаго отца нашего Θеодосія» (рук. Житіе пр. Θеодосія).

([315]) «Многащды великому Никону сѣдящу и строящу книги и блажен-

любилъ съ прилежаніемъ читать книги ([316]). Препод. Григорій чудотворецъ не имѣлъ у себя ничего, кромѣ книгъ, и когда однажды тати, покушавшіеся обокрасть его, подверглись наказанію отъ судіи, св. Григорій отнесъ нѣсколько книгъ этому судіи, чтобы освободить татей, а другія книги продалъ и вырученныя деньги раздалъ нищимъ ([317]). Преп. Никола Святоша имѣлъ у себя много книгъ, которыя и пожертвовалъ въ кіево-печерскую обитель ([318]).

ному (Θеодосію) вскрай его сѣдящу и прядущу вервіе, еже на потребу такому дѣлу» (тамъ же).

([316]) Видѣша кротость его, и неспаніе но вся нощи, и почитаніе съ прилежаніемъ св. книгъ (тамъ же).

([317]) «Не бѣ бо иного ничтоже имѣа, развѣе книгъ..... И шедъ, дасть книги властелину, татіе же отпусти, прочая же книги продавъ и раздасть убогимъ»... (о Григ. чудотв. въ рукоп. посл. Поликарпа).

([318]) «Суть же и книгы его и донынѣ у васъ», говоритъ св. Симонъ въ посл. къ печерскому иноку Поликарпу (см. о Николѣ Святошѣ).

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 21 ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦѢ.

Преосвященнѣйшаго Анатолія, архіепископа могилевскаго и мстиславскаго.

Сѣмя есть слово Божіе (Лук. 8, 11).

Слово Божіе, или открытое самимъ Богомъ ученіе о Богѣ и поклоненіи Ему, Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Евангельской притчѣ уподобилъ хлѣбнымъ сѣменамъ въ томъ отношеніи, что какъ хлѣбныя сѣмена приносятъ плоды, или не приносятъ ихъ, смотря по свойству и качествамъ земли, на которой сѣются: такъ истины Слова Божія приносятъ плоды добрыхъ дѣлъ, или не приносятъ ихъ по причинѣ различныхъ свойствъ читающихъ, или слушающихъ Слово Божіе. Пристрастіе къ земнымъ благамъ, разсѣянность мыслей и желаній, увлеченіе суетою міра сего, не допускаютъ укорениться въ сердцѣ нашемъ спасительнымъ истинамъ Слова Божія и принести плодъ свой. Между тѣмъ, не смотря на прихоти сердца нашего и пристрастіе къ міру, кто не сознаетъ красоты добродѣтели? Кто не желалъ бы обогатиться добродѣтелями, благоугодить Богу своею жизнію, быть благочестивымъ, цѣломудреннымъ и праведнымъ? Но при

всемъ такомъ желаніи, каждаго изъ насъ порабощаютъ грѣху похотѣнія и страсти до того, что иной, услаждаясь закономъ Божіимъ, начертаннымъ на скрижаляхъ сердца нашего, и сознавая, что законъ святъ, праведенъ и благъ, нарушаетъ предписанія его; иной, по видимому, искренно радъ искоренить изъ сердца своего дурныя склонности, умертвить въ себѣ страсти; но не находитъ въ себѣ силъ для успѣшной борьбы съ собою и съ горестію убѣждается, что не отъ его исключительно воли зависитъ его поведеніе, что не въ его власти управленіе возникающими въ сердцѣ его желаніями. Въ этой многотрудной борьбѣ самый вѣрный успѣхъ доставляетъ внимательное чтеніе или слушаніе Слова Божія; но для душеспасительнаго чтенія или слушанія его необходимо возбуждать въ себѣ благоговѣйное къ тому расположеніе, а въ разумѣніи Слова Божія слѣдовать руководству св. Церкви.

Извѣстно, что Словомъ Божіимъ именуются книги ветхаго и новаго Завѣта, начертанныя по божественному вдохновенію Пророками и Апостолами. Онѣ суть достояніе всего человѣческаго рода и составляютъ неисчерпаемое сокровище св. Церкви. Заключающееся въ тѣхъ книгахъ Слово Божіе обновило вселенную, когда почти всѣ народы міра, объятые тьмою идолопоклонства, стремились къ вѣчной пагубѣ. Безъ Слова Божія, кто бы намъ открылъ происхожденіе и вѣчное предназначеніе человѣка? Слово Божіе есть свѣтильникъ, сіяющій во тьмѣ міра сего; прилежное созерцаніе свѣта его производитъ разсвѣтъ, за коимъ восходитъ въ сердцѣ нашемъ заря истиннаго боговѣдѣнія (2 Петр. 1, 19); Слово Божіе есть хлѣбъ животный, которымъ пріемлющій съ вѣрою изреченія его духов-

но живетъ (Іоан. 6, 35),—и вода, которая утоляетъ духовную нашу жажду (Іоан. 4, 14). Слово Божіе открываетъ намъ тайны царствія Божія, просвѣщаетъ помраченный страстями нашъ разумъ познаніемъ воли Божіей, побуждаетъ насъ исполнять ее, указываетъ намъ прямой путь къ небесному отечеству, питаетъ нашу надежду на благость Божію, доставляетъ намъ оружіе противъ искушенія и соблазновъ, отвлекаетъ насъ отъ суеты міра сего, подаетъ врачевство къ исцѣленію нашихъ душевныхъ язвъ и недуговъ, утѣшаетъ въ бѣдствіяхъ, подкрѣпляетъ въ перенесеніи страданій, побуждаетъ къ подвигамъ, распаляетъ сердце искренно желающаго душевнаго спасенія такою любовію къ Богу, по которой человѣкъ всеусильно стремится къ соединенію съ Нимъ. Но опытъ показываетъ, что не всякое чтеніе или слушаніе Слова Божія доставляетъ истинно душевную пользу. Искренно желающій, чтобы Слово Божіе было для него силою во спасеніе, долженъ приступать къ чтенію или слушанію св. Писанія съ благоговѣніемъ, подобающимъ святынѣ, принимать все прочитанное или слышанное въ простотѣ сердца съ полною вѣрою, какъ обращенные къ нему глаголы самаго Бога, прилагать ихъ къ образу жизни своей, углублять въ памяти и сердцѣ своемъ каждое божественное изреченіе и правила, относящіяся къ исправленію нашего поведенія, всеусильно стараться провождать жизнь по указанію Слова Божія, чаще, при посредствѣ его, разсматривать, какъ въ зерцалѣ, совѣсть свою и, примѣтивъ въ душѣ своей хотя малѣйшую нечистоту, омывать ее слезами покаянія, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы совѣсть наша была неукоризненною предъ Бо-

гомъ и людьми, а душа наша постоянно восходила отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству, прославляя Бога всѣми движеніями своими. Посредствомъ такого чтенія или слушанія Слова Божія, оно становится въ насъ живымъ и дѣйственнымъ, острѣе всякаго меча обоюду остраго, проникаетъ до раздѣленія души и духа, до составовъ и мозговъ, и судитъ чувствованія наши и помышленія сердечныя (Евр. 4, 14).

Но такъ какъ Слово Божіе предано письменамъ въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, а для правильнаго уразумѣнія и человѣческихъ твореній, написанныхъ въ древности на такихъ языкахъ, которые вышли теперь изъ общественнаго употребленія, требуются и наставники, и многія, основательныя свѣдѣнія; такъ какъ въ священномъ Писаніи содержится чрезвычайная глубина и высота мыслей и истинъ, превосходящихъ понятія ума человѣческаго: то, для душеспасительнаго чтенія или слушанія Слова Божія, необходимо слѣдовать руководству св. Церкви, коей храненію ввѣрено Богомъ Слово Божіе и которая въ отношеніи разумѣнія его есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Ибо Церкви святой, какъ матери, отродившей насъ крещеніемъ для жизни, сообразной съ волею Божіею, промышляющій о вѣчной участи нашей Богъ поручилъ руководствовать и питать насъ душеспасительною пищею въ жизнь вѣчную. Такое промышленіе о насъ Божіе должно убѣдить насъ, что безъ руководства св. Церкви, т. е. просвѣщенныхъ пастырей ея, чтеніе или слушаніе Слова Божія похоже на то, какъ если бы грудной младенецъ сталъ питаться твердою пищею, которой не въ состояніи

переварить его желудокъ. Посему само Слово Божіе предостерегаетъ насъ, что весьма рѣдкіе христіане имѣютъ душевныя чувства, пріученныя навыкомъ къ различенію добра и зла. *Совершенныхъ бо есть твердая пища* (Евр. 6, 14), говоритъ апостолъ Павелъ, внушая тѣмъ, что крѣпкою пищею Слова Божія, т. е. высочайшими тайнами заключающагося въ немъ боговѣдѣнія предоставлено питаться достигшимъ въ духовной жизни совершенства. А другимъ св. Ап. Петръ внушаетъ: *яко новорожденни младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о немъ возрастете во спасеніе* (1 Петр. 2, 2). Когда же нѣкоторые изъ коринѳскихъ христіанъ стали о предметахъ христіанскаго вѣроученія слишкомъ мудрствовать, т. е., какъ обыкновенно бываетъ, мудрствовать погрѣшительно: апостолъ Павелъ напомянулъ имъ, что они еще младенцы въ знаніи христіанскаго вѣроученія. *Азъ братіе*, писалъ къ нимъ Апотолъ, *не могъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцемъ о Христѣ. Млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ, ибо не у можасте, но ниже аще можете нынѣ* (1 Кор. 3, 1, 2).

Изъ приведенныхъ изреченій св. Писанія легко вывесть заключеніе, что какъ по тѣлу человѣкъ, во время своего младенчества, постоянно имѣетъ нужду въ помощи, обереженіи его отъ опасностей, въ ежечасномъ руководствѣ и неусыпномъ о немъ попеченіи естественной своей матери: такъ и по душѣ, доколѣ человѣкъ обложенъ мертвеннымъ симъ тѣломъ и живетъ въ этомъ мірѣ, доколѣ не перейдетъ въ вѣчную жизнь, въ небесное отечество, безопасное отъ искушеній и заблужденій, доколѣ не достигнетъ въ мѣру возраста и силы о Христѣ Іисусѣ, доколѣ не удостоится жива-

го, небеснаго боговѣдѣнія, не соединится съ вѣчною, несозданною, самобытною Премудростію и безпредѣльною Любовію: дотолѣ для преспѣянія въ духовной жизни всегда имѣетъ нужду въ руководствѣ св. Церкви, въ наставленіи, ученіи и назиданіи ея. Ибо какъ по тѣлу человѣкъ не самъ себѣ даетъ жизнь, но получаетъ ее отъ родителей: такъ и по душѣ христіанинъ не самъ себѣ пріобрѣтаетъ спасительную вѣру и благодать возрожденія для жизни по Богу, но и вѣру, и благодать возрожденія въ св. крещеніи получаетъ отъ Іисуса Христа, потомъ растетъ и укрѣпляется посредствомъ таинственныхъ священнодѣйствій, ученія и руководства св. Церкви. Въ семъ отношеніи и пастыри ея учатъ другихъ, и сами учатся другъ у друга,—учатся, упражняясь въ чтеніи Слова Божія и размышляя о высокихъ его истинахъ до смерти; пасутъ словесныхъ овецъ Христова стада, и сами пасутся на пажитяхъ духовныхъ. Такимъ образомъ исполняется слово Пророка: *устнѣ іерeовы сохранятъ разумъ, и закона отъ устъ его взыщутъ: яко Ангелъ Господа Вседержителя есть* (Малах. 2, 7).

И такъ, исполняя священную свою обязанность, вмѣстѣ съ тѣмъ обращая бдительное вниманіе на душевныя нужды христіанъ, руководимыхъ св. Церковію къ царству небесному, въ предотвращеніе пагубныхъ послѣдствій отъ противленія ихъ ея водительству, пастыри св. Церкви провозглашаютъ въ храмахъ Божіихъ чистое, безпримѣсное Слово Божіе, совершаютъ исполненное таинственнаго значенія и назидательности богослуженіе на языкѣ удобовразумительномъ для вѣрующихъ, сверхъ того преподаютъ ученіе вѣры и дѣятельности примѣнительно къ просвѣщенію и душев-

нымъ нуждамъ сыновъ Церкви. Съ сею цѣлію, какъ естественная мать, питая груднаго младенца, не дозволяетъ ему до извѣстнаго возраста употреблять всякаго рода пищу, но сама, питаясь пищею свойственною возрастнымъ, тогда уже, когда она въ матерней груди претворится въ млеко, питаетъ имъ своего младенца: такъ поступаетъ и св. Церковь посредствомъ своихъ пастырей. Именно, высокія истины боговѣдѣнія и поклоненія Богу заимствуя изъ Слова Божія и какбы претворивъ ихъ въ млеко, приспособленное къ воспріимчивости и духовнымъ нуждамъ христіанъ всякаго возраста, пола, званія и состоянія, св. Церковь провозглашаетъ христіанское вѣроученіе въ своихъ богослужебныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, и проповѣдуетъ посредствомъ своихъ пастырей на отечественномъ языкѣ въ слововыраженіяхъ ясныхъ, опредѣленныхъ; сверхъ того распространяетъ духовное просвѣщеніе посредствомъ разнообразныхъ, многочисленныхъ книгъ, нарочно составляемыхъ для назиданія желающихъ душевнаго спасенія. Не явно ли, что проповѣдуемое такимъ образомъ христіанское вѣроученіе есть какбы млеко, или пища, заимствуемая изъ Слова Божія, только приспособленная къ душевнымъ требованіямъ христіанъ, руководствуемыхъ св. Церковію?

Съ какимъ же усердіемъ и съ какою готовностію должны мы слѣдовать водительству св. Церкви и пастырей ея, съ какою ревностію должны внимать проповѣдуемому ими ученію, бывъ увѣрены, что въ немъ излагаются для содѣйствія намъ въ пріобрѣтеніи царства небеснаго глаголы самаго Бога, который желаетъ, чтобы всѣ люди спаслися и достигли познанія истины (1 Тим. 2, 4)! Какое уваженіе и любовь мы должны

оказывать ревностнымъ служителямъ св. Церкви, проповѣдующимъ Слово Божіе, за ихъ заботы, труды и попеченіе о душевномъ нашемъ спасеніи! *Повинуйтеся*, завѣщалъ намъ божественный Апостолъ, *наставникамъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ ваших: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17). А если тотъ же Апостолъ ощущалъ потребность, чтобы вѣрные споспѣшествовали ему въ молитвахъ о немъ къ Богу (Римл. 15, 30): то тѣмъ паче мы усердно должны молиться, да озаряетъ Богъ пастырей Духомъ премудрости своея, чтобы они были неукоризненными дѣлателями винограда Христова, право проповѣдующими слово божественной истины (2 Тим. 2, 15).

БОРЬБА СО ГРѢХОМЪ.

Когда чести нашего имени, цѣлости достоянія, безопасности жизни угрожаетъ какая-либо опасность: намъ не нужно со стороны внушать долгъ защиты себя, нѣтъ надобности другому учить насъ бороться съ угрожающей бѣдою. Безъ всякихъ стороннихъ убѣжденій, сколько проявляется у насъ терпѣнія, когда нужно подстеречь злонамѣреннаго хищника, подкрадывающагося къ нашему дому, — сколько самоотверженія, когда изъ пламени, объявшаго жилище наше, нужно выхватить свое достояніе! Безъ постороннихъ наставленій, сколько бываетъ у насъ искусства, когда нужно заградить уста клеветнику, одолѣть несправедливыя притязанія, отнять у не-друга силу вредить намъ,—сколько заботливости, когда приходится бороться съ внезапно-постигшею болѣзнью и опасностью смерти!

Но враги невидимые, опасности, угрожающія душѣ и вѣчной судьбѣ нашей, увы, со всѣмъ у насъ другое дѣло. Намъ раскрываютъ висящую надъ нами бѣду, намъ указываютъ врага, насъ учатъ борьбѣ, насъ убѣждаютъ къ защитѣ себя; мы сами чувствуемъ близость опасности, не отрицаемъ нужды брани, раз-

суждаемъ о способахъ противодѣйствія, и — за всѣмъ тѣмъ постоянно одолѣваемся врагомъ, опуская въ бездѣйствіи руки при его нападеніи, терпимъ пораженія въ минуты, когда намъ представлялся случай къ побѣдѣ и торжеству, теряемъ душевную силу въ брани, которая должна бы укрѣплять насъ и вести къ славѣ.

Такова-то именно борьба у насъ со грѣхомъ. Цѣлая половина заповѣдей и внушеній Слова Божія имѣетъ ее предметомъ своимъ, указывая въ ней цѣлую половину труда всей нашей нравственной жизни. Живой голосъ ученія Церкви постоянно проповѣдуетъ намъ о великой тайнѣ искупленія, въ которой самъ единородный Сынъ Божій, Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ является подвигоположникомъ брани противу царствующаго въ мірѣ грѣха, — о великомъ дѣлѣ спасенія нашего, содѣваемаго благодатію Божіею подъ непремѣннымъ однакожъ условіемъ и съ нашей стороны дѣятельныхъ усилій къ совлеченію ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облеченію въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины. Собственная совѣсть наша, разсудокъ, опытъ—все въ насъ самихъ говоритъ намъ, что надобно бороться со грѣхомъ... И что же выходитъ? Вѣруемъ мы въ Искупителя, пострадавшаго за грѣхи наши и одолѣвшаго грѣхъ—жало смерти, и призвавшаго насъ въ царство свое,—и усиливаемся связать любовь къ Искупителю съ любовію ко грѣху, нося имя послѣдователей Христовыхъ и ратуя за грѣхъ и держась путей грѣха; боимся отдаться грѣху, но не имѣемъ мужества и противустать ему до крови въ памяти смерти Христовой; торжествуемъ побѣду Христову и уступаемъ грѣху побѣды надъ собою; состоя въ воинствѣ Христовомъ,

имѣемъ связи и съ вражескимъ станомъ, противъ котораго воинствуемъ. Вѣруемъ во святую Церковь, въ которой пріемлемъ возрожденіе, освященіе, духовную пищу и вся благодатныя силы, яже къ животу и благочестію; именуемъ себя сынами ея и съ дерзновеніемъ чадъ приступаемъ къ ея таинствамъ, слушаемъ ея ученіе, просимъ ея руководства; со стороны ея составляемъ постоянный предметъ материнскихъ заботъ ея и молитвъ ея,—а на дѣлѣ, живя по законамъ воли своей, дѣйствуя въ духѣ міра, отъ таинствъ и внушеній Церкви переходя къ повседневной суетѣ и грѣхамъ, вводя свои прихоти въ борьбу съ правилами и уставами Церкви, являемся людьми, какъ будто не имѣющими надъ собою спасительной власти, надзора, руководства Церкви, какъ будто отданными на собственный свой произволъ и отвѣтственность. Мы сами дали обѣты жить для Христа во обновленіи жизни, отреклись отъ діавола и дѣлъ его и для борьбы съ нимъ облеклись во вся оружія Божія: теперь, не слагая оружія, но и не пользуясь имъ, во всеоружіи бранномъ подклоняя выю подъ мечъ врага, что мы дѣлаемъ, какъ не усугубляемъ только злобное торжество діавола и, падая съ большей высоты, повергаемъ себя въ бо̀льшую опасность? Да; эта опасность столько же близка, сколько и страшна. О болѣзняхъ тѣла замѣчаютъ, что, входя вдругъ, въ одно мгновеніе, онѣ выходятъ по малу съ мучительною медленностью, имѣя иногда исходомъ смерть. О болѣзняхъ души можно сказать это еще съ большею справедливостію. Ты сдѣлалъ уступку немощи? Произвольная уступка—это уже не малость, хотя бы и въ немощи. И безъ того у насъ бываютъ тысячи уступокъ грѣху, невѣдомыхъ

и невольныхъ, для которыхъ надобно, однакожъ, просить милосердія Божія, — есть множество истинныхъ немощей, для противоборства которымъ нужно просить помощи свыше, отъ силы Божіей, въ немощехъ совершающейся. За чѣмъ еще умножать эти уступки, усиливать немощи вольнымъ признаніемъ ихъ силы и власти? Уступка и одному грѣху есть уступка грѣху, есть болѣзнь, которая заражаетъ всю душу, есть зло, налагающее на тебя печать царства не Божія, есть угожденіе врагу и вражда на Бога, потеря права на наслѣдіе блаженства въ Богѣ, прямой шагъ къ вѣчной погибели въ адѣ. Ты думаешь, что время исцѣлитъ болѣзнь; ты найдешь время покаяться; съ лѣтами оскудѣетъ сила господствующей страсти? Обманчивая надежда! Кто сказалъ намъ, что время, на которое мы разсчитываемъ въ будущемъ, будетъ въ нашей власти? Опредѣлили ль мы минуту, послѣднюю минуту, съ которой непремѣнно нужно начать покаяніе, чтобы успѣть загладить беззаконія прежней жизни и приготовиться встрѣтить смерть и судъ? Но пусть и такъ. Кто увѣрилъ и можетъ увѣрить насъ, что будетъ время, когда господствующая страсть замолкнетъ и мы въ состояніи будемъ строго осудить свою прежнюю жизнь и принести искреннее покаяніе,—когда совѣсть и разсудокъ возьмутъ силу и мы, вдругъ овладѣвъ своею дѣятельностію, скажемъ грѣху: «довольно! съ этой минуты мы изъ друзей твоихъ дѣлаемся твоими врагами непримиримыми!» Нѣтъ, люди опытные не скажутъ намъ этого. Они знаютъ, что страсть, поддерживаемая уступками, съ теченіемъ времени не ослабѣваетъ, а возрастаетъ, — пораждаетъ навыки, съ которыми бороться уже трудно въ ту пору, когда ослабѣ-

вающія съ годами естественныя силы болѣе или менѣе по-неволѣ уже отклоняются отъ напряженнаго труда. Легче преодолѣть страсть, доколѣ она еще не вышла наружу и доколѣ не увлечены къ покорности ей силы совѣсти, разума, и душа не обременена тяжестью злыхъ дѣлъ, чѣмъ тогда, когда навыкомъ въ грѣховныхъ дѣлахъ страсть постоянно развивается, между тѣмъ какъ воображеніе уже заражено соблазнительными образами и воспоминаніями, совѣсть смущена страхомъ наказанія или подавлена преодолѣвающими увлеченіями, разумъ съ своими убѣжденіями оказывается безсильнымъ противъ влеченій сердца... Будемъ ли дожидаться этого послѣдняго состоянія, чтобы начать подвигъ покаянія и исправленія?.. Нѣтъ, поспѣшимъ остановиться во время, чтобы имѣть возможность правильно совершить трудное дѣло — съ надеждою на успѣхъ.

Съ чего же начинать не легкій и не кратковременный подвигъ?... Прежде всего, съ живаго убѣжденія, что это начало принадлежитъ Богу. Если бы Богъ не началъ за насъ великой брани со грѣхомъ, который при первомъ нападеніи одержалъ страшную побѣду надъ нами въ раю, плѣнивъ въ нашихъ прародителяхъ все ихъ потомство; еслибъ Господь-Спаситель не одержалъ побѣды надъ адомъ, измыслившимъ грѣхъ, и грѣхомъ, которымъ силенъ былъ надъ нами адъ; если бы благодать Божія не сотворила изъ насъ воинства Христова подъ знаменемъ Христовой Церкви, не облекла насъ силою своихъ даровъ: кто бы изъ насъ могъ сдѣлать успѣшно хотя одинъ шагъ въ брани противъ цѣлаго царства грѣха? Если бы и въ каждомъ изъ насъ благодать Божія не полагала начала обращенія и

покаянія: Богъ вѣдаетъ, когда бы мы сами положили, и положили ль бы когда-нибудь, это начало. Весь нашъ трудъ, еслибъ и былъ онъ, ограничивался бы тѣмъ только, что мы, грѣша, осуждали бы себя и подъ вліяніемъ мученій совѣсти разсуждали о борьбѣ со грѣхомъ. Но все это были бы только праздныя слова, чуждыя силы, доколѣ Господь своею благодатію не сокрушитъ сердца нашего, не откроетъ очей нашихъ, чтобы мы въ себѣ самихъ увидѣли живущій и царствующій грѣхъ, не возбудитъ отвращенія и ненависти ко грѣху, которымъ мы сами одержимся. Къ Нему-то, Сердцевѣдцу и Подвигоположнику нашему, надобно, прежде всего, прибѣгать съ усильною и непрерывною мольбою о помощи. Прочти въ словѣ Божіемъ, какъ велико зло — грѣхъ, однимъ только вкушеніемъ плода запрещеннаго затворившій для человѣка двери рая и неба, отравившій все человѣчество, заразившій весь міръ,—и въ страхѣ припадай ко Господу съ молитвою: Господи, помилуй! Присмотрись къ подвигамъ Святыхъ Божіихъ, указуемымъ словомъ же Божіимъ и въ писаніяхъ церковныхъ, исчисли эти десятки лѣтъ, которые проводили они въ пустыняхъ и отшельническихъ обителяхъ, измѣрь тяжесть этихъ подвиговъ постничества, самоумерщвленія, слезнаго покаянія, которые они несли въ продолженіе цѣлой жизни, борясь со грѣхомъ: это подавитъ въ тебѣ лукавую мысль, будто для успѣшной борьбы со грѣхомъ не нужно усилій особенныхъ, и ты въ страхѣ и трепетѣ припадешь ко Господу съ молитвою: Господи, помилуй! Посмотри вокругъ себя, прослѣди, много ли осталось въ тебѣ и твоей дѣятельности не зараженнаго ядомъ грѣха, не запечатлѣннаго погибельною печатію

самоугодія, тщеславія, сластолюбія, любостяжанія, человѣкоугодничества; присмотрись, сколько въ каждую минуту возникаетъ разнообразныхъ искушеній въ тебѣ самомъ, сколько приносятъ къ тебѣ соблазновъ твой глазъ, ухо, чрево, сколько поводовъ ко грѣху представляютъ тебѣ твои отношенія и занятія домашнія, твои дѣла общественныя, книги, какія ты читаешь, люди, съ которыми бесѣдуешь, или вѣрнѣе, празднословишь: какъ затрепещетъ въ тебѣ душа твоя, видя себя среди столькихъ сѣтей, и какъ глубоко отдастся въ ней молитвенный вопль ко Господу: Господи, помилуй! Какъ часто, среди занятій и развлеченій, изъ сердца, а можетъ быть и съ устъ, будетъ исходить у тебя слезная мольба: Господи, помилуй! Храни, питай, продолжай, повторяй день и ночь эту мольбу и не прекращай ея, доколѣ Господь услышитъ тебя и придетъ на помощь душѣ твоей...

Привлеченная молитвою, спасительная сила благодати Божіей, войдя въ душу, какъ свѣтъ и жизнь, тотчасъ начнетъ свое дѣло... Намъ останется на этотъ разъ благоговѣйно хранить даръ Божій и покорно слѣдовать указаніямъ Божіей силы. Благодать озаритъ душу,—и человѣкъ, какъ будто осіянный молніею, вдругъ усматриваетъ около себя столько опасностей, столько зла, что ему уже становится не до другихъ грѣшниковъ: «я первый изъ грѣшниковъ, вопіетъ онъ въ трепетѣ; я погибаю»! Благодать согрѣетъ душу: возгорится огнь пробужденной совѣсти подъ вліяніемъ теплоты благодатной и начнетъ жечь душу горькими укорами, непрестанными укорами въ безчисленныхъ грѣхахъ, которые уже содѣланы, которые уже давно лежатъ на душѣ, хотя доселѣ и не примѣчались; рас-

таетъ подъ лучами благодати, какъ воскъ подъ огнемъ, окаменѣлое сердце и станетъ стенать о потерянной невинности души, о погубленныхъ дарахъ Божіей милости,— вспомнитъ страшную правду Бога карающаго—и будетъ горько стенать и рыдать, вспомнитъ безпредѣльную благость Бога милующаго—и еще горче будетъ стенать и рыдать въ цѣлительной скорби о грѣхѣ, удалившемъ насъ отъ безпредѣльнаго въ благости Господа нашего! О, какъ ненавистенъ становится для человѣка въ такія минуты грѣхъ, какъ горячо искреннее желаніе борьбы съ нимъ! Здѣсь-то собственно начало брани со грѣхомъ. Такія благодатныя посѣщенія бываютъ у всякаго, такъ какъ всякому человѣку Богъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Только у иного они бываютъ раньше, у другаго позже; у одного внезапно и какбы случайно, у другаго въ дни, когда можно скорѣе ожидать ихъ, въ дни покаянія, среди молитвы, послѣ причащенія; у иного во дни скорбей и лишеній, когда душа, удрученная скорбію, бываетъ способнѣе къ воспріятію дѣйствій благодати и къ печали, яже по Бозѣ, покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлывающей; у однихъ бываютъ чаще, но короче, у другихъ рѣже, но продолжительнѣе. Каково бы, однакожъ, ни было то посѣщеніе благодати, которымъ тебя собствено хощетъ Богъ исправить и спасти, во всякомъ случаѣ долгъ твой одинаковъ. Слѣди за состояніемъ души, чтобы не пропустить безъ вниманія минуты озаренія благодати, о которой молитвенно вопіешь къ Богу. Дай полную свободу дѣйствію благодати, когда она посѣтитъ тебя: отдай себя на волю благодати, когда, подъ вліяніемъ ея, объемлетъ тебя страхъ и трепетъ, возникаетъ въ тебѣ истинное со-

крушеніе; бѣги въ эти минуты развлеченій внѣшнихъ, пребывая въ молитвенномъ собесѣдованіи съ посѣтившимъ тебя Господомъ; поддерживай сокрушеніе, зараждаемое въ сердцѣ дѣйствіемъ благодати. Намѣренно останавливайся мыслью на томъ, чѣмъ бы ты долженъ былъ быть по призванію христіанина, и чѣмъ сдѣлалъ себя по своей злой волѣ. Попроси духовнаго отца твоего до глубины раскрыть тебѣ твои духовныя язвы, всю тяжесть виновности твоей предъ Богомъ, всю гибельность прежней твоей грѣховной жизни. Когда первою мыслью твоей души будетъ: «я грѣшникъ»,—когда сердце твое будетъ скорбѣть отъ непрестанныхъ воздыханій: «я погибшій грѣшникъ, если Господь не спасетъ меня»: тогда можно сказать, что въ тебѣ есть уже начало покаянія и исправленія, начало благонадежной борьбы со грѣхомъ.

Но—только еще начало, за которымъ долженъ слѣдовать новый трудъ, подъ вліяніемъ и при помощи благодати. «Не люблю грѣха; не хочу грѣшить»—сказать не трудно; но такъ ли легко заставить замолчать свое самолюбіе и самоугодіе, преодолѣть чувственность, пріобрѣтшую силу отъ грѣховной жизни, отъ суеты вѣка, глубоко привзившейся къ душѣ? Доселѣ я обходился съ собою, какъ мать съ своимъ единственнымъ младенцемъ, предупреждая желанія, дѣлая всякое угожденіе себѣ, всячески стараясь обезопасить свой покой: какъ теперь подниму руку на все это? начну мучить себя лишеніями, къ которымъ не привыкъ? Плоть моя, пусть и враждующая противъ стремленій духа, есть моя же плоть: чувство лишеній, на которыя обреку ее, не будетъ ли болѣзненно открываться въ самой душѣ, доселѣ столько забо-

твующейся о покоѣ и благосостояніи внѣшнемъ, не будетъ ли затруднять души въ ея, и безъ того трудной, борьбѣ съ собою? Міръ, конечно, чуждъ мнѣ останется, когда я умру, измѣнитъ, можетъ быть, прежде, тѣмъ я умру; но — все же я въ мірѣ; какъ отдѣлюсь отъ него? что скажутъ, что подумаютъ люди, съ которыми связанъ и живу, которые, можетъ быть, живутъ не лучше, но и не хуже меня, и будутъ смотрѣть на меня, какъ на живой упрекъ имъ или, что еще хуже, будутъ съ мучительнымъ соболѣзнованіемъ смотрѣть, какъ на больнаго, жалѣть, какъ о потерянномъ, утѣшать, какъ несчастнаго, потерявшаго смыслъ человѣческій?... Такія колебанія и сомнѣнія весьма легко могутъ охладить не утвердившуюся въ рѣшимости душу. Что дѣлать? Уступить имъ? Но въ такомъ случаѣ надобно рѣшиться выдти опять на прежній погибельный путь, съ тою противъ прежняго порядка разностію, что душа, уже озарившаяся однажды свѣтомъ благодати, не можетъ оставаться во грѣхѣ безчувственно—покойною. Противиться? Но какъ? Ничего нѣтъ труднаго здѣсь, воспомоществуемый благодатію ратникъ Христовъ, какъ ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что сатана усиливается удержать тебя всячески въ своей власти. Продолжай, усиливай молитвенные вопли ко Господу; а между тѣмъ, не щадя ни себя, ни облегающихъ тебя обманчивыхъ призраковъ, разоблачай разумомъ, при помощи слова Божія, подъ руководствомъ твоего духовнаго отца, увлекающіе тебя соблазны. Предъ тобою рисуется картина жизни временной со всѣми грѣховными удобствами и удовольствіями плоти и міра: противопоставляй ей другую картину, картину истинной и существеннѣйшей дѣй-

ствительности, образъ смерти, страшнаго суда, вѣчной муки въ геенскомъ огнѣ. Сила благодати дастъ жизнь твоимъ умопредставленіямъ и ты скоро увидишь, какъ сами собою будутъ становиться ненавистными для тебя узы, въ которыхъ держится оживающая твоя душа. Мало по малу ненависть вообще ко грѣху будетъ переходить на то, что есть грѣховнаго въ тебѣ, и тебѣ не тяжко будетъ отсѣкать зло въ душѣ, какъ во время болѣзни тѣлесной не тяжко тебѣ мучить свой вкусъ горечью лекарствъ и отсѣкать зараженные члены, чтобы спасти жизнь. Все это, конечно, будетъ дѣлаться не мгновенно. Но не тѣмъ ли для насъ лучше, что день отъ дня, мало по малу мы должны исправлять себя, употребляя мѣры врачеванія по требованіямъ опредѣленныхъ нуждъ? Скажи однажды навсегда груху: «я врагъ твой»,—и при каждомъ искушеніи говори каждому лукавому помыслу: «я врагъ твой».

Съ теченіемъ времени, изъ чувства сокрушенія, первоначально возбуждаемаго благодатію, и изъ колебанія души, затрудняющейся въ подвигѣ самоотреченія, возникнутъ новыя затрудненія для души, глубже и глубже проникающей при свѣтѣ благодати и болѣе и болѣе вступающей въ борьбу съ внутреннимъ зломъ. Начнутся наущенія діавола: куда тебѣ, такому грѣшнику, приниматься за подвиги? гдѣ уже вознаградить тебѣ то зло, какое ты сдѣлалъ? а что, если не выдержишь подвига и опять возвратишься на прежнія стези: не горшему ли подвергнешься осужденію? не лучше ли уже идти своимъ путемъ, доколѣ въ состояніи будешь разомъ отказаться отъ грѣха? Начнутся вопли плоти: еще одинъ день, хоть одинъ день, дай мнѣ! Успѣешь еще подумать о спасеніи! Понемножку отла-

гай пріобрѣтенные навыки: не льзя же всего сдѣлать вдругъ! Пощади себя: иначе не станетъ у тебя силы вынести въ одинъ разъ всю тяжесть подвига! И это опять будетъ приражаться къ душѣ не однажды, не дважды. Можетъ быть, годы пройдутъ, пока замолкнутъ всѣ эти соблазны и искушенія. Что дѣлать? Молиться, терпѣть и стоять на своемъ! Видишь, что жить во грѣхѣ страшно, умереть еще страшнѣе. Надобно положить конецъ грѣховной жизни; надобно предупредить неизбѣжный, но неизвѣстный,—можетъ быть, уже очень близкій,—часъ перехода туда, гдѣ можно найти только вѣчность, или жизнь вѣчную, или смерть вѣчную, муку вѣчную. Томится бѣдная душа твоя, колеблющаяся еще между рѣшимостью исправиться и влеченіемъ къ привычному грѣху; болѣзненно ноетъ сердце, отъ сладости грѣха отрекающееся, къ сладости спасенія только еще стремящееся; скорбитъ и страдаетъ очищаемое внутреннимъ огнемъ душевнаго сокрушенія тѣло, привыкшее къ погибельному покою, къ нечистымъ наслажденіямъ, къ плотскому порядку жизни. Перетерпи это томленіе, болѣзнь, скорбь; препобѣждай одно за другимъ,—по одиночкѣ не тяжело,—возникающія искушенія; минуту за минутой переживай въ борьбѣ съ минутными движеніями остатковъ зла. Господь уже простираетъ къ тебѣ свои объятія; каждую слезу твою видитъ, каждый вздохъ слышитъ, каждое усиліе борьбы съ собою запечатлѣваетъ въ книгѣ живота, какъ подвигъ, какъ заслугу, имѣющую все значеніе добраго богоугоднаго дѣла, какъ одно изъ дѣлъ одного святаго труда — очищенія души для Бога. Иди къ Нему: что не докончено, Онъ довершитъ; чего ты не сможешь, Онъ поможетъ тебѣ. Молись Ему; Онъ не

дастъ тебѣ возвратиться вспять. На Него надѣйся и — терпи. Его памятуй и трудись. Не страши себя ложною мыслью, будто ты не можешь въ одинъ разъ отречься отъ грѣха: здѣсь все дѣло о чувствахъ сердца; нужно только, чтобы оно сказало: «ненавижу грѣхъ»; а это не такъ трудно! Не воображай себѣ, будто вотъ въ первую минуту отреченія отъ грѣха, какъ враны, налетятъ на тебя всѣ адскія силы, какъ градъ, посыплются со всѣхъ сторонъ искушенія. Нѣтъ; не дастъ тебѣ Господь искуситися паче, еже можешь. Придетъ одно искушеніе,— съ нимъ и борись, противопоставляя ему мысль о вѣчной погибели, молитву о помощи свыше. За нимъ другое, третье, столько, сколько ты можешь вынести: при каждомъ ближе и ближе будетъ къ тебѣ вспомоществующая благодать Божія, послѣ побѣды надъ каждымъ ближе и ближе будетъ становиться конецъ страдальческаго подвига — день, когда Господь дастъ преутружденной душѣ ослабу.

Языкъ человѣческій напрасно сталъ бы усиливаться объяснить не испытавшему всю сладость того состоянія, въ какомъ находятся души, посвятившія себя Богу, потрудившіяся для Бога и удостоившіяся благодатнаго посѣщенія Того, Кто весь есть *сладость и весь желаніе* (Пѣсн. П. 5, 16). Можно только желать себѣ и всѣмъ, да удостоитъ Господь насъ этой неизреченной милости, Самъ содѣлавъ насъ достойными ея. Можно только напоминать себѣ и другимъ, что для всякаго, подвизающагося противу грѣха, время этого небеснаго блаженства, раньше или позже, непремѣнно будетъ: *се стою при дверехъ и толку, аще кто отверзетъ двери, вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той*

со мною, глаголетъ самъ Господь (Ап. 3, 20)! *Ей, гряди, Господи, Іисусе* (—32, 20)!

Но—не конецъ еще слову о брани, которая продолжается и у просвѣщенныхъ свыше, которая длится вмѣстѣ съ жизнью и оканчивается только тамъ — въ царствѣ вѣчной славы. Простите, души избранныя, немощному слову, касающемуся и вашей духовной брани—въ назиданіе тѣмъ, кто еще начинаетъ только вашъ подвигъ подъ тѣмъ же знаменемъ, подъ которымъ подвизались и вы, съ тѣми же надеждами, какія васъ одушевляли въ трудѣ.

Тамъ, вдали отъ суеты мірской, въ тиши глубокаго уединенія бѣлѣются стѣны обители подъ осѣненіемъ храмовъ, увѣнчанныхъ знаменемъ креста Христова. За тѣмъ бѣгутъ сюда люди, часто, можетъ быть, совершеннѣйшіе по своему настроенію и духовному состоянію? Тамъ, въ оградѣ мирной обители, подъ скуднымъ кровомъ убогой по убранству, но дышущей святынею келліи, день и ночь раздается дрожащій отъ слезъ голосъ и непрестанно слышится молитвенный вопль: Господи, помилуй! То плачетъ и молится дряхлый уже старецъ, съ юныхъ лѣтъ посвятившій себя Господу, много уже подъявшій трудовъ, и много одержавшій побѣдъ, и много стяжавшій вѣнцовъ, чаемыхъ въ день воздаянія. О чемъ же онъ плачетъ, о чемъ такъ усильно и слезно молится?.. Тамъ, подъ руководствомъ подобныхъ старцевъ, зрѣютъ юные ратники царства Христова, проходящіе первоначальный для нихъ путь покаянія и послушанія, каждый помыслъ свой повѣдающіе старцу и то и дѣло ищущіе совѣтовъ, какъ спастись, какъ побѣдить грѣхъ, какъ угодить Богу. Въ чемъ каются эти юныя души, пріютившіяся подъ

неблазненнымъ кровомъ обители,—для какой борьбы снаряжаютъ себя онѣ, удалившись отъ соблазновъ міра? Присмотрись поближе къ этимъ побѣдоносьнымъ ратникамъ противу грѣха, воинствующій подъ знаменемъ креста Христова, добрый христіанинъ. Здѣсь много увидишь поучительнаго и для себя на случай рѣшительной и уже благоуспѣшной брани со грѣхомъ.

Когда почувствуешь миръ въ душѣ, пріосѣненной благодатію Божіей, не думай, чтобы уже оконченъ былъ трудъ борьбы. Измѣнится нѣсколько видъ брани, когда добрая рѣшимость противиться грѣху проложитъ благодати путь къ твоему сердцу и благодать изгонитъ изъ сердца заложниковъ вражескихъ. Діавольскіе навѣты будутъ приражаться отвнѣ, издалека, въ видѣ отдѣльныхъ одно отъ другаго искушеній. Но здѣсь-то и нужно особенно беречь себя. Одна уступка грѣху—и всѣ прежніе пороки возвратятся съ сугубою силою и повлекутъ смущенную душу на распутія грѣха, усиленною злобою мстя за прежнее пораженіе. Одна уступка лукавому духу—и онъ пойметъ съ собою седмь злѣйшихъ духовъ и завладѣетъ душою, какъ хищный врагъ, который тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ будетъ мучить свою добычу, чѣмъ больше озлобленъ былъ прежде потерею. Одна минута забвенія Бога—и благодать, уже оскорбленная, отступитъ отъ сердца, и снова начнется у грѣшника трудъ безуспѣшной борьбы, и снова ему нужно начинать прежній подвигъ, въ началѣ тяжелый и мучительный. На этотъ-то случай и дороги стѣны уединенной обители. Это—оборонительная крѣпость противу врага; это — ограда, за которою укрываются отъ нападеній вражескихъ тѣ, которые умѣютъ цѣнить и беречь свою душу для

Бога. Тамъ, внѣ этой отрады страсти шумятъ и беззаконіе, обходя стогны, уловляетъ неосторожныя души. Здѣсь все мирно и уединеннымъ отшельникамъ много уже приноситъ пользы то, что они не должны тратить по-напрасну трудовъ на борьбу съ искушеніями, которыхъ избѣжать легко. Тамъ, среди мірскаго шума и суеты, трудно бываетъ иногда устоять въ подвигѣ наблюденія за собою; разнообразныя впечатлѣнія, развлекающія умъ, не даютъ въ иную пору примѣтить, какъ закрадется въ воображеніе какой нибудь соблазнительный образъ, какъ возникнетъ въ сердцѣ какое нибудь похотливое пожеланіе; различныя занятія помѣшаютъ привести въ исполненіе какія либо положительныя мѣры противу возникающей грѣховной немощи. Здѣсь, за стѣною обители, одно дѣло—трудъ спасенія души, облегчаемый порядкомъ отшельнической жизни, вспомоществуемый молитвою, къ которой то и дѣло призывается инокъ. Примѣни къ себѣ этотъ порядокъ, добрый ратоборецъ Христовъ, стяжавшій уже ненависть ко грѣху, вкусившій сладость побѣды надъ нимъ, рѣшившійся на подвигъ спасенія души и уже имѣющій отрадныя надежды на успѣхъ. Сдѣлай свой домъ похожимъ на обитель благочестія; прегради въ него входъ мірской суетѣ и молвѣ, соблазнительнымъ прихотямъ, празднымъ и безпечнымъ людямъ,—живи, какъ жилъ Псалмопѣвецъ, говорившій о себѣ: *прехождахъ въ незлобіи сердца моего посредѣ дому моего. Не предлагахъ предъ очима моима вещь законопреступную; творящыя преступленіе возненавидѣхъ. Не прильпе мнѣ сердце строптиво: уклоняющагося отъ мене лукаваго не познахъ. Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях: гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ, съ симъ*

не ядяхъ. Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню: глаголяй неправедная не исправляше предъ очима моима (Пс. 100, 2—7). Когда нужно войти въ столкновеніе съ людьми и дѣлами житейскими, огради себя стражею вниманія къ себѣ, *познавая, яко посредѣ сѣтей минуеши и по забраломъ града ходиши* (Сир. 9, 18). Сдерживай око, ухо и языкъ свой; да не разсѣевается душа по соблазнамъ, приражающимся отвнѣ, держась внутри, какъ въ крѣпости, за постояннымъ дѣломъ—молитвы къ Богу.

Каждый день юный инокъ идетъ къ духовному отцу своему—повѣдать свои помыслы, разсказываетъ все, что сдѣлалъ, что видѣлъ, что подумалъ, и—какой чудный плодъ приноситъ ему это ежедневное покаяніе! Врагъ забросилъ въ душу сѣмя зла; вся надежда его на то, что въ тайнѣ сердца, какъ зерно пшеницы, зарытое въ землю, это сѣмя раньше или позже дастъ ростокъ и принесетъ плодъ; а между тѣмъ вотъ оно уже извергнуто наружу и потеряло силу. Врагъ успѣлъ воспользоваться минутою слабости или безпечности, неподготовленную душу вовлекъ въ соблазнъ и уранилъ совѣсть болѣе или менѣе тяжкимъ грѣхомъ: вотъ, думаетъ, рану эту скроютъ, какъ постыдную, а она разболится и заразитъ всю душу, отниметъ у ней силу и повергнетъ въ отчаяніе; но—вотъ рана раскрыта, пластырь приложенъ, душа ободрена, подвигъ усиленъ, человѣкъ спасенъ!—Отъ чего же и намъ съ тобою не ввести въ свою жизнь того же спасительнаго порядка? Повѣряй свою совѣсть каждый день, выбрось наружу затаившееся въ сердцѣ зло, повѣдавъ свою бѣду своей женѣ, своему другу, своему духовнику. Съ каждымъ опытомъ покаянія будетъ возрастать ненависть ко

грѣху, усиливаться навыкъ слѣдить за собою, умножаться мудрость духовно-житейская. Случилось паденіе? Отбрось свое самолюбіе; вмѣсто того, чтобы безплодно укорять себя, спѣши скорѣй къ духовному отцу своему и повѣдай ему грѣхъ свой. Не все погибло еще, возлюбленное чадо любви Божіей, или лучше, ничего еще не потерялъ ты, если поспѣшилъ прибѣгнуть подъ кровъ милосердія Божія. Плачь предъ Богомъ твоимъ, моли Человѣколюбца, да исцѣлитъ рану души твоей, теплѣе моли Его о помощи, усильнѣе зови Его къ себѣ на помощь. Не замедлитъ помощь, не отречется отъ тебя Тотъ, кто положилъ за грѣхи твои душу свою. Кайся, молись и еще больше люби Его,—кому много отпущено, тотъ больше любитъ, — и въ любви трудись въ дѣлахъ богоугожденія больше, чѣмъ прежде, съ бо́льшимъ усердіемъ, какъ добрый сынъ, случайно провинившійся предъ отцемъ и усиливающійся вознаградить проступокъ, возвратить прежнюю любовь отеческую.

Будутъ и побѣды. Но вмѣстѣ съ ними будетъ возрастать въ тебѣ смиреніе—вѣнецъ подвиговъ и добродѣтелей. Что же такого дивнаго сдѣлалъ я,—говори себѣ, когда лукавый помыслъ будетъ льстить тебѣ и превозносить твой успѣхъ и побѣду? Не отдался въ плѣнъ? Не поставилъ себя во вражду съ Богомъ? Не продалъ своей души за временную грѣха сладость? Развѣ такъ не должно быть по собственнымъ убѣжденіямъ моего разума и совѣсти? И что же великаго въ томъ, что искушеніе преодолѣно? Борьба, которую нужно было вынесть? Но то, что намъ нужно бороться еще съ искушеніями, въ существѣ дѣла, скорѣе не несчастіе ли наше—плодъ первоначальнаго повреж-

денія, чѣмъ заслуга? Успѣхъ этой борьбы? Но—изъ милліона обстоящихъ враговъ убить одного—успѣхъ еще не такой важный, чтобы уже считать себя побѣдителемъ и торжествовать побѣду, особенно послѣ того, какъ, можетъ быть, предъ этимъ получилъ въ одно мгновеніе нѣсколько ранъ. И — весь ли успѣхъ наше дѣло? И наша ли собственно заслуга — побѣда? Посмѣли ль бы мы и бороться со грѣхомъ, еслибъ благодать не призвала насъ къ этой борьбѣ и не составила изъ насъ воинствующей рати? Сколько въ самой одержанной нами побѣдѣ стороннихъ вліяній и пособій, безъ которыхъ мы также мало успѣли бы, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, какъ во всѣхъ вообще случаяхъ, когда дерзновенно сами на себя беремъ трудъ и напередъ осмѣливаемся обѣщать себѣ побѣду? Повергнемся въ благоговѣйно-благодарственной молитвѣ предъ Тѣмъ, отъ кого исходитъ сила, насъ укрѣпляющая; воздадимъ благодареніе милосердной Матери вѣрно подвизающихся—Царицѣ небесной, отъ всякихъ насъ бѣдъ свобождающей; воздадимъ св. Ангелу Хранителю и Святымъ Божіимъ, ограждающимъ насъ своимъ заступленіемъ, отражающимъ отъ насъ невидимыя стрѣлы лукаваго, вспомоществующимъ немощи нашей въ исполненіи долга, лежащаго на насъ. Въ эти-то минуты, когда помощь небесная для насъ ощутительнѣе, будемъ припадать къ Богу тѣмъ усерднѣе и слѣдить за собою тѣмъ внимательнѣе, что побѣды наши раздражаютъ врага и возбуждаютъ противъ насъ ухищреннѣйшія козни.

Доскажемъ и послѣдній урокъ, какой можетъ преподать доброму христіанину благочестивый взглядъ на святую обитель благочестія. Видишь тамъ братство,

союзъ различныхъ лицъ, совокупившихся для успѣшнѣйшаго стремленія къ общей цѣли, другъ другу помогающихъ въ общемъ дѣлѣ духовной брани со врагомъ, и при взаимной помощи сильныхъ въ брани. Найди себѣ подобное содѣйствіе въ своемъ кругу. Обставь себя людьми, съ которыми могъ бы подѣлиться скорбью сердца и радостію души. Будь въ живомъ союзѣ съ твоимъ духовнымъ отцемъ, который долженъ знать твое духовное состояніе и твои духовныя нужды. Въ свою очередь, вспомоществуемый другими, вспомоществуй другимъ въ святомъ дѣлѣ спасительной борьбы. Пусть твоя семья дружно ратоборствуетъ вмѣстѣ съ тобою противъ общаго врага. Вводи дѣтей своихъ въ заповѣданный Евангеліемъ подвигъ съ малолѣтства, чтобы, наслѣдовавъ отъ тебя, наслѣдуемую всѣми нами, побѣдоносную брань, съ раннихъ дней пріучались они къ искусству брани, испытывали сладость побѣдъ, привлекали къ себѣ и къ тебѣ милость Божію—здѣсь, а тамъ вмѣстѣ съ тобою стяжали вѣнцы вѣчной славы. Сугубое торжество будетъ у тебя, какъ у борца и предводителя брани, и сугубый вѣнецъ уготованъ будетъ тебѣ, какъ побѣдоносному ратоборцу и предводителю побѣдоносной брани.

ПОУЧЕНІЕ

ВЪ НЕДѢЛЮ 25 ПО ПЯТЬДЕСЯТНИЦѢ.

Преосвященнѣйшаго Елпидифора, епископа вятскаго и слободскаго.

Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе (Еф. 4, 5).

Вотъ три важнѣйшія истины, одна изъ другой вытекающія, одна отъ другой зависящія, одна на другой утверждающіяся. Единъ есть Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ: едина посему и спасительная вѣра христіанская, Имъ основанная и божественною кровію Его запечатлѣнная. Едина есть спасительная вѣра для всѣхъ, ищущихъ спасенія: одинаковы должны быть и таинства вѣры и всѣ другія священныя дѣйствія, въ которыхъ отъ Начальника вѣры и Совершителя спасенія сообщается вѣрующимъ благодать спасительная и которыя служатъ къ выраженію, возбужденію, утвержденію и возвышенію духа вѣры. Чего же таковое единство основаній вѣры требуетъ отъ самихъ вѣрующихъ и къ чему ихъ обязываетъ?

Требуетъ оно во-первыхъ единства исповѣданія. Всѣ, именующіеся христіанами и вѣрующіе во Христа, должны вѣровать и поступать такъ, какъ научилъ и заповѣдалъ самъ Іисусъ Христосъ и богодухновенные Его Апостолы. Слѣдовательно у всѣхъ христіанъ и

должно быть одинаковое ученіе и исповѣданіе вѣры, одинаковыя истины и убѣжденія, одинаковыя надежды, одинаковыя правила дѣятельности: такъ какъ одинъ Христосъ и одно Его Евангеліе для всѣхъ временъ и народовъ земныхъ. Разнорѣчіе и разномысліе въ отношеніи къ предметамъ вѣрованія несовмѣстны съ единствомъ вѣры христіанской. Отъ чего же на опытѣ видимъ противное? Отъ чего существуютъ у христіанъ различныя вѣроученія и вѣроисповѣданія? Само собою разумѣется, что это происходитъ не отъ божественнаго Основателя вѣры, а отъ человѣковъ, пріемлющихъ и передающихъ одинъ другому вѣру. Люди не хотятъ или не умѣютъ спасительныя истины и правила вѣры принимать и содержать въ той простотѣ и чистотѣ, въ какой онѣ преподаны намъ отъ Бога, но примѣшиваютъ къ нимъ свои мудрованія, превращаютъ ихъ своими толкованіями, въ свѣтъ Слова Божія вносятъ часто свой собственный мракъ: отъ того, единая сама въ себѣ, богопреданная вѣра въ умахъ и устахъ людей принимаетъ различные оттѣнки и является въ различныхъ исповѣданіяхъ. Церковь православная ежедневно молится о соединеніи всѣхъ церквей христіанскихъ, которыя теперь видимо отдѣляются одна отъ другой своимъ ученіемъ и исповѣданіемъ вѣры. И такая молитва Церкви не напрасна: настанетъ время, когда всѣ пріидутъ *въ соединеніе вѣры* (Еф. 4, 13), по неложному обѣтованію самаго Іисуса Христа, что *будетъ* во всемъ мірѣ *едино стадо* всѣхъ вѣрующихъ *и единъ* у нихъ *пастырь* (Іоан. 10, 16).

Что же теперь дѣлать при существующемъ раздѣленіи церквей и вѣроисповѣданій христіанскихъ? Можно ли считать безразличнымъ—принадлежать къ той или

другой церкви, держаться того или другаго вѣроисповѣданія? Чтобы отвѣчать на это, разсмотримъ другой вопросъ: все ли равно—держаться чистой божественной истины, или принимать истину, искаженную уже человѣческими мудрованіями и прибавленіями или умаленіями? Очевидно, долгъ всякаго разумнаго существа—любить чистую, неповрежденную истину, искать и держаться ея. А чистая истина есть единая и не допускаетъ разнородныхъ о ней понятій. Посему между различными христіанскими вѣроисповѣданіми одно только можетъ быть совершенно правое и чисто истинное, а прочія непремѣнно уже болѣе или менѣе уклонились отъ чистоты и святости богопреданныя вѣры. И такъ, считать не разнственнымъ принадлежать къ той или другой церкви, къ тому или другому вѣроисповѣданію христіанскому, значитъ одинаково цѣнить и принимать истину и отступленіе отъ нея или даже заблужденіе. Не явное ли это оскорбленіе истины, посрамляющее разумъ нашъ, недостойное человѣка? Не есть ли это оскорбленіе и величія Божія? Истинная вѣра наша—отъ Бога: не ревновать по оной, не искать и не держаться ея, а считать безразличными всякія вѣроученія, не значитъ ли не имѣть ревности о славѣ Божіей, не хотѣть знать и исполнять прямую и подлинную волю Божію? Притомъ единая только истинная богопреданная вѣра приводитъ ко спасенію; въ одной православной Церкви, содержащей богопреданную вѣру въ неповрежденной чистотѣ, содержится прямый путь къ небесному царствію: а всѣ другія вѣроисповѣданія поставляютъ уже христіанина на распутія, которыя болѣе или менѣе уклоняютъ его отъ прямаго и вѣрнаго пути спасенія и подвергаютъ опас-

ности заблудиться и не достигнуть Іерусалима небеснаго. И такъ, кто ревнуетъ по истинѣ о славѣ Божіей и о своемъ спасеніи, тотъ долженъ съ ревностію искать и твердо держаться Церкви православной, которая содержитъ и исповѣдуетъ единую истинную и спасительную вѣру Христову, и потому называется *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), а *не влаяться подобно младенцу всякимъ вѣтромъ ученія* (Еф. 4, 14) и *не прилагаться въ наученія странна и различна* (Евр. 13, 9), распространяемыя отступниками отъ единства святой и спасительной вѣры Христовой. И вотъ это есть второе, чего требуетъ отъ насъ единство вѣры. Едина есть истинная вѣра: едино—и спасительное исповѣданіе вѣры. Кто посему безразлично готовъ принимать то или другое ученіе и исповѣданіе вѣры, тотъ близокъ къ тому, чтобы вовсе не имѣть вѣры, и слѣдовательно быть чуждымъ спасенія: *иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16), сказалъ самъ Начальникъ вѣры и Совершитель нашего спасенія.

Въ-третьихъ единство вѣры требуетъ взаимнаго нашего единенія въ общественныхъ молитвахъ и богослуженіи церковномъ. Всѣ мы имѣемъ одну вѣру, исповѣдуемъ единаго Бога Отца, *иже надъ всѣми и во всѣхъ и чрезъ всѣхъ насъ* (Еф. 4, 6); единаго Господа Іисуса Христа, единороднаго Сына Божія, *о немъ же имамы избавленіе и оставленіе грѣховъ кровію его* (Кол. 1, 14); единаго Духа Святаго, Господа, животворящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, отъ него же пріемлемъ благодать освященія. Какъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый едино суть по существу: такъ и всѣ, исповѣдующіе Троицу единосущную и нераз-

дѣльную, не должны ли совокупляться во едино, дабы не только единымъ серцемъ, но и едиными устами славить и воспѣвать пречестное и великолѣпое имя пресвятой Троицы? Ты одинаково съ другими вѣруешь и исповѣдуешь Бога: покажи же это другимъ на самомъ дѣлѣ; приходи туда, гдѣ всѣ другіе вѣрующіе сходятся для свидѣтельствованія своей вѣры и почитанія вѣруемаго Бога. Хочешь, и можешь всегда молиться Богу одинъ въ клети своей: но приходи для сего и въ храмъ святый, въ общее собраніе вѣрующихъ, дабы видѣли, что ты единомысленъ въ вѣрѣ и исповѣданіи, что ты такой же истинный сынъ Церкви, любящій и почитающій матерь свою и вмѣстѣ съ другими чадами ея охотно поспѣшающій въ лоно ея, когда она призываетъ чадъ своихъ на молитву для возданія хвалы и благодаренія Отцу небесному. И въ обыкновенномъ быту житейскомъ, когда нѣкоторыя лица часто собираются вмѣстѣ для взаимнаго собесѣдованія: то всѣ они непримѣтно наполняются однимъ духомъ, утверждаются въ одинаковыхъ мысляхъ и правилахъ, получаютъ одинаковое настроеніе душевное. Такъ и въ дѣлѣ вѣры,—общественными молитвами и богослуженіемъ болѣе и болѣе раскрывается и утверждается въ вѣрующихъ единство вѣры. Здѣсь обрядами и священнодѣйствіями, пѣснопѣніями и поученіями церковными, и взаимнымъ примѣромъ предстоящихъ и молящихся другіе—слабые въ вѣрѣ укрѣпляются, хладные возбуждаются и одушевляются, заблуждающіе вразумляются и исправляются, и всѣ вообще настрояются и утверждаются въ одинаковыхъ истинахъ и правилахъ христіанскаго благочестія. Посему-то апостолъ Павелъ строго заповѣдуетъ христіанамъ *не оставлять собранія* въ церкви для общихъ

молитвъ, но чрезъ таковыя собранія *подвизать другъ друга и поощрять въ любви и добрыхъ дѣлахъ* (Евр. 10, 24. 25). Кто не любитъ посѣщать храмовъ святыхъ и участвовать въ общественныхъ молитвахъ и богослуженіяхъ, тотъ, очевидно, отдѣляется отъ единства вѣры; тотъ или не единомысленъ, или хладенъ въ вѣрѣ, или, что еще хуже, вовсе не имѣетъ той вѣры, какую пріемлютъ и исповѣдуютъ вѣрные сыны святой Церкви.

Наконецъ единство вѣры требуетъ единенія любви между всѣми вѣрующими. Вообще единомысліе порождаетъ и единеніе сердецъ; люди одинаковыхъ мыслей и чувствованій связуются между собою и тѣснѣйшею любовію. Посему и при дѣйствительномъ единствѣ вѣры невозможно не быть и взаимной любви между вѣрующими. Вѣра наша не состоитъ только въ умозрѣніи, но обнимаетъ и сердце, и всю дѣятельность человѣка: *сердцемъ*, говоритъ Апостолъ, *вѣруется въ правду* (Рим. 10, 10), и *о Христѣ Іисусѣ* дѣйственна *вѣра*, только *любовію поспѣшествуемая* (Гал. 5, 6). И такъ, если нѣтъ въ христіанахъ единенія любви, то нѣтъ въ нихъ и дѣйствительнаго, какое требуется, единства вѣры. Ибо какъ намъ христіанамъ не обымать другъ друга любовію самою живою и искреннею? У всѣхъ насъ по вѣрѣ одинъ Богъ Отецъ небесный, единъ Господь Іисусъ Спаситель нашъ, всѣ мы единымъ Духомъ Святымъ напояемся, единымъ тѣломъ и кровію Христовою питаемся, и составляемъ едино тѣло, коего едина есть глава — Христосъ. При такомъ тѣсномъ и таинственномъ единеніи христіанъ между собою и съ Богомъ и Христомъ, къ которому приводитъ вѣра, не должно ли намъ одушевляться взаимною, самою живою братскою любовію? *О семъ разу-*

мѣютъ вси, говоритъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *яко мои ученицы есте*, *аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Тотъ посему не истинный ученикъ Христовъ и чуждъ единства вѣры Христовой, кто чуждъ духа любви христіанской, кто не готовъ всегда всѣмъ братіямъ своимъ по вѣрѣ дѣлать всякое добро.

Имуще убо единаго Архіерея велика, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божія, да держимся неуклонно, умомъ и сердцемъ, словомъ и дѣломъ, единаго истиннаго и спасительнаго богопреданнаго *исповѣданія* (Евр. 4, 14); да *тщимся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* и любви (Еф. 4, 3) и въ общеніи молитвъ и священнодѣйствій. Тогда можемъ похвалиться единствомъ своея вѣры и это единство приведетъ всѣхъ къ блаженному единенію въ небесномъ царствіи. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ПРЕСТАВЛЕНІЯ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Блажени есмы, яко угодная Богу намъ разумна суть (Вар. 4, 4).

Намъ, вѣрные сыны святой Христовой Церкви, намъ по преимуществу принадлежитъ это блаженство, какое считалъ нѣкогда своимъ утѣшительнѣйшимъ достояніемъ древній избранный народъ Божій. И законъ нашъ—законъ совершеннѣйшій, въ которомъ повѣдана намъ *вся воля Божія* (Дѣян. 20, 27), и сверхъ сего, то, чему законъ полагаетъ начало, довершаютъ живые и поучительнѣйшіе примѣры обильно украшающихъ Церковь православную святыхъ Угодниковъ Божіихъ, наставляющихъ насъ, какъ Божій *законъ законно творить* (1 Тим. 1, 8). Подъ ихъ руководствомъ каждый изъ насъ легко можетъ узнать и самую сущность, и весь порядокъ богоугодной жизни,—*угодная Богу намъ разумна суть,—блажени есмы!*

Напоминаніе объ этомъ блаженствѣ не покажется, конечно, излишнимъ тому, кто стяжалъ его—неоскудѣвающее, а напротивъ, постоянно возрастающее сокровище; для другихъ, кто мало знаетъ о немъ или пользуется имъ не вполнѣ, какъ должно, это напоминаніе даже необ-

ходимо. Между тѣмъ, о чемъ и умѣстнѣе бесѣдовать въ праздникъ и у гроба Угодника Божія, какъ не объ угожденіи Богу,—на что и употребить съ большею для души пользою праздникъ Угодника, какъ не на то, чтобъ у самаго ублажаемаго Угодника поучиться богоугодной жизни?...

Примѣръ Святыхъ Божіихъ прежде всего проясняетъ, какими именно дѣлами надобно стараться благоугождать Богу. Примѣръ всѣхъ Святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ Богу, и въ частности, примѣръ святаго угодника Божія благовѣрнаго князя Александра, даетъ намъ въ этомъ отношеніи ясный урокъ, опредѣленное правило въ руководство. Дѣла закона и правды—вотъ первый предметъ нашихъ заботъ и усилій въ спасительномъ подвигѣ угожденія Богу. *Благоугождай предо мною,* заповѣдывалъ Господь Богъ отцу вѣрующихъ, и Самъ объяснилъ ему силу заповѣди, присоединивъ: *и буди непороченъ* (Быт. 17, 1). И благоугодилъ Аврамъ Вышнему (Быт. 24, 40), соблюдши законъ Его и пребывши въ завѣтѣ съ Нимъ (Сир. 44, 20). Этотъ общій путь богоугожденія неуклонно проходили и всѣ святые Угодники Божіи, до смерти пребывшіе вѣрными Богу во всѣхъ заповѣдяхъ Его, всегда свято хранившіе долгъ богопочтенія, обязанности правды и любви къ ближнимъ, святость души и тѣла, требуемую отъ насъ. «Многосвѣтлыми звѣздами» являлись они, какъ и почивающій предъ нами Праведникъ, «свѣтлаго ради житія своего и чистоты душевныя и тѣлесныя (¹)», ради «преподобія и правды», которы-

(¹) Служб. св. Александру 23 Нояб. Сѣдал. по 3-й п. утр. кан.

ми украшались ([2]). Этотъ общій путь должно проходить и каждому, кто хочетъ угодить Богу: безъ соблюденія *заповѣдей* нельзя наслѣдовать жизнь вѣчную, блаженное достояніе только благоугодившихъ Богу (Матѳ. 19, 17; 25, 46). Кто еще не изучилъ воли Божіей въ законѣ Его, кто еще не утвердился въ мысли, что *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бываетъ всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10), и не усиливается испытать свидѣнія Божіи, и не находитъ сладости въ словахъ Господнихъ: тотъ еще не думай о себѣ, что началъ уже трудъ угожденія Богу. Но не довольствовались истинные Угодники Божіи одними тѣми дѣлами, какія должны были непремѣнно совершить (Лук. 17, 10): живое усердіе къ Богу заставляло ихъ приносить Ему и другія, болѣе *вольныя* (Пс. 118, 108) жертвы, какими Онъ особенно благоугождается (Евр. 13, 16): усильнѣйшія молитвы, болѣе обыкновеннаго строгіе посты, неутомимо - щедрыя благотворенія (Тов. 12, 8; Евр. 13, 3. 16). Такъ, въ св. благовѣрномъ князѣ Александрѣ видимъ, по указанію Церкви, истиннаго «воина Іисусъ Христова», воюющаго противъ невидимыхъ враговъ молитвою, противъ плоти воздержаніемъ, противъ міра отверженіемъ міра ([3])—видимъ истиннаго человѣколюбца, отъ очей котораго величіе властителя не закрывало нищеты меньшихъ братій Христовыхъ, — которому ни труды, ни блага правительственнаго служенія, не препятствовали являться «сиротъ питателемъ, плѣнныхъ свобо-

---

([2]) Тамъ же на хвал. веч. стих. 4.

([3]) Служб. св. Александру 30 Авг. на утр. на Хвал. ст. 2.

дителемъ (4)». И всякій, искренно желающій угодить Богу, не можетъ быть чуждъ подобнаго усердія, потому что для угожденія кому бы то ни было не то только требуется, чтобы не дѣлать ничего противнаго ему или только исполнять волю его, — нѣтъ, кто хочетъ истинно «угодить» кому либо, тотъ самъ придумываетъ средства — доставить ему удовольствіе, въ строгомъ смыслѣ сдѣлать угожденіе.

Другой урокъ, преподаваемый намъ примѣромъ Святыхъ Божіихъ, внушаетъ намъ, какими внутренними чувствами и расположеніями сердца должна быть одушевляема наша внѣшняя богоугодная дѣятельность. Нечего дивиться ни разнообразію богоугодной дѣятельности святыхъ Угодниковъ Божіихъ, ни чистотѣ и святости каждой жертвы ихъ усердія къ Богу, какихъ опыты видимъ въ жизни всѣхъ ихъ. При обиліи добрыхъ чувствъ, постоянно питавшихъ сердца ихъ, — твердые въ вѣрѣ въ Бога, одушевляясь упованіемъ жизни вѣчныя, пламенѣя любовію къ Богу, какъ смерть крѣпкою (Пѣсн. Пѣсн. 8, 6), и, подъ ея осѣненіемъ, объемля ближнихъ любовію святою, всегда внимательные къ себѣ, и къ своему назначенію, и къ своему долгу, Святые Божіи безъ напряженія на каждомъ шагу встрѣчали средства и всѣмъ пользовались къ угожденію Богу. И каждое дѣло у нихъ, какъ бы ни казалось малозначительнымъ, являлось дѣломъ истинно-богоугоднымъ, потому что было чисто, и свято, и праведно, потому что направлялось и одушевлялось святыми чувствами чистаго сердца, чуждаго всѣхъ разсчетовъ человѣческаго самолюбія или не-

(4) Тамъ же на вел. веч. на Ст. стих. 4.

свойственнаго христіанину страха, по которому такъ часто люди угождаютъ Богу, какъ угождаетъ невольникъ господину. Чего, въ самомъ дѣлѣ, нельзя сдѣлать въ угожденіе Богу при такой, напримѣръ, вѣрѣ, какую имѣлъ св. благовѣрный князь Александръ, — при вѣрѣ, которой не могли поколебать ни хитрости латинскаго лжемудрованія, ни страхъ смерти въ станѣ иновѣрнаго тирана ([5])? — Съ такою надеждою, какою одушевлялся Князь, когда, въ живомъ упованіи на Промыслъ Божій, устрояющій благо жизни нашей настоящей и блаженство будущей, не поколебался пойти на защиту отечества едва не съ брачнаго торжества своего? — Съ такою любовію къ Богу, какою онъ «измлада» пламенѣлъ къ Нему ([6]), — съ такою любовію къ ближнимъ, съ какою онъ такъ часто жертвовалъ своею жизнію за спасеніе отечества ([7])? И какъ чисты, и какъ истинно богоугодны должны быть жертвы Богу, приносимыя душею, богатою такими святыми чувствами! — Нужно ли напоминать, что и всякому, желающему угодить Богу, необходимо напередъ обогатиться подобнаго рода расположеніями сердца? Самыя эти расположенія завѣщаны намъ, какъ долгъ нашъ; въ отношеніи къ угожденію Богу они — не только пособіе ему, но и существенное для него условіе.

Есть и еще, наконецъ, одно, чему можно и непремѣнно должно поучиться у святыхъ Угодниковъ Божіихъ всякому, желающему угодить Богу, — ихъ истин-

---

([5]) Четьи-минеи 30 Август. Моск. 1837. стр. 127.

([6]) Служб. св. Александру 30 Август. на мал. веч. ст. 4.

([7]) Тамъ же на вел. вечерни на Господи воззвахъ стих. 6. Служб. 23 Ноябр. утр. кан. п. 4 тр. 1.

но-благочестивому постоянному настроенію души, по которому и главною, если не единственною, цѣлію, и общимъ правиломъ, и первымъ благомъ въ жизни для нихъ было—угожденіе Богу. Какъ страшнѣйшаго зла для себя, бѣгая самоугодія (Рим. 15, 5), — какъ отъ преступленія, оберегаясь отъ человѣкоугодничества (Гал. 1, 10), они являлись вполнѣ «рабами Божіими», всегда нося въ умѣ мысль, а въ сердцѣ желаніе и стремленіе—*во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги* (2 Кор. 6, 4), служить *единому Богу* (Матѳ. 4, 10). Свидѣтель и живый образецъ такого святаго настроенія души для насъ—Угодникъ Божій, почивающій въ семъ храмѣ. *Вся ми лѣть суть*, могъ говорить онъ о себѣ съ св. Апостоломъ; *но не вся на пользу: но не азъ обладанъ буду отъ чего* (1 Кор. 6, 12), говорилъ дѣлами, громче и яснѣе всякаго слова, «прилѣпляясь духомъ къ небеснымъ» ([8]) и «блаженства небеснаго неотложно взыскуя ([9])», — борясь съ плотію и страстями, съ міромъ и его похотями ([10]). *Свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (2 Кор. 9, 19), имѣлъ онъ право сказать о себѣ; но это служеніе ближнимъ во имя и славу Божію было у него вполнѣ служеніемъ Богу,—изъ него вытекало и ему подчинялось. Когда предъ невѣрнымъ тогдашнимъ владыкою земли русской нужно ему было избрать одно изъ двухъ—выгоды земнаго отечества, или угожденіе Богу: боголюбивая душа его избрала, не колеблясь, последнее ([11]). Но, не обладаемый никѣмъ и ничѣмъ, напро-

---

([8]) Служб. 23 Ноябр. на мал. веч. ст. 2.

([9]) Тамъ же на Стиховнѣ стих. 4.

([10]) Служб. 30 Август. на утр. на Хвал. ст. 2.

([11]) См. Четьи-минеи 30 Авг.

тивъ, владычествуя царствомъ, какъ и собою, онъ вполнѣ заслужилъ имя «раба Божія», предъ цѣлымъ міромъ «исповѣдавъ своего Господа ([12])», которому одному послужилъ въ богобоязненной жизни, къ которому одному стремился и въ смерти, спѣша воспользоваться послѣдними часами не для заботъ о себѣ или о своихъ, но чтобъ успѣть принести Богу послѣднюю, совершеннѣйшую жертву—обѣты иночества ([13]), какъ плодъ и свидѣтельство искренней преданности Богу, которая одушевляла его мудрую жизнь и въ продолженіе жизни постоянно возрастала. Этому-то истинно достойному угодника Божія настроенію души и должно учиться у Святыхъ Божіихъ всякому, желающему угодить Богу, или лучше, всѣмъ и каждому изъ насъ, потому что угожденіе Богу—нашъ общій долгъ, а не исключительное только назначеніе нѣкоторыхъ. Никто изъ насъ не станетъ отвергать, что заботиться объ угожденіи Богу нужно. Но, думая совмѣстить плотскія удовольствія съ спасеніемъ души и служеніе Богу съ угожденіемъ міру, до чего мы иногда сокращаемъ эти заботы?... Случайно совершенное доброе дѣло, готовность воспользоваться возникшимъ въ душѣ добрымъ расположеніемъ, или иногда намѣренно возбудить въ сердцѣ одно, другое доброе чувство: вотъ все, чѣмъ мы часто довольствуемся въ дѣлѣ угожденія Богу, забывая, что сами не дали бы полной цѣны услугамъ человѣка, который бы дѣлалъ ихъ намъ или случайно, или только когда ему вздумается. Между тѣмъ, по собственному же нашему убѣжденію, на ко-

([12]) Служб. 30 Авг. на лит. стих. 3.

([13]) Четьи-минеи 30 Авг.

торомъ основывается и наше скудное служеніе Богу,— богоугожденіе есть наша непремѣнная обязанность къ Богу, неизмѣнное условіе нашего спасенія: чтожъ, если своимъ угожденіемъ мы не угодимъ Богу и должны будемъ раздѣлить участь тѣхъ, кого, по слову Господню, *въ день онъ* не спасетъ отъ страшнаго приговора: *николиже знахъ васъ*, все множество дѣлъ, по временамъ совершенныхъ въ продолженіе жизни во имя Его (Матѳ. 7, 22, 23)? Велика опасность! Но мы спасемся отъ нея, если заранѣе усердно будемъ учиться у святыхъ Угодниковъ Божіихъ—носить всегда въ памяти наше послѣднее назначеніе — духовное вѣчное блаженство въ Богѣ, и не считать благъ плоти и міра, для которыхъ такъ часто жертвуемъ вѣчнымъ спасеніемъ души, цѣлію дѣятельности, когда ихъ нѣтъ, и драгоцѣннѣйшими сокровищами, когда ихъ Богъ посылаетъ,—питать въ умѣ поддерживаемое совѣстію законное убѣжденіе, что безсмертный духъ нашъ, оскорбляемый и унижаемый всякимъ рабствомъ внѣ служенія Богу, въ служеніи Богу имѣетъ свое единое назначеніе и поприще дѣятельности, какъ одинъ изъ служебныхъ богосозданныхъ духовъ (Евр. 1, 14; Дан. 7, 10; Евр. 12, 22), — и, наконецъ, оберегая сердце отъ всякаго увлеченія страсти, постоянно поддерживать въ немъ единое, истинно-отрадное стремленіе—угодить Богу, законъ котораго благъ паче тысящъ злата и сребра (Псал. 118, 72),—союзъ съ которымъ—блаженство, невыразимое на языкѣ человѣческомъ (Псал. 27, 26). Въ этомъ стремленіи найдемъ мы для себя неистощимый источникъ благихъ расположеній сердца, опору для богоугодныхъ трудовъ, ручательство за то, что угодимъ Богу.

Такъ полно и подробно учатъ насъ спасительнѣйщей и сладчайшей тайнѣ богоугожденія ограждающіе насъ святые Угодники Божіи! *Научимся* же, *гдѣ есть смышленіе, гдѣ есть крѣпость, гдѣ есть мудрость, еже разумѣти купно, гдѣ есть долгожитіе и жизнь, гдѣ есть свѣтъ очесъ и миръ* (Вар. 3, 14). И то, чему научимся, при молитвенномъ пособіи святаго благовѣрнаго князя Александра и всѣхъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ, приведемъ въ дѣло, *тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе* (Рим. 12, 11). Аминь.

О ВѢРѢ,

КАКЪ ДОБРОДѢТЕЛИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Понятіе о вѣрѣ вообще.

Слово *вѣра*, по употребленію его въ св. Писаніи, имѣетъ различныя значенія. Не говоря уже о значеніяхъ этого слова, когда оно прилагается къ Богу и выражаетъ тоже, что слова: *истина Божія* (Рим. 3, 3), *вѣрность Божія въ обѣтованіяхъ* (2 Тим. 2, 13),— и въ приложеніи къ намъ «вѣра» понимается въ различныхъ смыслахъ. Кромѣ значеній переносныхъ, когда, напримѣръ, словомъ *вѣра* означается *обѣтъ*, какъ въ словахъ апостола Павла: *имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася* (1 Тим. 5, 12), вѣрѣ усвояется и собственныхъ значеній нѣсколько. *Вѣрою* называется самое ученіе вѣры, догматы спасенія, откровеніе Божіе, которое мы должны принимать, усвоять и прилагать къ жизни во спасеніе: въ этомъ смыслѣ разумѣетъ вѣру слово Божіе, когда говоритъ: *сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша* (1 Іоан. 5, 4; сн. Евр. 11, 1—2); въ этомъ смыслѣ употребляется слово *вѣра* въ выраженіяхъ Церкви о догматахъ пра-

вославія: «сія вѣра апостольская; сія вѣра православная; сія вѣра вселенную утверди». *Вѣрою* называется и самый способъ воспринятія откровенныхъ истинъ во спасеніе: *безъ вѣры невозможно угодити Богу: вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11, 6); *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Марк. 16, 16). И такъ какъ самый способъ воспріятія истинъ откровенія, по самымъ свойствамъ духовной природы нашей, можетъ быть двоякій—однимъ только умомъ, познающимъ что либо при помощи непосредственнаго наблюденія и чрезъ посредство другихъ, по довѣрію къ нимъ, или вмѣстѣ и сердцемъ, которое даетъ познаніямъ ума жизнь, обращаетъ ихъ въ собственныя наши, твердыя и живыя убѣжденія: то и вѣра въ этомъ смыслѣ имѣетъ два значенія: а) значеніе собственно только способа познанія умомъ вещей, не подлежащихъ непосредственному наблюденію человѣка, довѣрія свидѣтельству, принятія истины на основаніи свидѣтельства: *вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7); *вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ* (Евр. 11, 10); *тѣмже вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. 10, 17; сн. Гал. 3, 2 — 5; Евр. 4, 2; 5, 11); б) значеніе внутренняго убѣжденія сердца въ проповѣдуемыхъ истинахъ откровенія, убѣжденія живаго, служащаго началомъ дѣятельности, сообразной съ истинами откровенія: *иже на добрѣй земли, сіи суть, иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше, слово держатъ и плодъ творятъ въ терпѣніи* (Лук. 8, 15).

Понятіе о вѣрѣ, какъ добродѣтели.

Очевидно, что только въ послѣднихъ двухъ смыслахъ принимаемая вѣра можетъ быть нашимъ нравственнымъ достояніемъ и составлять предметъ нашихъ дѣятельныхъ заботъ и усилій. Откровеніе Божіе, догматы спасенія, какъ первое, со стороны Бога спасающаго, условіе спасенія нашего, уже преподаны намъ; мы уже *обручены* Богу *въ вѣрѣ* (Ос. 2, 20), введены въ тайны вѣры, имѣемъ вѣру (въ смыслѣ внѣшнемъ), какъ сыны православной Церкви, пріявшей отъ Господа и хранящей «вѣру истинную». Намъ остается теперь, при помощи Божіей, содѣлать себя *вѣрующими*, что уже будетъ составлять наше свойство, нашу добродѣтель, нашу заслугу предъ Богомъ, по мѣрѣ тѣхъ усилій, какія приложимъ сами для пріобрѣтенія духа вѣры. А содѣлаться вѣрующимъ значитъ — съ совершенною довѣренностію принять все, что благоволилъ Богъ открыть намъ о Себѣ и тайнахъ царствія своего, и внутренно убѣдиться въ истинѣ всего этого также живо, какъ живо убѣждены мы въ томъ, что сами существуемъ, что солнце, сіяющее надъ нами, видимъ, и т. п. (Евр. 11, 27).

Необходимость вѣры.

Озаботиться пріобрѣтеніемъ вѣры въ указанномъ смыслѣ необходимо всякому, кто носитъ имя христіанина и желаетъ блага и спасенія своей душѣ. Необходимость этого внушаютъ намъ 1) заповѣди закона Божія и 2) тѣ разнообразныя побужденія къ преуспѣянію въ вѣрѣ, какія слово Божіе и здравый разумъ представляютъ вѣрующимъ—со стороны Бога, со сто-

роны вѣры и, наконецъ, съ нашей собственно стороны.

1. Заповѣди Божіи о вѣрѣ такъ многочисленны и вмѣстѣ такъ ясны и рѣшительны, что не оставляютъ никакого мѣста колебаніямъ и сомнѣніямъ. *Вѣруй* (Богу), *и заступитъ тя* (Сир. 2, 6; сн. 11, 20); *боящіися Господа, вѣруйте ему* (— 2, 8), взываетъ древній мудрецъ, выражая въ словахъ своихъ внушенія чистой, богоозаренной совѣсти, вѣдомыя всякому, кто началъ дѣло нравственнаго преуспѣянія, имѣя *благую совѣсть*, только отверженіе которой можетъ повести къ отпаденію отъ вѣры (1 Тим. 1, 18). *Милостыня и вѣра да не оскудѣваютъ тебѣ* (Прит. 3, 3), предписываетъ между другими правилами спасительной мудрости Писаніе. *Пріиди и прейди изъ начала вѣры* (Пѣсн. П. 4, 8), говоритъ устами Премудраго небесный Женихъ душъ спасаемыхъ, утверждая съ обрученною Ему въ вѣрѣ душею завѣтъ спасенія. *Да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте* (Іоан. 14, 1); *се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ того, егоже посла онъ* (6, 29); *сія есть заповѣдь его* (Отца небеснаго), *да вѣруемъ во имя Сына его Іисуса Христа* (1 Іоан. 3, 23); *нынѣ пребываютъ вѣра, надежда и любы, три сія* (1 Кор. 13, 13), гласитъ новый, евангельскій законъ, именующій себя, по преобладанію духа вѣры въ самыхъ заповѣдяхъ о дѣлахъ правды, *закономъ вѣры* (Рим. 2, 27).

2. Основанія подобнаго рода требованій закона такъ непререкаемы и побужденія къ исполненію сихъ требованій такъ настоятельны, что тотъ, кто вникаетъ, какъ должно, въ ихъ силу, не можетъ не чувство-

вать неотразимой необходимости стяжать вѣру первѣе всего.

Богъ благоволитъ открывать намъ тайны свои въ словѣ своемъ: человѣкъ долженъ внимать сему слову, изучать и принимать сіи тайны,—заключеніе, противъ котораго ничего не можетъ сказать даже самый своевольный разумъ человѣка, погрязающаго въ похотяхъ сердца своего, если у него есть еще хотя какіе либо остатки страха Божія. Какъ бы то ни было, отверженіе такого дара безпредѣльной благости Божіей, каковы истины откровенія, есть такое преступленіе противъ непререкаемой власти Божіей, такое оскорбленіе благости Божіей, повѣдающей намъ для нашего же спасенія тайны царствія Божія, которому трудно опредѣлить мѣру виновности и несомнѣнно угрожаетъ столько же страшное, сколько и праведное наказаніе: *понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса и не внимасте: убо и азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся же, егда пріидетъ вамъ пагуба* (Прит. 1, 24. 26).

Надобно взять еще во вниманіе и тѣ обстоятельства, какими сопровождалось или, точнѣе, среди какихъ совершалось откровеніе таинъ царствія Божія. Намѣренно сохранялось поколѣніе отца вѣрующихъ для сохраненія въ мірѣ остатковъ первобытной вѣры, для проповѣданія вѣры въ обѣтованнаго Искупителя, для приготовленія людей къ принятію Христа Спасителя. Намѣренно посылалъ Господь Пророковъ, являлъ знаменія своего всемогущества въ чудесахъ, чтобы привлекать людей къ вѣрѣ. Послалъ, наконецъ, самаго единороднаго Сына своего, который *далъ есть намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго* (1 Іоан. 5, 20).

Послѣ всего этого не озаботиться узнать и не постараться усвоить всѣмъ сердцемъ истины вѣры, значитъ оказаться неспособнымъ чувствовать никакихъ благодѣяній Божіихъ и недостойнымъ пользоваться плодами ихъ. *Имуще дерзновеніе входити во святая кровію Іисусъ Христовою, путемъ новымъ и живымъ...: да приступаемъ со истиннымъ сердцемъ во извѣщеніи вѣры: да держимъ исповѣданіе упованія неуклонное: вѣренъ бо есть обѣщавый* (Евр. 10, 19. 22. 23. 26).

Таковы побужденія къ преуспѣянію въ вѣрѣ со стороны Бога, открывающаго предметы вѣры. Но и сама вѣра заключаетъ въ себѣ не мало для насъ побужденій къ изученію и усвоенію ея.

Нельзя не остановиться прежде всего на самомъ содержаніи вѣры. Она обнимаетъ собою тайны царствія Божія, къ которому мы приготовляемся и къ которому не можемъ, какъ должно, приготовить себя, если не будемъ знать, что тамъ ожидаетъ насъ, что нужно съ нашей стороны, чтобы достойно наслѣдовать тамошнія блага, чѣмъ нужно пользоваться здѣсь въ пособіе своей немощи, подкрѣпляемой только помощію свыше, чтобы непреткновенно дойти до конца по пути къ царствію. Она открываетъ намъ тайны бытія міра, окружающаго насъ, и тайны собственнаго бытія нашего, тайны, не вѣдая которыхъ, не будешь знать, что съ собою сдѣлать, но которыя доступны только вѣрѣ: *вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ* (Евр. 11, 10). Въ томъ и другомъ отношеніи вѣра незамѣнима; въ томъ и другомъ одинаково необходима для всѣхъ.

Нельзя съ особеннымъ вниманіемъ не остановиться на значеніи вѣры въ отношеніи къ нашей судьбѣ, вѣч-

ной и временной, какое усвояетъ ей слово Божіе и самый разумъ человѣческій.

Вѣра составляетъ теперь для насъ первое, послѣ благодати Божіей, условіе нашего спасенія и жизни вѣчной: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и егоже послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. 17, 3). Понятна необходимость преуспѣянія въ вѣрѣ, когда она полагается условіемъ спасенія и въ невѣріи указывается источникъ осужденія не только въ будущемъ, но уже и въ настоящемъ (Іоан. 3, 18).

Вѣра составляетъ условіе богоугодности всѣхъ нашихъ подвиговъ, всѣхъ добрыхъ дѣлъ, которыми бы мы хотѣли успокоить свою совѣсть: *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6); *все, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть* (Рим. 14, 14). Слѣдовательно о вѣрѣ и преуспѣяніи въ ней надобно пещись прежде всего, какъ о началѣ дѣятельности богоугодной и спасительной.

Вѣра, одна только открывая намъ нашу будущность и указуя въ настоящемъ бдящее надъ нами око Провидѣнія, управляющаго судьбою нашею во благо, одна въ состояніи пролить въ душу миръ и спокойствіе, составляющія неоцѣненное благо души, которая борется съ искушеніями, поражается скорбями, томится невѣдѣніемъ будущаго; въ ней только *крѣпкое утѣшеніе имамы прибѣгшіи ятися за предлежащее упованіе, еже яко котву имамы души тверду же и извѣстну* (Евр. 5, 18—19). Итакъ, сколько дорого намъ спокойствіе и миръ души—основа счастія земнаго, столько же дорога должна быть намъ вѣра.

Наконецъ, обращаясь къ собственной совѣсти своей,

и въ себѣ самихъ находимъ мы побужденія къ преуспѣянію въ вѣрѣ.

Вѣра вообще составляетъ у насъ одну изъ самыхъ существеннѣйшихъ потребностей и принадлежностей жизни. Самое начало нашихъ познаній и развитія силъ ума основывается на вѣрѣ, на довѣріи къ тѣмъ, кто говоритъ намъ, что *а* есть *а*. Самыя существеннѣйшія наши связи съ ближними основываются на вѣрѣ, на взаимномъ довѣріи, безъ котораго невозможны были бы общества. По неволѣ признавая такимъ образомъ нужду вѣры въ отношеніи къ вещамъ, окружающимъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны признать ея необходимость въ отношеніи къ міру духовному, совершенно недоступному не только для нашего глаза, но и для соображеній ума.

Между тѣмъ отдалить самую мысль о высшемъ, духовномъ мірѣ, въ который не можемъ иначе проникнуть, какъ только при помощи вѣры, мы не въ состояніи. Внѣшнія событія міра и собственныя судьбы наши неопровержимо свидѣтельствуютъ, что надъ міромъ властвуетъ высшая воля, направляющая судьбы людей на пути, ей только одной вѣдомые. Въ насъ самихъ есть незаглушимый голосъ страха Божія, свидѣтельствующій о нашей зависимости отъ Бога, а вмѣстѣ, явно, и о бытіи Бога. Отсюда-то проистекаетъ нудящая необходимость узнать, что можно, о Богѣ, необходимость, которую такъ глубоко чувствовали люди всегда. Здѣсь-то скрывается основаніе вѣры, которое поколебать не въ нашей власти и на которомъ опираются всѣ требованія закона о вѣрѣ: *вѣруй*; *вѣра да не оскудѣваетъ тебѣ*. Мы предъ судомъ собственной совѣсти уже виновны, когда не заботимся узнать

о Богѣ, котораго невольно боимся, не слушаемъ внушеній свыше, тогда какъ не можемъ быть покойны въ жизни, доколѣ не узнаемъ, что дѣлается выше насъ. Слѣдовательно преуспѣяніе въ вѣрѣ есть нашъ долгъ, внутренно внушаемый намъ, есть неизбѣжная необходимость для насъ самихъ: *боящіися Господа не сумнѣваются о глаголѣхъ его* (Сир. 2, 15). *Иже есть отъ Бога, глаголовъ Божіихъ послушаетъ* (Іоан. 8, 47). *Иже знаетъ Бога, послушаетъ насъ, и иже нѣсть отъ Бога, не послушаетъ насъ* (1 Іоан. 4, 6). Отвергать необходимость вѣры и не думать о вѣрѣ можетъ только тотъ, кто подавилъ въ себѣ (хотя это не значитъ— уничтожилъ) свою совѣсть, попралъ въ себѣ среди служенія похотямъ всѣ естественные начатки нравственнаго преуспѣянія. Но такой *уже осужденъ есть* (Іоан. 3, 18); *душа, яже сотворитъ рукою гордости, Бога сія разгнѣваетъ и потребится душа та отъ людей своихъ: яко слово Господне презрѣ и заповѣди его разсыпа, сотреніемъ да сотрется душа та, и грѣхъ ея на ней* (Числ. 15, 30).

И необходима именно вѣра въ обоихъ своихъ значеніяхъ, какъ познаніе истинъ откровенія и какъ убѣжденіе сердца въ сихъ истинахъ. Необходима въ первомъ смыслѣ, такъ какъ, чего не знаешь, т. е., о чемъ не слышалъ и понятія не имѣешь, тому и въ то и вѣрить не можешь: *како увѣруютъ, егоже не услышаша, како услышатъ безъ проповѣдующаго* (Рим. 10, 14)? Необходима и во второмъ, такъ какъ познаніе не есть еще убѣжденіе, не есть вѣра живая и спасительная: *и бѣси вѣруютъ и трепещутъ* (Іак. 2, 19); такъ какъ, по самымъ свойствамъ предметовъ вѣры, самое разумѣніе ихъ, живое и плодотворное, невоз-

можно безъ помощи вѣры: *аще не увѣруете, не имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Слово Божіе такой-то вѣры и требуетъ по преимуществу, предполагая уже вѣру, какъ познаніе истинъ откровенія, въ самомъ основаніи вѣры сердца: *сердцемъ вѣруется въ правду* (Рим. 10, 10).

Свойства вѣры, какъ добродѣтели.

Эту существенную потребность нашего духа, эту неотразимую необходимость, налагаемую на насъ самою природою нашею, Господь благоволилъ ввести въ кругъ нашихъ обязанностей нравственныхъ, нашихъ заслугъ предъ Нимъ, давъ намъ положительныя о ней заповѣди и предоставивъ намъ усилія къ преуспѣянію въ ней при помощи благодати. По силѣ сихъ заповѣдей и по мѣрѣ собственныхъ нашихъ усилій, вѣра есть одно изъ дѣлъ богопочитанія, одинъ изъ видовъ служенія Богу духомъ, которыми мы чтимъ Бога. Но истиннымъ въ насъ дѣломъ богопочитанія, истинною богоугодною добродѣтелью вѣра можетъ быть только тогда, когда будетъ имѣть должныя нравственныя свойства. Эти свойства суть слѣдующія:

1. Вѣра, какъ *вѣдѣніе таинъ Божіихъ*, *отъ слуха пріемлемое*, должна быть:

а) по отношенію къ содержанію своему, *полная*: *не престаемъ о васъ молящеся и просяще, да исполнитеся въ разумѣ воли его, во всякой премудрости и разумѣ духовнѣмъ* (Кол. 1, 9; сн. 28). Подъ этимъ разумѣется, что, какъ говоритъ правосл. исповѣданіе (ч. 1, вопр. 4), «православный христіанинъ долженъ за вѣрное и несомнѣнное принимать, что всѣ члены вѣры каѳолической и православной Церкви преданы ей отъ

Господа нашего Іисуса Христа чрезъ Его Апостоловъ, изъяснены и утверждены вселенскими Соборами, и вѣровать въ оныя. Раздѣльнѣе эту обязанность можно изложить такъ: аа) всѣ обязаны не дерзать принимать только нѣкоторые догматы вѣры или вообще истины откровенія, считая ихъ нужнѣйшими сравнительно съ другими, а другія какъ будто не столь важными и священными, что оскорбляло бы самыя истины вѣры и самаго Бога, одинаково истиннаго во всѣхъ откровеніяхъ своихъ; бб) тѣ, которые не имѣютъ возможности изучить ученіе вѣры во всей полнотѣ и подробности, должны, безусловно принимая всѣ догматы, усвоить съ сознаніемъ начальнѣйшіе, каковы: догматъ о св. Троицѣ (Мат. 28, 19), о Богѣ Отцѣ (Іоан. 17, 3), о Богѣ Сынѣ, воплотившемся и вочеловѣчившемся нашего ради спасенія (Іоан. 8, 24; 1 Іоан. 4, 15; 2, 22 и др.), о Богѣ Духѣ Святомъ (Мато. 1, 18, 20; 3, 11; 12, 31—32; Лук. 12, 12; Іоан. 7, 39 и пр.), о святой Церкви и таинствахъ (Мато. 16, 18; 1 Тим. 3, 15), о будущей жизни (1 Іоан. 3, 2), а въ отношеніи къ остальнымъ неуклонно держаться внушеній пастырей (Евр. 13, 17); вв) тѣ, кто имѣетъ особенныя побужденія (лица священнослужебныя) и средства (люди образованные), должны постоянно поучаться и сколько можно глубже и полнѣе узнавать и усвоять ученіе вѣры (1 Тим. 4, 16).

б) по отношенію къ внутреннимъ свойствамъ, вѣра должна быть: аа) сама по себѣ истинная: *не всякому духу вѣруйте* (1 Іоан. 4, 1); *вся искушающе, доброе держите* (1 Сол. 5, 21). Не въ томъ сила, чтобы во что нибудь вѣровать, какъ дѣлали язычники, ходившіе въ суетѣ ума ихъ. Когда Богъ говоритъ, надобно

слушать то, что Онъ говоритъ. Истина одна — въ святой Церкви Божіей, и одна только спасительна (Іоан. 8, 31); ея ничто не замѣнитъ и кто не съ нею, тотъ не въ ликѣ спасаемыхъ, тотъ не съ Богомъ (1 Тим. 4, 7; 2 Сол. 3, 14). бб) Въ человѣкѣ, пріемлющемъ ее, вѣра должна быть *разумная и отчетливая* (Рим. 12, 1; 1 Петр. 3, 15; Кол. 4, 6), чего праведно требуетъ Богъ, яко *Богъ разумовъ*, чего неизбѣжно требуетъ самое существо нравственной жизни, которой главнѣйшее свойство—разумность, и самое назначеніе вѣры, которая должна быть живымъ началомъ благочестивой жизни. Но *разумная* не въ томъ смыслѣ, будто бы намъ все въ вѣрѣ нужно было обнимать своимъ разумомъ (не таковъ нашъ разумъ, чтобы могъ усвоить себѣ право судить о тайнахъ царствія Божія; не таковы и тайны вѣры, чтобы разумъ нашъ могъ когда либо исчерпать ихъ), но въ смыслѣ отчетливаго изученія истинъ вѣры въ томъ видѣ и на тѣхъ именно основаніяхъ, какія усвояетъ имъ откровеніе и Церковь, въ смыслѣ углубленія въ силу каждаго изъ догматовъ, проповѣдуемыхъ Церковію, во взаимную ихъ связь между собою, въ отношенія догматовъ вѣры къ нашей дѣятельности, которая во всѣхъ частностяхъ должна быть православна, сообразна съ духомъ вѣры. А съ другой стороны, вѣра должна быть въ человѣкѣ *твердая* (1 Кор. 15, 58; 16, 13), какъ плодъ разумнаго убѣжденія въ истинѣ, какъ опора дѣятельности христіанской, которая не можетъ быть благонадежна и цѣнна, если не будетъ тверда и постоянна: *мужъ двоедушенъ, неустроенъ въ путехъ своихъ* (Іак. 1, 8).

2. Вѣра, *какъ убѣжденіе сердца*, должна быть:

а) *Несомнѣнна* (Іаков. 1, 6), какою она и не можетъ не быть, если христіанинъ разумно позналъ вѣру истинную.

б) *Жива* (Гал. 2, 20), какъ живо у насъ убѣжденіе, что мы существуемъ, что дѣйствительны тѣ впечатлѣнія, которыя испытываемъ. Когда христіанинъ, подобно Моvсею, который *невидимаго, яко видя, терпяше*, зритъ очами души Господа предъ собою всегда и вездѣ, вездѣ видитъ слѣды таинъ промышленія и искупленія, слышитъ слухомъ сердца вѣяніе благодати Духа Божія, который, *идѣже хощетъ, дышетъ*, когда начинаетъ жить такъ, какъ долженъ жить, состоя уже въ сонмѣ спасаемыхъ и съ каждымъ шагомъ приближаясь къ царствію Божію, блага коего у него постоянно предъ очами сердца: тогда можно сказать, что онъ вѣруетъ.

в) *Дѣйственна* (Іак. 1, 26 — 27; 2, 14 — 26), безъ чего во всякомъ случаѣ не можетъ быть богоугодна, безъ чего даже совсѣмъ не можетъ быть вѣры истинной, такъ что о человѣкѣ, у котораго вѣра не прилагается къ жизни и не проявляется въ ней, или можно предполагать, что вѣра у него не жива, не несомнѣнна, не тверда, не разумна, или, если и имѣетъ нѣкоторыя черты этихъ свойствъ, надобно опасаться, что духъ вѣры въ такой душѣ скоро угаснетъ, такъ какъ не имѣетъ пищи и употребленія.

Пособія къ преуспѣянію въ вѣрѣ.

Если вѣра имѣетъ всѣ должныя нравственныя свойства: она несомнѣнно будетъ богоугодна и принесетъ плодъ спасенія; она будетъ становиться угоднѣйшимъ и угоднѣйшимъ Богу дѣломъ богопочитанія, по мѣрѣ

того, какъ изъ благоговѣнія къ Богу и влеченія къ истинѣ христіанинъ болѣе и болѣе будетъ покорять разумъ въ послушаніе Евангелія; она будетъ становиться болѣе и болѣе прекраснымъ свойствомъ души, по мѣрѣ того, какъ, по убѣжденію въ истинѣ и по святой любви къ ней, христіанинъ будетъ восходить къ простотѣ и чистотѣ дѣтской вѣры въ слово Божіе, сыновняго безусловнаго довѣрія Церкви, которая приведетъ его съ любовію къ истинѣ и введетъ въ то состояніе свободы славы чадъ Божіихъ, къ коему пролагаетъ путь истина (Іоан. 8, 31). Но до этого возвышаться можно только постепенно: для этого нужно употреблять постоянныя усилія, отъ которыхъ собственно зависитъ цѣна вѣры, какъ добродѣтели, и безъ которыхъ никогда не пріобрѣтешь вѣры. Эти усилія не такъ многосложны и тяжки; они только должны быть, повторимъ опять, постоянны.

Опредѣляются эти условія преуспѣянія въ вѣрѣ самымъ существомъ дѣла. Основаніе вѣры скрывается въ насъ, въ нашей душѣ, предназначенной къ богоугожденію, въ нашей совѣсти, въ насажденномъ въ насъ страхѣ Божіемъ, нудящемъ насъ къ познанію Бога и послушанію Богу, и составляющемъ опору для требованій вѣры закономъ. Источникъ вѣры — въ Богѣ, открывающемъ намъ тайны свои, Ему самому только вѣдомыя, и силою благодати своей содѣйствующемъ намъ и въ преуспѣяніи въ вѣрѣ, точно также, какъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ. Итакъ — 1) надобно стараться всячески поддерживать въ себѣ чувство страха Божія и ту внутреннюю жажду вѣдѣнія таинъ сокровеннаго міра духовнаго, которая возбуждается въ насъ самымъ страхомъ Божіимъ. Человѣкъ богобоязненный не

будетъ легкомысленъ въ отношеніи къ вещамъ, для человѣческаго ума непостижимымъ, и безпеченъ въ отношеніи къ познанію міра духовнаго, такъ какъ бы онъ не имѣлъ для насъ никакого значенія. Человѣкъ, жаждущій истины и боговѣдѣнія, не удовлетворится какими-либо отрывками или начатками вѣроученія, какіе пришлось ему уловить въ дѣтствѣ или какъ нибудь случайно, а сочтетъ святою обязанностію для разумной души своей вникнуть въ откровенія таинъ Божіихъ, прослѣдить и изучить все, что отъ имени Божія проповѣдуетъ ему св. Церковь. Человѣкъ богобоязненный и вмѣстѣ ревнующій объ истинѣ и вѣдѣніи не позволитъ себѣ незрѣлаго суда объ истинахъ вѣры, хотя бы съ перваго раза иное и представилось ему между ними неудобопостижимымъ и таинственнымъ для разума,—не остановится на полпути между первоначальнымъ изученіемъ и сердечнымъ убѣжденіемъ, безъ котораго одно изученіе буквы принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы. Добросовѣстному, внимательному, благоустроенному труду его можно ожидать вѣрнаго плода.

2) Но такъ какъ не въ однихъ только добрыхъ желаніяхъ и усиліяхъ заключается вся сила преуспѣянія въ добрѣ, а вмѣстѣ и въ достоинствѣ средствъ, приспособленныхъ къ цѣли стремленій: то, при добромъ усердіи къ пріобрѣтенію вѣры, необходимо пользоваться: а) пособіемъ откровенія Божія. Надобно изучать вѣру въ чистыхъ источникахъ вѣроученія, — въ священномъ Писаніи и въ ученіи св. Церкви, внѣ которыхъ не найдешь истины Божіей. Дѣлаясь съ первыхъ дней бытія, со дня крещенія, членомъ Церкви, которая беретъ насъ на свою опеку, христіанинъ всег-

да имѣетъ предъ собою неизмѣнное правило вѣры— символъ вѣры: вотъ для него указаніе, что ему нужно знать о вѣрѣ; изучивъ съ малолѣтства символъ вѣры, христіанинъ во всю жизнь долженъ хранить его въ душѣ, какъ можно чаще повторяя его, сколько возможно проясняя его себѣ и никогда ни въ какомъ случаѣ не выходя изъ тѣхъ границъ, какія полагаются Церковію. Если откроется возможность расширить кругъ религіозныхъ познаній: христіанинъ и въ такомъ случаѣ долженъ, какъ дитя руки матери, держаться символа вѣры, какъ образца вѣры, повѣряя имъ свои познанія и мнѣнія.

Далѣе, если есть желаніе глубже изучить вѣру, надобно въ этомъ случаѣ дѣйствовать со всею осторожностію, какой требуетъ самая важность и святость дѣла. Нельзя въ этомъ случаѣ безъ разбора бросаться на всякую книгу и принимать всякое внушеніе. Когда хотятъ основательно узнать что либо изъ круга предметовъ даже обыкновеннаго житейскаго вѣдѣнія: обращаются къ людямъ, ближе знающимъ дѣло, и къ книгамъ, на которыя могутъ положиться. Въ дѣлѣ вѣры такая предосторожность тѣмъ необходимѣе, что заблужденіе въ вѣрѣ можетъ быть источникомъ погибели души; тѣмъ необходимѣе, что самъ Господь устроилъ св. Церковь, хранительницу истинной вѣры, которой одной и повелѣлъ намъ слушаться (Матѳ. 18, 17), установилъ сословіе пастырей и учителей, которыхъ обязалъ проповѣдывать вѣру и которымъ паствы обязалъ повиноваться въ дѣлахъ вѣры (Лук. 10, 16). Сюда-то, къ проповѣди и наставленіямъ пастырей Церкви, къ книгамъ, которыя свидѣтельствуются Церковію и отъ имени ея издаются въ ру-

ководство для вѣрующихъ, особенно къ писаніямъ св. Отцевъ и Учителей, признанныхъ и ублажаемыхъ Церковію, должно обращаться тому, кто хочетъ стяжать вѣру, столько же полную и истинную, сколько и разумную.

Останавливаясь доселѣ на ученіи Церкви, какъ благонадежнѣйшемъ пособіи къ пріобрѣтенію вѣры истинной, мы отнюдь не устраняемъ изъ виду самаго драгоцѣннѣйшаго источника вѣры — слова Божія. Нѣтъ, мы только хотѣли поставить на видъ, что надобно напередъ выучиться читать слово Божіе у Церкви, которой довѣрено Богомъ храненіе и истолкованіе его и безъ руководства которой неопытный можетъ потеряться въ этомъ разнообразіи таинъ, какое найдетъ въ Библіи. Имѣя уже образецъ вѣры, изъ слова Божія извлеченный и Церковію однажды навсегда и для всѣхъ признанный, не только можно, но и должно христіанину читать и слово Божіе. Это чтеніе, когда будетъ сопровождаться истиннымъ разумѣніемъ и совершаться въ благоговѣйномъ настроеніи духа, достойномъ слова Божія и бесѣды съ Богомъ, въ духѣ истинной вѣры въ слово Божіе, принесетъ несомнѣнный плодъ—вѣру несомнѣнную и живую: *живо бо слово Божіе и дѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. 4, 12).

Всѣ эти пособія должны быть восполняемы молитвою къ Богу, отъ котораго одного исходитъ всякое даяніе благое и всякъ даръ совершенный. Кто начинаетъ изучать вѣру, долженъ прежде просить у Бога

благодати, оплодотворяющей слово вѣры и дающей ему жизнь и силу: *Господи, приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5). Кто преуспѣваетъ въ изученіи вѣры, но, испытывая себя, *аще есть въ вѣрѣ* (2 Кор. 13, 5), чувствуетъ, что еще не довольно твердъ въ вѣрѣ или вѣра его не довольно жива, долженъ опять вопіять къ Богу: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* (Марк. 9, 24). Вѣра есть также Божій даръ, какъ и все, что есть въ насъ добраго: *благодатію есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ* (Еф. 2, 8).

Замѣчаніе о грѣхахъ, противныхъ вѣрѣ.

Изложенныя понятія о вѣрѣ и свойствахъ ея, какъ добродѣтели, наводятъ на понятіе и о грѣхахъ, противныхъ вѣрѣ; ученіе о необходимости вѣры служитъ мѣрою для опредѣленія виновности этихъ грѣховъ; указаніе пособій къ преуспѣянію въ вѣрѣ есть вмѣстѣ указаніе предохранительныхъ и врачебныхъ средствъ противъ грѣховъ, нарушающихъ долгъ вѣры.

Вѣра, какъ мы сказали, состоитъ въ принятіи умомъ и сердцемъ всего, что Богъ благоволилъ открыть намъ о Себѣ и тайнахъ царствія своего: непринятіе всего этого умомъ и сердцемъ, совершенное *невѣріе* или *безбожіе*, есть первый грѣхъ, противный вѣрѣ. Чаще онъ проявляется въ видѣ *вольнодумства*, такъ какъ совершенное невѣріе, въ строгомъ смыслѣ, едва ли возможно; потому что для этого нужно предварительно исторгнуть изъ сердца совершенно страхъ Божій, подавить всѣ глубокія естественныя стремленія духа, отличающія человѣка отъ безсловесныхъ, что безъ совершеннаго поврежденія ума невозможно.

Вѣра, въ частности, есть *познаніе* истинъ откровенныхъ: *невѣдѣніе* сихъ истинъ есть грѣхъ, противный вѣрѣ;—познаніе, по возможности, *полное*: *деизмъ, политеизмъ, пантеизмъ,* которые иное изъ ученія вѣры принимаютъ, другое отвергаютъ или извращаютъ, примѣшивая мечтанія своего ума къ откровеннымъ истинамъ, суть грѣхи, противные вѣрѣ; — познаніе *истинное: ереси, расколы, суевѣрія,* отъ истины слухъ отвращающія и къ баснямъ уклоняющіяся, суть грѣхи, противные вѣрѣ;—познаніе *разумное* и *отчетливое*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *твердое: слѣповѣріе* и *легковѣріе*, а съ другой стороны, *раціонализмъ* и, наконецъ, *колебаніе всякимъ вѣтромъ ученія* — грѣхи противъ такой вѣры.

Вѣра, съ другой стороны, есть убѣжденіе сердца въ истинахъ откровенія, убѣжденіе живое и дѣйственное: слѣдовательно *индифферентизмъ* или безразличіе въ вѣрѣ, *безпечность* въ отношеніи къ вѣрѣ и *холодность* въ вѣрѣ суть грѣхи противъ вѣры.

Всѣ подобнаго рода грѣхи, въ особенности же невѣріе, ереси и расколы, и, наконецъ, индифферентизмъ, едва ли не самый странный и не самый жалкій изъ грѣховъ противъ вѣры, составляютъ отдѣлъ тягчайшихъ преступленій нравственныхъ, не только привлекающихъ на виновныхъ гнѣвъ Божій въ будущемъ, но и налагающихъ уже на нихъ печать осужденія въ настоящемъ (Іоан, 3, 18). Преступленія эти оскорбляютъ Бога во всѣхъ правахъ вседержительной Его власти, въ величайшихъ дѣлахъ Его безпредѣльной благости, отвергая званіе Божіе, попирая намѣренныя дѣйствія промышленія Божія, превращая истину Божію во лжу.

Они суть дѣйствія, унижающія достоинство человѣка: ибо что можетъ быть недостойнѣе униженія природы человѣческой, ниспадающей до скотоподобнаго состоянія, когда человѣкъ живетъ безъ мысли о Богѣ, безъ вѣры въ будущее, — что можетъ быть недостойнѣе ужаснаго лицемѣрія предъ Богомъ и совѣстію, когда считаютъ себя вѣрующими, не зная ничего о вѣрѣ или зная только кое-что, что случилось услышать или узнать и вскользь,—той дерзости, съ какою ересеначальники и расколоучители именемъ Божіимъ проповѣдуютъ ложь увлекаютъ простыя души въ заблужденіе и погибель чаще всего изъ-за какихъ нибудь корыстныхъ видовъ или по внушенію самыхъ унизительныхъ страстей? Грѣхи противъ вѣры суть страшнѣйшія несчастія для самихъ грѣшниковъ, смертоносныя болѣзни, которыя подрываютъ въ душѣ всѣ начала нравственнаго преуспѣянія и душевнаго мира. Чего ожидать добраго человѣку, подавившему въ себѣ начало премудрости , страхъ Божій, безбожнымъ живущему въ мірѣ? Какой конецъ ждетъ несчастнаго , который не имѣетъ твердости ни въ вѣрѣ, ни въ невѣріи, индифферентиста, мучимаго и вѣрою, которая тяготитъ его, мучимаго и невѣріемъ, отъ котораго холодъ обнимаетъ всю его душу? Въ раздорѣ съ Церковію, отчужденный отъ таинствъ и отъ собратій своихъ по вѣрѣ, еретикъ или упорный раскольникъ и здѣсь несчастенъ, какъ отверженный, и для будущаго что онъ приготовитъ, живя внѣ истины Божіей, внѣ благодати Христовой, внѣ спасительнаго круга братской любви христіанской?..

Мѣры предохранительныя и средства врачебныя противъ такихъ страшно-опасныхъ недуговъ у каждаго изъ насъ подъ руками: и это-то и дѣлаетъ грѣшника неоправдимымъ. Надобно начинать съ ранней поры сближаться съ Церковію и подъ ея руководствомъ изучать откровеніе Божіе о тайнахъ міра духовнаго, къ которому приготовляемся; и въ страхѣ Божіемъ надобно непрерывно продолжать трудъ этого ученія во все время приготовленія къ небу, чаще испытывая себя, въ вѣрѣ ли мы, имѣемъ ли довольно познаній о вѣрѣ, довольно ли отчетливы эти познанія, довольно ли живы впечатлѣнія, какія производитъ на насъ чтеніе слова Божія, проповѣдь и богослуженіе церковное; надобно молиться, когда видится успѣхъ; молиться, когда трудъ не приноситъ видимой пользы: вотъ предохранительныя мѣры противъ грѣховъ невѣрія или лжевѣрія.

Если, по несчастію, болѣзнь вкралась въ душу и начинаетъ проявляться въ томъ или другомъ видѣ: надобно тотчасъ же прибѣгать къ тѣмъ же мѣрамъ; къ нимъ прибѣгать никогда не поздно. Прежде всего надобно обращаться къ Богу съ молитвою о помилованіи и исцѣленіи. За тѣмъ—къ Церкви, къ духовному отцу, которому надобно раскрыть всю свою рану, какъ бы она ни была гнойна, и ввѣрить себя съ покорностію больнаго предъ врачемъ,—къ ученію Церкви, которое, если не возглашаетъ трубными гласами о своей чистотѣ и истинности, тѣмъ не менѣе всякому, желающему и ищущему истины, предложитъ убѣжденія яснѣе и прочнѣе всѣхъ убѣжденій разума человѣческаго, — къ слову Божію, которое скоро заговоритъ

сердцу и прольетъ въ него отраду, и проложитъ къ нему путь блаженству вѣры. Если все это будетъ сопровождаться искреннимъ желаніемъ исцѣленія и теплою молитвою къ Подателю вѣры и благодати: исцѣленіе несомнѣнно и исцѣленный, окрилившись горячайшею любовію къ Врачу душъ, можетъ быть, еще потрудится паче сверстникъ своихъ и предваритъ ихъ въ царствіи Божіемъ.

НАДЕЖДА СВИДАНІЯ ЗА ГРОБОМЪ.

Утѣшительная надежда безсмертія, оживляющая нашъ духъ въ трудахъ и скорбяхъ настоящей жизни, имѣетъ однакожъ много сторонъ темныхъ и загадочныхъ. Мы видимъ страну вѣчности предъ собою и надѣемся наслѣдовать ее по обѣтованію Божію: но она является намъ покрытою какбы туманомъ и облаками, въ неясныхъ очертаніяхъ и образахъ. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ духъ нашъ усиливается проникнуть за преграды, которыя препятствуютъ намъ смотрѣть впередъ; отодвинуть завѣсу, которая скрываетъ столь привлекательные предметы. Страхъ и надежда, боязнь и желаніе, все влечетъ насъ поближе узнать, что насъ тамъ ожидаетъ. Но изъ вопросовъ о будущей жизни, едва ли не самый близкій къ нашему сердцу тотъ, увидимъ ли мы снова любовь и дружбу, и будемъ ли наслаждаться ихъ общеніемъ? Нѣжныя связи, которыя соединяютъ насъ здѣсь, ужели окончатся вмѣстѣ съ этою жизнію и истлѣютъ во прахѣ? Отецъ, жившій для нашего счастія, любящая мать, полагавшая въ насъ цѣну жизни, нѣжная супруга, составлявшая нашу радость и утѣху, милое дитя, услаждавшее дни наши, преданные друзья, утѣшавшіе насъ своею вѣрностію

и постоянствомъ среди превратностей земнаго счастія, всѣ эти любезныя существа, съ потерею которыхъ сердце надрывается отъ скорби, ужели навсегда отняты у насъ смертію? Или мы опять соединимся съ ними за гробомъ и увидимъ другъ друга въ яснѣйшемъ свѣтѣ? У кого есть сердце и кто не по слуху только знаетъ сильныя и искреннія привязанности: тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ этимъ вопросамъ и не можетъ безъ внутренняго волненія подумать объ ихъ возможномъ рѣшеніи. Сладостный голосъ надежды, обѣщающій продолженіе чистыхъ союзовъ родства, любви и дружбы въ будущей жизни, безъ труда находитъ доступъ къ сердцу и легко переходитъ въ твердое убѣжденіе.

Одно изъ основаній этой надежды составляетъ самая продолжительность нашихъ привязанностей и чувствованій. Связи, которыя образуетъ не случай и страсть, но природа и влеченіе сердца, со дня на день становятся крѣпче и искреннѣе, и несокрушимымъ образомъ противятся всѣмъ законамъ разрушенія. Все подъ луною уступаетъ силѣ времени и рано или поздно уничтожается его рукою; только чувства истинной любви и дружбы, благороднѣйшія выраженія нашей духовной природы, уже здѣсь возвышаются надъ законами времени и самою продолжительностію свидѣтельствуютъ о своемъ высшемъ назначеніи. Слабое тѣло наше, разрушаясь постоянно, распадется наконецъ на свои начала: но спаденіе этого ветхаго покрывала съ нашей безсмертной души ничего не значитъ для душевныхъ привязанностей. Изъ останковъ нашего земнаго бытія онѣ возникнутъ еще чище и небеснѣе, и будутъ окрилять нашъ духъ въ его новомъ поприщѣ. Не видимъ

ли мы уже здѣсь на землѣ залоговъ безсмертія для нашихъ чувствованій? Онѣ сопротивляются самой смерти и продолжаются съ равной силой даже послѣ того, какъ предметъ, которому онѣ посвящены, пересталъ для насъ существовать. Смерть отнимаетъ у насъ друга, къ которому мы были привязаны со всею искренностію; мы приняли его послѣднее дыханіе; мы видѣли, какъ опустили бездыханное тѣло его въ могилу: но онъ еще живетъ въ нашемъ сердцѣ; милый образъ его находится предъ нами; и часто душа какбы чувствуетъ его присутствіе подлѣ себя и глаза наши наполняются слезами; мы слышимъ еще звуки его голоса; вѣримъ, что еще не разстались съ нимъ, любимъ его также искренно и крѣпко, какъ въ то время, когда его присутствіе и обращеніе счастливило насъ. Что же? Ужели мы любимъ то, что не существуетъ? Ужели призракъ, тѣнь возбуждаютъ въ насъ эти чувствованія? Можемъ ли мы съ такою силою приковать наше воображеніе къ пустому, бездушному образу? Нѣтъ, не погибъ предметъ нашей любви; наша связь съ нимъ не разрушилась — она продолжается невидимо; наше сердце говоритъ намъ объ этомъ; мы хотимъ, мы должны этому вѣрить. Лучшій міръ опять и на вѣки соединитъ насъ, когда спадетъ съ души эта плоть, какъ ветхая одежда, и когда мы увидимъ лицемъ къ лицу тайны будущей жизни.

Еще болѣе утверждаютъ насъ въ надеждѣ загробнаго свиданія понятія, какія мы имѣемъ о правосудіи и благости Божіей. Какъ не равномѣрно распредѣлены между людьми счастіе и скорби, радости и лишенія! Какимъ тяжкимъ испытаніямъ подвергаются многіе изъ нашихъ собратій! Какъ тяжко стонутъ иногда са-

мые добрые люди подъ игомъ злой судьбы отъ зависти, клеветы, бѣдности, коварства, происковъ и иногда отъ собственной доброты: и ужели этотъ порядокъ вещей не измѣнится въ будущей жизни? Нѣтъ! Если благое Существо управляетъ міромъ: то не могутъ быть вѣчными эти кажущіяся нестроенія въ нравственномъ мірѣ. Сердце человѣческое испытываетъ столько скорбей отъ разлуки съ любимыми существами, что мы должны вѣрить въ наше соединеніе въ другомъ мірѣ, если не хотимъ потерять вѣры въ Промыслъ. Вотъ живетъ въ уединенномъ уголкѣ человѣкъ, пережившій свои надежды и мечты. Онъ ничего не вынесъ изъ бурь жизни, кромѣ тяжелой и печальной опытности: но судьба еще не всѣхъ утѣшеній лишила его; у него есть предметъ любви, котораго онъ не промѣняетъ на всѣ блага міра: это его невинное, прекрасное, многообѣщающее дитя. Онъ имъ живетъ, ему посвящаетъ всѣ свои силы и заботы, радуется его успѣхамъ, надѣется найти въ немъ утѣшеніе и опору старости, и теперь въ обращеніи съ нимъ находитъ единственное счастіе. Но внезапный ударъ сокрушаетъ его послѣднюю надежду; прошли сладкіе сны; вихрь сорвалъ и невѣдомо куда бросилъ почку, которая обѣщала прекрасный цвѣтокъ: смерть похитила послѣднюю любовь несчастнаго, послѣднее, что его радовало въ этой жизни. Для него нѣтъ болѣе счастія и радостей: развѣ тишина гроба доставитъ ему покой, котораго онъ напрасно искалъ въ здѣшнемъ мірѣ. И только?.. Что же остается ему въ этой скорбной, тяжелой, мрачной жизни, когда вмѣстѣ съ сыномъ погасъ для него послѣдній лучъ надежды? О, какъ печально

разрѣшается загадка земной жизни, если это справедливо! Но мы вѣруемъ въ правосудіе и благость Божію, вѣруемъ, что будущій міръ будетъ мѣстомъ соединенія съ любезными спутниками нашего земнаго поприща. Если Богъ продлитъ наше бытіе по ту сторону гроба: то Онъ и тамъ не лишитъ насъ того, что составляетъ лучшее благо жизни въ здѣшнемъ мірѣ.

Эти гаданія разума, основанныя на существеннѣйшихъ стремленіяхъ нашего сердца, пріобрѣтаютъ достовѣрность отъ указаній св. Писанія на этотъ предметъ, хотя не прямыхъ и прикровенныхъ, но тѣмъ не менѣе достаточныхъ для успокоенія сердца. Сюда принадлежатъ выраженія, которыя употребляетъ Спаситель о вѣчной жизни: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ* (Матѳ. 8, 11); и другое: *бысть же умрети нищему, и несену быти Ангелы на лоно Авраамле* (Лук. 16, 22): что̀ ближайшіе Его слушатели (Іудеи) разумѣли о блаженномъ соединеніи съ сими патріархами. Разбойникъ, распятый на крестѣ въ одно время съ Іисусомъ Христомъ и показавшій великую вѣру въ Сына Божія, услышалъ отъ Него благодатное обѣтованіе: *днесь со мною будеши въ раи.* Въ послѣднихъ бесѣдахъ съ учениками Іисусъ Христосъ утѣшалъ ихъ надеждою соединенія. Онъ видѣлъ предстоящую разлуку съ ними; чувствовалъ всю силу скорби, которая постигнетъ ихъ, и въ утѣшеніе оставилъ имъ сладкую надежду, что разлука ихъ будетъ продолжаться недолго и радость соединенія будетъ тѣмъ живѣе и искреннѣе. *Еще мало, и міръ ктому не уви-*

дить мене, вы же увидите мя: яко азъ живу, и вы живи будете (Іоан. 14, 19). Еще яснѣе говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ по поводу выраженнаго учениками опасенія, что они навсегда лишатся Его: *и вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ* (— 16, 16—22).

Послѣ слова Божія въ этой надеждѣ утверждаютъ насъ Отцы и Учители церковные. «Мы соединимся въ будущей жизни еще тѣснѣе, говоритъ Тертулліанъ (*), потому что намъ предопредѣлено лучшее состояніе; мы возстанемъ къ духовному общенію и познаемъ не только себя, но и своихъ. Какъ могли бы мы воспѣвать вѣчную благодарственную пѣснь Богу, если бы въ насъ не сохранилось чувства и воспоминанія о томъ, чѣмъ мы одолжены Ему, если бы въ прославленной природѣ не осталось сознанія? Будучи съ Богомъ, мы будемъ и другъ съ другомъ; потому что всѣ мы будемъ едино въ Богѣ.» Кипріанъ, карѳагенскій епископъ, утѣшая христіанъ во время постигшей ихъ губительной язвы, также указывалъ на свиданіе за гробомъ и часто склонялъ рѣчь къ этому предмету. «Мнѣ, малѣйшему и послѣднему изъ рабовъ Божіихъ, говоритъ онъ, сколь многократно отркываемо было, сколь часто и ясно по благоволенію Божію заповѣдуемо было, чтобы я непрестанно внушалъ и возвѣщалъ, что не должно плакать о братіяхъ нашихъ, которые по призванію Господню отходятъ изъ этого міра; потому что мы знаемъ, что они не погибаютъ, но только предшествуютъ намъ; что они только предваряютъ насъ, подобно путешественни-

(*) Въ словѣ о единобрачіи.

камъ и мореплавателямъ. Итакъ, отпуская ихъ, мы не должны сѣтовать объ нихъ; не должны надѣвать здѣсь черныхъ одеждъ, когда они уже облеклись тамъ въ бѣлыя ризы, дабы чрезъ это не подать язычникамъ повода справедливо осуждать насъ за то, что мы, какъ погибшихъ, оплакиваемъ тѣхъ, о которыхъ говоримъ, что они живутъ у Бога, и не оправдываемъ сердечнымъ и искреннимъ убѣжденіемъ той вѣры, которую возвѣщаемъ и проповѣдуемъ устами. Мы должны, говоритъ далѣе Пастырь Церкви, отечествомъ своимъ почитать рай, отцами — патріарховъ. Почему же мы не спѣшимъ скорѣе увидѣть свое отечество, привѣтствовать родителей? Насъ ожидаетъ тамъ великое множество любимыхъ нами; ожидаютъ родители, братья, дѣти, кои, удостоившись уже безсмертія, заботятся о нашемъ спасеніи. Какая радость и для нихъ, и для насъ—придти къ нимъ, насладиться ихъ лицезрѣніемъ и объятіями» (*). Но еще съ большею опредѣленностію и выразительностію говоритъ объ этомъ св. Іоаннъ Златоустъ, утѣшая молодую вдовицу знатнаго рода въ скорбяхъ вдовства и разлуки съ супругомъ: «ты, можетъ быть, хочешь слышать его (мужа) голосъ, говоритъ онъ, и насладиться любовію къ нему, желаешь пользоваться привычнымъ обращеніемъ съ нимъ, тою славою, блескомъ, почетомъ и спокойствіемъ, которыми наслаждалась изъ-за него, и потеря всего этого смущаетъ и омрачаетъ тебя. Что касается до любви къ нему, ты и теперь можешь питать ее также, какъ прежде: сила любви такова, что она обнимаетъ

(*) О смертности—de mortalitate.

собою, совокупляетъ и соединяетъ не только тѣхъ, которые находятся при насъ или близко къ намъ и которыхъ мы видимъ, но и тѣхъ, которые удалены отъ насъ; такъ что ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія и ничто тому подобное не можетъ разстроить и прервать душевную дружбу. Если же ты желаешь видѣть его и лицемъ къ лицу, а я знаю, что ты весьма желаешь этого: то соблюди ложе его недоступнымъ для другаго мужа; постарайся сравняться съ нимъ по жизни и ты, конечно, отойдешь отсюда въ тотъ же ликъ, въ которомъ и онъ теперь, и будешь жить вмѣстѣ съ нимъ не пять лѣтъ, какъ здѣсь, не двадцать или сто, не тысячу или двѣ, не десять тысячъ или нѣсколько тысячелѣтій, но безпредѣльные и безконечные вѣки. Право наслѣдовать мѣста упокоенія дается не по тѣлесному родству, но по сходству въ образѣ жизни. Если сходство по жизни привело и Лазаря, незнакомаго Аврааму, въ самыя нѣдра послѣдняго и открываетъ доступъ къ возлежанію съ нимъ многимъ отъ востока и запада: то и тебя приметъ мѣсто упокоенія вмѣстѣ съ прекраснымъ Тирасіемъ, если захочешь жить также, какъ онъ жилъ; ты снова увидишь его тогда не въ этой красотѣ тѣлесной, съ которой онъ умеръ, но въ иномъ нѣкоемъ блескѣ и сіяніи, которое гораздо свѣтлѣе лучей солнечныхъ (*).

И эта надежда, что мы въ вѣчности соединимся съ возлюбленными, уже здѣсь на землѣ можетъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на нашу жизнь. Достав-

---

(*) Первое слово къ молодой вдовицѣ.

ляя опору и утѣшеніе чувству, терзаемому скорбію разлуки съ дорогими намъ существами, она можетъ въ тоже время благодѣтельно дѣйствовать на самыя наши связи съ людьми. Будемъ отъ времени до времени обращать нашъ взоръ къ той землѣ, которую обѣщаетъ Господь вѣрнымъ своимъ рабамъ. Все, что огорчаетъ насъ въ общежитіи и отравляетъ радости семейной и общественной жизни, окончится вмѣстѣ съ этою жизнію. Самолюбіе, зависть, гордость не будутъ ссорить тамъ друзей, бросать сѣмя раздора между братьями; лицемѣріе и притворство не войдутъ въ жилище мира и любви; тайная злоба не будетъ скрываться подъ личиною пріязни и ласкательства, и шопотъ подозрѣнія не будетъ колебать устъ небожителей. Полное святой радости благоговѣніе предъ Всевышнимъ Существомъ, благодарное воспоминаніе о Его благодѣяніяхъ, постепенно возрастающее познаніе вѣчной истины и преуспѣяніе въ добрѣ будутъ предметомъ ихъ бесѣдъ. Свиданіе въ иной жизни пусть будетъ испытаніемъ, пробнымъ камнемъ для нашихъ земныхъ связей. Мы не должны заключать на землѣ никакой дружбы, которая бы тамъ не продолжалась, никакого союза, котораго бы не могли тамъ возстановить; потому что несчастныя жертвы нашей слабости или порока, легковѣрные, которыхъ мы увлекли, неопытность, которую мы ввели въ тайну грѣха, содѣлаются тамъ свидѣтелями противъ иасъ и булутъ вопіять объ отмщеніи предъ престоломъ Всевышняго Судіи. Но узы родства, союзъ любви, освященный вѣрою, и дружба, управляемая благочестіемъ, какъ услаждаютъ нашу здѣшнюю жизнь, такъ и въ томъ мірѣ умножатъ блаженство нашего состоянія. О, какъ

велико будетъ наше счастіе, какъ неограниченно блаженство, когда преданные и благомыслящіе друзья, съ которыми мы здѣсь дѣлили радости и невзгоды, несчастные, которымъ мы помогли, огорченные, которыхъ мы утѣшили, слабые, которыхъ мы укрѣпили въ добрѣ, увлеченные ко грѣху, которыхъ мы возвратили на истинный путь, опять соединятся съ нами, съ радостнымъ чувствомъ будутъ благодарить насъ и благословлять за наши благодѣянія!

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ СО ВРЕМЕНИ ИЗБРАНІЯ МИТРОПОЛИТА ИЛАРІОНА ДО МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА.

IV.

Состояніе богослуженія.

Не мало храмовъ Божіихъ воздвигнуто было въ Россіи при равноапостольномъ Владимірѣ и сынѣ его Ярославѣ: еще болѣе явилось ихъ при дѣтяхъ и внукахъ великаго Ярослава.

Самые замѣчательные храмы сооружены были тогда у насъ, какъ и прежде, князьями. Такъ в. князь Всеволодъ построилъ каменную церковь св. Архистратига Михаила (1069 г.) въ выдубицкомъ монастырѣ, существующую донынѣ, и такую же церковь св. апостола Андрея (1086) въ кіевскомъ андреевскомъ монастырѣ. Вел. князь Святополкъ воздвигъ (1108) каменную церковь во имя своего ангела Архистратига Михаила въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, которая существуетъ донынѣ. Удѣльный и потомъ вел. князь Владиміръ Мономахъ соорудилъ каменныя церкви: а) св. Богородицы въ Ростовѣ (прежде 1078), совершенно подобную по высотѣ, долготѣ и широтѣ великой кіево-печерской церкви, въ память чудеснаго исцѣленія своего при заложеніи сей послѣдней; б) св. Богородицы въ Переяславлѣ (1098 г.) на княжемъ дворѣ; в) св. Богородицы соборную въ Смоленскѣ (1111 г.); г) св.

муч. Бориса и Глѣба на р. Алтѣ (1117 г.); д) св. Спаса во Владимірѣ на Клязьмѣ (ок. 1116 г.): послѣдняя впрочемъ была, кажется, деревянная ([319]). Удѣльный кн. черниговскій Олегъ Святославичъ соорудилъ каменную церковь въ Вышгородѣ во имя св. муч. Бориса и Глѣба, въ которую 1115 г. и перенесены ихъ мощи ([320]). Удѣльный и потомъ вел. князь Мстиславъ Владиміровичъ построилъ двѣ каменныя церкви въ Новгородѣ: благовѣщенія пресв. Богородицы на Городищѣ (1103 г.), и св. Николая на княжемъ дворѣ (1113 г.), которыя существуютъ донынѣ,—и двѣ каменныя въ Кіевѣ: св. Θеодора (1129) и св. Богородицы, называемой Пирогощей, въ 1131 г. ([321]). Братъ Мстислава, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, будучи еще удѣльнымъ княземъ въ Суздалѣ (съ 1113 г.), создалъ «много каменныхъ церквей» въ своей области и, между прочимъ, въ самомъ Суздалѣ построилъ церковь Богоматери, совершенно по образцу великой кіевопечерской церкви ([322]). Сынъ Мстислава, удѣльный

([319]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 75. 88. 116. 117. 120. 128. 129; *Карамз.* II, примѣч. 238. О церкви ростовской, созданной Владиміромъ Мономахомъ, св. Симонъ владимірскій говоритъ: «и въ своемъ княженіи христолюбецъ Владиміръ, вземъ мѣру божественныя тоя церкви печерскіа всѣмъ подобіемъ, създа церковь въ градѣ Ростовѣ въ высоту и долготу и въ ширину; но и письма на хартіи написавъ, идѣже кійждо праздникъ, въ коемъ мѣстѣ, написанъ есть, сія вся въ чинъ и въ подобіе сътвори по образу великіа тоа церкви богознаменныя»... (Рук. Пат. новг. Соф. библ. № 302, л. 8).

([320]) *Мних. Іаков.* въ Сказ. о чудесахъ Бориса и Глѣба по обширной редакціи. Тоже въ Степен. книг. I, 212.

([321]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 132; II, 4. 12. 14; III, 122.

([322]) Лѣт. Никон. II, 67. Св. Симонъ въ рук. Патерикѣ: «сынъ же того (Владиміра Мономаха) Георгій князь... и той въ своемъ княженіи созда церковь въ градѣ Суздалѣ въ ту же мѣру» (см. выше примѣч. 319).

князь Всеволодъ—Гавріилъ, построилъ двѣ каменныя церкви въ Новгородѣ: св. Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворѣ, на Опокахъ, во имя сына своего (въ 1127 г.), и успенія пресв. Богородицы на Торговищѣ (въ 1135 г.), и одну каменную церковь во Псковѣ во имя св. Троицы — соборную (прежде 1138 г.): всѣ эти церкви существуютъ доселѣ ([323]).

Изъ пастырей Церкви лѣтопись упоминаетъ о митрополитѣ Ефремѣ, который, имѣя мѣстопребываніе въ Переяславлѣ, украсилъ его многими зданіями церковными и другими, обнесъ каменною стѣною и, между прочимъ, построилъ въ немъ три каменныя церкви: великолѣпную Михайловскую, соборную (ок. 1089 г.), потомъ церковь св. мученика Θеодора на городскихъ воротахъ, подобно тому, какъ и на кіевскихъ золотыхъ воротахъ была церковь св. Благовѣщенія,—наконецъ, церковь св. апостола Андрея первозваннаго ([324]). Позднѣйшія лѣтописи присовокупляютъ, будто митрополитъ Ефремъ устроилъ тоже самое, что въ Переяславлѣ, и въ другихъ городахъ и волостяхъ митрополичьихъ, т. е., бывшихъ въ его владѣніи ([325]). Надобно припомнить, что этотъ первосвятитель, кромѣ доходовъ, принадлежавшихъ его каθедрѣ, какими пользовались и его предшественники и преемники, могъ имѣть

([323]) Доп. къ Акт. Истор. I, № 3; П. Собр. Р. Лѣт. II, 14; III, 5. 7. 9. 123. 124. 214. Кромѣ того упомин. о церквахъ: св. Бориса и Глѣба, созданной княземъ Давидомъ Святославичемъ въ Черниговѣ (Степ. кн. I, 235), и св. Георгія, построенной въ 1144 г. княземъ Всеволодомъ въ Каневцѣ (П. Собр. Р. Лѣт. II, 21).

([324]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 128.

([325]) Никон. Лѣт. I, 192; Степ. кн. I, 229.

еще особыя средства къ сооруженію храмовъ: онъ былъ изъ первыхъ вельможъ кіевскихъ и до постриженія въ монашество занималъ должность главнаго эконома и казначея при дворѣ вел. князя Изяслава.

По примѣру князей и пастырей строили церкви и частныя лица: нѣкто Воигостъ построилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Ѳеодора Тирона (1115 г.) въ земляномъ валу между улицами Щирковою и Розважею, а какой-то Ирожнетъ или Рожнидъ построилъ въ томъ же городѣ каменную церковь св. Николая чудотворца (1135 г.) на Яковлевой улицѣ (326). О создателяхъ другихъ храмовъ не говорятъ лѣтописи, можетъ быть, потому, что храмы эти воздвигаемы были не частными лицами, а на общія пожертвованія. Таковы церкви, построенныя: въ Кіевѣ на Копыревѣ концѣ—св. Іоанна (1121), въ Бѣлгородѣ—св. Апостолъ (1144 г.), въ Новгородѣ—шесть деревянныхъ: Пресв. Богородицы и св. Георгія на торжищѣ (1133 г.), св. муч. Бориса и Глѣба въ околоткѣ, въ каменномъ городѣ, св. пророка Иліи и св. апостолъ Петра и Павла на Холмѣ, и св. безсребренниковъ Космы и Даміана на Холопьей улицѣ (1146 г.) (327).

Кромѣ церквей, предназначавшихся для всѣхъ православныхъ христіанъ, нѣкоторые устрояли для себя церкви частныя — домовыя. Въ житіи препод. Алипія (ум. ок. 1114 г.) повѣствуется, какъ «нѣкто христолюбецъ отъ града Кіева церковь *себѣ* постави» и иконы для нея заказалъ преп. Алипію (328). Лѣтопись

(326) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 4. 7. 123. 124. 213.

(327) Тамъ же II, 9. 19; III, 6. 10. 214.

(328) См. въ рук. Патер. послан. Поликарпа.

подъ 1146 г. упоминаетъ о двухъ домовыхъ церквахъ: церкви св. Георгія, находившейся во дворцѣ кн. Игоря, въ какомъ-то селеніи, и церкви вознесенія Господня, бывшей во дворцѣ князя Святослава въ Путивлѣ (329).

Вообще о количествѣ тогдашнихъ церквей нашихъ можемъ заключать изъ двухъ обстоятельствъ: въ 1124 г., во время страшнаго пожара, продолжавшагося два дня (23 и 24 Іюня) и истребившаго почти весь Кіевъ, сгорѣло въ немъ шесть сотъ церквей; а въ 1134 г., когда погорѣла въ Новгородѣ торговая сторона отъ Плѣтничнаго, нынѣ Өеодоровскаго, ручья до Холма, нынѣ Славна, на этомъ небольшомъ пространствѣ сгорѣло десять церквей (330).

Какіе мастера строили наши церкви,—почти ничего неизвѣстно. Знаемъ только, что для созданія соборнаго храма въ кіево-печерской обители пришли изъ Константинополя четыре Грека, которые потомъ сами постриглись въ обители и въ ней скончались. Юрьевскій новгородскій монастырь съ каменною церковію св. Георгія строилъ какой-то мастеръ Петръ, можетъ быть, Русскій. Въ Вышгородѣ, когда вел. кн. Изяславъ захотѣлъ построить новую деревянную церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, вмѣсто прежней, обветшавшей, онъ позвалъ къ себѣ «старѣйшину древодѣлямъ» и поручилъ ему это дѣло, а старѣйшина «тѹ абіе собра вся сущая подъ нимъ древодѣля» и въ нѣсколько дней создалъ церковь (331): значитъ, существо-

---

(329) П. Собр. Р. Лѣт. II, 26—27.

(330) Тамъ же I, 129; II, 10; III, 6. 123.

(331) *Симона* Посл. въ печер. Патер.; П. Собр. Р. Лѣт. III, 214; *Нестор.* рук. Сказ. о св. Борисѣ и Глѣбѣ.

вали особыя артели, которыя занимались строеніемъ церквей. Въ Кіевѣ были даже мастерскія, гдѣ приготовлялись разныя вещи, необходимыя при устроеніи церкви: такъ, когда предъ освященіемъ соборнаго храма въ печерской обители недоставало каменной дски для престола и кто-то тайно пожертвовалъ и положилъ эту дску въ олтарѣ, — игуменъ съ братіею, долго и напрасно искавши жертвователя, послали наконецъ «тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи, три гривны сребра, да тоя мастеръ возметъ за свой трудъ», хотя и мастера не нашли (332). Справедливость требуетъ сказать, что люди, занимавшіеся у насъ сооруженіемъ каменныхъ храмовъ, не всегда были искусны; по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ созданныхъ ими церквей вскорѣ обваливались и разрушались. Такъ обрушились: въ 1105 г. церковь св. Андрея, построенная Всеволодомъ (1086 г.); въ 1123 г. переяславскій Михайловскій соборъ, воздвигнутый митроп. Ефремомъ, и въ концѣ XII или въ началѣ XIII в., ростовская церковь св. Богородицы, сооруженная Владиміромъ Мономахомъ, и суздальская Богородичная, построенная Юріемъ Долгорукимъ (333).

Нѣкоторыя церкви отличались великолѣпіемъ, богатствомъ и красотою. Первое мѣсто между ними принадлежало великой, «небеси подобной», церкви кіево-

---

(332) *Симон.* Посл. въ рук. Патер. новг. Соф. библ. № 502, л. 9 об.

(333) П. Собр. Р. Лѣт. I, 119. 128. О двухъ послѣднихъ церквахъ, ростовской и суздальской, св. Симонъ въ началѣ XIII в. замѣтилъ: «аже по лѣтѣхъ вся та распадошася, сія же (кіевопечерская) едина Богородица въ вѣки пребываетъ» (рук. Патер.). А черноризецъ Поликарпъ свидѣтельствуетъ, что паденіе ростовской церкви случилось при немъ, когда онъ самъ находился въ Ростовѣ. (Сказ. объ Алипіи въ рук. Патер.).

печерской. Верхи ея, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, блистали золотомъ; внутри стѣны покрыты были искусною живописью, а весь олтарь былъ украшенъ мозаичными изображеніями. О мозаикѣ въ олтарѣ свидѣтельствуютъ св. Симонъ, епископъ владимірскій, и черноризецъ Поликарпъ, которые сами жили въ печерской обители и видѣли церковь: послѣдній разсказываетъ даже случай, какъ, «мастеромъ олтарь мусіею кладущимъ», образъ Пресвятыя Богородицы «самъ вообразися», и отъ этого образа излетѣлъ голубь, который долго леталъ по церкви отъ одной иконы къ другой и наконецъ сдѣлался невидимъ, такъ что его нигдѣ не могли найти и приняли за явленіе Св. Духа ([334]). Всѣ 15 главъ кіево михайловской церкви, построенной Святополкомъ, были также позлащены, а стѣны внутри церкви покрыты были мозаикою, остатки которой донынѣ уцѣлѣли въ олтарѣ надъ горнимъ мѣстомъ ([335]). Очень вѣроятно, что и другіе храмы украшаемы были у насъ мусіею или мозаикою: не даромъ она служила однимъ изъ предметовъ торговли, какіе привозили цареградскіе купцы въ Кіевъ ([336]). О переяславской церкви св. Михаила лѣтопись замѣчаетъ вообще, что митрополитъ Ефремъ создалъ ее «велику сущу и пристрои ю великою пристроею, *украсивъ* ю *всякою красотою*»; о церкви Борисоглѣбской на Альтѣ,— что Владиміръ Мономахъ «церковь *прекрасну* созда,

---

([334]) Полик. въ Сказ. о пр. Алипіи. А св. Симонъ именно говоритъ: «вдаша же (цареградскіе купцы) и мусію, иже бѣ принесли на *проданіе* еюже св. олтарь устроиша» (рук. Патер.).

([335]) *Фундукл*. Обозр. Кіева, стр. 52, 53.

([336]) См выше примѣч. 331.

идѣже св. Бориса кровь прольяна бысть ([337])». Особенность нѣкоторыхъ большихъ каменныхъ церквей составляли, такъ называемыя, палати или хоры, которые устроялись по бокамъ и на западной сторонѣ церкви: такія палати были въ великой кіево-печерской церкви ([338]).

Общимъ украшеніемъ и вмѣстѣ святынею церквей служили иконы и другія священныя изображенія, которыми нерѣдко расписывались всѣ стѣны храма. Такъ расписаны были: церковь кіево-печерская греческими художниками, пришедшими изъ Цараграда и здѣсь въ св. обители скончавшимися въ санѣ иноческомъ ([339]); церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, созданная черниговскимъ княземъ Олегомъ ([340]); новгородскій софійскій соборъ со всѣми притворами — иждивеніемъ св. епископовъ Никиты и потомъ Нифонта; церковь въ монастырѣ св. Антонія Римлянина ([341]). Греческіе художники, украсившіе своимъ искусствомъ кіево-печерскую церковь, достопамятны въ исторіи русскаго иконописанія и потому, что они принесли съ собою въ Россію, какъ догадываются, греческіе подлинники или свитки для руководства

([337]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 129.

([338]) Какъ видно изъ словъ лѣтописца при описаніи нападенія Половцевъ на печерскій монастырь: «намъ бѣжавшимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на *палати*» (— I, 99).

([339]) *Симон*. Посл. къ Полик. о создат. печерской церкви (рук. Патер).

([340]) *Мних. Іак*. Сказаніе о чудесахъ св. Бориса и Глѣба по обширной редакціи. Тоже Степ. кн. I, 212.

([341]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 3. 5. 9. 123. 213. 214.

иконописцамъ, хранившіеся очень долго ([342]), и образовали перваго, извѣстнаго по имени, русскаго иконописца, преп. Алипія. Св. Алипій помогалъ этимъ художникамъ въ расписываніи печерской церкви, потомъ безмездно писалъ иконы для своего игумена и всей братіи, безмездно поновлялъ въ кіевскихъ церквахъ обветшавшія иконы, о которыхъ нарочито собиралъ свѣдѣнія, иногда писалъ и по заказамъ. Особенно замѣчательны были семь великихъ иконъ, которыя написалъ Алипій по заказу одного благочестиваго кіевлянина для устроенной имъ на Подолѣ деревянной церкви, — замѣчательны какъ потому, что онѣ написаны были весьма искусно (зѣло хитро), такъ и потому, что во время случившагося пожара церкви сохранились невредимыми къ изумленію очевидцевъ. Вел. кн. Владиміръ Мономахъ, пораженный чудомъ, отослалъ одну изъ этихъ иконъ, именно Пресв. Богородицы, въ ростовскую каменную церковь, имъ сооруженную: и тамъ, по свидѣтельству очевидца, черноризца Поликарпа, икона осталась невредимою, когда церковь обвалилась, и потомъ, по перенесеніи въ деревянную церковь, совершенно уцѣлѣла, когда церковь сгорѣла ([343]). Кромѣ

([342]) Св. Симонъ въ нач. XIII вѣка писалъ: «суть же *нынѣ свиты* ихъ на палатахъ (на хорахъ) и *книги* ихъ греческія блюдомы въ память чудеси» (рук. Пат.). Живописцы, всего естественнѣе, могли принести съ собою не другіе свитки и книги, какъ тѣ, которыя имъ необходимы были для руководства въ иконописаніи, т. е., подлинники, которые въ Церкви восточной тогда уже существовали и употреблялись (*Didron*, Manuel d'iconogr. Chret. Grecque et Latine, Introduction. p. XX—XXIX, Par. 1845). Сильвестръ Коссовъ свидѣтельствуетъ, что даже въ его время (въ XVII в.) еще цѣлы были эти книги греческихъ иконописцевъ въ кіево-печерской кладовой (Опис. к.-печер Лавры, стр. 108, изд. 2).

([343]) *Полик.* въ Сказ. о преп. Алипіи (рук. Патер.).

преп. Алипія были въ Кіевѣ и другіе иконописцы, какъ видно изъ житія самаго преп. Алипія. Однажды нѣкто кіевлянинъ заказалъ ему намѣстный образъ успенія Богоматери, прося приготовить его къ празднику успенія. Когда же преподобный, по болѣзни, не успѣлъ исполнить заказа: кіевлянинъ сказалъ ему: «за чѣмъ ты не извѣстилъ меня о твоей болѣзни? Я бы поручилъ написать икону другому иконописцу ([344])». Иногда русскіе покупали себѣ иконы въ Константинополѣ и привозили въ отечество: преп. Варлаамъ, первый игуменъ кіево-печерскій и потомъ димитріевскій, скончавшійся на возвратномъ пути изъ Царяграда, завѣщалъ, «яже бѣ купилъ въ Константинѣ градѣ иконы и иное, еже на потребу,» передать блаженному Θеодосію печерскому ([345]). Тогда существовалъ уже обычай обдѣлывать св. иконы въ золотыя и серебряныя ризы: преп. Еразмъ кіево-печерскій, который, при поступленіи своемъ въ монастырь, имѣлъ много богатства, употребилъ все это богатство на украшеніе великой печерской церкви и многія иконы въ ней оковалъ въ серебро и золото ([346]). Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ иконъ, особенно явленныя и чудотворныя, сохранились до настоящаго времени. Таковы: 1) икона Божіей Матери елецкая, явившаяся въ 1060 г. на одной ели близъ Чернигова, гдѣ тогда же основанъ былъ монастырь: нынѣ, впрочемъ, эта икона существуетъ въ елецкомъ монастырѣ только въ копіи ([347]). 2) Икона Бо-

---

([344]) Тамъ же Патер. печатн. л. 97 об.

([345]) *Нестор.* въ Житіи преп. Θеодосія.

([346]) *Симон.* въ Сказ. объ Еразмѣ (рук. Патер.).

([347]) *Марков.* о достопамятн. Чернигова, въ Чт. Импер. Моск. Истор. Общ., годъ III, № 1, отд. IV, стр. 9—11.

жіей Матери кіево-печерская: принесена изъ Царяграда камездателями, прибывшими въ Кіевъ около 1073 г. для сооруженія великой печерской церкви, и въ этой церкви донынѣ сохраняется въ подлинномъ видѣ ([348]). 3) Икона Божіей Матери смоленская, извѣстная подъ именемъ Одигитріи: по древнему преданію, она считается первонаписанною св. евангелистомъ Лукою; прислана изъ Константинополя Всеволоду Ярославичу, когда онъ былъ кн. черниговскимъ (слѣд. 1077 — 1078); потомъ сыномъ его, Владиміромъ Мономахомъ перенесена въ сооруженный имъ (1111 г.) смоленскій успенскій соборъ, гдѣ остается доселѣ, впрочемъ, уже въ поновленномъ видѣ ([349]). 4) Икона Божіей Матери владимірская, писанная также, по преданію, св. евангелистомъ Лукою: принесена изъ Царяграда въ Кіевъ около 1131 года, потому что привезена, говоритъ лѣтопись, въ одномъ кораблѣ съ другою иконою Богоматери, называвшеюся Пирогощей, во имя которой вел. князь Мстиславъ еще 1131 г. заложилъ каменный храмъ въ Кіевѣ ([350]). Потомъ нѣсколько времени находилась въ женскомъ вышгородскомъ монастырѣ. Въ 1155 г. перенесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ на Клязьмѣ, отъ чего и стала называться владимірскою. Въ 1395 г. перенесена въ Москву; была поновлена здѣсь въ 1514 г.,

---

([348]) Опис. к.-печ Лавры стр. 11 и 83, изд. 2. Самое изображеніе этой чудотворной иконы можно видѣть у *Фундукл.* въ Обозр. Кіева, стр. 66.

([349]) *Мурзакев.* Достоп. города Смоленска, въ Чт. Моск. Истор. Общ. 1846, № 11, стр. 7; *Карамз.* Ист. Гос. Рос. V, примѣч. 386.

([350]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 132. 148; II. 12. 78; *Карамз.* II, прим. 383. Слѣдовательно несправедливо у насъ смѣшивали нѣкоторые икону владимірской Богоматери съ иконою Богоматери Пирогощею (Степ. кн. I, 253).

по благословенію митрополита Варлаама, и находится въ московскомъ успенскомъ соборѣ ([351]). 5) Икона Божіей Матери, достопамятная тѣмъ, что предъ нею молился предъ своею мученическою кончиною (1146 г.) св. князь Игорь Ольговичъ въ кіевскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ: нынѣ находится въ кіево-печерской лаврѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, въ олтарѣ, надъ жертвенникомъ ([352]). 6) Икона святителя Николая, именуемаго Мокраго: она въ первый разъ сдѣлалась извѣстною по одному чуду, случившемуся во дни вел. кн. Всеволода I (1078 — 1093). Когда, по случаю наступившаго праздника св. мучениковъ Бориса и Глѣба, православные христіане спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Вышгородъ: отправился туда же по Днѣпру на лодкѣ одинъ богатый кіевлянинъ вмѣстѣ съ женою своею и младенцемъ—сыномъ. На возвратномъ пути изъ Вышгорода мать какъ-то задремала и уронила младенца въ рѣку, который немедленно утонулъ. Огорченные родители стали призывать на помощь св. Николая и въ крайней горести прибыли въ свое жилище. Въ ту же ночь предъ заутренею пономари кіево-софійскаго собора, пришедши отпирать церковь, услышали изъ нея крикъ младенца и потомъ нашли въ ней самаго младенца мокраго, который лежалъ предъ иконою святителя Николая. Немедленно дали объ этомъ знать митрополиту, а митрополитъ велѣлъ объявить по всему городу. Родители младенца вскорѣ нашлись и узнали

([351]) Соф. Врем. II, 295; Степ. кн. I, 534—558; Сказаніе о чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Владимірскою. М. 1849.

([352]) Опис. к.-печ. Лавры, стр. 32, изд. 2; снес. П. Собр. Р. Лѣт. II, 33. Копія съ иконы у *Фундуклея*, въ Обозр. Кіева, стр. 66—67.

въ немъ своего утопшаго сына къ изумленію всѣхъ. Съ того времени икона, предъ которою найденъ мокрый младенецъ, стала называться иконою Николая Мокраго. Нынѣ она находится въ придѣлѣ кіево-софійскаго собора, устроенномъ на хорахъ во имя святителя Николая ([353]). 7) Икона святителя Николая, явившаяся ок. 1113 г. близъ Новгорода въ одномъ потокѣ на островѣ Липно, находящемся на Ильменѣ озерѣ. Новгородскій князь Мстиславъ Владиміровичъ, получившій чудесное исцѣленіе отъ этой иконы, основалъ на мѣстѣ явленія ея монастырь, называвшійся Липенскимъ, и въ самомъ Новгородѣ на княжемъ дворѣ заложилъ въ 1113 г. каменную церковь во имя св. чудотворца Николая, гдѣ икона сохраняется доселѣ ([354]). 8) Икона, извѣстная подъ названіемъ: «предста царица,» или «царь царемъ», писанная, какъ увѣряетъ преданіе, Алипіемъ, первымъ русскимъ иконописцемъ: нынѣ находится въ московскомъ успенскомъ соборѣ ([355]). Поименуемъ, наконецъ, и мозаическія изображенія, уцѣлѣвшія отъ временъ вел. кн. Святополка—Михаила въ олтарѣ кіево-михайловскаго соборнаго храма. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ изображена тайная вечеря точно также, какъ и въ кіево-софійскомъ соборѣ. По обѣимъ сторонамъ трапезы, изъ которыхъ только одна—

([353]) Опис. кіево-соф. соб., стр. 30. Кіев. 1823. Сказаніе о самомъ чудѣ встрѣчается въ рукописяхъ (Сбор. моей библ. № 1, статья 17, и др.), и въ печати—при Службѣ и Акаѳистѣ св. Николаю.

([354]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 213. Подробнѣе все событіе изложено въ рукописной повѣсти: «чудо иже во святыхъ отца нашего Николы, архіепископа Мѵръ Ликійскихъ, бывшее въ великомъ Новѣградѣ, о князѣ Мстиславѣ круглою дскою образа его»... и пр. (Сборн. моей биб. № 14).

([355]) *Снегиревъ*. Памятн. Моск. Древн., стр. 12.

правая сохранилась, а лѣвая осыпалась, стоятъ два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, осѣняющіе трапезу золотыми рипидами. На уцѣлѣвшей части трапезы видны дискосъ и крестъ. Позади ангеловъ, на одной сторонѣ представлены Спаситель и шесть Апостоловъ, которымъ Онъ преподаетъ св. хлѣбъ, а на другой — также Спаситель и еще шесть Апостоловъ, которымъ Онъ преподаетъ св. чашу. Вверху надъ первою стороною начертаны по-славянски черною мозаикою слова: *пріимите и ядите...*, надъ послѣднею: *пiте отъ нея вси...* Предъ трапезою поставлена низменная ограда изъ осьми столбиковъ, раздѣленная отверстіемъ для царскихъ вратъ на двѣ половины и, безъ сомнѣнія, напоминающая собою древній иконостасъ. Въ рядъ съ тайною вечерею на обѣихъ алтарныхъ стѣнахъ изображены мозаикой восемь ликовъ св. Апостоловъ, по четыре на каждой, отъ которыхъ впрочемъ на правой сторонѣ уцѣлѣли только части ногъ, а на лѣвой — одинъ полный ликъ и три неполные. Въ рядъ съ этими апостольскими ликами подъ восточною аркою начертаны мозаическія изображенія, довольно поврежденныя, — на правомъ столпѣ: св. великомученика Димитрія, а на лѣвомъ: св. архидіакона Стефана въ бѣломъ стихарѣ и орарѣ, въ рукахъ съ кадильницею и ѳиміамницею ([356]).

Св. крестъ употреблялся у насъ тогда, какъ и прежде, во всѣхъ своихъ видахъ. Крестъ преп. Марка гробокопателя (конц. XI в.), доселѣ хранящійся въ его пещерѣ и видимый всѣми богомольцами, есть крестъ

([356]) *Фундукл.* Обозр. Кіева, стр. 33—34.

четвероконечный ([357]). Кресты, напаленные свѣчею на сводѣ недавно найденной въ Кіевѣ пещеры, въ которой, какъ полагаютъ, подвизались пр. Ѳеофилъ и Іоаннъ (конц. XI в.), суть четвероконечные и осмиконечные ([358]). Крестъ, начертанный въ извѣстномъ сборникѣ словъ св. Григорія Богослова (XI в.), въ концѣ послѣдняго слова,—шестиконечный ([359]). Крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII вѣка вел. кн. Владиміру Мономаху изъ Константинополя и донынѣ хранящійся въ московскомъ благовѣщенскомъ соборѣ,—осмиконечный ([360]). Крестъ, начертанный, въ числѣ другихъ священныхъ изображеній, на окладѣ Евангелія, писаннаго въ нач. XII в. для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, — шестиконечный ([361]). Кресты на сосудахъ преп. Антонія Римлянина—всѣ пять четвероконечные ([362]). Кресты (четыре), найденные въ развалинахъ кіевской Ѳеодоровской церкви, основанной въ 1128 г., — четвероконечные, хотя они могутъ быть относимы и къ послѣдующему времени ([363]). Не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ то время у насъ православные изображали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами и пастыри Церкви крестообразно благословляли православ-

---

([357]) Изображеніе этого креста у *Фундукл.* тамъ же стр. 66—67.

([358]) *Сементовск.* Кіев. Пещеры, открытыя въ маѣ 1853 г. (Сѣв. Пч. 1853 г., № 216, стр. 863).

([359]) Сборн. этотъ въ Импер. Публ. Библ., въ четв. № 16. См. л. 376.

([360]) *Снегирев.* Памятн. Моск. Древн. стр. 91.

([361]) Изображеніе этого оклада у *Снегир.* тамъ же стр. 33; снес. 78.

([362]) Тамъ же стр. 36. Достойно замѣчанія, что на эти кресты, въ обличеніе раскольниковъ, указывалъ патр. Іоакимъ на моск. соб. 1682 г.

([363]) *Фундукл.* Обоз. Кіева, стр. 90—91 и 111.

ныхъ перстосложенiемъ именословнымъ. Доказательствами первой мысли служатъ мощи нѣкоторыхъ Угодниковъ кiево-печерскихъ, подвизавшихся въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Правыя руки преп. Илiи Муромца и Iосифа многоболѣзненнаго имѣютъ три первые перста соединенными, хотя неравно, но вмѣстѣ, а два послѣднiе — безъименный и мизинецъ пригнутыми къ ладони ([364]). У руки преп. Спиридона три первые перста сложены даже совершенно ровно, а два послѣднiе пригнуты. Подобное же перстосложенiе представляютъ руки преп. Алипiя иконописца и Пимена многоболѣзненнаго ([365]). Очевидно, что всѣ эти Угодники скончались съ тѣмъ самымъ перстосложенiемъ, какимъ они хотѣли ознаменовать себя въ минуту смерти. Именословно благословляющими изображены св. Василiй Великiй въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. и св. Iоаннъ Златоустый въ Служебникѣ преп. Антонiя Римлянина (ум. 1147 г.). Такое же изображенiе благословляющей руки можно видѣть въ нотномъ Стихирарѣ XI—XII в., въ Императорской публичной библiотекѣ; на бармахъ и скиптрѣ в. кн. Владимiра Мономаха, въ московской оружейной палатѣ, и на одномъ изъ сосудовъ преп. Антонiя Римлянина, въ московскомъ успенскомъ соборѣ ([366]).

Св. мощи по временамъ были приносимы въ Россiю изъ Грецiи. Зодчiе, пришедшiе изъ Константинополя

([364]) Вѣрныя изображенiя этихъ рукъ приложены въ книгѣ: «Обличенiе неправды раскольническiя», л. 20—21.

([365]) Бесѣды къ глаголемому старообрядцу, стр. 120, изд. 3; *Филар.* Ист. Р. Церкви I, примѣч. 254.

([366]) Бесѣд. къ глаг. стар. 208—209. 220; *Питирим.* Пращица, отв. 100. 107; Стихирарь Имп. публ. биб. въ четв. № 15, л. 51 об.

(1073 г.) для сооруженія великой кіево-печерской церкви, принесли съ собою мощи семи св. мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова и Өеодора ([367]). Мощи положены были въ разныхъ мѣстахъ подъ стѣнами церкви, въ основаніе ея, а надъ мощами по стѣнамъ изображены были самые лики этихъ Угодниковъ. Дочь греческаго императора Алексія Комнина, по имени Варвара, бывшая въ супружествѣ за вел. княземъ кіевскимъ Святополкомъ Михаиломъ, принесла изъ Царьграда мощи своего ангела, св. великомученицы Варвары, которыя положены были въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, въ церкви, сооруженной Святополкомъ (въ 1108 г.), гдѣ открыто почиваютъ и доселѣ ([368]). Одна изъ позднихъ нашихъ лѣтописей упоминаетъ, будто въ 1091 г. принесъ къ намъ много мощей изъ Рима какой-то Грекъ митрополичь, по имени Өеодоръ ([369]). Кто былъ саномъ этотъ Грекъ митрополичь (т. е., вѣроятно, прибывшій съ митрополитомъ изъ Греціи и при немъ жившій), зачѣмъ былъ онъ въ Римѣ и отъ кого пріобрѣлъ тамъ мощи, которые принесъ въ Россію, неизвѣстно. Не посылалъ ли его митрополитъ Іоаннъ съ своимъ отвѣтнымъ посланіемъ къ папѣ Клименту III, подобно тому, какъ Климентъ еще прежде прислалъ къ нашему первосвятителю своего епископа? Дѣло возможное.

Въ самой Россіи было двукратное перенесеніе мощей

([367]) *Симон.* Сказ. о созд. к.-печ. церкви (рук. Патер.): «и мощи святыхъ (семи поименованныхъ) подо всѣми стѣнами положени быша, идѣже и сами написани суть надъ мощьми по стѣнамъ»...

([368]) Четь-мин. 4 Дек. Опис. к.-соф. собора, стр. 49.

([369]) *Никон. Лѣт.* I, 192.

св. муч. Бориса и Глѣба, открытыхъ прежде, и вновь открыты мощи преп. Ѳеодосія печерскаго.

Первое перенесеніе мощей св. муч. Бориса и Глѣба совершилось въ 1072 г., во дни вел. князя кіевскаго Изяслава ([370]). Онъ имѣлъ обычай ежегодно ходить въ Вышгородъ, вмѣстѣ съ другими православными, на праздникъ св. Страстотерпцевъ. Однажды при этомъ князь замѣтилъ, что церковь деревянная, въ которой они покоились, построенная еще Ярославомъ, обветшала, и рѣшился создать новую, деревянную. Когда зданіе было готово: Изяславъ пригласилъ митрополита Георгія освятить новую церковь и перенести въ нее мощи св. Мучениковъ. На это торжество, при безчисленномъ стеченіи народа со всѣхъ сторонъ Россіи, собрались князья: Изяславъ кіевскій, Святополкъ черниговскій, Всеволодъ переяславскій и многіе малолѣтніе изъ областей своихъ, митрополитъ съ епископами: черниговскимъ—Неофитомъ, переяславскимъ—Петромъ, бѣлогородскимъ — Стефаномъ, юрьевскимъ — Михаиломъ ([371]), множество бѣлаго духовенства, черноризцевъ, игуменовъ и въ числѣ ихъ Ѳеодосій печерскій, Софроній михайловскій, Германъ спасскій и Николай переяславскій. Перваго числа мая митрополитъ освятилъ цер-

---

([370]) *Нестор*. въ Сказ. о житіи и чудесахъ Бориса и Глѣба; *Мних. Іак*. въ такомъ же Сказ.; П. Собр. Р. Лѣт. I, 78; V, 116; Никон. Лѣт. I, 165; Степ. кн. I, 205.

([371]) Несторъ въ лѣтописи именуетъ, кромѣ митрополита, только двухъ епископовъ: переяславскаго и юрьевскаго; но въ житіи св. Бориса и Глѣба самъ же выразился: «и събра митрополитъ *вся* епископы и вся церковники, идѣже бѣста, рацѣ Святою хотя пренесеніе сътворити». Потому вѣроятно показаніе мниха Іакова и позднѣйшихъ лѣтописей, что при этомъ находились также епископы: черниговскій и бѣлгородскій.

ковь и совершилъ въ ней литургію. На другой день приступили къ перенесенію мощей. Сначала подняли мощи св. Бориса, которыя почивали въ деревянной ракѣ. Впереди пошли черноризцы съ зажженными свѣчами, потомъ слѣдовали діаконы съ кадилами и священники въ облаченіи, далѣе епископы съ митрополитомъ; за ними сами князья: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ несли раку. Когда раку, принесши въ новую церковь, открыли: отъ нея разлилось чудное благоуханіе и всѣ прославили Бога, а митрополита объялъ ужасъ, такъ какъ онъ прежде не твердо вѣровалъ въ святость св. Угодниковъ, и первосвятитель, повергшись на землю, во всеуслышаніе молилъ Бога о дарованіи ему прощенія ([372]). За тѣмъ, цѣловавъ мощи Угодника Божія, переложили ихъ въ каменную раку. Возвратившись въ старую церковь за мощами св. Глѣба, которыя покоились уже въ каменной ракѣ, не понесли ихъ на рукахъ, вѣроятно, за тяжестію раки, а поставили на колесницу и повезли на себѣ къ новой церкви. Здѣсь въ дверяхъ церковныхъ рака остановилась и ее никакъ не могли вести далѣе: тогда велѣли народу взывать: «Господи помилуй», и рака прошла въ двери. Обѣ раки поставлены были въ церкви на правой сторонѣ. Стали прикладываться къ главѣ св. Бориса и къ рукѣ св. Глѣба; при чемъ митрополитъ, взявъ руку послѣдняго и облобызавъ, прилагалъ ее къ своимъ очамъ и сердцу, потомъ благословилъ ею князей поочередно: Изяслава, Свято-

---

([372]) Въ житіи св. Бориса и Глѣба Несторъ влагаетъ въ уста митрополита слѣд. слова: «прости мя, Господи, яко согрѣшихъ, невѣрствовахъ къ Святыма твоима, и помози невѣрованію моему: се бо вѣрую воистину, яко свята еста Страстотерпица твоя».

слава и Всеволода, наконецъ весь народъ. Святославъ въ другой разъ приблизился къ митрополиту и просилъ приложить св. руку къ ранѣ его, которая была на шеѣ, также къ его очамъ и тѣмени; на главѣ князя остался въ это время одинъ ноготь св. Глѣба, который принялъ князь себѣ на благословеніе. По окончаніи перенесенія св. мощей совершена была божественная литургія и всѣ праздновали свѣтло. Князья устроили торжественный обѣдъ, за которымъ присутствовали вмѣстѣ съ боярами своими, роздали много милостыни нищимъ и, мирно простившись, возвратились въ свои жилища. Съ этого времени въ Россіи установленъ новый праздникъ, мая 2-го, въ память перенесенія св. мощей Бориса и Глѣба ([373]).

Второе перенесеніе тѣхъ же мощей послѣдовало въ 1115 г., при вел. князѣ Владимірѣ Мономахѣ, и так-

---

([373]) Нельзя здѣсь опустить безъ вниманія то, что Несторъ въ своей лѣтописи повѣствуетъ объ изложенномъ нами событіи совершенно согласно съ мнихомъ Іаковомъ, хотя разсказъ послѣдняго нѣсколько подробнѣе, какъ потомъ повторяютъ тоже и позднѣйшія лѣтописи. Но въ своемъ сказаніи о житіи и чудесахъ св. Бориса и Глѣба Несторъ отчасти разногласитъ и съ мнихомъ Іаковомъ, и съ своею лѣтописью. Онъ именно говоритъ, будто еще до перенесенія мощей изъ старой церкви въ новую, какъ только пришли въ первую, открыта была рака св. Бориса, распространившая благоуханіе, и митрополита объялъ ужасъ; будто еще въ этой же старой церкви митрополитъ взялъ руку не Глѣба, а Бориса, и благословлялъ ею себя, князей и всѣхъ, и будто потомъ уже перенесли раки Угодниковъ въ новую церковь. Сказаніе лѣтописи, какъ сочиненія позднѣйшаго, гдѣ Несторъ могъ исправить себя, мы предпочитаемъ и въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что открывать раку св. Бориса въ старой церкви вовсе не было побужденія, а открыть ее въ новой церкви было необходимо, чтобы переложить мощи во вновь приготовленную каменную раку: да и благословлять всѣхъ рукою Угодника было естественнѣе уже по перенесеніи св. мощей на новое мѣсто.

же по случаю построенія во имя св. Мучениковъ новаго храма, каменнаго ([374]). Еще вел. князь Святославъ рѣшился было создать въ Вышгородѣ каменную церковь въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба; но, возведши ее только на восемь локтей отъ земли, скончался (1076 г.). Чрезъ нѣсколько лѣтъ вел. князь Всеволодъ (1078—1093) достроилъ эту церковь; но въ туже ночь, какъ церковь была совершенно окончена, верхи ея пали и стѣны развалились. Уже сынъ Святослава, черниговскій князь Олегъ вновь воздвигъ эту церковь изъ развалинъ, расписалъ ее и снабдилъ всѣмъ нужнымъ (ок. 1110 г.); но онъ напрасно нѣсколько разъ молилъ вел. князя Святополка о перенесеніи въ нее св. мощей. Святополкъ не соглашался, будучи недоволенъ тѣмъ, что не самъ ее построилъ. Владиміръ Мономахъ, сдѣлавшись вел. княземъ (1115 г.), немедленно согласился на перенесеніе мощей въ новую церковь, къ общей радости своихъ подданныхъ. Къ первому мая было въ Вышгородѣ необычайное стеченіе народа. Тутъ находились: самъ вел. кн. Владиміръ Мономахъ съ сынами своими, князья черниговскіе Давидъ и Олегъ Святославичи, также съ сынами своими, митрополитъ кіевскій Никифоръ съ епископами: Ѳеоктистомъ черниговскимъ, Лазаремъ переяславскимъ, Никитою бѣлгородскимъ, Даніиломъ юрьевскимъ, Миною полоцкимъ, игумены всѣхъ монастырей ([375]), многіе черноризцы, священники и клири-

---

([374]) П. Собр. Р. Лѣт. I, 127; II, 6; V, 155; Никон. Лѣт. II, 50; подробнѣе *мних. Іак*. въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба по обширной редакціи и тоже въ Ст. кн. I, 209—213.

([375]) Лѣтопись не именуетъ Мины полоцкаго (— II, 6), а мнихъ Іаковъ —Никиты бѣлгородскаго. Изъ игуменовъ, по лѣтописи, здѣсь присутство-

ки, бояре, воеводы, старѣйшины отъ всѣхъ странъ Русской земли и вообще безсчетное множество людей всякаго возраста и пола, званія и состоянія. Перваго мая, которое случилось во вторую субботу по пасхѣ, церковь была освящена митрополитомъ съ епископами, и храмоздатель Олегъ устроилъ для духовенства свѣтлый пиръ. На другой день, въ недѣлю женъ мvроносицъ, отпѣвъ одновременно заутреню въ обѣихъ церквахъ, новой и старой, гдѣ покоились св. мощи, приступили къ перенесенію ихъ. Раку св. Бориса поставили на особо устроенную колесницу и повезли сами князья съ боярами; имъ предшествовали митрополитъ и епископы въ полныхъ облаченіяхъ, а впереди епископовъ шли игумены, священники, черноризцы — всѣ съ зажженными свѣчами; народъ покрывалъ улицы, стѣны, зданія и толпился въ такомъ количествѣ, что невозможно было двигаться священному ходу, и Владиміръ Мономахъ приказалъ бросать въ толпы куны, сребреники, разныя ткани, чтобы очистить дорогу. На протяженіи всего пути народъ взывалъ: «киріе елеисонъ» (Господи, помилуй), и не было почти никого, кто бы не плакалъ отъ духовной радости. Когда рака св. Бориса была перевезена въ новую церковь: тѣмъ же порядкомъ перевезли и раку св. Глѣба. Тутъ между князьями случилось разногласіе: Владиміръ Мономахъ хотѣлъ поставить раки посреди церкви и надъ ними устроить серебреный теремъ, а Давидъ и Олегъ

вали: Прохоръ печерскій, Сильвестръ св. Михаила, Савва св. Спаса, Григорій св. Андрея, Петръ кловскій и «прочіе игумени» (— II, 6). Мнихъ Іаковъ присоединяетъ къ поименованнымъ еще Ѳеофила, игумена св. Димитрія.

желали, чтобы раки поставлены были на правой сторонѣ церкви въ нарочито приготовленныя уже для нихъ клѣти или своды (комары). Для рѣшенія спора митрополитъ и епископы предложили князьямъ бросить жребій. Князья согласились, положили два жребія на престолъ и вынули жребій Олега и Давида; почему раки поставлены были на правой сторонѣ церкви. За тѣмъ совершена была литургія и послѣдовалъ въ Вышгородѣ трехдневный праздникъ, послѣ котораго всѣ разошлись въ свои домы. Благочестивый Владиміръ Мономахъ показалъ еще особеннымъ образомъ свою любовь къ св. Страстотерпцамъ. Будучи еще переяславскимъ княземъ, когда мощи Угодниковъ покоились въ деревянной церкви, онъ однажды пришелъ ночью и смѣрилъ ихъ каменные гробы, потомъ приготовилъ серебреныя доски, позлатилъ и опять ночью оковалъ этими досками св. раки, такъ что на утро люди съ изумленіемъ увидѣли богатое украшеніе ракъ и прославили Бога и благочестиваго князя. По перенесеніи же мощей въ каменную церковь, онъ снова оковалъ раки другими серебреными, позлащенными, досками, на которыхъ сдѣланы были самыя изображенія Страстотерпцевъ, поставилъ предъ ними великолѣпные хрустальные подсвѣчники, украшенные золотомъ, повѣсилъ надъ ними серебреныя, позлащенныя лампады, оковалъ золотомъ и серебромъ даже клѣти, гдѣ помѣщались раки, такъ что многіе изъ Грековъ, приходившіе въ Вышгородъ на поклоненіе св. мощамъ, съ удивленіемъ свидѣтельствовали, что такого украшенія ракъ они нигдѣ не видѣли.

Объ открытіи мощей преп. Θеодосія повѣствуетъ Несторъ, не только какъ очевидецъ, но и какъ одинъ

изъ дѣйствователей, участвовавшихъ въ событіи. «Въ 1091 г., говоритъ онъ, игуменъ и братія печерскаго монастыря составили совѣтъ и разсудили: неприлично отцу нашему Θеодосію лежать внѣ церкви монастырской; потому что онъ основалъ эту церковь и собралъ черноризцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ повелѣли устроить въ церкви мѣсто, гдѣ бы положить его мощи. За три дня до праздника успенія Богородицы пришелъ ко мнѣ игуменъ и сказалъ: пойдемъ въ пещеру къ Θеодосію. Мы пошли тайно отъ всѣхъ и опредѣлили мѣсто, гдѣ нужно копать. Игуменъ сказалъ мнѣ: не открывай никому изъ братіи, чтобы никто не зналъ; а возми только, кого хочешь, себѣ на помощь. Я въ тотъ же день приготовилъ орудія для копанія и вечеромъ,—это было во вторникъ,—взялъ съ собою одного брата, пришелъ въ пещеру и, отпѣвъ псалмы, началъ копать. Уставши, я передалъ заступъ брату и мы копали до полуночи. Много трудились мы, но не могли докопаться и я началъ скорбѣть, не въ сторону ли копаемъ. Я взялъ заступъ и сталъ копать еще усерднѣе, а товарищъ мой отдыхалъ предъ пещерою. Услышавъ било къ заутрени, онъ закричалъ мнѣ: ударили въ било, — между тѣмъ какъ я прокопалъ до мощей Θеодосія. И я отвѣчалъ брату: я докопался уже. Когда я прокопалъ, меня объялъ ужасъ и я началъ говорить: «Господи, помилуй»! Въ то время два брата сидѣли въ монастырѣ и смотрѣли къ пещерѣ, дожидаясь, не пронесетъ ли игуменъ тайно мощей св. Θеодосія только съ нѣсколькими изъ братіи. При ударѣ въ било они увидѣли, что три столба какбы радужныхъ пришли и стали надъ пещерою, гдѣ положенъ былъ Θеодосій. Тогда же Стефанъ, епископъ

(владимірскій), бывшій прежде преемникомъ Θеодосія на игуменствѣ, увидѣлъ изъ своего (кловскаго) монастыря чрезъ поле великую зарю надъ пещерою. Получивъ еще за день предъ тѣмъ извѣстіе, что будутъ переносить мощи Θеодосіевы, онъ подумалъ, что вѣрно уже переносятъ ихъ и, жалѣя, что переносятъ безъ него, поспѣшилъ взять съ собою кловскаго игумена Климента и на конѣ отправился въ печерскую обитель. Пока они были въ пути, имъ представлялась свѣтлая заря надъ пещерою. Когда подошли ближе, увидѣли какбы множество горящихъ свѣчъ; а когда пришли къ самой пещерѣ, уже не видѣли ничего; вошли въ нее и нашли насъ, сѣдящихъ у мощей св. Θеодосія. Между тѣмъ я послалъ сказать игумену: приходи, вынесемъ мощи. Игуменъ пришелъ съ двумя братіями. Мы еще болѣе раскопали могилу и, спустившись въ нее, увидѣли мощи Θеодосія; составы тѣла его не распались, только волосы присохли къ головѣ. Положивъ мощи на мантію, мы вынесли ихъ изъ пещеры. На другой день собрались епископы: Ефремъ переяславскій, Стефанъ владимірскій, Іоаннъ черниговскій, Маркъ юрьевскій (значитъ, они или заблаговременно были приглашены въ Кіевъ, или находились въ Кіевѣ), пришли и игумены изъ многихъ монастырей съ черноризцами, и многіе православные; взяли мощи Θеодосіевы съ ѳуміамомъ и свѣщами, перенесли ихъ въ великую церковь, поставили въ притворѣ на правой сторонѣ въ 14 день августа, въ четвертокъ, и свѣтло праздновали тотъ день (376)». Впрочемъ, хотя мощи

(376) П. Собр. Р. Лѣт. I, 89—90.

Θеодосія были открыты и торжественно перенесены въ церковь: но самъ Θеодосій еще не былъ причтенъ Церковію къ лику Святыхъ. Уже въ 1108 г. кіево-печерскій игуменъ Θеоктистъ сталъ напоминать вел. князю Святополку, чтобы имя преп. Θеодосія вписали въ синодикъ. Святополкъ, хорошо знавшій житіе великаго подвижника, съ радостію на то согласился и повелѣлъ митрополиту Никифору вписать Θеодосія въ синодикъ. Митрополитъ вписалъ и приказалъ то же сдѣлать по всѣмъ епископіямъ русскимъ, и всѣ епископы съ радостію вписали ([377]). Вѣроятно, съ этого времени и начали праздновать въ честь Θеодосія два дня: день его успенія, 3 мая, и день перенесенія мощей его, 14 августа ([378]). Въ 1130 г. суздальскій тысяцкій Георгій, сынъ извѣстнаго князя Симона Варяга, наслѣдовавшій отъ отца своего любовь къ преподобн. Θеодосію, прислалъ въ печерскую обитель для окованія его раки 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, и рака дѣйствительно была окована ([379]).

Кромѣ праздниковъ, явившихся у насъ по случаю перенесенія или открытія св. мощей въ нашемъ отечествѣ, установленъ тогда у насъ праздникъ по случаю перенесенія св. мощей, бывшему и внѣ предѣловъ нашего отечества. Разумѣемъ праздникъ 9 мая въ память перенесенія св. мощей святителя Николая изъ Мvръ Ликійскихъ въ городъ Баръ. Древнія наши лѣ-

---

([377]) Тамъ же 120.

([378]) Оба праздника упоминаются въ мѣсяцесловѣ XIII в.; но, къ изумленію, праздновать перенесеніе мощей св. Θеодосія здѣсь положено не 14 августа, а неизвѣстно почему, 31 мая (*Восток.* Оп. Рум. Муз. стр. 105).

([379]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 12, и печ. Патер.

тописи совершенно молчатъ объ этомъ событіи; позднѣйшія говорятъ только о перенесеніи мощей, не упоминая объ установленіи праздника ([380]). Но сохранилось слово на перенесеніе мощей святителя Николая, сказанное у насъ однимъ изъ современниковъ событія и свидѣтельствующее, что къ концу XI или въ началѣ XII в. праздникъ этотъ уже существовалъ въ русской Церкви ([381]). Въ словѣ повѣствуется, что, когда Турки совершенно опустошили всю Ликію и въ ней городъ Мvры, гдѣ покоились мощи св. Николая: тогда Святитель явился одному «правовѣрному» священнику, жившему по другую сторону моря въ Апулійской странѣ, въ городѣ Барѣ, и заповѣдалъ передать Барянамъ, чтобы они перенесли къ себѣ мощи его изъ Мvръ Лvкійскихъ. Баряне, желая скрыть свое намѣреніе, снарядили три корабля съ пшеницею и отправили ее въ Антіохію. Продавъ свой товаръ, мнимые купцы поспѣшили въ Мvры Лvкійскіе, такъ какъ дорогою услышали, что и Венеціане хотятъ взять къ себѣ мощи св. Николая. Въ Мvрахъ, посреди всеобщаго запустѣнія, Баряне встрѣтили только четырехъ иноковъ, которые и указали имъ мѣсто погребенія св. Николая. Немедленно разломанъ былъ помостъ церкви и тамъ нашли раку Угодника Божія съ мощами, исполненную мvра. Мvро перелили въ сосуды, а раку съ мощами поста-

---

([380]) П. Собр. Р. Лѣт. II, 277; III, 213; Ник. Лѣт. I, 191; Степ. кн. I, 228.

([381]) См. выше примѣч. 265 и текстъ, къ которому оно относится. Намъ извѣстны четыре списка этого слова, которые всѣ довольно различны между собою. Лучшимъ, наиболѣе сохранившимъ слѣды подлинника, ясно указывающіе на время происхожденія слова, представляется списокъ въ Сборн.

вили на корабль и отправились въ свой городъ, взявъ съ собою и двухъ иноковъ. Вышли они изъ Мѵръ Лѵкійскихъ 11 апрѣля и прибыли въ городъ Баръ 9 мая въ день воскресный къ вечеру. Жители города съ радостію встрѣтили св. мощи и положили ихъ въ церкви св. Іоанна Предтечи, находившейся близъ моря. За тѣмъ послѣдовали многочисленныя чудеса: вечеромъ въ воскресенье и въ понедѣльникъ Святитель исцѣлилъ 47 больныхъ, мужей и женъ, одержимыхъ разными болѣзнями; во вторникъ—32; въ среду — 29; въ четвертокъ утромъ исцѣлилъ юношу глухонѣмаго, находившагося въ недугѣ уже пять лѣтъ. Пораженные чудесами, жители приносили пожертвованія къ ракѣ Угодника, злато и серебро, и рѣшились соорудить во имя его великолѣпную церковь. На третье лѣто послѣ перенесенія мощей, когда церковь была готова, Баряне послали къ папѣ Герману (Урбану II), чтобы онъ пришелъ освятить церковь и перенесть въ нее мощи святителя Николая. Папа исполнилъ желаніе просившихъ и торжественно перенесъ мощи въ новую церковь 29 сентября ([382]). «И праздникъ, замѣчаетъ составитель слова, сътвориша въ тотъ день и похвалу, юже творятъ въ тотъ день Святому людіе вси и до сего дни ([383])». Когда случилось это событіе?

моей библ. № 3, ст. 7. Потомъ слѣдуетъ списокъ, довольно близкій къ этому и отчасти сохранившій тѣ же слѣды, въ Торж. Рум. Муз. № 435, л. 344. Списки наиболѣе измѣненные и уже не сохранившіе этихъ слѣдовъ—въ Сборн. моей библ. № 1, ст. 17, и № 14.

([382]) Такъ по списку моей библ. № 3. По спис. Рум. Муз. № 435—9 сентября; а по сп. моей библ. №№ 1 и 14—9 мая.

([383]) Надобно замѣтить, что на основаніи этого слова, только по спискамъ болѣе измѣненнымъ, составлены и извѣстныя сказанія о перенесеніи

Почти во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ, въ какихъ упоминается о немъ, равно какъ во всѣхъ спискахъ разсматриваемаго нами слова, говорится единогласно, что событіе совершилось во дни греческаго императора Алексѣя Комнина (1081—1118), константинопольскаго патріарха Николая и князей русскихъ: кіевскаго Всеволода (1078—1093) и черниговскаго Владиміра Мономаха; но самый годъ событія показанъ очень различно: въ лѣтописяхъ 1087, 1088 и 1089, въ спискахъ слова — 1090 и 1096 ([384]). Ближайшимъ къ истинѣ представляется первое показаніе: такъ какъ, и по западнымъ лѣтописямъ, перенесеніе мощей св. Николая изъ Мѵръ Лѵкійскихъ въ городъ Баръ послѣдовало въ 1087 г. ([385]). Четвертое показаніе, можетъ быть, означаетъ собственно время перенесенія св. мощей въ новую церковь, бывшее уже чрезъ три года, когда установленъ и самый праздникъ. Но никакъ нельзя принять пятаго показанія: потому что въ 1096 г. вел. кн. кіевскій Всеволодъ, при которомъ случилось это событіе, уже не существовалъ на землѣ. Почему же и въ нашей Церкви установленъ былъ праздникъ 9 мая въ

св. мощей святителя Николая изъ Мѵръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, вошедшія въ составъ Пролога и Чети-минеи подъ 9 ч. мая.

([384]) Именно: въ лѣт. Густинской—1087, въ третьей новгородской—1088, въ Никон. и Степ. книгѣ—1089; въ списк. слова—моей библ. № 3—1090, № 14—1096. А въ списк. Рум. Муз. № 435 сказано: «въ тысячное лѣто *9-сотное* отъ воплощенія самаго Бога». Девятьсотное, очевидно, есть описка, вмѣсто девяностое. Наконецъ, въ сп. моей библ. № 1 еще болѣе грубая описка, — написано: «въ тысущное бо и въ 26 лѣто (не вмѣсто ли 96?) отъ воплощенія самаго Бога».

([385]) *Fleurii* Histor. Eccles. t. XV, ad ann. 1087, p. 542—548, ed. 1761.

память перенесенія св. мощей святителя Николая? Не въ слѣдствіе ли единенія нашей Церкви съ римскою и подчиненія папѣ, какъ казалось нѣкоторымъ ([386])?

Но два посланія митрополита Іоанна II, при которомъ, по всей вѣроятности, и установленъ у насъ этотъ праздникъ ([387]), равно направленныя противъ латинянъ, и потомъ три такихъ же посланія митрополита Никифора (1104 — 1121) непререкаемо свидѣтельствуютъ, что предполагаемаго единенія и подчиненія тогда вовсе не было. Съ другой стороны, ни откуда неизвѣстно, чтобы папа Урбанъ II установилъ праздникъ 9 мая для всей своей церкви, а не для одной только Апуліи, какъ праздникъ мѣстный ([388]); напротивъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ, подвѣдомыхъ римскому епископу, праздникъ этотъ вовсе не былъ введенъ ([389]). Слѣд. тѣмъ болѣе странно предполагать, будто у насъ онъ введенъ по распоряженію

([386]) Наприм., Штилтингу (de convers. et fide Russor., in Act. SS. Septembr. t. II), Кулешу (Wiaka prawoslawna... ed. 1704) и другимъ западнымъ писателямъ, ревнителямъ папства; а изъ нашихъ самому Карамзину (Ист. II,стр. 104, изд. 2).

([387]) Изъ всѣхъ лѣтописей одна только Никонова упоминаетъ объ имени нашего митрополита, при которомъ совершилось перенесеніе мощей святителя Николая, и называетъ этого митрополита Іоанномъ (II, 191). Что же касается до мнѣнія, будто праздникъ 9 мая установленъ у насъ при митрополитѣ Ефремѣ: то оно основывается только на каталогѣ рос. архіереевъ (*Карамз*. II, примѣч. 161), составленномъ въ позднѣйшее время и нечуждомъ многихъ ошибокъ.

([388]) Даже въ лѣт. Баронія не упоминается объ этомъ. См. t. XI, an. 1087—1096.

([389]) In martyrologio quidem haec translatio commemoratur, sed in nostris partibus nec festum, nec officium recitatur. (*Fleurii* Histor. Eccl. t. XV, p. 548, ad an. 1087).

папы. Почему же, повторяемъ, установленъ у насъ праздникъ 9 мая? Главными побужденіями къ этому могли быть: а) глубокое уваженіе къ святителю Николаю, издавно господствовавшее на всемъ востокѣ и изъ Греціи перешедшее въ Россію; б) еще болѣе—вѣсть о многочисленныхъ чудесахъ, какими сопровождалось перенесеніе мощей изъ Мѵръ Ликійскихъ въ апулійскій городъ Баръ, гдѣ жили еще христіане православнаго исповѣданія, подвѣдомые цареградскому патріарху, хотя находились уже и латиняне ([390]); в) наконецъ, то важное обстоятельство, что, во время самаго перенесенія мощей святителя Николая, онъ и въ Кіевѣ совершилъ разныя чудеса и, между прочимъ, чудо надъ утопшимъ въ Днѣпрѣ младенцемъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ митрополиту и поразившее изумленіемъ всѣхъ жителей ([391]). Первосвятители наши еще прежде установили своею властію нѣсколько мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи, не существовавшихъ на востокѣ: такъ точно могли установить и настоящій, хотя въ Греціи онъ не былъ установленъ.

Изъ праздниковъ, установленныхъ тогда въ Греціи, наша лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ: о праздникѣ 30 января въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, установленномъ въ 1076 г.,—хотя не говоритъ, тогда

([390]) *Nil. Doxopatr.* apud *Allat.* De eccl. occid. et orient. perpetua cons. lib. I, cap. 25, p. 414 — 415. См. также списки епархій, подвѣдомыхъ константинопольскому патріарху, императора Андроника, 1282.

([391]) См. выше прим. 353. Въ сказаніи объ исцѣленіи святителемъ Николаемъ новг. князя Мстислава въ 1113 г., между прочимъ, повѣствуется: «слышавъ же о чудесѣхъ великаго архіерея и чудотворца Николы, бы-

ли, или уже впослѣдствіи этотъ праздникъ принятъ русскою Церковію ([392]). Что касается до древнихъ праздниковъ и постовъ, какіе содержала Церковь восточная: то, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ содержала тогда и Церковь русская, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся мѣсяцесловы ([393]). Къ соблюденію праздниковъ и постовъ убѣждалъ своихъ слушателей препод. Ѳеодосій; въ частности, онъ говоритъ о постѣ въ среду и пятокъ, и о св. четыредесятницѣ, которую называетъ десятиною, приносимою нами Богу изъ дней года. А митрополитъ Никифоръ по случаю четыредесятницы написалъ извѣстное посланіе къ вел. князю Владиміру Мономаху и поученіе къ народу. Замѣчательно, что постъ въ среду и пятокъ былъ у насъ отмѣняемъ, если въ эти дни случался какой-либо Господскій или Богородичный праздникъ ([394]).

Обращаясь къ священнодѣйствіямъ Церкви, остановимся прежде всего на важнѣйшихъ изъ нихъ, св. таинствахъ. *Крещеніе* совершалось тогда у насъ чрезъ трое-

---

шихъ во времена та въ Барстѣмъ градѣ, егда пренесены честныя его мощи тамо изъ Мvръ; къ тому же и во градѣ Кіевѣ *во оны же дни* чудо той великій Отецъ сотвори: утопшее отроча предъ образомъ своимъ въ церкви святыя обрѣсти дарова, мокротѣ воднѣй отъ него истекающей; сими увѣривса, князь той, и по призваніи многихъ Святыхъ въ цѣльбу свою, призва въ помощь сего преславнаго чудотворца, великаго архіерея Николу». Другое чудо святителя Николая, во дни того же вел. кн. Всеволода I, случилось надъ одною женщиною изъ Дорогобужа и записано современниками. (*Нест.* въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба, и *мн. Іаковъ* въ такомъ же сказаніи).

([392]) П. Собр. Р. Лѣт. III, 212.

([393]) При Евангеліяхъ: Остромировомъ, Мстиславовомъ и др.

([394]) См. выше въ отдѣлѣ: «Духовное просвѣщеніе, ученіе и письменность».

кратное погруженіе. «Они, говоритъ преп. Өеодосій о Латинянахъ, крещаются въ едино погруженіе, а мы въ три». Крещаемыхъ называли непремѣнно именами Святыхъ, а не какими-либо другими, вопреки обычаю тѣхъ же Латинянъ ([395]), хотя оставался еще обычай, особенно между князьями, кромѣ христіанскаго имени, давать дѣтямъ и народныя названія ([396]). Вслѣдъ за крещеніемъ совершалось таинство *мѵропомазанія*: «мы крещающагося мажемъ мѵромъ и масломъ, а они крещающемуся сыплютъ соль въ уста», говоритъ о Латинянахъ преп. Өеодосій и повторяютъ нѣкоторые другіе наши писатели ([397]). Совершать мѵропомазаніе предоставлялось не однимъ епископамъ, какъ было уже у западныхъ христіанъ, но и священникамъ ([398]). Въ житіи просвѣтителя Муромцевъ, благовѣрнаго князя Константина, повѣствуется, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ жители Мурома крестились въ Окѣ, «епископы и священницы мазаху хризмою чело, очи, уста, ноздри и уши крестившихся и, надѣвши вѣнцы червленые на главы ихъ, обязаша кресты и возложиша на нихъ бѣлыя ризы, и даша всѣмъ свѣщи горящія въ рудѣ». Не забудемъ, однакожъ, что это житіе составлено уже въ позднѣйшее время ([399]). О таинствѣ *покаянія* ясно свидѣтельствуетъ извѣстное посланіе черноризца Іакова къ

([395]) См. посл. преп. Өеодосія о вѣрѣ варяжской, также посланіе противъ Латинянъ мит. Георгія и Никифора.

([396]) Припомнимъ, какъ записалъ имена русскихъ князей для поминовенія у гроба Господня игуменъ Даніилъ. См. также П. С. Р. Лѣт. II, 4.

([397]) Өеодосій въ посланіи о вѣрѣ варяжской; митр. Георгій и Никифоръ—въ посланіи противъ Латинянъ.

([398]) Посланіе митр. Іоанна II къ папѣ Клименту.

([399]) См. выше прим. 63. 71.

вел. князю Изяславу, гдѣ Іаковъ, какъ духовный отецъ, разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ грѣховъ, имъ исповѣданныхъ, и преподаетъ ему различныя наставленія. Митрополитъ Никифоръ въ словѣ на недѣлю сыропустную объясняетъ самыя условія истиннаго покаянія, убѣждаетъ приносить чистосердечную исповѣдь предъ отцами духовными и исполнять налагаемыя отъ нихъ епитиміи ([400]). Таинство *Евхаристіи* совершаемо было у насъ на хлѣбѣ квасномъ и на винѣ, растворенномъ водою ([401]). О совершеніи таинства *священства*, т. е., о рукоположеніи и поставленіи на священныя степени епископа, пресвитера и діакона, многократно упоминаетъ преп. Несторъ въ своей лѣтописи и въ житіи преп. Ѳеодосія. Замѣчателенъ, въ частности, обрядъ *настолованія* новопоставленныхъ епископовъ и митрополитовъ, совершавшійся тогда у насъ по примѣру Церкви греческой: чрезъ нѣсколько дней послѣ рукоположенія епископа или прибытія митрополита изъ Греціи, новый святитель возводимъ былъ другими святителями во время литургіи, по прочтеніи Евангелія, на столъ или каѳедру, стоявшую среди церкви, и торжественно привѣтствованъ былъ возглашеніемъ его епархіи и цѣлованіемъ. Такъ митрополитъ Иларіонъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ, по рукоположеніи, былъ *настолованъ*; о митр. Никифорѣ замѣчено, что онъ прибылъ на Русь 6-го декабря, а 18-го того же мѣсяца *на столѣ посаженъ*; о черниговскомъ епископѣ Ѳеоктистѣ сказано, что онъ

([400]) См. выше разборъ означенныхъ сочиненій.

([401]) См. посл. противъ Лат. преп. Ѳеодосія и митр.: Георгія, Іоанна, Никифора.

поставленъ во епископа января 12-го, а *посаженъ на столъ* 19-го ([402]). Таинство *брака*, т. е., благословеніе Церкви и вѣнчаніе считалось необходимымъ для всѣхъ брачущихся, и такъ какъ нѣкоторые простые люди вступали въ браки безъ благословенія церковнаго и вѣнчанія, предоставляя это только боярамъ и князьямъ: то пастыри Церкви принимали мѣры для вразумленія невѣждъ ([403]). Наконецъ сохранилось свидѣтельство и о таинствѣ *елеосвященія*, что оно совершалось въ нашей Церкви. «Если кто, повѣствуетъ лѣтописецъ, приносилъ въ монастырь больное дитя, какимъ бы недугомъ оно ни было одержимо, или и взрослый человѣкъ, одержимый какимъ либо недугомъ, приходилъ въ монастырь къ блаженному Ѳеодосію: то онъ повелѣвалъ пресвитеру Даміану творить молитву надъ болящимъ и тотчасъ, какъ Даміанъ совершалъ молитву и помазывалъ масломъ святымъ, приходившіе изцѣлялись ([404])». Нельзя не узнать здѣсь таинства, которое издревле называлось молитвомасліемъ (Εὐχέλαιον) и въ которомъ, при помазаніи тѣла св. елеемъ, молитвенно призывается на больнаго благодать Божія, изцѣляющая не только немощи душевныя, но и тѣлесныя.

Изъ другихъ священнодѣйствій, совершавшихся тогда у насъ, древнія свидѣтельства упоминаютъ о вечернѣ, павечернѣ, полунощницѣ, утрени, часахъ и во-

---

(402) *Bingham*. Orig. Eccles. lib. II, c. XI, § 16; *Иларіон*. въ своемъ Испов. вѣры; П. С. Р. Лѣт. I, 119; II, 3.

(403) *М. Іоан*. прав. церк. 31, въ Русск. Дост. I, 101.

(404) П. С. Р. Лѣт. I, 81.

обще о всѣхъ службахъ вседневныхъ ([405]); еще объ освященіи церквей, которое иногда совершалось очень торжественно самимъ митрополитомъ и даже соборомъ епископовъ по чину, сходному съ настоящимъ ([406]); объ отпѣваніи и погребеніи князей, которое также нерѣдко производилось соборомъ епископовъ, при пѣніи обычныхъ псалмовъ и пѣсней ([407]).

Богослужебныя книги, по которымъ совершались всѣ эти, какъ и другія, священнодѣйствія, безъ сомнѣнія, существовали у насъ въ полномъ составѣ, какой тогда былъ извѣстенъ. Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ самъ свидѣтельствуетъ о созданной имъ церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ: «и устроилъ есми ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣнныхъ, и *всѣми книгами исполнь* ([408])». До настоящаго времени сохранились: 1) кромѣ двухъ извѣстныхъ намъ Евангелій XI и XII в., Остромирова и Мстиславова, расположенныхъ, согласно съ церковнымъ употребленіемъ, по днямъ недѣли и праздникамъ, 2) Служебникъ преп. Антонія Римлянина (ум. 1147 г.). Нельзя не замѣтить, что въ этомъ древнѣйшемъ изъ

([405]) *Нест.* въ Житіи преп. Θеодосія и въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба; *мних. Іак.* въ такомъ же сказаніи; *преп. Θеодосій*—въ своихъ поученіяхъ.

([406]) Такъ михайловская церковь въ выдубицкомъ монастырѣ освящена (въ 1088 г.) митрополитомъ Іоанномъ, а великая кіевопечерская церковь освящена (въ 1089 г.) тѣмъ же митрополитомъ съ епископами: Лукою бѣлогородскимъ, Исаіею ростовскимъ, Іоанномъ черниговскимъ и Антоніемъ юрьевскимъ (П. С. Р. Лѣт. I, 89). Сходство тогдашняго чина освященія церквей съ настоящимъ видно изъ сказанія св. Симона о томъ, какъ происходило освященіе этой, «небеси подобной», церкви (см. рук. Патер.).

([407]) П. С. Р. Лѣт. I, 88. 93. 94; II, 10.

([408]) Доп. къ Акт. Ист. I, стр. 3.

нашихъ служебниковъ числа просфоръ для проскомидіи не опредѣлено, а послѣ наставленія о вынутіи агнца сказано: «и просфумисавъ просфоры» ([409]). 3) Кондакарь нотный (конца XI или нач. XII в.), принадлежащій нижегородскому благовѣщенскому монастырю ([410]). Въ этой книгѣ содержатся: а) кондаки нѣкоторымъ избраннымъ Святымъ и всѣхъ двунадесятыхъ праздниковъ по церковному порядку мѣсяцевъ съ сентября по августъ; б) кондаки великопостныхъ и всѣхъ послѣдующихъ недѣль и праздниковъ до пятидесятницы; в) упакои всѣхъ осми гласовъ на двунадесятые и другіе праздники; г) свѣтильны также всѣхъ осми гласовъ; д) нѣкоторые отрывки изъ псалмовъ, разпѣтые на восемь гласовъ, подъ названіемъ *азматикъ* (*ᾆσμα* — хвалебная пѣснь); е) стихиры евангельскія — одиннадцать; ж) трипѣснецъ и з) кондакъ св. Георгію побѣдоносцу (на послѣдней страницѣ, кажется, позднѣйшаго письма). Изъ русскихъ Святыхъ есть два кондака св. Борису, и Глѣбу и былъ кондакъ преп. *Θеодосію* печерскому ([411]). Нотные знаки въ кондака-

---

([409]) Бес. къ глаг. старообрядцу стр. 255, изд. 3.

([410]) Этотъ кондакарь, который мы имѣли подъ руками, озаглавленъ: «кондарь съ Богомъ починаемь». Писанъ на плотномъ пергаминѣ въ 4-ку мелкимъ уставомъ. Помѣченъ не по листамъ, а по тетрадямъ внизу у корешка буквами. Нѣсколько листовъ въ немъ потеряны, а всѣхъ уцѣлѣвшихъ, какъ показываетъ позднѣйшая помѣтка, 130. Надъ нѣкоторыми кондаками, впрочемъ весьма немногими, нотъ не надписано.

([411]) Кондаки св. Борису и Глѣбу помѣщены на листѣ 52 — 53. Отъ кондака преп. Θеодосію уцѣлѣло одно слово: *Θеодосія*, стоящее въ самомъ началѣ на листѣ 41, тогда какъ предшествовавшій листъ потерянъ. А что дѣйствительно это слово есть конецъ бывшаго кондака Θеодосію печерскому: видно изъ того, что на предыдущемъ, сохранившемся, листѣ помѣщенъ кондакъ подъ 2 числомъ мая св. Аѳанасію Великому, а вслѣдъ

рѣ смѣшанные: азбучные и крюковые. Буквы для этихъ знаковъ употребляются большею частію греческія, но иногда и славянскія (напр. д, ц). Между крюковыми знаками встрѣчаются линіи, начертанныя въ разныхъ направленіяхъ, отъ одной до пяти, точки, точки вмѣстѣ съ линіями, запятыя, запятыя вмѣстѣ съ точками и под. ([412]). Стихи, положенные на ноты, писаны по обычаю безъ всякаго сокращенія и титлъ, чтобы надъ каждымъ слогомъ надписать нотный знакъ; но кромѣ того, между отдѣльными слогами каждаго слова вставлены многія согласныя и гласныя буквы безъ всякаго смысла, а только для надписанія надъ ними нотъ и для растянутости пѣнія, такъ что иногда одно слово тянется на двѣ или на три строки ([413]).

---

za словомъ: *Θеодосія* на л. 41 слѣдуетъ кондакъ подъ 5 чис. мая св. Ирины. Явный знакъ, что на потерянномъ листѣ находился кондакъ тому Θеодосію, которому Церковь празднуетъ 3 или 4 мая, и слово: *Θеодосія* есть окончаніе этого кондака. Но 3 мая празднуется память именно нашего преп. Θеодосія печерскаго (а 4 мая не празднуется никакому Θеодосію), и кондакъ его, донынѣ употребляющійся въ Церкви, точно оканчивается словомъ: *Θеодосія*. Отсюда-то и опредѣляется, что кондакарь могъ быть написанъ не прежде конца XI или нач. XII в., когда преп. Θеодосій прославленъ.

([412]) Вообще ноты этого кондакаря сходны съ нотами греческихъ книгъ X — XII в., напеч. въ концѣ книги: De cantatu et musica sacra..., a *Martino Gerberto*, t. II, tabul. VI; но имѣютъ и свои особенности: какъ-то рѣзче, многосложнѣе и крупнѣе; написаны, большею частію, не вкось надъ буквами текста, а въ прямомъ направленіи, какъ и самыя буквы текста.

([413]) Наприм.: «*алѣ*ньнаáаненьнанѣтанѣгиянѣтана-нѣнинанѣаа леннаанѣтаногиянѣтананѣнинанеенnее*лугиа*». Это одно слово: *аллугія*! (л. 116). Или: «*Христосъ въскрь*ььненанѣхеуеесcеее *се*санѣнхихихихіни́ *и из мь*уьььььь*ртвы* и *хъ*уъъъхъхъ въхъъъааиѣааиаи». Это тря слова: *Христосъ воскресе изъ мертвыіхъ* (л. 113 об.).

4) Кондакарь нотный Троицкой Сергіевой Лавры, начала XII вѣка: имѣетъ сходство съ нижегородскимъ и по содержанію (содержитъ дневные кондаки на весь годъ, праздничные кондаки отъ недѣли крестопоклонной до недѣли всѣхъ Святыхъ, кондаки воскресные, кондаки всѣхъ осми гласовъ, катавасіи на праздники, трипѣсницы), и по нотамъ; но въ этомъ кондакарѣ нѣтъ азматиковъ, пѣніе менѣе растянуто и самые нотные знаки представляются не такъ фигурными и замысловатыми. Изъ русскихъ Святыхъ есть здѣсь кондакъ св. Борису и Глѣбу [414]. 5) Стихирарь нотный Императорской публичной библіотеки XI или XII в., содержащій въ себѣ избранныя стихиры Святымъ и праздникамъ по порядку мѣсяцеслова; отличается отъ кондакаря нижегородскаго и по тексту, и по нотамъ (здѣсь онѣ только крюковыя), и, будучи писанъ, кажется, въ Болгаріи, не заключаетъ въ себѣ стихиръ въ честь русскихъ Святыхъ [415]. 6) Минея мѣсячная Императорской публичной библіотеки, XI вѣка, содержащая только сентябрьскую треть года: по мѣстамъ положена на ноты крюковыя и службъ русскимъ Святымъ не имѣетъ [416]. 7) Часть Минеи мѣсячной (всего 15 листовъ) за іюнь, той же библіотеки и того же вѣка: сохранились только отрывки службъ преп. Θеодору Стратилату (8 іюня), св. апостоламъ Варθоло-

---

(414) Впрочемъ объ этомъ кондакарѣ мы судимъ только по краткимъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Ундольскимъ въ статьѣ: «замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи» (Чт. Моск. Ист. Общ. 1846, № 3, отд. I, стр. 2—3).

(415) Знач. по каталогу Толстов. отд. II, № 1.

(416) Эта минея, какъ относящаяся къ XI в., упоминается г. Востоковымъ во введеніи къ Грамматикѣ при Остромировомъ Евангеліи.

мею и Варнавѣ (11), св. ап. Іудѣ (19) и на рождество Предтечи (24) ([417]). 8) Минея мѣсячная новгородской софійской библіотеки, XI вѣка, за мѣсяцъ май: сохранилась во всей цѣлости, кромѣ одной тетради, потерянной; содержитъ въ себѣ каноны на всѣ дни мѣсяца отъ 1-го до послѣдняго, за исключеніемъ бывшихъ на потерянной тетради, изъ которыхъ отъ одного, именно отъ канона на 21 число, осталось только начало, а отъ другаго — на 22 число только конецъ; письма русскаго, новгородскаго, и въ одномъ мѣстѣ, на самомъ концѣ, положена на ноты ([418]). Само собою разумѣется, что почти всѣ чинопослѣдованія, изложенныя въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, были переведены съ греческаго. Но къ концу XI в. явился на Руси и свой пѣснописецъ, преп. Григорій печерскій, за которымъ не безъ причины осталось названіе *творца каноновъ* ([419]). Имъ могли быть написаны каноны въ честь русскимъ Святымъ: преп. Ѳеодосію печерскому, котораго мощи открыты 1091 г., а имя внесено въ синодикъ 1108 г., также равноапостольному Владиміру и св. Борису и Глѣбу, если только два послѣдніе канона не были составлены гораздо прежде по требованію обстоятельствъ.

Церковное пѣніе получило въ Россіи значительное усовершенствованіе. Около 1051 г. переселились въ

([417]) Рук. Имп. публ. библ. въ листъ, отд. I, № 36.

([418]) Рук. нов. соф. библ. въ листъ, на 134 лист., № 8 или 32. Въ концѣ рукописи сдѣлана помѣтка: «Поутята пьсалъ; да че криво, да исправите, а не кльните». Болѣе подробное описаніе этой драгоцѣнной рукописи вскорѣ сдѣлается извѣстнымъ.

([419]) Подъ такимъ именемъ упоминаетъ о немъ черноризецъ Поликарпъ въ XIII в. (Сказ. пр. о Никитѣ затворникѣ въ рук. Патер.).

Кіевъ изъ Царяграда три греческіе пѣвца съ своими семействами ([420]), и отъ этихъ-то пѣвцевъ началось въ Русской землѣ, по выраженію Степенной книги, *ангелоподобное пѣніе*, именно: *изрядное осмогласіе* — пѣніе на восемь гласовъ церковныхъ, *трисоставное сладкогласованіе*,—какъ догадываются, пѣніе трехголосное, въ которомъ прибавлялись верхніе и нижніе тоны, и *самое красное демественное пѣніе* — пѣніе собственно гармоническое, цѣлымъ хоромъ, расположенное на нѣсколько голосовъ и происходившее подъ управленіемъ, такъ называемыхъ, доместиковъ (регентовъ) ([421]). Не знаемъ, дѣйствительно ли всѣ означенные роды церковнаго пѣнія введены у насъ греческими пѣвцами, пришедшими при вел. князѣ Ярославѣ, или авторъ Степенной книги перечислилъ здѣсь собственно тѣ роды пѣнія, какіе извѣстны были въ его время и считались лучшими; но нельзя отвергать, что переселеніе къ намъ этихъ пѣвцевъ сопровождалось добрыми послѣдствіями для русской Церкви. Еще прежде 1074 г. мы видимъ въ кіево-печерскомъ монастырѣ доместика Стефана, а около 1134 г. въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ — доместика Кирика, которые, слѣдовательно, управляли хорами пѣвчихъ въ своихъ обителяхъ ([422]). Естественно предположить, что такіе же доместики и хоры существовали при митрополитѣ и епископахъ или при соборныхъ церквахъ каждой епархіи ([423]).

([420]) См. выше примѣч. 11.

([421]) Степ. кн. I, 224. См. *М. Евгенія* — Разс. о древ. Христ. богослужебн. пѣніи и особенно о пѣніи р. Церкви, М. 1817; *Сахар.* Изсл. о Р. церковномъ пѣснопѣніи (Ж. М. Н. Просв. 1849, № 7 и 8).

([422]) П. С. Р. Лѣт. I, 80. Труды Моск. Ист. Общ. IV, 122—130.

([423]) На хоръ пѣвчихъ при новг. соф. соборѣ, по видимому, указываютъ слѣдующія слова лѣтописи. обисть знаменіе, Новѣгородѣ, въ святѣй Софіи

Въ Кіевѣ къ концу XI и въ началѣ XII в. извѣстенъ былъ дворъ доместиковъ за Десятинною церковію, гдѣ, должно быть, доместики жили и обучали Русскихъ церковному пѣнію ([424]). Около 1130 г. пришли изъ Греціи къ вел. кн. Мстиславу (ум. 1132 г.) еще три гораздые пѣвца, которые, вѣроятно, также обучали Русскихъ пѣнію и изъ которыхъ одинъ, Мануилъ, поставленъ въ 1137 г. епископомъ на смоленскую епархію ([425]). Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя краткія молитвы и стихи у насъ пѣлись тогда по-гречески. Многочисленныя толпы народа, при двоекратномъ торжественномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (въ 1072 и 1115 г.), единогласно взывали: «киріе елеисонъ» ([426]). Звенигородцы въ 1146 г., освободившись отъ враговъ, также взывали: «киріе елеисонъ» ([427]). Въ нижегородскомъ кондакарѣ, въ такъ названныхъ азматикахъ, на ряду съ славянскими стихами положены на ноты и греческіе стихи, писанные славянскими буквами. На-примѣръ, азматика въ гласѣ 1: «раби Господа, алелугіа; по всей земли, алелугіа; ти икоумени (τῇ οἰκουμένῃ), алелугіа; о Θеос моу (ὁ Θεὸς μοῦ), алелугіа; слава Тебѣ, Боже, алелугіа; ти

отъ грома, мѣсяца мая въ 14, въ часъ 10: вечерню поющимъ, единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома, а клиросъ весь съ людьми падоша ници, нъ живи быша»... (П. С. Р. Л. III, 4). Выраженіе: *клиросъ весь* заставляетъ предполагать не двухъ только или трехъ, а многихъ пѣвцевъ, стоявшихъ на клиросѣ.

([424]) Несторъ выражается: «идѣже *есть* дворъ деместиковъ за святою Богородицею надъ горою»... П. С. Р. Лѣт. I, 23.

([425]) П. С. Р. Л. II, 14.

([426]) *Мних. Іаков.* въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба; Ст. кн. I, 213.

([427]) П. С. Р. Л. II, 22.

икоумени, алелугіа; ен оли кардіа моу (ἐν ὅλῃ καρδίᾳ μοῦ), алелугіа...» Въ гласѣ 3: «исповемься Тебе, Господи, алелугіа; по всей земли, алелугіа, алелуиа, алелуиа, алелуиа, доксаси о Θеосъ (δόξα σοι ὁ Θεός), слава Тебе, Боже, алелугіа». Въ гласѣ 4: «и Святомоу Духу, алелугіа; ке агио то пневъмати (καὶ ἁγίῳ τῷ πνεύματι), алелугіа». Въ гласѣ 8: «епи си Коуріе илписа (ἐπὶ σοί, κύριε, ἤλπισα), алелугіа; ти икоумени, алелугіа; ти икоумени, алелугіа; слава Тебе, Боже, алелугіа; и Св. Духу, алелугіа...» и пр. (л. 114 — 121). Судя по тому, что въ этихъ азматикахъ положены на ноты и слѣд. пѣлись только нѣкоторыя, большею частію, послѣднія слова стиховъ, можно догадываться, что остальныя слова тѣхъ же стиховъ произносились во всеуслышаніе голосомъ канонарха, такъ что и слова пѣвшіяся не казались для присутствовавшаго въ церкви народа лишенными смысла.

Изъ священныхъ сосудовъ, употреблявшихся тогда у насъ, сохранились сосуды преп. Антонія Римлянина, именно: а) двѣ чаши, одна частію изъ оникса, частію изъ серебра и золота съ драгоцѣнными камнями; другая изъ яшмы, также съ золотыми и другими драгоцѣнными украшеніями; б) дискосъ или блюдцо изъ яшмы, оправленное въ золото; в) серебряная звѣздица и г) лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ (428). Изъ священныхъ одеждъ чудесно уцѣлѣло полное облаченіе св. Никиты, епископа новгородскаго (ум. 1108 г.), которое 450 лѣтъ находилось на тѣлѣ погребеннаго въ землѣ Святителя, а по отрытіи мощей его (въ 1558 г.), уже ок. 300 лѣтъ соблюдает-

(428) *Снегир.* Пам. Моск. Древ. 35—36.

ся въ ризницѣ новгородскаго софійскаго собора; это облаченіе состоитъ: изъ фелони, епитрахили, поручь и палицы—штофныхъ кофейнаго цвѣта, изъ пояса гарусскаго—тканаго, бѣлаго омофора и синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаемъ. Тамъ же хранится и посохъ святителя Никиты, сдѣланный изъ трехъ тонкихъ тросточекъ неизвѣстнаго дерева съ костяными яблоками (429). Кромѣ того, изъ церковныхъ вещей того времени упоминаются: сосуды серебряные, индитбѣ (ἐνδύτιον—верхняя напрестольная одежда) и служебные платы (вѣроятно, воздухи), шитые золотомъ, паникадила, кадильницы и кацѣи (сосуды съ ручками для кажденія), колокола и била, употреблявшіяся преимущественно въ монастыряхъ (430).

Обычай погребать умершихъ при церквахъ или въ самыхъ церквахъ, начавшійся у насъ еще прежде, продолжался и въ настоящій періодъ. Почти всѣ князья, о смерти которыхъ упоминаетъ лѣтопись, погребены были въ церквахъ (431). Даже простые міряне удостоивались этой чести: такъ благочестивая супруга кіевскаго посадника Яна, по имени Марія, бывшая духовною дочерію преп. Θеодосія, положена была по смерти своей въ великой печерской церкви на лѣвой сторонѣ противъ гроба самаго Θеодосія (432).

---

(429) *Метафраст*. Оп. новг. соф. собора, стр. 56.
(430) П. С. Р. Л. II, 27; *Нест*. въ Житіи пр. Θеодосія.
(431) П. С. Р. Л. I, 70. 85. 86. 88. 93. 94. и др.
(432) Тамъ же I, 91.

О ВИДѢ КРЕСТА, НА ОСНОВАНІИ РУКОПИСЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ XI — XVI ВѢКА.

Одна изъ главнѣйшихъ разностей мнимо-старообрядческаго ученія отъ православнаго касается ученія о внѣшнемъ видѣ креста. Мнимые старообрядцы — I) почитаютъ только крестъ, составленный изъ трехъ древъ, крестъ, какъ они выражаются, тричастный, трисоставный, четверочастный, а почитаніе креста другаго какого нибудь вида признаютъ ересью, особенно же II) ненавидятъ крестъ четвероконечный, составленный изъ двухъ древъ, потому что—III) считаютъ его нечестивымъ латинскимъ крыжемъ (¹). Въ подтвержденіе своего ученія они ссылаются на голосъ древлероссійской Церкви, которая будто бы учила точно также, какъ учатъ они. Но, разсматривая безпристрастно книги, употреблявшіяся въ древлероссійской Церкви, мы видимъ, что глаголемые старообрядцы совершенно неправы, что древлероссійская Церковь своимъ ученіемъ о внѣшнемъ видѣ креста не только не подтверждаетъ ихъ ученія, но даже совершенно согласна съ ученіемъ нынѣшней православной Церкви.

(¹) Исторія о страдальцѣхъ соловецкихъ л. 74; Пом. Отв. 50, ст. 9.

Изъ множества древнихъ памятниковъ церковно-славянской письменности, мы разсмотрѣли съ этою цѣлію только рукописи XI—XVI вѣка, хранящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ, и вотъ что онѣ открываютъ намъ:

1) Древлероссійская Церковь не была привязана къ опредѣленному виду креста до того, чтобы, покланяясь кресту, имѣющему этотъ видъ, кресты всякаго другаго вида отвергала, какъ еретическіе. Доказательствомъ тому служатъ различныя изображенія креста на разсмотрѣнныхъ нами рукописяхъ. Здѣсь, кромѣ креста четвероконечнаго (о чемъ будетъ сказано ниже), мы встрѣтили кресты слѣдующаго вида:

☦ Это собственно крестъ трисоставный и четверочастный, который особенно уважаютъ мнимые старообрядцы, хотя называть его осьмиконечнымъ считаютъ ересью, противною ученію Отцевъ ([2]). Между тѣмъ этотъ, уважаемый старообрядцами, крестъ мы нашли только однажды, именно на уцѣлѣвшемъ мѣдномъ окладѣ Евангелія, писаннаго въ половинѣ XVI вѣка (въ четв. № 23), и не встрѣтили ни въ одной изъ рукописей... Какъ будто чада древлероссійской Церкви предвидѣли, что впослѣдствіи мнимые старообрядцы въ ученіи о видѣ креста будутъ ссылаться на ихъ мнѣніе, и потому удерживались отъ изображенія креста осьмиконечнаго!

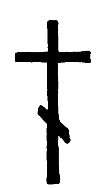
([2]) Пом. Отв. 63.

Этотъ крестъ, который можно также назвать тричастнымъ, трисоставнымъ, встрѣчается довольно часто. Такъ напримѣръ:

а) въ церковномъ Уставѣ 1408 года (въ л. № 25) нѣсколько такихъ изображеній находится на поляхъ листовъ 54-го, 73-го, 104-го на об.

б) Въ Слѣдованной Псалтири XV вѣка (въ четв. № 86), въ чинѣ возвышенія панагіи на л. 218, находятся два такихъ изображенія: одно, писанное киноварью, въ текстѣ, съ словами по сторонамъ: «Пресвятая Богородице, помогай намъ»; другое писанное на поляхъ чернилами, позднѣйшею рукою, безъ всякихъ словъ. Оба креста окружены кружками изъ точекъ.

в) Въ Служебникѣ конца XVI вѣка (въ четв. № 59) на л. 273-мъ изображенъ такой же крестъ, съ тростію и губою, и съ словами по краямъ: «Цръ славы Іс Хс ника». Подлѣ изображенія находится слѣдующая приписка: «сїе писанїе на антѣми: освѧтисѧ олтарь гда Бга ї Спса нашего Іс Ха въ црькви пртго храма имрек прешсщенным архїепископом имрек при блговѣрном и бгохранимом црѣ ї великом кнзѣ Ѳеодоре Івановиче мца декрала въ день». Эта приписка показываетъ, что здѣсь изображенъ антиминсъ.

Такое изображеніе креста встрѣчается:

а) Въ Уставѣ церковномъ 1408-го года (въ л. № 26) на поляхъ, въ мѣсяцословѣ, противъ 21-го ноября.

б) Въ Уставѣ церковномъ XV вѣка (въ л. № 27) на л. 16 на об., на поляхъ, противъ заглавія мѣсяцослова.

в) Въ Служебникѣ начала XVI вѣка (въ четв. № 56) на л. 50-мъ на поляхъ, въ чинѣ литургіи, въ уставѣ изъятія агнца изъ просфоры; впрочемъ это изображеніе принадлежитъ позднѣйшему времени.

Такой крестъ находимъ:

а) въ Сборникѣ словъ Григорія Богослова, принесенномъ къ намъ изъ Болгаріи и принадлежащемъ къ XI вѣку; изображеніе креста помѣщено на л. 376 по окончаніи послѣдняго слова.

б) Въ Псалтири XIV вѣка (въ л. № 2) на л. 1. Крестъ изображенъ во всю страницу; по сторонамъ его нарисованы двѣ свѣчи, сверху — дуга: здѣсь представленъ видъ запрестольнаго креста изъ церкви въ растворенныя царскія врата.

в) Въ Псалтири въ лицахъ 1485 года (въ л. № 5) на л. 13-мъ на об. изображено воскресеніе Христово: въ рукахъ Спасителя крестъ имѣетъ этотъ видъ.

Такое изображеніе мы нашли только однажды, именно въ указанной выше Псалтири въ лицахъ 1485 года на л. 227, въ изображеніи праздника Воздвиженія.

Всѣ представленныя изображенія ясно доказываютъ, что древлероссійская Церковь позволяла чадамъ своимъ изображать крестъ такъ или иначе, только бы они твердо содержали вѣру во Христа распятаго и смотрѣли на крестъ, какъ на орудіе спасенія.

II) Древлероссійская Церковь, не будучи строго привязана къ опредѣленному виду креста, не только никогда не отвергала четвероконечнаго креста, напротивъ

всегда употребляла его и уважала. Это уваженіе свое къ четвероконечному кресту она выражала тѣмъ, что—

а) позволяла дѣлать изображенія его на священныхъ предметахъ. Такъ на главахъ храмовъ въ древности поставлялись кресты большею частію четвероконечные: объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ изображеніямъ храмовъ въ древнихъ рукописяхъ. Такія изображенія мы встрѣтили на листѣ 1-мъ Апостола XIII вѣка (въ четв. № 5-й), на л. 1-мъ об. Часослова XIV вѣка (въ л. № 3-й), на л. 1-мъ Псалтири XIII вѣка (въ л. № 1-й). Между тѣмъ (замѣчательное явленіе!), во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами рукописяхъ мы не встрѣтили ни одного изображенія храма съ крестомъ осьмиконечнымъ. Четвероконечный крестъ изображался также на священныхъ одеждахъ. Такъ въ Апостолѣ XV вѣка (въ четв. № 32-й) на л. 129-мъ об. изображенъ св. апостолъ Іаковъ въ омофорѣ: на омофорѣ въ трехъ мѣстахъ изображены кресты четвероконечные.

б) Воспѣвала въ пѣсняхъ своихъ крестъ четвероконечный, называя его прямо четвероконечнымъ. Такъ въ Стихирарѣ на нотахъ XI или XII вѣка (въ четв. № 15-й) читаемъ: «четвероконьчьныи миръ дьньсь освящаетьса четвероконьчьноу възвышаемоу твоемоу крьстоу». Иногда представляла его, какъ предметъ прообразованій ветхозавѣтныхъ, состоявшихъ въ предметахъ, имѣвшихъ видъ креста четвероконечнаго. Послѣдняго рода пѣсней находится много въ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ. Изъ прообразовъ, воспѣваемыхъ въ этихъ пѣсняхъ, для нашей цѣли особенно замѣчательны тѣ, которые предъизобразили крестъ Христовъ именно своимъ внѣшнимъ видомъ или

положеніемъ; таковы были: крестообразное положеніе рукъ Іакова при благословеніи дѣтей Іосифа, положеніе подъятыхъ къ небу рукъ Моусея во время битвы Израильтянъ съ Амаликитянами, положеніе рукъ Іоны во чревѣ китовѣ и Даніила во рвѣ львиномъ. Пѣсни сіи въ настоящемъ случаѣ имѣютъ весьма важное значеніе: но мы не выписываемъ ихъ, такъ какъ мнимые старообрядцы сами знаютъ и поютъ ихъ по старопечатнымъ книгамъ. Если старообрядцы скажутъ, что употребленіемъ этихъ пѣсней не выражается уваженія къ кресту четвероконечному: то, спрашиваемъ ихъ, какъ же совмѣстить это употребленіе съ неуваженіемъ или даже съ пренебреженіемъ къ кресту четвероконечному, которое приписываютъ древлероссійской Церкви мнимые старообрядцы?

в) Древлероссійская Церковь выражала свое уваженіе ко кресту четвероконечному тѣмъ еще, что въ своихъ богослужебныхъ книгахъ и уставахъ повелѣвала многіе обряды совершать, изображая знаменіе креста, и крестъ въ такихъ случаяхъ долженъ былъ имѣть видъ креста четвероконечнаго. Такъ въ различныхъ службахъ діакону повелѣвается кадить около престола крестообразно; въ литургіи многое также повелѣвается дѣлать крестообразно. Въ Служебникѣ XVI вѣка (въ четв. № 54) читаемъ: л. 4: «рѣжеть сщенникъ (агнцъ) кртаѡбразно гла сице. жретса»; л. 20 об.: «и пріемлеть діаконъ кадило и кадить стыи пртлъ около кртаобразно. гла къ себѣ троп»... Л. 73: «діакон аминь. ѡпоасуеться діакон ouларемъ своимъ кртаѡбразно»....

Въ другомъ Служебникѣ того же вѣка (въ четв. № 53) л. 37 об.: «таж ѡпоустивъ іереи фелѡни и роуцѣ свои приложивъ къ персемь кртаѡбразно и главоу преклонь пред стою трапезою»...

Въ чинѣ исповѣди, въ Требникѣ XVI вѣка (въ четв. № 35), говорится, что кающійся «сългбѣнѣ роуцѣ имыи къ персѣмъ крестаѡбразно и главоу прѣклонь» (л. 24).

Въ чинѣ погребенія иноческаго, въ той же рукописи на л. 169 об., читаемъ: «ѡбрѣзавше краєвє мандїи. и вземше концы свиваютъ о немъ (умершемъ). потомъ ѡкроємь обоюдоу оувиваютъ и яко сътворити три крⷮты. ѿ врьхи и до колѣноу»...

Въ чинѣ освященія храма, въ Служебникѣ конца XVI вѣка (въ четв. № 59) на л. 267 об. написано: «свщник покропляєтъ стою водою всю црковь крⷮтаобразно»... Подобныхъ примѣровъ весьма много, но приведенныхъ теперь достаточно. Здѣсь опять нужно повторить тоже самое, что сказали мы выше о церковныхъ пѣсняхъ. Если старообрядцы не видятъ здѣсь уваженія къ кресту четвероконечному, то весьма странно видѣть здѣсь пренебреженіе къ нему. И сами они, совершая подобныя дѣйствія при своихъ службахъ по старопечатнымъ книгамъ, не выражаютъ ли уваженія къ этому виду креста? Для защищенія себя они могутъ сказать, что и въ дѣлахъ обыкновенной жизни, въ художествахъ, ремеслахъ и т. п., многое дѣлается крестообразно, безъ всякаго, конечно, отношенія къ кресту Христову. Но пусть разсудятъ, что въ Церкви христіанской, въ ея богослуженіи каждая вещь, каждое дѣйствіе имѣютъ свое таинственное значеніе. Значитъ, св. Церковь, многократно внушая своимъ чадамъ совершать при богослуженіи что нибудь крестообразно, старалась отъ этихъ видимыхъ вещей и дѣйствій возводить умы и сердца вѣрующихъ ко кресту Христову. А изображая въ этихъ вещахъ и дѣйствіяхъ крестъ четвероконечный, она прямо выражала, что и въ мысляхъ своихъ

чада ея должны представлять не другой какой либо крестъ, а именно четвероконечный.

Чада Церкви древлеправославной россійской, слѣдуя ея указаніямъ, хотя равно уважали кресты всякаго вида, однако кресту четвероконечному оказывали какъ будто особенное предпочтеніе. На страницахъ церковныхъ рукописныхъ книгъ кресты большею частію четвероконечные. Нѣсколько такихъ изображеній встрѣчаемъ въ упомянутомъ уже Сборникѣ твореній Григорія Богослова, рукописи XI вѣка, въ заглавіяхъ почти каждаго слова. Въ Уставѣ церковномъ XV вѣка (въ л. № 27) на л. 164-мъ изображенъ въ чинѣ панагіи крестъ четвероконечный, съ словами по сторонамъ: «Прѣсвятая Богородице помогаи намъ». Въ той же рукописи на л. 151-мъ изображенъ крестъ четвероконечный на поляхъ, противъ столпа евангеліямъ. Такіе же кресты находимъ въ Служебникѣ XVI вѣка (въ четв. № 54) на л. 140, противъ столпа евангеліямъ, и въ Служебникѣ того же вѣка (въ четв. № 55-й) на л. 161, на поляхъ, противъ начала литургіи вѣрныхъ. Опускаемъ другія, болѣе маловажныя, изображенія, которыхъ въ рукописяхъ безчисленное множество. Какъ трудно совмѣстить всѣ эти изображенія съ тѣмъ, будто древлероссійская Церковь, по вѣрованію мнимыхъ старообрядцевъ, смотрѣла на крестъ четвероконечный, какъ на печать антихристову! Можно ли допустить, чтобы Церковь позволяла на своихъ книгахъ изображать печать антихристову?

Уваженіе членовъ древлероссійской Церкви ко кресту четвероконечному видно особенно изъ того, что они не сомнѣвались переводить на отечественный языкъ и заключать въ свои церковныя книги тѣ мѣста изъ

твореній Отцевъ и Учителей греческой Церкви, въ которыхъ о крестѣ Христовомъ говорится, какъ именно о четвероконечномъ. Вотъ нѣсколько болѣе или менѣе ясныхъ свидѣтельствъ касательно креста четвероконечнаго:

Въ Сборникѣ XV' вѣка (въ четв. № 218), между отвѣтами св. Аѳанасія къ князю Антіоху, на л. 17-мъ об. читаемъ отвѣтъ 39-й: кр҇тныи оубо ѡбразъ ѿ двою древу слагающе творимъ. и внегда намъ кто ѿ невѣрныхъ поноситъ, ꙗко древу покланающусѧ. можемъ обѣ древѣ раздѣлити. и ѡбраз кр҇тныи разорити. симъ невѣрнаго оуставити и оувѣщати. ꙗко не древо чтемъ, но кр҇тныи ѡбразъ съ копїемъ и тростїю и губою се сътворити или показати не можемъ.» Здѣсь весьма ясно выражается, что, соединяя вмѣстѣ два древа или состава, мы изображаемъ крестъ Христовъ: очевидно, что рѣчь идетъ о крестѣ четвероконечномъ. Въ томъ же Сборникѣ на л. 23 об. Аѳанасій, на вопросъ Антіоха: «кто въ ветхом проѡбрази первѣе ѡбраз животворѧщаго кр҇та?» отвѣчаетъ: «Їѧковъ бл҇вѧше сны Їѡсифовы въ прекы руками». Опять представленъ образъ креста четвероконечнаго.

Въ рукописи XV' вѣка (въ четв. № 6), св. Андрей кесарійскій, въ объясненіе словъ Апокалипсиса: *отъ востока врата троя, и отъ сѣвера врата троя, отъ юга врата троя, и отъ запада врата троя* (21, 13) на л. 116 об.—117 говоритъ: «четверочастныи ѡбразъ вратныи, трое же ихъ разверзение ѿ четыре краѧ вселенныѧ ꙗвлѧетъ ст҇ыѧ тр҇ца разумъ. їже приꙗт животворѧщимъ кр҇томъ. Кр҇тныи бо есть ѡбразъ вратное поставление, по видѣнию двунадесѧти волу ꙗже ношаста море сотвореное соломономъ, иже бꙗху ѡбраз ст҇ыѧ тр҇ца. ап҇льтеи четверицы, ꙗже суть ст҇ыѧ тр҇ца пропωвѣдателе. посланиемъ четырехъ евангелии, на четыре краѧ землѧ, а иже есть мысленое море крестило еж ѡчищаетъ весь миръ ѿ грѣхъ. составлениемъ мысленнымъ, ꙗко соломонъ сказуетъ». Здѣсь сравнивается нѣ-

сколько предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ числу: «четыре», именно: небесный Іерусалимъ, имѣющій на четырехъ странахъ по трои вратъ, мѣдное море, имѣющее на четырехъ странахъ по три вола, Евангеліе, распространенное четырьмя Евангелистами по четыремъ краямъ земли, и, наконецъ, крестъ, чрезъ который сдѣлалось доступнымъ для вселенной ученіе (разумъ) о Святой Троицѣ. Ясно отсюда, что, по вѣрованію св. Андрея кесарійскаго, и крестъ Христовъ долженъ имѣть отношеніе къ числу: «четыре», долженъ имѣть четыре конца: тогда только онъ будетъ имѣть надлежащее отношеніе къ другимъ четырестороннимъ предметамъ, здѣсь изображеннымъ.

Въ Сборникѣ XVI вѣка (въ четв. № 206) Іоаннъ философъ на вопросъ: «како крестоу разореноу сущу, не кланяемся ему, ни лобызаемъ»? отвѣчаетъ: (л. 32 об.) «четыре части кр҃тъ имат. і аще едина часть оубоудетъ, то уже своего образа не мелаетъ». Если здѣсь понимать крестъ осьмиконечный и подъ частями его разумѣть четыре состава этого креста: то нельзя будетъ сказать, что, съ убавленіемъ одной части, крестъ не будетъ имѣть своего образа: по убавленіи даже двухъ частей — титла и подножія, крестъ останется крестомъ, такъ какъ титло и подножіе никогда не составляли существенныхъ частей креста. Здѣсь естественнѣе разумѣть 4 конца креста четвероконечнаго: такой крестъ, съ убавленіемъ одного конца, потеряетъ свой обыкновенный видъ.

Къ свидѣтельствамъ, въ которыхъ виденъ намекъ на крестъ четвероконечный, должно отнести и слова Іоанна, митрополита никейскаго, изъ обличительнаго слова его на Армянъ, помѣщеннаго въ Сборникѣ XVI вѣка (въ четв. № 214) на л. 227. Для

ясности выпишемъ ихъ въ контекстѣ: «ꙗкож бо преж Х҃ва распатїѧ кр҇тъ клятвы бѣ съсоуд. и образъ его мерзокъ. а ѿнелиж Х҃с на нем распатъ. самъ кр҇тъ ос҃тисѧ. и образъ его ст҃илище всѣхъ ст҃иши бысть. и вси образ его на себѣ знаменꙋюще. ст҃итисѧ вѣрꙋют и також авие, ꙗко всѧкїи кр҇тъ ст҃ъ есть. ащеж образ кр҇та г҃нѧ не полезенъ и непотребенъ есть, ако тїи неч҇тивїи, лжесловят, ꙗвлено есть ꙗко и всѧ аж образом его с҇щаютъ. такова же сꙋть. непотребна». Здѣсь, во-первыхъ, крестъ Христовъ представляется сходнымъ съ тѣми крестами, которые въ древности употреблялись для казни и считались проклятыми, а извѣстно, что въ древности для казни употреблялись кресты большею частію четвероконечные; особенно же, во-вторыхъ, говорится здѣсь, что мы освящаемъ разные предметы образомъ креста Христова; а знаменіе или благословеніе имѣетъ видъ четвероконечный.

III) Древлероссійская Церковь не смотрѣла на крестъ четвероконечный, какъ на крестъ еретическій, Латинянами только уважаемый. Извѣстно, какъ ревностно наши предки обличали римскія заблужденія и какъ тщательно разбирали каждое изъ нихъ. Можно ли же допустить, чтобы они не обличили ученія папистовъ о видѣ креста, если бы въ этомъ ученіи между православными и папистами была какая-нибудь разность? Между тѣмъ, въ видѣнныхъ нами рукописныхъ сочиненіяхъ противъ Латинянъ нѣтъ ни слова въ обличеніе креста четвероконечнаго. Во всѣхъ древлеписменныхъ Кормчихъ, въ чинѣ присоединенія Латинъ, между ересями, которыя проклинаетъ присоединяемый, нѣтъ ни слова о четвероконечномъ крестѣ; въ рукописи XIV вѣка, подъ заглавіемъ: «книга на ересь на латинскую» (въ

четв. № 7), гдѣ подробно разсматриваются заблужденія Латинянъ, опять нѣтъ ничего о почитаніи креста; въ посланіи Никифора митрополита къ Владиміру Мономаху, въ Сборникѣ начала XVI вѣка (въ четв. № 265), гдѣ также обличаются папистическія заблужденія, о почитаніи креста четвероконечнаго не говорится ничего; наконецъ и Максимъ Грекъ, весьма ревностно желавшій охранить нашихъ предковъ отъ латинскихъ ересей, въ своемъ словѣ на Латинянъ, помѣщенномъ въ Сборникѣ XVI вѣка (въ четв. № 220), ничего не говоритъ о крестѣ, почитаемомъ Латинянами: значитъ, и онъ не видѣлъ здѣсь никакой разности.

По разсмотрѣніи и столь ограниченнаго числа древлеписменныхъ памятниковъ, каждый безпристрастный изслѣдователь истины долженъ придти къ тому убѣжденію, что и другія древлецерковныя книги содержатъ тоже ученіе, и вся древлероссійская Церковь, въ благочестіи и православіи сіявшая, о видѣ креста учила совсѣмъ не такъ, какъ учатъ мнимые старообрядцы, а содержала ученіе, нынѣ православною Церковію содержимое.

ВѢРА И ТАЙНЫ ХРИСТІАНСТВА.

Отчасти разумѣваемъ и отчасти пророчествуемъ: егда же пріидетъ совершенное, тогда еже отчасти упразднится... Видимъ убо нынѣ якоже зерцаломъ, въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу (1 Кор. 13, 9. 10. 12).

Тайны вѣры Христовой отчасти открыты человѣку— тою своею стороною, которая можетъ быть легко приложима къ нему, и остаются таинственными лишь въ другихъ отношеніяхъ. Въ нихъ есть сторона ясная и сторона прикровенная: первая служитъ къ нашему спасенію; послѣдняя остается сокрытою въ глубинахъ премудрости и силы Божіей. И вотъ здѣсь-то невольно припоминаются слова Писанія: *тайная Господеви Богу нашему, намъ же явленная и чадомъ нашимъ* (Втор. 29, 29).

Счастливы люди, если они съумѣютъ довольствоваться своей долей и не будутъ домогаться того, что Творецъ благоволилъ предоставить Себѣ!— Но умъ человѣческій, въ своей безпокойной и гордой пытливости, упорно усиливается иногда низвести все, даже небесныя вещи, въ тѣсный кругъ своего опыта, своихъ понятій и обычныхъ умозаключеній. Онъ вопрошаетъ, *какъ и отъ чего* происходитъ что нибудь, тамъ, гдѣ вся-

кій отвѣтъ, полный и удовлетворительный, рѣшительно невозможенъ, а потомъ самъ же досадуетъ, что этотъ отвѣтъ не данъ ему.— Для чего, говоритъ онъ, для чего нужно было, чтобы самъ Сынъ Божій сошелъ на землю и умеръ на крестѣ? Ужели нелѣзя было спасти міръ другимъ способомъ, а именно нужна была эта кровавая жертва? Какимъ образомъ Богъ имѣетъ Сына? Какимъ образомъ Божеское естество могло соединиться съ человѣческимъ въ лицѣ Христа Спасителя? Къ чему такія-то и такія-то чудеса? Какъ согласить благодать и предвѣдѣніе Божіе съ свободою человѣка? За чѣмъ, наконецъ, въ Откровеніи находится столько вещей необъяснимыхъ и непонятныхъ?— Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которые всегда напрасно будетъ предлагать человѣкъ и которыхъ онъ никогда не рѣшитъ совершенно. Евангеліе передаетъ намъ священныя событія, наставленія, примѣры; оно представляетъ ихъ поучительными и понятными во всемъ, что касается отношенія ихъ къ нашей душѣ; но что касается отношенія ихъ къ Богу,—о томъ оно хранитъ совершеннѣйшее молчаніе. И кто изъ насъ въ правѣ жаловаться на это? Развѣ намъ можно жаловаться на то, что мы простые смертные, а не Ангелы свѣта? Да и самые Ангелы не склоняются ли предъ многими изъ этихъ таинъ, глубины которыхъ нельзя имъ измѣрить? Кто изъ насъ въ особенности имѣетъ право отвергать божественныя тайны только потому, что въ нихъ есть сторона таинственная, то есть, потому что тѣнь сопутствуетъ здѣсь свѣту? И однакожъ, что обыкновеннѣе словъ: «я не могу объяснить себѣ того и того, а потому не могу вѣрить?»—Таково, говорятъ, требованіе разума! — Мы думаемъ, напротивъ, что это есть тре-

бованіе крайне необдуманнаго легкомыслія и что для оправданія такой мысли достаточно здраваго разума. Судите сами!

Вы, говорите, не можете вѣрить тому, что не въ состояніи объяснить себѣ, и признаете безразсуднымъ допускать такія вещи, въ которыхъ есть что нибудь таинственное?— Если это дѣйствительно ваше правило и если вы хотите быть вѣрными ему: то я не знаю, найдется ли въ мірѣ что нибудь, чему вы могли бы вѣрить. Ибо тайны вездѣ, и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ. Вездѣ сторонѣ ясной соотвѣтствуетъ сторона темная. Вездѣ мы *разумѣваемъ* только *отчасти*. Вездѣ мы встрѣтимъ необъяснимое и непонятное. Окружающія насъ стихіи, воздухъ, которымъ мы дышимъ, огонь, которымъ согрѣваемся, хлѣбъ, который служитъ намъ пищею, земля, носящая насъ, вода, утоляющая нашу жажду, удивительный инстинктъ животнаго, которое служитъ намъ и любитъ насъ, все это, по видимому, весьма обыкновенно и просто, и между тѣмъ, по отношенію къ намъ, что это, какъ не тайны? Но, можетъ быть, вы станете отрицать ихъ? Быть можетъ, вы будете отвергать ихъ бытіе и свойства, потому что вы не можете понять ихъ? Нѣтъ! Природа и общій смыслъ заставятъ васъ всегда вѣрить имъ. Что же станется тогда съ вашимъ правиломъ, которое запрещаетъ вамъ вѣрить тому, что не можете объяснить себѣ? Не видите ли, до какой степени оно ложно? Не гораздо ли разумнѣе и не гораздо ли справедливѣе было бы бросить его и сказать наоборотъ: мы постоянно призываемся вѣрить тому, что нельзя объяснить?

Вотъ требованіе разума, и всякое другое требованіе должно считать предразсудкомъ.

Вы поймете это еще лучше, когда увидите, что необъяснимое не только тѣснитъ и окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, но что оно служитъ даже основаніемъ всѣхъ нашихъ положительныхъ познаній о вселенной и о себѣ самихъ, такъ что прежде, чѣмъ мы сдѣлаемъ хоть одинъ шагъ впередъ на пути къ истинѣ, мы неизбѣжно должны начать съ вѣры въ непостижимое. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: наше собственное бытіе и бытіе внѣшнихъ предметовъ, дѣйствительность нашихъ впечатлѣній, вѣрность нашихъ чувствъ и памяти, наши понятія о времени и пространствѣ, власть нашей души надъ тѣломъ—все это не глубокія ли тайны, которыя мы должны допустить прежде всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія и объясненія? То есть, прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи объяснить что нибудь, мы должны начать съ вѣры въ то, что совершенно необъяснимо.

И что же теперь значитъ объяснить? Объяснить что нибудь значитъ—идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, значитъ—утверждать отношеніе между тѣмъ и другимъ, и это вновь замѣченное отношеніе, безъ сомнѣнія, становится для насъ новымъ познаніемъ. Но такое познаніе, само по себѣ, какова бы ни была его относительная важность, будетъ ли когда нибудь познаніемъ совершеннымъ и полнымъ? Нѣтъ, не будетъ: потому что неизвѣстный предметъ приближается къ намъ лишь одною изъ своихъ сторонъ, а другія стороны его остаются для насъ сокровенными. Мы начали съ одной тайны и приходимъ къ другой тайнѣ. Путь отъ одной къ другой—вотъ все, наконецъ, что намъ дозво-

лено познавать. Видя, какъ плодъ падаетъ съ дерева, вы говорите: нѣтъ ничего проще, потому что тѣламъ естественно падать, когда ихъ не поддерживаютъ. Но вотъ приходитъ Философъ, размышляетъ о причинѣ этого явленія и открываетъ, что всѣ тѣла взаимно притягиваются между собою въ прямомъ отношеніи къ ихъ массѣ и въ обратномъ—къ квадратамъ разстояній; отсюда происходитъ то, что меньшія тѣла падаютъ на бо̀льшія, когда эти послѣднія, оказывая сильнѣйшее притяженіе, привлекаютъ ихъ къ себѣ; отсюда же, слѣдовательно, происходитъ паденіе плода и всякаго другаго предмета на землю, которая притягиваетъ ихъ. По истинѣ, достойно изумленія открытіе, опредѣлившее великій законъ всеобщаго тяготѣнія тѣлъ. Оно прославило Ньютона; оно чрезвычайно способствовало успѣхамъ Физики и Астрономіи; оно указало намъ новыя отношенія и новыя красоты въ дѣлахъ Творца. Но что касается первой тайны паденія плода, то объяснилась ли она на самомъ дѣлѣ? Теряетъ ли она свою таинственность? Нисколько! Она только возводитъ насъ отсюда къ другой тайнѣ, еще болѣе удивительной и болѣе необъяснимой; и о сущности вещей, о томъ, *какъ* и *для чего* онѣ существуютъ, Философъ, въ существѣ дѣла, знаетъ не больше необразованнаго человѣка. Философъ принужденъ сказать: «тѣла притягиваются между собою, потому что они притягиваются»; точно также, какъ необразованный человѣкъ скажетъ въ свою очередь: «плодъ падаетъ, потому что онъ долженъ падать.» Столь ограниченны наши познанія! Это лишь малое число ступенекъ на безконечной лѣстницѣ, которой основаніе и вершина теряются въ непроницаемомъ мракѣ тайны!

И вы, бѣдные люди, обладая въ этомъ мірѣ только нѣкоторыми частями истины, не имѣя ни о чемъ полнаго познанія, будучи не въ состояніи объяснить совершенно даже простѣйшую изъ окружающихъ васъ вещей, даже самое легкое біеніе вашего сердца, — вы хотите отвергать тайны Евангелія, потому что онѣ кажутся вамъ необъяснимыми? Ахъ! Если вы не умѣете быть скромными, то будьте, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны въ своихъ рѣшеніяхъ! Вы ежедневно принимаете чудеса Божіи въ пищу вашему тѣлу и для того, чтобы вкушать плоды земли, не ждете той поры, когда проникнете въ тайну ихъ роста. Подобнымъ же образомъ принимайте чудеса Божіи въ пищу душамъ вашимъ и не ждите времени, когда они объяснятся вамъ, для того, чтобы вкушать *отъ хлѣба сего*, который *блюдется даже въ жизни вѣчной!* Вы вѣруете въ Бога безконечно благаго, всемогущаго и премудраго, и мнимыя несовершенства природы, которыхъ изъясненіе ускользаетъ отъ васъ, не позволяютъ вамъ сомнѣваться въ Его безконечныхъ совершенствахъ: поступайте также по отношенію къ Его Откровенію. Вы требуете нравственности и будущности; и ваше требованіе справедливо: потому что все для человѣка содержится въ этихъ двухъ великихъ словахъ: совѣсть и безсмертіе. Но совѣсть дана намъ отъ Бога и Онъ только можетъ даровать намъ безсмертіе. Предоставьте же Богу то, что принадлежитъ Богу. Предоставьте верховному Законодателю попеченіе объ утвержденіи Его нравственныхъ законовъ въ душахъ человѣческихъ. Предоставьте милосердому Владыкѣ право возвѣщать милость Его и отверзать небо, какъ

Ему угодно! И не удивляйтесь, если на этихъ, недосягаемыхъ для васъ, высотахъ, въ этомъ прикосновеніи съ безконечнымъ, въ этой странѣ духа и вѣчной жизни, есть для васъ тайны гораздо большія, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ! Да и какъ не быть имъ тамъ? Не гораздо ли страннѣе было бы, если бы ихъ тамъ вовсе не было? Вы согласились уже, что, чѣмъ выше восходитъ человѣкъ по пути истины, тѣмъ больше и больше умножаются тайны. Итакъ, какимъ образомъ Евангеліе,—высочайшая изъ истинъ, исполненіе всѣхъ откровеній, послѣднее слово Божіе къ человѣку и изліяніе всей любви небесной,— какимъ образомъ Евангеліе можетъ быть безъ таинъ, соразмѣрныхъ съ его возвышенностію?

Ужели потому, что оно носитъ на себѣ печать величія, вы откажетесь отъ послушанія ему? Ужели потому, что врачевство, предлагаемое имъ вашей немощи, не совершенно понятно для вашего ума, вы откажетесь пользоваться имъ? Когда болѣзнь постигла васъ, когда лихорадка истощаетъ ваши силы и ваша жизнь находится въ опасности: ужели вы отвергаете спасительное питье, которое подноситъ вамъ бдительная и опытная рука, отвергаете потому, что ваше невѣжество не понимаетъ силы его, что оно удивляетъ васъ своею новостію, что оно противно вашему вкусу? Не принимаете ли вы его, напротивъ, каково бы оно ни было, съ довѣрчивою благодарностію? Что же, бѣдныя больныя души, измученныя и обремененныя грѣхомъ и скорбію! Отчего вы такимъ же образомъ не хотите предоставить небесному Врачу знанія, какъ надобно врачевать и спасти васъ? Отчего вы колебле-

тесь принять отъ Него, со всѣмъ дѣтскимъ довѣріемъ къ лучшему изъ отцовъ, средство ко спасенію, которое Онъ приготовилъ для васъ?

Да! Вѣруйте и спасетесь! Вѣруйте сначала, потомъ узнаете! Ибо и самыя тайны имѣютъ свой языкъ и свою силу. И кто изъ насъ не испыталъ ея уже по отношенію къ земнымъ вещамъ? Въ темныхъ глубинахъ древняго лѣса, подъ сводами храма—свидѣтеля прошедшихъ вѣковъ, въ звукахъ и неопредѣленныхъ впечатлѣніяхъ согласной музыки, въ симпатическомъ взглядѣ любимаго нами человѣка, въ созерцаніи неба, усѣяннаго звѣздами, въ этой величественной темнотѣ, гдѣ сіяютъ безчисленные міры, въ этой необъятной безпредѣльности, возрастающей по мѣрѣ того, какъ проникаешь въ нее, превышающей всякій счетъ, всякую мысль, всякое воображеніе, и ясно указывающей намъ на безконечность, — во всемъ этомъ не слышится ли какой-то голосъ, который съ такою силою потрясаетъ нашу душу и приводитъ въ трепетъ ея внутреннія струны, ея сокровеннѣйшія движенія, что никакое слово не въ состояніи было бы изобразить это?— Точно тоже бываетъ и съ тайнами евангельскими. Надобно принимать ихъ сердцемъ, а не утонченнымъ умомъ или холоднымъ разсудкомъ. Какова бы ни была ихъ внѣшняя оболочка, во всякомъ случаѣ сущность ихъ есть духъ и жизнь. Откройте же для нихъ вашу душу, откройте для нихъ ваше сердце, — и вы поймете ихъ! И вы узнаете, *что есть воля Божія благая и угодная и совершенная* (Римл. 12, 2)! И *премудрость* Божія *оправдится отъ чадъ своихъ* (Матѳ. 11, 19)! И этотъ крестъ искупленія, который казался вамъ въ минуты

невѣрія безуміемъ, покажется вамъ *силою Божіею во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. 1, 16).

Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего далъ есть намъ, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Іоан. 3, 16): вотъ великій предметъ для вашей вѣры! Онъ говоритъ намъ больше, чѣмъ всѣ возможныя слова; онъ открываетъ намъ всю широту любви Божіей къ намъ, все достоинство нашей природы, все величіе нашихъ судебъ. *Христосъ грѣхи наша вознесе на тѣлѣ своемъ на древо, да отъ грѣхъ избывше, правдою поживемъ* (1 Петр. 2, 24). И здѣсь заключается для насъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ возможныхъ словахъ: есть чѣмъ дать почувствовать нашей совѣсти права нашего Судіи и бѣдность нашей души, милосердіе Отца небеснаго и ту благодарность, какою мы должны отвѣчать на него, любовь Спасителя нашего и ту святую преданность Ему, ту любовь, раскаяніе и дѣла, какими должны отличаться искупленные Имъ. Если это тайны, то сознайтесь, что онѣ гораздо яснѣе нашего обыкновеннаго слова, и особенно гораздо сильнѣе и совершеннѣе его. Согласитесь, что, если языкъ ихъ превышаетъ знаніе надменное, то для смиренно вѣрующаго, открывающаго имъ свою совѣсть и сердце, онъ есть свѣтъ и надежда!

Наше рожденіе—тайна, жизнь—тайна, смерть—тайна: это тайны опыта. Затѣмъ будутъ тайны славы, гдѣ все несовершенное *упразднится* и гдѣ мы будемъ видѣть Бога *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Между тѣми и другими есть еще одна тайна, которая объясняетъ намъ первыя и ведетъ къ послѣднимъ. Эта тайна есть тайна безконечной любви Божіей къ намъ;

это—Евангеліе Христово; это какбы мостъ, наведенный надъ великою бездною!... Бѣдный разумъ человѣческій! чѣмъ могъ бы ты замѣнить его?

Ничѣмъ, Господи!—Мы будемъ держаться за руку, которую Ты простираешь къ намъ съ неба, и будемъ идти къ Тебѣ чрезъ Іисуса Христа, нашего божественнаго и вѣчнаго Искупителя!

———

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Въ иную пору какъ жаль бываетъ давно минувшихъ дней золотаго дѣтства! О, какъ сладокъ былъ этотъ трепетъ чистой души, съ какимъ, бывало, ждешь «святыхъ дней» великаго праздника Господня! Какъ хотѣлось бы еще разъ пережить ночь на Рождество Христово такъ, какъ переживалась она въ старые годы! Съ нетерпѣніемъ, бывало, ждешь среди тишины ночной перваго удара праздничнаго колокола, зовущаго къ рождественской утрени. Усиливаешься уснуть, чтобы скорѣе прошло недолгое время остающихся часовъ, и не умѣешь заставить глаза сомкнуться. Не лакомства и забавы праздничныхъ вечеровъ увлекаютъ и тревожатъ молодое воображеніе; нѣтъ, объ нихъ забываешь наканунѣ «святыхъ дней», которые въ глазахъ дитяти облекаются какимъ-то необыкновеннымъ, чуднымъ, таинственнымъ покровомъ. Юная мысль, быстро перебѣгая разстоянія времени и пространства, любитъ, бывало, остановиться на событіяхъ дивной ночи чудесъ и таинствъ и не умѣетъ оторваться отъ живыхъ образовъ, которые одинъ за другимъ возникаютъ въ душѣ, настроенной благочестивыми разсказами отца и матери, трогательнымъ повѣствованіемъ Евангелія о рождествѣ Спасителя міра. И видятся такъ живо,

какбы передъ глазами, бѣдный вертепъ и ясли, въ которыхъ лежитъ Богъ-младенецъ; и слышатся пѣсни Ангеловъ, возвѣщающихъ пастырямъ, что намъ родился Спасъ-Христосъ; и видишь какбы предъ самыми очами—волхвы «со звѣздою путешествуютъ,» и трепещешь душою, и полетѣлъ бы тѣломъ туда—въ Виѳлеемъ, къ вертепу, къ яслямъ, и поклонился бы вмѣстѣ съ волхвами Богу-младенцу, и, кажется, съ радостью умеръ бы у ногъ Христа-Спасителя, какъ тѣ младенцы, которыхъ безчеловѣчный Иродъ велѣлъ убить, услышавъ отъ волхвовъ о рождествѣ Христовѣ. Сладокъ былъ этотъ трепетъ дѣтскаго сердца, которымъ сопровождались чистыя думы юной души о чудныхъ дѣлахъ промышленія Божія и дѣтскія ожиданія дней праздника Господня.

Время уноситъ съ собою дни дѣтства и съ ними вмѣстѣ живость чувства, умѣющаго всему придать жизнь и радостный видъ,—и окружающимъ насъ вещамъ, которыя, кажется, мыслятъ и чувствуютъ вмѣстѣ съ нами, и поучительнымъ разсказамъ матери, которые облекаются въ живые образы и такъ глубоко западаютъ въ душу, и такъ много возбуждаютъ въ сердцѣ сочувствія и радости. Но время же, унося дни дѣтства и его счастливыя принадлежности, приноситъ въ замѣнъ другіе возрасты и другія блага жизни. Душа у насъ и теперь жива, хотя живетъ не однимъ чувствомъ, какъ въ дѣтствѣ; она и теперь также жаждетъ успокоительныхъ внушеній вѣры и также способна къ ощущеніямъ мира и радости, какъ и прежде: разность только въ образѣ воззрѣнія на вещи и въ свойствѣ самыхъ впечатлѣній, которыя, если въ зрѣломъ возрастѣ проникнутъ въ душу, то уже останутся

въ ней надолго и будутъ болѣе или менѣе приложены къ жизни, и принесутъ душѣ благонадежнѣйшій плодъ—не одно какое либо болѣе или менѣе живое представленіе, а твердое убѣжденіе, прочное доброе чувство, легко обращающееся при случаѣ въ доброе дѣло. Преданія вѣры всегда неизмѣнны; дѣла промышленія Божія всегда и для всѣхъ одинаково дивны и поучительны, и успокоительны, и отрадны. Хочешь ли, чтобы, столько радовавшій тебя въ дни дѣтства, праздникъ Рождества Христова принесъ тебѣ съ собою радость и теперь? Отложи на нѣсколько минутъ свои обычныя заботы; раскрой въ святый вечеръ навечерія праздника святыя страницы Евангелія, благовѣствующія намъ о явленіи въ мірѣ Спасителя міра; дай время благочестивому размышленію... О, какъ много скажетъ тебѣ Евангеліе! Какъ много поучительнаго и утѣшительнаго скажутъ душѣ твоей давно уже извѣстныя, но никогда не старѣющіяся, событія великаго дня неисповѣдимыхъ таинъ и чудесъ! Какъ бывало въ дѣтствѣ, душа твоя будетъ жаждать и просить молитвы; какъ бывало въ дѣтствѣ, поспѣшишь ты къ праздничной службѣ въ храмъ Господень и помолишься тепло и сладко, какъ не умѣлъ молиться въ дѣтствѣ.

Тихая ночь, пещера, ясли, простые пастыри стадъ у яслей, въ которыхъ лежитъ Младенецъ повитый.... Боже мой! это ли минута пришествія въ міръ Создателя міра, обѣтованное время—предметъ столькихъ пророчествъ, столькихъ надеждъ, такихъ трепетныхъ ожиданій всего человѣчества? Земля, земля! Ужели для своего Творца и Господа не нашла ты мѣста лучше вертепа? Люди, люди! Среди васъ—вашъ Искупитель

положенъ въ ясляхъ; ужели не могло найтись среди васъ лучшаго мѣста покоища для вашего Господа? Изъ среды вашей только пастыри стадъ призваны къ яслямъ, въ которыхъ возлежалъ воплотившійся Богъ: ужели некого было изъ васъ, кромѣ ихъ, призвать къ поклоненію Господу, которому достойно и праведно покланяются Силы небесныя, предъ которымъ въ плачѣ и рыданіи должно бы преклониться все человѣчество, Его милостію взысканное, Его пришествія удостоенное.

Но что́ винить другихъ, эти давно прешедшія поколѣнія, можетъ быть, и неправыя? Поступили ль бы мы лучше ихъ, Богъ вѣсть. Но мы поступаемъ иногда хуже ихъ. Съ безпредѣльнымъ своимъ милосердіемъ Господь приближается къ намъ, приходитъ къ намъ: достойно ли мы пріемлемъ Его, когда Онъ приходитъ къ намъ; не такъ ли срѣтаемъ Его, когда Онъ къ намъ приближается, какъ срѣтилъ Его міръ въ день явленія Его въ мірѣ во плоти? Онъ таинственно присутствуетъ среди насъ въ молитвенныхъ нашихъ собраніяхъ: что же? Мы неудержимо стремимся насладиться блаженнымъ присутствіемъ Его, нетерпѣливо ждемъ часа общественной молитвы, любимъ собрать около себя свою семью для единодушной молитвы дома? Увы! Для однихъ ходить въ церковь — долгъ тяжелый, хотя и неотрицаемый; для другихъ молитвенныя собранія—дѣло не важное, о которомъ нѣтъ надобности много думать и особенно заботиться; для иныхъ, можетъ быть, самая молитва—вещь какъ будто лишняя въ жизни, преисполненной хлопотъ и заботъ: въ храмахъ нашихъ часто не бываетъ ли такъ пустынно, какъ было около виѳлеемскаго вертепа въ

священную ночь рождества Христова? А присутствіе наше въ Божіемъ храмѣ? Таково ли оно, чтобы, со стороны взглянувъ на насъ, съ перваго раза можно было узнать, что мы предстоимъ Богу, бесѣдуемъ съ Богомъ?—чтобы сами предъ своею совѣстью могли сказать, что достойно приступаемъ ко Господу? А молитва наша домашняя? Такова ли она, чтобы можно было въ ней видѣть живой плодъ вѣры и усердія, чистое дѣло богопочитанія, общую достойную жертву Богу отъ родственныхъ между собою душъ, связанныхъ взаимною святою любовью о Господѣ?—Господь съ безпредѣльнымъ милосердіемъ приближается къ намъ въ святыхъ таинствахъ Церкви, особенно въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи, питая насъ въ немъ отъ священной трапезы своей — своею плотію и кровію... О, Боже мой, Боже мой! Какъ же мы принимаемъ этотъ безконечно-великій даръ благости Господней, эту жертву безпредѣльной любви къ намъ нашего Искупителя, эту божественную пищу, приносящую намъ исцѣленіе души и тѣла, очищеніе грѣховъ, жизнь вѣчную? Каждый день отверзаются въ храмахъ царскія двери, въ которыя исходитъ къ намъ Царь славы въ святыхъ тайнахъ своихъ, призывая насъ къ Себѣ, приближаясь къ намъ: и каждый день затворяются предъ очами нашими царскія двери, скрывая за собою тайны, для пріятія которыхъ не находится никого, кромѣ священнослужителей! Бываютъ, правда, дни, когда у входа алтаря толпятся люди, — дни поста и общественнаго покаянія. Но не спѣши, благочестивый зритель, восторгаться этимъ нетерпѣливымъ движеніемъ толпы, стѣснившейся у алтаря! Посмотрѣлъ бы ты на насъ, какъ мы приготовляли себя

къ теперешней священной минутѣ пріятія Господа, — на то веселье, какому мы отдавали послѣдніе предъ постомъ дни, какъ будто послѣдніе дни, отданные въ безотчетную жертву животнымъ страстямъ,— на грусть и тоску въ первые дни поста не о грѣхахъ, а о прошедшихъ удовольствіяхъ, объ однообразіи дней поста и говѣнья, которые не знаемъ какъ пережить поскорѣе, — на нашу исповѣдь, которая не проясняетъ нашего духовнаго состоянія ни намъ, ни нашему духовнику,—на нашу, узаконенную Церковію, приготовительную къ причащенію молитву, которая, по непривычкѣ, продолжительностью своею (хотя только воображаемою) тяготитъ насъ. Заглянулъ бы ты въ иную душу теперь, въ эти священнѣйшія въ жизни минуты, которыя будутъ припоминаться намъ и въ вѣчности: что нашелъ бы ты тамъ, въ этой безпечной, холодной душѣ, которая, приступая къ трапезѣ жизни вѣчной, исполняетъ это, только какъ внѣшній долгъ, отъ котораго нельзя уклониться,—которая уже теперь утѣшается мыслію, что долгъ необходимости скоро кончится, и теперь услаждается представленіемъ предстоящихъ впереди наслажденій служенія чреву, обычныхъ удовольствій жизни, пустыхъ, вредоносныхъ, смущающихъ совѣсть предъ исповѣдью, но снова влекущихъ къ себѣ послѣ труда покаянія, уже привычныхъ и любезныхъ сердцу. Послѣдилъ бы ты за нами тогда, когда, окончивъ «долгъ христіанскій», возвратимся мы въ свои домы, примемся опять за обычныя дѣла житейскія... Господи, Господи! Велико долготерпѣніе твое! Вертепъ, гдѣ впервые увидѣли Его очи человѣческія на землѣ, ясли, въ которыхъ Онъ былъ положенъ по рожденіи отъ Дѣвы... о, если бы

они только были мѣстомъ, куда низводятъ милосердіе Божіе грѣхи человѣческіе! Люди, люди, въ которыхъ благоволилъ Господь почить своимъ живоносным тѣломъ и кровію! Постыдитесь стать ниже этихъ животныхъ, которыя неразумными очами смотрѣли на своего Содѣтеля въ вертепѣ виѳлеемскомъ, уступивъ Ему ясли и продолжая свое дѣло служенія чреву, въ минуты, когда судьбы міра измѣнялись силою тайны, совершившейся въ вертепѣ. Остановись, грѣшникъ неисправимый, обращающій въ вѣчную погибель души животворящія тайны! Удержи руку твою отъ хищенія, отврати очи отъ низводящей тебя до скотоподобія и еще ниже чаши вина, удержи стопу свою, направленную къ мѣсту беззаконія: Господь въ тебѣ, Господь съ тобою; уже ли ты дерзнешь внести святыню тѣла и крови Его въ мѣсто скверны?— отнять у словесной души своей ея достинство въ такой великій день? —осквернить грѣхомъ тѣло, только-что очищенное, освященное, избранное въ мѣсто селенія Господа твоего?..— Господь въ безпредѣльно-милосердомъ промышленіи Своемъ о нашемъ спасеніи приближается къ намъ своею благодатію въ самыхъ событіяхъ нашей жизни, которыми управляетъ по хотѣнію премудрой воли своей: какъ мы принимаемъ такія посѣщенія? Увы, и тутъ не больше вниманія и благодарности! Посѣщаетъ Онъ насъ милостію своею, посылая намъ нежданныя блага, благословляя успѣхомъ трудныя и сомнительныя предпріятія, посылая намъ разнообразныя милости—лучшія дарованія, высшія призванія, разнообразнѣйшія утѣшенія въ жизни. Мы—хоть бы слово во славу Его, хотя бы одинъ помыслъ о благодарности къ Нему! Дарованія? Это—наше естественное отличіе,

которое надобно умѣть выставить на показъ людямъ. Успѣхъ? — это дѣло нашего таланта, ума, благоразумія, которымъ можно только хвастать предъ другими. Внѣшнее благосостояніе?—видимо, это—наше достояніе, которое надобно только стараться употребить съ большею для себя пользою и удовольствіемъ... Слѣпцы, слѣпцы! Откудажъ мы взяли все это и по какому праву приписываемъ себѣ, какъ плодъ нашихъ усилій и способностей, какъ наше независимое достояніе? Около насъ—рука Дающаго, безъ котораго не было бы и дарованій; а мы не примѣчаемъ ея. Въ самыхъ этихъ дарахъ—гласъ Господа, призывающаго насъ къ своему милосердію; мы только видимъ дары. Господь при насъ и дѣйствуетъ на насъ; и мы смежаемъ очи въ обаяніи суеты грѣховной, довольные собою, собою одними занятые, какъ будто уже и нѣтъ никого выше насъ, отъ Кого зависитъ вся судьба наша. Виѳлеемъ, спящій въ ночь рождества Богочеловѣка! Мы не осуждаемъ тебя, потому что мы бываемъ хуже тебя! Посѣщаетъ ли насъ Господь тѣми или другими отеческими наказаніями, которыя благость Его прилагаетъ, какъ врачевство, къ нашимъ язвамъ грѣховнымъ, чтобы исправить, исцѣлить, спасти душу? Опять тоже — ни помысла объ Немъ. Человѣкъ невѣдущій и простой видитъ только бѣду и лишенія, и, занятый только ими, малодушно самъ растравляетъ свою скорбь, преувеличивая несчастіе. Надменный просвѣщеніемъ поднимаетъ взоръ нѣсколько выше, но не такъ высоко, чтобы видѣть въ обстоятельствахъ жизни своей перстъ Провидѣнія, и въ слѣпотѣ своей ропщетъ на судьбу свою, винитъ ближнихъ своихъ, изрѣдка самаго себя, и никогда не остановится на мысли, не заслуженная

ли кара Божія постигшее его несчастіе, не призываніе ли къ чему либо свыше составляетъ то лишеніе, которое нежданно обрушилось на его голову?.. О, есть, безъ всякаго сомнѣнія, есть люди, на которыхъ не падаютъ подобныя обвиненія: нашлись же и въ часъ пришествія на землю Сына Божія во плоти люди, поспѣшившіе поклониться Ему, — нѣсколько пастырей стадъ; въ Церкви Христовой найдется, можетъ быть, и немало избранныхъ, достойныхъ поклонниковъ Христовыхъ. Но вѣра избранныхъ снимаетъ ли печать осужденія съ недостойныхъ? Горячее усердіе нѣкоторыхъ составляетъ ли всю жертву, какой, по справедливости, чаетъ отъ земли небо? Вина моего невѣрія и неблагодарности предъ Господомъ Богомъ становится ли легче отъ того, что тамъ и здѣсь есть близъ меня люди, живущіе одною вѣрою, пламенѣющіе самою искреннею любовію къ Богу?.. О, Господи, Господи, пришедый въ міръ грѣшныя спасти! Вѣрую: помози невѣрствію моему!

Что, другъ мой,—грустно встрѣчать праздникъ, приносившій тебѣ нѣкогда самое живое веселіе, въ чувствѣ недовольства собою? Примѣть это и навсегда запечатлѣй въ памяти сердца: нѣтъ праздника для упорствующаго грѣшника; нѣтъ чистаго веселія для того, у кого нѣтъ чистаго сердца; нѣтъ святой радости, оживляющей душу, внѣ искренней, простой, дѣтской вѣры! Но не предавайся безотчетной грусти. Спѣши поправить, что было испорчено, вознаградить, что было потеряно, воспользоваться дарами благости Божіей, которыя не стали меньше отъ того, что мы съ тобою сдѣлались хуже. Остановись мыслію своею, въ простотѣ вѣры, на томъ, что открываетъ тебѣ Евангеліе

въ вертепѣ виѳлеемскомъ: здѣсь, откуда пришло къ тебѣ обличеніе, здѣсь найдешь и утѣшеніе души.

Пастыри стадъ—первые поклонники вочеловѣчившагося Господа, посланные къ яслямъ явившимися съ вѣстію спасенія всего міра Ангелами: сколько здѣсь утѣшенія и ободренія для человѣчества! Люди бѣдные, призванные судьбою къ смиренной долѣ въ жизни! Празднуйте съ особеннымъ веселіемъ праздникъ Рождества Христова: это день, когда вы получили свидѣтельство Божіе, что на небѣ есть память о васъ, что тамъ и нужды ваши вѣдомы, и труды цѣнятся, и простая вѣра пріемлется, какъ благоуханнѣйшая жертва Богу. Господь приходитъ на землю для спасенія людей: кого прежде всѣхъ приблизитъ Онъ къ себѣ, на кого простретъ первый младенческій взоръ? Цари и Пророки блаженными сочли бы себя, еслибъ удостоены были призванія свыше къ колыбели Обѣтованнаго; мудрые и славные міра поспѣшили бы принести поклоненіе Тому, отъ кого одного могли чаять свѣта разума и надежды спасенія. Но Пришедшій для спасенія всѣхъ—васъ избираетъ въ первые свидѣтели таинства своего вочеловѣченія, въ первые причастники таинъ великаго дѣла промышленія всего человѣчества. Онъ пришелъ съ дарами безпредѣльной благости къ бѣднымъ человѣкамъ; Онъ приближается прежде всего къ бѣднѣйшимъ между ними. Отъ васъ беретъ себѣ именуемаго отца — древодѣля; худшую вашей доли избираетъ въ своемъ рождествѣ, возлегши по рожденіи въ яслехъ, и къ своей дивной колыбели призываетъ поклонниковъ изъ среды вашей—бѣдныхъ пастырей стадъ. Будете ли послѣ сего пренебрегать вашею смиренною долею, вашимъ простымъ трудомъ, роптать

на скудость и нужды, прогнѣвлять Господа Бога мыслію, будто вы у Него забыты? Смиреніе-то и приближаетъ къ вамъ Господа; нужда-то и терпѣніе и привлекаютъ къ вамъ особенную любовь и милосердіе Его: видите, какъ Онъ помнитъ о васъ, какъ Онъ любитъ васъ! Не то, чтобы вы были лучше другихъ: нѣтъ, Онъ знаетъ и томительный трудъ царей, не знающихъ покоя въ заботахъ о благѣ царствъ; и тяжкая служба охраняющихъ безопасность царства воинствъ Ему извѣстна; не сокрыты отъ Него и снѣдающіе труды искателей мудрости; о всѣхъ Онъ печется, всѣхъ любитъ и, кто больше трудится, тому помогаетъ больше, того ущедряетъ больше. Но въ васъ особенно любезна Ему ваша простая жизнь, вашъ тихій трудъ, ваше благодушное терпѣніе, ваши безискуственныя молитвы, ваша вѣра, простая и горячая. Берегите эти сокровища: доколѣ онѣ уцѣлѣютъ у васъ, Богъ будетъ близокъ къ вамъ и вы будете близки къ Богу. А другіе пусть смотрятъ на васъ и отъ васъ поучаются, какъ милостивъ Господь ко всѣмъ и какъ не труденъ къ Нему доступъ каждому, какъ немного требуетъ Онъ отъ приходящихъ къ Нему. Не за тѣмъ ли Онъ и воззвалъ къ яслямъ, въ которыхъ возлежалъ, пастырей отъ стадъ, чтобы, ободряя бѣднѣйшихъ и смиреннѣйшихъ изъ людей, научить всѣхъ, что для приближенія къ Нему не нужны ни богатства и великолѣпные дары, ни слава имени и дѣлъ, доступная немногимъ, ни украшенный разнообразными познаніями умъ и сила витійственнаго слова,—что Онъ пришелъ взыскать и спасти погибшаго человѣка и что всякій, у кого есть жаждущее вѣры и правды сердце, кто въ раскаяніи ищетъ исцѣленія своихъ грѣховныхъ язвъ,

кому нуженъ Утѣшитель, Учитель и Спаситель, можетъ идти къ Нему и будетъ принятъ Имъ, и найдетъ въ Немъ все, чего жаждетъ и ищетъ безсмертная душа?.. О, братія! это нашъ общій Господь, Спаситель всѣхъ человѣковъ! Пріидите, поклонимся и припадемъ къ Нему, въ простотѣ вѣры и упованія повѣдая Ему наши нужды и скорби. Онъ всѣхъ пріемлетъ; Онъ слышитъ каждый вздохъ сердца и всѣ молитвенныя воздыханія всѣхъ вѣрующихъ сердецъ!

Матерь—Дѣва, приклонившая благоговѣйный взоръ къ покоющемуся предъ нею въ ясляхъ Богу младенцу и слагающая въ сердцѣ своемъ слова, которыя слышитъ она о своемъ Сынѣ и Богѣ: о, понятно, отъ чего такъ любитъ міръ православный этотъ священнѣйшій ликъ, которымъ преукрашаются храмы и домы православные, къ которому такъ любитъ обращаться взоръ вѣрующаго въ молитвѣ, особенно въ молитвѣ скорби, который лобызаетъ такъ пламенно, предъ которымъ плачетъ такими горячими слезами добрый сынъ святой Церкви Божіей: здѣсь столько величія, здѣсь все такъ поучительно, такъ утѣшительно! Есть въ сердцѣ человѣческомъ струны, которыя отзываются сладостными звуками, когда смотришь на дышащее любовію лице матери, склоняющей въ полночный часъ бодрствующій взоръ свой надъ колыбелью младенца: здѣсь Матерь—Дѣва, едина чистая и благословенная, Матерь единороднаго Сына Божія, любовь матери срастворяющая съ чувствами трепетнаго благоговѣнія созданія предъ Создателемъ и трепетъ благоговѣнія одушевляющая невыразимою любовію къ Тому, кто Самъ есть истинное упокоеніе душъ и кого избрана она покоить въ своихъ материнскихъ объятіяхъ! Невольно

падемъ на землю предъ ликомъ Матери—Дѣвы въ слезахъ умиленія и молитвы, и надолго погрузишься умомъ въ необычайную тайну Дѣвы, родившей Богомладенца, Матери Божіей, размышляющей о будущихъ судьбахъ Младенца, въ десницѣ коего судьбы всего міра! Есть въ сердцѣ нашемъ чувства, столько же сильныя, сколько и сладостныя, которыя пробуждаются и объемлютъ душу, когда видишь человѣка, украшеннаго доблестями, дѣлающими честь человѣчеству, возвышающими однихъ людей между другими до того, что всѣ невольно преклоняютъ предъ ними, въ чувствѣ уваженія, свои головы. Здѣсь видимъ красу человѣчества и предъ святою иконою Богоматери нельзя не преклоняться въ чувствахъ благоговѣнія къ Святѣйшей, въ чувствахъ теплѣйшаго благодаренія за человѣчество, Ею прославленное и возвеличенное. Вѣка были нужны, чтобы человѣчество произрастило Дѣву, достойную необычайнаго избранія быть Матерію Бога, — и се Дѣва сія предъ нашими очами. Вѣра патріарховъ въ ней отразилась во всей силѣ своей, какъ разбросанные лучи свѣта въ одной точкѣ свѣтящагося тѣла; смиреніе величайшихъ праведниковъ достигло въ ней высочайшей степени; чистота тѣла и души, безпримѣрно обреченныхъ дѣвству, превзошла все, что можно было встрѣчать въ предшествовавшихъ родахъ праведниковъ... Сюда, къ сей дивной Дѣвѣ стекайтесь подвижники вѣры и благочестія, ревнители совершенства духовнаго: Она военачальница вашего воинства, Она вѣнецъ вашей славы! Сюда, къ чистѣйшей и святѣйшей изъ дщерей человѣческихъ, удостоившейся быть Матерію единороднаго Сына Божія, обращай благоговѣйный взоръ свой, все человѣчество! Вотъ истинное украше-

ніе твое, запечатлѣнное необычайнымъ благоволеніемъ Божіимъ, вѣчная слава твоя, которая будетъ принадлежать тебѣ во всю вѣчность! Есть у насъ священныя чувства, которыя пробуждаются каждый разъ, когда представляются очамъ нашимъ люди, въ которыхъ вѣра указуетъ намъ избранниковъ Божіихъ, особенныя орудія Божія промышленія. Кто не знаетъ, какъ радостно бьется сердце у добрыхъ подданныхъ, когда они видятъ свѣтлый ликъ царя и царицы, сіяющій величіемъ и благостію? Кто изъ добрыхъ сыновъ Церкви не испытывалъ сладостнаго трепета чувствъ въ минуты торжественнаго богослуженія, когда маститый архипастырь, окруженный сонмомъ сослужащихъ, воздѣваетъ молитвенно среди народа святительскія руки свои или многознаменательно осѣняетъ вѣрующихъ? Кто изъ истинныхъ ревнителей благочестія не знаетъ того неизъяснимо—сладостнаго состоянія, въ какомъ бываешь, когда смотришь на сіяющее добродѣтелью и небеснымъ миромъ лице преуспѣвшаго въ благочестіи старца-подвижника и слушаешь его журчащія, какъ струя, тихія и плодотворныя поучительныя рѣчи, и слышишь слухомъ сердца вѣяніе благодати, живущей въ вѣрномъ и возлюбленномъ рабѣ Господнемъ? Приди сюда, къ святѣйшему лику Богоматери, ищущій сладости ощущеній неземныхъ, питаемыхъ вѣрою и благодатію: здѣсь откроется тебѣ неисчерпаемый источникъ утѣшеній небесныхъ! На тебя устремлены очи Царицы небесной, предъ которою преклоняютъ колѣна цари земные и преклоняются началовожди горнихъ воинствъ. Предъ очами твоими избраннѣйшее орудіе величайшаго изъ таинствъ — таинства воплощенія Бога Слова, избранное изъ всего человѣчества, пре-

вознесенное выше Херувимовъ и Серафимовъ. Предъ очами твоими—живое селеніе Бога — Слова, Матерь единороднаго Сына Божія... Если есть тайны, которыхъ нельзя изслѣдовать и постигнуть, но въ которыя жаждущему истины духу должно приникать вѣрою, чтобы питаться для жизни вѣчной; если есть святыни, къ которымъ какъ можно чаще надобно христіанину приникать вѣрующею душею: то одна изъ первыхъ между ними — тайна Дѣвы-Богоматери, святѣйшій ликъ Царицы небесной. Сюда, сюда стремись, созерцатель таинъ вѣры, искренній поклонникъ святыни, знающій цѣну и тайну истинной молитвы! Здѣсь испытаешь сладость молитвы восторженнаго духа, окрыленнаго вѣрою, осіяннаго блескомъ славы небесной! Есть въ нашемъ сердцѣ, питаемая Церковію, успокоительная увѣренность въ милостивомъ участіи къ намъ и ходатайствѣ Святыхъ Божіихъ за насъ на небѣ, вѣра въ особенную силу предстательства Пресвятой Дѣвы Богородицы. Хочешь ли оживить и согрѣть эту вѣру, въ которой находишь единственное утѣшеніе въ труднѣйшія минуты жизни? Перенестись мыслію къ таинственной ночи рождества Христова; приникни вѣрующимъ взоромъ къ виѳлеемскому вертепу, къ благословеннымъ яслямъ, въ которыхъ возлежитъ воплотившійся Богъ, надъ которыми бодрствуетъ преисполненный любви и благоговѣнія взоръ Матери-Дѣвы. О, сколько утѣшеній и надеждъ внушитъ тебѣ эта минута созерцанія тайны благочестія! Видишь ли, какъ Избранная отъ людей приближена къ Богу? Отъ чистыхъ кровей Ея единородный Сынъ Божій взялъ Себѣ тѣло. Она носитъ на рукахъ своихъ носящаго всяческая глаголомъ силы своея. Ея материнскимъ попеченіямъ

и любви отдалъ Онъ свое младенчество; ей вѣрилъ дѣтство свое, повинуясь ей, какъ матери сынъ. Откажетъ ли Онъ послѣ сего молитвенному ходатайству своей Матери? Содѣлавъ ее матерію, не уполномочилъ ли Онъ ее быть и ближайшею ходатаицею за человѣковъ, отъ среды которыхъ взята она во спасеніе человѣковъ?... Ближе ея къ Богу изъ созданій Божіихъ нѣтъ никого; ходатайство ея несомнѣннѣе и сильнѣе, чѣмъ чье-либо. А она? о, она ходатайствуетъ за насъ! Она ходатайствовала за насъ, за все человѣчество, тогда, когда приникала взоромъ къ колыбели своего Сына Бого-младенца, когда держала Его на матернихъ персяхъ своихъ. Она проницала въ глубину тайны, сокровенной отъ вѣкъ и родовъ, которой призвана была послужить. Она въ своемъ высокомъ смиреніи разумѣла безпримѣрное призваніе свое—стать между Богомъ и человѣкомъ, единородному Сыну Божію дать плоть человѣческую, а людямъ родить Спасителя-Бога. И Евангеліе не напрасно замѣтило на память всѣмъ поколѣніямъ человѣческимъ двѣ только черты изъ ея святѣйшей жизни: благоговѣйное служеніе Господу и ходатайство предъ Нимъ за людей въ ихъ нуждахъ. Она ходатайствуетъ за насъ и теперь, когда уже прославленною душею и тѣломъ предстоитъ пренебесному престолу вошедшаго путемъ страданій въ славу свою, рожденнаго Ею во плоти, единороднаго Сына Божія. Теперь уже не одно плотское родство связуетъ насъ съ нею, взятою отъ плоти нашея и отъ костей нашихъ: въ единородномъ Сынѣ Ея, Искупителѣ міра, связуемся мы съ нею новыми, тѣснѣйшими, вѣчными узами. Соцарствуя Христу, она ревнуетъ блаженнымъ духомъ своимъ о царствѣ Христовомъ и, безъ сомнѣ-

нія, нѣтъ молитвы сильнѣе ея молитвы о всемъ родѣ человѣческомъ, о просвѣщеніи его, о спасеніи его, о распространеніи въ немъ царства Христова. Блаженствуя со Христомъ, она особенно памятуетъ о тѣхъ, на комъ лежитъ имя Христово, на комъ почиваетъ благодать Христова, — о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ, введенныхъ въ кровъ избранныхъ, въ св. Церковь Христову. Мы близки къ ея сердцу, какъ близки дѣти къ сердцу матери. Спроси у св. Церкви: что значитъ это обиліе святыхъ иконъ Богоматери, прославленныхъ необыкновеннымъ явленіемъ и чудотвореніями? Не живой ли это знакъ, что пресвятая Матерь нашего Господа благоволитъ быть въ союзѣ съ нами и благодѣтельствовать намъ отъ обилія даровъ, какими нынѣ обладаетъ на небѣ? Спроси у своего вѣрующаго сердца: что значатъ эти многочисленныя явленія милости Богоматерней къ цѣлымъ царствамъ православнымъ, греческому и потомъ русскому, къ избраннѣйшимъ подвижникамъ вѣры и благочестія, а иногда и къ грѣшникамъ, которымъ, казалось бы, нѣтъ надежды спасенія? То значитъ это, скажетъ тебѣ вѣрующее сердце, что для Матери всѣ дѣти дороги и всякая ихъ нужда ей вѣдома, и всякая молитва слышна,—что на первый вопль молитвенный она уже отвѣчаетъ своимъ материнскимъ участіемъ, спѣшитъ на помощь и ходатайствомъ своимъ дѣлаетъ, ко благу нашему, все, что можетъ; а чего она не можетъ—Матерь Господа? Сбереги въ сердцѣ этотъ отвѣтъ и, сколько возможно чаще, припадай къ Божіей Матери! Легко на душѣ? Къ ней: эти-то минуты и посвятить молитвенной бесѣдѣ съ милосерднѣйшею изъ матерей. Безотчетная грусть одолѣваетъ душу? Къ ней

же, къ Матери милосердія: предъ кѣмъ и излить скорбь души, какъ не передъ любовью общей Матери всѣхъ христіанъ? Грѣхи смущаютъ душу? Проси ходатайства Богоматери: она умолитъ Сына своего. Нужды и скорби одолѣваютъ сердце? Ее моли о заступленіи, подъ ея покровъ прибѣгай: она не замедлитъ нужной помощью, испроситъ у Господа милость, сообщая своимъ предстательствомъ особенную силу твоимъ слезнымъ мольбамъ ко Господу.

Склоненный къ яслямъ взоръ Богоматери указуетъ намъ Младенца повитаго, лежащаго въ ясляхъ, — Бога во плоти... Что скажутъ намъ эти необычайныя ясли? Много! Но немного можно пересказать изъ того, что они скажутъ вѣрующему сердцу. Сюда, къ этимъ яслямъ, въ которыхъ почиваетъ младенчествующій и безмолствующій Богъ—Слово, приникало и благоговѣніе именуемаго отца и — молчало; приникала и любовь истинной Матери, погружалась въ размышленіе и—молчала; приближалась простая вѣра пастырей стадъ, утверждалась и—молчала; приходила мудрость человѣческая въ лицѣ поклонниковъ восточныхъ, недоумѣвала, вѣровала и—молчала. Въ нѣкоторой только дали отъ таинственной пещеры слышатся звуки слова неземнаго, слова благовѣстія Ангела пастырямъ, звуки хвалебной пѣсни воевъ небесныхъ.

Молчи же, пытливый умъ, безсильный разгадать и многія изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій міра,—какъ украшается полевой цвѣтъ, какъ образуется металлъ, какъ входитъ огонь въ кремень, какъ вселяется разумная душа въ тлѣнное тѣло человѣка! Не спрашивай здѣсь: что и какъ? Не пытайся разрѣшить тайну,

сокровенную въ Богѣ. Какъ мы съ тобою явились въ мірѣ, какъ изъ персти явился въ мірѣ первый человѣкъ, и это для насъ неразрѣшимая тайна: не безуміе ли было бы усиливаться уразумѣть тайну явленія въ мірѣ Бога во плоти? — *Богъ явился во плоти*, говоритъ вѣра: слушай и покланяйся Богу. Вѣка прошли; вѣра говорила: *Богъ явился во плоти;* люди только могли или не вѣровать слову ея и погибать, или вѣровать и покланяться Богу во спасеніе. Вѣка пройдутъ; вѣра будетъ говорить тоже: *Богъ явился во плоти;* люди будутъ или не вѣровать и погибать, или вѣровать и покланяться во спасеніе. Настанетъ для всѣхъ насъ вѣчность съ откровеніями многихъ таинъ, которыя нынѣ мы пріемлемъ только вѣрою, — и тогда-то уже мы узримъ очами своими прославленное тѣло Господа и увѣримся, что *Богъ явился во плоти*. Ангелы были свидѣтелями таинства, являлись благовѣстниками событія тайны; но и они благовѣствовали только тоже: *Богъ явился во плоти*, въ благовѣстіи прославили Бога и славословіемъ заключили свое благовѣстіе. Священнѣйшая ночь явленія въ мірѣ Создателя міра! Благоговѣемъ предъ молчаніемъ тишины твоей, облекшимъ событіе величайшаго изъ таинствъ. Преклоняемъ вѣрующія главы предъ тайною Божіею, погружаясь въ тайны твои для того только, чтобы постоянно напоминать себѣ: *Богъ явился во плоти*, доколѣ это благовѣстіе проникнетъ въ сердце, запечатлѣетъ жизнь и во всѣхъ дѣлахъ нашихъ будетъ просіявать свѣтъ Христовъ, и невѣрующимъ являя въ немъ живое свидѣтельство, что воистину *Богъ явился во плоти*.

Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Божій, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ. Не разумѣю тайны, но вѣрую въ нее во всей силѣ благовѣстія евангельскаго. Все говоритъ мнѣ о ней,—и моя душа, и всѣ судьбы міра, на которыхъ не могло не отразиться величайшее изъ событій, потрясшее міръ ангельскій, озарившее міръ человѣческій. Чѣмъ больше останавливаюсь на ней подъ осѣненіемъ вѣры, тѣмъ больше вѣрую, тѣмъ живѣе чувствую сладость и силу ея, тѣмъ пламеннѣе люблю Тебя, тѣмъ пламеннѣе молюсь Тебѣ!

Все напоминаетъ намъ о Немъ, о нашемъ Господѣ Спасителѣ, о священной ночи, въ которую Онъ родился отъ Дѣвы и положенъ былъ въ ясляхъ, о дняхъ, которые Онъ провелъ на землѣ, живя среди людей и проповѣдуя имъ Евангеліе царствія, о великихъ дѣлахъ, о величайшихъ тайнахъ, которыя совершены были Имъ въ дни пребыванія Его въ мірѣ во плоти. Онъ былъ здѣсь,—говоритъ исторія міра, судьбы вѣковъ минувшихъ и дѣла дней настоящихъ. Онъ былъ здѣсь,—говоритъ вѣрующему душа его, совѣсть его, сердце его, просвѣщенныя и напитанныя, и услаждающіяся благодатію Христовою.

И люди иногда оставляютъ слѣдъ по себѣ; но какой слѣдъ? Мертвые или съ каждымъ днемъ умирающіе останки, яснѣе напоминающіе о томъ, что ихъ уже нѣтъ, нежели о томъ, что они были, жили, дѣйствовали,—безмолвныя развалины городовъ, ветшающія подъ самымъ вліяніемъ хранящаго ихъ времени, произведенія искусства, мертвыя записи именъ, которыя заучиваются любопытствомъ и не возбуждаютъ

сочувствія, дѣлъ, которыя были велики въ свое время и въ своемъ кругѣ, но, удаляясь въ глубь прошедшаго, становятся меньше и меньше, иногда совсѣмъ забываются, иногда извращаются въ несправедливой перецѣнкѣ позднихъ судей, становясь предметомъ суда для каждаго, до кого дошелъ слухъ о нихъ. Не таковъ слѣдъ Безсмертнаго, какъ памятники преходящаго бытія смертныхъ! Начальникъ жизни, Онъ внесъ жизнь въ міръ и оставилъ памятникомъ своимъ дѣла, которыя будутъ жить, доколѣ будетъ на землѣ жить человѣчество, которыя будутъ продолжаться, еще болѣе —будутъ отзываться въ самой вѣчности, когда узримъ самаго Его и будемъ жить съ Нимъ, и будемъ блаженствовать въ царствѣ Его, вѣчно благословляя имя Его. Возстановитель человѣчества, Онъ преобразилъ міръ, исправивъ и преобразивъ людей, населяющихъ міръ, и оставилъ живой и непрестанно возобновляющійся памятникъ своего пришествія въ міръ въ людяхъ, которые, преобразуясь внутренно, преобразуютъ видъ окружающаго ихъ міра,—въ самомъ мірѣ, который, принимая новый видъ подъ вліяніемъ христіанства, въ свою очередь становится свидѣтелемъ пришествія Христова и силы Христовой вѣры. Міръ! Ты повелъ новый счетъ дней своихъ со дня рождества Христова. Такъ! Ты долженъ былъ начать этотъ новый счетъ времени отъ дня, который былъ для тебя важнѣе самаго дня явленія твоего! Пять тысячъ лѣтъ прошло, слишкомъ пять тысячъ лѣтъ невѣдѣнія, въ которыя ты считалъ дни за днями, приносившіе свѣтъ тѣлеснымъ очамъ людей, но оставлявшіе души въ неисходномъ мракѣ,—согрѣвавшіе землю и произращавшіе хлѣбъ для тѣла, и украшавшіе въ урочныя времена,

какъ рай, жилище человѣка разнообразными дарами природы, но не приносившіе успокоительной теплоты сердцамъ человѣческимъ, оставлявшіе въ прежнемъ голодѣ умъ человѣка, видѣвшіе только усиливавшееся безобразіе, до котораго нисходило человѣчество. Пять тысячъ лѣтъ—безплодныхъ усилій ума уловить истину, оканчивавшихся только тѣмъ, что люди, запутываясь въ предположеніяхъ и гаданіяхъ, чѣмъ дальше шли, тѣмъ больше углублялись во тьму; пять тысячъ лѣтъ постоянно возрастающаго упадка всякой нравственности, достигшаго наконецъ до того, что самими людьми попраны были всѣ права человѣчества, унижены всѣ достоинства человѣческой природы, которая въ одно время низпала до самыхъ грубѣйшихъ животныхъ страстей и до олицетворенія этихъ страстей въ лицѣ измышленныхъ боговъ,—слишкомъ пять тысячъ лѣтъ отсчиталъ ты, одряхлѣвшій въ грѣхѣ и діавольской неволѣ міръ! Довольно! Теперь начинай другой счетъ днямъ, разрѣшенный и освобожденный узникъ! Этотъ день, въ который Дѣва родила Бога во плоти, есть единственный въ лѣтописяхъ вселенной день величайшаго изъ чудесъ, начинающій собою рядъ новыхъ чудесъ, рядъ новыхъ дней, какихъ даже въ гаданіяхъ своихъ не могли представить себѣ древніе роды, по крайней мѣрѣ, въ полномъ ихъ свѣтѣ и величіи. Это день свѣта, когда присносущный Свѣтъ отъ Свѣта явился на землѣ подъ покровомъ плоти и возжегъ на землѣ неугасимый свѣтъ истины, который доселѣ свѣтится во тьмѣ міра, распространяясь всюду и разливая вездѣ вѣдѣніе истины — познаніе о Богѣ и человѣкѣ, для всѣхъ доступное, для всѣхъ успокоительное! Это

день обновленія,—и обновленія человѣчества, которое изъ дряхлаго сдѣлалось бодрымъ и мощнымъ, почувствовало возможность и ощутило силу стремиться къ истинѣ, къ совершенству, и явило уже міру образцы необычайнаго прежде величія, запечатлѣвшаго неумирающую память Мучениковъ, пострадавшихъ за истину Божію, озаряющаго имена и лики, и нетлѣнныя останки подвижниковъ благочестія, — и обновленія міра, котораго не узналъ бы древній мудрецъ, если бъ, съ прежними понятіями возставъ изъ гроба, пришелъ къ намъ и посмотрѣлъ на наши города, красующіеся храмами Божіими, на царей православныхъ — благочестивѣйшихъ, на наши воинства, красующіяся именемъ христолюбивыхъ, на нашъ благочестивый народъ, умѣющій находить сладость въ трудѣ и нелицемѣрномъ послушаніи, за сохою думать о небѣ, подъ простымъ одѣяніемъ сохранять истинно мудрый смыслъ и подъ грубымъ тѣломъ чистое сердце, способное понимать и любить добро. Это — день примиренія земли съ небомъ, день благоволенія Божія къ человѣкамъ,—примиренія всесовершеннаго, содѣлавшаго Бога отцемъ нашимъ, единороднаго Сына Божія главою нашею, Святаго Духа утѣшителемъ и освятителемъ нашимъ,—благоволенія, неоцѣнимѣйшаго для насъ и дѣлающаго блаженною участь нашу, открывшаго намъ безконечные дары благости Божіей и обратившаго страшное наказаніе за первый грѣхъ человѣчества — смерть въ отрадное въ глазахъ христіанина событіе. О, по истинѣ, достойно и праведно міру вести теперь счетъ своихъ дней отъ этого великаго, безпримѣрнаго дня, ставшаго на грани между безотраднымъ прошедшимъ вре-

менемъ лѣтъ невѣдѣнія и отчужденія отъ Бога, и нашими надеждами вѣчными, какія теперь питаетъ въ насъ христіанство!

Теперь мыслію даже страшно обратиться къ тому, что́ кончилось для насъ съ пришествіемъ къ намъ Христа Спасителя. Однакожъ, какъ освободившійся плѣнникъ невольно иногда переносится къ прошедшимъ днямъ бѣдствій и послѣ воспоминанія о нихъ больше цѣнитъ и лучше чувствуетъ сладость свободы и жизни подъ роднымъ кровомъ: такъ любитъ иногда и добрый христіанинъ подумать, что было бы съ нимъ безъ Христа, чтобы потомъ лучше оцѣнить, какъ много получилъ отъ Христа. Если когда, то нынѣ, въ навечеріе дня, посвященнаго воспоминанію рождества Христова, умѣстно сдѣлать это, возлюбленный собратъ мой по вѣрѣ. Бродили бы мы, какъ слѣпые, въ мірѣ, какъ бродили въ слѣпотѣ люди, жившіе прежде Христа, не зная, откуда и зачѣмъ явились въ мірѣ, что жизнь, что смерть, какъ жизнь вести, чего отъ смерти ждать, не зная цѣли труда, не смѣя довѣрить счастію, не умѣя примириться съ горемъ. А грѣхи, которые падаютъ на душу, и обновленную благодатію, а въ душѣ невозрожденной нарастающіе и накопляющіеся съ каждымъ днемъ и часомъ, что они сдѣлали бы съ нами, если бы не было къ кому прибѣгнуть съ покаянною душею, если бы не было у насъ милосерднѣйшаго Искупителя, вземлющаго на Себя грѣхи наши, отверзающаго объятія кающемуся, милующаго и прощающаго, заглаждающаго прошедшіе грѣхи и дающаго силу къ уклоненію отъ новыхъ? Трепетъ объемлетъ душу, когда представишь себѣ

страшную минуту смерти безъ Искупителя, безъ возможности покаянія, безъ надежды помилованія!.. О, Господи! Ты—нашъ и мы—Твои; Ты приходилъ къ намъ: вѣруемъ въ пришествіе Твое, какъ вѣримъ въ свою жизнь въ эту минуту; Тебѣ предаемъ себя, къ Тебѣ спѣшимъ, къ Тебѣ припадаемъ. Спаси насъ, пришедый спасти насъ!..

Къ вертепу и яслямъ виѳлеемскимъ далека дорога, доступная и въ лучшія времена немногимъ. Но близъ насъ Тотъ, кто ради нашего спасенія родился въ вертепѣ и возлежалъ въ ясляхъ, и кого теперь уже не увидишь въ вертепѣ и ясляхъ. Онъ тамъ—въ святомъ храмѣ, куда позоветъ насъ Церковь для празднественнаго воспоминанія Рождества Христова, со всею любовію, какою воздаетъ за наше усердіе и отвѣчаетъ на нашу молитву, со всѣмъ обиліемъ благодатныхъ даровъ, въ которыхъ никому нѣтъ отказа. Туда поспѣшимъ! Онъ здѣсь,—Онъ будетъ здѣсь—въ этомъ домѣ, куда служитель Его придетъ съ вѣстію о рождествѣ Его и съ святымъ знаменіемъ креста Его, для котораго Онъ и приходилъ на землю; Онъ пребудетъ здѣсь, хотя и смиренна кровля моя, если обрящетъ подъ этой кровлей гостепріимную, достойную Его встрѣчу, если увидитъ усердіе послужить Ему добрымъ дѣломъ, которое бы ознаменовало праздникъ Его. Приму Его здѣсь достойно! Онъ—здѣсь, въ моей душѣ, въ моемъ сердцѣ, запечатлѣнныхъ Его благодатію, назнаменанныхъ именемъ Его, кроткій и смиренный, терпѣливо ждущій моего всецѣлаго къ Нему обращенія, чтобы открыть мнѣ все богатство щедротъ своихъ,—Онъ пребудетъ здѣсь и принесетъ съ Собою

блаженство неба, если сердце мое будетъ становиться чище и чище, если умъ мой будетъ дѣлаться свѣтлѣе и свѣтлѣе подъ осіяніемъ вѣры, если жизнь моя годъ отъ году будетъ лучше и лучше... Удержу Его молитвою непрестающею. Удержу благоволеніе Его служеніемъ нелицемѣрнымъ, доколѣ достигну царствія Его. *Не пущу тебе, дондеже не благословиши мене* (Быт. 32, 36) благословеніемъ вѣчнымъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

второй части Хр. Чт. на 1855-й годъ.

ЦЕРКОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ.

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

